THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

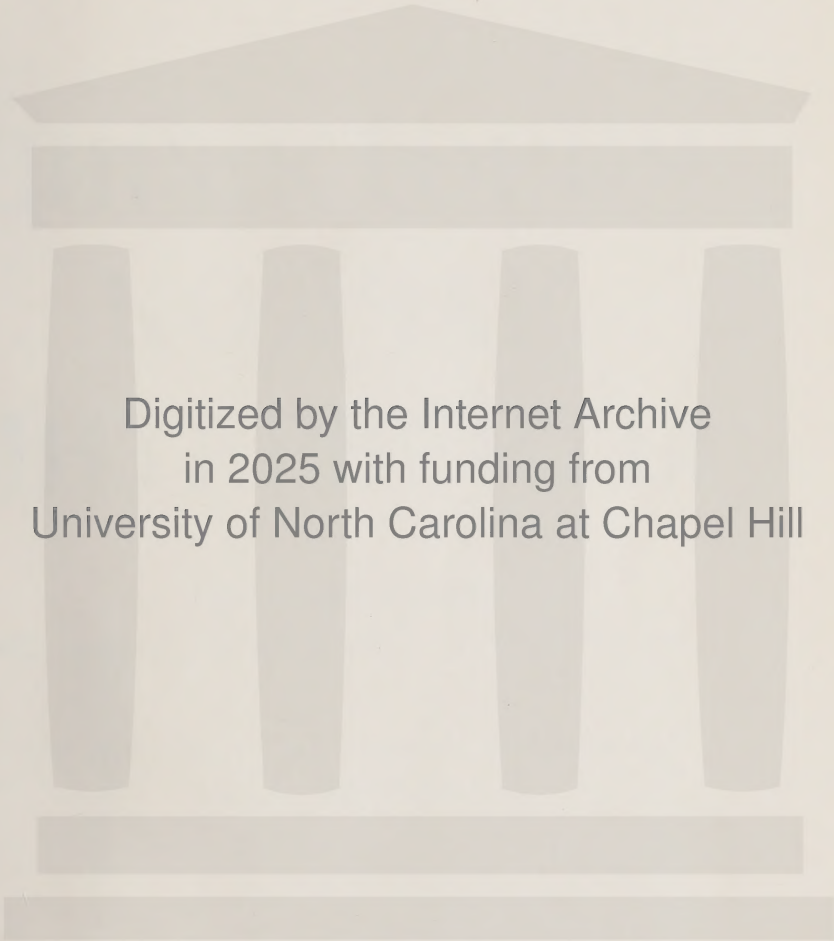
DK265.7
.B65

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10001252519

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
AUG 0 1 1995			
	JUL 05 '95		
NOV 0 9 2001			
	NOV 08 '01		

Form No. 513, Rev. 7/84


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/direktoriiakolch00bold

54/3

Boldyrev

В. Г. БОЛДЫРЕВ

(Бывший Главнокомандующий Уфимской Директории)

Direktoriia Kolchak Interventy

ДИРЕКТОРИЯ КОЛЧАК ИНТЕРВЕНТЫ

ВОСПОМИНАНИЯ
(Из цикла „ШЕСТЬ ЛЕТ“ 1917—1922 г.г.)

Под редакцией, с предисловием и примечаниями
В. Д. ВЕГМАНА

СИБКРАЙИЗДАТ 1925 **НОВОНИКОЛАЕВСК**

Отпечатано в тип. Сибкрайсоюза, Советская ул., д. № 6, в кол. 4.000 экз. г. Новониколаевск. Гублит: № 1562, от 24 апреля 1925 г. Зак. № 1688.

DK 265.7
.B65

В. Г. Болдырев и его воспоминания.

За последние годы русская литература обогатилась многочисленными и даже многотомными «воспоминаниями» и «мемуарами», посвященными мировой войне и обеим революциям. В этом отношении особенно богат вклад, сделанный белой эмиграцией и вообще деятелями контр-революционного лагеря. Вышвырнутые октябрьским переворотом за пределы нашей Республики и оставшись не у дел, они на досуге занялись литературой. Не будет большим преувеличением, если скажем, что навряд ли имеется еще какой-нибудь видный активный деятель контр-революции, не говоря уже о многочисленных пассивных зрителях, пользовавшихся «весом» и занимавших «положение» в буржуазном обществе, который не употребил бы свой вольный и, большей частью, невольный досуг для того, чтобы поделиться своими грустными воспоминаниями, личными наблюдениями и тоскливыми переживаниями за годы империалистической и, особенно, за годы гражданской войны. Это сделали уже и по сию пору продолжают делать, повторяем, не только такие крупные фигуры, как Деникин, Лукомский и др., но и фигуры более мелкие и даже совсем второстепенные,—так сказать, мелкие сошки контр-революции.

Как ни богата эта мемуарная литература, но Сибири она пока что уделила сравнительно мало внимания.

Рассеянные же в разных журналах статьи мемуарного характера, а также брошюры, которые посвящены Сибири, обычно затрагивают только отдельные моменты или эпизоды из истории революции или контр-революции в Сибири.

Мемуаров же, которые охватывали бы сибирскую эпопею в целом, или, по крайней мере, давали бы последовательное изложение отдельных законченных этапов этой эпопеи, пока что вышло мало: один, два, три— и обчелся. Да и те, которые известны нам, ограничиваются, главным образом, эпохой колчаковщины и совершенно почти не касаются тех событий, которые развертывались на Дальнем Востоке после гибели Колчака.

Все эти воспоминания и мемуары, представляя большой интерес по тем документам, которые они приводят, и по тем характеристикам, которые в них встречаются, носят на себе явные следы глубокой вражды и ненависти к советской власти. В своих литературных трудах эти политические и военные неудачники стараются в первую очередь обелить себя от всех содеянных ими мерзостей и подлостей и всю вину в неуспехе и неудачах контр-революции взвалить на плечи других, обычно, на соперни-

6619— 147

ков из своего же стана, затем на интервенцию, которой они же сами открыли двери России, и, главным образом, на неблагоприятные об'ективные и случайные обстоятельства. Читая эти книги, можно думать, что успеху Советской России сопутствовали одни лишь благоприятные условия. Как будто Советская Россия не голодала и не холодала, и не сжималась железными кольцами блокады.

Вскрывая, изобличая и, порой, откровенно обнажая в своих воспоминаниях все недостатки, промахи и истинную подоплеку квасного патриотизма, правильнее сказать, личные шкурные интересы и карьеризм своих товарищей—соперников по оружию и идее, наши авторы обычно глубокомысленно умалчивают о своих грехах и преступлениях «перед горячо любимой родиной и народом», всегда выставляя себя, как подвижников и страстотерпцев, а своих преданных соратников, как лиц бескорыстных и доблестных.

Нельзя сказать, чтобы воспоминания и дневник В. Г. Болдырева были совершенно свободны от всех этих недостатков. И в воспоминаниях Болдырева встречается много досадных неточностей и не менее досадных недоговоренностей. И он кое-о-чем умалчивает. Это бросается в глаза каждому внимательному читателю. Особенно пестрит досадными недоговоренностями вторая часть, посвященная Японии. «Страха ради иудейска», или по какой-нибудь другой причине, автор слишком схематически передает свои разговоры с лицами, с которыми встречался, и многие из этих разговоров совершенно замалчивает. Ценность этой части книги заключается, главным образом, в том, что здесь Болдырев дает много бытовых картин из жизни Японии и ее армии. Болдырев видел много такого, что недоступно для обычного туриста.

Что же касается книги в целом, то прежде всего следует отметить, что главную ее часть составляет дневник—записи, которые автор чуть ли не ежедневно делал для себя. Эта часть книги носит поэтому характер документа.

Ценность этих записей—независимо от того, насколько они точны и об'ективны—усугубляется еще тем, что они делались не случайным любознательным обывателем, а человеком, принимавшим активное участие и даже игравшим крупную роль в тех событиях, которые он с усердием летописца заносил в свой дневник.

Эти воспоминания интересны, во-вторых, и потому, что знакомят с историей возникновения, жизни, чтобы не сказать—прозябания, и смерти Директории и, кроме того, ко всему уже давно известному прибавляют еще несколько ярких и характерных фактов, способных пролить больший свет на то, при каких обстоятельствах и каким именно образом Колчак сел на диктаторский трон. Читая эти страницы, ни в коем случае, однако, не следует забывать, что оценку Директории дает один из ее основателей, человек, примыкавший к Союзу «Возрождение России», равно не следует забывать и того, что о Колчаке пишет неудачный соперник.

Наибольшего внимания заслуживает, конечно, третья часть книги, охватывающая события, которые разыгрывались на территории Дальнего Востока за период с начала 1920 по конец 1922 г. До сих пор никто еще не изложил события этих двух лет на Дальнем Востоке в их исто-

рической последовательности. Этот пробел до некоторой степени заполняется книгой Болдырева, который и в этих событиях принимал активное участие.

В изложении этих событий также попадается много неточностей, что, однако, не умаляет значения книги.

Книга в целом дает нам некоторое представление о том, в силу чего и под влиянием каких причин Болдырев, по примеру многих других бывших царских генералов, в конце-концов ориентировался на советскую власть. Не забудем также, что Болдырев был тем именно спасительным генералом, на которого урало-сибирская контр-революция возлагала все надежды, в расчете, что ему удастся вооруженной рукой свергнуть советскую власть.

Дабы читатель получил полное представление о Болдыреве, не лишним считаем привести некоторые его биографические данные.

Болдырев родился в апреле 1875 г. в гор. Сызрани в семье крестьянина. Отец занимался кузнечным ремеслом, а мать владела небольшими кирпичными сараями. С детских лет Болдырев помогал отцу в кузнице, а матери—на кирпичном сарае. Свое первоначальное образование он получил в приходской, а затем в четырехклассной городской школе, при чем каникулярное время обычно проводил за работой в кузнице в качестве молотобойца. На 15-ом году своей жизни Болдырев поехал в Пензу, где поступил в землемерное училище (среднее учебное заведение), которое отлично окончил в 1893 г. Скопив немного денег, Болдырев поехал в Ленинград, где одним из первых сдал конкурсный экзамен для поступления в военно-топографическое училище, по окончании которого подпоручиком корпуса военных топографов отбывал шестимесячное цензовое прикомандирование к лейб-гвардейскому гренадерскому полку. Проведши три года на государственных военно-топографических с'емках в Эстляндии и Лифляндии и отбывши полуторагодичный строевой ценз в бывшем Красноярском полку в г. Юрьеве (бывшей Лифляндской губ.), он поступает, после конкурсного экзамена, в Академию генерального штаба, которую окончил по I разряду в 1903 г. К этому времени разыгралась русско-японская война, и его в качестве офицера генштаба отправили в Манчжурию. В блестящем штурме Новогородской (Путиловской) сопки на р. Шахе, штурме, закончившемся победой, кстати сказать, единственной крупной победой за всю войну, Болдырев был ранен в ногу. Оправившись от полученной раны, Болдырев вернулся на фронт, где пробыл до конца войны.

В 1911 году Болдырев получил приглашение читать лекции в Академии генерального штаба. Защитив диссертацию, он в мае 1914 г. получил звание профессора той-же академии. Но уже в июле 1914 г., во время империалистической войны, он отправился в поход в роли начальника штаба 2-ой гвардейской пехотной дивизии.

Бой под Ивангородом принес ему георгиевское оружие. Борьба против обходящих крепость Осовец немцев дала ему георгиевский крест.

Пробыв год в чине полковника, Болдырев за бои у Красника и особенно за разгром, небольшой сравнительно частью, целого австрийского корпуса получил чин генерал-майора.

Затем он был генералом для поручений при командующем 4 армией, а с августа 1916 г. принял весьма ответственную должность генерал-квартир-

мейстера штаба северного фронта. На этом посту, который дал Болдыреву возможность придти в тесное соприкосновение с обще-политическими вопросами и настроениями правящих петроградских кругов, его и застигла Февральская революция. Добавим еще, что отречение Николая II совершилось на глазах у Болдырева и у него же в первое время хранился самый акт об отречении.

Болдырев написал также ряд научных военных трудов, как-то: «Бой на Шахе», «Автомобиль и его техническое применение», «Тактическое применение прожектора», «Атака укрепленных позиций» и др.

Эти краткие биографические данные показывают, что в лице Болдырева пред нами не тот типичный царский генерал, который вышел в люди, добился чинов и орденов и достиг высокого положения, благодаря своему дворянскому происхождению, вследствие содействия влиятельной родни или таких власть имущих лиц, как Распутин. Как-никак, но в лице Болдырева перед нами—сейчас, правда, бывший—царский генерал, вышедший из пролетарских рядов. Не думаем, чтобы царская армия числила в своих рядах многих таких генералов. Недюжинными же способностями и исключительными военными знаниями должен был обладать этот выходец из пролетариев, которому в царское время удалось пробить себе дорогу и, вопреки кастовым предрассудкам высшего русского косного офицерства, занять одну из верхних ступеней военной иерархической лестницы. И уж, во всяком случае, слишком должен был деклассироваться этот пролетарий, если ему удалось заслужить полнейшее царское доверие. Правда, среди преподавателей академии генштаба Болдырев, как нас уверяют, слыл «демократом», но этот демократизм был столь эфемерного свойства, что он, с одной стороны, не вызывал к себе никакого и ничьего подозрения, а, с другой стороны—ничуть не мешал Болдыреву служить царю верой и правдой, тем более, что только такой службой можно было обеспечить себе карьеру, а делал эту карьеру Болдырев, как мы видели, с головокружительной быстротой. И понятно, что первые дни Февральской революции, когда окончательно еще не было известно, «чья возьмет», Болдырев, как и все прочие генералы Ставки, принимал деятельное участие в охране царя.

Когда-же Февральская революция стала совершившимся фактом, то Болдырев сделал сдвиг в сторону демократизма, но это был сдвиг «постольку—поскольку». Его демократизм тем более не мог мириться с теми началами, которые провозглашены были Октябрьской революцией, ибо эта революция сводила на-нет все то, ради чего и во имя чего жил и работал наш бывший царский генерал. И Болдырев поэтому уходит в лагерь контр-революционеров, чтобы вести борьбу с «захватчиками» законной власти.

Перед ним два пути: на юг—к Алексееву, Корнилову и Деникину или на Урал—к эсерам. На юге орудует военщина, стремящаяся к полнейшей реставрации, а на Урале—«демократия». Болдырев пошел на Урал. Туда—старается он уверить нас—его влекла близкая его сердцу демократия. Так ли это? Кто внимательно будет читать дневник, тот легко заметит, что демократия здесь не при чем, а «умысел иной тут был». На юге, где орудовали генералы, имена которых были известны всей России, Болдыреву нечего было де-

лать. Надо было связать Урал с югом. И вполне понятно, если Болдырев направился на Урал, тем более, что эсеры нуждались в генерале-«демократе».

Эсеры, нуждавшиеся в человеке, который бы организовал их военные силы, конечно, ухватились за Болдырева, и он пошел работать вместе с ними, хотя враждебно относился к Комучу и не верил в спасительную мощь Учредительного Собрания. Отдельные выражения, прорывающиеся в дневнике, прямо указывают на то, что Болдырев собирался на Урале действовать в полном контакте с генералами юга. Во всяком случае слишком легковесен и газообразен был налет демократизма, которым Болдырев так очаровал своих друзей—эсеров. Замашки царского генерала так и прорывались у него наружу. Он не только готов, по словам Зензинова, применить на фронте «суровые меры до расстрела включительно против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций», что, впрочем, может быть, до некоторой степени оправдано условиями военного времени, но он также не прочь жестоко расправляться с железнодорожными стачечниками, требующими повышения заработной платы. Когда же правые открыли поход против Сиб. Обл. Думы, то вместе с ними выступал против эсеров и Болдырев, и при его содействии было ликвидировано единственное уцелевшее в Сибири представительное учреждение, считавшееся демократическим.

В своей книге Болдырев поет настоящий гимн Директории, перечисляя все ее демократические доблести и заслуги. С чувством глубокой горечи вспоминает он гибель Директории, которая не устояла против натиска правых группировок и бесславно окончила свой жизненный путь, не будучи поддержана массами. Слишком поздно вспомнил наш «демократ» о массах. Тогда же, когда он стоял у власти, то о массах не думал. И не замечает он того, что массы, разбужденные Октябрьской революцией, не могли принять «живое участие» в борьбе за Директорию, которая строилась царскими генералами и атаманами и приспешниками капитала. А сейчас Болдыреву только и остается, что в утешение себе занести в книгу: «Директория—небольшое звено в общем ходе событий, и раз она существовала—значит, она была необходима и целесообразна. Ее место в истории, как бы скромно оно не было, принадлежит только ей».

Директория, несомненно, займет свое «скромное» место в истории, но только, как курьезная попытка группы безответственных, беспочвенных и слабовольных политических авантюристов подчинить себе, под маской демократизма, народные массы, рвавшиеся сбросить с себя оковы политического гнета и экономического рабства.

Если же Директория действительно была «необходима и целесообразна», так разве постольку, поскольку она прокладывала дорогу к диктаторскому трону, к единоличной власти. Ведь если-бы своевременно не подоспел Колчак, то его место при той обстановке, которая тогда создавалась, несомненно, занял бы другой.

И напрасно Болдырев обвиняет Колчака в узурпаторстве, ведь Колчак только предвосхитил самого Болдырева.

«Кабинет министров»—рассказывает несомненно хорошо осведомленный Сахаров,—признал необходимость и своевременность «замены Директории единоличной военной властью и обратился к генералу Болдыреву, как к верховному главнокомандующему, с предложением взять полноту всей власти на себя. Болдырев соглашался с мотивами и жизненной необходимостью такой замены, но отказался ее осуществить, ссылаясь на несвоевременность»*).

Своевременность же Болдырев прозевал и оказался, поэтому, вышвырнутым за борт более ловким и находчивым адмиралом.

Не нам, конечно, об этом жалеть. Немногое проиграли мы, как и немногое выиграли бы от того, если бы сибирский трон достался Болдыреву.

Что особенно бросается в глаза, так это та легкость, с которой Болдырев сдал позиции Колчаку. Энергичный и предприимчивый на войне с японцами и немцами, Болдырев вдруг попал в состояние такой прострации, что оказался совершенно безинициативным и нерешительным. «Гражданское мужество и решительность военных властей (в гражданской, надо понять, обстановке. *В. В.)* всегда оказывались — глубокомысленно поучает нас Болдырев—ниже их профессионального боевого мужества на внешнем фронте». И заготовленный было приказ армии о походе против захватчика Колчака так и остался лежать под сукном. «Суждены нам благие порывы»! Зато Болдырев старался укротить Колчака словами, взятыми напрокат из арсенала эсеровской фразеологии.

Как будто боевой генерал, не раз нюхавший порох, не мог знать, что одними словами в таких случаях не действуют. И хотя Болдырев силою обстоятельств вынужден был помириться со своим положением, но в душе своей—что, впрочем, проскальзывает и в дневнике, и о чем свидетельствуют многие документы—не раз сожалел, что прозевал удобный момент и дал так глупо обойти себя. Ведь, «счастье было так возможно, так близко». И это «счастье» он, бесспорно, хотел себе вернуть.

Заехав во Владивосток, он немедленно же начал зондировать, насколько созревает почва и начинают благоприятно складываться обстоятельства к тому, чтобы удачно свергнуть Колчака. И не напрасно Болдырев избрал для своего отдыха Японию. Где было искать поддержку против Колчака, как не в Японии.

Чем Болдырев похвастать не может, так это последовательностью в словах и действиях. Болдырев все время старается уверить нас, что был врагом интервенции, а в действительности он все планы для борьбы с большевиками строил на интервенции и на нее же возлагал все надежды. И поступал он так даже тогда, когда жил в Японии, когда, следовательно, был не у дел. Именно тогда он написал известную записку—«Краткие соображения по вопросу о борьбе с большевизмом», которая была передана представителям союзных держав.

---

*) См. книгу К. В. Сахарова—«Белая Сибирь», Мюнхен, 1923 г. Стр. 21. Сахаров, заметим, незадолго до падения Колчака, был главнокомандующим его армиями.

Указав в этой записке, что «несогласованность действий (союзников. *В. В.)* содействует прочности большевизма, облегчает его пропаганду и переносит заразу далеко за пределы России», напомнив, что «большевизм— мировое зло» и что поэтому «борьба с большевиками является борьбою за сохранение культуры, борьбой цивилизации против варварства и разрушения», Болдырев внушает союзникам, что борьба с большевиками «является общим делом всех культурных стран», а потому все они должны об'единиться для этой борьбы.

Болдырев выработал даже план этой борьбы.

«Нужны—говорит он—союзнические силы, готовые в крайнем случае и для нанесения решительного удара вооруженным силам большевиков. Силы эти могли бы быть организованы: а) для действия совместно с добровольческой армией ген. Деникина с юга России и б) со стороны Сибири с сибирскими войсками».

«Силами Японии — советует Болдырев—немедленно приступить к организации и переброске в Сибирь 150-200 тысячн. армии, из коих—100 тысяч на Уральский фронт, а остальные—*для охраны порядка внутри Сибири и на железной дороге*» (курсив наш. *В. В.)*.

«Предложить остальным союзникам—рекомендует Болдырев—оказать немедленную денежную помощь Японии и снабдить ее необходимыми материальными и техническими средствами».

«Ближайшая очередная задача—овладение линией реки Волги».

Такие и тому подобные советы давал союзникам «враг» интервенции— Болдырев, одновременно работая над достижением японо-колчаковского соглашения, хотя Колчак на это никаких полномочий ему не давал. Обо всем этом Болдырев предупредительно уведомил Колчака письмом. И характерно, что молчанием откликнулся Колчак на это письмо.

Полнейшую непоследовательность проявлял Болдырев и в своих отношениях к чехо-словакам. Он ненавидел их на словах,—а, ведь, было за что ненавидеть их,—но на деле он не прочь был при случае и ими воспользоваться для своих надобностей. Да если-бы случайные обстоятельства не помешали, то Болдырев выступил бы против Колчака в одной и той же организации, которая об'единяла и другого соперника Колчака—Гайду, того Гайду, которого Болдырев в своих мемуарах на каждом шагу третирует en canaille.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что Болдырев одновременно вел игру на разные стороны, дабы своевременно пристать к той, которая одержит верх.

Он находится в переписке с Чайковским, Авксентьевым и Брешко-Брешковской, и в то же время поддерживает связь с крайними правыми.

«Ваши шансы растут даже у правых»,—сказал Болдыреву один приятель, и Болдырев с явно-искусственной иронией заносит эти слова в свой дневник.

Чего проще? Еще в сентябре-октябре 1919 г. он заигрывает с областниками, собирающимися вырвать власть у Колчака, а в ноябре он предла-

гает помощь колчаковскому правительству. Более подробное освещение этих фактов читатель найдет в тексте и особенно в примечаниях.

Эпоху колчаковщины Болдырев провел в Японии. Разгром Колчака и крушение интервенции дали ему возможность оценить происходящие события более правильно. В январе 1920 года он вернулся в Россию.

Дальнейшая деятельность Болдырева вполне отчетливо выявлена и подробно изложена в самой книге. Мы, поэтому, на этой деятельности здесь останавливаться не будем. Свои соображения и дополнения мы выскажем и сделаем в примечаниях. Здесь отметим только, что тесное соприкосновение и более близкое ознакомление с положением советской власти и ее задачами побудили, наконец, и Болдырева «сменить вехи», и уже на Дальнем Востоке ему удалось некоторыми поступками доказать, что он распростился с прошлым и ориентируется на советскую власть.

26 октября 1922 г. красные войска, предводительствуемые Уборевичем, заняли Владивосток. Болдырев не эмигрировал, а остался в городе и решил передаться властям, чтобы держать ответ за свои прошлые преступления против советской власти.

Мотивирует он это свое решение следующими предусмотрительными словами: «Обстановка, создающаяся на Западе Европы, допускающая возможность всяких осложнений, включительно до вооруженных выступлений *извне* (курсив автора) против России, подсказывала мне, что в могущей возникнуть борьбе мое место только здесь, среди своего народа».

«Ничто—внушает он нам несколькими строками выше—никогда незаслоняло во мне мысли о родине и работе в своей стране».

«Россия»!.. «Родина»!.. Нерешительный в действиях, наш боевой генерал проявил и некоторую чрезмерную осторожность в словах. Куда решительнее и прямее он высказался немного времени спустя.

Из Новониколаевского местзака, куда перевели Болдырева, он 22 июня 1923 г. обратился во ВЦИК со следующим заявлением:

«Отойдя в середине июня 1922 г. от всякой политической и общественной работы и откинув мысль об эмиграции заграницу, я, после занятия города Владивостока войсками Красной армии в конце октября 1922 г., как бывший профессор и член конференции военной академии, готовился к от'езду в Москву вместе с наличным, бывшим во Владивостоке, составом профессуры и имуществом академии. От'езд этот должен был быть выполнен в срочном порядке, согласно телеграммы Наркома по военным делам т. Троцкого. Тем не менее, поездка не осуществилась. 5 ноября, по распоряжению местного ГПУ, я был арестован».

Изложив затем довольно подробно свою военную и политическую деятельность за все время революции и гражданской войны в России, Сибири и на Дальнем Востоке, В. Болдырев заканчивает свое заявление так:

«Внимательный анализ пережитых пяти лет революции привел меня к убеждению:

1) что за весь этот период только советская влать оказалась способной к организационной работе и государственному строительству среди

хаоса и анархии, созданных разорительной Европейской, а затем внутренней гражданской войнами, и в то же время оказалась властью твердой и устойчивой, опирающейся на рабоче-крестьянское большинство страны;

2) что всякая борьба против Советской власти является безусловно вредной, ведущей лишь к новым испытаниям, дальнейшему экономическому разорению, возможному вмешательству иностранцев и потере всех революционных достижений трудового населения;

3) что всякое вооруженное посягновение извне на Советскую власть, как единственную власть, представляющую современную Россию и выражающую интересы рабочих и крестьян, является посягновением на права и достояние граждан Республики, почему защиту Сов. России считаю своей обязанностью.

В связи с изложенным, не считая себя врагом Сов. России и желая принять посильное участие в новом ее строительстве, я ходатайствую (в порядке применения амнистии) о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения. Если бы представилось возможным, я был бы рад вновь посвятить себя моей прежней профессорской деятельности».

Одновременно В. Болдырев обратился к Наркому по военным делам со следующим заявлением:

«22-го июня с. г. мною возбуждено ходатайство перед ВЦИК о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения после ареста в г. Владивостоке 5 ноября 1922 г.; вместе с тем мною заявлено желание, если в том встретится потребность, предоставить мне, в случае моего освобождения, возможность приложить свои силы к строительству Сов. России.

Будучи до империалистической войны в составе профессоров Военной Академии (Ген. Штаба), ходатайствую о предоставлении мне возможности вновь посвятить себя прежней профессорской деятельности».

ВЦИК ходатайство В. Болдырева удовлетворил. В порядке амнистии В. Болдырев был освобожден из заключения, и дело о нем прекращено. В настоящее время В. Болдырев работает в сибирской плановой комиссии.

Нам остается еще сказать несколько слов о том, в каком виде автор публикует в настоящей книге своей дневник.

В своем небольшом предисловии автор, между прочим, говорит: «Я оставлял записки дневника в неизмененном виде, за исключением редакционных поправок и тех пояснений, без которых многое являлось бы непонятным из краткой, почти условной, редакции дневника.

Выпущено то, что носит исключительно личный характер, или то, что не имеет широкого политического или общественного значения».

Дневник, по-нашему мнению, имеет историческую ценность постольку, поскольку он печатается по первоначальной, неискаженной записи. Тем не менее мы бы согласились с автором, если бы его редакционные поправки действительно носили тот характер, о котором он говорит в своем предисловии к своей книге.

При проверке же дневника, сданного в печать, с той точной копией с подлинника, которая находится у пишущего эти строки, оказалось, что местами редакционные поправки автора придают сейчас совсем другой оттенок действительной записи. Мы сочли поэтому своей обязанностью в примечаниях восстановить точную запись тех отдельных мест, истинный смысл которых, по нашему мнению, немного пострадал от редакционной руки самого автора.

Сожалеем только о том, что лишены возможности проверить по подлиннику весь дневник, ибо в нашем распоряжении имеются только записи с 3 октября 1918 г. по 4 окт. 1919 г. включительно и часть записей, относящихся к 1920—21 годам.

В заключение отметим, что все примечания, которые приведены в книге под текстом страницы, принадлежат самому В. Г. Болдыреву.

Мои же примечания собраны в конце книги.

В. Вегман.

От автора.

Почти с первых дней мировой войны я положил за правило вести поденную запись событий, встреч, разговоров, дум...

В условиях походно-боевой жизни, особенно в начальный период войны, в период непрерывных движений, боев, в период первых надежд и первых горьких разочарований—записи эти носили случайный, отрывочный характер. Это были наброски на марше, привале, в случайном окопе, на наблюдательном пункте... Это были листки, написанные под непосредственным ощущением боя, с присущими ему впечатлениями геройства, великодушного самопожертвования и мелкого эгоизма, ликующего упоения победой и жгучей скорби поражений...

В этих листках отражались и великие страдания населения на небывалом по размерам театре войны, его вынужденный исход, гибель скопленного поколениями добра, разрушение памятников старины и искусства, голод, болезни, придорожные могилы...

С конца 1916 года на высоких штабных и командных постах явилась возможность более систематических записей, охватывающих уже и вопросы глубокого тыла и общее положение страны на фоне общих мировых событий.

Все эти документы погибли бесследно, точно также бесследно погибла масса материалов специально военного характера, накопившихся за первые три года войны.

С 1918 года, первую половину которого я провел в тюрьме и бездомных скитаниях, пришлось весьма близко столкнуться с новыми для меня политическими вопросами, вплотную прикоснуться к явлениям жизни, которые проходили малозаметными в условиях прежней обстановки.

Очень многое из документов, относящихся и к этому периоду, пропало. Тем не менее, то, что сохранилось, давало некоторую возможность для обрисовки событий, характеристики лиц и настроений только что пережитой эпохи, включающей войну, гибель монархии, две революции, гражданскую войну и интервенцию.

Я никогда не переоценивал значения моих заметок и не предполагал торопиться с их опубликованием.

По инициативе редакции «Сибирских Огней», вкратце ознакомившейся с моими материалами*), мне было предложено Сибкрайиздатом обработать их для отдельной книги.

---

*) Краткое изложение содержания настоящей книги напечатано в №№ 5—6 за 1923 г. и № 1 за 1924 г. журнала «Сиб. Огни». *Прим. ред.*

По независящим от меня обстоятельствам, намеченный мною труд «*Шесть лет*» выпускается со второго тома, куда входят воспоминания и материалы, относящиеся к периоду Уфимской Директории, к году, проведенному мною в Японии, и к событиям на Дальнем Востоке 1917—1922 г.

Первый том труда—«*Революция на фронте*» (1916—1917) также подготовляется к печати.

Основным материалом работы является мой дневник, дополненный воспоминаниями.

Я оставлял записи дневника в неизмененном виде, за исключением редакционных поправок и тех пояснений, без которых многое являлось бы непонятным из краткой, почти условной редакции дневника.

Выпущено то, что носит исключительно личный характер, или то, что не имеет широкого политического или общественного значения.

Сохранившиеся другие материалы, кроме дневника, использованы в той мере, которая, не перегружая труда, являлась необходимой для обрисовки того или иного события, лица, настроений.

Моя книга, хотя и чужда предвзятой хулы или восторга, тем не менее, как и всякая другая книга, касающаяся столь недавних событий, встревожит незажившие еще раны...

Это неизбежно. С этим я заранее примиряюсь. Я не ставил себе задачей рисовать картин и героев.

С моей точки зрения, все лица, причастные к отмеченным событиям, и, прежде всего, я сам, действовали так, как умели, как учились действовать в соответствии с духом и требованиями своей эпохи. Большинство оказалось не готовыми к перелому, и я не вижу в этом ничьей индивидуальной вины.

Произошло то, что, видимо, должно было произойти.

Произошла смена эпох и культур. Эта смена подготовлялась десятками предшествовавших лет и страданиями великой мировой войны...

Переменились роли классов в государстве.

В. Болдырев.

Н.-Николаевск.
Октябрь—1924 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Выход из тюрьмы. Политические настроения. «Национальный центр» и Союз «Возрождение России».

Вечером 2-го марта 1918 года я вышел за ворота петроградской тюрьмы «Кресты»[1]). Вместе с присяжным поверенным Казариновым[2]) мы поехали на квартиру моей родственницы на Бассейную улицу, где скромно (тогда уже голодали) отпраздновали возвращение мне свободы.

В общей сложности мое заключение продолжалось около 4½ месяцев, с середины ноября 1917 года, со дня моего ареста на посту командующего 5-й армией, защищавшей тогда Двинский район нашего фронта в мировой войне.

У меня не осталось особенно мрачных воспоминаний о тюрьме. Даже знаменитый Трубецкой бастион Петропавловской крепости, о котором создалось столько легенд, не показался мне таким страшным. После неимоверного напряжения, пережитого за четыре года войны и, особенно, с начала революции, опрокинувшей привычный уклад жизни, и после осложнений, возникших с момента ареста, мой каземат, или «камера № 71», обеспечивал мне, по крайней мере, некоторый физический отдых. Я хорошо спал, и это было довольно редким удовольствием последних месяцев перед неволей. Режим не был суровым. Новая власть еще не успела осмотреться. Она переживала и внутренний и внешний кризис. Немецкая лавина катилась к Петрограду, немцы заняли Псков, захватили Нарву...

Брестский мир еще не был подписан. Надо было увлеченных с фронта солдат двигать опять на фронт, навстречу тем-же лишениям, но под новыми знаменами и другими лозунгами.

В тюрьму доставлялись газеты, допускалось довольно частое свидание с родственниками и знакомыми. Вообще, несмотря на крепкие стены казематов, чувствовалась какая-то неулавливаемая нить связи с внешним миром.

В этом я особенно убедился накануне моего суда. Вечером около 10 часов в общую камеру Екатерининской куртины, куда я был переведен к этому времени из одиночки Трубецкого бастиона, вошел бывший тогда комендантом Петропавловской крепости Павлов и заявил, что слушание моего дела назначено на завтра в 11 час. утра и что я могу подыскать себе защитника.

Я с удивлением посмотрел на Павлова и мысленно окинул взглядом моих товарищей по неволе, полагая, что остроумная шутка начальства имеет в виду кого-нибудь из них.

Однако, мое удивление стало еще большим, когда на следующий день меня ввели в залу суда (дворец бывшего вел. кн. Николая Николаевича на Петроградской стороне).

Среди битком набитого зала, кроме присяжного поверенного Казаринова, я заметил большую рыжеватую бороду моего полкового фельдшера С., тут-же были члены армейских комитетов 5 и 12 армий, солдаты моего полка и 43 корпуса, с которым я принял тягчайший удар при прорыве немцев под Ригой в августе 1917 г., и много других.—Вообще, защита была представлена чрезвычайно широко.

Одинокий общественный обвинитель чувствовал себя смущенным и не был особенно красноречивым и строгим в своей весьма краткой, мало соответствовавшей духу времени, речи.

Эта поддержка извне, конечно, в значительной степени смягчала тяжесть неволи, а страх... это чувство за четыре года войны и год революции утратило свою остроту.

Режим «Крестов» был еще легче. Здесь я большую часть заключения провел в прекрасном помещении тюремной лечебницы, где, кроме меня, были министры монархии и всех составов Временного Правительства, члены политических партий, военные и проч.

Единственная мысль, беспокоившая меня тогда, была мысль о возможности захвата немцами Петрограда. Меня тревожили осложнения, которые могли возникнуть при этом в отношении политических заключенных, и, наконец, самое худшее—возможность оказаться пленником немцев.

Последнее опасение разделялось не всеми. Бывший моим соседом, интересный собеседник полковник В., наоборот, считал, что с приходом немцев немедленно станут по местам царские пристава и городовые, которые только и ждут этого момента, и все будет по-старому.

Эвакуация Правительства в Москву особенно усилила мои опасения.

К счастью, заточение неожиданно прекратилось. Не связанный никакими обязательствами, я вышел на свободу.

Это было сложное и страшное время.

Встряхнувший страну шквал Февральской революции замирал под давлением внешних причин. Политический характер этой революции не поколебал многих сложившихся веками устоев. В речах чувствовалась неуверенность и тревога.

Суровый Октябрь принес бурю. Она сметала старые устои. Положение «ни мир, ни война» туманило умы. Призыв к великому будущему требовал разрушения того, что было. Оголенный классовый признак делил всех на «мы» и «они». «Они»—это только враги, не там, на Псковском и Нарвском фронте, а в самом сердце страны, везде, на ее необ'ятных просторах, среди пламени и дыма начавшейся беспощадной гражданской борьбы.

Но и среди этих условий старая Россия не могла умереть мгновенно. Вздернутая на дыбы, она, по крайней мере, в лице ее руководящих классов, и большей части интеллигенции, была еще под обаянием лозунга «единой, великой, нераздельной», страдала за развал фронта, тревожилась вторжением немцев, негодовала на Брестский мир, учитывала тяжесть расплаты перед союзниками, в случае их победы над цен-

тральными державами... ее пугала революция, угнетало разорение, пугал огромный размах социальной перестройки, которую без всякого колебания начала партия, пришедшая к власти после Октября.

В наиболее тяжком, почти трагическом положении оказалось старое офицерство. Оскорбленное и избиваемое после Февраля, который оно, несомненно, подготовило своим безмолвным сочувствием и даже содействием Государственной Думе, офицерство понимало, что, в силу многих, лежащих вне его, условий, оно является тормазом на путях революции, и если терпится, то только временно, как один из рычагов той огромной машины—армии, без которой нельзя пока обойтись, и пока рычаг этот не заменен более подходящим новым.

Офицерство сознавало, особенно после Октября, что революция—это вопрос жизни или смерти. Она вырвала из его рядов уже не одну сотню жертв. И те, которые сразу не могли переродиться, у которых было искреннее, может быть, и затемненное теми или иными предрассудками понимание событий, у которых своеобразное воспитание, среда, традиции выработали свои идеалы, свое понимание общественной пользы, те боролись и иначе поступать не могли.

На их сопротивлении крепла революция и их поражениями оправдывалась ее необходимость и своевременность. Мне часто и с разных сторон ставились наивные вопросы: почему вы сразу не сделали то-то и то-то?—Да, вероятно, потому же,—отвечал я неизменно,—почему вы не сделали как раз обратное этому «то-то».

Отгороженный тюремной решеткой от непосредственных ощущений тогдашней действительности, не испытывая прелести осьмушки хлеба и селедки—воля отдавала тюрьме все, что могла,—я всецело сосредотачивал свое внимание на внешней опасности. Меня тревожил захват наших территорий, грядущий, неизбежный,—так казалось, по крайней мере, тогда,—раздел России.

Это ощущение я особенно резко пережил в Украине, куда с огромными затруднениями перебрался, чтобы навестить свою семью. Станции Ворожба, Ахтырка... представились мне какими-то чужими: чистенькими и аккуратными, как какие-нибудь Шмаленинкен, Николайкен, Гумбинен... восточной Пруссии, под той-же опекой немецкого жандарма с неизбежным стэком или хлыстиком в руках. Всюду виднелись готовые аккуратные ящички-посылки с продовольствием, которые два раза в неделю имел право посылать на родину каждый солдат армии, оккупировавшей богатую тогда еще Украину.

Население получало за это «керенки», которые, как уверяли тогда, печатались метрами в Берлине. Так это, или не так, но выкачивание Украины шло полным темпом. Голод Петрограда для меня был ощутительнее голода Германии: она четыре года была нашим врагом.

Жалкое положение «ясновельможного» гетмана Скоропадского[3]), ставленника немцев, только усиливало враждебность.

О Версале и его последствиях тогда, конечно, еще никто не думал. Наоборот, освободившиеся на нашем фронте немецкие силы перебрасывались на запад. Не учитывавший всей сложности обстановки, Людендорф[4]) готовил могучий таран для решительного и сокрушающего удара против

союзнического фронта. Только теперь из воспоминаний Людендорфа, казавшегося тогда властителем судеб Германии, мы узнали, как уже к концу 1916 года в сознании немецкого солдата начала меркнуть идея отечества, идея, заставлявшая его творить чудеса.

Она дала трещину перед твердынями Вердена, задыхалась среди газов, пламени и стали чудовищно развившейся техники союзников, истощалась на голодном пайке и умирала в безнадежности дальнейших усилий и бесцельности принесенных жертв.

«Мир без аннексий и контрибуций» представлялся уже в том же 1916 году желательным выходом из положения даже для таких столпов милитаризма, как кронпринцы прусский и саксонский, командовавшие на западном фронте.

Но это мы знаем теперь, а тогда,—тогда мы еще не замечали, как поизносилась подошва и поистоптался каблук «немецкого сапога», которым Гофман[5]), ближайший сотрудник Людендорфа, с такой самоуверенностью пытался грозить представителям революционной России в Бресте.

Кто поверил бы в то время, что сама Германия накануне революции и что ее истрадавшиеся народные массы скорее и легче, чем у нас, сбросят монархию и Вильгельма.

В условиях столь недостаточной осведомленности, при одностороннем понимании столь быстро надвинувшихся политических и социальных изменений, все, кто так или иначе были затронуты ударами революции, с напряжением и тревогой искали выхода.

Этот выход яснее всего рисовался в продолжении борьбы с немцами. Немцы дали России большевиков—эта версия, усиленно поддерживаемая союзниками, еще нуждавшимися в боевой помощи России, была в то время чрезвычайно популярна. Немцы отхватили громадный кусок нашей территории и беспощадно выкачивали Украину. Немцы навязали нам позорный для нашего национального самолюбия Брестский мир, политический смысл которого, как необходимой «передышки» в процессе закрепления советской власти, был тогда мало кому из нас понятен.

Казалось, наконец, что неизбежным следствием германского поражения будет и неизбежная гибель большевизма.

Так возникла идея восстановления восточного фронта, а попутно с ней и мысль о борьбе с большевиками, мешавшими осуществлению этой идеи. Для многих последняя мысль являлась и главенствующей.

Союзники обещали материальную помощь—это было лишним толчком для успеха идеи.

Восстановление восточного фронта после Брестского мира привлекло внимание союзников еще и по другим соображениям. Они могли рассчитывать, что группировки, об'единившиеся вокруг этой идеи, одержат победу над большевиками и ликвидируют декларированную последними аннуляцию всех иностранных долгов царской России и временного правительства, аннуляцию, сильно встревожившую буржуазные и капиталистические круги Европы.

Русская народническая интеллигенция никогда не была особенно действенной, как масса. Заветы непротивления достаточно отравили и ее самосознание. Анализ поглощал динамику. Она в одиночку отважно швы-

ряла бомбы в монархию, но только краешком пристала к рабочим, впервые 9 января 1905 года вышедшим огромной массой на улицу.

Она чудесно говорила, много спорила, порой безоружной лезла на царских городовых и войска, но не имела пока склонности к настоящим баррикадам и организованному уличному бою. Это пришло с Октябрем, который смело выкинул и знамя гражданской борьбы.

Встреча с упорной энергией большевизма, где были и недавние союзники по борьбе с царизмом, поставила интеллигенцию втупик.

Кредитивизм открыто вышел против нее в июле 17 года, потерпел неудачу, оправившись к Октябрю, рассеял смущенную, не сумевшую организоваться и увлечь за собою народные массы народническую интеллигенцию.

Либеральная интеллигенция еще менее была способна к массовому действию и больше ограничивалась сочувствием.

Буржуазия, чиновная бюрократия, те вообще полагали, что война, даже война гражданская,—дело военных.

Вот почему очаги антисоветского движения начали организовываться вокруг наиболее крупных военных имен (Корнилов, Алексеев, Деникин и др.). Была к этому и другая причина. Громадная масса офицерства наиболее пострадала и морально и материально от революции. Выброшенная за борт, она искала применения и, в силу привычной дисциплины и профессиональной инерции, потянулась к знакомым по войне вождям в «добровольцы».

Легкий налет демократизма, не успевший пустить глубоких корней после Февраля, с трудом скрывал истинную сущность настроений большинства военных группировок.

Для них все было ясно в старом порядке: и права и обязанности. Труд и знания имели установленное привычное применение. Имелось скромное обеспечение и известное положение в обществе. В крайнем случае, многие были не прочь несколько освежить старый порядок принятием не слишком радикальной конституции. Это было уже задачей Учредительного Собрания, мысль о созыве коего и была включена в число лозунгов организующихся антисоветских сил.

Вожди политических групп, игравших доминирующую роль в Февральской революции и тоже оставшиеся после Октября без власти и без видимой поддержки населения, искали реальной силы для новых попыток торжества своих идей. Примыкая к более реакционно настроенным военным группировкам, они неизбежно теряли лицо и сразу же должны были итти на компромиссы.

Огромная пропасть, лежавшая между крайним правым и крайним левым крылом тогдашней русской общественности, враждебной овладевшим властью большевикам, конечно, мешала им об'единиться даже для борьбы против общего врага.

Отсюда—неизбежный раскол, дробление сил. Образовались две политических группы: т. н., «Национальный центр», куда вошли представители высшей царской бюрократии, представители крупных промышленников, землевладельцев и т. д., и Союз «Возрождение России», включавший все политические течения от левых кадет до умеренных социалистов-ре-

волюционеров. В Союз входили и беспартийные элементы: военные, трудовая интеллигенция, чиновничество и пр.

«Национальный центр» определенно потянул к югу, к начавшим уже там свою деятельность военным группировкам.

Руководство южным движением сначала находилось в руках весьма популярного в то время ген. Корнилова, вскоре погибшего в одном из боев с советскими войсками[6]). Затем южное добровольческое движение возглавляли генералы Алексеев[7]) и Деникин[8]), а после смерти престарелого и сильно недомогавшего Алексеева, руководство перешло в то всецело в руки Деникина.

Превосходный корпусный командир, а затем командующий армией и фронтом, Деникин был пока вопросом, как политическая фигура. Известна была лишь его определенная ненависть к социалистам и керенщине, что он ничуть не скрывал и что было тогда весьма популярно на юге. Грубоватая солдатская откровенность Деникина, а равно его склонность к красивой, скорбной фразе привлекали к нему офицерские симпатии.

Деникин, конечно, не был достаточно родовит и наряден для той придворной, военной и гражданской знати, которая стекалась на юг. Вокруг Деникина все-же кое-кто «болтал» о демократии, народоправстве и других «несуразных» предметах, но это терпелось ради страстно ожидаемого реванша. Во всяком случае, основной лозунг юга—единоличная военная диктатура, как промежуточный этап к конституционной «монархии волею народа»—не казался особенно страшным и был, во всяком случае, приемлемым.

«Монархия волею народа», правда, выдвигала досадную мысль об Учредительном Собрании, но с этой стороны позаботились большевики, разогнав таковое 5 января 1918 года, а созыв нового Учредительного Собрания—оставался вопросом далекого будущего.

В Союзе, где весьма сильно было представлено народническое течение, во главе со старым народовольцем Н. В. Чайковским[9]), основным лозунгом было Учредительное Собрание. Союз поддерживал также идею восстановления восточного фронта в тесном сотрудничестве с союзниками. В этом направлении были сделаны уже кое-какие шаги.

Лозунг «борьба за Учредительное Собрание» в то время был весьма популярен. Только этот лозунг мог быть еще в известной степени противопоставлен тем угадавшим настроение широких масс лозунгам, которые смело, не пугаясь их разрушающего значения, кинули вожди пришедшей к власти партии в изнуренные войной массы.

Лозунги, выдвинутые большевиками, имели огромное преимущество. Они были не только мало осязаемой абстрактной идеей, но имели и практический смысл. Эти лозунги были четко формулированы и вели к определенным осязаемым результатам. «Грабь награбленное!», «Не хочешь войны—уходи с фронта!», «Власть твоя—ты хозяин положения!» и т. д. Ясно, кратко и вразумительно.

Это не то, что «единая, неделимая», «война до победного конца» и даже «вся власть Учредительному Собранию».

К этому необходимо добавить, что и в наиболее популярном и понятном лозунге об Учредительном Собрании было значительное «но». Дело в том, что престиж Учредительного Собрания 1917 года был весьма сильно подорван разгоном его, произведенным большевиками 5 января. Защитниками этого именно Учредительного Собрания были, главным образом, эс-эры, имевшие в нем преобладающее большинство и только что довольно бесславно утратившие власть.

Со стороны же других группировок, всецело поддерживавших вообще идею Учредительного Собрания, отношение к Учредительному Собранию созыва 1917 г. было не только сдержанным, но скорее даже отрицательным. Такое отношение было, между прочим, и со стороны многих членов Союза «Возрождение России».

Непосредственной тесной работы между «Национальным центром» и Союзом в сущности не было. Все ограничивалось взаимной информацией через лиц, наиболее приемлемых в той и другой организациях. Дороги были разные. Казалось, что представители «Центра» поддерживают связь с «возрожденцами» больше по политическим соображениям и то до поры, до времени. Все же в Союзе были социалисты, с которыми им было не по пути.

Взаимная отчужденность все усиливалась. Центр находился под большим влиянием Б. В. Савинкова[10]), нетерпеливо требовавшего выхода для «накопленной им энергии», которая, к слову сказать, так неудачно разрядилась потом в Ярославле. Уже в июле связь Центра с Союзом почти разорвалась. «Националисты» определенно потянулись к югу, «возрожденцы»—на восток и в Сибирь.

Внимание Союза «Возрождение России» к востоку основывалось на следующих соображениях: на Волге, после чешского выступления в июне 1917 года, образовалось правительство в составе комитета членов бывшего Учредительного Собрания. Организовалась, так называемая, «Народная армия», овладевшая линией средней Волги, т.-е. до известной степени как бы образовалось уже ядро будущего восточного фронта. Это—с одной стороны.

С другой—у многих членов Союза были большие связи в Сибири, через которые надеялись распространить там влияние Союза.

Наконец, Сибирь была еще богата жизненными продуктами, в которых уже ощущался крайне острый недостаток в губерниях Европейской России, и, кроме того, с открытием выхода к обильно снабженному за время войны Владивостоку, устанавливалась прочная связь с союзниками и широкая возможность их поддержки.

Я был в составе Союза и являлся до известной степени его инициатором. С югом у меня не было никаких сношений. В основе южного движения было исключительно офицерское ядро. Я относился отрицательно к чисто военным (офицерским) организациям, преследующим политические цели. Они никогда не имели ярко выраженной политической, а тем более социальной идеи, не увлекали за собой широких масс и действовали успешно, так, по крайней мере, свидетельствует история, только при дворцовых переворотах. Гражданское мужество и решительность военных вождей всегда оказывались ниже их профессионального боевого мужества

на внешнем фронте. Этот недостаток проявили в свое время и декабристы в бою на Сенатской площади. Они охотно переменили бы императора, но не решались стрелять в стоявших против них своих же солдат.

Существовавший при Ставке, т. н., «союз офицеров» не был в этом отношении исключением. Он быстро оторвался даже от солдатских масс и безнадежно пытался «делать» политику. «Союз георгиевских кавалеров», в который входили и солдаты, попытался было выступить в защиту монархии, но он бесславно сошел со сцены еще в начале Февральской революции. Предводимый генерал-ад'ютантом Ивановым, батальон георгиевских кавалеров, не дойдя до Петрограда, после переговоров с представителями Комитета Государственной думы и Совдепа, отказался от своей попытки и рассеялся, как боевая единица.

Карьера Наполеона и его появление на исторической сцене были гораздо сложнее, чем это казалось кандидатам в русские Наполеоны и их горячим сторонникам.

Заблуждение это особенно сильно укоренилось на юге, где поголовно грезили диктатором. Как зараза, это заблуждение проникло затем и в Сибирь. Там, правда, из уважения к демократизму, готовы были помириться на Вашингтоне (обращение А. В. Сазонова[11]), известного сибирского кооператора, к Колчаку).

Действительность, как известно, рассеяла эти мечтания. Окончательно похоронил их приморский «воевода» генерал Дитерихс[12]).

За внешним либерализмом южных группировок всегда чувствовалась атмосфера скрытой реакции.

Симпатии мои определенно были на стороне Волги и Сибири, куда в июле 1917 года я и отправился, как делегат Союза «Возрождение России», для участия в государственном совещании по созданию единой об'единяющей центральной власти.

Обстановка к тому времени на Волге и в Сибири была такова:

Июньское восстание чехо-словаков явилось толчком к образованию двух новых мощных очагов борьбы против большевиков: на Волге—в районе Самары—и в западной Сибири.

Об'единившиеся вокруг чехов русские военные организации послужили зародышами Народной и Сибирской армий, на которые, в свою очередь, опирались вновь организовавшиеся правительства: Самарское, из членов Учредительного собрания созыва 1917 года—«Комуч»[13]), и Сибирское[14])—из местных общественных и политических деятелей.

Попутно об'единялось для борьбы Уральское и Оренбургское казачество, создавшее свои войсковые правительства.

Успешный пока ход борьбы повышал энтузиазм антибольшевистски настроенной части населения, вселял веру в быстрое развитие этой борьбы во всероссийском масштабе.

Приволжье, Урал и Сибирь рисовались, как база будущего строительства новой, единой, демократической России.

От внимательного наблюдателя не ускользали, конечно, и другие настроения. Вернувшиеся домой фронтовики, даже в условиях патриархальности уклада семейного быта казачества, довольно ярко выражали

оппозицию «детей отцам». Это не было явлением общим, но уже тогда, в начале гражданской борьбы, Уральский фронт, как и другие фронты, имел «детей», дерущихся против «отцов».

За длинный путь к Самаре у меня имелась возможность для всесторонних и интересных наблюдений. В частности, на территории Уральского казачьего войска, дававшего лучшие по стойкости и дисциплине полки на русско-германский фронт мировой войны, мне пришлось наблюдать другую особенность—ярко выраженный местный казачий патриотизм.

Мой возница, старик под шестьдесят лет, с великим воодушевлением рассказывал о недавней схватке с красными:

«Надо было отогнать его от нашей грани. У нас, у стариков, и ружей-то не было, дрались, чем попало—простыми палками».

Пожелания рассказчика не шли дальше «граней» войсковой земли. Ясно было, что дальше, за эти грани, он драться не пойдет.

С его точки зрения, это было понятно — чего ему искать, важно было лишь, чтобы не трогали его добро: кругом зрел изумительный в том году урожай пшеницы, проса и других злаков, на безбрежных степных лугах паслись огромные табуны коней... Около его станицы протекал родной, богатый чудесной рыбой Урал.

Старик не скрывал своего негодования против части молодежи, особенно против вернувшихся с фронта более молодых казаков. Они не только будировали в станицах, но частенько перебирались в противоположный лагерь. Среди них уже были герои красного фронта.

Среди казачества были слухи об обязательной помощи союзников.

«Нейдут что-то, хоть шапку их показали бы нам» — недоумевали и сердились старики в станицах.

Этот узкий, мелкий эгоизм сказывался даже в детях. Я как-то встретил плачущих мальчика и девочку, оказавшихся беженцами на Урале.

«Почему вы плачете?» — спросил я.

Они боязливо и нерешительно покосились на играющих вблизи крепких, загорелых казачат.

На мой вопрос: «почему вы деретесь?»—казачата, не задумываясь, ответили: «а не лови рыбу в нашем Урале».

Этот местный эгоизм надо было учесть. Он рос по мере продвижения на восток.

II.

Самара. Комуч.

В начале августа я прибыл в Самару. В городе царило необыкновенное оживление. Он казался большим военным лагерем. Всюду попадались чешские легионеры, добровольцы Народной армии, имевшие георгиевскую ленту на околыше фуражки. Здесь уже не было погон, но чины сохранились. У чехов боевое содружество символизировалось прибавлением при взаимном обращении слова «брат», как в Красной армии —«товарищ».

Везде — в городе, на станции железной дороги, в районе волжских пристаней — чувствовалось, что решающее слово во всем принадлежало чехам. Общее командование на самарском фронте находилось в руках молодого чешского полковника Чечека.

В Самаре я познакомился с некоторыми из членов местного правительства, возглавляемого с.-р. Вольским [15]). Во время одной из бесед, мне было предложено занять должность военного министра. Предложение это было мною отклонено. Я мало был знаком с обстановкой и, кроме того, имел специальную задачу по участию в собиравшемся Государственном совещании.

В Самаре я пробыл всего несколько дней, но и за это короткое время и из местной прессы, и из случайных бесед вынес убеждение, как резко расходились устремления Самарского правительства и местной общественности, возглавляемой кадетами.

Здесь, между прочим, я получил и первое предостережение о гибельности коалиционных начинаний от бывшего обер-прокурора Синода во Временном Правительстве первого состава В. Львова, с которым до этого времени не был совершенно знаком.

Он был безработным министром и ограничивался только подачей «благожелательных» советов. В данном случае советы обусловливались его личной инициативой, и я не без интереса слушал его характеристику местных деятелей и прогноз ближайшего будущего.

У Самарского правительства был к этому времени некоторый актив: оно успело организовать небольшую вооруженную силу, которая совместно с чехо-словаками вела успешную борьбу с большевиками на средней Волге и на Урале. Ряд довольно рискованных, с точки зрения обеспеченности, но весьма смелых и целесообразных при существовавшей обстановке ударов против плохо организованных еще тогда большевиков отдал в руки Самарского правительства всю среднюю Волгу с Симбир-

ском, Казанью, весь средний Урал и огромный золотой запас, в размере более 650 миллионов рублей, захваченный у большевиков в Казани.

Боевой фронт Самарского правительства тянулся к тому времени от Казани через Симбирск, Сызрань, Хвалынск, Вольск. У Балакова фронт переходил на левый берег Волги и через Николаевский уезд соединялся с фронтом Уральских казаков, тянувшимся от Николаевска (Самарской губернии) на Александров-Гай. Оренбург и Орск защищались казачьим ополчением и башкирами, под общим руководством полковника Дутова (войскового атамана Оренбургского казачьего войска).

В занятом районе находились весьма большие склады боевого снаряжения, оружия (пушки, пулеметы), взрывчатых веществ, интендантского снабжения (Казань), целый ряд важнейших в военном отношении заводов, огромный урожай хлеба, особенно в Уральской области, сравнительно густое население,—словом, все, из чего при дружной и правильно организованной работе можно было-бы создать весьма выгодные условия для борьбы, даже без особого расчета на внешнюю материальную помощь, которая в это время была чрезвычайно слаба.

Захват Симбирска с его патронным заводом мог бы до известной степени ослабить и крайне острый недостаток в патронах.

При закреплении и развитии достигнутых успехов на фронте, при отсутствии внутренних осложнений и непрерывно усиливающейся вражды с Сибирью, Самара могла бы причинить не мало затруднений советской власти.

Но необходимых для этого условий, как увидим ниже, не оказалось. Кроме того, Самарское правительство было весьма тесно связано с только что утратившей власть эсеровской партией, с которой у многих еще слишком свежи были счеты.

Керенщина была еще слишком памятна даже при нависшей угрозе со стороны Советов.

III.

Антисоветские правительства Урала и Сибири.

Кроме Самарского правительства, к западу от Уральского хребта организовались Оренбургские и Уральские казачьи правительства, правительство автономной Башкирии, Уральское областное правительство (в Екатеринбурге) и др. В Сибири — Сибирское правительство (Омск), наиболее сильное и влиятельное. О крайнем Дальнем Востоке сведения были смутные. Там шла гражданская война, нарождалась «атаманщина», высаживались с огромной помпой интервенты.

Все эти правительства враждовали друг с другом. Имея одну общую цель — борьбу с большевизмом, они тем не менее выявляли много различий, как в способах выполнения указанной задачи, так особенно в тех достижениях, какие намечались ими, как конечная цель борьбы.

Наибольшая внутренняя рознь чувствовалась, при видимом внешнем соглашении, между Самарой и Омском. Представители Омска имелись на Дальнем Востоке (Владивосток) и вели переговоры с союзными представителями за признание их правительства, как Всесибирского, которое должно было в будущем послужить основой для Всероссийского правительства. Таким образом, намечался путь возрождения — «через Сибирь к России»[16]).

Рознь эта имела уже весьма существенные последствия. Она создала гибельную для населения таможенную войну: Сибирь не давала Уралу хлеба, Урал не давал Сибири железа[17]).

Хуже того. Рознь эта проникла в ряды обеих армий. Представители Народной армии (Самара), родившейся под лозунгом борьбы за Учредительное Собрание, весьма нелестно трактовались в Сибирской армии, тяготевшей к бывшим тогда весьма популярными в Сибири автономистским настроениям. Сибирская армия имела свои особые цвета (бело-зеленый) на знаменах и обмундировании[18]).

К ущербу Самары началась опасная для нее тяга офицерства в Сибирь, где идеалы казались ему более близкими и где материальное обеспечение было лучше. Здесь восстановлялись погоны и титулы, стоившие стольких потоков напрасно пролитой крови. В Сибири был и весьма популярный среди военных, энергичный военный министр и командующий армией генерал Гришин-Алмазов[19]).

Положение особенно обострялось нежеланием Омского Правительства посылать свои войска для подкрепления Волжского фронта. Это обстоятельство весьма болезненно учитывалось не только силами Народ-

ной армии, но и чехо-словаками, на которых в это время лежала, пожалуй, главная тяжесть борьбы и охрана внутреннего порядка[20]).

По прибытии моем в Самару один из виднейших вождей Народной армии, полковник Каппель[21]), от имени измученной непрерывными походами и боями армии, почти ультимативно заявил мне о необходимости немедленного общего и политического об'единения. Об этом же заявляли и представители чехо-словаков.

Эгоизм Омского правительства оправдывался до известной степени необходимостью окончания подготовки нарождающейся Сибирской армии.

Истинная причина была, конечно, гораздо глубже. При тех стремлениях, коими было заражено Сибирское правительство, всякая неудача Самары, в том числе и колебания боевого престижа армии «Учредилки», было, несомненно, весьма выгодно, особенно в связи с теми переговорами с союзными представителями, которые велись в это время П. В. Вологодским во Владивостоке.

О том, что таким образом представлялась полная возможность для Красной армии бить своих врагов по частям, видимо, не думали.

Между тем, положение Народной армии на Волге, бывшее до сих пор блестящим, начало значительно ухудшаться. Большевики успели оправиться от понесенных здесь неудач.

Народная армия не только не смогла закрепить своих успехов и тем обеспечить себе дальнейшее вторжение в глубь России, наоборот, она начала обнаруживать явные признаки разложения, проистекавшего, с одной стороны, от недостатков ее организации, с другой—от чрезмерного утомления, без притока свежих сил.

Отмеченные успехи на Волжском фронте в сущности всецело должны быть отнесены за счет добровольческих отрядов полковников Каппеля и Махина, насчитывавших не более 3000 бойцов и 3-4000 чехов, дравшихся на этом фронте. Собственно, Народная армия, состоявшая из мобилизованных солдат и офицеров, представляла боевой материал весьма невысокого качества и являлась скорее обузой, требовавшей значительных средств на ее содержание*). Из 50-60000 мобилизованных, вооруженных бойцов, насчитывалось не более 30000 человек, да и то глубоко зараженных тем общим отвращением ко всяким жертвам государственного порядка, которое тогда резко проявлялось со стороны городского и деревенского обывателя.

В рядах Народной армии едва ли насчитывалось к тому времени больше 10000 бойцов, которые положительно изнемогали под напором красных армий, стянутых к Волге с других фронтов и обладавших и лучшими техническими средствами, и богатым запасом боевых патронов, чего так недоставало Народной армии[22]). Ее боевые запасы подходили к концу. Союзники пока ограничивались только советами.

Особенно тяжело было с боевым снаряжением и, главным образом, с патронами у Уральских и Оренбургских казаков. Они, по их заявлениям, давно уже воевали за счет военной добычи и «покупкой боевых снарядов у своих врагов».

---

*) В. Л. Утгоф. «Былое», № 16, 1921 г., стр. 16. Москва.

Неудачная, в создавшихся условиях, мысль руководителей Народной армии сосредоточить все свои наиболее боеспособные части для решительного боя под Казанью поставила эти силы под удар численно сильнейшего противника, в рядах которого был значительный процент упорно и настойчиво дравшихся венгров и латышей. Здесь же были сосредоточены и добровольческие коммунистические части, оказавшиеся отличными, стойкими бойцами.

Над Народной армией и дравшимися вместе с ней чехами нависал грозный призрак неизбежного поражения. Это понимало и Самарское правительство, начавшее всюду искать поддержки. Этим же начинали тревожиться башкиры, Уральские и Оренбургские казаки. Но совершенно по иному учел создающееся положение Омск, сразу значительно изменивший тон в переговорах с Самарой и заметно охладевший к мысли об об'единении.

Таким образом, все правительства к западу от Уральского хребта, кроме искреннего желания об'единения, настойчиво стремились к таковому и под давлением непосредственно надвигающейся на них опасности, предотвратить которую их истомленным силам было крайне тяжело. С тревогой ожидали союзников, но они не приходили.

Несколько иной представлялась обстановка в Сибири. С ликвидацией большевиков, там боевая страда значительно ослабла. Сибирское правительство, не торопившееся с помощью Самаре, решило заняться более правильной подготовкой и обучением своей армии и постепенным восстановлением гражданственности.

Мысль об образовании единой Всероссийской власти, путем всеобщего соглашения, была до некоторой степени помехой, главным образом, Омскому правительству: оно само претендовало на эту власть и, в случае гибели его претензий, ему предстояла бы или скромная роль местной областной власти, или отказ от всякой власти.

Опасения были не безосновательны. При известии о попытке образования Всероссийского правительства, союзные представители значительно понизили интерес к идее признания Сибирского правительства[23]).

Это—с одной стороны, а с другой—у Сибирского правительства было далеко не благополучно внутри. Разлад, так называемого, «Административного совета»[24]), фактически заменявшего совет министров, с Сибирской Областной думой обострился до крайней степени.

Дума, избранная сибирским населением после разгона Всероссийского Учредительного собрания и имевшая значительное эс-эровское большинство, находилась в Томске, стесняла своим контролем Омск и мешала укреплению его кандидатуры на Всероссийскую власть. Выигрыш во времени был необходим для Омска, поэтому он и не торопился с идеей об'единения, а переживаемый Самарой кризис был ему только на-руку и, конечно, поддерживать своего конкурента совсем не входило в расчеты омских политиков.

Дальний Восток жил пока самостоятельной, правда, неустойчивой жизнью и близкого участия в событиях, развертывавшихся на западе, не принимал.

Это различное отношение к идее создания центральной Всероссийской власти, являвшейся для одних насущной необходимостью под угрозой ударов извне, для других же, наоборот, «досадным осложнением», прошло через все работы созванного в Уфе Государственного совещания и отчетливо затем выявилось в отношениях к порожденному этим совещанием правительству—Директории.

Первая попытка собрать совещание для обсуждения вопроса о единой Всероссийской власти была в июле (15-16) в гор. Челябинске. Результатом этого совещания, членами которого, главным образом, были представители Самарского и Сибирского правительств, было решение созвать 6-го августа Государственное совещание в г. Челябинске для создания центрального Всероссийского правительства.

В действительности совещание собралось лишь 20-го августа и то не в полном составе участников, на которых рассчитывали, при чем особенно чувствовалось отсутствие представителей Европейской России.

Но и это совещание, на котором присутствовали представители Самарского, Сибирского (Омск), Уральского (Екатеринбург) правительств, а также Уральских и Оренбургских казаков, башкир, к.-д., союза «Возрождение России», чехо-войск и др., оказалось лишь предварительным и рассмотрело только организационные вопросы. Новое совещание, после долгих споров о месте его созыва, было назначено на 1-е сентября в г. Уфе.

Меня, присутствовавшего на этом совещании в роли представителя союза «Возрождение России»,чрезвычайно поразила горячность той схватки, которая возникла по пустому, в сущности, вопросу о выборе места для Государственного совещания.

Один из ораторов, представлявших Самарское правительство и защищавших предложение избрать местом Государственного совещания г. Самару, получил реплику сибиряков: «а не предпочли ли бы вы для этой цели Циммервальд или Кинталь[25]).

Вызов был принят. Скрытая вражда обнаружилась во всю свою величину. Потребовалось горячее, примиряющее обращение председателя (Н. Д. Авксентьев[26]) и выступление ряда более сдержанных ораторов, чтобы вернуть противников к основному вопросу.

Среди с'ехавшихся к этому совещанию в Челябинск общественно-политических деятелей находился бывший председатель Временного правительства первого состава кн. Львов; он пробирался в Америку и, видимо, ждал поручений в связи с разрешением вопроса о центральной Всероссийской власти. В совещании участия он не принимал.

В Челябинске же я познакомился с военным министром Сибирского правительства генералом Гришиным-Алмазовым—одной из наиболее колоритных фигур Сибири. Суховатый, небольшого роста, внешностью и манерой говорить напоминавший несколько Керенского, Гришин-Алмазов обладал, несомненно, организаторскими дарованиями, энергией и решимостью, недурно говорил, был резок, казался, по-крайней мере, вполне демократичным, негодовал на союзников, особенно не ладил с чехами.

Комуч и большинство с.-р. не долюбливали Гришина-Алмазова, бывшего раньше членом этой партии. В его погоне за фразой часто про-

скальзывала трудно скрываемая склонность к диктатуре. Эсеры всегда это подчеркивали.

Несдержанность Гришина-Алмазова оказалась для него роковой. Под влиянием хорошего ужина на банкете в Челябинске, он высказал много лишних, резких, но по существу правдивых обвинений по адресу союзников. Бывшие на банкете союзные представители обиделись. Это обстоятельство, в связи с внутренними интригами Сибирского правительства, стоили Гришину-Алмазову потери его высокого поста, а позднее он принужден был выехать из пределов Сибири.

Собрать Государственное совещание в назначенный срок 1 сентября не удалось из-за перерыва сообщений между Поволжьем и Сибирью.

Произошло это так. Значительный отряд красных, почти окруженный белыми около Верхнеуральска, тем не менее, выскользнул из их кольца и прорвался на север через линию Самаро-Златоустской железной дороги у ст. Иглино. Этот смелый маневр произвел значительный переполох. Командовавший красными войсками Блюхер, ставший впоследствии одним из крупных вождей красной армии, по происхождению рабочий, создавшейся молвой был признан за потомка известного немецкого фельдмаршала Блюхера, неудачливого непримиримого противника Наполеона. Это, в свою очередь, оживило легенду о немецком руководстве советскими войсками, и даже среди сдержанных сторонников интервенции подняло интерес к активной помощи со стороны союзников.

Рассеяние отряда Блюхера [27]) заняло несколько дней, и только после этого сделался возможным с'езд представителей на совещание в г. Уфу.

IV.

Уфимское Государственное Совещание.

Уфа—центр Башкирии—тип обычного не особенно бойкого губернского города; Уфа красиво расположена в месте слияния рек Уфы и Белой.

Мирный обиход жизни города был в значительной степени нарушен потрясениями революции и начавшейся гражданской войны... Обыватель, за исключением революционно настроенных группировок, жаждал покоя.

С'езд делегатов на Государственное совещание оживил город. Особенно непривычное оживление началось в центре, в районе Большой Сибирской гостиницы, где размещались прибывшие делегаты, и где должно было заседать само совещание.

Согласно постановлений, принятых в Челябинске, в состав Государственного совещания могли входить только делегаты правительств и политических партий.

Все же организации, ставящие себе исключительно частно-правовые или групповые цели, этого права не получали.

Таким образом, в состав Уфимского Государственного совещания вошли следующие представительства: Самарского комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча), Сибирского Временного правительства (Омск), областного правительства Урала (Екатеринбург), правительств казачьих—Оренбургского, Уральского, представителей казачьих войск: Сибирского, Иркутского, Семиреченского, Енисейского, Астраханского; правительств: Башкирии, Алаш-орды, Туркестана и национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири; временного Эстонского правительства [28]); представителей политических партий и организаций: социалистов-революционеров, Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков), трудовой народно-социалистической партии, партии народной свободы, Всероссийской социал-демократической организации «Единство», представителей с'езда Земств и Городов Сибири, Урала и Поволжья, Союза «Возрождение России» и Сибирской областной Думы.

Всего собралось несколько больше 200 делегатов, и, в сущности говоря, ими была представлена вся общественность той территории, которая к этому времени была освобождена от большевиков.

Необходимо отметить, что в это же время заседал в Уфе Всероссийский с'езд представителей торговли и промышленности, который очень хотел иметь свое представительство на Уфимском Государственном совещании. Однако, ходатайство это, в силу изложенных уже постановлений

Челябинского совещания, как ходатайство профессиональной организации—так трактовался этот с'езд,—было отклонено.

Наибольшее представительство на Уфимском Государственном совещании, более ста членов, было от партии с.-р., считая в этом числе всех членов Комуча. Это было учтено еще Челябинским совещанием, которое, предрешая вперед неизбежность компромиссных решений в работах Государственного совещания, постановило все решения принимать путем единогласного вотума всех представленных на совещании организаций, вне зависимости от размеров их влияния в стране.

8-ое сентября было днем открытия Уфимского Государственного совещания. Прилегающие к Большой Сибирской гостинице улицы—полны народу. Всюду плакаты с приветствиями совещанию и лозунгами борьбы за власть Всероссийского Учредительного Собрания.

В помещениях гостиницы и главном коридоре, в «кулуарах»—собравшиеся делегаты и посторонняя публика. В конце коридора--красиво подобранные, очень молодцеватые парные часовые из офицерского эскадрона, с шашками наголо—это демонстрация вооруженной силы Комуча, почетный караул у кабинета генерала Галкина, военного министра.

Я был в сущности новым человеком в Сибири. Я мало знал даже ее наиболее видных общественно-политических деятелей. Надо было ознакомиться с весьма сложной, полной скрытых интриг обстановкой. Наиболее важным вопросом был, конечно, вопрос фронта. Надо было об'единить Самарскую и Сибирскую армии и чехов, считавшихся, собственно, чужеземной силой, находившейся в полной зависимости от поддержки Франции. Я уже знал, что чехи были враждебно настроены к верхам Сибирской армии, которая только что мобилизовалась в размерах, далеко не соответствовавших ее материальным рессурсам.

В этом отношении и началась моя работа параллельно с подготовкой к Государственному совещанию. Из первых же бесед с чехами и характера отношений ко мне Самары и военного представительства Сибири было ясно, что мне придется пожертвовать своей независимостью и отдать себя на возглавление этих трех боевых организаций—это была единственная возможность об'единить их и направить их усилия для достижения одной общей цели.

Таким образом, для меня политическая обстановка до известной степени заслонялась положением фронта и организующихся для его защиты сил.

Государственное совещание открылось речью председателя Н. Д. Авксентьева. Авксентьев, председательствовавший и на Челябинском совещании, вместе с тремя видными эсерами—В. Павловым, Брешковской и Аргуновым—«по принципиальным соображениям» не входил в члены Комуча. Это делало его свободным для тех компромиссных предложений, которые и теперь уже казались совершенно неизбежными.

Внешне весьма представительный, хороший оратор, правда, с некоторым уклоном к пафосу и театральности, Авксентьев сумел придать необходимую торжественность моменту.

Он много и хорошо говорил о скорби родины, необходимости полного об'единения, дружески отозвался о чехах. Все было, как следует.

Неприятным диссонансом прозвучало лишь заявление, что представители Сибирского правительства, не прибывшие к открытию, «вынуждены будут опоздать на один-два дня». Ясно было, что они тянули, ожидая исхода переговоров Вологодского во Владивостоке о признании Сибирского правительства. На всякий случай Вологодский телеграммой просил передать «сердечное приветствие членам совещания и пожелания скорейшего создания крепкой и сильной единой волей Всероссийской власти». Несколько позднее, когда эта власть была создана и Вологодский вошел в ее состав, он назвал это «досадным осложнением».

Эта первая трещина на общем фоне соглашения, как увидим из дальнейшего, постепенно становилась все более и более заметной.

После речи председателя были заслушаны приветствия представителя городского управления г. Уфы и председателя Комуча Вольского, бурно приветствуемого по инициативе эсеров. Вольский, между прочим, заявил, что «задача строительства Государства Российского прежде всего есть та задача, которую мы, Государственное совещание, хотим сделать задачей большинства народа Российского»*). Затем выступили с приветствиями: делегат Сибирской областной Думы и представитель с'езда земских и городских самоуправлений. Последний закончил свою речь уверением, «что освобожденная Россия, вошедшая в этот зал в политически-разрозненном виде, должна выйти из него единой, сильной и нераздельной».

Были приняты предложения президиума о посылке приветствий представителям союзнических наций: президенту С.-А. С. Штатов. председателям советов министров: Великобритании, Италии, Франции и Японии и председателю Чехо-Словацкого национального совета в России.

Второе заседание совещания состоялось через день, 10 сентября. Делегация Сибирского правительства не только не прибыла, но председатель совещания, несмотря на посланную им в Омск телеграмму, даже не знал ничего о том, выехала ли она из Омска. Опять заседание пришлось ограничить зачитыванием приветственных телеграмм. Они захватывали широкий круг доброжелателей от «Всесибирского и Томского об'единения трудового крестьянства» и «президиума с'езда Сибирской об'единенной кооперации» до Оренбургского архиепископа Мефодия и пр.

На этом заседании была образована особая комиссия из представителей всех организаций, включая и президиум Государственного совещания, для обсуждения необходимых технических вопросов и предварительного согласования принципиальных решений по созданию центральной власти. В работе этой согласительной комиссии в сущности и вылилась вся работа Уфимского Государственного совещания.

Измор, начатый Сибирским правительством, несомненно, охлаждавший порыв членов совещания вынужденным бездельем, почувствовался определенно. Из предосторожности сбор пленума на новое заседание пришлось предоставить президиуму, в зависимости от приезда сибиряков.

---

*) Все приводимые выдержки из речей, деклараций и пр., произнесенных на Уф. Гос. совещании, взяты из подлинных протоколов совещания.

12 сентября состоялось третье заседание совещания. К этому заседанию прибыла, наконец, и делегация Сибирского правительства*) в составе: члена Административного совета профессора В. В. Сапожникова, члена правительства И. И. Серебренникова, вошедшего в состав президиума, вместо оставшегося в Омске И. А. Михайлова, и военного министра генерала Иванова-Ринова[29]), сменившего «ушедшего» в отставку Гришина-Алмазова.

Началось это заседание двумя характерными выступлениями: председателя национального совета чехо-словацких войск Павлу с ответом на приветствие, посланное совету Государственным совещанием, и председателя Комуча Вольского с проектом приветствия по поводу высадки союзных дессантов в Приморье (Владивосток).

Оба они характерны для тогдашнего положения и настроений. Воспитанный поколениями, организаторский склад ума чеха Павлу уже подметил шатания еще не приступившего к работе совещания. Это не было выгодно для начавших уже «утомляться» чехов, и Павлу коротко и резко призывает совещание к оценке действительного положения.

«Мы—говорит он—равно, как и вы, чувствуем тяжесть момента, когда нам всем были даны уже два предостережения. Первое—прорывом севернее Уфы**), в действительности не ликвидированным, и второе—падением Казани. Господа, мы все должны об'единиться для того, чтобы не ожидать третьего предостережения».

Это произвело впечатление, но, конечно, не надолго.

В выступлении Вольского характерны общая тогда всем приемлемость интервенции, расчет на ее спасительное действие и вера, что она пришла:

«не ради вмешательства во внутренние дела России, а исключительно во имя союзного договора, с целью содействия освобождению России от ига общего врага и восстановления восточного фронта, как раз в момент превращения фронта внутренней борьбы во фронт борьбы внешней».

Еще характернее безоговорочная неприязнь к немцам, убежденность, что они руководят боевыми операциями большевиков.

«Там,—говорил Вольский,—где находится сейчас наш главный боевой фронт, совершенно ясно обозначилось, что этот фронт уже перестал быть фронтом внутренней гражданской войны, что этот фронт фактически уже становится фронтом немецким, и это обозначилось не только в силу того договора, который заключен большевиками с немцами, но и фактически в силу того, что войсковые силы большевиков пополняются действительными немецкими силами. Хотя там еще нет регулярных немецких армий, но действительная немецкая помощь, организующая армию, дающая человеческие силы, снаряжение, указания, командный состав—вполне обнаружена».

В остальном это заседание, затянувшееся до глубокой ночи, было посвящено заслушанию деклараций и заявлений по существу организации власти.

---

*) В сущности, к этому времени из членов Сибирского правительства никого, за исключением мин. финансов И. Михайлова, в Омске не было. Вся политика и все распоряжения делались, т. н., Административным советом Сибирского правительства, возглавляемым Михайловым, крайне враждебным Сибирской областной Думе, опирающимся, главным образом, на торгово-промышленные круги Омска, реакционную часть казачества и военные организации. Таким образом, все, что говорится в нашем труде о Сибирском правительстве, в действительности относится к его Административному совету.

**) Прорыв красного отряда Блюхера.

Во всех этих декларациях и ярких, и слабых, и кратких, и утомительно длинных определенно выявлялись два основных настроения: сторонников народовластия и сторонников военной диктатуры. К первым относились: самарский Комуч., партия с.-р., правительство Башкирии, Туркестана, национальный совет тюрко-татар внутренней России, партия с.-д. меньшевиков, представители с'езда земств и городов. Что же касается военной диктатуры, то таковая в чистом виде, в виде требования абсолютиста-диктатора, не предлагалась никем. Жажда диктатуры, надежда на ее спасительное действие пока что только сквозила в определенных речах. Громко заявлять об этом еще не было нужды, а потому она в речах смягчалась обязательной коллегиальностью и легким налетом народовластия.

Гораздо резче, чем вопрос об источнике центральной Всероссийской власти, разделял присутствующих вопрос об ответственности или безответственности этой власти. Этот вопрос в связи с вопросом о личном составе правительства в сущности и сосредоточил на себе все внимание и остроту борьбы в согласительной комиссии.

Вопрос об ответственности будущего Всероссийского правительства неразрывно связан был с вопросом об отношении к Учредительному Собранию старого созыва (1917 г.), фактически, к наличному составу с'ехавшихся в Уфу его членов, т. е. к самарскому Комучу, как источнику власти.

Претензии самарского Комуча, как выразителя верховных прав Всероссийского Учредительного Собрания, слишком отчетливо прозвучали в декларации, заявленной его председателем—Вольским.

Предпослав обширное обоснование высказываемым положениям, Вольский заявил, «что верховная власть в России для устроения государства в тех условиях, в коих Россия теперь находится, *может принадлежать* только тому Учредительному Собранию, *которое существует*»; далее, «что с'езд членов Всероссийского Учредительного Собрания, с'езд, в состав которого могут входить все члены Учред. Собр., появляющиеся на этой территории, должен быть тем органом, который *даст санкцию* той государственной власти, какая будет здесь образована».

И, наконец, формулируя характер ответственности создаваемой власти перед с'ездом членов Учред. Собр. (Комучем), он несколько смягчает характер этой ответственности: «ответственность мы здесь не выражаем в каких-либо определенно конституционных формах, указывая только самую общую форму, что с'езд членов Учр. Собр. *может потребовать к своему рассмотрению* *) те или иные акты этого правительства».

Взгляд, выявленный самарским Комучем и поддерживаемый частью представленных на Государственном Совещании организаций, далеко не разделялся остальными представительствами. Начиная с делегации Сибирского правительства, отношение к Учред. Собр. старого созыва было определенно отрицательное. Некоторую роль в этом отношении сыграли обстоятельства разгона этого собрания в знаменательный день 5 января 1918 г. Уж слишком как-то просто произошел факт разгона, и слишком

*) Курсив везде наш. *В. Б.*

пассивно отнеслись к производимому над ними насилию и председатель Учред. Собр., и наличные члены, заседавшие 5 января в зале Таврического дворца.

Кроме того, и это, пожалуй, самое главное, исключительно партийный состав этого Учред. Собр., огромное представительство от несуществовавшего уже фронта, видимо, не внушали особого доверия даже представителям умеренной демократии, не говоря уже о буржуазии и правых группировках. Для них это был только «живой труп»—не больше.

Особенно определенно выразилось это отношение в заявлении представителя об'единенного казачества:

«Искони демократические, представленные на государственном совещании Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Астраханское, Иркутское и Енисейское казачьи войска, не признающие в своих областях иной власти, как власти народной, выраженной войсковыми кругами и органами, ими избираемыми, считают, что в Государстве Российском вся власть должна принадлежать, как истинному выразителю воли народной, полноправному Всероссийскому Учредительному собранию *нового* созыва».

Отсюда и вывод, что создаваемая Всероссийская верховная власть действует:

«в обстановке полной деловой самостоятельности и независимости и ответственности перед Всероссийским Учредительным собранием *нового* созыва».

Это нисколько, видимо, не мешало Уральскому и Оренбургскому казачеству, вернее—их правительствам, работать в тесном содружестве с самарским Комучем, от которого и через который оба они получали и денежные и материальные средства. Заметим, кстати, что атаман Оренбургского войска А. И. Дутов был сам не только членом Учред. Собр., но и членом Комуча, которому, между прочим, будто-бы был обязан и своим производством в генералы[30]).

Наиболее откровенно в пользу диктатуры и диктатуры единоличной высказался представитель конституционно-демократической партии, член ее ЦК—Л. А. Кроль.

Он заявил, что в создавшихся условиях нужна «власть сильная, мощная, решительная».

«Комитет партии Народной Свободы—сказал он,—считает, что наилучшей формой для осуществления такой власти было бы создание временной *единоличной* Верховной власти».

«К великому несчастью для России, если наша революция выдвинула титанов разрушения, анархии и беспорядка, то, к сожалению, на фоне нашей революции не явилось ни одного человека, которому вся нация, вся страна могла бы доверить такую власть и на которого могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительного Собрания. Поэтому, приходится поневоле мириться с *менее совершенной* формой в виде Директории, но эту Директорию мы мыслим, как верховную власть, действующую через посредство министров, ответственных перед этой верховной властью, при чем эта Директория—эта Верховная власть *ни перед кем не отвечает*, об'ем ее прав—вся полнота власти».

Это заявление было выслушано с глубоким удовлетворением затаившимися пока сторонниками диктатуры, и если они болтали еще что-то о народовластии, то только из приличия к моменту. По временной необходимости, они помирились затем и на Директории, пока не нашелся человек, согласившийся быть диктатором, об отсутствии которого так

сожалел кадетский представитель Кроль. Он откровенно наметил дорожку, приведшую к диктатуре Колчака.

Представительство Сибирского правительства высказалось кратко. Оно остерегалось делать те или иные определенные заявления, так как во Владивостоке еще не выяснился окончательно результат миссии Вологодского, не определился пока исход борьбы с Сибирской областной Думой.

В зачитанной профессором Сапожниковым декларации указывалось, что, «имея конечною целью единую и нераздельную Великую Россию, Сибирское правительство мыслит ее создание *через устроение ее областей*, почему будущая верховная власть—Директория, ответственная только перед *будущим* полномочным органом *правильного* волеиз'явления народа, об'единяет в своих руках общегосударственные функции власти и *оставляет* руководство отдельными отраслями государственной и хозяйственной жизни в пределах областей *за соответственными органами областных территориально-автономных правительств*».

В вопросе ответственности здесь такое же, как у казаков и кадет, игнорирование правомочий Учред. Собр. старого созыва и тем более претензий самарского Комуча. Так-же, как и у тех, допускается, как выход, Директория. Новым было—открытое декларирование областнических тенденций, смягченное оговоркой, что, выдвигая это положение, Сибирское правительство отнюдь «не намерено противопоставлять интересы области и целого».

Остальные выступления не представляли ничего особенно существенного и в основных чертах поддерживали положения двух резко наметившихся течений: одно возглавлялось—самарским Комучем, другое—Сибирским правительством и казаками.

Впрочем, «Единство», народные социалисты, представители областного правительства Урала (Екатеринбург) и Эстонского правительства довольно туманно выдвигали необходимость ответственности создаваемой власти перед особым «Контрольным органом» или перед «Государственным совещанием».

Союз «Возрождение России», которому в значительной степени принадлежала инициатива созыва Государственного совещания, необходимость коего подтверждалась и создавшейся обстановкой, имел в своем составе представителей большинства собравшихся в Уфе партий и организаций, а посему довольно ясно отдавал себе отчет, насколько велико расхождение двух основных течений, выявившихся на совещании.

Расхождение это между Омском, не утратившим еще иллюзий на признание за ним прав центральной Всероссийской власти, и Самарой, претендующей на правомочия Всероссийского Учредительного Собрания, как источника этой власти,—это именно обстоятельство в связи с рядом других менее важных причин, усиливавших враждебность этих двух правительств одного против другого, не давали основания надеяться, что об'единение их произойдет легко и быстро.

Между тем, обстановка требовала быстрых решений: советские войска усиливали нажим на Волжском фронте, чехи начинали сдавать, народная армия слабела.

Положение самарского Комуча было особенно тяжелым. Он находился под непосредственным угрожающим ударом красных. Его давило и делающееся все более и более заметным усиление реакции.

Сразу, без попытки борьбы, хотя-бы борьбы словесной, Комуч не мог уйти. Он кое-что сделал в борьбе против Советов. Ведь не кто иной, как составлявшая его группа членов Учред. Собр., в минуты общей растерянности, возглавила восстание чехов и офицерских организаций в районе Самары и, при всей враждебности к Учред. Собр. старого созыва, все же надежды весьма многих тянулись к Самаре.

Достигнув победами над большевиками в районе Самары некоторого реванша за тяжкое унижение, пережитое членами Учред. Собр. во время разгона его 5 января, члены Комуча, естественно, стремились, если не оживить окончательно, то хотя бы прилично похоронить себя, об'явив перед самороспуском новые выборы в новое. Учред. Собр., чем не только сохранялась бы идея Учред. Собр., но и не нарушалась бы крайне важная, по понятиям того времени, конституционная преемственность власти.

Как известно, бывший император Николай второй отрекся от престола в пользу брата своего великого князя Михаила Александровича, а этот последний—в пользу Всероссийского Учредительного Собрания.

Тогда еще не учитывали всей силы революционной грозы и вопросу конституционной преемственности придавали огромное значение.

В этих условиях возможны были только два решения: или счесть попытку об'единения недостижимой и предоставить события их естественному ходу, т.-е. постепенному и неизбежному разгрому в одиночку борющихся сил, или найти выход к возможно быстрому устранению особо острых, мешающих об'единению, противоречий.

Союз «Возрождение России» встал на второй путь, на весьма зыбкий в период революции—путь компромисса. Это была рискованная ставка. В основе ее лежало лишь соглашение верхов, но другого выхода не было—«Le vin est tiré il faut le boire»*).

Оформить это решение и декларировать его перед совещанием выпало на мою долю.

После предпосылки, что основными признаками конструкции будущей власти Союз полагает «возможно полное к ней доверие со стороны всех слоев населения России и возможно большую простоту и определенность ее сущности», в отношении наиболее острого вопроса об ответственности в заявленной мною декларации говорилось:

«Исходя из отмеченного признака общего доверия, власть эта отнюдь не должна быть стеснена в своих действиях каким-либо параллельно существующим контрольным аппаратом, и как власть, создаваемая на основании принципа народовластия, ответственна перед Всероссийским Учредительным собранием в его законном составе, собравшемся к определенному сроку».

Эта формулировка устраняла вопрос о контроле, весьма туманно выраженный его сторонниками, и давало выход в вопросе об ответственности перед Учред. Собр.—Вместо двух неопределенных величин: «законный состав» и«срок»—всегда в процессе переговоров могли быть вставлены те конкретные понятия и величины, какие окажутся возможными в

*) Вино открыто—его надо выпить.

связи с учетом обстановки и соотношения борющихся сил, что в действительности потом и произошло.

Далее декларация отмечала:

«Огромная сложность задач в связи с исключительно-тяжелым положением страны, а равно и в целях определенной гарантии от *единоличных* устремлений, власть эта создается в виде коллегии из 3-5 лиц, из коих одно должно быть военным лицом, через которого верховной властью и осуществляется высшее руководство и управление всеми вооруженными силами России».

И затем:

«При верховной коллегии, для управления делами ведомств, учреждается ответственный перед нею деловой кабинет с министрами, персонально избранными из лиц, известных своей плодотворной государственной деятельностью. Из числа министерств, образование коих будет признано необходимым, следующие министерства могут быть утверждены, только как общегосударственные для всей территории России, а именно: военное, морское, иностранных дел, финансов, путей сообщения, снабжения и продовольствия армии и государственный контроль».

В содержании этих последних выдержек могли уложиться, конечно, при известном нажиме, многие из обнаружившихся противоречий, в том числе и претензии автономистов.

Таков был тот сложный и противоречивый материал, который был направлен в особую комиссию для согласования и установления, необходимого для выбора власти, об'единения.

Этого добиться было не легко: вся вражда и взаимное недоверие из большого зала пленума перенеслись сейчас же и в зал заседаний комиссии.

Здесь проще обстановка. Здесь можно было резче спорить, обиднее язвить. Здесь русский интеллигентский сговор многословный, полный добрых побуждений, красивых фраз, беспочвенных мечтаний, грозил временами обратиться в безнадежный бесполезный спор.

Слово «народ» не сходило с уст ораторов, так разноречиво намечавших пути к его благополучию. А он—этот народ, как и несколько веков назад, молчаливый, загадочный, как сфинкс, работал на земле, с отвращением отрываясь от настоящего дела для борьбы то под георгиевской лентой или бело-зеленой кокардой, то под красной звездой, и начал уже уставать от бесконечной смены властей[31]).

14 сентября. Заседание согласительной комиссии*).

Председательствует Авксентьев. Докладчик по вопросу о контрольном органе—седой, еще бодрый мужчина, с чрезвычайно приятной манерой речи—известный исследователь, певец Алтая, профессор В. В. Сапожников, видный общественный деятель Сибири. И его, служителя науки, революционный шквал увлек в пучину политических передряг[32]).

С окончанием доклада мгновенно возникает схватка противоречивых мнений. Председатель гасит вспышку. Он находит достижение «некоторой согласованности».

---

*) Присутствует президиум Государственного совещания: Н. Д. Авксентьев и секретари: Б. Н. Моисеенко и Н. В. Мурашев, члены комиссии: Чокаев, Букейхан, Роговский, Березовский, Шуваев, Кругликов, Марков, Болдырев, Кроль, Войтов, Анисимов, Астахов, Шендриков, Михеев, Пеженский, Каэлос, Мамлеев, Фомин, Зензинов, Гендельман, Сапожников, Кибрик и Залидов.

«Контроль, висящий над властью—это будет похоже на ЦИК, нужно или кончить и разойтись, или сговориться»—резко бросает упрямый матерой казак—полковник Березовский.

На помощь председателю приходит энергичный, темпераментный, но склонный к соглашательству, эсер Кругликов: «мы не хотим, чтоб контроль висел над властью, мешая ей работать, мы согласны на компромисс».

Спор вокруг голой формулы контроля обостряется. Кадет Л. А. Кроль помогает выпутаться из тупика вопросом: «есть ли у какой-нибудь фракции проект деятельности будущей власти, хотя бы в сыром виде?»

Авксентьев нервничает, передает мне председательствование и уходит.

Проект нашелся. Его зачитывает эсер Гендельман. Чтение разряжает острую напряженность. Проект предлагается от имени ЦК эсеровской партии Уфимскому Государственному совещанию и содержит основные принципы платформы деятельности Всероссийского правительства.

«Стоит ли опутывать правительство программами, которые невыполнимы и в мирное время. Сейчас война и только о войне нужно думать»,— не унимается упрямый Березовский.

Проект эсеров зачитывается по отделам и передается в малую комиссию.

Заседание закрывается. Общий вздох облегчения.

Таковой, примерно, была атмосфера, в которой приходилось работать комиссии.

Временами, для нажима на строптивых, появлялся кто-нибудь из посторонних для «внеочередного заявления». Особенно часто таким пугалом «выпускался» казаками небезызвестный атаман Дутов, бывший тогда в большой моде. Он появился в Уфе с отлично подобранным и прекрасно снаряженным казачьим конвоем. Производил впечатление, подавал кое-кому надежды и пугал комиссию тяжелым положением фронта. Умело обрисовывался в прессе, чему особенно помогали заметки советских газет и листовок, рисовавших атамана гораздо более страшным, чем он был на самом деле.

К Дутову примыкала и часть академического состава бывшей Академии Генштаба, плененной белыми в Казани, во главе с весьма честолюбивым ген. Андогским.

Шептался собиравшийся по близости кружок таинственного полковника Лебедева, являвшегося, по имевшимся при нем документам, посланцем юга, от генерала Алексеева.

Будировал заканчивавший свои заседания торгово-промышленный с'езд. Его постановления открыто декларировали диктатуру и сводили нанет все революционные завоевания.

Бывший Уфимский архиепископ Андрей (кн. Ухтомский) в своих «посланиях» к виднейшим членам совещания указывал на значение церкви в деле государственного строительства.

Начинала кампанию правая пресса во главе с Белоруссовым.[33]).

На фронте дела становились все хуже и хуже.

Вся эта атмосфера сплетен, интриг, а порой и совершенно недвухсмысленных угроз, особенно по адресу ненавистных социалистов, несомненно не оставалась без влияния на ход работ согласительной комиссии. Она нервничала и путалась в противоречиях.

После ряда горячих схваток и острых противоречий, неоднократно грозивших разрывом, наиболее сложный вопрос об ответственности власти все же сдвинулся с мертвой точки. Всю тяжесть ударов в комиссии выдерживал, главным образом, эсер Гендельман, спокойный, вдумчивый, недурной диалектик. Непрерывную атаку вел маленький, все время заряжавший свою трубку, кадет Л. А. Кроль. Остроумный и едкий, он много крови испортил сидевшему против него Гендельману.

Казаки во главе с Березовским были ударной группой правого крыла.

Сибирь упрямилась или уступала, в зависимости от того, насколько раз'яснялась погода или скоплялись тучи на омском горизонте.

Положение самарского Комуча было особенно тяжелым. У него были весьма сложные внутренние расхождения. Общая обстановка, в связи с ухудшением дел на фронте, заставляла его или уходить из игры или уступать. Левое крыло Комуча считало всякие уступки гибельными, указывало на реакционность кадет и правых группировок совещания, но, в конце концов, в силу партийной дисциплины и левое крыло, за исключением непримиримых Коган-Бернштейна и Чайкина, пошло за умеренным большинством, руководимым Авксентьевым, Зензиновым, Роговским и Гендельманом.

Не все гладко было у Комуча и в отношениях с своим командированием в армии. Военный министр генерал Галкин в неособенно почтительной форме требовал уступчивости. Гарнизон Уфы, особенно офицеры, открыто тянули сторону Сибири и даже переменили георгиевскую ленту Комуча на бело-зеленые цвета Сибири.

В свою очередь, падение Симбирска значительно понизило тон и сделало более сговорчивыми и противную сторону: сибиряков, кадетов и казаков. Особенно заволновались Уральские и Оренбургские казаки.

Они, как и все вообще участники совещания, достаточно ясно сознали, наконец, что дерущаяся одиноко народная (Самарская) армия легко могла сделаться жертвой большевистского натиска. Это чувствовалось уже достаточно определенно.

Вслед за ней, при разрозненных действиях, такая же судьба могла постичь Уральское и Оренбургское казачьи войска, а затем Урал и Сибирь.

Поведение чехов не рассеивало этих опасений. Союзники не показывались.

При таких условиях самарскому Комучу пришлось значительно уступить. Состоявшимся соглашением правомочия Учред. Собр. старого созыва значительно ограничивались.

Избираемая власть должна была быть *безответственной* в первый наиболее тяжелый период ее работ—до 1-го января 1919 года, когда должно последовать открытие Учр. Собр., при чем открытие это могло состояться лишь при наличии законного кворума в числе не менее 201

члена (общее число членов Учред. Собр., за исключением большевиков и левых эсеров, определялось в 400 человек).

В случае, если-бы указанный кворум не мог собраться к 1 января, Учред. Собр. открывается 1 февраля при кворуме не менее $^1/_3$ членов.

В акте об образовании Всероссийской власти, опубликованном по окончании Уфимского Государственного совещания, было указано:

«Временное Всероссийское Правительство, впредь до созыва Всероссийского Учредительного собрания, является единственным носителем Верховной власти на всем пространстве Государства Российского».

Вопросы о сроке созыва Учредит. Собрания и о кворуме вошли в особый акт:—«Постановление съезда членов Всероссийского Учредительного собрания от 13 сентября 1918 года»[34]).

Трудно сказать, имели ли эсеры, представлявшие Учредит. Собр., коварный замысел, как это утверждали их политические противники, пойдя на компромисс, поглотить сначала Сибирское правительство, а затем, победив большевиков, продиктовать свою волю русскому народу.

Замысел этот, как показали последующие события, по крайней мере, в отношении Сибири, имело и осуществило Сибирское правительство, но и оно, назвавшись после переворота 18 ноября Всероссийским правительством, при всех исключительно благоприятных условиях почти за год своей деятельности (период Колчака), имеет в своем активе чрезвычайно мало данных, оправдывающих его преступное легкомыслие и совершенный им переворот.

Тем более представляются сомнительными честолюбивые стремления тех 200 членов Учредит. Собрания, наличность которых требовалась установленным кворумом. Думаю, эсеры шли на соглашение гораздо искреннее, нежели их вынужденные союзники по созданию власти[35]).

Вопрос о составе власти, хотя и не казался столь острым, тем не менее и около него происходили горячие схватки.

Дело в том, что партия кадет и более правые организации видели спасение в единоличной власти. Им казалось, что только диктатура может рассеять создавшийся хаос и что только она одна приведет мощной и властной рукой страну к закону и порядку.

Эту надежду вполне разделяли и военные группировки, по крайней мере, большая часть офицерского состава.

Представители демократических течений, блюдя принципы народоправства, отстаивали всегда коллективный орган, нечто вроде директории из 3—5 лиц, правильно учитывая сложившуюся тогда психологию масс, их обостренное недоверие и желание возможно более широкого представительства их интересов в составе всякой власти.

Мне всегда казалось, что гораздо легче подыскать пять толковых лиц, нежели трех исключительно талантливых, и безнадежно трудно найти одно лицо, которое могло бы быть действительным диктатором по существу, а не только по титулу.

Упускалось из виду, что настоящих диктаторов не выбирают; они выдвигаются той силой, на которую опираются, будь это завороженная победами армия, или сильная политическая партия, увлеченная смелостью и яркостью проповедуемой ими идеи.

Диктатор управляет силой своего вдохновения и авторитета, а не преподанной ему конституцией, составленной случайными его избирателями.

Конституции появляются потом, когда энтузиазм сменяется более спокойной деловой работой.

И, действительно, установить кандидатуру на диктаторские полномочия оказалось чрезвычайно трудно.

Весьма популярный тогда для многих враждебных Советам группировок, генерал Корнилов к этому времени погиб в борьбе с красными. Другой, не менее известный вождь, ген. Алексеев, был слишком скромен, слишком буднично трудолюбив для такой бурной эпохи. Измученный непосильной работой среди чуждой для него придворной, полной интриг атмосферы, за время службы его начальником штаба при царе, подавленный военными неудачами и окончательно потрясенный развалом старой армии, ген. Алексеев был к тому же стар и сильно недомогал.

Оба эти человека при значительных их заслугах и популярности все же, говоря по справедливости, видимо, не обладали достаточным авторитетом, чтобы увлечь за собой народные массы и остатки старой армии и оторвать их от чар большевизма.

Корнилов, безгранично храбрый солдат, но неудачливый политик, имел возможность проверить свое влияние за время, когда он был главнокомандующим в Петрограде, сейчас же после Февральской революции, и впоследствии во время его августовского похода на Петроград.

В обоих случаях он быстро остался одиноким, если не считать части преданного ему офицерства и платонического сочувствия тех классов населения, которые в острый кровавый период революции меньше всего нужны вождю.

Корнилов, Алексеев, а затем и Деникин положили не мало усилий и энергии на создание на юге России, т. н., «Добровольческой армии», но и армия эта быстро и широко не обростала народным телом и, по крайней мере, при жизни двух первых из своих вождей, не смогла силой оружия установить их власть в стране. Не случилось этого и при единоличном управлении армией ген. Деникиным.

Тем не менее, имена Алексеева, Деникина и Колчака, сделавшегося особенно популярным после шумихи с брошенным в Черное море кортиком[36]), выдвигались правыми группировками на заседаниях согласительной комиссии Уфимского Государственного совещания.

Однако, кандидатуры эти даже в состав Директории, на которой помирились все, встретили самый резкий протест со стороны представителей Комуча и поддерживавших его партий и группировок[37]). Да и не реальны были эти кандидатуры, находясь за тысячи верст от Омска, при чем на приезд их в Сибирь, за исключением Колчака, бывшего на Дальнем Востоке, нельзя было в тех условиях и рассчитывать. Эта нереальность осталась, впрочем, и в отношении других избранных затем кандидатов.

В состав правительства в директорию решено было избрать пять лиц, таковыми оказались: Н. Д. Авксентьев, Н. И. Астров[38]), В. Г. Болдырев, П. В. Вологодский и Н. В. Чайковский.

Избранный комиссией состав Директории представлялся умеренно демократическим. Даже ее левое крыло—Чайковский и Авксентьев—являлись весьма умеренными социалистами.

Чайковский и Астров были пока далеко. На скорое их участие в работах Директории рассчитывать было нельзя; и если замена Астрова выбранным его заместителем, В. А. Виноградовым[39]), видным кадетом, не возбуждала особых тревог у создавшейся уже оппозиции Директории, то В. М. Зензинов, избранный заместителем Чайковскому, при всем его горячем стремлении к общей дружной работе на пользу возрождения родины, как видный член ЦК партии с.-р., многими кругами был встречен с открытой враждебностью.

Отсутствовавший Вологодский временно, до его скорого приезда, заменялся членом Административного совета Сибирского правительства профессором В. В. Сапожниковым, заместителями Н. Д. Авксентьева и В. Г. Болдырева были избраны: А. А. Аргунов и генерал М. В. Алексеев.

Н. В. Чайковский и Н. И. Астров были резкими противниками старого Учред. Собр., а последний, кроме того, и горячим приверженцем единоличной диктатуры.

В связи с этим в местных кадетских и торгово-промышленных кругах, а равно и среди других близких им по политическим симпатиям лиц, уже явно оппозиционно настроенных как к самой директории, так и к ее конституции, выражались сомнения относительно приезда в Сибирь отсутствовавших Чайковского и Астрова.

И, действительно, Чайковский застрял в Архангельске, где председательствовал в местном правительстве, а Астров, увлеченный настроениями юга России, отрекся от Директории, забыв, что когда-то давал согласие на свою кандидатуру.

Не удовлетворило многих и включение комиссией в конституцию временной Всероссийской власти пункта, к слову сказать, весьма туманного, о некоторых обязательствах этой власти к с'езду членов Учред. Собр., «функционирующему, как государственно-правовой орган в его самостоятельной работе по обеспечению приезда членов Учр. Собр. и по устроению и подготовке возобновления занятий Учредительного Собрания настоящего созыва».

Это чувствовалось прежде всего и больше всего в отношении Сибирского правительства, т.-е., вернее, в отношении его Административного совета, фактического хозяина положения, и примыкавших к нему кругов.

Пойдя на соглашение под давлением исключительно грозных обстоятельств и на фронте и внутри страны, круги эти затаили недовольство и ждали первого удобного случая, чтобы выдвинуть вновь оба эти вопроса, как лозунг для похода против только что народившейся при их участии Всероссийской власти.

V.

Сентябрьские события в Омске.

Чтобы развязать себе руки, Административный совет повел штурм прежде всего против своего же Сибирского правительства, порожденного Сиб. Обл. Думой, чтобы этим самым избавиться от ненавистной ему опеки и вмешательства самой Думы.

21 сентября я имел переданное мне чехами секретное донесение от их Омского уполномоченного Рихтера следующего содержания*):

«Сегодня утром в три часа дня, приехали в Омск Крутовский, Шатилов и Новоселов[40]) и председатель Областной Думы Якушев. Три офицера грубо их пригласили следовать за ними и с тех пор все 4 неизвестны. Сегодня ночью должен заседать Административный совет, который решил распустить или разогнать областную Думу.

Эти сведения я имею от личного секретаря Якушева и коменданта думского здания, которые являются свидетелями утреннего происшествия. Эти сведения приводятся в связи с именем министра Михайлова, председательствующего в вышеупомянутом совещании. Присутствие трех вышеупомянутых министров лишало Административный совет, состоящий из управляющих министерствами, всякого правомочия и, поэтому, вероятно, они были устранены. Кажется, что Михайлов задумывает переворот. Сегодня издал распоряжение, согласно которого никто без его разрешения не может говорить по прямому проводу».

События, изложенные в только что приведенном донесении, могли быть вызваны следующими соображениями. С приездом в Омск трех упомянутых лиц—Крутовского, Шатилова и Новоселова—получался обычный кворум для законодательной работы Сибирского правительства. При наличии же кворума в правительстве Административный совет этого правительства, возглавляемый министром финансов Михайловым, лишался права издания законов, т. е., права фактического управления Сибирью. Надо было этот кворум разрушить, а для этого «устранить» прибывших министров, что Михайловым и было проделано.

Новое донесение подчеркивало нерешительность председателя Думы Якушева и стремление Крутовского уладить все миром, а также и то, что оба они, и Крутовский и Якушев, все же «все надежды возлагают на нас», т.-е., на чехов.

«По-моему, следует Михайлова арестовать и обо всем опубликовать в газетах и таким образом его в моральном отношении уничтожить»—так заканчивает председатель чехо-совета Павлу свое сообщение в Уфу находившейся там делегации этого совета.

Доверительная передача столь важных сведений, а затем и поставленный мне чехами в упор вопрос: «следует ли немедленно арестовать Михайлова», ставили меня в крайне затруднительное положение.

---

*) Сокращается редакция подлинника.

Я был пока просто членом совещания, хотя и бесспорным уже кандидатом не только в члены Директории, но и на пост Верховного Главнокомандующего.

Я весьма смутно представлял себе обстановку Омска. Очень мало знал об Областной Сибирской Думе. Те отрывочные сведения, которые мне приходилось слышать, были далеко не в ее пользу. Кроме того, я был в значительной степени поглощен подготовительными работами по об'единению фронта. Я был озабочен необходимостью подчинения чехов будущему русскому верховному главнокомандованию и не хотел сразу становиться в зависимое от них положение.

Я знал, что у обеих борющихся сторон каждый мой шаг был на учете и всякое неосторожное с моей стороны решение могло иметь ряд самых нежелательных последствий.

В силу этих причин я отнесся и к сообщенным мне сведениям и к поставленному в упор вопросу весьма осторожно, приняв их лишь за информационный материал. Это вызывалось до некоторой степени и новым срочным сообщением Рихтера, что будто-бы у арестованных по приказу Михайлова лиц «нашлись документы, свидетельствующие об их попытке какого то переворота налево», и что «настоящий военный министр Иванов в этом не замешан».

Последнее сообщение заставило меня придать вес и заявлениям, сделанным мне самим Ивановым-Риновым, которого я спросил о происходящем в Омске и который заверил меня, что им отдан приказ начальнику гарнизона Омска о ликвидации этой авантюры и что вопрос там будет безболезненно улажен.

VI.

Образование Директории.

10/23 сентября 1918 года на торжественном общем собрании Уфимского Государственного совещания, при огромном стечении публики, было об'явлено об избрании Всероссийской власти в лице упомянутых выше пяти членов. Заявление это было бурно встречено переполненным залом.

Акт*) об образовании Всероссийской Верховной власти был зачитан председательствовавшим на этом заседании Е. Ф. Роговским.

Церемония подписи этого акта, присяга членов правительства[41]),— все это было новым для присутствовавших на торжестве, волновало их, рождало горячую веру в быстрое восстановление потрясенной Родины.

Тогда еще были надежды и недостаточная оценка того, что творилось в Москве, в другой, новой России.

У членов правительства это торжественное настроение быстро было нарушено суровой будничной действительностью.

Едва окончилось заседание, как было получено весьма тревожное донесение из Омска. То, что до сих пор было известно неофициально от чехов, теперь являлось официальным донесением новой власти, которая должна была принять то или иное решение.

Донесение подтверждало факт ареста Крутовского и Шатилова, которые были вынуждены под угрозой расстрела подать прошения об отставке, после чего их, совместно с председателем Сиб. Обл. Думы Якушевым, арестованным одновременно с ними, выпустили на свободу с обязательством в течение суток оставить Омск. Отставка их принята Административным советом временно, до приезда Вологодского или Серебренникова. Далее сообщалось, что Новоселов[42]) убит неизвестными в военной форме, будто-бы, при попытке бежать.

Областная Дума постановила временно, до прибытия ответственных министров (Вологодского и Серебренникова), взять власть в свои руки.

Чехи, по инициативе некоторых демократических групп, арестовали начальника Омского гарнизона—полковника Волкова. Министр Михайлов, предполагавшийся руководителем события, скрылся, квартира его оцеплена. В городе спокойствие.

Это был первый пробный камень для Директории. Ликвидация задуманной в Омске и неудавшейся только благодаря вмешательству чехов авантюры перекладывалась на ее плечи.

---

*) Полный текст этого акта см. в Приложении № 1.

У Директории не было реальной силы в Омске. Быстрая и короткая расправа с переворотчиками могла быть выполнена только через чехов. Их батальона оказалось достаточно, чтобы арестовать начальника гарнизона полковника Волкова[43]) и заставить скрыться подозреваемого главу переворота Михайлова.

Очень смелые с безоружными министрами анненковцы и красильниковцы[44])—реальная сила Омска—и пальцем не шевельнули в защиту их начальника Волкова и покровителя—министра Михайлова.

Но закреплять первые шаги Всероссийской власти штыками чехов Директория не считала возможным[45]).

Лично мне не было ясно, что произошло в Омске. Надо было в этом разобраться, но прежде всего следовало восстановить права потерпевших и путем строжайшего следствия обнаружить виновных.

В составе Директории был человек, который, несомненно, лучше других понимал, что происходит в Омске; это был В. В. Сапожников, заместитель отсутствовавшего Вологодского, но он—старый сибиряк и... член Административного совета.

Глубокой ночью, с сознанием внезапно навалившейся тяжелой ответственности, в обстановке так резко обнаружившихся противоречий, Директория вынесла свое первое постановление:

«1) Признавая непререкаемые права Сибирской Областной Думы, как временного органа, представляющего в пределах, установленных положением о временных органах управления Сибири, интересы сибирского населения, но имея в виду невозможность при создавшихся условиях нормальной деятельности Областной Думы—отсрочить ее занятия впредь до создания таковых. 2) Отставку членов Временного Сибирского Правительства И. В. Шатилова и В. М. Крутовского считать *недействительной* и призвать всех наличных членов означенного правительства[46]) к спокойному выполнению своих обязанностей, ввиду крайней необходимости непрерывной работы в столь тягостное для России время. 3) Предоставить Уполномоченному Вр. Всероссийского Правительства гражданину А. А. Аргунову[47]) чрезвычайные права в деле выяснения виновности тех или иных лиц в имевших место событиях и 4) призвать все население Сибири к полному спокойствию и уверенности в том, что интересы, права и законности Временным Правительством будут охранены в полной мере».

Решение это, при всей осторожности его, было к тому же и слишком мягким в условиях того времени.

Стороны расценили его так, как и должны были расценить. Дума прерывала свои действия, не получив реванша за нанесенный ей Омском удары; естественно, это не вызвало в ней особо нежных чувств к Директории. Омск торжествовал, он временно, за счет Директории, покончил с Думой, остался почти безнаказанным, так как следственная комиссия, попавшая в омут омских интриг, среди поддержки виновников преступления своими людьми, явно обрекалась на пустую формальность.

Это было некоторым утешением для Омска, ввиду выяснившегося провала миссии Вологодского и отказа в признании союзниками.

Чехи, с своей стороны, конечно, вполне ясно увидели в этом решении определенный намек, что их вмешательство в наши внутренние дела совершенно не одобряется Директорией.

Во всяком случае, маневр, проделанный Омском, был чувствительным ударом по Директории,—это надо было учесть, как первое серьезное предостережение.

Вечерний горячий призыв к единению рассеялся в предрассветном тумане. Вражда и рознь открыто ползли из всех щелей.

Так начинался первый день Временного Всероссийского Правительства—Директории.

VII.

Первые шаги Директории. Назначение верховного главнокомандующего. Положение на фронте.

Первые шаги Директории были чрезвычайно трудны. У ней не было ни делового аппарата, ни надежной вооруженной силы. Она ютилась пока в той же Большой Сибирской гостинице, в городе, густо насыщенном враждебностью и интригами.

Весьма слабой была даже внешняя спайка между ее составом, в котором в сущности были только два настоящих члена—Авксентьев и я; остальные являлись заместителями.

Из всей заседавшей в первый раз пятерки я лично довольно хорошо познакомился только с Н. Д. Авксентьевым, раз или два случайно видел В. М. Зензинова, никогда раньше не встречал В. А. Виноградова и только на заседаниях согласительной комиссии раза два-три обмолвился несколькими словами с В. В. Сапожниковым.

Мы были об'единены несомненным, общим для всех нас, желанием добра своей стране и народу, связаны созданной для нас конституцией, на верность которой мы дали торжественную клятву.

В сущности же мы являлись представителями и адвокатами пославших нас группировок, глубоко разноречивых и даже враждебных в своих политических и социальных устремлениях, при которых было трудно образовать определенное и твердое большинство даже в нашей пятерке.

Предрешался нудный, изматывающий, медлительный сговор. Для окончательного решения два голоса—Авксентьева и Зензинова—всегда нуждались в поддержке моей или Виноградова. В. В. Сапожников, как член Административного совета, волей-неволей принужден был считаться с указаниями Омска.

Среди нормальных условий любой конституционной страны, в которой налаженный годами деловой аппарат не очень тормозится трениями верхов, положение, конечно, не было бы особенно угрожающим. Но в пылающей в революционном пожаре России, среди хаоса и разрушений разрастающейся гражданской войны, положение Директории было безгранично трудным.

Наиболее слабым местом Директории была ее оторванность от широких масс. Она была порождением интеллигенции, декларировала общие красивые принципы и оперировала немыми отвлеченными лозунгами: «Родина», «народ» и ничем не соприкасалась с живой жизнью. Она оставалась в сто-

роне от подлинного крестьянина, рабочего, даже мелкого ремесленника, в стороне от тех жгучих, мучительно близких для них вопросов, так глубоко затронутых по ту сторону фронта гражданской войны.

Директория должна была звать к общему об'единению, порядку, жертвам, к продолжению ненавистной и непонятной борьбы на внешнем фронте.

Группировки, создававшие Директорию, продолжали свои интеллигентские споры, враждовали, интриговали, создавали обстановку, в которой каждый честолюбивый министр, как это мы видели в Омске, безнаказанно творил свою политику, маленькие атаманы чинили суд и расправу, пороли, жгли, облагали население поборами за свой личный страх, оставаясь безнаказанными.

Они были нужны—эти современные ландскнехты, они были готовой для найма реальной силой, им особенно покровительствовали в чисто мексиканской атмосфере Омска.

Директория пока была бессильна защитить от них население. Они прекрасно сознавали это и своими действиями безнаказанно топили ее престиж в широких массах, разбуженных революцией.

В этих условиях естественным стремлением Директории было оформление своих отношений ко всем имевшимся тогда вооруженным силам. Их надо было об'единить и подчинить своей власти. Об'единенное руководство требовалось и общим положением фронта, становившимся с каждым днем все более и более угрожающим.

На первом же заседании Н. Д. Авксентьев был избран временным председателем Временного Всероссийского Правительства, как официально именовалась Директория. Управление делами было поручено А. Н. Кругликову, одинаково приемлемому всеми членами Директории, с которыми у него установились одинаково добрые отношения. Эсер по партийной принадлежности, Кругликов, тем не менее, деловые вопросы всегда ставил выше программных. В нем делец преобладал над политиком.

Мне было вручено верховное главнокомандование всеми российскими вооруженными силами—задача по тем временам крайне сложная.

Вооруженные силы, находившиеся тогда к востоку от Волги, состояли из слабой по боевому составу, в массе своей демократически настроенной Народной армии, групп Оренбургского и Уральского казачьих войск, Башкирских частей и Сибирской армии и чехов.

Везде были свои главнокомандующие, командующие фронтами, армиями, огромные штабы и вообще организационные излишества старой царской армии, без достаточных материальных и боевых средств, с далеко неодинаковой идеологией, а кое-где и с открытой взаимной враждой (волжане и сибиряки).

Чехи, фактически руководившие боевыми операциями на Волжском фронте, считались уже иностранной армией и в сущности были реальным проявлением интервенции, как и отряды из бывших военнопленных других

национальностей—сербов, поляков, итальянцев, румын и проч., разбросанных по различным пунктам, вдоль сибирской железно-дорожной магистрали.

Все эти иноземные отряды, во главе с чехо-словаками, пользовались особым покровительством Франции и руководились имевшимся в Сибири военным представительством этой страны.

Наиболее организованную силу представляли чехо-словаки, командное руководство которыми было сосредоточено в руках генерала Сырового, политическое—у особого национального совета, во главе с Богданом Павлу.

Фактически чехи являлись хозяевами положения и в Сибири и на Волге. Широко снабжаемые союзниками, во главе с Францией, они, как и другие иноземные отряды, вместе с тем широко пользовались и местными средствами. Население страдало от поборов и насилий. В нем накоплялась злоба против чужеземцев-насильников.

Взаимоотношения всех этих вооруженных сил, и русских и иноземных, также оставляли желать лучшего. Сибирская армия, в лице ее штаба, была крайне враждебна чехам, находившимся в достаточно добрых отношениях с Народной армией, а эта последняя еле терпелась сибиряками.

Казаки, в лице их общего руководителя Дутова, по симпатиям склонялись к более реакционным группировкам Сибири, по материальной же зависимости и боевому фронту примыкали к Народной армии.

Были уже и независимые военные организации—атаманщина, в Сибири—красильниковцы и анненковцы, с лозунгами: «С нами бог и атаман», с явно монархическим уклоном и претензиями буйной вольницы.

В отношении Дальнего Востока сведения были весьма смутные, там только еще начиналась карьера атаманов Семенова [48]), Калмыкова [49]) и др.

Атаманы эти пока были еще скромны, и, по крайней мере, Забайкалье, как это выяснилось потом, выказывало все признаки подчинения, если не Директории, то во всяком случае ее верховному главнокомандованию.

В действительности, конечно, события на Дальнем Востоке текли своим особым порядком, завися в гораздо большей степени от интервентов, чем от той или иной русской власти.

Наибольшим осложнением в вопросе об'единения вооруженных сил было подчинение чехов русскому верховному главнокомандованию. Я уже имел случай отметить, что вопросу этому мною было уделено специальное внимание еще во время Уфимского совещания. Почва была достаточно подготовлена.

Командовавший чехо-словацкими войсками генерал Сыровой ждал лишь приезда председателя национального совета Богдана Павлу.

Решительное совещание по этому поводу состоялось в моей квартире, в присутствии прибывшего в Уфу генерала Дитерихса.

Раньше я не встречался с Дитерихсом. Я знал, что он командовал русскими войсками, переброшенными на солоникский фронт, для содействия союзникам, во время мировой войны. Прибытию его в Уфу предшествовали слухи о

его больших связях с французами и о возможности его кандидатуры на высшее командное положение в Сибири.

Дитерихс перед этим руководил чешскими войсками при ликвидации большевиков в Приморье, а потому пользовался известным значением и среди чешского командования, находившегося на Урале и в западной Сибири.

Директория твердо стала на точку зрения абсолютной недопустимости возглавления русских войск иноземцами или даже русскими генералами, являвшимися ставленниками союзников.

Я предлагал Дитерихсу принять то или иное участие в работе. Он отказался, заявив, что не хотел бы отрываться от чехов.

За время нашего совещания Дитерихс усиленно подчеркивал свою близость к чехам. Подчеркивание это было настолько ярким, что вызвало даже мой невольный вопрос: считает ли он себя русским генералом,—на что Дитерихс ответил: «я прежде всего чешский доброволец».

На это указывала и чешская нашивка на его рукаве.

Вопрос о подчинении был улажен. Генерал Сыровой, подчиняясь русскому верховному главнокомандованию, сохранял за собой руководство чешскими и русскими войсками в центре и на правом фланге общего фронта (Волжская и Екатеринбургская группы). Все казачьи войска, составлявшие левое крыло, об'единявшиеся общим командованием атамана Дутова, находились в непосредственном подчинении Главковерха. В таком же подчинении были Семиреченская группа и Сибирская армия, находившаяся пока в тылу.

Генерал Дитерихс согласился принять должность начальника штаба у Сырового.

По тем временам это была большая победа. Подчинение чехов состоялось без особых соглашений с французами. Их военный представитель, обиженный тем, что не был приглашен на совещание, заявил, что чехи—в их подчинении. Это, конечно, не изменило принятого решения.

Отмеченная схема командования фронтом, естественно, потребовала ряда коренных изменений и, прежде всего, смещения целого ряда лиц с занятых ими революционным порядком высоких постов главнокомандующих, командующих фронтами, армиями, упразднения целого ряда учреждений с громкими наименованиями главных, генеральных и других штабов.

Если в первичный период борьбы был целесообразен всякий смелый порыв, действующий за свой личный страх и достигающий им самим намеченные цели, то теперь, с созданием единой центральной власти, надо было собрать, об'единить все эти разрозненные усилия и направить их энергию уже для достижения задач, поставленных Верховной властью.

Насколько велики были организационные увлечения в одной Народной армии, достаточно привести следующий факт:

Представлявшийся мне молодой капитан доложил, что он является начальником одного из главных управлений армии.

«Какой же у вас штат?»—поинтересовался я.—«67 человек». «А имущество?»—«Да никакого почти»,—последовал ответ.

«Вот и отлично,—вы с двумя дельными помощниками останетесь хранителями вашего имущества и будете ядром будущего формирования; остальных всех—в строй».

В связи с начавшимися неудачами на фронте, оказалось много начальников и отрядных штабов без войск. Все они жаждали назначений. Многих тянуло в тыл, отдохнуть от передряг и лишений фронта.

Приходилось все чаще и чаще подмечать среди старого офицерства воспитанную поколениями склонность и укоренившуюся привычку служить лицу, а не идее. Исчезла «служба государю»—образовалась пустота. Служение «народу» звучало хорошо, но не было привычным.

Генерал в составе штатской Директории, да еще с социалистами, тоже вселял некоторое смущение.

Кое-кто искренне думал, что это только так, на время, а потом...

Были предложения по созданию «надежнейшей» части, которая была бы в непосредственном распоряжении Главковерха.

Жажда диктатора, и непременно диктатора военного, росла все шире и шире. Пример юга, где властвовал Деникин, казался весьма многим идеалом. Эти настроения поддерживались и тем беженским элементом, среди которого вращалось не занятое борьбой на фронте офицерство и который довольно обильно просачивался за Урал и, как в будущей цитадели, осел потом в столице западной Сибири—Омске.

При таком идейном разброде, при значительной утрате общей дисциплины, удовлетворить всех не представлялось возможным. Явились, конечно, недовольные, непонимавшие, или нежелавшие учесть необходимости столь крутой ломки. Одним казалось, что новое главнокомандование забирает вправо, другие видели крупные уступки «Учредилке» и социалистам. Недовольным широко открывались двери в омские группировки, оппозиционно настроенные к Директории.

Так, одна из очень активных групп, руководимая весьма энергичным капитаном Степановым, имя которого было связано с захватом Казани и затем поражением под ней, была чрезвычайно обижена отказом от предложенных ею услуг.

Приказание отправиться в один из тыловых городов для переформирования и немедленного затем возвращения на фронт было принято, как обида.

Группа эта, оказавшаяся затем в Сибири, после падения Директории, когда я возвращался из Челябинска в Омск, добровольно явилась в распоряжение Колчака для борьбы со мной.

Чрезвычайно сложным оказался вопрос и с формированием моего штаба. Старых опытных работников, сотрудников по мировой войне, под рукой не было.

При существовавшей вражде между Народной и Сибирской армиями, брать людей из их состава—это значило бы только еще больше усилить их рознь. Нужны были нейтральные работники.

Пришлось остановиться на небольшой группе молодежи, главным образом, из состава бывшей академии Генерального штаба. Но и здесь было «но»—академия только что была пленена в Казани; до этого времени она работала с Красной армией и расценивалась «большевистской»[50]). Особенной нетерпимостью в отношении академии был одержим штаб Сибирской армии, грозившей расстрелом «ученых большевиков». Начальнику академии

ген. Андогскому, энергичному дельцу и недурному организатору, пришлось долго «каяться», чтобы очистить себе дорогу к положению, которое он занял потом в Омске.

Вскоре в Уфу прибыл прорвавшийся через фронт генерал Розанов. Я знал его по мировой войне, как весьма дельного и решительного строевого начальника. Политическая его физиономия была мне почти неизвестна; говорили, что он оказался слишком черным даже для Национального центра.

Розанов был начитан, хорошо владел языками; я знал о его склонности к «вековым устоям», но не допускал совершенно, чтобы он мог сделаться тем Розановым, которым он оказался в бытность его в Красноярске, а затем и на Дальнем Востоке.

Выбирать было не из кого и некогда. Розанов был назначен начальником моего штаба. Мне передавали неудовольствие Комуча—кажется, даже пришлось поговорить по этому поводу, если не ошибаюсь, с В. К. Вольским,—но решение осталось неизменным.

Положение на фронте было весьма сложно. Красная армия, видимо, реорганизовалась.—Это стало заметным и в области высшего управления и в области тактики. Меня особенно поразили донесения о боях, происходивших в районе Вольска и на Сызрано-Самарском направлении.

Красные широко и умело начали применять тактический охват, обламывали крылья противника и угрозой обхода вынуждали к спешному и беспорядочному отходу. Положение Самары делалось чрезвычайно тревожным.

Слухи о немецком руководстве крепли все более и более. Во всяком случае, чувствовалось, что вожди-любители получили значительную прослойку толкового и опытного руководства.

В общем, нажим красных особенно энергично обнаруживался в четырех главных направлениях:

а) Саратов—Уральск, б) Сызрань—Самара, в) Казань—Бугульма и г) Пермь—Екатеринбург.

Довольно сильный отряд красных действовал вдоль Оренбург-Ташкентской железной дороги, со стороны Актюбинска. Постепенно возникал и, так называемый, Семиреченский фронт, с главнейшим направлением Копал-Семипалатинск.

Тяжесть положения Народной армии, Оренбургских и Уральских казаков и чехов значительно усиливалась отсутствием прочных резервов и хроническим недостатком боевых припасов. Сибирская армия все еще формировалась и была отделена огромным расстоянием от боевого фронта.

Скудность железнодорожной сети вдоль левого берега Волги крайне затрудняла маневрирование и взаимную поддержку. Каждая отдельная группа в сущности предоставлялась своим собственным силам, при чем каждая из них должна была сама справляться и с тем крайне изменчивым в условиях гражданской войны настроением, которое создавалось среди населения [51]).

Правильно налаженной агитационной работы у антибольшевистских группировок не было; она не создалась в должной мере и потом. В этом отношении Красная армия всегда была в значительно более выгодном положении.

В этот начальный организационный период, конечно, нечего было и думать о широких стратегических заданиях. Важно было только наметить предельный рубеж, на котором можно было бы задержать красных и выиграть столь необходимое время для переформирований, перегруппировок и— что самое важное—для подхода резервов из Сибири.

Не исключалась возможность отхода до перевалов через Уральский хребет. Это ставило в очень тяжелое положение Уральское казачье войско и значительно затруднило бы связь с южной добровольческой армией.

Туда было послано извещение о создании в Уфе Всероссийской власти, о заместительстве меня Алексеевым в Директории.

Претензии юга в то время были еще очень велики. Я предполагал, что извещение Директории там будет встречено без особого энтузиазма. Так оно, конечно, и было.

Но это не представляло особой важности. Разрыв между фронтом юга и Поволожья был слишком велик. Надо было, прежде всего, сойтись поближе.

В то время связь была возможна лишь через небольшой казачий отряд, занимавший Гурьев, затем через Каспий и северный Кавказ, откуда только чт было получено сведение, что оперирующий там отряд Бичерахова приветствует Директорию и просит руководящих указаний.

Это облегчило связь и с южной добровольческой армией. Более короткое направление для связи могло быть через Царицын, но оно не было надежным. Отсутствие радио чувствовалось весьма сильно. Красная армия и в этом отношении имела значительные преимущества.

При большем единстве, при отсутствии сепаратизма у южан наиболее выгодным представлялось добиваться непосредственной боевой связи с южной добровольческой армией, т. е. направлять все усилия и главный удар в юго-западном направлении, примерно, на фронт Саратов—Царицын.

При успехе операции в этом направлении, получилась бы огромная охватывающая красных дуга, сжимание концов которой сулило самые решительные результаты. Москва, кроме того, лишилась бы запасов богатого юга, лишилась бы угля и столь необходимого ей жидкого топлива.

Но эта сложная операция была, конечно, не по силам Народной армии, обратившейся в тонкую паутинку, которая начала легко рваться под напором красных. Надо было быстро привести в готовность только что мобилизованные силы Сибири и бросить их за Урал.

Этого из Уфы было сделать нельзя. Условное подчинение Сибири подкрепить там было нечем. Руководящие круги в Омске были заняты другими делами: они готовились к тому, что произошло затем 18 ноября.

Предоставленная самой себе Народная армия постепенно теряла столь необходимый плацдарм на правом берегу Волги, теряла важнейшие переправы и постепенно отжималась красными к Уралу.

Сепаратизм и идеологическая отчужденность юга, страх опоздать с торжественным в'ездом в покоренную Москву продолжались еще долго и потом, когда Директорию сменило уже единодержавие Колчака. Эта отчужденность, как уже отмечалось, особенно чувствовалась в отношении Директории.

Наоборот, с севера из Архангельска, где образовалось свое правительство, с членом Директории Н. В. Чайковским во главе, получилось не только признание Директории, как Центральной Всероссийской власти, но и горячее стремление к возможно скорейшему установлению связи.

Это направление имело также свои выгоды: при успехе оно предоставляло в распоряжение главнокомандования железнодорожный путь к Котласу, где имелись некоторые запасы, и далее по Двине вело к связи с Архангельском, с богатым источником боевого снабжения, столь необходимого в то время.

Бывший главнокомандующий иностранными силами на севере, генерал Пуль, вскоре прислал подробную ориентировку о положении дел в районе Архангельска.

Эти обстоятельства, в связи с большей возможностью усиления Екатеринбургской группы сибиряками и подходящими с генералом Гайдой чехами, теми именно чешскими частями, которые оперировали в Восточной Сибири,—все это указывало на целесообразность пожертвовать более выгодным южным направлением в пользу северного.

План этот сохранился затем и при Колчаке. С принятием его, башкирск. Уральские и Оренбургские казаки предоставлялись их собственным силам.

Я не имел возможности лично осмотреть войска и детально ознакомиться с положением на фронте, что ставилось и ставится мне многими в вину. Это было бы вполне справедливо, если бы откинуть некоторые обстоятельства, прежде всего—мое присутствие необходимо было в Директории—она решала вопрос о резиденции и об отношениях к Сибири; кроме того, надо было возможно скорее осуществить вопрос о выдвижении на фронт сибиряков, которым необходимо было хотя бы показаться, и, наконец, непосредственное руководство фронтом было в достаточно прочных руках ген. Сырового, Дитерихса и нескольких других старых и опытных русских генералов и офицеров.

Более крупной ошибкой с моей стороны было предоставление формирования особой бригады с артиллерией и конницей начальнику моего штаба генералу Розанову. Эта бригада должна была составить личную охрану Директории—ее ближайшую вооруженную силу, которая должна была предшествовать переезду в избранную Директорией резиденцию. По тем временам это было необходимо, и я, к сожалению, несколько поздно понял, что достигнутое в Уфе соглашение надо было немедленно закреплять штыками, и что ближайший и более опасный враг был не на фронте, ввиде Красной армии, а рядом, под боком и в тылу—в том идейном разброде, анархичности всевозможных группировок, особенно военных, утративших всякое представление об общей дисциплине, необходимой жертвенности в бесконечно трудный в тех условиях первый организационный период.

Я положил в основу моей деятельности доверие. Действительность показала, что нужны были другие, более суровые меры.

Начальником формирующейся бригады был назначен лично мне известный по мировой войне полковник Г. Тогда очень храбрый и энергичный, он

видимо, утратил эти качества в непривычных суровых условиях революции. 700 отличных офицеров и солдат, казалось, были бы достаточно прочным кадром, и, тем не менее, дело подвигалось плохо. Розанов, если пока определенно не мешал формированию, то, во всяком случае, не оказывал необходимого содействия.

Он, как оказалось потом, сразу же попал в орбиту влияния сторонников диктатуры и двоился между требованиями долга и мечтой о восстановлении порядка, сметенного революционной бурей.

Во всяком случае, состоявшийся затем переезд Директории в Омск охранялся лишь небольшим личным конвоем; бригада была в процессе формирования.

VIII.

Выбор столицы. Дорога. Приезд в Омск.

Пребывание Директории в Уфе становилось совершенно нецелесообразным. Успехи красных в Самарском направлении все более и более усиливали возможность непосредственной угрозы и Уфе. В ней не было ни достаточного контингента людей для создания необходимого делового аппарата, ни необходимых помещений, а, главное, пребывание в Уфе совершенно отрывало Директорию от Сибири, которая в создавшихся условиях являлась единственным и всесторонним резервом для борьбы.

Выбирать приходилось из трех пунктов: Челябинск, Екатеринбург и Омск. Первый—Челябинск—быстро отпал: в нем размещались все сложные учреждения фронта и готовившийся к выходу на фронт целый армейский корпус.

Омск был очень далеко от фронта. Переезд туда Директории являлся как бы отрывом от Европейской России, суживал влияние Директории до сибирского масштаба, где пока еще было свое Сибирское Правительство, отношение которого к Директории уже достаточно определилось.

Симпатии Авксентьева и Зензинова склонялись к Екатеринбургу. Город этот хотя и был близок к фронту, но он представлял большие удобства, в смысле размещения. В нем можно было найти и достаточное число работников. Настойчиво приглашало Директорию в Екатеринбург и местное Уральское областное правительство, измученное распорядками местного представителя фронта генерала Голицына. Член правительства Л. А. Кроль получил указание подготовить необходимые помещения. Вопрос был почти предрешен.

В это время было получено и представление Сибирского правительства, также настойчиво приглашавшего Директорию в Омск, при этом В. В. Сапожников выдвинул, оказавшуюся столь пагубной, мысль об использовании Сибирского совета министров, как готового уже делового аппарата для Директории. Уклон в сторону Омска усилился после заявления приглашенного на одно из совещаний генерала Сырового, что при создавшихся на фронте условиях он не может гарантировать не только безопасность Екатеринбурга, но и не исключает возможности его оставления.

Пессимизм Сырового имел источником неприятные осложнения, начавшиеся в чешских войсках в районе Самары.

Я лично не считал это заявление достаточным для отказа от Екатеринбурга, и исходил из другого соображения—главный враг Директории

был все-таки Омск, надо было вплотную подойти к нему и так или иначе обезвредить его или окончательно убедиться, что Директория в наличном ее составе действительно не более, как «досадное осложнение». Большое сомнение возникало у меня и в отношении возможности быстрого создания делового аппарата, а без него Директория только бесполезно тратила время на заседания. Вопрос об Екатеринбурге был пересмотрен, и большинство высказалось за Омск.

Дальнейший ход событий привожу по сохранившимся страницам моего дневника.

Уфа, 3 октября. Заседание Директории.

Доклад прибывшего из Омска товарища министра финансов Буяновского по вопросу о переходе Временного Всероссийского Правительства в Омск. Просят. Положение Сибирского Правительства, видимо, сильно поколебалось конфликтом с Областной Думой. Последняя выделила Исполком, чем, впрочем, и ограничилась ее активность[52]).

Проклятый вопрос с резиденцией. В силу исключительных обстоятельств вопрос этот разрешается в пользу Омска. Без делового аппарата работа у нас стоит. Конечно, престиж правительства падает: мы рвем с Европейской Россией[53]).

Челябинск, 5 октября.

На вокзале торжественная встреча депутации. Почетный караул со старым царским знаменем. Это, видимо, установилось явочным порядком. Вопрос чрезвычайно деликатный в то время.

Представляется элегантный английский офицер.

«Высокий английский комиссар сэр Ч. Элиот просит узнать, где и когда он может видеть Верховного Главнокомандующего».

Отвечаю: «через 10 минут у меня в вагоне».

Входит английский высокий комиссар. Говорит по-русски. После обмена взаимными любезностями, он задает, примерно, такой вопрос: «Не является ли несколько преждевременным об'единение в вашем лице командования и над чешскими войсками, так как чехи считаются иностранной вооруженной силой?».

На сделанный мне вопрос я ответил вопросом: «А как вы поступили бы на моем месте в аналогичных условиях?».

Собеседник мой сделал неопределенный жест рукою и перешел на новую тему, о скором приезде военного представителя Англии, генерала Нокса, более компетентного в военных вопросах.

На площади парад квартирующему в Челябинске 3 Уральскому корпусу и оренбуржцам. Командует старый генерал Ханжин, превосходный боевой артиллерист в мировой войне. Огромное скопление народа.

После парада, перед поездкой на торжественный банкет, я поехал посмотреть, как живут войска у себя в казарменной обстановке. Впечатление получилось неважное. Оно не покидало меня во все время банкета. Заносчивость в речах союзных представителей подлила масла в огонь.

Я сказал им: «... пока все, гости и хозяева, восхищенные парадом, шли сюда, я, по старой командирской привычке, поехал посмотреть солдата в его будничной, казарменной обстановке. И мне стало стыдно и больно за русского солдата: он дома бос, оборван, живет в убогой обстановке, стеснен... Больно, особенно потому, что, несмотря на все, в лице солдата я увидел то же выражение готовности к жертве, с которым он шел в Восточную Пруссию спасать от смертельного нажима Францию, с которым взбирался на обледенелые Карпаты, чтобы братски выручить Италию; увидел то же выражение, с которым он, почти безоружный, лез на проволоку, чтобы обеспечить временную передышку дерущимся на западе союзникам.

Русский солдат стоит иного внимания, чем то, которое звучало в речах говоривших здесь ораторов. Не милости просит он, а требует того широкого, безоговорочного содействия, на которое дают ему право пролитая им кровь и все затраченные им для общесоюзного дела усилия»...

Выступление это имело шумный успех и горячо было подхвачено тогдашней прессой. Было сказано то, что хотелось сказать многим.

Исиль-Куль, 8 октября.

Поезд плетется скучной степью. В 12 час. 30 мин. под'ехали к Петропавловску. Почетный караул: драгуны, казаки, чехи, сербы, румыны, поляки, учебные заведения и граждане.

Делегации, речи, приветствия, чудесные, милые, полные любопытства, лица детей.

В городе в гостинице «Россия» был приготовлен обед. Тосты начались перед супом почтенным городским головой. Очень красивую речь сказал Авксентьев. Я, от лица армии, ответил на приветствие тов. министра Буяновского. Благодаря присутствию дам, обед прошел более оживленно, чем в Челябинске.

Смотрел лазареты, военный и организованный семьями офицеров. Посетил детскую колонию с детьми-беженцами из Петрограда: много сирот, большинство—дети петроградской бедноты и рабочих[54]). Нашел много заботы. Детской колонии приказал отпустить пособие.

Омск, 9 октября.

Прибыли ровно в 10 час. утра. Опять солнце и вообще чудесная погода. С удовольствием заметил национальный флаг над железнодорожными мастерскими. Вокзал тоже убран национальными флагами.

В вагон вошли командующий Сибирской армией ген. Иванов-Ринов, председатель Областной Думы Якушев и член Сибирского Правительства Серебренников. Его «добро пожаловать» звучало как-то не особенно радостно.

Приветствовал чешский уполномоченный Рихтер и многие другие. На перроне был выстроен чешский почетный караул,—станция находилась в ведении их коменданта.

Затем поехали по ветке в город. Станция «Ветка» декорирована национальными и сибирскими флагами. Площадка усыпана песком. Несколько

арок; одна из зелени с надписью «добро пожаловать». Почетный караул от сибирских стрелков.

В штабе армии был приготовлен чай и закуска.

Отсюда поехали на парад, которому предшествовал торжественный молебен.

В своей речи архиепископ сказал, что он с удовольствием отмечает внимание к церкви, перед которою с обнаженной головой стоит новое Всероссийское Правительство.

Огромные толпы народу. Картина грандиозная. Давно неслышанные звуки «Коль славен» при шествии после молебна духовной процессии.

Подали коня. Об'ехал войска, собранные на огромной площади. Только при моих легких можно было произнести приветствие, слышное всему параду. Гремело «ура». Затем началось шествие.

Особенно стройно прошли саперы и артиллеристы. Шествие замыкал взвод тяжелой артиллерии.

Затем правительству были представлены высшие чиновники, представители городских и общественных организаций.

Все шло чудесно. Официальная сторона—безупречна[55]).

А вот дальше хуже. Еще за чаем в штабе чувствовался холодок. Затем оказалось, что квартирьеры наши почти ничего не нашли. Мне отвели два скверных номера, Авксентьеву—две небольших комнаты на какой-то глухой окрайной улице.

Дело, конечно, не в помещениях: в городе было очень тесно. Тем не менее это был явный вызов. Остались в вагонах.

В 3½ часа слушали у Авксентьева доклад председателя чрезвычайной следственной комиссии Аргунова[56]). Очень мрачно. Козыри Директории крайне слабы. Работа Вологодского на Дальнем Востоке исключительно в интересах Сибирского правительства. По словам Вологодского, союзники считают нас «Уфимским» правительством, новым «досадным осложнением» политической обстановки[57]).

Кроме того, считают, что Директория недолговечна, через 2—3 месяца ее сменит Учредительное Собрание, которому никто не верит.

Конфликт между Административным советом и Сиб. Обл. Думой обостряется. Демократические круги считают Административный совет реакционным, боятся военщины, особенно отряда Анненкова.

В 5 часов был в штабе. Представлялся весь штаб. Выслушал подробные доклады по всем отделам. В краткой речи наметил основные тезисы работы.

По докладам, снаряжение, обмундирование и вооружение армии в отличном порядке, но в этом основа унизительной зависимости от союзников.

Так ли все хорошо в действительности? В Челябинске я лично убедился, какая разница между парадом и казармой.

Генерал Иванов-Ринов едет на Дальний Восток один. Начальник штаба ген. Белов остается здесь. С трудом удалось раз'единить их. Вдвоем они—сила, и, вероятнее всего, сила враждебная.

Долго потом беседовал с глазу на глаз с Ивановым-Риновым, предостерег его от соблазна дать свою подпись на сепаратный договор с союзниками от имени Сибирского правительства.

Омск. Вагон. 12 октября.

С утра толпа посетителей. Первым явился американский консул Джемсон. Общие иностранцам указания на множество наших правительств, на безделье и разговоры.

Я ему указал, что между нашими многочисленными союзниками согласие не лучше, чем между нашими правительствами.

Почтенный консул намекнул, что Америка не прочь была бы помочь нам советами и даже присылкой генерала. На это я ответил, что советов и генералов в России достаточно и своих, и что со стороны представителя столь деловой нации можно было бы ожидать и более деловых заявлений.

Был Савинков. Командируется во Францию для широкой информации заграницей и поддержки там интересов правительства. Авксентьев и Зензинов очень довольны, так как Савинков все же будирующий элемент, а мы и без того, как в котле[58]).

Явился ряд депутаций: от Омского отдела Союза «Возрождение России», от Омской группы трудовой народно-социалистической партии эсеров «воленародовцев»[59]) и союза кооперативов. Все с весьма пространными декларациями, сводящимися к защите Временного Сибирского Правительства и к нападкам на «Самарку» и Обл. Думу.

Декларации эти весьма характерны для настроений, господствовавших тогда в Омске:

«Всероссийскому Временному Правительству».

«Граждане России, призванные быть вождями русского народа в неиз'яснимо тяжкие дни русского национального бытия», так высокопарно начиналось приветствие Омских возрожденцев.

«Мы приветствуем—говорили они—избрание вами Сибирской столицы за место своего пребывания. Только в Сибирской окраине—нашей общей Родины заложены прочные основания Государственного Строительства»... «именно здесь... власть Сибирская, возвысившись над всякими партийными, групповыми и программными соображениями, умело, энергично и честно служила лишь интересам общенародным и общегосударственным»...

После пожелания сохранить Административный совет Сибирского Правительства, а также принятую «систему военного и гражданского управления в основных ее принципах», возрожденцы весьма откровенно выявили свое отношение к Сибирской Областной Думе:

«Партийные страсти и односторонность, утопические планы глубоких социальных преобразований, калечащих и без того больную русскую действительность,—все это свило себе и в нашем быту свое гнездо и не могло исчезнуть без следа в столь

короткое время. Противодействуя оздоровляющим началам, все эти отмирающие пережитки недавнего прошлого домогались места в самом центре здания Сибирской Государственности».

«Мы имеем в виду Областную Думу, заявившую вскоре после переворота неосновательную претензию на верховную власть в Сибири»... «В самой своей конструкции она не отвечает ни принципам народоправства, ни реальному соотношению общественных сил».

Омские трудовики в своем заявлении «Всероссийскому Временному Правительству, избранному на Государственном совещании в городе Уфе», повторяют слова своего вождя Керенского, что «у народа русского не хватило ни разума, ни совести, чтобы спасти собственное демократическое государство от развала, предательства и даже от неслыханной по зверству междуусобицы» ...и считают нас, Директорию, счастливее своих предшественников:

«Вы счастливы. Вы имеете то, чего не имело ни царское самодержавие, ни временное правительство 1917 года. В лице приходящих сегодня к вам делегаций, вы видите жизненное, яркое воплощение идеи об'единения всех живых сил страны под знаменем великого дела возрождения Родины. Вы видите, что для государственномыслящих элементов нации возрождение России не пустой лозунг, а повелительный гражданский долг. Вы видите здесь, что и русский интеллигент, демократ и сознательный рабочий сумели перед лицом гибнущей Родины отрешиться от традиционного недоверия к сильной Государственной власти и наивно предательских иллюзий Циммервальда».

Далее и здесь похвала Сибирскому правительству:

«Временное Сибирское Правительство завоевало себе высокий авторитет не только в своем населении, но и за рубежом у союзников, сплотило вокруг себя все государственно-мыслящие элементы, которые поддерживали его и поддерживают в самые трудные минуты—ради Родины и ее счастья».

В заключение высказывалось заверение в стойкой поддержке Директории.

Социалисты-революционеры Омской группы «Воля Народа» были кратки. Они выражали уверенность в «воссоздание русской государственности, построенной на крепких устоях истинного народовластия», и решительно отметили и старое Учредительное Собрание и Областную Думу. Они говорили:

«никакие суррогаты представительных учреждений, каким бы именем они ни назывались, и на чьи бы авторитеты они не ссылались,—не должны притязать ни на какую роль в Государственном управлении, а тем более на контроль над действиями Верховного Правительства».

Весьма импозантно выступили кооператоры: они приветствовали нас «от имени Всероссийской кооперации, об'единяющей более 10-ти миллионов населения Сибири от Урала до Владивостока».

«Мы—заявили кооператоры,—остаемся верными лозунгу, под которым поднимали в мае восстание против большевиков: «через свободную Сибирь, через Сибирское Учредительное Собрание к восстановлению всей России и к созыву Всероссийского Учредительного Собрания».

...«Вы на сибирской территории—люди новые», говорилось в обращении, «незнакомые со многим, что таится в глубинах наших помыслов».

Это была предостерегающая правда: замыслы эти мы узнали весьма скоро.

«Временное Сибирское Правительство, организовавшееся снизу, поняло вопль наболевшей души, и вот почему оно, мы смело утверждаем это, сумело в короткий срок завоевать симпатии широких масс».

Далее похвала Административному совету и вражда к Областной Думе:

«создать такой деловой аппарат, каким является Административный совет министров, дело не шуточное; для этого надо затратить много сил и энергии»... «в начатой Областной Думой борьбе против Временного Сибирского Правительства вы не станете на сторону Думы»...

«Мы верим», заканчивали кооператоры свое обращение, «что вы будете не разрушать уже созданное, а улучшать и расширять его, и в этой вашей деятельности Всероссийская кооперация поможет вам всей мощью своей организованности».

Таков был голос демократической общественности Омска, и, если верить заявлениям,—голос большинства Сибири. Директория собиралась поглотить Временное Сибирское Правительство, представляющееся таким совершенным в оценке этой общественности.

Административный совет вел игру тонко. В обстановке Омска нам приходилось быть скромными.

Но вернемся к дневнику. Я с большим самоотвержением выслушал словесный поток четырех делегаций. Делегаты ушли, кажется, очень довольными.

Просила принять жена бывшего военного министра Гришина-Алмазова. Привезла билет на благотворительный вечер. Интересная дама, хорошо, видимо, знающая местную политическую жизнь и ее настроения.

В 2 часа были на частном совещании Административного совета по вопросу о передаче Директории делового аппарата Сибирского правительства. Члены совета оказались довольно несдержанными. Заявление Авксентьева вызвало крайне резкие нападки министров Петрова (земледелия) и Михайлова.

Я принужден был выступить и несколько охладить эти горячие головы заявлением, что меня удивляет тон нотаций и непрошенной критики по адресу Всероссийской власти.

Настроение сразу понизилось, боевой задор исчез, были сделаны конкретные предложения, на которые мы должны были дать ответ к 8 часам вечера.

Обедало все правительство у меня в вагоне. В. М. Зензинов поразил меня заявлением, что, по его мнению, кажется, все наладится. Во время схватки в Административном совете, он переживал тягчайшие минуты и запиской поблагодарил меня за выступление, после которого у него, «как гора с плеч свалилась».

Зензинов—честнейший человек; лично мне он был симпатичен и почему то всегда представлялся пишущим передовицы для партийной газеты. Его особенно ненавидели и члены Сибирского правительства и общественные круги Сибири.

Платился за грехи партии.

После обеда начался наш обмен мнениями по поводу сибирских предложений. Авксентьев неимоверно волновался, говорил, что предложения эти— капитуляция для нас, что надо рвать. Ему резонно возразили: а потом что? Что выиграет от этого дело возрождения России?

Спорили долго и горячо.

В конце-концов, согласились признать приемлемыми предложения сибиряков об упразднении их правительства, как областного, об использовании их кабинета, как Совета министров Временного Всероссийского Правительства, при чем реконструкция должна была быть произведенной по прибытии с Дальнего Востока П. В. Вологодского. Назначение министров по соглашению. В дальнейшем право Временного Всероссийского Правительства устранять министров, не соответствующих своему назначению.

Временно решило использовать Административный совет для выполнения всех функций по указанию Временного Всероссийского Правительства.

Областное Сибирское Правительство устанавливается в будущем путем созыва Сибирского Учредительного Собрания.

В городе брожение умов. Растет несомненная большая опасность справа—от офицерства, которое опутывается цепкой паутиной прежнего монархизма.

Омск. Вагон. 13 октября.

Представлялся генерал Голицын с Екатеринбургского фронта—гроза местного правительства, которое жалуется на него беспрестанно; человек, видимо, прочный, но большой интриган; сотрудничал раньше с Корниловым.

Были с Виноградовым у Буяновского[60]), где встретили Михайлова— «штатский Наполеон». Говорят, очень дельный. Во всяком случае, очень ориентированный в местных делах.

Я с любопытством присматривался к его маленькой уверенной фигуре. Что именно он направлял ход местной политической жизни—не было никакого сомнения.

Михайлов осторожно зондировал: не кажется ли мне слишком громоздкой Директория; он поддерживал мое предположение об опасностях, растущих справа, заявил, что термин «военщина» стал нарицательным. Сознавал наличие нездоровых настроений, создание которых народная молва ему-то именно и приписывала.

Политические «смотрины», устроенные четой Буяновских, сопровождались отличным завтраком по-сибирски: с водкой и наливками.

Был офицер от ген. Флуга[61]), помощника Хорвата по военной части; едет с письмом к Алексееву. По его мнению, дела на Дальнем Востоке неважны. Японцы ведут себя, как завоеватели, а не союзники. Недаром прибывший с этим офицером, адмирал Колчак будто бы высказался, что, если бы пришлось выбирать между немцами и японцами, он предпочел бы первых.

Слушал доклад офицера, прибывшего из Архангельска. Там дела понемногу налаживаются. Союзники более активны в смысле высадки войск в помощь местному правительству, но в общем тоже много не делают.

Опять пришлось сдерживать Сырового. Сколько не нужной и нервной работы!

Вечером заседание правительства. Вопросы пустые. Опять путаная телеграмма от Вологодского. Иванов-Ринов прислал подробную и интересную информацию, доносит, что выслал полковника Волкова.

Телеграмма Иванова-Ринова—ответ на мое категорическое приказание вернуть полковника Волкова, участника Омских событий 21—22 сентября, которого Иванов-Ринов прихватил с собой на Дальний Восток, с целью спасти его от чрезвычайной следственной комиссии Аргунова.

Телеграмма эта дает интересное освещение этих событий:

«Омск, лично Главковерх, копии Административному совету, Наштарм Сиб. 12/10 ст. Култук. 15 час. 35 мин.

Согласно переданного через Наштаверха приказания, командирую Волкова для явки чрезследком. Проверив личным обследованием деятельность Крутовского Красноярске—в частности в Омске, приходится признать эту деятельность явно-провокационной. Если бы Крутовскому, Шатилову, Якушеву удалось осуществить государственный заговор Омске, то, несомненно, произошли бы катастрофические события. Выступление Волкова может быть юридически преступно, но в результате, несомненно, спасло положение. Единственно над ним тяготело преступление в убийстве Новоселова, за что я, будучи в Уфе и непосвященный в омские события, отрешил его от должности начгарнизона, заключив под стражу. По расследовании же событий я пришел к глубокому убеждению что Волков к убийству Новоселова не причастен, почему я, принимая также во внимание, что следком не нашла нужным принять в отношении Волкова каких-либо мер пресечения против уклонения его от суда и следствия, освободил Волкова из-под стражи. Командируя Волкова по вашему приказанию в Омск, усердно ходатайствую перед вашим превосходительством не отказать войти в рассмотрение следующих моих соображений: 1) широкие общественные массы, сплоченные группы политических партий, за исключением крайних левых, считают Крутовского, Шатилова, Якушева и Облдуму вставшими на путь государственной измены, вовлекшими в противогосударственный заговор иностранное чешское войско; 2) те же группы считают Волкова выполнившим свой государственный долг; 3) всякая репрессия со стороны следком в отношении Волкова, при условии оставления безнаказанными Крутовского, Шатилова, Якушева и принявшей участие в заговоре Облдумы, может вызвать новую смуту. По изложенным соображениям, считаю пребывание Волкова небезопасным для государственного порядка. Докладывая изложенное, присоединяю усердное ходатайство предотвратить возможное неосторожное решение чрезвычайной следственной комиссии. № 0232 Командарм Сиб. Ген.-Майор Иванов-Ринов».

Комиссия Аргунова, в чрезвычайно запутанной обстановке Омска, оказалась гораздо более мягкой, чем предполагал Иванов-Ринов. Волков остался безнаказанным и через месяц с небольшим участвовал в аресте членов уже самой Директории.

Возвращаюсь к дневнику... Судя по телеграмме, Иванов-Ринов отлично держал себя с ехавшим в Иркутск японским генералом Муто[62]). Видимо, и этот город входит в орбиту японских вожделений. Ездят, как по своей территории.

IX.

Появление в Омске адмирала Колчака. Связь с Архангельском.

Омск.—Вагон. 14 октября.

Среди многих посетителей был адмирал Колчак, только что прибывший с Дальнего Востока, который, кстати сказать, он считает потерянным, если не навсегда, то, по крайней мере, очень надолго.

По мнению адмирала, на Дальнем Востоке две коалиции: англо-французская—доброжелательная и японо-американская—враждебная, при чем притязания Америки весьма крупные, а Япония не брезгует ничем. Одним словом, экономическое завоевание Дальнего Востока идет полным темпом.

Очень неодобрительно относится Колчак к деятельности «атаманов», особенно Семенова и Калмыкова.

Колчак об'яснил цель своего приезда желанием пробраться на юг к ген. Алексееву. Он был будто бы крайне разочарован Востоком*).

Вечером заезжал на благотворительный концерт. Неприятное впечатление[63]) произвел офицер, читавший довольно нелепые стихи: «Молитва офицера», с подобострастным обращением к союзникам.

Омск.—Вагон. 15 октября.

Утром ездил смотреть головной эшелон английской морской батареи (шестидюймовые пушки). Команда, пять англичан, отлично одета и прекрасно вымуштрована. Это—первая реальная помощь союзников.

Был в министерстве путей сообщения**), слушал доклад управляющего и принял представлявшихся высших чинов министерства. Поручил представить мне доклад о состоянии Северного Морского пути и о возможности его использования.

Сегодня первый раз правительство заседало в новом помещении.

---

*) До сих пор я знал Колчака, лишь как решительного, талантливого моряка и реформатора наиболее косного из министерств царского времени—морского. Никакого предубеждения у меня в отношении Колчака совершенно не было, и я вполне искренне стремился задержать его для работы в Сибири.

**) В целях разделения труда, руководство и наблюдение за работой совета министров было распределено между всеми членами Директории. В моем ведении, кроме военного ведомства, было и министерство путей сообщения.

Постановлением Всероссийского Временн. Правительства (5 и 13 октября 1918 г. журналы №№ 13 и 18) «*Об учреждении министерств, о главноуполномоченных и о взаимоотношениях органов центральных и автономных областных управлений*» при Вр. Всероссийском Правительстве (Директории) образовались министерства, как

Посол во Франции В. А. Маклаков советует несколько налечь на Вильсона в смысле подачи на фронт американских войск, обещая поддержку фрацузского правительства, кроме того, для правильной информации американского общественного мнения о России, предлагает послать в Америку Е. К. Брешко-Брешковскую. Устругов[64]) сообщил о решении союзников взять под свое покровительство всю сеть наших сибирских железных дорог. Руководить будет международный совет, под председательством русского инженера (спасибо и за это).

Не исключена возможность и простого захвата японцами.

Может быть, первое предположение, как временное, было бы и хорошо. Собственными силами мы едва ли справимся при сильной пропаганде среди рабочих[65]). Угроза забастовок висит в воздухе.

В городе определенно ведется агитация против Временного Правительства, в этом косвенно участвуют отряды типа Красильникова и другие представители монархизма[66]).

Направление к Уфе почти открыто. Первая чешская дивизия оставила фронт и преспокойно застопорила своими эшелонами железную дорогу. Сыровой меняет Чечека на Войцеховского. Пора постепенно убирать любителей. Галкина придется тоже взять на некоторый отдых.

Омск.—Вагон. 16 октября.

На Самарском фронте плохо. Чехи деморализованы, наши тоже. Опять появились офицеры—«беженцы». Очень тяжелое положение создается для Уральского войска и Оренбурга. Помочь почти нечем.

Послал телеграмму Главнокомандующему союзными силами в Архангельске—английскому генералу Пулю*), где сообщалось о принятом мною решении: искать связь с Архангельской группой через Вятку, овладев предварительно районом Перми.

Беседовал с Колчаком по вопросу о назначении его военно-морским министром.

центральные: военное, иностранных дел, финансов, юстиции, путей сообщения, почт и телеграфа и государственного контроля. Временное заведывание неотложными делами указанных центральных министерств поручалось, под непосредственным руководством Всероссийского Пр-ва, соответствующим министерствам Вр. Сибирского Пр-ва. Для областных правительств сохранялись ведомства: внутренних дел, снабжения и продовольствия, торговли и промышленности, труда, земледелия и народного просвещения «впредь до установления Вр. Всероссийским Правительством порядка автономного управления областями государства Российского»...

*) Телеграмма эта являлась ответом на присланное Пулем приветствие и подробную информацию о положении дел в Архангельском районе. Там к этому времени был уже англо-французский десант и начался набор добровольцев в армию и флот. Производилась запись в «Славяно-британский союзн. легион», который должен был «закрепить фронт, в тылу которого будет создаваться и обучаться русская армия». Легионеры отлично обставлялись: жалованье рядовому 100 рублей, подполковнику 400 руб.; богатая дневная и недельная порция. Устав английский.

«Верховным управлением Северной области», как называлось местное правительство, 20 августа было опубликовано: «постановление о возобновлении действия всеобщей воинской повинности» и о призыве в армию четырех очередных возрастов.

Бежавшие из Архангельского района большевики указывались отходящими в направлении к ст. Званка.

На заседании Правительства слушали перебранку министров труда и путей сообщения. У первого те же повадки, что и у министров эпохи Керенского. Все еще продолжается идеология рабочих, потерявших вкус к труду.

Завтра прибывает Вологодский. Административный совет выезжает навстречу, видимо, желая настроить определенно до свидания с нами.

Поддерживающая Сибирское Правительство омская газета «Заря» в своей передовице обнаружила явное недоброжелательство к нам[67]).

Дерзко[68]) ведут себя и отряды атаманов. Авксентьев рассказывал, будто Красильников, стоя подбоченясь перед поездом Директории, кому-то говорил: «вот оно, воробьиное правительство—дунешь и улетит». Недаром распространяют слухи о нашем будто-бы от'езде в Екатеринбург. Это, кажется, старается князь Крапоткин[69]) и его сторонники. Почтенный князь—старейший из рюриковичей—в Сибири и надежд не теряет.

Омск.—Вагон. 17 октября.

Целый ряд неприятностей. Забастовки на Омской железной дороге, требования рабочих чрезмерны, и, конечно, подоплека исключительно политическая[70]). Экономические вопросы—предлог.

Был с докладом товарищ министра снабжения Молодых, жалуется на своеволие чехов. Министерством заказаны 2000 полушубков по 80 рублей, чехи (из чужих средств) дают по 110 рублей, вообще распоряжаются во всю.

Уполномоченный чехов представил мне проект приказов Сырового о военнопленных—вмешательство в компетенцию русского правительства, но с другой стороны, нельзя не признать решение целесообразным, а главное, быстрым, чего никак нельзя добиться от нашего коллегиального правительства.

В отношении бастующих железнодорожников приняты суровые меры. Для рассмотрения пред'явленных ими требований, среди которых полная отмена введенной, в целях увеличения производства, сдельной платы, создается особая комиссия из представителей министров путей сообщения и труда «для выработки нормального уровня ставок». В комиссию входят 3 представителя от железнодорожных рабочих и три нейтральных лица, знакомых с условиями труда железнодорожных рабочих.

Посетил 2-й батальон 8-го кадрового полка. Картина потрясающая: люди босы, оборваны, спят на голых нарах, некоторые даже без горячей пищи, так как без сапог не могут пойти к кухням, а подвезти или поднести не на чем. Вот оно бумажное благополучие, которым так щеголял штаб Сибирской армии.

Солдаты сами по себе отличные, хорошо обучены, и если не бунтуют, то это положительно чудо.

Половина из тех, которых я видел в казарме, построились босыми, в одних исподних брюках, а на лицах ни тени злобы. Вечером те, которым удалось обуться, маршировали на площади; я слышал из вагона лихие песни сибирских стрелков.

А у чехов все есть.

Я вызвал заместителя командарма генерала Матковского и под страхом строжайшей ответственности приказал немедленно исправить замеченные преступные недочеты.

Вот и управляйте в таких условиях: под носом у начальства и такое вопиющее безобразие.

И что мерзее всего, для всех это как будто неожиданная новость.

В вечернем заседании правительства опять бесплодие. Обсуждение фантастического проекта об Юридическом совещании, которому очень хочется быть старым Государственным Советом.

Как резину, жевали вопрос о комиссии по железнодорожным делам.

Всеми силами протестовал против внедрения в армию американского союза христианской молодежи[71]).

X.

Борьба с Административным Советом.

Омск.—Вагон. 18 октября.

Утром прибыл П. В. Вологодский. Встречала исключительно Сибирь. Нам официально не сообщили о часе приезда, а потому никого от нас не было. Конечно, это произвело неприятное впечатление и пошло нам на минус. Авксентьев поехал было, но Вологодского уже не застал на вокзале.

К Вологодскому поехал Кругликов,—был принят сдержанно. Вологодский обещал приехать в правительство к 2 часам, но потом позвонил Авксентьеву, что ему предварительно надо сходить в баню—явная отплата за наше отсутствие при встрече. Прием—не лишенный чисто местного колорита. Мне это даже понравилось, но Авксентьев очень взволновался. Он временами близок к истерике. Действительно, обстановка очень нервная.

Слухи со всех сторон: явный саботаж и агитация против Всероссийского Правительства. Слухи о переворотах в чисто мексиканском стиле.

Вынужденное бездействие правительства, конечно, нервирует всех бесконечно. Страх перед переворотом и угроза диктатуры, видимо, сбили с толку и Виноградова. Он тоже во власти тревожных слухов.

Посетил отряд Красильникова. Заметил крупные непорядки. Кричали «ура».

Омск.—Вагон. 19 октября.

Розанов сообщил мне, что в городе ходит слух, что в меня бросали бомбу. Остается одно—сказать, что слухи о покушении сильно преувеличены. Конечно, они такой же вздор, как и все другие слухи.

У Розанова целый вечер просидели вожди здешних кадетов. Они считают авторитет Всероссийского Правительства безнадежно погибшим из-за слабости и бездействия. Забыли только добавить, что они же всемерно этому помогают.

Главари из Административного совета будто бы повсюду трубят о своей над нами победе и что, ввиду нашей слабости, им даже не придется прибегать к получившим здесь распространение мексиканским способам устранения.

В 11 часов у меня была японская миссия с подполковником Микке во главе; хитрят[72]), приехали за информацией. Держатся независимо, но почтительно. Это первые настоящие солдаты из иностранцев.

Вскоре приехал ад'ютант Авксентьева просить для выслушания доклада министра внутренних дел С. С. Старынкевича. Дело касалось генерала

Белова, о котором ходят тоже фантастические слухи и который является чуть ли не злым гением Сибири, но, благодаря тонкой и умной политике, не только держится, но и властвует, по крайней мере, в сибирских военных кругах.

Старынкевич тоже болен страхом переворота. С кем этот почтенный министр—указать трудно. Со стороны эс-эровской части Директории отношение к нему чрезвычайно предубежденное.

Слушали потом прибывшего первый раз на заседание Директории П. В. Вологодского. Довольно невзрачен по внешнему виду, не ярок и по содержанию. Просто сер. Сообщил факты, более или менее уже известные нам.

По сообщению Вологодского, японские представители присутствие их войск на станциях Сибирской железнодорожной магистрали об'ясняют приказом Микадо: «поддержать порядок в Сибири, охваченной большевистским движением». А американский корреспондент, наоборот, заявил ему, что общественное мнение Америки удивляется, почему русская интеллигенция ведет борьбу с такой передовой партией, как большевики,—в силу чего будто бы Вологодский должен был познакомить своего собеседника с «ролью и поведением большевиков».

Вологодский очень много распространялся об обещаниях, будто бы данных ему французским представителем Реньо относительно займа Сибирскому Правительству, который с цифры 180-200 миллионов франков возрос в конце-концов до миллиарда! Симпатии Вологодского на стороне Англии, Франции и Италии. В действиях Америки и Японии он видит корыстные цели. Реальным результатом, достигнутым Вологодским, была ликвидация второго Сибирского Правительства, выделенного той же Сибирской Областной Думой, т. н., правительства Дербера—Лаврова[73]), осевшего во Владивостоке, и некоторый компромисс с Хорватом—«временным правителем» на Дальнем Востоке, находившимся также во Владивостоке.

После информации, которая, полагаю, умышленно обрисовала довольно пренебрежительное будто бы отношение к нам союзников[74]), определенно я понял только одно, что при решении вопроса о Дальнем Востоке приходится считаться с Хорватом. У него прочные связи и в политическом и экономическом мире, особенно среди японцев и китайцев.

Коснулись затем нашего больного вопроса о взаимоотношениях с Сибирским Правительством.

Вологодский отнекивался, что он еще не дал себе точного отчета в этом вопросе. Спросил, между прочим, как мы отнеслись бы к сохранению его в роли председателя Сибирского Совета министров.

Я высказался совершенно отрицательно, указав, как невыгодна для всех нас эта неопределенность положения с Сибирским Советом министров.

«Так вы хотите, чтобы Совет Министров Временного Сибирского Правительства был стерт?»—осторожно спросил меня Вологодский.

Я ответил: «нет, зачем же стерт—пусть он сам распустится».

Ответ по этому вопросу сибиряки дадут в понедельник.

В вагоне меня ждал приехавший с Вологодским министр путей сообщения инженер Степаненко с телеграммой ген. Дитерихса, крайне бестактной в отношении и Сибирского и Всероссийского правительств.

Телеграммой этой признавалась несоответствовавшей обстоятельствам момента введенная Временным Сибирским Правительством сдельная плата для железнодорожников, при чем министру путей сообщения, наиболее заинтересованному в этом вопросе, не было сообщено даже содержание телеграммы.

Я немедленно телеграфировал генералу Сыровому об отмене его распоряжения.

Вечером два раза прибегал ротмистр С. из к. р. Ставки предупредить, что мы в сетях интриги и заговоров, предлагал усилить охрану и тоже явно намекал на измену Белова.

Не знаю, что им руководит — он слишком близок к генералу Андогскому[75]), а этот последний к министру Михайлову.

Омск. 20-го октября.

Перебрался на новоселье. После тесного вагона—простор огромных и, к сожалению, пока еще холодных комнат. Оба ад'ютанта и В. Г. Шмелинг[76]) будут жить со мной.

С утра обычные доклады.

От ген. Иванова-Ринова две важных телеграммы: одна—с ориентировкой относительно Дальнего Востока, подтверждающая, что японцы по-просту оккупируют нас; другая—с организационными данными в связи с положением на Дальнем Востоке.

Был Белов. Около его имени все больше и больше наматывается клубок слухов и сплетен. Инстинктивно как-то многому не верю и думаю, что многое идет из военно-академической кухни.

Кстати, Белов сообщил мне о проекте Андогского сделаться магистром ордена офицеров генерального штаба, конечно, провалившемся. Чего только не выдумает безделье!

В моей ставке тоже не мало интриганов. Розанову будет нелегко все это уладить.

11 час. 30 м. вместе с Вологодским говорили по прямому проводу с Владивостоком. Иванов-Ринов докладывал о необходимости немедленного создания на Дальнем Востоке должности чрезвычайного комиссара с помощником по военной части. Кандидатами, видимо, под давлением местных влияний, выдвинул на первый пост Хорвата, на второй—ген. Флуга.

Вечернее заседание: обычное бесплодие, провел лишь постановление о размещении находившихся в Сибири военнопленных.

Омск. 21-го октября.

Прибыл английский генерал Нокс. После встречи на ст. «Ветка» Нокс и сэр Ч. Элиот[77]) прибыли в штаб Сибирской армии, где я их и приветствовал. В штаб приехал и Авксентьев.

С Ноксом прибыл П. П. Родзянко, племянник председателя последней Государственной Думы, он на службе в английских войсках.

В 11 час. 30 м. выехали на парад, сошедший отлично. Чудесная погода благоприятствовала общему настроению.

Об'езжали войска с Ноксом—верхами. Он и его спутники удивлялись результатам, какие были достигнуты всего за месяц обучения.

Труднее было угадать впечатление японцев, которых я также пригласил на парад. В отношении японцев уже создалось определенное предубеждение; их поведение на Дальнем Востоке и в Забайкалье было просто безобразным. Почти каждый день получались сведения о неприятностях самого грубого свойства.

Сегодня, между прочим, говорили, что они будто бы где-то по дороге продержали под арестом Нокса, несмотря на флаг его величества короля Великобритании, висевший над вагоном. Арест продолжался четверть часа. Нокс умалчивает об этом. При его огромном самолюбии и чисто британской заносчивости—это факт исключительный. Но, видимо, бывают моменты, когда и британская гордость должна казаться незамечающей наносимого ей оскорбления. Такова логика силы и обстоятельств.

В 4 часа Нокс был у меня. В его присутствии были сделаны доклады о положении на фронте.

Нокс очень сочувственно относится к делу возрождения нашей армии и идет на самые широкие обещания,—к сожалению, только на обещания, да и то касающиеся сравнительно далекого будущего. Сейчас можно рассчитывать на 70.000 винтовок и 5 милл. патронов.

Нокса я знал достаточно хорошо. За время мировой войны он находился при русском гвардейском корпусе, где я был начальником штаба одной из дивизий.

Нокс довольно хорошо знал старую царскую Россию, имел большие знакомства, владел недурно русским языком. Особенно интересовался Востоком, в том числе и нашим Туркестаном, где много путешествовал. Если не ошибаюсь, он, кажется, довольно долго служил в Индии, в бытность там вице-королем лорда Керзона, и всецело разделял опасения русского вторжения в эту ценнейшую из английских колоний.

Нокс ненавидел социалистов, считал, что крепкой военной диктатуры совершенно достаточно, чтобы справиться с кучкой «бунтарей». Упрямо и настойчиво искал подходящего для этой роли генерала. Путался в сложнейших условиях русской действительности. Проявил очень много энергии, наделал не мало ошибок и в конце-концов довольно бесславно принужден был покинуть Сибирь.

Вечер опять пропал даром в Правительстве. Присутствовал Вологодский, скоро, однако, уехавший. Административный совет, видимо, опять что то затевает, хотя Вологодский, уходя, заявил, что существенных разногласий между нами и Сибирским Правительством не видит.

Иначе судит Авксентьев, очень подозрительно настроенный тревожным разговором с «9-ю музами», как он выразился об общественных представителях, которые обильно питали его в эти дни несомненно инспирированными слухами*).

Пессимистически настроен и Виноградов.

До половины 11-го рядили о возможных положениях.

Авксентьев нервничал ужасно, я почти молчал. Начинаю тяготиться этой болтовней и взаимобоязнью.

Сибирское Правительство, видимо, склонно поставить нас в положение английского короля, на что, конечно, ни в коем случае нельзя согласиться.

Читал обширный доклад полковника Сахарова[78]), касающийся вопроса о возрождении армии. Это один из рецептов спасения, которые сыплются со всех сторон. Оценка внутренней и внешней политической обстановки весьма характерна для той эпохи. Касаясь части территории России, находившейся тогда под властью большевиков, автор доклада говорит, что она «управляется на чисто анархических началах, так называемой, диктатуры пролетариата; там утопическим идеям крайнего социализма, классовой вражды и личным низменным интересам массы... противопоставлены Российская Великодержавность и истинное благо народа»...

В отношении эсеров и эсде (меньшевиков) автор замечает, «что они продолжают до сего времени ставить проблематические завоевания февральской революции выше спасения Родины, возрождения ее государственности и боевой мощи»...

Поэтому, уставшее «от безвластия, анархии и произвола население жаждет «сильной твердой власти» и тоскует «по недавнему прошлому величию Родины», готовое «итти на жертвы»...

Внешние политические условия рисуются также неблагоприятными: «наши враги, центральные державы, заинтересованы в поддержании внутри России анархии и полной разрухи».

Америка и Япония враждебны возрождению России. База автора—на англо-французов, «выражающих готовность всемерно поддержать и способствовать быстрому созданию сильной, боеспособной Русской армии», ядро которой автор видит в образовании особого «образцового учебного корпуса» по образцу старой гвардии.

Эта идея, весьма популярная среди английского представительства, получила при его поддержке частичное осуществление. Во Владивостоке, на Русском острове, действительно создалась потом военная школа, превосходно оборудованная технически и материально, имевшая свой клуб, отлично поставленный спорт, свои лавки, снабженные необходимыми предметами, и пр.

Школа просуществовала почти 5 лет, совершенно расшаталась идейно, ввиду частой смены властей, и погибла, не оказав никакого влияния на то дело, в интересах которого создавалась.

---

*) Выше приводились выдержки из их деклараций, было ясно, откуда дул ветер.

Надо отдать справедливость англичанам: они сделали все, чтобы обставить это ядро будущего «образцового корпуса» и надлежащим комфортом и разумными развлечениями. Но даже английский порядок оказался бессильным в условиях русской действительности.

Вскоре я ознакомился с докладом командированного мною на места полковника Ц., касающимся вопроса о состоянии войсковых частей.

Обследование подтверждало, что наибольшая распущенность и внутренняя и внешняя была в мобилизованных частях. Она в значительной степени базировалась на недочетах снабжения. Так, на Семиреченском фронте масса людей была без сапог, между тем, в Семипалатинске, в отделении Военно-Промышленного комитета было заготовлено до 12/т. пар сапог для чехов.

Остро стоял вопрос с продовольствием. Чувствовался большой недостаток в винтовках. Возникал национальный сепаратизм.

Наиболее дисциплинированными оказались части атаманов. Они учли общую расхлябанность, отсутствие организованной заботливости и давно уже перешагнули черту, отделяющую свое от чужого, дозволенное от запрещенного. Утратив веру в органы снабжения, они просто и решительно перешли к способу реквизиции. Почти каждый день получались телеграммы о накладываемых этой вольницей контрибуциях. Они были сыты, хорошо одеты и не скучали.

Система подчинения была чрезвычайно проста: на небе—бог, на земле—атаман. И если отряд атамана Красильникова, развращенный пагубной обстановкой Омска, носил все признаки нравственного уродства и анархичности, то в частях другого атамана, Анненкова, представлявшегося человеком исключительной энергии и воли, было своеобразное идейное служение стране.

Суровая дисциплина отряда основывалась, с одной стороны, на характере вождя, с другой—на интернациональном, так сказать, составе его.

Там был батальон китайцев и афганцев и сербы. Это укрепляло положение атамана: в случае необходимости, китайцы без особого смущения расстреливают русских, афганцы—китайцев, и наоборот.

Трудность об'единения всей этой вооруженной силы, разбросанной на огромном пространстве Сибири, без сети надежных агентов на местах, при самом разнообразном понимании событий, делали задачу управления чрезвычайно сложной. Агитации в любом направлении открывался обширнейший простор.

Омск, 22 октября.

Пытался утром погулять, но район моей квартиры—сплошной рынок, всюду люди, а я больше всего люблю их отсутствие во время прогулки.

Опять серия посетителей. В 3 часа ждал Нокса; он опоздал из-за завтрака в Сибирском министерстве иностранных дел. От нас никого не было: не приглашали будто бы из-за того, что мы никому из местных министров не забросили даже визитных карточек.

Был с Гуковским с ответным визитом у Нокса, его не было дома. Встретил очень приветливо Родзянко. В беседе уговаривал меня выписать из-за границы всех русских офицеров.

В 5 часов заседание Правительства. Прибыл Вологодский с Михайловым, а затем Гинс[79]) и Серебренников—они согласны на упразднение Сибирского Правительства, при условии упразднения Сибирской Областной Думы и принятия Всероссийской властью обязательства «создать в будущем сибирский орган народного представительства, который может и не иметь названия Сибирского Учредительного Собрания». Новое в их предложении—назначение Вологодского председателем Совета министров уже Всероссийского Правительства и предоставление ему ведения переговоров о кандидатах в министры.

Этот вопрос, видимо, будет особенно спорным. Есть предположение провести Михайлова в министры внутренних дел, что при известных личных качествах Михайлова является мало желательным, и, кроме того, сибиряки, видимо, будут протестовать против назначения Роговского управляющим ведомства Охраны Государственного порядка.

Сибиряки просят сохранить их войскам наименование «сибирские», а также оставить бело-зеленую кокарду и флаг. Я согласился на двойную кокарду и на ленты их цветов к русскому национальному флагу.

Кандидатура Колчака на пост военно-морского министра не встречает возражений. Завтра предложу ему этот пост.

В 7½ обедал у англичан. Обед неважный, но радушия много.

Омск, 23 октября.

Профессура военной академии продолжает борьбу с ген. Беловым. Начальник академии ген. Андогский в лагере Михайлова, там, очевидно, получает и вдохновение для борьбы. Ко мне идут жалобы сторон и обвинительные материалы.

Был Михайлов, осторожно зондировал относительно себя и Роговского.

Приезжал Нокс. Он торопит с соглашением между нами и Сибирским Правительством. Предложил мне 5 пунктов, как условие его помощи по организации армии.

По словам бывшего у меня вслед за Ноксом ген. Степанова[80]), решено, главным образом, поддерживать русского генерала, которому доверяют союзники. Этому генералу будет дана и финансовая и людская помощь. Степанов дал понять, кто этот генерал. Это было первым серьезным искушением. Я отнесся к нему спокойно.

Степанов сообщил много любопытного относительно японцев; при их непосредственном участии дальневосточные атаманы создают там анархию.

Нокс осторожно спросил, какого я мнения относительно кандидатуры Савинкова в министры иностранных дел. Я ответил отрицательно. Савинков—очень крупная фигура, большой организатор, но он слишком отравлен подпольной работой и при двойном экзамене оказался не выше обстоятельств.

Нокс не сделал визита Авксентьеву, относится к нему скептически, как к типу сродному Керенскому. Избегает непосредственных сношений с Директорией в целом. Я твердо высказал ему мою точку зрения, что руководство движением в Сибири принадлежит не тому или иному генералу, а Правительству—Директории. Но Нокс упрямо ведет свою линию. Он не допускает общих точек соприкосновения между генералом и социалистами.

В 8 час. заседание Правительства. Прибыли Серебренников и Гинс. Составленные Авксентьевым условия соглашения проходили довольно гладко. Возражал, главным образом, Гинс, по чисто сибирским соображениям. Вслед за этим Авксентьев выдвинул свой проект о самороспуске Сибирской Областной Думы, вместо простого роспуска ее соответствующим указом.

Это искуственное воскрешение мертвецов, хотя бы даже и для самороспуска[81]), вносит только новые осложнения в затянувшиеся и без того переговоры.

Во время прений мне доложили, что прибыл казачий взвод для охраны Вологодского. Командир взвода доложил, что распоряжение о наряде сделал начальник штаба квартировавшего в Омске 2-го степного корпуса Василенко по требованию министра Михайлова, ввиду, будто бы, ожидаемого ареста Вологодского.

Это походило на фарс. Я вернул конвой домой. Что это—трусость или провокация?

Я успокоил Вологодского и отвез его на квартиру в моем автомобиле. У дома Вологодского оказалась охрана из сербов. Здесь, видимо, уже не стеснялись иметь «своих латышей».

Вологодский конфузливо отпустил подбежавшего серба-начальника караула.

Чего они так боятся? Ведь мы все еще пока безоружны. Мексика среди снега и морозов.

Омск, 24 октября.

Завтракал у Нокса. Подписал с ним небольшую военную конвенцию[82]).

Ген. Степанов привез проект обращения к представителям союзнического командования[83]).

В 7 часов приезжали Розанов и Колчак. Последний заметно обрабатывается в «сибирском» духе.

Оказалось, что и Савинков до сих пор еще не выехал во Владивосток и заграницу и сидит в Омске.

Нокс, а вечером и Вологодский, опять выдвигали кандидатуру Савинкова в министры иностранных дел. Нокса я быстро убедил в несерьезности этого назначения при всех положительных данных Савинкова.

Заседание Правительства началось довольно бурно по вопросу о самороспуске Думы, я был определенно против этого нового осложнения. Вологодский сначала угрожал было ультиматумом, т.-е., если мы Думу соберем

даже для самороспуска, то *они* разгонят ее своим указом, уже будто бы заготовленным Советом министров*).

Однако, ультиматум был очень резко встречен с нашей стороны, и Вологодский уступил. Для общего успокоения решили перейти к кандидатурам в Совет министров Директории. Разногласия лишь около имени Михайлова и Роговского. Первого сибиряки выдвинули, как и предполагалось, на пост министра внутренних дел.

Разошлись во 2 часу ночи. Устал я отчаянно.

Омск, 25 октября.

Утром Колчак опять очень интересовался, кто будет министром финансов, внутренних дел и снабжения. Я долго ему доказывал, что Михайлов, как министр внутренних дел, фигура, которая не внесет столь необходимого успокоения.

Был с докладом начальник штаба Сибирской армии Белов, вызванный мною по поводу наряда казаков для охраны Вологодского. Тонкая штучка этот генерал!

«Кто у вас распоряжается войсками—штаб армии или все, кому явится охота»?—спросил я его довольно резко.

Из уклончивого ответа Белова я понял, что в практике Омска были случаи вызова караулов инициативой третьих лиц в «экстренных» случаях.

Я приказал отрешить от должности сделавшего наряд начальника штаба Степного корпуса Василенко, а Белову—прекратить «практику» третьих лиц.

Белов, между прочим, сообщил, что против меня ведется провокация по поводу моего приказа-обращения к армии, где будто бы слово «солдаты» поставлено впереди слова «офицеры», и что этим самым я будто бы роняю престиж офицера в угоду солдатам. Я справился. В подлиннике все стояло наоборот, значит, кто-то оперировал подделкой.

Пустяк, но как он характерен в омских условиях. Затем будто бы пущен слух, что с моего разрешения формируются «две роты жидов»**).

В 4 часа приезжал Нокс с Родзянкой; озабочен размещением батальона прибывающих английских войск. Пил чай, грозил набрать банду и свергнуть нас если мы не договоримся с сибиряками. «Я становлюсь сибиряком»,— закончил он свою шутку.

Вечером—заседание правительства. Решилась судьба Уральского Областного Правительства (Екатеринбург). Я резко поставил вопрос об упразднении и этого правительства, с чем уральцы давно примирились. Авксентьев пружинил и давал даже больше того, что просили.

---

*) Хороши эти «*мы*» и «*они*» (курсив мой) в устах члена Директории, грозящего ультиматумом своим коллегам. П. В. Вологодский всегда был только председателем Сибирского Совета министров и заседал в Директории исключительно для того, чтобы получать свежую информацию для своего Совета о действиях и намерениях Директории. Все, даже секретные, заседания немедленно становились известными Совету и, конечно, облегчали его борьбу с Директорией.

**) И о приказе, и о «жидовских» ротах я слышал вновь, уже спустя два года, в бытность мою на Дальнем Востоке. Так живучи оказались эти вздорные слухи.

Относительно Сиб. Обл. Думы, как будто выясняется возможность добиться и ее самороспуска.

Кандидатский список министров имеет теперь один подводный камень—Михайлова.

Омск, 26 октября.

Надежда отдохнуть хоть один день без тревог и волнений не сбылась. Утром приезжал генерал Белов с настойчивой телеграммой Иванова-Ринова о назначении Хорвата. Телеграмма весьма мрачно рисует положение на Дальнем Востоке. Хитрые японцы совершенно развращают местных атаманов. Вчера, судя по газетам, один из таких атаманов—Калмыков—заявил, что он не признает ни одного Правительства.

Белов озабочен слухами о созыве Думы.

Прибыл батальон англичан; торжественно встретили. Сибирское Правительство не скупится на внимание. Встречали Вологодский и другие. От Директории—Виноградов и Кругликов. Я послал делегацию из двух офицеров.

Помощь эта, конечно, фиктивная. Батальон из состава гарнизонных войск останется в Омске и на фронт не пойдет.

В 7 час. я был приглашен на заседание Административного совета. Прибыли и остальные члены Временного Всероссийского Правительства. Авксентьев состязался с Сибирскими министрами по вопросу об открытии Областной Думы.

Я оставался на своей старой позиции—роспуска ее одним актом, одновременно с упразднением Сибирского Правительства, но предлагал сибирякам подумать, отвергая предложение Авксентьева о созыве Думы для самороспуска, особенно ввиду выявившейся симпатии чехов к этому «политическому трупу», как называли Думу ее враги.

Через час Совет министров вынес резолюцию о невозможности открытия Думы, считая этот вопрос внутренним вопросом Сибирского Правительства.

Это «бунтарское» постановление, конечно, не изменило решения большинства Директории о созыве Думы, да и Совет министров, опасаясь обострения конфликта, 4-м пунктом своей резолюции, касающимся вопроса о передаче нам своего делового аппарата, оставлял мостик для дальнейших переговоров.

Авксентьев сильно взволновался, его настроение разделял и Зензинов и отчасти Виноградов.

Первые двое заявили Директории о возможности выхода их из ее состава.

Приехал домой поздно, удрученный. Начинаю чувствовать незнакомую ранее физическую усталость.

В городе убийство. Без вести пропал Б. Н. Моисеенко[84]). Тяжело ранены, кажется, ад'ютант Белова—поручик Костендий и г. Сафро.

В помещении, где происходят заседания Директории, был какой-то офицер, посланный будто бы Розановым собрать адреса членов Учредительного Собрания[85]).

Произведенным дознанием выяснилось, что офицер этот член какой-то военной организации, руководимой капитаном Головиным, имеющей связь с штабом Сибирской армии. Розанов заявил, что это провокация.

Омск, 27 октября.

На обычный утренний доклад Розанов прибыл с Колчаком. Говорили о создавшемся положении. Оба они определенно настроены, повидимому, не без участия «священного союза»*), в пользу постепенного сокращения Директории до одного лица. Указывали на значительное влияние «священного союза». Однако, мне быстро удалось вернуть их к действительности и доказать, что уход левого крыла Директории теперь будет весьма болезненным и вызовет осложнение с чехами, что, в связи с ростом большевизма и в стране и на фронте, может погубить дело возрождения России.

В 1 час заседание правительства. Авксентьев заготовил было свое решение относительно Думы. Я высказался против.

Виноградова все время вызывали—уполномоченный чеховойск Рихтер и члены упомянутого выше «священного союза».

Тяжелое настроение усилилось заявлением Вологодского, что вопрос о кандидатуре Михайлова на пост министра внутренних дел под давлением местной «общественности» считается безусловным.

Авксентьев заявил о выходе из Правительства, после горячей речи его поддержал в этом решении Зензинов. О невозможности оставаться в Правительстве высказался и Виноградов.

Смущенный Вологодский заявил, что ему остается, видимо, одно—отказаться от миссии составления Совета министров.

Авксентьев, со свойственной ему экспансивностью, решил идти в солдаты, в армию, которая не занимается политикой.

Таким образом,—распад Вр. Всероссийского Правительства и распад бесславный.

Авксентьев просил полномочий заготовить обращение к народу.

Я молчал[86]).

По окончании заседания Виноградов заявил мне, что, в случае выхода всех четырех членов из Директории, он советует мне сохранить власть в связи с сохранением верховного главнокомандования.

Омск, 28 октября.

И сегодняшний день не дал никаких результатов. Опять раскол на кандидатуре Михайлова. Авксентьев совершенно изнервничался. Сильно сдал и Вологодский. Михайлов согласен отстраниться, если чехи дадут подписку, что они были давлением на его волю и волю Административного совета. Авксентьев почувствовал, что это ведет к закреплению в общественном сознании убеждения, что ради него и Зензинова чехи вмешиваются в наши внутренние дела.

---

*) Так назывался среди членов Директории омский национальный блок, только что сорганизовавшийся.

Настроение отвратительное, вся работа стоит. Сибирское Правительство за это время успело провести постановление о Верховном Уполномоченном на Дальнем Востоке, т.-е. опять вырвало крупный козырь у Директории[87]).

В общественных и военных кругах все больше и больше крепнет мысль о диктатуре. Я имею намеки с разных сторон. Теперь эта идея, вероятно, будет связана с Колчаком.

Омск. 29-го октября.

Текущие дела и прием в Правительстве. Настроение служащих подавленное.

Заходили французский и американский консулы—зондировали почву. «Мы хотим видеть гражданина Авксентьева»...

«А, значит, меня не хотите видеть», ответил я шуткой на их заявления.

Консулы смутились и начали рассыпаться в любезностях. Я заверил их, что все успокоится и разрешится в желательном направлении.

Наша проволочка с кандидатурами сильно отразилась на финансах, из банков вынимают вклады.

Виноградов нашел компромисс, предлагает согласиться на Михайлове с такой же мотивировкой, которая принята Административным советом в отношении Роговского.

Вечером вместе с Колчаком опять явились ко мне Жардецкий, Лопухин и представитель рабочих Атаманской станицы[88]). Идут во-банк, намекая на упразднение Директории и сохранение одного Верховного главнокомандования, которое они считают единственным приемлемым решением Уфимского Государственного совещания.

Имя Зензинова и Авксентьева для них ненавистно. Они заподазривают их в сношении с своим Центральным Комитетом.

«Знаете ли вы, что Чернов ведет переговоры о перемирии с большевиками?»...—яростно задает вопрос неистовый Жардецкий.

Я заметил ему, что до меня слухов и сплетен доходит гораздо больше, чем он думает,—что Чернову мы знаем цену[89]), но одни слухи ничего не доказывают.

Вспышка погасла. Начали уверять меня, что вся их поддержка на моей стороне. Становилось скучно. Я сухо заметил, что меня удивляет их вмешательство в вопросы, касающиеся Правительства, что они становятся на путь печальной памяти Петроградского Совдепа. Обиделись.

Добавил, что разрушение Директории теперь преступно, что это вызовет новый взрыв разрухи и создаст повод к вмешательству союзников.

До 10 был в своем вагоне[90]). Новое осложнение. Вологодский заявил, что Роговский в роли начальника государственной полиции для него совершенно неприемлем.

Авксентьев так и привскочил. Разразился целой филиппикой[91]) Кругликов. Озадачился и Виноградов, готовый было уже примириться с кандидатурой Михайлова. Делать и решать было нечего. Раз'ехались, поручив мне переговорить с Колчаком, виновником этого нового осложнения.

Омск. 30-го октября.

Утром вызвал Колчака. С ним приехал и Степанов. Около полчаса говорил с Колчаком, указал ему на некоторую опрометчивость его заявления, идущего вразрез и с постановлением Административного совета. Он не сказал ни нет, ни да.

Придумано ловко. Административный совет хотел провалить Роговского через Колчака, добросовестно ломившего напролом в этом вопросе. Когда я ему раз'яснил письменное решение Административного совета, он понял свое заблуждение и не находил другого выхода, как вновь собрать Административный совет, и, если совет останется при прежнем решении, он, Колчак, подчинится дисциплине, оставаясь непреклонным противником Роговского.

Я позвонил Вологодскому и просил собрать Административный совет.

Вошел Виноградов и с волнением заявил, что военные круги и «музы» Жардецкий и К° прочат Колчака диктатором.

В общем неразбериха.

Вечером заседание—разная вермишель, информация. По распоряжению Вологодского, арестована какая-то девица Рерих, у которой хранился архив министерства инстранных дел «Самарии»*).

По газетам, пропавший Моисеенко имел при себе кассу С'езда членов Учредительного Собрания; его до сих пор не нашли.

В Красноярске на параде в честь проезжавшего английского батальона подвыпившее офицерство устроило монархический дебош с пением «Боже, царя храни». Я заметил, что, видимо, это отвечает их психологии[92]).

Другого гимна не создано—образовалась пустота... Затребовано об'яснение начальника гарнизона.

Со стороны Административного совета новое осложнение из-за Роговского, и на этот раз всецело по вине Колчака.

Омск. 31 октября.

Утром были представители казачества, боятся за судьбу Иванова-Ринова—их атамана, тревожат их слухи об изменении основ комплектования и организации армии, во всем ими чувствуется дух и влияние «Самарии».

Колчак опять волнуется по поводу Роговского и совершенно извел бедного Н. Д. Авксентьева. Наскучил и мне—сначала просил, чтобы я назначил его только временно Управляющим военным министерством, затем снова соглашался быть полноправным министром.

П. В. Вологодскому пришлось созвать Административный совет, постановление которого заставило, наконец, несколько успокоиться Колчака. Очень нервный и неустойчивый человек. Гревс[93]) предупреждает из Владивостока, что с ним будет немало хлопот.

Говорил по аппарату с Дутовым. У него нет связи с уральцами. Жители портят телеграфные провода. В Оренбурге, по его словам, настроение паническое. Конечно, опять просил денег.

---

*) Т.-е. бывшего Самарского Правительства.

Вечером был на парадном спектакле в честь английских войск, прибывших в Омск; был весь местный beau-monde. Давали «Смерть Иоанна Грозного».

После 2-го акта уехал на заседание. Снова решали участь Уральского (Екатеринбург) Правительства. Авксентьев опять предлагал больше, чем у него просили. Я решительно высказался против возникшей мысли—о новой областной Думе в Екатеринбурге, соглашался лишь на образование органа самоуправления вроде областного земства—и только. В общем горно-уральцы оказались людьми скромными и не протестовали.

Омск. 1-го ноября.

Послал директиву, где чехам указаны определенные задачи. Моя мысль—вывести их с фронта для образования подвижного резерва.

Генерал Гайда своевольничает: призывает добровольцев в русско-чешские полки, не исключая и призванных по мобилизации. Розанову приказано указать ему мое мнение по этому поводу. Гайда, кроме того, предложил из каждой дивизии уральского корпуса послать по 1.000 человек для временного прикомандирования к чешским войскам.—Отказано.

Был Белов относительно офицера Головина, на которого ссылался арестованный Якутин, собиравший адреса членов Учредительного собрания. Белов смущенно ответил, что такого не знает.

Приказал обсудить вопрос о перенесении штаба Сибирской армии в Новониколаевск: нужно постепенно разгрузить омское гнездо.

Опять приставали эстонцы со своей национальной армией. Отказал наотрез.

Были эсеры Павлов и Архангельский по поводу исчезновения Моисеенко. Пытались было указать, что эсеры найдут средства для ответа военщине. Я рекомендовал не касаться армии[94]).

Назревает протест против «военщины», которая так всех пугает.

XI

Упразднение Областных Правительств.

Омск. 2-го ноября.

Ряд обычных докладов. У чехов неладно. Со всего фронта они отведены в тыл для приведения в порядок. Фронт держится исключительно русскими войсками.

Послал приказ фронту—надеюсь на свершение им великого подвига.

Колчак опять неудачно дебютировал с назначением комиссии по пересмотру вопроса о восстановлении на территории Сибири прежней системы военных округов, вместо установленных Сибирским Правительством корпусных районов[95]).

Получены сведения о проходе Дарданел союзным флотом.

Н. В. Чайковский телеграфировал о признании нас Архангельском, как Всероссийского Правительства. Вечером провели, наконец, акты об упразднении Сибирского и других областных правительств.

Пункт 1 особой грамоты правительства гласил:

«С образованием органов Центрального Управления Всероссийской власти на ближайший период времени все без исключения Областные Правительства и Областстные Представительные учреждения должны прекратить свое существование»[96]).

Эта была крупная победа, достигнутая исключительно авторитетом Правительства, и большое нравственое удовлетворение.

Заслушали указ о назначении Совета министров Директории.

Омск. 3-го ноября.

Правительством принят целый ряд постановлений организационного характера. Работа налаживается. После заседания опять почти 2½ часа говорил с Уфой по финансовым вопросам. Действительно, положение там бедственное; обещание министра финансов относительно подкрепления уфимского казначейства оказалось невыполненным.

Знаменский, главноуполномоченный Директории в Уфе[97]), заявил, что принужден будет сложить свои полномочия.

Задержка с кредитами мешает осуществлению намеченных мероприятий на Самарском фронте. Части бывшей Народной армии также сильно нуждаются в деньгах.

Из Уфы определенно давали понять, что все доклады Михайлова по этому вопросу ложны, эвакуировавшееся Белебеевское казначейство, которое по распоряжению Михайлова должно было передать свою наличность Уфе, само оказалось без денег.

Михайлов настойчиво утверждал, что подкрепление послано, задерживается медленным движением.

Уфимцы просят разрешения выпустить на 75 милл. казначейских обязательств[98]).

Весь день чувствовал себя больным.

Омск. 4-го ноября.

Сыровой опять просит освободить район западнее Иртыша для чешских войск.

Люпов бьет тревогу из-за добровольцев. Необходимо дать им преимущества: обеспечить инвалидность, поддержать семьи и пр.

В 3 часа приехал Нокс с Родзянкой и Нельсоном. Все беспокоятся, достаточно ли твердая мы власть. Директория не расстреливает, не сажает в тюрьмы,—это ужасно тревожит сторонников твердой власти.

С чехами, по мнению Нокса, плохо. Они считают, что воевать за Россию довольно, пора ехать в свободную Чехию. Возникает вопрос об удержании их, хотя бы в ближайшем тылу.

Весь фронт держится исключительно нашими войсками. Это, конечно, очень хорошо, но нет все-таки уверенности, продержимся ли зиму. Главное, недостаток обмундирования, оружия и денег. Нокс обещает помочь.

Подписали указ о назначениях в новый Совет министров. Опубликовали грамоту об упразднении всех областных Правительств и о прекращении существования областных представительных учреждений. Горячо спорили по вопросу об освобождении членов Учредительного Собрания от призыва в войска. Баевский уехал в отпуск.

Омск. 5-го ноября.

Утром были с докладами Колчак, Степанов, Дембе и Розанов.

Колчак кипел негодованием по адресу Иванова-Ринова, Белова и Матковского. На двух последних он обрушился за «саботаж» его комиссии о военных округах, к слову сказать, довольно бестактно и бестолково составленной и, что хуже всего, моим именем.

«Железный» характер после сетей Михайлова и «девяти муз»*) попал в обработку и к окружникам (состав б. омского Военного Округа) во главе с ген. Дембе.

Много было в горячей речи Колчака одностороннего пристрастия и довольно ложной прямоты. Я редко видел человека столь быстро загоравшегося и также быстро гаснувшего, после спокойного отпора его натиску. Хлопот с ним будет немало. Колчак категорически против прибытия японцев на наш фронт. Он считает это гибелью родины[99]).

Долго говорил по аппарату с хитроумным честолюбцем Ивановым-Риновым. Он во Владивостоке вместе с Хорватом «создает» новую Дальне-Восточную власть. Явочным порядком, посредством об'единения Амурского, Приморского (Уссурийского) и Забайкальского казачества, передает Забайкалье Хорвату, вопреки состоявшемуся ранее постановлению Вр. Сибирского

*) Члены омского национального блока.

Правительства. Опираясь на Семенова, думает ликвидировать атаманов Калмыкова и Жамова.

Видимо, очень недоволен назначением Колчака военмином и ограничением своей роли лишь постом командующего Сибирской армией.

Вечером в Правительстве беседовал с Уструговым. Впечатление умного и дельного инженера.

Открыли заседание нового Совета министров[100]).

Омск. 6-го ноября.

Правительство чествовало банкетом весь состав нового Совета министров и союзных представителей. Говорились речи. Большой успех имело мое заявление, что русские войска теперь почти одни держат весь фронт.

После банкета ко мне приехали все англичане и несколько высших генералов. Засиделись до 2-х часов ночи.

В Уфе выпустили на 70 милл. казначейских обязательств и правы: жить нечем.

XII.

Прокламация ЦК эс-эров. Выходка Гайды.

Омск. 7-го ноября.

В час завтракал у англичан. Сегодня Нокс уезжает во Владивосток. Реальная помощь и от англичан—пока лишь несколько офицеров и унтер-офицеров-инструкторов для формирующейся во Владивостоке военной школы. Прибывший баталион Уорда [101]) в расчет нейдет—с ним больше хлопот, нежели помощи от него.

Колчак представил проект об увеличении офицерского содержания—новые огромные расходы.

В правительстве я резко выступил по поводу появления прокламации ЦК эс-эров. Они, видимо, ничему не научились и начинают снова свою разлагающую работу[102]). Пригрозил арестом Цека.

Авксентьев просил обождать его возвращения из Томска, куда он едет проделать процедуру самороспуска Областной Думы.

Прокламация произвела переполох. Ставила под удар Директорию и страшно озлобила военных.

Нокс через консула в Екатеринбурге сообщил Чехосовету, что в Англии за такую проповедь расстреляли бы авторов, и что, если Чернов будет продолжать дальше, он напишет, чтобы сюда не давали ни копейки. По правде сказать, от этого мы мало пострадаем: все равно ничего не дают.

Вечером говорил с Сыровым. Он беспокоится за фронт. Чехи, видимо, серьезно решили не воевать. Особенно разложилась их первая дивизия на Уфимском фронте. Сыровой не отрицает возможности катастрофы. Надо полностью сменять чехов, но пока еще нечем.

В прокламации ЦК с-р, помеченной Уфой 22-го октября 1918 года, заявлялось, что « разрешение задачи организации власти на Государственном совещании в Уфе достигнуто не было «из-за гнета» тяжелого международного положения, упорного сопротивления реакционно-империалистической группы, свившей себе гнездо среди Сибирского Правительства, при соучастии с ней некоторых высших кругов казачества» и пр.

Выражалось опасение, как бы через голову партии «не перекатилась волна контр-революции совершенно так же, как год назад через ее голову перекатилась волна большевистской анархии».

Директории ставилось в вину избрание Омска своей резиденцией и «территориальное разлучение с С'ездом членов Учредительного Собрания,

передача важнейших общегосударственных функций соответствующим министерствам Сибирского Правительства, подтверждение временного роспуска Сиб. Областной Думы» и целый ряд других прегрешений.

Дальше высказывалось то, что, с точки зрения партии, может быть и следовало делать, но о чем целесообразнее было помолчать:

«Независимо от сил и готовности Врем. Правит. данного состава энергично действовать во всех указанных направлениях, центром тяжести своей тактики партия С.-Р. должна сделать собрание собственных и примыкающих к ней демократических сил вокруг Учредительного Собрания и его преддверия С'езда членов Учред. Собрания. Работа С'езда должна быть для масс трудовой демократии пропагандой в пользу будущего Правительства, ответственного перед Учредительным Собранием, соответствующего социально-политической линии поведения его большинства и по своему составу достаточно однородного для того, чтобы проводить эту политику не только на словах, но и на деле, с той же настойчивою энергией, которой требует критический характер переживаемого момента».

Еще менее осторожным было дальнейшее заявление, что

«в предвидении возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контр-революции, все силы партии в настоящее время должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены с тем, чтобы в любой момент быть готовым выдержать удары контр-революционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта.

Работа по собиранию, сплочению и всестороннему политическому инструктированию и чисто военная мобилизация сил партии должна явиться основой деятельности Центрального Комитета, давая ему надежные точки опоры для его текущего, чисто государственного влияния».

В сущности это были пока только слова, клочок бумаги, и не в них весь вред неосторожно появившейся прокламации. Вред в том, что она оказалась сильным козырем в руках Сибирского Правительства; недаром с таким торжеством об'явил о ней в Директории Вологодский.

Это был формальный документ ответственнейшего органа партии, открывавший ее замыслы о создании нового Правительства, для проведения которых тайно мобилизуется и создается вооруженная сила.

Квалифицированная подготовка к бунту! И это в то время, когда следственная комиссия Аргунова не могла напасть на истинных виновников действительных событий 21-22 сентября... Михайлов и К° действовали и действовали энергично, оставаясь, тем не менее, формально неуязвимыми, а ЦК с.-р. выдавал себя с головой. Это отшатнуло и колеблющихся. Военные, не забывшие еще развала старой армии, поголовно кипели негодованием. Удерживать равновесие между борющимися крыльями стало труднее.

Омск. 8-го ноября.

Утром небольшое военное совещание о мерах помощи Уфимскому (Самарскому) фронту, о котором бьет тревогу Сыровой, и откуда идут очень тревожные вести. Действительно, там плохо: части почти растаяли, снабжение и все виды довольствия в отчаянном положении. Придется использовать Уральский корпус (Сибирские войска в Челябинске) раньше окончательной его подготовки.

Приезжала бабушка Брешковская[103]). Много говорили о положении дел. Старушка безгранично любит Россию и на старости лет собирается в

Америку будить внимание к родной стране. На прощание она выразила пожелание, чтобы я одинаково боролся с врагами налево и направо, перекрестила меня и к моему великому смущению поцеловала меня, как мать[104]).

Буржуазные круги горного Урала (Екатеринбург) просят военного генерал-губернатора, вместо штатских главноуполномоченных эсеровского типа.

В заседании правительства участвовали министр финансов, его помощник и директор кредитной канцелярии, вызванные для доклада в связи с финансовыми затруднениями в Уфе. Туда с подкреплением командируется директор кредитной канцелярии и ревизионная комиссия.

Авксентьев выехал открывать для самороспуска Сибирскую Областную Думу.

Омск. 10 ноября.

Приехал высокий комиссар франции Реньо. Встречали: Вологодский, Розанов, управляющий министерством иностранных дел. Был выставлен почетный караул.

В 3 часа он был у меня с визитом. Голова сильно забинтована после легкой аварии с автомобилем в г. Иркутске. Реньо—тип адвоката старой школы, весьма сдержанный и очень осторожен.

Вместе с Реньо приезжал екатеринбургский консул Нейтеман. Кроме того, в свите находился офицер Пешков, отрекомендовавшийся приемным сыном Максима Горького. Он в форме французского капитана, без руки, которую потерял на французском фронте.

Реньо, видимо, направляет свой интерес в сторону армии Деникина (легче помочь). Я ему, между прочим, заявил, как тяжело отзывается отсутствие помощи союзников: мы не видим ни их войск, ни даже материальной поддержки.

Реньо сообщил о скором приезде генерала Жанена, снабженного большим полномочиями.

Были с экстренным заявлением Белов и Матковский—жаловались на чехов, продолжают скрытую борьбу с «академиками».

Вечером говорил с Сыровым по поводу выходки Гайды; продиктовал ему мои довольно резкие требования. Сыровой оправдывает заявление Гайды бесконечной оттяжкой с нашей стороны посылки на Екатеринбургский фронт остальных частей Средне-Сибирского корпуса.

Миссия Авксентьева в Томске удалась. С самороспуском Сибирской Областной Думы все прошло гладко. Авксентьев, кажется, имел успех и овации. Всюду корректные встречи—это, конечно, большой плюс для Правительства[105]).

Получена телеграмма от посла в Италии Гирса; сообщает, что армия Деникина возросла до 100.000 чел. Просит разрешения вступить в переговоры через Нератова, находящегося на юге при Добровольческой армии.

Слушал очень интересный доклад К.[106]), только что прибывшего из Советской России. Большевики усиливаются. Размах Троцкого грандиозен; это настоящий диктатор. Рассказывал о бесчисленных расстрелах.

Вечером звонил французский консул Нейтеман о перемирии на Западе. Германцы приняли все условия союзников. Вильгельм, видимо, отрекся. Героически боролись, но сломлены. Пойдут ли они по пути России[107])?

Положение наше теперь хуже. Едва ли найдем место при развязке. Между тем, развал и терзания страны будут еще продолжаться.

Омск. 12 ноября.

В конце заседания правительства мне доложили, что меня хочет видеть по экстренному делу министр путей сообщения Устругов. Слушался доклад министра труда Шумиловского. Я закрыл заседание и вышел в коридор.

Взволнованный Устругов подал мне четыре телеграммы за подписью Гайды; в одной из них он приказывал эшелонам 8 Чешского полка, бывшего на пути к Омску, сосредотачиваться к этому пункту и быть готовым к бою. Вызывалась какая-то рота из Красноярска—новая трагикомедия.

— «Ну и что-же?» - обратился я к Устругову—«Я не знаю, пропускать ли эти телеграммы по назначению», ответил мне, сильно волнуясь, Устругов.

— «Раз они попали к вам, то, вероятно, уже попали и туда, куда следует. Благодарю вас за сообщение».

Присутствовавший при разговоре В. А. Виноградов оживился. Действительно, это было нечто новое среди сплетен и грязной ползучей интриги Омска. Я вызвал чешского представителя в Омске Кошека, который утром того же дня получил от меня подтверждение о движении эшелонов к Екатеринбургу, на усиление Гайды. Это, видимо, не удовлетворило чешского «Бонапарта».

Приехал Розанов. Он уже, оказывается, знал об этом, успел послать запрос Сыровому и приказал не пропускать чешские эшелоны.

Я приказал отметить последнее распоряжение, учитывая всю несостоятельность Гайдовской затеи.

Розанов поехал к англичанам и к Реньо, а я, страшно обозленный и усталый, приказал вызвать к аппарату Дитерихса.

В 11 ч. пришел в штаб Ставки. Дитерихс был у аппарата, он, видимо, не был в курсе и, судя по почтительно-недоуменному вопросу, волновался и обещал все выяснить с Сыровым.

Доложили о приходе Кошека и командира квартировавшего в Омске чешского полка. Принял их в кабинете Розанова. Оба вошли в пальто.

— «Почему вы не разделись? что же, воюем?»—спросил я Кошека.

— «Не знаю, г. Главнокомандующий, повидимому, так», ответил хитрый Кошек довольно растерянно. У обоих в руках было много телеграмм. Кошек не мог найти той, которую хотел мне показать. Он все время просил меня успокоить лично Гайду во имя России, подал мне его телеграмму, где Гайда об'ясняет свою выходку тяжелыми обстоятельствами фронта.

Я отказался принять телеграмму и, кажется, первый раз, взбешеный всем происходящим, утратил равновесие и обычный спокойный и выдержанный тон.

Чехи несколько смутились, находя мое негодование справедливым, и заверяли, что национальный совет даст мне удовлетворение. Им очень хо-

телось, чтобы я что-нибудь ответил Гайде. Я наотрез отказался. Войны, конечно, не произошло. Я понимал, зачем все это было нужно.

Белов, которого Гайда считал недоброжелателем чехов и увольнения которого требовал в связи с угрозой войны Омску,—уйдет, но по своей воле—это тоже мое непреклонное решение.

Чехи ушли. Розанов поехал к Белову, но не застал его: он, видимо, по примеру Михайлова, тоже не ночует дома. Вернулся к себе около 2 час. ночи. Спал плохо. Хотел потребовать удаления Гайды, но решил пока обождать.

Реньо довольно холодно отнесся к заявлению Розанова, считая, что это чисто русское военное дело. Чехи самостоятельны и ему не подчинены. Тем не менее, написал будто бы телеграмму Гайде, Пишону и др. Англичанин Нельсон, кажется, тоже что-то сделал.

Выходка Гайды самым тесным образом связана с целым рядом обстоятельств, освещение которых совершенно необходимо для более полного уяснения обстановки последних дней, предшествовавших падению Директории. Ввиду этого я считаю необходимым пополнить краткую запись событий в дневнике и привести ряд выдержек из документов, касающихся этих событий.

Старшим оперативым начальником Екатеринбургского фронта был один из наиболее популярных среди чехов молодой, энергичный и чрезвычайно честолюбивый генерал Гайда, в подчинении которого находились, кроме чехов, части Средне-Сибирского корпуса, которым командовал также молодой и весьма популярный среди сибиряков генерал Пепеляев[108]).

Средне-Сибирский корпус, мобилизовавшийся, главным образом, в пределах прежней Томской губернии, не был полностью готов к походу. Тем не менее, ввиду нажима красных и настойчивых просьб чехов подкрепить их на Екатеринбургском фронте, туда был только что выдвинут Пепеляев с наиболее готовыми частями своего корпуса.

Пепеляев представлялся мне в Омске. Слишком юный для своего высокого поста, он подкупал избытком молодой энергии и исключительной привязанностью к родной ему Сибири. Я выезжал посмотреть батальоны, которые он вел на фронт. Они напомнили мне тех доблестных сибирских стрелков, которые творили чудеса за время мировой войны, начиная с их первого появления под Варшавой до последних дней существования старой русской армии[109]).

Гайда тоже сравнительно недавно прибыл в Екатеринбург. Он только что удачно закончил операции против большевиков в районе Байкала и в значительной мере содействовал восстановлению сквозного сообщения вдоль Сибирской магистрали.

Переживший ряд «триумфов» в Сибири, Гайда, окрыленный чрезвычайно смелыми надеждами, создавшимися в условиях сибирской действительности, и имевший сильную поддержку иностранцев, конечно, не был доволен скромной ролью начальника 4-й чешской дивизии, с которой он пришел в Екатеринбург.

Он оказался в подчинении более скромного, но несомненно твердого солдата—ген. Сырового, в свою очередь, находившегося уже в подчинении русского Верховного главнокомандования.

Развал, начавшийся в чешских войсках, грозил значительно понизить их значение в Сибири и в глазах иностранцев. Гайда все это несомненно учитывал. Он пытается начать формирование русско-чешских полков: настойчиво требует присылки на его фронт полностью всего Средне-Сибирского корпуса, чтобы за счет русских войск усилить свой престиж и сохранить свое влияние в Сибири и среди иностранцев.

В своих требованиях он встречает противодействие со стороны штаба Сибирской армии, главным образом, со стороны Иванова-Ринова и Белова.

Мой взгляд на предоставление высших командных должностей иностранцам ему известен и не внушает особо-розовых надежд. Ставка переносится на Колчака, назначенного к этому времени военно-морским министром.

9-го ноября в Екатеринбурге должно было состояться торжество освящения знамен, пожалованных четырем батальонам «в честь начала чешской национальной жизни».—Чехословакия стала самостоятельной республикой.

Русское Верховное главнокомандование на этом торжестве должен был представить адмирал Колчак, который ехал, как военный министр, для инспектирования войск Екатеринбургского фронта.

По «случайному совпадению», вагон Колчака был прицеплен к поезду английского полковника Уорда, который с ротой своего батальона ехал на то же торжество чехов.

Вскоре в екатеринбургских газетах появился ряд хвалебных статей по адресу Колчака и интервью полковника Уорда, заявившего, «что при наличии таких людей, как Колчак, Россия никогда не погибнет». Указывалось на крайне дружеские встречи Колчака с ген. Гайдой, на совместные с Гайдой и Уордом поездки на фронт, где ввиде развлечения производилась артиллерийская стрельба по красным под звуки оркестра, игравшего популярные английские песенки «Colonel Bogey» и «Типперери».

12-го ноября я получил довольно странную шифрованную телеграмму Колчака.

«Омск. Главковерх Генерал-Лейтенанту Болдыреву Военная 11-го ноября точка».

«Ознакомившись с материалами и убедившись из разговора генералом Гайдой в антигосударственной деятельности генерала Белова с своей стороны считаю отстранение генерала Белова для пользы русского дела необходимым точка Нр. 11

Адмирал Колчак».

День получения этой телеграммы совпал с днем отмеченной дневником выходки Гайды, с днем обнаружения его попытки итти войной на Омск. Совместный удар Колчака и Гайды в первую очередь направлялся против их общего противника штаба Сибирской армии в лице генерала Белова. Формальным поводом послужила телеграмма Иванова-Ринова из Владивостока от 21-го октября, № 00891, адресованная на имя Михайлова, сильно задевшая чехов и Колчака.

Телеграмма эта неособенно грамотная, во многом вызванная обидой Иванова-Ринова на замену его Колчаком на посту военного министра, тем не менее, не лишена интереса с точки зрения оценки деятельности чехов.

«Чехи всеми силами старались сохранить случай на добытое мировое значение за счет России, для чего они заслоняют в Америке своей пропагандой возрождение России и стараются всеми силами доказать, что мы не способны на самодеятельность. У нас чехи поддерживают социализм и прямым вмешательством в наши внутренние дела стараются парализовать здоровые течения возрождения, считая их реакцией отсюда вытекает их оппозиция Сибирскому Правительству, начатая еще в Самаре, поддержка Учр. Собр. и Обл. Думы и контакт их с эсерами. Чехи мечтают создать всеславянское государство, куда вводят и Россию. Хотят этим государством руководить, почему не приемлют самобытную Великую Россию, которая, руководимая своими деятелями, несоциалистическими элементами, несомненно, откажется от руководства чехов и пойдет к своему великому будущему сама. Но приемлют Россию социалистическую, надеясь сохранить над нею руководство до конца. Поэтому не в интересах чехов дать нам сорганизоваться в независимое от них и самостоятельное государство. Отсюда понятно их планомерное стремление отбирать от нас одежду, обувь, оружие, патроны, технические средства. Отсюда—вмешательство во внутренние дела, захват в свое командование всех наших действующих войск. Я убедился, какое огромное военное имущество захватили у нас чехи и какие невероятные запасы сосредоточили у себя в то время, когда наша армия гола, боса, обезоружена. Чехи, опираясь на наших эмигрантов Америки, преимущественно евреев, мешают признать нас за государство. Высший совет снабжения*) захватил всю Сибирь и выкачивает предметы снабжения отовсюду только для чехов. Чешское командование по поводу забастовки издало по своей дороге (?) приказ, выражая свое несогласие со сдельной платой, установленной правительством, чем возбуждает против него рабочих.

Выяснив роль чехов в отношении опасностей повести возрождение России под углом экспериментов социализма, я догадываюсь о намерениях Гайды в Омске с группой приверженных ему русских офицеров об'явить диктатуру, которою ему, по его мнению, удастся очистить Россию от большевиков.

Есть основание думать, что чешская диктатура в России отвечает общим планам чехов, оставляя за ними гегемонию, тем более, что социалистический путь, приведший к развалу чешских частей на Самарском фронте, видимо, потерпел крушение»...

...«Уход чехов с фронта возможен, но не по той причине, что к этому они вынуждены нашими неурядицами, а лишь вследствие разложения своих собственных частей. Но полагаю, что, если развить деятельность Востока, то мне удастся в значительной мере парализовать интригу приехавшего сюда Павлу и склонить союзников не признавать тех предлогов, под которыми чехи могли бы покинуть фронт, свалив вину на нас. Мне уже удалось передать в Вашингтон Бахметьеву (послу) через секретаря Сукина, приехавшего во Владивосток, часть информации о чехах. В результате налаживается дело прямой помощи нам, помимо чехов. До сих пор Америка помогала только чехам и послала им 290.000 наших винтовок и 200.000 пар сапог, но мне удалось изменить адрес отправки на нашу пользу. Также удалось направить в армию 150.000 пар сапог и не дать их захватить чехам.

Нокса я тоже выяснил и не особенно ему верю, ибо он выдал за помощь Англии наших 30.000 винтовок, которые ему дала из наших запасов Америка, и которые Нокс отдал Гайде, а последний—Пепеляеву. Нокс не имеет никаких полномочий формировать русскую армию, но делает все заявления об этом, ссылаясь на сомнительные 100.000 комплектов одежды и снаряжения. Командовать нами и помогать нам едет французский генерал Жанен, назначенный Парижской Конференцией. Но, видимо, Нокс успел склонить Болдырева на свой не особенно для нас полезный проект, особенно о сокращении армии **).

---

*) Упразднен Директорией по представлению Верховного Главнокомандующего и заменен соответствующими органами снабжения.

**) Видимо, имелся в виду мой проект временного возвращения излишне мобилизованных, наиболее старых возрастных классов, на которых не было ни обмундирования, ни снаряжения и которые бездельничали в казармах, оторванные от свохи работ в деревне.

Много можно было бы сделать с генералом Жанен. Японцы, пользуясь ошибкой союзников, обмороченных чехами, направляют все свои силы быть для нас полезными, их бы я мог использовать, как средство понуждения Америки на скорейшую нам помощь. К сожалению, Колчак весьма нетактично произвел разрыв с японцами и вообще много напортил на Востоке своей несдержанностью»...

Эта телеграмма, содержащая много горькой правды и достаточно ясно обрисовывавшая взаимоотношения союзников, несомненно, являлась коллегиальным творчеством собравшихся тогда во Владивостоке политиков, хорошо инспирированных из Омска и работавших в его пользу. Для Иванова-Ринова она являлась к тому же и солидной мотивировкой к восстановлению его значения после замены его на посту военного министра Колчаком. Это ясно сквозит в конце телеграммы:

«Реально выдвигаются следующие меры: 1) оставление без изменения созданной мной системы организации территориальных корпусов, за исключением Восточного военного округа, 2) оставление должности командующего отдельной сибирской армией*) из пяти корпусов армейских, одного кавалерийского корпуса, с отделением должности от Военмина, 3) немедленное формирование главных управлений военного министерства, 4) подчинение военного министра командарму, а главных управлений — отделу снабжения армии, 5) оставление меня на должности командарма с особыми уполномочиями для завершения переговоров на Востоке и полного приведения в порядок военного дела».

Другая коротенькая телеграмма на имя Белова от 29 октября, которую послал ближайший сотрудник Иванова-Ринова, генерал-майор Бобрик, еще ярче подтверждает стремление Иванова-Ринова сохранить власть.

«Когда у генерала Иванова так удачно налаживается дело на Дальнем Востоке, является просто безумием заменять его Колчаком, о котором здесь общественное мнение, как о человеке, несоответствующем моменту... Японцы официально высказались, что они желали бы видеть министром Иванова... Смена министра в настоящий момент загубит наше дело у союзников»...

Телеграммы не помогли. Колчак остался министром. Они скоро, впрочем, примирились: когда Колчак, после падения Директории, сделался Верховым Правителем, Иванов-Ринов незамедлительно принес ему «всепреданнейшее» или «всеподданнейшее» поздравление, после чего оставался на Дальнем Востоке, сделался даже помощником Хорвата по военной части. Долго об'единял казачество и пользовался некоторым покровительством японцев.

Приведенная телеграмма произвела впечатление и озлобила чехов. Это было на руку Гайде. 10-го ноября в разговоре по аппарату с Розановым он высказал категорическое требование посылки в его распоряжение всех частей Средне-сибирского корпуса, указав, что корпус этот был обещан ему Сыровым еще месяц тому назад, и что части эти 14-ть дней уже кем-то задерживаются. Срочность посылки этих частей Гайда об'яснял необходимостью ликвидировать большевиков и занять Пермь, а также начавшимся отступлением русских частей, для приостановки которого он должен просить чешские части. Все эти заявления Гайда показывали на стремление его вырваться из общей системы управления и действовать в своих личных интересах.

---

*) Вместе с освобождением Иванова-Ринова от должности военного министра, он освобождался и от поста командующего сибирской армией и назначался командующим Семиреченским фронтом, куда и должен был выехать по возвращении из Владивостока.

Его предприимчивость пошла так далеко, что он нашел возможным подкрепить свои требования ультимативной формой, назначив 48 часов на выступление требуемых частей и такой же срок на устранение от должности начальника штаба Сибирской армии г.-м. Белова, которого он считал главным виновников задержки с высылкой подкреплений. При неисполнении грозил двинуть войска на Омск и «сделать такой порядок, что долго будут помнить».

Все это совершалось в присутствии военного министра Колчака, который не только не одернул зарвавшегося Гайду, но и подкрепил его требование приведенной выше телеграммой об устранении Белова. В разработке «плана», как оказалось потом, участвовал и английский полковник Уорд.

В оправдание своих требований Гайда выдвигал любовь к России и оскорбление чехов, которое он видел в телеграмме Иванова-Ринова.

Я никогда не видал Гайды. Мне нравилась его энергия, смелость. Я оправдывал до известной степени его молодую заносчивость, избалованную излишним раболепством некоторых «благодарных» кругов сибирского населения и союзниками, но все имеет свои пределы.

Ознакомившись из доклада Розанова с заявлением Гайды, я вызывал к аппарату генерала Сырового, сообщил ему о нелепой угрозе Гайды и потребовал: 1) «Указать генералу Гайда, чтобы принятый им тон раз навсегда был бы забыт в отношении представителей власти и высшего командования России. 2) Чтобы впредь никаких непосредственных требований войск от каких бы то ни было русских начальников и штабов, ему неподчиненных, не было. Эти заявления могут последовать от вас, т.-е. ген. Сырового, как главнокомандующего, и исключительно через меня. 3) Указать Гайде впредь таких выходок не повторять. 4) Известить меня по поводу принятых вами решений в отношении ген. Гайды, в связи с настоящим случаем». Добавил еще, что «представитель Чехословацкого национального совета г. Рихтер был у меня с выражением крайнего сожаления по поводу этого прискорбного случая, сделавшегося ему известным помимо моих заявлений, и он обещал лично довести его до сведения Совета».

Сыровой оправдывал действия Гайды потребностями фронта и настаивал на немедленном исполнении требования по высылке указанных Гайдой частей, как крайне необходимых на фронте.

После столь резких об'яснений приходилось менять тон и просить тех же чехов уделить часть имеющихся у них патронов для оренбургских и уральских казаков, переживавших тяжкий кризис с патронами. Эта унизительная зависимость в отношении боевого снаряжения искусственно создавалась союзниками и крайне осложняла работу верховного главнокомандования.

Вопрос о патронах уладили. Я обещал ускорить посылку войск.

Любопытна еще одна деталь с телеграммой Иванова-Ринова. Когда копия телеграммы была доставлена мне, я вызвал Михайлова и спросил его, что он думает о ее содержании. Михайлов ответил полным неведением и в официальном письме на мое имя «позволил себе еще раз выразить свое крайнее удивление, что по его адресу могло быть направлено сообщение, содержащее в себе столь незаслуженные обвинения по адресу наших союзников-

чехов и столь неприличные выходки против высших должностных лиц государства».

Поднятая Гайдой шумиха доставила ему некоторый профит. Ставший Верховным Правителем Колчак предоставил ему армию. Сделка оказалась для обоих выгодной: Колчак получил реальную опору, Гайда—армию, а Сибирь новый раскол в слагавших ее силах.

Что особенно характерно для эпохи и ее деятелей—это то, что Колчак вскоре предоставил армию и «антигосударственному деятелю» генералу Белову, а тот принял.

По доходившим в Омск сведениям, Иванов-Ринов начинал заметно выходить из рамок предоставленных ему полномочий. Я приказал заготовить телеграмму о вызове его в Омск.

XIII.

Мой от'езд на фронт.

К середине ноября положение на фронте сделалось чрезвычайно напряженным. По оперативной сводке ставки, к 16 ноября оно рисовалось в следующем виде:

Фронт красных составляли 5 армий. Крайняя лево-фланговая армия, III-я Берзина (40.500 чел.)—против Екатеринбурга, правее ее—армия II-я Зорина (31.000 чел.), далее V-я армия Славина (21.500 чел.), затем I-я армия Энгельгардта (24.000 чел.) и на крайнем правом фланге против Уральска—IV-я армия Ржевского. Передовые части этих армий достигали линии Верхотурье, Кунгур, Бугульма, ст. Абдулино (Самарозлатоустской ж. д.), ст. Сороки (Оренбургской жел. дор.), Новоузенск, с двумя большими, со стороны белых, выступами к западу от Верхотурья и на территории Воткинского и Ижевского заводов, упорно защищавшейся сорганизовавшимися в войсковые части рабочими этих заводов[110]).

Со стороны белых—фронт ген. Сырового, общим протяжением около 850 верст, на правом фланге которого находилась екатеринбургская группа ген. Гайда (19.600 штыков, 2.300 сабель), затем группы Люпова (8800 штык., 825 сабель, 22 ор.) и Войцеховского (14.500 шт. и 1500 сабель), и затем самостоятельная Южная группа Дутова (10.500 штыков, 5000 сабель, 169 пул., 35 орудий), подчиняющаяся непосредственно Главковерху и дравшаяся на запад—против армии Ржевского и на юг—против Туркестанского фронта красных, передовые части которого достигали линии Орск-Мартук (ст. Оренбургск. жел дор.).

По грубому подсчету, не считая войск IV армии Ржевского и Туркестанского фронта, красные имели двойное превосходство в числе и значительно лучшее обеспечение боевыми припасами, в которых у белых, особенно в патронах, был острый недостаток.

Кроме частного успеха под Бугульмой, белые почти на всем фронте теснились красными. Воткинцы и Ижевцы[111]) боролись, окруженные с трех сторон. Наиболее угрожающим было положение вдоль Самаро-Златоустской жел. дор.; стоявшая здесь одна чешская дивизия покинула фронт. Русские части были сильно утомлены.

Сюда верховным главнокомандованием решено было бросить 3-й Уральский корпус из Челябинска. К Екатеринбургу должны были сосредоточиваться неприбывшие еще части Средне-сибирского корпуса.

Семиреченский фронт оставался попрежнему довольно стойким. Намеченный там удар требовал больших работ по созданию специального обоза (на верблюдах).

Сложность обстановки под Бугульмой и у Бирска побудили меня лично проехать в районы этих пунктов. Кроме того, в связи с чрезвычайно напряженным состоянием политической обстановки, ввиду назревающей возможности осложнений в Омске, надо было выяснить настроение фронта и, опираясь на него, принимать те или иные решения в отношении тыла.

В Омске Директория располагала только что сформированным батальоном ставки, а так как реальная помощь, в виде чехов, попрежнему сознательно исключалась, преимущество в силах было на стороне враждебных Директории группировок Омска.

Несмотря на то, что государственная охрана все же была возглавлена эсером Роговским, ему не удалось создать за столь краткий срок надежной полицейской силы. Эсеровская же партия в лице ее центрального комитета, так неосторожно выпустившая скомпрометировавшую ее прокламацию, в действительности тоже ничего не сделала. Довольно сильная рабочая группа Омска осталась без всякого на нее воздействия и одинаково была озлоблена, как против только что упраздненного, но фактически оставшегося, ввиде совета министров Административного совета, так и против Директории, не сумевшей защитить ее от суровых кар в связи с забастовкой[112]).

Высший командный состав в Омске, начиная с начальника штаба ставки Розанова, неизменно опровергавшего в своих докладах серьезность положения, двоился и осторожно нащупывал, на чьей стороне будет победа.

Это чрезвычайно ярко выявилось в поведении временно командующего Сибирской армией ген. Матковского, командира Степного корпуса, штаб которого находился в Омске.

13-го ноября на банкете в честь прибывших в Омск французских офицеров находившиеся там русские офицеры не только потребовали исполнения старого русского гимна «Боже, царя храни», но и начали подпевать. Создалась неловкость. Бывшие в числе гостей французский высокий комиссар Реньо, французский и американский консулы не встали. Не встал и находившийся на банкете представитель Управления делами Директории. Начался скандал.

Старший из русских военных начальников ген. Матковский не принял никаких мер даже в отношении особенно разошедшегося полковника, который оказался атаманом Красильниковым, заявившим, между прочим, что «мы всегда по первому зову пойдем за Михайловым и Вологодским».

Иностранные представители нашли, что «это в конце-концов довольно скучная история—возвращение к старому» и уехали с банкета.

Я на другой день узнал об этой истории и по телефону спросил Матковского—арестовал ли он виновных. Матковский ответил, что он все еще выясняет таковых, а затем спросил: «а если среди виновных окажется сам Красильников,—и его арестовать»?

Это спрашивал командующий армией—старый, казалось, опытный генерал.

«Конечно, арестовать, вы заставляете меня учить вас вашим обязанностям».

Я уехал на фронт. Красильников, как я потом узнал, так и не был арестован Матковским, зато в его отряде с раздражением говорили, что Главковерх приказал арестовать их атамана.

А через три дня Красильников, на глазах бездействовавшего Матковского, арестовывал членов Директории.

Возвращаюсь к дневнику.

На пути в Челябинск. 15 ноября.

От'езд в Челябинск. В вагон прибыли Розанов и Матковский. Я им сообщил сущность доклада Роговского о готовящемся перевороте, который только что был заслушан нами в кабинете Вологодского в здании Совета министров.

Матковский заверил в полном спокойствии. Я поручил им обоим заехать к Авксентьеву и переговорить по этому вопросу. Меня просил не уезжать. Ставка будто бы имела сведения тревожного характера. Опасность указывалась и справа и слева, включительно до покушения на поезд.

Выехал в 2½ часа ночи. Сопровождали ген. К..., 50 чел. из офицерской роты и 8 каз.

Поезд. 16 ноября.

За окнами вагона вьюга, поэтому еще уютнее в купэ и в салоне; несмотря на недомогание, я все же чувствую здесь отдых от последних дней, полных забот и тревоги.

Навстречу шел поезд англичан (Уорд) с вагоном Колчака. Приказал последнему обождать меня в Петропавловске, если прибудет раньше... Колчак возвращался из Екатеринбурга. Он явился в мой вагон, высказал, что очень доволен поездкой, духом и бодростью войск. Принимал парад на чешском торжестве, выезжал на броневике на фронт и пр.

Свидание его и английского полковника Уорда с Гайдой, Пепеляевым и Голицыным, конечно, было подготовлено заранее и не без ведома их Омских друзей.

Из длинного разговора с Колчаком я еще более убедился, как легко поддается он влиянию окружающих. Мое поведение в связи с выходкой Гайды, видимо, резко изменило то настроение, с которым он вошел в мой вагон. Он уже соглашался с гибельностью и несвоевременностью каких бы то ни было переворотов. Он—или очень впечатлителен или хитрит.

Колчак опять заговорил о необходимости расширения его прав, как военного министра. Я лично набросал перечень всего, что находил возможным сделать в этом направлении. Передал ему записку для Реньо об общем положении и о желательных совместных с союзниками мероприятиях, а также и ответ японскому генералу Муто по вопросу о присылке войск на Уральский фронт.

Колчак обедал у меня в вагоне. Присутствовала сестра моей жены, врач местной детской колонии Н. В. Ш-г. В Петропавловске я задержался на целых семь часов.

Позволил себе редкое удовольствие—читал Оскара Уайльда.

Челябинск. 17 ноября.

В 9 ч. 30 мин. прибыли в Челябинск. Почетный караул: рота стрелков 1-го горного полка и взвод сербов. Стрелки с знаменами и оркестром. Поздравил сербов с освобождением их родины.

Вошли в вагон. Слушал доклад командира 3-го Уральского корпуса ген. Ханжина, начальника его штаба полк. С. и ген. Трегубова, помощника Дитерихса при штабе Главнокомандующего Западным фронтом.

Последнего, ввиду отсутствия ген. Сырового и Дитерихса, я спросил: прибыл ли он по наряду или по собственной инициативе? Трегубов отвечал: «Да, по собственной инициативе».

При только что происшедшем инциденте с Гайдой отсутствие Сырового мне показалось знаменательным. Но сейчас же выяснилось, что это недоразумение.

Едва вышел ген. Трегубов, как в вагон вошел взволнованный Дитерихс, который доложил, что ему непонятно, почему Ставка не уведомила их о моем приезде. Как оказалось потом, и генерала Ханжина предупредил по личной инициативе мой ад'ютант Гуковский. Не знаю, была ли эта рассеянность бестолкового, захваченного политикой Розанова, или ставка сделала это умышленно по каким-нибудь особым соображениям—это предстояло выяснить.

«Мы стараемся наладить добрые отношения, а ставка, как нарочно, их портит», докладывал с трудно-скрываемым раздражением Дитерихс. Оказалось, что и Сыровой уже в коридоре вагона и ждет приема. Мое прибытие инкогнито он об'яснил было моим нежеланием видеться с ним после случая с Гайдой.

Сыровой сообщил, что Гайда должен был бы ехать в Омск вместе с бывшей уже у меня делегацией Национального Совета, принесшей мне извинение, но был задержан начавшимся наступлением на фронте.

Я сказал, что Гайда должен это сделать при моем возвращении из Уфы.

«Да, конечно, мы это устроим»,—ответил Сыровой. Был вызван чешский почетный караул. Вскоре прибыл командир квартировавшего в Челябинске сербского полка, просил посетить их парад, по случаю их национального праздника.

Сыровой, Дитерихс и их ад'ютанты завтракали у меня в вагоне.

Приехал французский военный представитель, подполковник Пишон, как всегда очень любезный и внимательный. В беседе указал на полную несостоятельность командования Гайды,—«мечется во все стороны и дерется растопыренными пальцами, вместо кулака,—хороший батальонный командир»...

После завтрака вместе с Сыровым и его штабом поехали на парад сербов. Сюда же прибыли представители Франции и Японии. Площадь полна народу. Представлялись чехи, сербы, наши стрелки-пластуны и оренбуржцы.

Еще раз поздравил сербов и поцеловал ближайшего ко мне стоявшего в строю их солдата—это, кажется, имело наибольший успех.

На обратном пути население устроило овацию. В 3 часа был на банкете сербов. Там читал лекцию проф. Малевич о «Великой Сербии». Затем легкая закуска с чудным хором сербских офицеров. В честь России и меня исполнили «Многая лета».

Прекрасную речь произнес Пишон, указавший, что «Россия первая выступила на защиту Сербии, а Франция всегда с Россией». Речь имела бурный успех. Шумно приветствовались и мои слова в ответ Пишону: «Если Россия первая пошла на поддержку гибнущей Сербии, то теперь Франция первая шлет свои доблестные батальоны на наш боевой фронт».

Проводили с банкета овацией.

В вагоне принимал продовольственную комиссию Приуралья, городских представителей Челябинска, представителя министерства продовольствия, вице-директора общей канцелярии министерства финансов и др. Говорили о необходимости поднятия авторитета гражданской власти, о заготовке хлеба (до 200.000 пуд.) для отправления на помощь Европейской России вслед за продвижением армии к Волге.

Послал телеграмму Дутову о возвращении милиции Челябинского и др. уездов в распоряжение гражданских властей.

Послал директиву о возвращении из Екатеринбурга 7-й Уральской дивизии на Уфимской фронт к своему корпусу, о переброске бригады 61-ой дивизии этого корпуса к Уфе по железной дороге и другой бригады на повозках—к Оренбургу.

В 11 часов выехал дальше в Уфу.

Уфа. 18-го ноября[113]).

Прибыл в Уфу. На вокзале почетный караул: рота чехов и наш ординарческий взвод с трубачами. Слушал доклады: особоуполномоченного Знаменского, ген. Войцеховского—командующего Уфимской группой войск, и членов Совета уполномоченных.

Обедал в штабе группы, где присутствовал и весь Совет уполномоченных ведомствами. Откровенно говоря, эта комбинация несколько стесняла меня, и я был очень сдержан в беседе.

Среди обеда меня вызвали к прямому проводу из Челябинска; члены чешского Национального Совета, доктор Патейдо и Свобода, сообщили:

«Сегодня получили телеграмму из Омска от нашего уполномоченного, что ночью 18/XI арестованы члены Директории Авксентьев, Зензинов и помощник министра внутренних дел Роговский офицерами отряда Красильникова, который сам отрицает издание этого приказа. Добавляем, что, по слухам, говорится в Омске о военной диктатуре».

Они интересовались моим мнением, как Главковерха и члена Директории. Я наскоро ответил, что решение одно—немедленно освободить арестованных, разоружить Красильникова и предать суду виновных. Точно я не знал еще, какова в этих событиях роль Колчака, Матковского и Розанова.

Приказав вызвать к аппарату Розанова, я вернулся к обедавшим. Ничего никому не сказал и с тревогой в душе принужден был вести любезную беседу и благодарить хозяев. Обед был простой, солдатский.—Настроение—трудноскрываемая тревога. На большинстве лиц я читал готовность к борьбе и поддержке, но... не бросил искры в этот готовый к вспышке костер.

Вошел в аппаратную. Со мной хотел говорить уполномоченный Чехо-Совета—д-р Влашек (из Челябинска). Он сообщил, что события в Омске стали известны им от их омского уполномоченного и от адмирала Колчака, который имел уже разговор с ген. Сыровым и с ним—Влашеком, при чем сообщил им обоим, что никак не может войти в связь со мной*).

Вместе с тем он предложил Сыровому принять некоторые политические меры внутреннего характера**), на что Сыровой ответил, что не считает себя вправе принимать такие меры, т. к. пока положение на фронте не осложняется внутренними партийными распрями, и что, во всяком случае, в отношении тех или иных внутренних мер должен считаться с мнением других союзников.

Влашек от себя добавлял, что «революционный путь, которым прошло перестроение центральной правительственной власти создает на нашем союзном фронте чрезвычайно трудную обстановку, о чем я буду считать себя обязанным сообщить в Омск, так как затрудняюсь нести дальше мои функции в современных союзных рядах, если какими-либо путями в Омске не будет установлено соглашение с союзниками»...

У аппарата (из Омска) ждал ген. Матковский. На мой вопрос, каким образом были допущены аресты и «почему о столь важных событиях мне не было доложено в течение полутора суток»—Матковский сообщил:

«Сегодня в половине четвертого Наштаверх ген. Розанов сообщил мне по телефону, что по переданным ему сведениям арестован министр Авксентьев, Зензинов и тов. министра Роговский. По проверке этих сведений подтвердилось, что эти лица были арестованы, но где—неизвестно. На квартире Авксентьева был произведен обыск, но его самого в квартире не оказалось»...

«Совет министров, собравшись в 8 часов после долгого обсуждения создавшегося положения, постановил, что вся власть перешла к Совету министров, а последний, ввиду тяжелого положения страны, временно передал осуществление власти адмиралу Колчаку»***).

Матковский добавил, что «для розыска арестованных выслана контрразведка, арест произведен неизвестными лицами в военной форме»[114]).

Два дня тому назад перед моим отъездом Матковский уверял, что в Омске все будет спокойно, имел поручение лично переговорить по вопросу о безопасности с Н. Д. Авксентьевым. Он и теперь на мое приказание принять меры к розыску арестованных и виновников ареста, а также пригласить к аппарату Розанова, Колчака и Вологодского ответил: «сейчас будет исполнено — ждал, за кем останется победа****).

---

*) Колчак, как выяснилось потом, действительно искал связи со мною, желая сохранить за мной пост Верховного Главнокомандующего; все попытки в этом направлении были ликвидированы моим последовавшим разговором с ним.

**) Включительно до ареста и уничтожения всех эсеров.

***) Все приводимые разговоры—выписки из подлинных телеграфных лент.

****) К этому были некоторые основания. Полк. Уорд, весьма причастный ко всем этим событиям, в своей книге—«Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 г.», Госиздат, Москва, 1923,—пишет: «Болдырев, как я уже отметил, находился на Уфимском фронте, когда Колчак принял верховную власть. Он пребывал там в совещаниях с Чешским Национальным Советом и с членами бывшего Учредительного Собрания около пяти или шести дней, ни одним словом не выражая своих намерений. Это было критическим положением для Колчака, который не знал, что он делает или намеревается делать». Стр. 92.

Уорд проливает некоторый свет и на обстановку ареста Авксентьева и др., которые, по его заключению, не были «приколоты штыками в ту же ночь только потому, что страх его соотечественников перед диктатурой сделал бы тогда невозможным признание Колчака английским правительством». Аресты—дело рук офицерской карательной организации, которая, по словам Уорда, «поклялась убить как раз столько же большевиков-революционеров, сколько офицеров было убито людьми вроде Троцкого и Авксентьева»...

Подошедший к аппарату Розанов в общем повторил сообщение Матковским только в более определенной форме, добавив, что «Директория признана ликвидированной, в городе спокойно, в войсках тоже».

Я задал вопрос Розанову: «Какое мнение председателя Совета министров (Вологодского) и члена правительства Виноградова? Они тоже признали постановление Совета министров? Какое мнение союзных представителей по поводу совершившихся событий?».

Розанов ответил: «Оба члена правительства признали принятый выход неизбежным. П. В. Вологодский остался председателем Совета министров. О В. А. Виноградове вопрос остался открытым, так как, признавая неизбежность факта, он считает для себя невозможным оставаться в Директории. Вопрос о союзниках открыт—еще не было возможности его разрешить».

Доклад Розанова был сух, касался только официальных сведений, он даже предупредил, что «все частные телеграммы запрещены и подробности доложу лично».

Мой ближайший сотрудник, облегченный полным моим доверием, говорил уже от имени другой власти: он выполнял поручения Колчака. Стало совершенно ясным, что и Розанов впутан в игру и в значительной степени предал меня и Директорию.

Лучше всех, конечно, поступил П. В. Вологодский: он длительно предавал Директорию, санкционировал насилие группы офицеров над своими сочленами и... остался на своем прежнем посту председателя Совета министров. Он даже для приличия не сделал перерыва в своей «работе» и поощрил Колчака производством в полные адмиралы! Впрочем, мне говорили, что он плакал, отказывался, хотел уйти.

Я вызвал ген. Дитерихса, который сообщил, что чехи (исключая Гайды) и их Национальный Совет против переворота и поддерживать новую власть не будут. Он подтвердил сообщенное мне Влашеком, что вновь произведенный в полные адмиралы Колчак предложил Сыровому выполнить некоторые меры внутренней политики в отношении эсеров.

Иллюзий больше не оставалось. Война или уход от власти — других путей не было.

Я послал телеграмму Каппелю, поздравил его генералом. Это исключение в отношении чинов я обеспечил согласием Правительства—и с горечью должен был отказаться от поездки в его отряд, где меня так ждали.

Надо было ехать в Челябинск. Без предварительного переговора с чехами (Сыровой и Нац. Совет) я в тех условиях не мог принять крайних мер, т.-е. об'явить себя единственной, законной властью и бунтовщиками Колчака и омский Совет министров. Для меня было совершенно ясно содействие Колчаку со стороны англичан (Нокс, Родзянко, Уорд) и благожелательное сочувствие французов. Осуществленная Омском идея военной диктатуры пользовалась сочувствием большинства офицеров, буржуазии и даже части сильно поправевших демократических групп.

Активная часть омского гарнизона, тесно связанная с Михайловым, конечно, была подготовлена. Академики, руководимые Андогским, подготовили почву в самой ставке, глава которой, ген. Розанов, повис между двух стульев.

В сложившихся условиях восстановление прав пострадавших Авксентьева и Зензинова силой не было бы популярным, оно невольно связывало бы меня и с Черновской группой, к которой я сам лично относился отрицательно.

Как ни ничтожны были по моральному весу группы, совершившие переворот, они требовали определенной вооруженной силы для их ликвидации и за время моего продвижения к Омску могли значительно окрепнуть, просто, подгоняемые чувством самосохранения.

Таким образом, для похода на Омск надо было снять войска с фронта и тем самым ослабить важнейшее Уфимское направление, или взять таковые из Челябинска, но там были войска из состава Сибирской армии с начальниками, тесно связанными с Омском.

В 9 час. веч. ко мне прибыл особоуполномоченный Директории в Уфе—Знаменский. Он знал уже о случившемся и, вместе с Советом управляющих ведомствами, не только был в оппозиции совершившемуся, но и приступил к немедленной, правда, пока словесной, борьбе. Он просил меня приехать на заседание Совета и высказать свое решение.

Я не дал окончательного ответа—меня тревожили возможные осложнения на фронте, тем более, что предварительный разговор мой на эту тему с генералом Войцеховским убедил меня, что большая часть офицерства встретила весть о диктатуре сочувственно. Солдаты, конечно, нет. Малейшей неосторожностью я мог бы разделить офицеров и солдат и вновь, как год тому назад, поставить их друг против друга.

Я слишком много думал, вместо того, чтобы действовать. Время уходило. Решил не ослаблять фронта. В 10 час. вечера с глубокой тоской и тревогой выехал в Челябинск.

Челябинск. 19 ноября.

В 2 ч. пополудни поезд подошел к Челябинску. На перроне почетный караул: рота стрелков. Командир корпуса ген. Ханжин очень удручен свершившимся и, вместе с начальником штаба, решил подавать в отставку.

«Раньше, требуя всего от солдат, говорили, что делается все во имя Учредительного Собрания, теперь это рухнуло, и почва выбита из под ног»—жаловался Ханжин.

«В городе сразу стало меньше песен»,—добавил начальник его штаба С., убежденный противник, вернее, враг Авксентьева и вообще эсеров. Затем прибыл комиссар Приуралья Кириенко «за приказаниями», так как они, представители местной демократии, решили исполнять только отданные мной приказания и об'явили об этом населению.

Местный председатель союза «Возрождение России» приехал просить на раут в честь ехавших на фронт французов (батальон анамитов), где будут все представители общественности, и добавил при этом, что все с нетерпением ждут моего выступления

Роли переменились. Пошел в вагон к Сыровому. Национальный Чехо-Совет и Сыровой резко против переворота, при этом Сыровой добавил, что и Жанен и Стефанек (военный министр Чехо-Словакии), с которыми он говорил по аппарату (с Владивостоком, где они оба находились), запретили чехам вмешиваться в наши внутренние дела и указали на необходимость прочно держать фронт. Исходя из этих соображений и имея двух верховных главнокомандующих—меня и Колчака,—Сыровой отдал приказ—ничьих распоряжений, кроме его, не исполнять.

Создавалось нелепое положение. Колчак фактически не мог управлять фронтом: начальники, получившие его приказы, не могли исполнять их, имея в виду приказ непосредственного начальника, генерала Сырового.

Представители Чехо-Совета не без яду напомнили мне, что в октябре я был против главного «зла» (Михайлова) в Омске, «вот теперь и расхлебывайте кашу».

Выяснилось к тому времени и настроение моей ставки. Там сочувствовали перевороту, работа продолжалась, все на местах.

Чехи в Омске держатся нейтрально. Авксентьев и другие живы. Переворот без крови.

Зашел генерал Дитерихс, сообщил суть его переговоров с Колчаком. Он, считая диктатуру желательной, находит ее несвоевременной и проведенной революционным порядком, а не путем эволюции. Осуждает Колчака за принятие на себя звания верховного главнокомандующего. Вообще Дитерихс возмущен происходящим и хочет бросить работу. Вечером предстояла крайне тяжелая необходимость поехать на банкет в честь проезжавших французов. Настроение подавленное. Человеческая подлость не ослабляется даже тяжелыми политическими тревогами. Каждому важно, как то или иное обстоятельство отразится на его личных интересах. Я еще сидел на первом месте среди присутствующих, но чувствовал, что для многих Колчак и переворот—двойной повод к торжеству, праздник на их улице. Этим торжеством особенно сиял сидевший наискось, заросший густой бородой челябинский купец Лаптев.

Никаких политических заявлений, конечно, я не сделал; этого, кажется, больше всего опасался сидевший рядом со мной французский майор Пишон.

Перед от'ездом я переговорил с бывшими на банкете военными. Чувствовалось, что и их ухо приятно ласкала диктатура. Не знаю, может быть, из вежливости все делали вид, что было бы лучше, если бы диктатором был я. Тепло простились; уезжая, я думал о предстоящих испытаниях. Вечером говорил по аппарату с Колчаком. Привожу разговор полностью:

«У аппарата Верховный Главнокомандующий генерал Болдырев».

«У аппарата адмирал Колчак. Вы просили меня к аппарату».

«Здравствуйте, адмирал. Я просил Вас к аппарату, чтобы выяснить все те события, которые произошли за мое отсутствие в Омске, а равно и те распоряжения, о которых я косвенно слышал и которые касаются вопроса о русском Верховном Главнокомандующем».

«Рассказывать все по проводу невозможно. События в Омске произошли неожиданно для меня в Совете министров. Когда выяснился вопрос о Директории, и Вологодский с Виноградовым признали невозможным ее дальнейшее существование, Совет министров в полном составе с председателем Вологодским принял всю полноту Верховной власти, после чего обсуждался вопрос, возможно ли при настоящих условиях управлять всем составом министров. Признано было, что такое коллективное правление ныне невозможно. Тогда был поднят вопрос об образовании Верховной власти двух или трех лиц. Это было признано тоже неприемлемым. Тогда вопрос свелся к единоличной Верховной власти и было суждение о двух лицах. Я указывал на Вас, считая, что для осуществления единоличного Верховного управления достаточно передать Верховному Главнокомандующему полномочия по гражданской части. Вопрос, таким образом, разрешается наиболее просто. Суждение об этом было и происходило в моем отсутствии. Я оставил зал заседания, высказав свое мнение. Совет министров постановил, чтобы я принял на себя всю полноту Верховной власти, указав на тяжесть переживаемого момента, недопустимость отказа. Я принял этот тяжелый крест, как необходимость и как долг перед родиной. Вот все».

Ген. Болдырев: «Таким образом, ни со стороны Вашей, как военного министра, ни со стороны Командарма Сибири, ни со стороны Совета министров не было принято никаких мер к восстановлению прав потерпевших и к ликвидации преступных деяний по отношению членов Всероссийского Правительства. Кроме того, наличность третьего члена Директории, хотя и находившегося в отсутствии по делам службы, создавала кворум, и право Директории—распорядиться своей судьбой; и здесь и на фронте я уже видел гибельность последствий переворота, одним ударом разрушившего все, что было с таким великим трудом создано за последний месяц. Я никак не могу стать на точку зрения такого спокойного отношения к государственной власти, хотя, может быть, и несовершенной, но имевшей в своем основании признак народного избрания. Я не получил от Вас ответа в отношении вопроса о Верховном Главнокомандовании и должен Вас предупредить, что, судя по краткой беседе с генералом Дитерихсом, и в этом отношении нанесен непоправимый удар идее суверенности народа, в виде того уважения, которое в моем лице упрочилось за титулом Верховного Главнокомандования и со стороны войск русских и со стороны союзников. Я не ошибусь, если скажу, что Ваших распоряжений, как Верховного Главнокомандующего, слушать не будут. Я не позволил себе в течение двух суток ни одного слова, ни устно, ни письменно, не обращался к войскам и все ждал, что в Омске поймут все безумие совершившегося факта и, ради спасения фронта и нарождавшегося спокойствия в стране, более внимательно отнесутся к делу. Как солдат и гражданин, я должен Вам честно и открыто сказать, что я совершенно не разделяю ни того, что случилось, ни того, что совершается, и считаю совершенно необходимым восстановление Директории, немедленное освобождение и немедленное же восстановление в правах Авксентьева и др. и сложение Вами Ваших полномочий. Я считал долгом чести высказать мое глубокое убеждение и надеюсь, что Вы будете иметь мужество выслушать меня спокойно. Я не допускаю мысли, чтобы в сколько-нибудь правовом государстве были допущены такие приемы, какие были допущены по отношению членов Правительства, и чтобы представители власти, находившиеся на месте, могли спокойно относиться к этому событию и только констатировать его, как совершившийся факт. Прошу это мое мнение довести до сведения Совета министров. Я кончил».

Адмирал Колчак: «Я не понимаю выражения Ваших чувств в смысле спокойствия или неспокойствия правительства и нахожу неприличным Ваше замечание о принятии тех или иных мер в отношении совершившихся событий. Я передаю, возможно, кратко факты и прошу говорить о них, а не о своем отношении к ним. Директория вела страну к гражданской войне в тылу, разлагая в лице Авксентьева и Зензинова все то, что было создано до их вступления на пост Верховной власти. Совершившийся факт ареста их, конечно, акт преступный, и виновные мною преданы полевому суду, но Директория и помимо этого не могла бы существовать долее, возбудив против себя все общественные круги и военные в особенности.

Присутствующие члены Директории Вологодский и Виноградов признали невозможным дальнейшее ее существование. Положение создавало анархию и требовало немедленного твердого решения, так как рассуждать в области отвлеченных предста-

влений о кворуме Директории, из которой два члена были неизвестно где,*) два признавали невозможным ее дальнейшее существование и пятый в Вашем лице находился за тысячу верст. Решение было принято единогласно, и Верховная власть военного командования и гражданского управления была возложена на меня. Я ее принял и осуществил так, как этого требует положение страны. Вот все».

Генерал Болдырев: «До свиданья».

Адмирал Колчак: «Всего доброго».

Разговор этот, конечно, совершенно определенно обрисовывал мою позицию. Тем не менее, меня терзали сомнения, хорошо ли я делаю, уступая власть захватчикам.

Беседа с чехами ставила меня, по крайней мере, в первое время в изолированное положение. В связи с указанием, полученным Сыровым от Жанена и Стефанека, я мог встретить с их стороны затруднения с переброской войск к Омску.

В моем положении надо было иметь все 100 шансов на успех, иначе это была бы лишняя, осложняющая положение, авантюра.

Колчак после нашего разговора начал нажимать. Полковник Щербаков принес мне его телеграмму:

«Приказываю Вам немедленно прибыть Омск. Неисполнение моего приказа буду считать, как акт неповиновения мне и постановлению Всероссийского Правительства».

Я оставил эту телеграмму без ответа. Одновременно мне доставили копию телеграммы от 19 ноября Уфимского Совета управляющих ведомствами, адресованной: Вологодскому, копия Колчаку, С'езду членов Учредительного Собрания (находившемуся в Екатеринбурге), Чехо-Совету, Оренбургскому и Уральскому войсковым кругам и их правительствам, правительствам Башкирии и Алаш—орды, пока еще сохранявшим свои полномочия:

«Узнав о государственном перевороте Омске, Совет управляющих ведомства ми заявляет: узурпаторская власть, посягнувшая на Всероссийское правительство и Учредительное Собрание, им никогда не будет признана. Против реакционных банд Красильникова и Анненкова Совет готов выслать свои добровольческие части. Не желая создавать нового фронта междуусобной войны, Совет управляющих ведомствами предлагает Вам немедленно освободить арестованных членов Правительства, об'явить врагами Родины и заключить под стражу виновников переворота, об'явить населению и армии о восстановлении прав Всероссийского Правительства. Если наше предложение не будет принято, Совет управляющих ведомствами об'явит Вас врагом народа, доведет об этом до сведения союзных правительств, предложит всем областным правительствам активно выступить против реакционной диктатуры в защиту Учредительного Собрания, выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа»

Конечно, Вологодский, которому адресовался этот «ультиматум», даже при желании не мог выполнить и сотой доли того, что от него требовалось.

Другой телеграммой Совет управляющих ведомствами заявил, что он берет на себя всю полноту власти на территории Учредительного Собрания (т.-е. до границ Сибири). Доставлен был и плакат, гласивший:

«В Омске совершен государственный переворот. Арестованы... становитесь все в ряды русско-чешских полков имени Учредительного Собрания, в ряды отряда Форту-

---

*) Не знать, где находились арестованные Авксентьев и др., Колчак не мог уже даже потому, что это знал его ближайший сотрудник, английский полк. Уорд: «мои собственные агенты раскрыли место, где находились арестованные»... См. книга Уорда – «Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 г.». Стр. 88.

натова и добровольческих полков Народной армии. Не медлите ни часа. В промедлении — смерть демократии. А вместе с ней—и смерть начавшей возрождаться Великой России. К оружию, все за Учредительное Собрание!»

Учитывая все те настроения, которые сложились за последнее время против всего, что связано как со С'ездом членов Учредительного Собрания, так и вообще с партией эсеров, можно было смело утверждать, что в тех слоях, которые проявляли то или иное активное участие в борьбе, воззвания эти почвы иметь не будут. Массы же подготовлены не были.

Выиграют и выиграют крупно от всей затеянной Омском и возглавленной Колчаком авантюры только большевики.

Говорил по аппарату с командиром корпуса, ген. Люповым. На его фронте главный нажим. Он в отчаянии: одновременно получены и распоряжения Колчака и упомянутая выше телеграмма Совета Управляющих ведомствами. Просил передать глубокую благодарность доблестному А-му офицерскому отряду. 3 часа ночи. Тяжело.

Челябинск. 20-го ноября.

Продолжается мучительная работа мозга. «Что делать»?—вопрос этот отнюдь не потерял своей остроты.

Дольше оставаться в Челябинске не было смысла, если не подымать фронта против Омска.

Голос благоразумия все настойчивее убеждал временно уйти, не делать новых осложнений в армии. У каждого политического деятеля и свое время и своя судьба.

Донесся слух, что Авксентьев и Зензинов выселяются заграницу. Возможно, что и мне придется создать себе каникулы, с 14-го года я в страшном водовороте—пора и отдохнуть.

Был генерал Сировой, весьма резко отозвался об омцах. Он хорошо их знал еще по борьбе в районе Омска, за время майско-июньского восстания чехов.

Явились новые предложения борьбы с Омском. Представители местной демократии заявили, что на первое время есть даже и деньги. Вырисовывались некоторые шансы на успех, но они должны были вызвать большие осложнения, а вместе с тем и создать ореол мученичества Колчаку и его сотрудникам, если бы они, не показав себя, принуждены были уйти от власти. Пусть покажут.

Как странно! Там, где, казалось, должно было быть наиболее яркое выражение воли к борьбе, наоборот, настроение далеко не боевое. Заходивший ко мне И. высказал даже некоторую склонность покончить дело миром. Что это, благоразумие или то отвращение, которое начинает захватывать и меня? Отвращение к повсеместному мелкому предательству, к нарушению элементарного понятия о чести, к циничному отказу от обязательств, принятых на себя в столь, казалось бы, грозный час общей опасности.

Негодование к Омску очень сильно. Заявляют, что, если суждено погибнуть, то предпочтут гибель от красной руки большевизма, нежели от черной руки реакционного Омска. Чувствуется, что многие уйдут к привычной работе из подполья.

Был начальник штаба Уральского корпуса ген. С., говорит, что и он не прочь встряхнуть граждан из Омска. Но я как-то не доверяю ему, может быть, и несправедливо. Мое молчание смущает Омск, хочется, чтобы я заговорил, С. вызывает на разговоры.

Только что разорвал проект приказа и обращения к населению. Еду в Омск.

XIV.

Обратно в Омск. Новая власть.

Омск. 21 ноября.

По дороге в поезде разговор о том же. Меня, конечно, гнетет пассивность решения и тревога, что, не начав борьбы с переворотчиками, я этим самым, может быть, создаю новые тяжелые испытания для будущего России.

Среди общих разговоров остановились и на личной судьбе. Представлялась возможность ареста, но это стоило бы большой крови—52 офицера с пулеметами были при мне в поезде и поклялись, что даром не умрут.

В 3½ часов вечера прибыли в Омск. Встретил штаб-офицер ставки и доложил, что адмирал очень просит меня к нему заехать.

Он занимает кабинет Розанова, теперь всюду охрана. В кабинете солдатская кровать, на которой спит адмирал, видимо, боясь ночлегов на квартире.

Колчак скоро пришел в кабинет, слегка волновался. Он в новых адмиральских погонах. Друзья позаботились. Мое запрещение производства*) ликвидировано, и адмирал сразу получил новый чин «за заслуги».

Я спокойно заявил, что при создавшихся условиях ни работать, ни оставаться на территории Сибири не желаю. Это было большой ошибкой с моей стороны. Я дал выход Колчаку. Он горячо схватился за эту мысль, как временную меру, и называл даже Японию или Шанхай.

Колчак очень встревожен враждебными действиями Семенова. Тому хотелось видеть диктатором Хорвата, Деникина, или даже Дутова.

В дальнейшем разговор коснулся трудности общего положения; я заметил Колчаку, что так и должно быть. «Вы подписали чужой вексель, да еще фальшивый, расплата по нему может погубить не только вас, но и дело, начатое в Сибири».

Адмирал вспыхнул, но сдержался. Расстались любезно. Теперь все пути отрезаны—итак, отдых.

Омск. 22-го ноября.

Утром послал письмо Колчаку, которым подтвердил мое решение уехать из Сибири.

При письме—коротенькое прощальное обращение к армии[115]). Гуковский передал это письмо лично Колчаку, который сейчас же отдал необходимые распоряжения.

*) Исключение было сделано только в отношении Каппеля.

Лебедев, доселе малоизвестный офицер Генштаба, который в политической суматохе из полковников проскочил в наштаверхи, передал Гуковскому, что все желания генерала (т.-е. мои) будут немедленно исполнены. Обрадовались.

Розанов проиграл—его уволили в «отпуск».

Заходили кое-кто из бывших моих подчиненных, многих из них начинают гнать.

Отравляют существование извращением истины две газеты: «Правительственный Вестник» и «Русская Армия».

Омск. 23 ноября.

Заходил Розанов. Он очень смущен, острит, что убежденный монархист был приемлем у социалистов, но оказался не у дел при сторонниках единовластия. История о двух стульях. Полковник Церетелли говорит, что его также не считают удобным оставить на прежней должности генерала для поручений.

Фонды «сотрудника» по перевороту начальника Академии Генштаба Андогского то падают, то повышаются.

Каждый день просьбы офицеров и чиновников взять с собой—приходится отказывать.

Омск. 24 ноября.

Сегодня по телефону Колчак просил меня заехать к нему. Из ставки[116]) сначала не хотели было прислать автомобиля; Гуковский дал им хороший урок.

Опять отменная вежливость. Колчак просил сообщить ему: к кому и с какими задачами посланы были заграницу Савинков и Лебедев? Я, по возможности, удовлетворил его естественное любопытство.

Гуковский уверяет, что из разговоров в ставке он убедился, что меня хотели оставить или Верховным Главнокомандующим, или военным министром, но после моего разговора с Колчаком, это сделалось невозможным.

В ставке бродит ежедневно хитрый маклер и царедворец Андогский, с виду весел[117]), метит в начальники штаба к Колчаку.

Омск. 25 ноября.

Грубая бестактность[118]) со стороны человека, которому я много доверял и для которого много сделал—полковник Касаткин (главн. нач. военных сообщений). Мне доложили, что он отказывает в вагоне для меня. Я вызвал его к телефону, и, после короткого, но очень резкого с моей стороны нажима, он сдал и опять стал шелковый.

Заходил капит. английской службы Стевенс, старался об'яснить, хотя я его ни о чем не спрашивал, происшедшее 18 ноября «непредвиденной случайностью» и, конечно, очень «сожалел».

В челябинской «Власти Народа» открытый поход против нового правительства в защиту Директории. Об'явлено постановление Чехо-Совета с отрицательным отношением к перевороту. Все это слова—не больше.

Омск. 26-го ноября.

Утром заходил бывший член Директории В. А. Виноградов. Он честно держится на своей позиции. Удивляется низости поведения Вологодского в связи с тем, что печатают казенные органы: «Правительственный Вестник» и «Русская Армия». После некоторого отдыха собирается писать историю Директории.

Подробно осветил мне знаменитое заседание Совета министров после переворота 18 ноября и роль отдельных лиц. Особое внимание уделил Устругову, да и Колчак, повидимому, не так невинен, как хочет показаться. Кое-кто советует не уезжать.

Омск. 27 ноября.

Весь вечер провел у З., был со мной и Баевский. Многое узнал о редком ко мне отношении демократически настроенного офицерства, которое не сумел использовать.

Завтра уезжаем в добровольное изгнание

Омск. 28-го ноября.

Предполагал отложить от'езд на 1-2 дня: не готово кое-что из вещей. Но, это, видимо, не входило в расчеты правительства. Утром Гуковский доложил мне, что приходил железнодорожный офицер, который от имени генерал-квартирмейстера ставки сообщил, что, «в видах личной безопасности генерала, нежелательно откладывать от'езд». Я не мог понять, наглость ли это Сыромятникова (ген.-квартирмейстера), или провокация.

Приказал позвонить Колчаку, что я прошу его принять меня около часу дня.

Приходил редактор «Русской Армии», ротм. Скрябин, видимо, желавший позондировать, что у нас делается.

«Я слышал, что генерал вербует офицеров для Украйны. Я тоже, пожалуй, поехал бы». Попутно очень интересовался моим маршрутом и ближайшими намерениями. Гуковский дал понять бестактность его визита, и он исчез.

Около часа был у Колчака и прямо спросил его: «это от вас исходит странное предупреждение о необходимости, ввиду моей личной безопасности, сегодня же выехать, или это работа вашего штаба вашим именем».

Колчак,—не знаю искренно или нет—забеспокоился, что ему ничего неизвестно, что он ничего не имеет против отсрочки от'езда, что это, вероятно, недоразумение[119]).

Однако, едва я приехал домой, Колчак попросил меня к телефону и сообщил, что ему доложили о каких-то событиях, которых он допустить не может, а потому было бы лучше не откладывать от'езда.

Мне стало уже противно. Решил уехать.

Перед от'ездом был у Реньо. Кое-кто из друзей, в том числе и чехи, все еще надеялись вернуть меня к посту Главковерха. Мой неожиданный от'езд, видимо, озадачил Реньо, но он крайне сдержан. Присутствовавший здесь П-ский затронул вопрос о главнокомандовании, Реньо с своей стороны

не высказал ничего положительного, он не считал это вопросом общей политики и, как технический вопрос, находил его зависящим до известной степени от ожидавшихся с Востока ген. Жанена и Стефанека.

Я торопился. Простились. Реньо прислал карточку в мой вагон. В 12 часов ночи я покинул г. Омск.

Итак, политическая роль пока кончена. Жаль армии и той работы, которая так нелепо оборвалась. Враги торжествовали. От'езд мой до известной степени являлся уже вынужденным. Победа их делалась полной.

Директория перестала существовать. Захватчики власти всегда одержимы страхом ее утраты. Теперь новое правительство могло спокойно нести свой «тяжелый крест».

Нужна ли была Директория? Являлось ли естественным ее появление в общем процессе грандиозной перестройки, которая в революционном порыве сметала устои старой России и производила коренные перемещения среди составлявших ее классов?

Представители и сторонники «твердой» власти, сменившей Директорию, особенно из той категории, которая, своевременно уйдя заграницу, упорно не хочет сознать своего провала, или ищет его оправдания в заблуждениях других, те особенно подчеркивают слабость Директории.

В этом, конечно, значительная доля самооправдывающегося преувеличения. Директория, действительно, никого не покорила, не истребляла своих врагов, и с этой точки зрения ни на какую оценку присяжных историков претендовать не может.

Она была просто тем, чем она должна и могла быть в сложившихся условиях, и это значение ее нисколько не изменилось бы, если бы она, вместо двух месяцев, просуществовала бы всего два дня.

Директория была последним звеном законной (в смысле преемственности[120]) власти, единственной и последней попыткой сотрудничества классов среди начавшейся уже их ожесточенной борьбы.

Сменившее Директорию Правительство сразу же расслоило довольно однородное социально, да, пожалуй, и политически[121]) население Сибири, облегчило перенос пламени гражданской войны с Уральского фронта в несколько затихший было за период Директории тыл и, продержавшись ровно столько, сколько потребовалось времени для переноса боевого фронта с Урала к Иртышу, пало под ударами новой силы, которой само же в значительной степени подготовило путь к победе.

В обстановке августа и сентября 1918 года сговор Самары, Урала, Сибири и др. был жизненно необходим, и, несмотря на всякие препоны и противодействия, сговор этот состоялся, породив Директорию.

Может быть, в составе Директории не было людей исключительной энергии, не было героев? Возможно. Но героизм в политике—понятие крайне растяжимое, и оценка его чрезвычайно резко меняется в связи с изменением обстановки. Люди, составлявшие Директорию, пытались обойтись без

расстрелов и казней, не хотели особенно злоупотреблять и тюрьмой[122]), это было расценено, как слабость, и привело к взрыву извнутри.

Возможно—это было ошибкой, но люди эти поступали так, как могли и умели. Худшими оказались те, которые в легкомысленном самообольщении полагали, что все сделают лучше их.

Основная причина, конечно, в другом. Надвинувшийся новый порядок выдвинул и новые методы борьбы, опирающиеся на тесное общение с массами, на их живое участие в этой борьбе. Этого общения у Директории не было, и она не успела его создать.

Директория выдвигала, как основу своей деятельности, об'единение составляющих ее сил, базируясь исключительно на взаимном доверии и сознании грозных условий обстановки.

Это оказалось недостаточным среди того идейного разброда и отсутствия элементарной дисциплины, которыми были охвачены омские группировки, участвовавшие в выборе Директории.

Изо дня в день велась и явная и скрытая разрушающая работа, обезврежение которой поглощало почти все время членов не успевшей еще окрепнуть Директории. Это была внутренняя, наиболее предательская и недальновидная работа. И тем не менее, за столь короткий срок своего существования Директория организовала фронт, подчинила чехов, добилась добровольного самороспуска Сибирской Областной Думы, самоупразднения областных правительств, расширяла свое влияние за пределы ее территории. И если Директория может еще сказать, что ей мешали сделать большее, то что же может привести в оправдание своего провала сменившая ее власть[123])?

Директория—небольшое звено в общем ходе событий, и раз она существовала, значит, она была необходима и целесообразна. Ее место в истории, как бы скромно оно не было, принадлежит только ей.

Длинная томительная дорога до Владивостока и дни, проведенные в этом городе до от'езда моего в Японию, не лишены некоторого общественного интереса.

Они имеют тесную связь с только что закончившимся периодом Директории и в то же время являются и концом моей деятельности в Сибири.

Восстановлю и их по записям дневника.

XV.

Дорога. Владивосток. От'езд в Японию.

Иркутск. 1 декабря.

Омск, Красноярск, ряд других мелких станций постепенно остаются позади. Не покидает, не отстает, не теряется в снежной тайге лишь острая тоска и горечь. Пассивный выход из борьбы оправдывается рассудком, но с ним плохо мирится чувство.

Пережитое стоит перед глазами. Как мучителен самоанализ!

Пока все шло без приключений. На станции Иркутск в вагон явился комендант и заявил, что имеет распоряжение арестовать ехавшего в моем поезде инженера П., и что меня желает видеть ген. Никитин.

Комендант, почтительно держа руку под козырек, спросил о П. Я ответил, что такого нет в моем вагоне, а пассажиров других вагонов не знаю. Видимо, П. удалось избежать задержания. Комендант или стеснялся или неособенно торопился с исполнением поставленной ему задачи.

Генерал Никитин*)—мой старый товарищ по военному училищу и Академии, геодезист—по специальности. Оказалось, что он оставил астрономию с ее чудесным звездным миром и ведает снабжением местного корпуса, пользуясь правами помощника командира корпуса. Он сообщил, что в Иркутск прибыл по приказанию Колчака герой последнего переворота, только что произведенный из полковников, ген. Волков, назначенный командовать войсками, направленными против не признавшего Колчака атамана Семенова[124]).

Положение сложное—новой власти не подчиняются ни тыл, ни фронт.

Чита. 4 декабря.

Поздно вечером прибыли в Читу. Чита и Даурия—две «молодецкие заставы», уже получившие широкую известность. На них всегда могли оказаться «непредвиденные» задержки.

Доложили, что просит принять полковник Семенов. Вошел довольно плотный, безукоризненно одетый, при шашке казачий офицер. Лицо с легким монгольским оттенком, на лбу упрямо спустившийся завиток.

Я первый раз видел Забайкальского атамана. В отношении меня, как высшего военного начальника в Сибири, он всегда был вполне лойялен. И сейчас исключительной корректностью он как бы подчеркивал свое неодобрение совершившемуся в Омске и свою резкую оппозицию Колчаку.

---

*) Погиб от тифа в 1919 или 1920 году.

Я был чрезвычайно сдержан в области политических суждений, которых, видимо, хотелось коснуться Семенову. Он выразил глубокое сожаление по поводу моего ухода и надежду на скорое возвращение к активной работе. Я поблагодарил. Семенов вышел. В нем много такта.

Сегодня Варварин день—именины моей младшей сестры. События последних месяцев совершенно заслонили образы дорогих мне людей. Теперь горизонт яснее. С вершины власти я опустился до рядового обывателя. Еду в добровольное изгнание полный безграничной любви к России, полный готовности к самой тяжкой ответственной работе.

Владивосток. 12 декабря.

По дороге до Владивостока одно неизгладимое впечатление—это... Даурия. Какая мрачная природа и какой страшный застенок!

Просит принять полковник барон Унгерн-Штернберг[125]). Свидание всего несколько минут, я тороплюсь с от'ездом и увожу впечатление синевато-серых тевтонских глаз, полных упрямого фанатизма и скрытой в глубине их холодной жестокости.

Во Владивостоке остался в своем вагоне. Стою на запасных путях. Двумя заборами отделен от прекрасного поезда—ставки Хорвата. Его охраняет особая стража и старый миноносец, маленькая пушечка которого задорно грозит рейду.

На соседних путях—служебные вагоны и целые поезда интервентов. Флаги обозначают национальность. Больше всего чехов и японцев.

На рейде бронированное «содействие» союзников. У самой адмиральской пристани—японский броненосец, рядом—корабли англичан, американцев, тут же крейсер китайцев, матросы, флаги и пушки, пушки без конца.

На окружающих «Золотой рог» высотах разоруженные форты и батареи—безмолвные остатки былого могущества крепости*).

На улицах обыватель, дельцы, менялы, женщины, чужеземные солдаты, китайцы, ящики с японскими мандаринами, резкий холодный ветер и.... острое сознание чужого засилья.

Думаю о дальнейшей дороге. Местопребывание мое открыто. Опять посетители. Опять разговоры. Опять политика.

Беседовал с французским политическим представителем графом де-Мартель. Чувствую, всех интригует, зачем я здесь, и каковы мои планы.

Собеседник задал мне вопрос: буду ли я работать в Правительстве Колчака, я ответил вопросом же: «а в какой роли?» и высказал попутно мой взгляд на Верховное главнокомандование, при чем просил осветить мне положение прибывающего сюда генерала Жанена.

«Его роль та же, что генерала Бертэло в Румынии»,—последовал ответ.

Я сказал, что хорошо знал генерала Жанена, и уверен, что он найдет выход, но добавил, что распоряжение русской армией, с моей точки

*) «Золотой рог»—бухта во Владивостоке. Большое число орудий было снято и вывезено из Владивостока за время мировой войны.

зрения, может быть только русским. Гр. Мартель многое не одобряет в отношениях Колчака к Семенову, но в свою очередь осуждает и политику атаманства. Он любезно предложил мне известить его, если я поеду в Пекин, что он напишет тогда французскому посланнику г. Бобу, который будет очень рад со мной повидаться. Я поблагодарил.

Завтракали у меня Нокс и Родзянко. Нокс политично отсутствовал в Омске в дни переворота. Там его заменял горячий приверженец Колчака Уорд.

Оба все время упрекали меня, что из-за личных интересов я забываю страну, и что я должен немедленно телеграммой предложить свои услуги Правительству.

Подобный совет обуславливался, конечно, нашим долгим старым знакомством на боевом поле. Я ответил, что сделал все, что было в моих силах[126]).

Нокс не унимался: «у вас в России два сорта людей: на месте (на службе) и без места, и те и другие забывают, что есть еще интересы страны». Я заметил ему, что он вообще опаздывает и с выводами, и с советами и плохо понимает нашу страну[127]).

Были Асс—ч. и Доманевский*), затем японский полковник Араки. Последний все время защищал действия Японии и очень хотел убедить меня, что «русские начальники и союзники мешают их добрым начинаниям». Араки тонко коснулся вопроса о присоединении Забайкалья к Приморью в военном отношении; это очень напомнило проект, за который так ратовал в своих телеграммах в Омск ген. Иванов-Ринов.

Японцы готовы обмундировать, снарядить и вооружить отряд до 10.000 человек; для этого имеется уже половина всего необходимого. Они готовы продолжать снабжение этого отряда и в случае отправления его на фронт. В лице Семенова японцы будто бы поддерживают все восточное казачество.

Общее впечатление неисправимого хаоса. Все только мешают друг-другу. Доманевский отчаялся в нашей способности к государственному строительству, отрицательно относится к Омским событиям.

Владивосток. 13 декабря.

Получена телеграмма Омского Правительства о строжайших карах за покушение, оскорбление и т. д. правительственной власти и, главным образом, Верховного Правителя. Суровых мер старого уголовного уложения оказалось мало. Твердая власть всегда нуждается в сугубой охране. Встречено распоряжение скорее равнодушно[128]).

Заезжал чешский представитель Гирса, сообщил что Стефанек едет для переговоров в Омск. Чувствуется, что на чехов нажали. Они возвращаются на фронт. Видимо, путь на родину указан им через Москву и Варшаву.

---

*) Товарищ по Академии, бывший начальник штаба Приамурского военного округа.

Приходил генерал Романовский, он был послан еще мною для связи с находящимися во Владивостоке иностранными представителями и тоже, как оказалось, не был вполне безупречен, как представитель моих интересов. К его видимому изумлению, я принял его отменно любезно и совершенно спокойно ознакомил с деталями подготовки переворота. Романовский заметил, что моя вина в том, что я не хотел приблизить к себе надежных людей, которые охраняли бы меня и проводимую мною политику. По его мнению, надо было дать выход офицерскому негодованию против социалистов. Искренне или нет, но Романовский выразил сожаление, что произошло «не то, что надо». Болезненно учитывает поведение американцев, которые колеблются в отношении Омского диктатора. Уходя, обещал даже выхлопотать мне автомобиль. В общем, ему дан недурной урок.

В ресторане «Золотой рог» нам досталось лишь пол-обеда—опоздали. Исправил эту неудачу своими новостями ген. Потапов. Он, видимо, в связи с местными земскими и демократическими кругами, где будто бы мое имя пользуется большим уважением. Из'являл готовность на сотрудничество. Я молча поблагодарил.

Городские сплетни: атаман Калмыков будто бы об'явлен сумасшедшим, судя по поступкам—признание запоздалое.

Наша соседка по вагону напугана предстоящей войной японцев, но пока не знает, с кем.

Узнал о совершенно неожиданном изменении миссии генерала Жанена: он должен будет принять на себя Верховное главнокомандование всеми войсками, в том числе и русскими. Дождались!

Это новый удар достоинству России. Как-то вывернется из этого положения Колчак.

Последняя новость—Деникин подчинился Колчаку.

Владивосток. 14 декабря.

Холодно, на улицах резкий ветер с пылью.

Был японский вице-консул Риэ Ватанабе, очень осторожно зондировал по вопросу об отношении демократии и армии к омскому перевороту и уверял, что Япония полна благожелательности к России.

Я ответил любезными замечаниями по адресу соотечественников консула.

В разговоре коснулись нынешнего японского военного министра, генерала Танаки, который перед русско-японской войной командовал ротой в нашем Новочеркасском полку в Петрограде.

Оказалось, Ватанабе во время войны был переводчиком у Танаки и отлично помнит фамилии новочеркассцев, попавших в плен к японцам.

Ватанабе не отрицает некоторых ошибок со стороны их здешних представителей и солдат, но заверяет, что японский народ всецело на стороне дружеской поддержки России.

«Я 24 года провел в России, и мне больно наблюдать то, что переживает наша страна».

Нашел у себя карточку Мацудайра, начальника японск. дипломатич. миссии на Дальнем Востоке. Был на телеграфе. Депеша З. на имя пред'явителя кредитного рубля № 236 вызвала целый допрос моего посланного в цензуре. Допрашивали чехи и американцы, почему депеша адресована не на фамилию. Строго, а главное, ясно постигаешь, кто здесь хозяин.

В мое отсутствие заходил бельгийский консул Шарлье.

Из Омска никаких правительственных телеграмм. Опять начинает охватывать тревога и неудовлетворенность. Вчерашняя мысль о формировании отрядов требует многих условий для его успешного выполнения.

Может быть, лучше скорее покинуть пределы Сибири, но так тяжело на полном безлюдьи, среди анархии выходить из игры.

Владивосток. 15-го декабря.

Встали поздно. А жаль: теряем такие чудесные утра. Салон вагона залит солнцем. Вид на бухту очаровательный, но как она пустынна—эта бухта!

Опять были французы, гр. Мартель и Вернье. Первый вопрос: какие у меня новости о Семенове. Они серьезно думают, что я интересуюсь атаманом и его оппозицией Колчаку.

Очень интересовались, когда я выеду в Китай.

Я в свою очередь спросил, является ли приглашение Бахметьева, нашего посла в С.-А. Штатах, Вильсоном в Париж на с'езд премьеров частной инициативой президента, или это делается в согласии с союзниками. Де-Мартель ответил, что, видимо, это частная инициатива, так как, по его мнению, если будет представительство от России, то оно, вероятно, будет за Маклаковым—послом в Париже.

Получил сведение, что Авксентьев и другие из Дарьена выехали в Шанхай и оттуда, как-будто, прямо в Париж—сборище русских премьеров.

Заезжал к бельгийскому генеральному консулу Шарлье. Сначала сказали, что его нет дома, но едва ад'ютант назвал мою фамилию, как сейчас же секретарь консула бросился просить меня пожаловать в кабинет.

Шарлье—старичек, живой, лысый, очень чистенький и чрезвычайно разговорчивый. Его, видно, больше всего интересовала моя точка зрения на полный контроль американцами нашей железной дороги Владивосток-Москва. По его мнению, это необходимо для блага России.

Я заявил, что предпочел бы выбраться собственными силами, тем более, что и в области железнодорожной техники нам учиться у американцев нечему.

Шарлье не обошелся без «mots»—войну французов с немцами он назвал войной вина против пива.

Любопытно замечание Шарлье относительно рабочего движения в Англии: по его мнению, неизбежно его обострение.

Вечером был Ходоров, бывший комиссар 5 армии в момент моего вступления в командование этой армией на Двинском фронте. Советовал непременно ехать в Париж на с'езд премьеров. Он и демократия будто бы

очень волновались, не соглашусь ли я вдруг работать с Омским Правительством[129]).

Пока уклонился от согласия на посещение меня городским головой Огаревым и председателем Областной Земской Управы Медведевым. И без того отечественные и иноземные агенты кишат у моего вагона.

Владивосток. 16-го декабря.

Утро потратил в поисках зубного врача.

За обедом опять неизбежный Потапов приглашал на чай в честь Потанина. Посылаю, вместо себя, Шмелинга.

Вечером был у старого знакомого по Риге Чубакова—интересуется политикой. Работает в русско-американском обществе. Женат на владелице знаменитого имения «Верки» (Виленской губ.), по убеждениям почти большевик. Влюблен в Вильсона. Мечтает о Всероссийских и даже европейских соединенных штатах. Сулит дурной конец омской авантюре, особенно в случае отказа союзников в активной помощи. Вопрос об этом будет поставлен в первую очередь в Париже на конференции премьеров.

Теперь мне до некоторой степени понятен отказ американцев от посылки их войск на фронты: в их ротах, до 40 человек в каждой,—русские эмигранты, которые и в эмиграции остались русскими, и, видимо, довольно благосклонно слушающими проповедь большевизма. Были случаи разных столкновений с офицерами. Кроме того, американские солдаты сильно пьют. При низком курсе русских денег они настоящие крезы, получая чуть ли не по 80 долларов (более 170 руб.) в месяц.

И англичане принуждены осмотрительно выбирать свои войска для посылки на запад Сибири!

Их солдаты и матросы, угостившиеся русской водкой, уже поют:

«J am a bolshevik, to hell»... (я большевик, к черту)... и т. д.

Тяжелое положение может получиться в случае ухода иностранцев, особенно японцев: тогда большевизм неизбежен.

Владивосток. 17-го декабря.

Погода попрежнему чудесная. Сегодня в поисках квартиры Д. стало даже жарко. Чем больше присматриваюсь к жизни Владивостока, тем более и более склоняюсь к мысли, что свое, русское дело, нам было бы лучше решить самим. Симпатии к союзникам постепенно гаснут, особенно, когда вспомнишь, сколько времени они оставляли нас без поддержки, когда поддержка была настоятельно нужна.

Сегодня наблюдал английских солдат. Скучно. Все лица одинаковы. Казалось, они могли бы иметь просто номера вместо фамилий; никакой индивидуальности.

Колчака начинают поддерживать, шлют войска, снаряжение. Видимо, жмут непокорного Семенова. Одним словом, «делают» твердую власть. Газеты тоже изрядно трудятся. Нокс опять заверял Гуковского, что он не сочувствует перевороту, и вновь настаивал, чтобы я предложил свои услуги теперь уже Жанену. Наивные люди!

Вечером долго сидел Чубаков. Упорно стремился сделать из меня пламенного поклонника Вильсона. Он много видел и достаточно думал.

Владивосток. 19-го декабря.

Утром были представители американской прессы Виффин и Кинг. Интересовались событиями омского переворота и больше всего вопросом, будет ли прочной новая власть. Кроме того, их занимал вопрос, действительно ли население негодует на союзников, содействующих правым настроениям некоторых общественных групп, принимавших деятельное участие в осуществлении переворота.

Я ответил, что последнее должны чувствовать сами союзники. Вопрос о поддержке союзниками реакционных настроений действительно обостряется. Сегодня, например, я слышал мнение В., что, если большевикам придется драться с союзниками, он предпочтет стать на сторону большевиков. Боюсь, что мысль эта, в связи с Колчаковской диктатурой и поведением союзников, получит весьма широкое распространение.

Ездили за город на автомобиле. Окрестности Владивостока восхитительны. Жаль, что было несколько холодно, и кругом отсутствовала деловая, свойственная этому первоклассному порту жизнь. Будущее огромное.

Любопытны небылицы обо мне. Шоффер, возивший нас, заметил: «Как я рад, что возил генерала Болдырева, а мне говорили, что это он арестовал Директорию и затем скрылся». Это, конечно, работа моих «друзей», а может быть, и следствие моего слишком деликатного молчания.

В 7 ч. вечера должен был зайти полковник Бутенко—комендант крепости Владивосток. Он получил из Омска телеграмму с приказанием во всем мне «содействовать», даже и в выезде заграницу—трогательная заботливость!

Слышал о возможной отставке Вологодского; его будто бы заменит Устругов.

Растет вражда между союзниками. Сегодня на станционных путях пьяные английские солдаты били проходивших китайцев и даже японских солдат.

При мне японцу до крови разбил лицо пьяный англичанин.

Население, видимо, тоже не особенно благоволит к союзникам. Вчера английский автомобиль переехал китайца; собравшаяся толпа крайне враждебно высказывалась по адресу и пассажира и шоффера.

Владивосток. 20-го декабря.

Днем с капитаном Ивановым-Риновым был у главнокомандующего союзными войсками генерала Отани, там же был и ген. Накашима.

Отани—уже почтенный старик, очень похож на старого Мольтке, говорит только по-японски. Как все вообще японцы, сдержан и ждет откровенностей от собеседника. Накашима—хитрый азиат, слывет большим политиком. Беседовали по многим вопросам. Выяснилось, что японцы считают себя компетентными только в районе до Байкала. Полагают, что правопорядок и дисциплинированный кадр для армии могут дать только ка-

заки. Эта точно определенная «сфера влияния», с ориентацией на казачество, опять напомнила мне телеграмму Иванова-Ринова и показалась весьма чреватой последствиями.

Накашима—личный враг Колчака.

Предложили чай. Обстановка неважная. Отани страдает от сухости воздуха—держит воду в комнатах в особых лотках вдоль стен.

Молодые штабные офицеры очень вежливы и предупредительны.

Вечером в местном театре смотрел «Поединок»—Куприна; играли прекрасно. Эта живая, талантливая вещица, кажется, еще больше выиграла на сцене. Ужинали в «Аквариуме»—программа отвратительна.

Перед театром был комендант крепости полк. Бутенко, бывший одно время главнокомандующим в Приморской области.

Он деликатно сообщил: «не скрою, ваше пр-во, я имею телеграмму Верховного Правителя «содействовать вашему скорейшему от'езду заграницу».

Ясно, что Верховный Правитель беспокоится, хотя и изображает твердую власть.

Бутенко, впрочем, не особенно торопится исполнять омские приказания и очень любезно предложил предоставить мне два номера в гостинице, если меня лишат вагона. Это весьма кстати. Вчера мне показывали телеграмму ген. Михайлова, где указывалось, что вагон дан только для проезда, и что он очень нужен полк. Касаткину для поездки на фронт.

Я подумал, что в Омске, видимо, не спешат, если полковнику, собирающемуся ехать из Омска на фронт, надо ждать вагона из Владивостока.

Но требование было правильно, и я только порадовался, как люди, мною призванные к делу, нелицеприятны даже в отношении их бывшего начальника.

Владивосток. 21-го декабря.

Ветер, холод, пыль, но при ярком солнце все это переносится без труда.

Днем был начальник японской политической миссии Мацудайра и вице-консул Ватанабе. Среди разговора, узнав о моем намерении проехать посмотреть Японию, они очень порадовались, что я получу возможность лично ознакомиться с душою японского народа, стремления которого вполне дружественны к России.

Собеседники мои откровенно выразили сожаление, что я не взял единоличной власти, что в Японии, где ценят мой боевой опыт и политический авторитет, это было бы встречено с большим удовлетворением.

Я поблагодарил за столь лестную оценку моих скромных качеств.

Говорили о ликвидации атаманского вопроса, который, видимо, не так просто распутать. Колчак, крайне, погорячился и поступил бестактно в отношении Семенова[130]).

Беседовал с Бутенко о положении здешнего края. Он разделял мое опасение за возможность временного отпадения Дальнего Востока.

«Поеду в Японию, посмотрю, что у вас тут будет делаться»,—сказал я на прощание собеседнику.—«Нет, вы должны помогать», ответил Бутенко.

Был у всенощной, отдохнул душой.

Владивосток. 26 декабря.

Долго и весьма интересно беседовал с командующим американскими экспедиционными войсками ген. Гревсом.

Владивосток. 27 декабря.

Англичане очень интересуются повстанческим движением на Северном Кавказе, возглавляемым Бичераховым. Беспокоятся результатом выборов в свой парламент; точных сведений по этому вопросу местные английские представители не имеют.

Был некий Плешков, состоящий при посольстве в Вашингтоне. Пришел просить мой вагон, в котором вместе с поездом Нокса собирается ехать в Омск, чтобы отвезти шифр и ключи от сундуков, в которых привезены деньги (бумажки), заказанные первым Вр. Правительством, кн. Львовым в Америке.

Деньги, впрочем, не дают. Лапу будто бы наложили французы, хотя, я думаю, и американцы держатся того же мнения. Между тем, по словам Плешкова, в Омске денежный кризис. Наименьший знак—«керенка» в 20 рублей.

Вечером Гуковский передал пожелание Нокса, чтобы я не уезжал. Не понимаю—лицемерие это или наивность. Получена телеграмма из Омской Ставки на имя моего ад'ютанта, где сказано, что, зная мою любовь к Родине, просят доложить мне их просьбу, ради общей пользы не задерживать моего от'езда заграницу. Повторяется омская история с от'ездом[131]), только в более мягкой форме.

Чего они так беспокоятся?

Владивосток. 28 декабря.

В первый раз сильнейший мороз с ветром. Приходил Родзянко опять с просьбой Нокса не уезжать. Этот неумный малый, заведывающий хозяйством англичан, в простоте душевной высказал, что «Нокс будет телеграфировать Жанену, и что тот возьмет меня».

«Вы, П. П., видимо, не вполне отдаете себе отчет в ваших соображениях. Жанен никуда меня взять не может—я ревниво берег принцип Верховного главнокомандования и к иностранцам в подчинение не пойду».

Поехал проститься к Д. Л. Хорвату. Час был неприемный, но меня тотчас же попросили в его кабинет. Самочувствие в вагонах «Дальневосточной Ставки» среднее.

«Вы знаете, денег, привезенных из Америки, союзники не дают», заметил Хорват, мудро поглаживая бороду. «У тебя-то, старина, и своих довольно», невольно подумалось мне. Союзники—народ практичный и осведомленный. Они прекрасно знают, что золото, переданное Директорией Омску, ею не тратилось, и беспокоятся за его сохранность в Сибири.

Долго сидел Романовский, начинающий, по его словам, пессимистически смотреть на вещи.

«Кажется, мы напрасно поклонялись химере». Я не понял, что имел в виду генерал—монархизм, диктатуру или народ.

В его адрес американцы прислали 200 тыс. пар сапог и винтовки— это уже нечто.

В 12 ч. перебрались с Гуковским на пароход Доброфлота «Симбирск». Проводы. Слова. Фотография. Тяжело. В $2^1/_2$ час. отвалили.

Прощай, родная земля! Еду в добровольное изгнание «для пользы» Родины. Горькая ирония судьбы! Отдыхать, когда безумно хочется работать и когда ясно сознаешь необходимость этой работы.

КОНЕЦ I-Й ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Японское море. Цуруга.

«Симбирск». 28 декабря.

Только что покинули чудную бухту «Золотой Рог». Какие естественные твердыни для ее защиты. Вправо живописный Русский остров, прикрывающий бухту с юга.

В открытом море начало покачивать. Кормовой ветер особенно неприятен.

Пил чай у капитана парохода. Качка не унимается, первое испытание выдержал. Ночью хуже: жара и соседство приемника беспроволочного телеграфа. Спал плохо. Почти тоска по родной земле и большой, так не кстати оборвавшейся, работе.

«Симбирск». 29 декабря.

Скучный почти осенний день. Кормовая качка усиливается, делается крайне нудной, испытываю противное чувство какого-то особенно неприятного давления на мозг, тем не менее, борюсь. Под руку с Ф. Д. Высоцким бегаем по палубе; крен иногда достигает 20-30 градусов, но движение и чистый морской воздух помогают бороться с приступами специальной на море болезни. Ф. Д. не восприимчив к качке и чувствует себя отлично. Но самый счастливый пассажир—это французский дипломатический курьер. Раньше, повидимому, бравый солдат, а теперь веселый толстяк с зубочисткой за ухом. Ест, пьет и спит с нескрываемым удовольствием—счастливое олицетворение народа-победителя.

Кают-компания мало интересна. Средний стол—преимущественно русские, здесь же весельчак француз, сдружившийся с другим весьма тощим французом и еще более тощим англичанином и нашим отставным есаулом в штатском. Эта компания обильно пьет.

Напротив недавно перенесший тяжелую операцию коммерсант, с виду очень похожий на грека, в действительности Иванов из Москвы, богатый человек, имеющий большие дела в Японии.

Первому за столом подавали Ф. Д., как важному старому клиенту Добровольного флота, затем мне, сидевшему справа от капитана, и потом уже капитану—добродушному рязанцу.

Ни на английском, ни на американском корабле капитан своих прав на первенство за столом никому не уступает.

В углу—стол с англичанами. К ним примостился какой-то сильно европеизированный желтый.

В другом углу сидели японцы.

Большую заботу вызывали китайцы: свободные места были только около японцев, но оказывается, что они никогда не садятся с японцами и ненавидят друг друга самым искренним образом. Недаром мне кто-то передавал во Владивостоке вопрос китайцев: «Когда же мы будем гнать японцев?—они, китайцы, обязательно помогут нам».

Китайцы, все трое,—весьма безобразные с виду и очень чувствительные к качке. Они подсели к особому дамскому столу.

Дамы были в ужасе, тем не менее, должны были переносить общество своих желтых кавалеров. Что сказали бы английские леди? Столы, впрочем, очень быстро опустели. Качка делала свое дело. Ночью почти никто не спал. Трепало отчаянно, да и душно было до невозможности, несмотря на открытые люки и снег на море,—топили немилосердно.

Цуруга. 30 декабря.

Разбудили в 6 час. «Симбирск» уже стоял на якоре в бухте Цуруга, ближайший к Владивостоку северный порт Японии. Кругом чудесные, несколько суровые горные виды. Перед глазами тонкая, мастерски сработанная гравюра.

Торопят на медицинский осмотр. Вскоре появляется японский врач и фельдшер. Осматривают по классам и больше по внешнему виду. Конечно, ряд недоразумений, путают фамилии, не могут всех собрать. Вообще, порядок не налажен, а наша публика слишком отвыкла от какой-либо дисциплины.

Третьеклассный осмотр особенно затянулся. Там какая-то резвая девочка все время убегала, за ней металась по палубе мать, ловили ее представители пароходной администрации, а шалунья все время пряталась и задерживала осмотр. Японцы добродушно улыбались, здесь, видимо, не принято сердиться на детей.

Привалили к пристани прямо у железнодорожного вокзала.

Процедура выдачи паспортов оказалась значительно сложнее медицинского осмотра и, во всяком случае, гораздо бестолковей. Администрации явилось слишком много; публику разбили «по языкам» и в конце-концов все перепутали. Мой паспорт, подготовленный к выдаче в первую очередь, куда-то исчез. Все нервничали, так как все яснее становилось, что к 9-ти часовому экспрессу никто не поспеет. Придется тащиться целую ночь.

У стола, где говорили по-русски, моего паспорта не было. Говоривший с японским чиновником наш соотечественник никак не мог об'яснить японской власти, что такое надворный советник. Власть начинала подозрительно коситься на смущенного соотечественника. Прошло добрых четверть часа—задача оставалась неразрешенной.

Рядом слышались вопросы, на которые потом пришлось отвечать и мне: «кто ваша бабушка? какой она национальности? где живет? где вы были в таком-то году и чем занимались? Вопросам анкеты не предвиделось конца. Среди русских пассажиров большинство—евреи, это удваивало любознательность японских чиновников. Всего любопытнее то, что чем не-

терпеливее делался пассажир, изведенный допросом, тем все любезнее и любезнее улыбался японец.

До отхода экспресса оставалось немного времени. Я пустил в ход бывшую у меня визитную карточку знакомого по Владивостоку японского офицера,—желтые чиновники стали сговорчивее.

Вскоре появилась новая неожиданная помощь. Сквозь толпу протискивался японский подполковник генер. штаба Исоме[132]), прибывший по поручению японского военного министра встретить меня и доставить, со всевозможными удобствами, до места назначения. Я направлялся в Иокогаму. После обмена приветствиями, принялись вместе за поиски паспорта, что вскоре увенчалось успехом.

Необходимо отметить, что при некотором уважении к полковнику особого раболепства перед ним ни с чьей стороны не замечалось, и контролер билетов при нашем выходе на берег настоятельно просил пред'явить паспорт, несмотря на присутствие посланца военного министра. Исомэ что-то поговорил с чиновником, на багаже были поставлены какие-то иероглифы в виде буквы Д,—этим все формальности были закончены.

Вошли в станционный ресторанчик, очень тесный, совершенно переполненный пассажирами с «Симбирска»; на экспресс действительно никто не попал.

Со стороны железнодорожной администрации и прислуги ресторана началось подчеркиваемое внимание,—это меня стесняло, но делать было нечего. Всем распоряжался полковник Исомэ. После завтрака перешли в парадные комнаты вокзала; холод в них был адский. До 3½ час., когда отходил следующий поезд, от скуки еще раз позавтракали. Гулять было нельзя—валил мокрый снег. После появилось солнце, окрестные виды сделались очаровательными.

Исомэ извинился за отсутствие отдельного вагона; место получили в спальном вагоне, очень спокойном и чистом. Соотечественники и другие пассажиры увлекались сочными мандаринами, сейчас как раз их сезон, бросали на пол корки и другой мусор, но вагонная прислуга, маленькие, юркие «boys», быстро наводили чистоту. Удивительно ловко и скоро приготовляли они места для спанья. Вагон с продольными, вдоль стен, скамейками быстро разбивался на несколько отделений выдвижными перегородками. Коротким поворотом ключа опрокидывалось и становилось, где следует, верхнее спальное место, до этого времени составлявшее потолок вагона.

Чистое белье, перина, вместо одеяла, занавеска к стороне прохода—и все. Создается обособленное закрытое помещение в два этажа, где можно раздеться, не стесняясь и не мешая другим, не считая, конечно, своего верхнего или нижнего соседа.

Выспался отлично. По пути Исомэ успел нас покормить предупредительно заказанным обедом. Его забота коснулась и Высоцкого, невольно попавшего в мою свиту.

II.

В Иокогаме.

Иокогама. 31 декабря.

Проснулись рано, в окна вагона виднелись туман и залитые местами замерзшей водой рисовые поля. Прибыли в Иокогаму с опозданием. Любезность Исомэ была исключительной: он не только проводил меня до отеля, но и распоряжался моим водворением в номер.

Комната сравнительно скромная, но с ванной и уборной. Плата высокая—14 иен, это, по курсу, более 70 рублей*), не считая добавочного расхода на уголь. При холоде, которым отличаются японские помещения зимой, ежедневно приходится нести расход на уголь в 35-30 сен.

Отель скромный и по укладу жизни. Здесь разместилось большинство прибывших с «Симбирском» пассажиров.

Дамы бегают целыми днями по магазинам, мужчины по делам, и днем отель пустеет.

Канун Нового года—большой праздник у японцев. Улицы в огнях. Днем брились у японцев; работают отлично, неприятно глубоко запрокидывают голову бреющемуся. Чисто.

Приезжал «представиться» помощник нашего военного агента подп. А., извинился, что не мог приехать сам полковник Подтягин (в отсутствии), и спросил, поеду ли я и когда к послу В. Н. Крупенскому.

Новый год встретил у Авксентьева. Совершенно случайно узнал о приезде; он и его спутники только что прибыли из Шанхая.

На встрече была и бабушка Брешковская, чета Крымовых (бывший редактор Петербургского журнала «Усадьба и Деревня»), Роговский, Зензинов и еще несколько человек. Познакомился с бывшим военным агентом в Японии ген. Яхонтовым.

Просидели часов до 3-х ночи. Чужбина роднит[133]).

Все они собираются в Америку—«выяснить истинный смысл сибирских событий». От'езд задерживается визами, хотя американский посол Морис, с которым беседовал Авксентьев, обещал ускорить этот вопрос.

Авксентьев несколько подался после пережитых треволнений, остальные мало.

Иокогама. 1 янв. 1919 г.

Почти весь день бродил по улицам города. Они полны разряженного народа. Военные в парадных мундирах старой, заимствованной у францу-

*) По довоенному курсу около 13 р. 50 к

зов формы — нелепый петушино-опереточный вид. Горожане в лучших костюмах. Все спешат с визитами, у каждого в руках большой запас визитных карточек. Здесь это очень любят.

Дети и молодые женщины с увлечением играют в «ханахота», что-то вроде волана. Твердый шарик с пестрыми лепестками из цветной бумаги отбивался особыми красиво разрисованными лопаточками при бросании его друг другу играющими.

Время от времени проходят представители цехов со знаменами и музыкой. Лошади, повозки—все убрано лентами, флагами с пестрыми рисунками и иероглифами.

Всюду зелень и цветы—в декабре это возможно только в вечно зеленой, богатой цветами Японии.

На улице сухой, непрерывный звук от «гета»—деревянной обуви японцев (деревянная дощечка с двумя деревянными же подставочками). Довольно много подгулявших, на них добродушно посматривают чистенькие, прекрасно одетые, в белых перчатках, весьма корректные японские полицейские. Для них на перекрестках улиц особые бетонные будочки, где висят: план города, часы, телефон. Уютно и тепло в непогоду. Образцово чисто.

На площадях с увлечением запускаются бумажные змеи самых различных размеров, красок и рисунков. Тут все—от комического изображения японца до крокодилов, драконов, коршунов, безобразных богов, и просто пестрых рисунков.

Увлекаются этой забавой не только баловни Японии—дети, но и взрослые. Я сам с большим увлечением следил за змеем-японцем, который весело блестал на солнце и трепыхал бумажными руками и ногами. От порыва ветра или другой причины он вдруг нырнул вниз, нитка зацепилась за деревья, надо было видеть заботливое выражение почтенного гражданина Иокогамы—владельца змея, пока распутывал эту нитку посланный им подросток. Змей снова поднялся, и я, довольный не менее, чем его владелец, двинулся дальше. Многих преследовали неудачи — ни ругани, ни раздражения не было слышно. Если это и имело место—я в этом совершенно не уверен—то, вероятно, шопотом, про себя. В этом большое преимущество для прохожих.

Вся жизнь на улице. Тепло. Я невольно вспомнил Омск с его стужей, ветром и интригами, и все-таки вернулся бы туда на работу для своей страны, которую на чужбине любишь еще больше.

Соотечественники проявляют себя В «Grand H'otel'e», наиболее дорогом из местных отелей, на встрече нового года разразился скандал. Русский офицер ударил американского еврея. Началась общая драка, при чем особенно пострадал какой-то г. М. из контр-разведки не то английской, не то американской. Вообще, в этом храме спекулянтов и жуиров нравы оставляют желать многого.

Вечером настоящий тайфун (ураган), гасло электричество. Гроза закончилась ливнем.

Иокогама. 2 января.

Утром выехали в Токио. Без языка очень трудно. Живешь исключительно зрительными впечатлениями, как будто сидишь все время в кинематографе.

В вагоне японская чета. Отец и молодая мать восхищались своим младенцем. И право, стоило. Японские дети примерные, им, видимо, нет основания плакать. За все время я только один раз видел плачущего мальчика, но и того случайно зашибли при игре в мяч. А это грудной ребенок и ни звука, смотрит выпученными черными глазенками, и, видимо, всем доволен.

Миловидная японка-мать без стеснения кормила сына грудью. Здесь этим не кокетничают и не стесняются.

Мы ехали в вагоне электрической дороги, которая идет параллельно железнодорожной линии. Путь Иокогама—Токио, около 50 килом., занимает 50 минут. Поезда в составе 2-3 вагонов отходят через каждые четверть часа. Очень удобно. Высадились на станции Симбаши, не доезжая главного Токийского вокзала, оттуда на рикшах двинулись в русское посольство. Я очень предусмотрительно запомнил название посольства по-японски («Рококу тайсикан»), рикши поняли. По узким чистым улочкам, после двух-трех оживленных проспектов, быстро прибыли к прекрасному особняку с дивным полупарком перед под'ездом.

Крупенский оказался дома. Беседа не была длинной. Крупенский явно сочувствует Омскому перевороту, но жалуется на трудность представительства России в настоящих условиях, что, конечно, вполне понятно. Мне он не показался симпатичным, и теплоты соотечественника в его разговоре я не заметил. Как дипломат и сообщник, до известной степени, Колчака, он, конечно, прав, тем более, что я все же был в коалиции с ненавистными ему, как крупному помещику, социалистами, был генералом, к которому—он это чувствовал—внимательно относятся японцы. А ими он, видимо, имеет основание быть недовольным.

В общем Крупенский был очень любезен, начертил мне план, при помощи которого, хотя и с трудом, я розыскал квартиру военного агента, полк. Подтягина. По пути все время встречались офицеры и чиновники в парадной форме. Кажется, на второй день Нового года приносятся поздравления во дворце Микадо (Императора) и принцев. К кому мы не обращались, никто не мог нам помочь в наших розысках, пока случайно не встретили русского—это была особая удача. В Токио европейцев мало. В этом глубоко интересном и чрезвычайно своеобразном городе скучно приезжим людям, ищущим привычных европейских развлечений.

Почти до самого вечера бродили по паркам и оживленным улицам—зрелище новое и крайне интересное.

В Хабиа-парке встретили проповедников и их учеников обоего пола (местный отдел американского общества христианской молодежи). Пели гимны под бой барабанов и издавали особый свист, временами останавливались и говорили проповеди. Толпы не собиралось, прохожие слушали, задерживаясь на одну-две минуты, и затем каждый шел своей дорогой.

На главной улице «Гинза» сплошные, залитые морем электричества магазины—постоянная выставка Японии. Взад и вперед прошли ее огромную длину—интерес неисчерпаемый.

Закончили ужином по-японски и посещением императорского театра, где вместе с удовольствием лицезрения очень интересной пьесы из XII века, получили еще по подарку, ввиде коробочки пудры, крема и флакона какой-то буромолочной жидкости, видимо, с целью рекламы.

Пьеса очень интересно обставлена. Костюмы чудесны. Игра артистов—с большим уклоном к гимнастическим упражнениям и маршировке. По сторонам сцены певцы и музыканты. Кончилось торжеством добродетели и смертью злодея.

Вторая пьеса, современная, интереса особого не представляла. Но, видимо, говорилось что-то очень смешное: японская публика хохотала и выражала одобрение.

В японском театре классические женские роли до сих пор еще играют мужчины; это очень ценится, есть знаменитости. Грим грубый. Японки классических пьес по-справедливости уступают их живым соотечественницам. Но о вкусах не спорят. Возможно, что это впечатление профана.

Домой, т.-е. в Иокогаму, вернулись усталые и очень голодные после японского ужина.

Иокогама. 3-го января.

Кажется, теплые, утренние ванны придется бросить—простудишься в своем леднике. Я уже с меньшим увлечением отношусь к камину, он греет, пока его топишь. Втайне вздыхаю по русской «галанке».

Все—дело привычки, постоянная ванна под боком, конечно, не плохо.

Вечером беседовал с Е. К. Брешковской. Сколько, однако, у нее поклонниц различных наций, в том числе и японок. Комната полна цветов, различных вязаных и шелковых кофточек, шарфиков и прочих знаков внимания. Здесь не принят поцелуй, но Брешковская все-таки поцеловала одну из приветствовавших ее японских курсисток. Произошел целый переполох.

У «бабушки» заготовлены уже на английском языке тезисы будущих статей для американцев.

Выносливая старуха, и ум до сих пор восприимчив.

Иокогама. 4-го Января.

Проводили Брешковскую; поплыла на одном из огромных японских «Мару» (корабль). 14-17 дней пути по океану—не шутка. Много корреспондентов токийских газет. Фотографировали. Взаимные пожелания.

Звонил Исомэ, зовут в Токио. К 6-му будет приготовлено помещение «Station H'otel».

Познакомился с проезжавшими в Сибирь английскими сестрами милосердия.

Иокогама. 5-го января.

Заходил Ассанович. Он едет в Омск. Намекнул на сочувствие ко мне

со стороны нашего посольства и военной агентуры. Сам он по-прежнему крайне внимателен, но и очень любопытен—в Омске будут спрашивать.

Вечер провел у Высоцких, много беседовали, слушал в отличной граммофонной передаче грациозную скрипку Крейслера. Познакомили с русским, очень плохо говорившим по-русски,—Свирский, хороший пианист, блестяще закончивший музыкальное образование в Париже.

Иокогама. 6-го января.

Беседовал с одной из вчерашних английских сестер милосердия, бывшей два года в плену у болгар. Знает почти всех политических деятелей Болгарии. Много наблюдательности. По происхождению—дочь крестьянина.

Парадный обед у В. Познакомился с четой Гинзбург—известный дальневосточный богач, хорошо нажившийся на поставках угля для нашего Дальневосточного флота. Гинзбург надеется, что к маю у нас наладится порядок. Конечно, мало обоснованное предположение. Придерживается французской ориентации. Жаловался, что не знает, что делать с домами в Артуре. Предлагает их даром для беженцев. Город, со времени перехода к японцам, замер.

После очень хорошего обеда, два местных дипломата—француз и голландец—и дамы танцовали столь модные теперь, изящные, но весьма легкомысленные американские и гавайские танцы. Хорошая школа для молоденьких целомудренных мисс.

Возвращался домой с голландцем,—слегка побаивается большевиков. Они, по его мнению, недостаточно почтительны в отношении королевы Вильгельмины.

III.

Токио.

Токио. 7 января.

Рождество по старому стилю. Переезжаю в Токио[134]). Возился с портным. Без языка это очень трудно. Бой все перепутал: вместо портного, вызвал мотор.

В вагоне опять парочка молодоженов, японка очаровательна—восток с примесью французской живости.

Помещение в «Station H'otel'e» Токио превзошло все мои ожидания. Салон, спальня с чудесной кроватью и большая ванная комната, где я, однако, заметил тараканов, видимо, завезли соотечественники. Тараканы, храбро бегавшие по изразцам, смутили всю мою многочисленную свиту, которая составилась из всех боев коридора, японок-горничных и мальчиков-посыльных.

Во всяком случае, это было больше, чем комфорт—тараканов обещали устранить. Цена очень мало разнилась от Иокогамы. При недостатке свободных помещений в гостиницах, это была большая любезность. Я поблагодарил прибывшего вскоре ко мне полковника Исомэ, который не без удовольствия заметил, что в этом номере жил их начальник генерального штаба, барон Уехара.

Был с визитом у начальника генерального штаба. Все высшие военные учреждения помещаются в лучшей центральной части города, недалеко от императорского дворца. Вошли в большое белое здание. Внутренняя обстановка очень скромная—японского типа. В коридоре и через отворенные двери видны многочисленные служащие различных отделов и отделений. Большинство—штатские.

Меня провели в небольшой, довольно прохладный зал, устланный чудесным ковром. Вся мебель—стол и два кресла. По стенам—портреты бывших начальников генерального штаба, в том числе и маршала Ооями, японского главнокомандующего в войне 1904-1905 г. г.

Вошел молодой офицер генерального штаба, начальник общего отделения. Я, видимо, позволил себе, с японской точки зрения, некоторую неловкость—спросил у сопровождающего меня полк. Исомэ фамилию этого офицера. Он почтительно мне ответил, что потом об этом мне доложат.

Слуга внес еще два кресла.

Вскоре вошел генерал Уехара, полный генерал в хаки со звездой, почтенного уже возраста, с ярко выраженным японским типом, бритый, с

стриженными усами и с умными, живыми темными глазами. Говорит, думая, и очень тихо.

Вслед за Уехара вошел его помощник, генерал Фукуда, довольно плотный, среднего роста японец, с большими черными усами.

После взаимных представлений и приветствий, сели к столу. Пока не затопили газовый камин, было очень холодно.

Уехара хорошо говорит по-французски, но я предпочел дать им возможность говорить на родном языке. Переводил Исомэ, довольно хорошо справлявшийся с русским языком.

Выразив удовольствие видеть меня в Токио, генерал Уехара сейчас же начал развивать знакомую уже мне тему о необходимости внимательного изучения души японского народа, просто, по-солдатски, без политики.

Мне было любезно предложено высказать мои пожелания, что я хотел бы посмотреть и с чем познакомиться.

«Основа военного дела—душа нашей армии,—заметил медленно и тихо Уехара,—заключается в основном императорском указе*), в нем корень, сущность, символ веры офицера и солдат»... «Вы хотите ознакомиться с нашей армией, для этого изучите прежде всего душу нашего народа, без этого вам, европейцам, многое у нас покажется только любопытным, но вы не постигнете самой сущности, а для нас она имеет огромное значение»...

Я заверил генерала, что мною руководит отнюдь не простое любопытство, а серьезное желание ближе и сердечнее познакомиться со своим географическим соседом.

«Вот, если бы ген. Куропаткин,—продолжал генерал,—приезжавший сюда перед несчастной для вас войной, глубже всмотрелся в сущность японского народа, великое несчастье, может быть, было бы предупреждено».

Коснулись и религии, играющей, будто-бы, в армии большую роль.

Во время беседы прихлебывали зеленый чай и курили. Помощник Уехара, Фукуда, часто закрывал глаза: он или думал, или отдыхал... Дымились сигареты, дымился горячий ароматный чай...

Я поблагодарил за исключительно любезную встречу и внимание, и вышел.

На 11-е барон Уехара устраивает обед в честь моего прибытия.

Оставил карточку у военного министра: он был занят заседанием совета министров.

Назначенный на завтра парад, ради которого вернулся из служебной командировки Уехара, отменен по болезни императора.

Русские обитатели отеля встречают Рождество. Вспоминалась семья, мои дорогие мальчуганы. Где они теперь? Как встретили великий праздник?

Токио. 8 января.

Осматривал Токио. Начал с части, называемой «Канда», в которой находился наш православный собор. Он виден из моих окон, выходящих на

*) Этот указ приводится мною (во 2 части этой книги) полностью, в связи с разговором с Уехара.

площадь перед императорскими дворцами,—одно из красивейших мест города. Площадь—смесь деревенской простоты с непортящей ее пока культурой.

Бродил, руководясь планом города, составленным членом нашей миссии Костенко. Все шло гладко, пока шел вдоль главных улиц и ориентировался трамвайными линиями, но перед самым собором долго плутал по маленьким переулочкам, которые упорно выводили меня не туда, куда надо.

Храм-собор, довольно величественный, расположен на одном из холмов с большим кругозором. Двери храма открыты, в пустынной прохладе бродят старики—японец и японка; три мальчугана-школьника с любопытством рассматривают плащаницу.

Я спросил, православные ли они. Мальчуганы ничего не ответили и только весело улыбались.

Свечи продавал старичек-японец, тоже не понимавший по-русски.

Залюбовался открывшимся зрелищем: внизу огромный кипучий город. Я вспомнил слова Уехары, и задумался над судьбой его и своего народа...

Служитель не разделял моих настроений; внизу мне пришлось купить открытки за 20 сен. (20 коп.) и терпеливо выслушать, ничего не понимая, его любезные раз'яснения.

Хотел повидать нынешнего епископа Сергия; зашел в покои против храма; в ближайшей комнате священник-японец, японцы и японки по-праздничному пили чай; я вспомнил, что сегодня второй день Рождества.

Подошедший духовный чин из русских довольно развязно об'яснил мне, куря папиросу, что епископ Сергий «делает визитацию» и будет только к часу дня. Я передал карточку. Узнал, что службы совершаются ежедневно в 6 час. утра и вечера.

Проехал к университету. Пользовался трамваем. Вход с обеих площадок. Контроль в особых пунктах, где и отбираются билеты. Билет в два конца на большое расстояние 10 сен.

Университет занимает огромный район, застроенный целым рядом довольно однообразных каменных зданий, все свободное пространство засажено деревьями. Перед одним из зданий недурной бронзовый бюст европейцу профессору D. Westa, читавшему, судя по надписи, инженерные науки в 1882-1908 г. г. Народная благодарность и преданность японских друзей, выразившаяся в постановке памятника чужеземцу, показывают отзывчивость японского народа к тем, кто трудился над насаждением среди него культуры и знаний. Токийский университет наиболее многолюдный; в нем более 100 кафедр и факультетов. Столь остро чувствовавшийся раньше недостаток собственных крупных научных сил постепенно смягчается. Среди японцев-профессоров есть уже европейски известные имена, особенно в области медицины.

В Уоено-парке много любопытного, ему надо посвятить особый день. Видел деревья, посаженные известным героем борьбы за нераздельность С.-А. С. Штатов генералом Грантом и его женой.

На обратном пути был приятно удивлен любезностью кондуктора японского трамвая. Он не только указал мне место пересадки, но и провел до того вагона, который мне был нужен. Здесь был перекресток 5-6 направлений.

Завтракали в ресторане «Sfation Hotel'я» с генералом Фукудоï и полковником Исомэ; они отдавали визиты. Во время беседы особенно интересовались, действительно ли в Сибири ведется противо-японская пропаганда, каково мое мнение о взаимоотношениях Колчака и Семенова, и, наконец, что я думаю о намерении Америки взять в свое управление нашу сибирскую магистраль.

Я, в свою очередь, в целях ясности беседы, поставил определенный вопрос: «чего хочет достичь Япония в Сибири?»—при этом указал, что укрепление России только на-руку Японии. Географическое соседство естественно должно об'единять обе стороны при решении назревающего Дальневосточного вопроса и побуждает хорошо обсудить возможные экономические взаимоотношения.

«У вас, кажется, работает особое экономическое совещание под председательством барона М.?».

Оба улыбаясь заявили, что совещание это не двигается с места, и что такая работа для представителей военного мира не допустима.

Приходил представитель японской прессы. Не договорились—оба, больше я, оказались плохими лингвистами.

Токио. 9 января.

Рано утром был епископ Сергий, извинялся, что не мог заехать вчера же. Беседовали более часу, большой англофил, тем не менее хорошо относится и к японцам. Заверял меня, что ни одного клочка нашей земли они не возьмут.

По его мнению, в японцах, вместе с восточной хитростью, все же много и рыцарского благородства.

Епископ сочувствует Колчаку, но против переворота, который находит и несвоевременным и непопулярным среди демократических слоев, с которыми, по его мнению, не считаться нельзя.

Очень хотел меня и посла Крупенского, с которым очень дружит, вместе видеть у себя.

Пригласил на воскресенье на какое-то торжество, обещал, что будет интересно.

Видел только что прибывшего Аргунова, он попрежнему полон добродушия и надежд. Пророчит недолговечность Омского Правительства.

Вечером за обедом у Высоцких встретил Авксентьева и его спутников. Авксентьев оказался очень веселым и остроумным собеседником. Визы американцы им до сих пор не дали.

Токио. 10 января.

Дождь. На улицах сыро. Рикши сегодня без штанов, голые, мускулистые ноги закалены и не боятся простуды. Башмаки, вернее чулки из черной материи, конечно, насквозь промокли.

Был у военного министра, генерала Танака. Уютный особняк вблизи здания Главного Управления Генерального штаба. К автомобилю вышел встретить бой. Ни часовых, ни вестовых у под'езда министра не было. В передней встретил секретарь министра, майор генерального штаба, который сейчас же попросил в приемный зал, очень элегантный, застланный ковром. Перед камином стол и кресла, на столе обычные папиросы и сигары.

На камине—недурной работы статуя генерала Ноги, порт-артурского героя, в простой рабочей блузе. Этот великий духом старик, не задумавшийся среди заслуженных почестей и уважения покончить с жизнью, как только почувствовал, что она уже вне его идеалов, становится символом для японцев.

Авксентьев рассказывал, что он позавчера случайно присутствовал на похоронах японской актрисы, где разговорился с одним профессором о религии. Профессор заметил, что он атеист, как и большинство японской интеллигенции, но он ежедневно после сна проводит несколько минут в глубоком молчании перед статуей покойного генерала Ноги и в этом черпает глубокую силу.

Вышел Танака, я едва припоминаю его по петроградским встречам за год до русско-японской войны. Он как будто не изменился: те же сухие резкие черты, вдумчивое решительное выражение истого самурая. Говорят, он теперь больше политик, нежели военный. Если он такой же политик, как и военный, г. Хара имеет в нем ценного сотрудника.

Свою миссию в России он исполнил отлично. Изучил нас перед войной до тонкости. Кто-то уверял меня, что Куприн с него писал своего штабс-капитана Рыбникова.

После дружеских приветствий приступили к беседе. Бой подал чай. Как хорошо прислуживают японцы, без суеты и шума, с исключительной почтительностью, далекой, однако, от раболепства.

Предметом беседы—те же вопросы, которые мне уже не раз ставили японские представители. Между прочим, Танака сообщил о благоприятном, по его мнению, разрешении вопроса о наших железных дорогах. Претензия на исключительное распоряжение таковыми со стороны американцев не прошла. Руководство будет в руках международной комиссии. Благоприятное ли это решение, сказать, конечно, трудно, хорошо, что хоть юридически управление остается в руках русских, но теперь, когда без нас распоряжаются нашим добром, и это не так важно.

Важнее наладить транспорт, а для этого нужны реальные данные, и я спросил, имеет ли таковые комиссия? Судя по ответу, видимо, что-то имеет, но едва ли все то, что надо, чтобы быстро излечить болезнь.

Мой собеседник советовал шире воспользоваться японским гостеприимством, переждать здесь события, так как многое может измениться.

Перешли к вопросу о помощи войсками. Танака заявил, что японские национальные черты таковы, что они туда, куда их не просят, не пойдут. Таким образом, продвинуться до Байкала, видимо, кто-то их просил.

Как военный министр, Танака правильно полагал, что для успеха нужны серьезные силы, нужна тщательная подготовка тыла и сообщений.

Но еще нужнее немедленное доказательство населению, что союзники действительно идут на помощь[135]).

Танака заметил, что до известной степени он согласен с этим, но, тем не менее, не меняет своего основного взгляда на этот вопрос.

Беседа эта представлялась чрезвычайно знаменательной. Становилось ясным, что настоящие претензии японцев не простираются за Байкал, это пока удовлетворяло очень популярному, особенно в военных кругах,

лозунгу: «Великая Япония на материке». Дальнейшее продвижение было бы работой на других и почти неизбежным международным осложнением, без общего согласованного решения всех союзников.

Меня не особенно успокаивали неоднократно повторенные во время беседы заверения, что Япония отнюдь не преследует никаких захватных целей. «Она», по выражению переводившего беседу Исомэ, «помнит, что на небе есть бог».

Танака мимоходом намекнул о своих расхождениях с нашим послом Крупенским и в то же время рекомендовал мне теснее «сдружиться» с ним.

Обещал предоставить широкую возможность ознакомиться со всем, что меня серьезно интересует. Расстались весьма дружелюбно.

В отеле ждало повторение приглашения на завтрашний обед по-японски.

Токио. 11 января.

В 6 часов приехал полк. Исомэ. Поехали в японский ресторан. Найти здесь, в огромном городе, сразу то место, куда направляешься, не очень легко даже местным японцам. Мы три раза под'езжали не туда, куда следовало, наконец, в'ехали в небольшой дворик к освещенному фонарями под'езду. Здесь нас ждали уже генерал Фукуда и несколько офицеров, большинство в штатском. Познакомился с генералом Хагино, прекрасно владеющим русским языком, хорошо знающим Россию и, по его словам, искренне ей симпатизирующим.

В большом зале рассадили всех, по заранее составленному чертежу, пскоем. По принятому обычаю, хозяин, генерал Фукуда и два офицера, поместились на последних местах левого фасада—скромность и уважение к гостю.

Начали с особого новогоднего вина, которое подается только в продолжение ближайшей к новому году недели. Вино это—нечто вроде сладкого сакэ (рисовая водка слабых градусов). Затем начали появляться гейши с обычными японскими угощениями. Обед по-японски был изысканный, и действительно, без особого насилия над собой, многое я ел с большим удовольствием. Среди разговора незаметно проглотил и ненавистных мне спрутов с какими-то кисленькими ягодами.

Появилось сакэ—национальный напиток японцев; подается в подогретом виде. Отношение к нему европейцев довольно сдержанное. Кто-то даже назвал сакэ «плохим хересом из пивной бутылки».

Обед из очень многих блюд закончился вареным рисом с чаем.

Сидеть по-восточному на полу без привычки чрезвычайно утомительно—ноги положительно затекали.

Обед сопровождался целой программой; сначала развлекал нас довольно искусный фокусник под музыку и пение; затем что-то танцовала, вернее позировала, с удочкой и веером довольно пожилая гейша, оказавшаяся крупной известностью в танцовальном мире, вроде русской Павловой.

Мой сосед справа, понявший прелести европейского балета, довольно холодно относился к самым пленительным позам и па своей соотечественницы—«скучно это все они проделывают».

Я из вежливости очень хвалил; действительно, мне нравился странный, стильный рисунок поз, живописность и чудесная красочность костюма. Костюмы—это лучшее, что было у танцовщиц и у гейш.

Танец приятен для глаз, но чувство дремлет—это не то, что жгучий порыв в испанской «хоте».

После премьерши танцовали, так называемые, «половинки», кандидатки в гейши, почти дети, которые не носят шлейфа и имеют преобладающим цветом костюма красный.

Я спросил соседа: «правда ли, что гейши довольно развиты и вообще строго держат себя»?

— «Нет, это жертвы нужды, дети бедных родителей. Думаю, что все получили начальное образование, но в общем—это девушки, зарабатывающие свой хлеб довольно недвусмысленным путем. Ритуал определенный есть, их оберегают, но они доступны».

В течение обеда хозяева поочередно присаживались перед каждым гостем, обменивались любезностями, небольшими тостами.

Кофе подавали уже в другом помещении с европейской мебелью, что было очень кстати, так как у меня, положительно, свело ноги от непривычного сидения.

Маленькие «половинки», разносившие кофе, оказались очень слабыми в географии: Лондон сделали столицей Америки, Москву пересадили в Англию. Одна наивно спросила: «спят ли европейские дамы в чулках»?—Вопрос не из особенно тонких. Поэзия, окружавшая гейш, несомненно, родилась раньше современниц.

Чувствовалось, что этим детям не под силу еще занимать гостей. Всем им место еще в школе и, во всяком случае, давно пора спать.

Торжество закончилось изысканно любезными проводами.

Токио. 12 января.

Утром поехал в русский собор. Обыкновенно, все рикши отлично знают, куда ехать, если назовешь «к Николая» (имя бывшего архиепископа) На этот раз меня поняли не сразу. Пришлось не только показать на видневшийся издали собор, но и изобразить голосом звон колокола: «бум, бум». Рикши поняли и затрусили живее.

В соборе я был единственный европеец, не считая служившего епископа Сергия.

Налево стояли дети школ при духовной миссии: мальчики и девочки. казавшиеся, благодаря своим цветным костюмам, большим пестрым букетом цветов. Какие славные лица! Особенно, у самых маленьких, в первом ряду. Дети, вообще,—благословение Японии, это чувствуется везде. Они чудесно пели по-японски родные напевы «Отче наш», «Верую» и пр. Из открытых ртов шел пар—так холодно в церкви,—а некоторые из них были босиком.

Направо стоял смешанный хор—девушки и юноши-японцы. Пели хорошо; неважные тенора, женские голоса совсем недурны; куда девался тот деланный скрипящий голос, которым японцы поют свои напевы.

Вся служба—по-японски, только епископ часть возгласов в алтаре произносит по-славянски. Служит он чрезвычайно торжественно, чему не

мало способствует и высокая фигура и красивые строгие черты лица.

Впечатление сильное.

Служба тянулась очень долго; детвора утомилась, самые маленькие начали слегка шалить, а малыши прихожан и бегать по храму, но это как-то не мешало настроению.

Проповедь говорил священник-японец, окончивший русскую духовную академию; слушали проповедь, сидя по-японски на полу.

В отеле меня ожидал генерал Хагино. Мы вчера условились с ним поговорить о делах. Он уполномочен на это начальником генерального штаба. Из намеков гостя я понял, что японское командование очень хотело бы видеть меня вновь на посту главнокомандующего русскими войсками. Я заметил, что это единственный пост, который мог бы принять при настоящих условиях, но я не хочу мешать ни Колчаку, ни Омскому Правительству. Генерал затруднялся понять, как это можно было бы осуществить практически[136]).

Я не развивал этой темы и указал, между прочим, что в осложнившихся на Дальнем Востоке условиях, Японии необходимо выявить ряд доброжелательных актов в отношении России, чтобы коренным образом изменить к лучшему наше общественное мнение.

Хогино, видимо, поедет сменить генерала Накашиму, только что прибывшего из Владивостока, нажившего в России не мало врагов своей, довольно неприязненной[137]), в отношении нас, деятельностью. Замена эта была бы желательна.

Хагино—один из наиболее доброжелательных японских генералов, но трудно, конечно сказать, насколько действительны его симпатии к России.

Познакомился с нашим морским агентом, адмиралом Дудоровым, извинялся, что не мог заехать раньше, ввиду болезни.

Высоцкий уезжает во Владивосток, намекает на мою отчужденность в отношении американцев. Просил моего мнения по поводу проектируемого разговора Г. с американским послом Морисом. Я не возражал, при условии предварительной беседы Г. со мной[138]).

Первый раз ощущал землетрясение. Стены отеля сильно трещали. Жутко.

Токио. 12 января.

Был в Уено-парке, смотрел императорский музей искусств, утомился отчаянно, как всегда от посещения музеев. Много любопытного, есть высоко художественные работы, но для восхищения во мне не хватало ни любителя, ни знатока. Посетители, повидимому, провинциалы, — это общее правило для всех столиц, свои не посещают.

После полудня, вместо солнца, опять дождь. Был капитан Осипов из нашей военной миссии, любезно назначен в мое распоряжение и, конечно, для наблюдения. Составили план посещений на ближайшие дни.

Судя по телеграмме, с которой меня сегодня познакомил Осипов, американские войска—накануне ухода из России. Французский батальон, посланный из Анама (Индо-Китай) в западную Сибирь в зимнюю стужу, частью уже ушел обратно.

Осипов рассказал мне интересные подробности смерти генерала Ноги. Оказывается, что еще в гражданской войне 1867-68 г. г., Ноги, будто бы не сумевший сберечь знамени своего полка, решил покончить с жизнью. Но ему сказали, что жизнь его принадлежит императору... Он ждал. Пережил ужасы штурмов Порт-Артура, гибель близких и славу национального героя.

Скончался Матцугито (император), и в ту минуту (в 8 час. вечера), когда священные белые быки вывозили его останки из ворот дворцовой ограды, Ноги, окруженный верными друзьями, вспорол себе живот (харакири).

Хоронили Ноги, почти как императора.

Еще два случая, характеризующих японцев с точки зрения долга.

Горела школа. Учитель вспомнил, что не вынесли портрет императора, он бросился спасти его и погиб.

Второй случай. Железнодорожные сторожа задремали во время дежурства, не закрыли во-время шлагбаум, поездом убило пассажира, ехавшего на рикше. Сторожа сложили свое казенное обмундирование у своих будочек и положили свои головы на рельсы. Поездом оторвало обоим головы.

Конечно, такие случаи исключительного понимания долга широко распространяются в населении, и в этом—один из секретов японского воспитания. Школа, театр, кинематограф—все популяризирует преданность родине и борьбу за нее.

Скоро полночь. Новый год (ст. стиля) встречен в одиночестве и на чужбине. Мысли о семье,—она затеряна в далекой бушующей России.

Токио. 14 января.

Был в посольской церкви,—уютное небольшое помещение. В церкви были пока священник, рослый хохол-киевлянин, местный протоиерей и старый протодиакон из собора. Хор из протодиакона, престарелого псаломщика, с перевязанной бархатной ленточкой косичкой седых жиденьких волос, и девицы без голоса и слуха.

Вошел посол В. Н. Крупенский, величественно стал на заранее постланном коврике. После обедни он довольно церемонно пригласил меня к чаю в посольство: «соберутся почти все представители русской колонии».

Ездил с Осиповым на посольский чай. Познакомился там с товарищем министра иностранных дел Сибирского Правительства Гревсом—бывший крупный петроградский нотариус. Недоволен Омском за плохую ориентировку и отсутствие ответов по срочным вопросам. Две недели уже ждет материала для ответа на интервью Авксентьева в «The Japan Advertiser» и, конечно, напрасно,—не догадывается, что Омску против истины возразить нечего[139]).

Видел помощника Крупенского—Щукина, которому Директория предлагала министерство иностранных дел; по словам Осипова, Щукин невыносимый брюзга и интриган, ловко валивший своих принципалов[140]). Очень любит нумизматику и совершенно не любит ни России, ни русских.

Обедал у баронессы Розен. Живет с 16 летней дочкой. Живут просто, но очень уютно. Обе прекрасные лингвистки, много работают: много рассказывали о местных нравах и порядках. Мать—настоящая энциклопедия.

Токио. 15 января.

Смотрел буддийский храм «Хинганзи». Красивая орнаментовка. Очень хорош главный алтарь с мистически мерцающими огоньками.

Посетители—две бедные японские пары. Они садились в обычную японскую позу, слегка хлопали в ладони (вызов божества), бросали медный сен (копейка) в деревянный ларец, прикрепленный к полу, и благоговейно смотрели на статую Будды.

Подаяния не щедрые, но храм, видимо, богат. В одном из углов храма целая группа японцев и японок предавались чаепитию.

Бродил по бесчисленным пристройкам храма. В одном из помещений монахи мирно болтали. При храме—школы и небольшое кладбище. У одной из могил—большая морская пушка, приз, захваченный похороненными здесь героями.

Г. опять намекал на возможность моей работы в Омске и на свои беседы с американцами[141]).

Вырабатывали с Исомэ программу посещения японских войск и учреждений. Он сообщил о больших силах, группирующихся будто бы вокруг Семенова и Калмыкова, силы эти желательно было бы двинуть на фронт к Оренбургу. «Только, вот, кто их поведет, как ваше мнение, ваше пр-во»?—скромно закончил Исомэ, по обыкновению, хитро закрывая глаза, как будто от напряжения подыскать надлежащее русское выражение.

«Вероятно те, вокруг кого они группируются»,—отвечал я в тон собеседнику.

Приехал генерал Хагино, просил с ним пообедать в Уоено-парке. Автомобиль остановили у широкой лестницы, поднимающейся в парк.

«Мы идем по месту бывшей 53 года тому назад ожесточенной битвы между сторонниками императора и повстанцами самураями. Победа оказалась на стороне императорских войск, наступавших со стороны ныне очень оживленной местности Уоено-Харакози. Все постройки, бывшие на холме нынешнего Уоено-парка, выгорели. Повстанцы почти все погибли или бежали.

Окончание распри победитель ознаменовал прощением врагов. Их трупы похоронили в нынешнем парке, а вождю Сайго Токумари поставлен вот этот памятник».

Хагино показал мне на художественную бронзовую статую, стоящую при входе в парк.

Сайго Токумари изображен в виде весьма мужественного японца в национальном облачении. Рядом с ним дог—его любимая собака. Это почти единственный в Токио памятник, останавливающий на себе внимание. Остальные памятники—разным принцам, генералам, адмиралам, государственным и общественным деятелям — крайне шаблонны, неинтересны и малохудожественны.

Лучшей приправой к обеду была беседа Хагино, рассказавшего много интересного из жизни придворно-политической и военной. В Японии—две могущественнейших партии: Ямагучи, возглавляемая маршалом Ямагато, и фельдмаршалом Тераучи, куда принадлежал и убитый в Харбине Ито, и Козешима (Сатцума), возглавляемая Мацугито и адмиралом Того, победителем при Цусиме.

Эти две партии, главным образом, и борятся за власть. Они оказывают и исключительное влияние на тот или иной состав кабинета.

Нынешний премьер Хара—это уже новое народное правительство. Быстрая карьера военного министра ген. Танака, напротив, во многом обусловлена принадлежностью его к партии Ямагучи. Начальник генерального штаба, барон Уехара, принадлежит к партии Козешима, почему между ними легкий холодок.

Государственное чутье сдерживает обе эти партии,—открытый разлад их мог бы быть катастрофой для Японии.

Большое значение имеет и «генро»—высший совет при императоре. Настоящий состав генро: маршал Ямагата, Мацугито, Сайондзи и Окума, крупнейшие сановники Японии.

При всей прочности японского государственного аппарата, все же иногда проскальзывают некоторые опасения. Пламя европейского революционного пожара, если не зажигает, то, по крайней мере, подогревает недовольный элемент Японии, а такового не мало. Развившаяся за годы войны до огромных размеров японская промышленность, нарушившая до известной степени существовавшие до сего времени национальные группировки, явно начинает итти на убыль, осложняя новый для Японии рабочий вопрос.

С другой стороны, пользующаяся огромным влиянием в стране военная партия Японии способна и готова на очень решительные меры для упрочения своего положения.

Токио. 16 января.

Осматривали с Осиповым музей Окура—огромное собрание статуй Будды и художественных изделий Востока, главным образом, Китая и Японии. Больше, чем музей, мне понравился памятник его владельцу.

В детстве уличный торговец рыбой, Окура быстро разбогател и сделался крупным финансистом Японии—одним из трех ее миллионеров (как бедна в общем Япония).

Простой торговец оказался пламенным любителем искусства и не жалел средств для своего музея—ныне национальное достояние Японии. Раньше брали за вход 10 сен, теперь плата отменена. Музей содержится на проценты с известной суммы, завещанной для этой цели Окурой.

Памятник изображает Окуру, спокойно сидящим за каким-то манускриптом, одна нога по-японски поджата. На лице, очень похожем,—по словам Осипова, лично хорошо знавшего Окуру,—полное спокойствие с оттенком легкого добродушия.

В музее, как и во всех обширных зданиях Японии, очень холодно. Я попросил Осипова спросить сторожа, моложавого японца, вежливо сопровождавшего нас по его отделу,—как ему не холодно в этом леднике без пальто.

— «Что же делать?—мы не имеем права быть в пальто на службе; холодно, конечно; вот только и утешаешься видом на Фуджи*)».

*) «Фуджи Яма» гора-вулкан—национальная гордость японцев, неисчерпаемая тема поэтов и художников. Видна почти отовсюду, ввиде очень красивого, почти правильного усеченного конуса. Высота ее 12365 ф.

Он открыл окно, и, действительно, ослепительно белая вершина Фуджи была величественно прекрасна. Японец, видимо, был крайне удовлетворен моим восхищением. Ему, действительно, как будто стало немного теплее.

Из музея поехали в домик ген. Ноги—весьма скромный для победителя при Порт-Артуре. Дом деревянный обыкновенного японского типа в два этажа. Вход в дом закрыт, осмотр производится со специально выстроенной вокруг него галлереи через открытые окна. Над дверью первой комнаты висит большая фотография, изображающая бомбардировку Порт-Артура; мебели в комнатах почти никакой. Во второй комнате на стене фотографии Ноги и его супруги, снятые перед смертью, видимо, когда созрело решение о харакири. Ноги изображен сидящим в парадной форме с газетой.

В третьей комнате, совсем без мебели, небольшой белый плакат, на циновках, покрывающих пол; плакат отмечает место, где бесстрашный старик и его достойная супруга покончили счеты с жизнью.

Вокруг дома садик и небольшой храм, вернее, модель храма, размерами с небольшой стол. Здесь по японскому обычаю генерал Ноги молился последний раз перед уходом на войну; в дом уже после прощальной молитвы не заходят, слез проливать не принято. Отсюда же пошли на войну его два юных сына, погибшие потом: один в бою под Гайджоу, другой при штурме высокой горы под Порт-Артуром.

Говорят, что Ноги не простили первого неудачного штурма Порт-Артура, вызвавшего огромные потери. После войны он принужден был выйти в отставку с некоторой денежной наградой, которую он пожертвовал на благотворительные дела. Его самого назначили тоже по благотворительной части.

Теперь их здесь нет: Ноги, его жены и двух сыновей. Здесь только непрерывная вереница их почитателей и почтительное безмолвное уважение к их памяти.

Крупенский несколько озабочивается слишком, по его мнению, большой любезностью ко мне японцев. А ведь сам ни туда, ни сюда. Видимо, больше всего придерживается политики сохранения своего поста.

Столовая нашего отеля полна французской военной молодежью. Вчера их торжественно встречали японцы. Это летчики, прибывшие на три месяца, по приглашению японских военных властей, для инструктирования.

Приезжал поручик Комура, назначенный в мое распоряжение с проектом (все еще не окончательным—как осторожны японцы!) моих посещений военных учреждений.

Токио. 17 января.

Утром заходил лейтенант Апрелев—мой бывший слушатель по академии Генерального штаба. Он интересовался моим мнением относительно положения на Уральском фронте и вообще относительно хода русской жизни. Апрелев состоит во французской военной миссии, которая также в полном неведении о происходящих событиях, так как ничего не получает на свои запросы в Омск.

Видимо, Париж непосредственно сносится с Омском через генерала Жанена.

Были Авксентьев и Зензинов. Им, наконец, дали визу в Америку. В ближайшие дни они выезжают. Авксентьев в восторге от своей поездки в Никко, рекомендовал мне непременно туда с'ездить. Они сообщили, между прочим, о суровых расправах в Омске, опять, конечно, через «неизвестных в военной форме[142])». Таким образом, «мексиканские» приемы продолжаются и при «твердой» власти.

Генерал-прокурор — Г. Старынкевич назначает по обыкновению строжайшее расследование, а правительство благородно возмущается. Михайлов же хитро посмеивается и неуклонно продолжает практику своих испытанных приемов.

Гайда уволен Стефаником в бессрочный отпуск с правом поступления в русскую армию, каковым он, конечно, не преминул воспользоваться и получил командование Сибирской армией. Это одна из уплат по векселю, выданному Колчаком и Омским Советом министров 18 ноября[143]).

Матковский[144]) тоже преуспевает, назначен помощником к Степанову, получившему портфель военного министра.

Железные дороги поступили под контроль международной комиссии. Хорошо еще, что хоть председательствование оставлено за хозяевами—в лице Устругова.

Комиссия образовала два бюро: хозяйственное во главе с американцем Стивенсом и военное (охрана жел. дороги), где, видимо, главенствуют японцы.

Завтракал в Иокогаме у Г.[145]). Беседовал с Авксентьевым по поводу сообщений русских газет об Омском правительстве. Действует оно, по правде сказать, довольно решительно, в духе большевиков, и это его некоторый плюс[146]).

У В.[147]) передали телеграмму — моя семья докатилась до Новочеркасска—это первая весточка за столь долгий период.

Вечером бродил по знаменитой «театральной» улице Иокогамы. Эта улица сплошь из магазинов, залита светом и положительно запружена толпой. Шумно. Пожалуй, весело. Театры и кино почти на каждом шагу. Я нигде не видал такого обилия электричества, как в Японии, или это так кажется после возвращающейся к лучине России[148]).

Токио. 18 января.

День чудесный, пешком отправился в парк Сиба. К сожалению, пошел без Осипова, отлично говорящего по-японски и любезно предложившего себя в гиды.

Парк, несмотря на зимнее время, весь в зелени. Главная примечательность парка—храмы и гробницы шиогунов[149]). Перед входом в величественные красные ворота перед Буддийским храмом меня немедленно взял под свою опеку старичек рикша и, что-то лопоча по-японски с прибавлением ломанных английских слов, начал водить меня по парку.

Внутренность храма, который расположен сейчас же за воротами, чрезвычайно красива, особенно художественной работы золотой балдахин (золоченый), подвешанный к потолку, впереди главного алтаря. Самый алтарь также чрезвычайно любопытен. Но всего изящнее—это небольшие лакирован-

ные с инкрустацией ларцы, в которых помещаются начертанные на листочках списки душ умерших, и которыми заставлены полочки в переднем правом углу храма. При мне молодая чета японцев набожно перебирала такие листочки.

Кое-где цветы и поставленная на блюдцах обычная японская пища—приношение усопшим.

У самого входа в храм молились старые японец и две японки. Они, видимо, собрались заказать поминовение. Сначала старик-японец завертывал в особые бумажки деньги, но, видимо, не решался, какую сумму завернуть. Женщина оказалась более решительной и быстро поладила с пришедшим бонзой (буддийским священником).

Она подала ему три надписанные сверху свертка из бумаги, после чего, сидя на коленях, они начали отвешивать друг другу поклоны. Затем бонза сделал принесенной им кисточкой и тушью какие-то отметки на свертках и ушел.

Вслед за ним появился и другой бонза, или просто монах в желтоватом облачении и начал чтение молитв под звуки гонга и небольшой бронзовой литавры, ударяя время от времени по какому-то красному предмету в виде бычьей головы.

Перед алтарем в особой вазочке курился фимиам...

Японцы набожно молились.

Могилы шиогунов тоже в виде небольших храмов с художественной резьбой по карнизу. Сочетание окрашенных в соответствующие натуре цвета резных изображений лотоса, ирисов и пр.—удивительно красиво.

За вход в усыпальницы шиогунов взимается плата по 30 сен. Сопровождает бойкий молодой японец, говорящий по-английски.

У выхода меня поймал мой старичек рикша и предложил прокатить по парку, при чем настойчиво останавливался не там, где мне хотелось, а там, где он считал нужным по своим личным соображениям. Видимо, он не доверял ни моему чутью, ни вкусу при оценке красоты парка. Парк действительно красив. Везде по холмам или храмы, или просто памятники. Лучше всего роскошная зелень. Можно себе представить все это в цвету весной.

За завтраком у Подтягиных, встретился с морским агентом Дудоровым, оказавшимся, совершенно для меня неожиданно, моим политическим единомышленником.

После завтрака все отправились в квартал Кудан, где сейчас происходит одно из любимейших японских зрелищ—борьба.

Теснота в трамваях и огромное скопление публики перед местом борьбы показывают, какой интерес вызывает это развлечение у населения.

Раньше, в другой части Токио, был постоянный и специально построенный для борьбы театр, но он сгорел.

Теперь это наскоро сколоченный навес, в виде амфитеатра, вмещающий, судя по сегодняшнему дню, не менее 5-6 тысяч человек, а то и более.

Самая борьба происходит на особом земляном кругу, 1½-2 саж. в диаметре, возвышающемся, примерно, на аршин над землей и обложенном пучками рисовой соломы в виде пояса. Над кругом особый навес—зонтик, подпираемый четырьмя обвитыми цветной материей столбами.

У каждого столба неподвижный и суровый, как рок, сидит эксперт—судья из закончивших практику борцов.

Невозмутимость, неподвижность и величие экспертов—поразительны. Я более трех часов просидел на борьбе, и эти почтенные судьи ни на минуту не вышли из своего неподвижного состояния.

Напротив, посредник в цветном кимоно (верхняя одежда) и остроконечной черной шапочке, с веером в руках, необыкновенно подвижен при всей важности его жестов. На нем тяжелая обязанность—следить за правильностью борьбы и об'являть решение судей, на чьей стороне победа.

Сами борцы—это особая общественная группа. Необыкновенно рослые и большей частью жирные люди, резко отличающиеся от общей массы населения Японии. Груда мускулов и жира, у многих отвислые животы (для большего веса, что особенно важно при японской борьбе).

Чувственно грубоватые лица, полуженская прическа—вот внешний вид большинства борцов. Есть и легковесы, изящные мускулистые великаны, но это реже.

Перед борьбой участники разделяются на две стороны — восточную и западную. Это борятся восточные кланы страны против западных. Соответственно принадлежности к востоку или западу, а равно и по личной симпатии к тому или иному борцу, рассаживается и публика. Любители занимают ближайшие места к кругу. Между прочим, часть этих мест уступается офицерам японской гвардии—это, кажется, единственное их преимущество перед армейскими частями.

Перед вызовом на бой очередные борцы сидят на своих сторонах на ближайшей скамье. По вызову они поднимаются на круг и прежде всего расправляют мускулы ног, шлепая голыми ступнями по земле, предварительно широко расставив ноги и сгибая их в колене под прямым углом перед ударом в землю.

Затем садятся на корточки на край круга и особыми жестами рук дают клятву—ничего не иметь против противника в случае, если победа будет на его стороне.

Затем они церемонно сходят с круга. Особые люди подают им воду. Они смачивают части тела или обрызгивают себя, набирая воды в рот. Борцы совершенно голые, если не считать широкого пояса на бедрах.

Выходя снова на круг, борцы по пути берут небольшие щепотки соли, заранее приготовленной здесь же на кругу, и разбрасывают ее в знак того, что приемы их борьбы будут также чисты, как соль.

Затем снова приседают на корточки ближе к середине круга, нагибаются туловищем вперед, иногда упираясь головой в голову, постепенно опираются на обе руки и зорко следят друг за другом.

Это, обыкновенно, минуты крайнего напряжения, страшно нервирующие публику, которая неистово подбадривает борцов, хулит их противников, и, конечно, в свою очередь, чрезвычайно возбуждает и самих борющихся.

Победа выражается в искусстве быстро сбросить противника с круга, таким образом, выбор момента нападения представляется крайне важным и

иногда это удается сделать простым толчком в плечи неосторожно зазевавшегося противника.

Это петушье положение на корточках, обыкновенно, затягивается, враги встают, делают перерыв, опять садятся, выслеживают друг друга. Чем известнее борцы, тем больше являются они конкурентами один другому по силе и ловкости, тем больше тянется это подсиживание. Поражение—дело одной минуты и несет за собой не только срам, но и материальные невыгоды.

Затяжка борьбы раздражает публику, она обзывает борцов трусами, требует нападения, шумит и сплошь и рядом переходит в рукопашную, исчерпав весь запас острот и ругательств по адресу противников своих фаворитов.

Напряжение растет. Тысячи глаз сосредоточены на маленьком земляном кругу, на двух огромных, словно застывших, телах.

Наконец, выбрав момент, борцы кидаются друг на друга, и схватка кончается полетом за круг одного или обоих борцов, сбившихся в один огромный ком.

Помощник посредника веером показывает победителя. Бои (прислуга) подметают круг. Публика неистовствует. Выходит новая пара. При большом напряжении и ловкости, борьба бедна приемами. Только одна пара наиболее популярных борцов боролась красиво, при чем победитель чрезвычайно эффектно бросил своего противника за борт.

Результат этой победы, совершенно неожиданный для меня, очень огорчил моего соседа генерала Хагино—побежденный был его земляк и доселе считался непобедимым.

Я был приглашен в ложу начальника генерального штаба. Генерал Уехара познакомил меня с бывшим в ложе начальником морского генерального штаба и всеми находившимися там офицерами.

Вчера смотрело борьбу военное министерство, сегодня главное управление генерального штаба. Офицерство очень интересуется борьбой.

Ген. Уехара любезно занимал меня, говорил по-французски. «Вы замечаете эту повышенность настроения, в этом играют роль не одни борцы—идут ставки на популярных борцов. Открыто это у нас запрещено, но тайно играют во-всю».

Оказывается, играют не только на месте борьбы, но и сидя в ресторанах, дома, результаты передаются мгновенно по-телефону.

В театре среди публики было много молодых женщин. «И это продукт времени»—заметил мой собеседник—«раньше женщины не могли посещать борьбы, правда, здесь большинство полусвет». Борцы пользуются большим вниманием гейш, которые, помимо любви, тратят на своих избранников и большие деньги.

Я спросил, как относятся к борьбе двор и высшее общество. Оказывается, и там большой интерес к борьбе. Высший сановник государства делает собственноручно прическу победителю.—«Часто в аристократических домах для приглашенных лиц императорской фамилии вызываются борцы. По обычаю, они единственные люди, представляющиеся голыми даже императору»,—заметил, улыбаясь, Уехара.

Подали угощение: деревянные ящички с рисом, рыбой и сластями, кулечек с миндалем и два апелисина, саке, воды, затем принесли лангусты и другую снедь. Угощалась и вся публика. Прислуга все время разносила кушанье, питье и фрукты.

При высокой входной плате — 3 иены — сбор огромный и так по 10 дней два раза в году. Около места борьбы—целый базар. Сегодня весь день везло западу. Окончательная победа дает победившей стороне переходящее знамя на целый год.

Газеты переполнены статьями и расчетами, посвященными борьбе. Какое-то огульное помешательство.

На пути домой видел бегущего в белом человека. Это бежал в храм член семьи, в которой очень болен кто-нибудь из близких—ему не до борьбы. Унылый звон колокольчика долго раздавался в ушах.

Токио. 19 января.

Ливень, тем не менее поехал в русский собор к обедне. Служба торжественная. «Херувимская» Римского-Корсакова взволновала меня красотой напева[150]). В этом храме сохранялось еще огромное моральное влияние России, оно было особенно дорого теперь, в минуты нашего страшного унижения. Пил чай у епископа Сергия в обществе двух представителей англиканской церкви—один здешний, другой из Кореи. Меня поразило их благоговейное почтение к Сергию, при прощании они поцеловали его руку коленопреклоненные, со стороны британов это знаменательно.

Оба не любят японцев и в большой дружбе с Ноксом. Нокс вообще очен близок и к русским духовным представителям, видит в них одно из средств для вразумления «заблуждающегося» русского народа. «Утрата монарха может быть восполнена только религией»,—это мнение не одного Нокса и оно всерьез учитывается иностранцами.

Токио. 20 января.

На дворе мороз. Первый раз из окна комнаты увидел дивную панораму «Фуджи». Отовсюду видна эта белая очаровательная вершина. Так понятно мистическое поклонение и обожествление ее японским народом.

В сопровождении Исомэ поехал в токийское военное училище. По идеально чистому двору под'ехали к под'езду сравнительно скромного дома. У входа встретил заместитель начальника училища генерал М. (начальник училища в командировке в Сибири) и персонал училища. Обычные приветствия. Чай в парадной приемной.

С чаем недоразумение—внутри кусочка, брошенного в чашку, оказалось что-то темное, быстро окрасившее содержимое чашки в темный цвет. Я даже вынул половину кусочка из чашки, думая, что в сахар случайно попал сор. Оказалось, это было кофе.

Внутрь сахарных кусков вложены плиточки прессованного кофе, таким образом, получается готовый кофе из брошенных в кипяток кусочков сахара.

В поданных изящных чашечках был просто кипяток, который я машинально принял за обычно светлый, слегка зеленоватый японский чай.

В тот же день был и в токийском кадетском корпусе, там такой же примерно прием. Для последовательности изложения начну с кадет.

Первоначальное военное воспитание и образование получается в Японии в кадетском корпусе. Корпус всесословный, имеет три приготовительных и два специальных класса. В последних двух, кроме общих предметов гимназического курса, преподаются и военные предметы. Воспитание резко отделяется от образования; то и другое ведется особыми лицами. Все преподаватели считаются военными, даже штатские люди.

Режим суровый. Отпуск только днем в воскресенье. Ночных отпусков нет. Изоляция от внешнего мира способствует большому развитию корпоративного духа.

В общем, здоровые физически и хорошо тренированные кадеты в большом проценте имеют слабое зрение: многие в очках—это, впрочем, общий физический недостаток японцев.

Питание простое: миска вареного риса в 50 грамм, такая порция выдается три раза в день, тарелка крошеного мяса, смешанного с овощами, или рыба и кусочки какого-то зеленоватого фрукта и чай.

Обедают кадеты за столом, но едят по-японски—особыми палочками. Стоимость довольствия каждого кадета (для 1919 г.), кроме стоимости риса, заменяющего наш хлеб, около 50 сен (46-47 коп. зол.). Спальни спартанские в весьма прохладных помещениях с настежь открытыми ставнями и дверями—на дворе стоял январь. Зато воздуху и свету обилие.

Помещения спален из ряда отделений по 6 кроватей каждое; на кровати стеганый матрац, очень узенькая простыня и семь одеял (летом пять), одно из них теплое. Маленький твердый валик заменяет подушку.

У стенки ящики с одеждой и обувь. Праздничное первосрочное обмундирование очень чистенькое.

Необходимо заметить, что в японской армии полнейшее однообразие одежды. Трудно отличить кадета, особенно, старшего возраста, от юнкера или солдата. У кадет нет петлиц и звездочек на плечевых нашивках. Какое это упрощение в вопросе обмундирования! Нет, как в прежней русской армии, ни «серой пехоты, ни пестрых гусар».

Принцип равенства в японской армии проводится твердо.

Классные помещения также весьма скромны. Всю мебель составляют коричневые парты—столы—для кадет; деревянное возвышение, стол и доска—для преподавателя. Стол для кадета—принца императорской фамилии несколько повыше, чем у других кадет, лучше окрашен и скобы у ящика не железные, как у всех, а под серебро.

Бросается в глаза изобилие учебных пособий. Преподавание вдумчивое. Вот урок географии:

Учитель—почтенный японец в сюртуке и очках об'яснял кадетам горные массивы Азии. На классной доске висела очень рельефная карта Берлинского издания Клиперта. Перед каждым кадетом на его парте (парта на одного) лежал атлас с точной копией той же карты меньшего масштаба, рядом учебник географии на-японском языке. И то и другое, как будто сейчас принесено из магазина.

Можно подумать, что эти чистенькие учебники специально выданы перед посещением иностранца, или японские дети так хорошо берегут казенные вещи!

На каждой парте кожаный чехол и дощечка с фамилией кадета. Об'ясняя по карте строение поверхности Азии, учитель на рядом стоящей доске широким мелом схематически изображал горные узлы и направление хребтов, при чем все время короткими вопросами привлекал внимание учащихся, напряженно следивших по своей карте и схеме учителя за ходом урока. Ни о рассеянности, ни о сне не могло быть и речи.

Учитель ежеминутно вызывает кого-нибудь и каждый должен быть готов к ответу. Спрошенный мгновенно вскакивал, произносил громкое «ха» и отвечал.

В методе преподавания чувствовалась строгая система, логическое развитие мысли и наглядная зависимость явлений природы одно от другого, напр., климата от строения земной поверхности, комбинаций суши, воды и т. д.

Большое значение в корпусе придают изучению иностранных языков. Между прочим, кадеты весьма бойко читали и переводили с русского языка на японский по хрестоматии Покровского. Однако, этот кажущийся успех был значительно ослаблен при моих попытках заговорить с кадетами во время перерыва уроков. Простые вопросы: «сколько вам лет», «кто ваш отец» оставались без ответа. Окружившие меня мальчуганы только улыбались. Живой язык чужеземца оказался менее понятен, нежели книга.

Много уделяется в корпусе внимания и времени гимнастике, бегу и фехтованию на ружьях (старшие классы) и на мечах.

Удивительный бег у японцев. Они как будто бы не касаются земли и имеют вместо ног эластичные пружины.

По окончании корпуса кадеты на 6 месяцев поступают в войсковые части и оттуда уже в военное училище. Мера не дурная, шести-месячное испытание в суровой казарменной обстановке—хороший фильтр для непригодных к военному делу.

Возвращаюсь к военному училищу.

В военное училище принимаются кадеты, предварительно отбывшие 6 месячное прикомандирование к войскам, при чем в училище сосредотачиваются представители всех родов войск, т.-е. пехоты, конницы, артиллерии.

Проведение принципа единой военной школы имеет много положительных сторон: экономия, а главное отсутствие розни между пехотой, артиллерией и другими родами войск, что постоянно чувствовалось в старой русской армии. Тогда особый «ученый» кантик мундира юнкера—артиллериста уже давал ему некоторое основание относиться свысока к «серости» своего товарища—пехотинца.

У японцев совершенствование специальности происходит потом, путем прохождения особых школ.

Условия жизни юнкеров те же, что и у кадет. Та же простота и скромность, начиная со стола, помещения и проч.

В училище уже серьезная военная подготовка, теория и практика военного дела и военной техники, иностранные языки, гимнастика и столь популярное в Японии фехтование на ружьях и мечах.

Сейчас прочно утвердилось в японских военных школах преподавание наряду с немецким и французским языками и русского языка. В пропорции 6:2:1, единица—число обучающихся русскому языку, на него приходится до 50 юнкеров из общего числа обучающихся в 800-1000 человек.

Фехтовальный зал, куда пригласил меня помощник начальника училища, обширное деревянное здание. Юнкера в белых блузах и штанах и в белых легких головных уборах стояли отдельными группами, возглавляемыми инструкторами. Перед боем сверх указанной легкой одежды надеваются бамбуковые латы с набедренниками и хорошо пригнанные шлемы с наплечниками и рукавицы.

Вместо ружей употребляются особые бамбуковые палки с кожаным шарообразным утолщением на конце.

Все эти предосторожности весьма кстати при той ярости, с которой дерутся японские юнкера. Уже самая команда инструктора к изготовке, произносимая неистовым голосом, возбуждает сражающихся. Самый бой сопровождается такими яростными звуками «ха», «ха»..., что, кажется, будто дерутся два смертельных врага.

Бой лишен красоты. Удары сыпятся довольно беспорядочно и сопровождаются стремительной беготней и яростными наскоками друг на друга Бойцы, видимо, быстро утомляются, после двух-трех схваток, тяжело дышат, но они учатся *наступать*.

Перед возвращением на свои места, враги, стоя друг перед другом, вежливо кланяются.

То же увлечение и горячность и в национальном бою на мечах (несколько коротких бамбуковых палочек равной длины, схваченных обручами, чтобы не было очень сильных ударов сплошной массой дерева), на концах мечей то же круглое утолщение. Та же ярость, те же крики во время боя. Юнкер, у которого случайно выбивается оружие, бросается, нисколько не смущаясь, с голыми руками на врага. И правильно—или сближение грудь с грудью—зубы, кулаки, или все равно смерть от меча противника.

Мечом допускаются удары по голове, шее, в живот и по рукам выше кисти.

И у юнкеров, и у кадет в большом ходу игры: теннис, футбол и простое перебрасывание мяча.

В гимнастике много добросовестного желания изучить то, что показывается, но нет лихости и щегольства нашей молодежи. Прохождение по узкому деревянному рельсу никому из пытавшихся не удалось. Кадеты показывали очень трудное упражнение на железном брусе—подтягиваются на левой руке и правом локте, затем раскачиваются и выкидываются вперед.

И у кадет и у юнкеров любезно снабдили учебными программами. У кадет, кроме того, пришлось и позавтракать.

Успели еще заехать в инженерно-артиллерийскую школу. Это одна из существующих в Японии школ, предназначенных для специализации в службе того или иного рода войск (пехоте, артиллерии, инженерных войск и т. д).

В школе 2 отделения: артиллерийское и инженерное. Слушателей 300 человек от всех родов войск. Прослушавшие один курс возвращаются в войска, как инструктора необходимых сведений по артиллерии и инженерному искусству.

Из этих 300 человек на второй курс попадают не более 100, из которых уже вырабатываются специалисты по артиллерии и по инженерному искусству для службы в арсеналах, заводах, крепостях и проч. И, наконец, из этих 100 человек 6-7 командируются вольнослушателями в университет для окончательного усовершенствования в артиллерийской и инженерной технике (конструктирование, материальная часть) и для занятия высших руководящих должностей по этим специальностям.

Система преподавания в школе лекционная—три лекции в день по 1½ часа—и практические занятия. Курс в общем более теоретический. Преподаются иностранные языки и верховая езда. Лаборатории школы бедны. Кроме приборов,—модели орудий, мостовых укреплений, рельефный план Порт-Артура. В подвальном этаже—стрельбище в блиндированном коридоре.

Прикомандирование к университету избранных слушателей имеет большое значение. Не говоря об экономии (не надо особых академий), оно избавляет от излишней однобокости и замкнутости ведомственной специализации, расширяет технический горизонт, дает представление о тех технических возможностях в общегосударственном масштабе, которые могут быть полностью использованы с момента мобилизации армии.

Руководитель школы, генерал Ватанабе, имел ряд командировок во Францию, и поэтому он хорошо знаком с постановкой инженерного и артиллерийского дела у французов.

Вечером были Авксентьев, Зензинов и их спутники—заезжали проститься перед от'ездом в Америку и затем во Францию.

Роговский передал письма от В. и Ч., из которых я узнал, что выехал из Владивостока своевременно. Подготовлялся мой арест и насильственная высылка заграницу[151]). Ч. на целых 8 страницах излагал свою теорию спасения России, но, конечно, без указания каких-либо практических путей к ее осуществлению. В. находит, что положение в Омске ухудшается, пророчит водворение большевизма тотчас же после ухода союзников[152]).

Токио. 21 января.

Поехал посмотреть частную жизнь японского генерала, воспользовавшись предложением ген. Х[153]) посетить его семью. Он живет в небольшом собственном доме почти на окраине Токио, на склоне возвышенности с чудесным маленьким садиком и очаровательным видом на Фуджи—мечта каждого японца.

Х. оказался большим хлебосолом, угощал чаем из русского самовара и вместе с другими напитками смирновской водкой, до которой он, как и многие

японцы, большой охотник. Годы, проведенные в России—прошли не даром. Пришли дети генерала—девочки-подростки. Я привез им цветы—чудесную гвоздику, были очень довольны, принесли свои фотографии, просили переслать моим детям.

Прислуга девушка разговаривала с хозяином и гостями, опускаясь на колени. Я обратил внимание, что даже хозяйка дома и дочери, перед входом в комнату, где мы сидели, делали поклон, при котором их колени тоже почти касались пола. Обычай, рисующий положение женщины в японской семье. При этом кажущемся унижении я в то же время не раз подмечал и во взглядах хозяина и в его словах большую дружбу и теплоту, как в отношении супруги, так и по адресу дочерей.

Приглашение на чай в японском обиходе имело большое значение. Им широко пользовались даймии*) при обсуждении политических вопросов. Важный даймия приглашал к себе нужных ему гостей. В общем зале устраивался общий обед, затем хозяин по очереди приглашал в ближайшую комнату на чай своих сторонников или просто нужных ему лиц для интимной беседы. Ни женщин данной семьи, ни прислуги при этом не допускалось .

Создавался невинный предлог для собрания и беседы с кем нужно, при полном отсутствии третьих лиц, которые могли бы разболтать слышанное или отнестись подозрительно к собранию.

Токио. 22 января.

Утром поехали в военную академию—это казенное здание за оградой с массой деревянных пристроек весьма скромного вида. У фасада памятник учителю японской армии, немецкому генералу Меккелю, сменившему французов. У под'езда встретил ад'ютант академии, а на лестнице начальник ее, генерал Шохози, совершенно бритый, слегка седой человек. Генерал был в фуражке, при оружии и в белых перчатках. Провели в приемную, более чем скромную комнату с простой железной печью, классной доской у стены, вероятно, для нужд собирающихся здесь профессоров, и большим покрытым скатертью столом. Обычный чай, кофе, папиросы.

Ад'ютант принес план академии, список административного и профессорского состава и расписание лекций.

Военная академия дает возможность получить высшее военное образование,—изучить науку «полководчества». Весь генеральный штаб—питомцы этой академии. Офицерство чрезвычайно стремится пройти через ее стены—это открывает путь к широкой карьере. Без высшего военного образования, не говоря уже о штабах, даже средние командные должности делаются недоступными.

Окончание академии открывает также путь к заграничным командировкам, широко практикуемым в Японии, а это дает знакомства, связи, возможность широкой научной и технической подготовки и облегчает дорогу к власти.

---

*) Владетельный князь.

Курс академии трехгодичный. Метод преподавания прикладной, т.-е. учат не только тому, *что* надо делать, но и *как* делать.

Главное внимание уделено тактике и стратегии. Широко поставлены практические занятия в поле в виде особых поездок и прикомандирования к войсковым штабам. Академия расчитана на 190 человек. Конкурс при поступлении очень значительный. Из 800 конкурентов (в 1918 г.) все экзаменационные препятствия преодолели лишь 70 человек.

Штатных профессоров в академии 28, кроме того, большое число приглашаемых из военного министерства или главного управления генерального штаба. Профессор академии не пользуется никакими, ни служебными, ни материальными преимуществами перед своими товарищами, находящимися на службе в штабах.

На мое замечание, что профессор, ведь, должен интересоваться литературой, приобретать книги, журналы, начальник академии ответил, что «это обязанность каждого их офицера, и что, кроме того, есть библиотеки».

Конечно, в трехгодичный срок, после которого профессор уходит для «освежения» на штабную работу или в строй, трудно создать хорошо подготовленного профессора, двигать вперед науку, но, видимо, здесь этим не особенно интересуются—для этого есть Европа, их же задача—практическое использование и применение к делу того, что родилось в чужой голове.

Прошли на лекцию профессора подполковника Нагаво, читавшего курс военных сообщений, включающий и вопрос о применении других технических средств связи. Профессор как раз касался применения беспроволочного телеграфа. Он читал по своим заметкам. Слушатели добросовестно заносили слова профессора в свои тетради.

Аудитории необыкновенно скромны, даже бедны. Напоминали обстановку наших сельских школ у интересовавшегося образованием земства. Несмотря на большое число окон, свет, проходящий через бумагу (стекло в Японии редкость), недостаточно ярок. На стенах ни карт, ни портретов. Кафедра, из простых даже неокрашенных досок, довольно грязного вида. На ней большой стол для лектора и очень печального вида мягкий стул. За столом две простых классных доски.

Для слушателей простые, окрашенные в кирпичную краску столы, для каждого слушателя отдельный стол, вот и все.

При нашем входе слушатели сидели. Профессор сошел с кафедры, доложил начальнику академии содержание лекции и последним был представлен мне.

В следующей аудитории младшего курса слушали лекцию морской тактики профессора капитана 2-го ранга Хянутаки.

Лекция велась с одушевлением, профессор писал цифровые данные на доске. Вопрос касался минной обороны, был дан вывод, что мины лишь вспомогательное средство, главное же флот с его активными действиями. Давались данные как раз о русских минных средствах.

В конференц-зале портреты бывших начальников академии, между ними генерала Кодама, начальника штаба Оаямы в русско-японскую войну, и генерала Тераучи, бывшего одно время премьером Японии.

Я очень интересовался практическими занятиями по тактике, и с большим удовольствием проследил таковые в группе подполковника Сато. Шел разбор решения, общий для всей группы тактической задачи. Руководитель выбрал три наиболее характерных различных решения, авторы должны были изложить и обосновать их. Затем руководитель подверг все решения обстоятельной критике и вновь предоставил авторам свое слово для защиты.

Метод тот же, какой был принят по инициативе проф. Н. Н. Головина в нашей военной академии с 1911 года. Этот метод, по моему мнению, единственно целесообразный и продуктивный, обуславливающий возможность живого общения между руководителем и группой, а также состава группы между собой.

В группе подполковника Сато было 15 офицеров, из них 10 пехоты, 3 артиллерии, 1 кавалерии и 1 сапер. Четыре офицера в очках.

Поблагодарив начальника академии за любезный прием, поехали в 3-й пехотный гвардейский полк, где меня поджидали в этот день.

У ворот полка встретили ад'ютант и дежурный офицер, у последнего отличительный знак—красно-белая полосами перевязь с красными кистями. В приемной комнате представился командир полка.

Чай, папиросы.

После фехтования смотрел учение сводной роты (от всего батальона). Любопытна команда: она произносится неистово-визгливым голосом на чрезвычайно высоких нотах.

Строевое обучение неизменно оканчивается сомкнутой атакой с предварительным примыканием штыков—и вот, когда вся рота, рыча и визжа, стремительно бросается вперед, становится немного жутко, вспоминаются бешеные штыковые атаки 1904-1905 г. г. С этим, возводимым в культ, порывом вперед придется посчитаться будущему противнику Японии.

Казарменный обиход в войсковых частях немногим отличается от того, что я наблюдал уже у кадет и юнкеров.

Обыкновенно казармы обнесены высоким земляным валом и тем самым прочно ограждены от любопытных взоров. В скромных помещениях чистота, много воздуха и света. На койках те же семь одеял и валик вместо подушки.

Особые комнаты для унтер-офицеров, фельдфебеля, юнкера, если таковой есть при полку. Особая комната для офицеров и с такими же, как у солдат, кроватями и неизбежными фехтовальными принадлежностями.

На стенах портреты убитых товарищей и печатные выписки, касающиеся вопросов казарменного обихода.

Вместо бани ванна—четырехугольный деревянный бассейн, с весьма горячей до 40-45° водой. Залезают сразу по нескольку человек. Вода не меняется. После такой ванны, к которой надо привыкнуть, очень долго держится тепло.

Довольствие: завтрак — рис, кусочек соленой рыбы не больше $^1/_4$—$^1/_8$ фунта, немного овощей, чай. Таков же и обед.

Необходимо отметить, что и завтрак офицеров точно такого же состава, только рис более лучшего качества и рыба, вместо соленой, жареная.

Ни водочки, ни закусочки отдельным любителям не полагается. Во всем этом я лично убедился, приняв приглашение на завтрак в офицерском собрании и попросив, чтобы это был обычный офицерский завтрак.

За завтраком полковник Исомэ, сопровождавший меня и на этот раз, кстати это был его родной полк, в своем приветствии довольно подробно коснулся моей биографии и не скупился на весьма лестные выражения. Я ответил любезностью по адресу полка... Очень теплые пожелания высказал мне и командир полка. После завтрака смотрел фехтование офицеров, характерная деталь—офицеры фехтовались босиком на очень холодном полу.

Вечером в «Империале» чествовал обедом представителей японского генерального штаба с генералом Фукуда во главе. Была и наша военная агентура. Это единственная для меня возможность поблагодарить за то внимание, которое оказывалось мне с момента высадки в Японии. Я никого не представлял, за мной не стояли прочно организованные и связанные со мной группировки, и я имел основание думать, что внимание это относилось только ко мне лично, и это повышало в моем сознании его ценность.

В застольной речи Фукуда несколько отошел от моей оценки, как частного лица, и выразил надежду видеть меня в числе строителей России, которой Япония будет искренно и бескорыстно помогать[154]).

Токио. 23 января.

В 9 утра выехали с Исомэ и Гуковским на автомобиле в Нарасино,—стоянка японских кавалерийских бригад. Пришлось проезжать почти через весь город и теперь только можно было убедиться, насколько велик Токио. Минуя центральные части, мы около 6-7 верст проехали по бесконечно длинной, узкой и прямой улице, среди непрерывных лавок, главным образом, с кустарными и деревянными изделиями, сплав которых к центру идет по многим каналам, число которых все более и более увеличивается.

На окраинах, конечно, больше бедноты. Улицы заполнены детьми с весьма неприятными носами: следствие хронических насморков среди постоянной сырости. Жизнь на вонючих каналах не особенно привлекательна, но город, вернее, возможность заработка, тянет, как магнит. Десять лет тому назад, где были поля и болота, теперь сплошь заселенные пригородные кварталы. Город растет неимоверно.

Починка шоссе несколько задерживала наше движение. По пути раздавили неосторожную собачку. Удивляюсь, как не покалечили кого-нибудь из детворы, заполняющей эти улицы, где, кроме того, все время приходится встречаться с возами, нагруженными тележками, которые волокут люди, и с бесчисленным множеством велосипедов.

Среди этого переполнения на улицах все же больше всего детей—милых, чумазых япошат. Девочек очень безобразят их косматые неприглаженные гривки жестких волос: их матерям, видимо, не до этого среди тяжелого труда и лишений.

Дети босы. Голая подошва на деревянной «гета», а рядом каналы затянулись льдом, правда, солнышко сильно пригревает и к полудню стало совсем тепло.

Встретили идущую с ученья батарею, обогнали следующие в поле роты. Вдоль дороги за городской чертой всюду партии юнкеров и унтер-офицеров практикуются в с'емках. Здесь все вертится около дороги, представляющей почти сплошную улицу с теми же бесконечными лавками, как и в предместьи.

До Нарасино более 40 верст. Ехали около 1 ч. 40 м. Обе бригады расположены вдоль дороги. Полковые дворы отгорожены высоким земляным валом, на гребне которого еще живая изгородь из какого-то колючего растения.

Автомобиль остановился перед штабом бригады. Встретил командир бригады, ген.-майор Тамура, моложавый японец с красивыми черными усами на умном лице. Выстроился караул. «На-караул» берет только его начальник, остальные держат карабин у ноги.

С некоторой заминкой показали сменную езду. Раньше, за отсутствием в Японии своего конского состава, кавалерия была слабым местом ее армии—лошади получались, главным образом, из Австралии. Теперь этот недочет устранен. Японцы значительно развили коневодство в своих северных округах (Хокайдо), богатых кормовыми травами, и в настоящее время имеют свою недурную ремонтную лошадь.

В показанной смене лошади были хороши, всадники спокойны. Все лошади—местный тип, только три с примесью арабской крови. Аллюры, вольты и прочее прошло гладко, без нервности. Офицер, водивший смену, был без нашего традиционного бича, что не преминул едко отметить мой гусар Гуковский. Не думаю, чтобы здесь прошел даром невольный удар бича по всаднику вместо лошади, хотя говорят, что «в сердцах» и японские дядьки охулки на руку не кладут.

Г. пренебрежительно отнесся и к вольтижировке. Она была действительно вялой и далеко уступающей художеству русской конницы по этой части.

Но на войне японская кавалерия работала не плохо и рубилась на совесть.

В беседе командир бригады высказал весьма трезвый взгляд на значение кавалерии. Он не обольщается ее «царственной» ролью на полях сражения. Трезво и спокойно говорит о необходимости подготовки кавалерии к бою в пешем строю, о значении штыка, который они получили к своему карабину.

За завтраком все они очень интересовались кавалерийскими боями в последней мировой войне и значением пики. Мой Г. увлекся и начал рассказывать чудовищные вещи. Я не мешал его «творчеству». Старшие командиры деликатно улыбались. Все, видимо, были довольны.

В офицерском помещении одного из полков я увидал на стене фотографию офицера этого полка, поручика Кобояси. Я был экспертом на суде—над этим офицером, приговоренным за шпионство к смерти. Он был захвачен русскими у Гирина в 1905 году (русско-японская война), переодетым китайцем. По его показанию, он переоделся ввиду невозможности продолжать выполнение своей задачи офицером, отпустил свой раз'езд, и только вдвоем с переодетым же унтер-офицером решил продолжать свою рекогно-

сцировку указанной ему полосы. На суде Кобояси держался с исключительным достоинством, просил помиловать исполнявшего его приказания унтер-офицера. Умер спокойно, я передал все это офицерам, его товарищам. Несколькими минутами сосредоточенного молчания была почтена его память.

По пути домой—два раза застревали в грязи и плутали по токийским улицам. Бедный Исомэ едва не опоздал на обед к одному из принцев.

Вечером неожиданный визит полковника Курбатова (Завойко); форма американского покроя с инициалами «Р. Ш.» (русские штаты), говорит, что это условлено с Деникиным. Уверен в неизбежности большевизма в Европе, он только что побывал в Америке, Англии и Франции и везде видит симптомы к этому. Как и я, не верит в значение мирной конференции, ждет возрождения России из низов. Едет во Владивосток и далее в Сибирь. Тип любопытный.

Токио. 24 января.

Сегодня предстояло посетить прикладные школы пехоты и артиллерии. На этот раз сопровождал молодой капитан генерального штаба Савада. Я чуточку замешкался со сбором—в результате приехали на станцию железной дороги как раз к моменту отхода поезда и не попали на него. Савада предлагал ехать опять на автомобиле, но после вчерашних аварий, мысль это была отложена, тем более, что скоро отходил следующий поезд.

Через полчаса тронулись в путь. Проезжали через фабричные части Токио—Хонда и Фокугава за рекой Смидой. Необозримое море небольших деревянных фабрик и мастерских кустарей.

Надо было проехать 40 верст до ст. Чиба, где находилась пехотная школа. Ехали с небольшим час. Картина та же, что и вчера. Сначала пригороды, потом кусочки открытого места, занятого рисовыми полями, опять постройки и яркая зелень овощных участков. Везде люди, повозки, движение.

В Чиба, главный город провинции того же имени, нас встретил жандармский офицер и какой-то весьма любезный и внимательный штатский. Ими уже были проготовлены рикши, и мы затрусили по направлению к школе, на что требовалось 10-15 минут езды. Под'ем в гору опять вызвал у меня крайне неприятное ощущение большой неловкости перед старичком рикшей, перегнувшимся почти под прямым углом и напрягавшим крайния усилия, чтобы вытащить свою кормилицу-тележку.

Обычный порядок встречи. Начальник школы генерал Кавамура. Школа имеет задачей пополнение знаний капитанов и майоров, пехоты, кандидатов на получение батальона. Курс школы преимущественно практический, главные предметы—тактика и теория стрельбы. Переменный состав 60 капитанов и майоров; продолжительность обучения 1 год.

Из практических занятий показали обучение сигнализации и определение расстояний на-глаз и всевозможными приборами.

Слушал лекцию по тактике артиллерии. Лектор, молодой майор генерального штаба, выразил мне по-русски, что он польщен моим посещением его лекции. Я ответил соответствующей любезностью.

Завтракали, к счастью, по-европейски. Аппетит на свежем воздухе разыгрался основательно. Снимались.

Чтобы попасть в артиллерийскую школу, надо было проехать дальше по железной дороге до ст. Ютсукайдо. До станции опять провожали конный офицер и тот же неизвестный штатский.

Познакомился с начальником школы, генералом Онодера. Задачи школы аналогичны задачам пехотной школы, с которой они тесно связаны общностью полевых занятий (маневры). Школу проходят 60 лейтенантов и капитанов артиллерии, кандидаты на получение батареи. Срок и метод преподавания те же, как и в пехотной школе.

При мне группа лейтенантов упражнялась в определении данных для стрельбы для вблизи стоящей батареи, по всевозможным указываемым руководителем целям.

Наблюдал практические работы по связи—прокладку телефонной линии. Всю работу лично выполняли обучающиеся лейтенанты. Они же таскали и все материалы. Это не рассказ, а показ и действительная польза.

На станцию вернулся верхом. Ни экипажей, ни автомобилей японскому начальству не полагается. Около станции собирались маневрирующие войска: ожидали приезда начальника дивизии. Савада попросил у меня разрешение представить какого-то генерала. Познакомились. Генерал Эшизака отлично говорил по-русски. Он был во время последней войны японским представителем у нас при 5 армии, до моего вступления в ее командование.

Теперь он командует артиллерией одной из дивизий; очень приглашал посетить его стоянку.

Вскоре прибыл ожидаемый начальник дивизии, а мы тронулись в Токио.

В японских войсках прежде всего поражает простота и однообразие обмундирования офицера и солдата. Все: мундир, шаровары, обмотки и башмаки под цвет хаки. Никакой пестроты, пестрота сохранилась, как память о первых учителях японцев, французах, только в старой парадной форме и в военном императорском оркестре.

Лишь по цвету суконной полоски на воротнике, сабле, вместо штыка, по сапогам, вместо башмаков, можно отличить кавалериста от пехотинца, артиллериста от сапера и пр.

Число звездочек на плечевом погоне показывает чин у офицера и срок службы у солдата, галунная «лычка»—принадлежность к младшему командному составу.

Проходящих команд как-то мало на улице. Идут без нашего шику и песен. Играют посменно горнисты и только.

Гуляющих солдат много лишь по праздникам. Держатся они совершенно свободно. «Тянутся» только при встрече с начальством. Гуляют обыкновенно по-два, по-три, взявшись за руки, «как сельские девушки». С любопытством глазеют по сторонам. Вежливы с обывателем. Никаких ограничений для солдат ни в театрах, ни в ресторанах, ни в других увеселительных местах нет.

Японский солдат является подчиненным только при встрече и служебном разговоре с офицером, в остальных случаях это просто два японца. Вечером не редкость встретить захмелевших солдата или матроса, особенно, на окрайнах и в портовых городах.

Офицеры живут скромно. Небольшое содержание заставляет их жить по окраинам. С 7-8 утра до 5 ч. дня они на службе, там и обедают. Обычный способ передвижения строевого начальника верхом. Автомобили только в штабах.

Токио. 25 января.

На улице дождь, снег, ветер, слякость. Ездил к Крупенскому. По дороге еще раз убедился, что работа рикши, кроме моральной тяжести (в Японии над этим посмеиваются), тяжела и физически, особенно в такую отвратительную погоду, как сегодня. Матерчатые башмаки давно насквозь промокли, нужна большая закалка (недаром работа эта наследственная) с детства, чтобы не рисковать воспалением легких. И все же многие из рикшей делаются неспособными к работе после 40 лет.

Мой старик оказался из прочных, скоро семенил ногами: до посольства добрались мы довольно быстро. Я предложил ему обождать—это выгодно, но придется дрогнуть у под'езда. У японцев во время холода весь центр заботы переносится на шею, ее закрывает или мех, или теплый шарф. Когда нет пассажира, рикши прикрываются пледом. Ноги у всех и всегда голы.

Крупенский встретил меня очень любезно. Мне хотелось обменяться взглядами на положение вещей в России и несколько успокоить его настороженность, вызываемую исключительной любезностью ко мне японских официальных представителей.

В начавшейся беседе я заметил, что, как гражданин и патриот, не могу лишить себя возможности так или иначе быть на страже интересов моей страны и не следить, откуда и в какой степени грозит ей опасность. И сейчас, сойдя с политической и военной сцены, продолжаю наблюдать: укрепится новая власть—исполать ей, пусть спасает родину, не укрепится, что мне представляется наиболее вероятным[155]), я сохраняю за собой право помогать общему делу так, как нахожу для себя возможным.

Попутно я добавил, что военный министр Танака как будто несколько озабочен некоторым охлаждением бывших до сих пор дружеских отношений между ним и Крупенским.

Посол насторожился и стал оправдываться, что не он причиной охлаждения, что он искал дружеского разрешения вопросов, касающихся России и в частности инцидента между Колчаком и Семеновым, подтвердил это заявление ссылками на ряд писем министрам военному и иностранных дел и старался доказать, что вина всецело на японских представителях, находящихся в Сибири. «Хотя Танака каждый раз при встрече заверял меня, что он очень рад моим письмам и заверениям, но дальше слов не шел. На последнее свое письмо я до сих пор не получил ответа».

В инструкциях военного министра Японии своим представителям в Сибири, с которыми познакомил меня Крупенский, указывалось некоторое осуждение поведению Семенова, как мешающему «его дальнейшей карьере». Но, видимо, японские представители в Сибири несколько превышали свои полномочия в отношении, главным образом, атаманов, и отозвание наиболее хитрого и наименее доброжелательного России, личного врага Колчака—генерала Накашимы может быть и было косвенной победой Крупенского. Накашиму сменял Хагино. Посол был доволен заменой. Я не разочаровывал его в конечном результате. Пусть радуется. Россию представлять теперь не легко[156]).

Крупенский подтвердил точку зрения министерства иностранных дел, что на Уральский фронт японцы свои войска не пошлют. Тогда положение этого фронта представляется действительно тяжелым. Честолюбивый Гайда, ставший «русским» генералом, потянет все, что есть, к Екатеринбургу. Правителю и Ставке не до фронта, они заняты войной с крамолой и социалистами.

Оренбург уже пал, это удар, стоющий потери Уфы. Любопытно теперь положение Дутова, который был тоже довольно важной, хотя и скрытой пружиной Омского переворота.

Крупенский допускает даже возможность развала Омска (а ведь прошло всего два месяца) и образование самостоятельной области от Владивостока до Иркутска при поддержке японцев. Это предположение, по-моему, почти уже осуществлено, достаточно посмотреть на огромные плакаты, развешанные на площадях и других людных местах Токио. На плакатах изображены японские острова и материк Азии, на котором флажками с восходящим солнцем отмечены пункты нахождения японских войск.

Картина грандиозная—на огромном протяжении вглубь огромнейшего материка проник японский национальный флаг!

Толпы горожан, солдат, школьников часами глазеют на эти плакаты, прочитывая изображенные иероглифами чуждые им названия далекого неизвестного края.

Пылкие головы недаром ждут осуществления заманчивой мечты о «Великой Японии на материке».

Посол не вполне разделяет возникших у меня опасений. — В стремление японцев к захвату территории он, как и я, до сих пор, не верит, но им нужно «буферное» государство, хотя бы временно, с их преобладающим влиянием. Им до зарезу нужно сырье, чтобы поддержать начинающую падать промышленность и более всего железо, чтобы, добавлю от себя, выйти из унизительной зависимости от Америки; весьма нужна рыба, как пища и материал для удобрительных туков. В этих условиях, по мнению Крупенского, им легче получить все это путем приобретения выгодных концессий от зависимой от них власти.

Крупенский подтверждает и стремление Японии прочно утвердиться в Северной Манчжурии, включительно до Харбина.

Возвращаясь к его отношениям с Танака, я заметил, что раз реальная

сила на Востоке пока только у японцев, нет расчетов делать ее враждебной[157]).

«Да нет же,—живо отозвался Крупенский,—я на-днях поеду к генералу Танака и отнюдь не хочу портить отношений». Он как будто бы искал для этого толчка. Расстались любезно, но мне показалось, что он слишком колчаковского лагеря, холодок чувствуется, его несомненно смущает моя демократическая репутация и, кроме того, по шутливому выражению Г., он и по внешности чистейший «Зубр».

Разговор с Крупенским давал пищу для размышлений. Я сопоставил его с разговором с ген. Танакой, который также заявил, что войск на Урал они не пошлют. Таким образом, два виднейших представителя официальной Японии, члены кабинета, связанного ответственностью в лице парламента перед японским общественным мнением, категорически отвергали возможность вооруженной помощи. Но кроме военного министра Танаки, был Танака—видный представитель сильнейшей военной партии. Его мнение пока оставалось неизвестным, как неизвестно было и окончательное решение по этому вопросу главнейшей опоры военной партии—генерального штаба. Это, с одной стороны. С другой,—впервые я услышал авторитетное заявление о ценности для Японии, находящегося под ее влиянием, буферного образования, раз'ясняющее до некоторой степени распространение японцев до Забайкалья включительно, чем как бы намечалась и территория предполагаемого буфера.

Вечером прошелся по «Гинзе». Я люблю бродить по этой улице, залитой морем огня, чужой и одинокий среди живой непрерывно двигающейся толпы, под непрерывный характерный стук «гета», и думать о... далекой России.

Обилие естественных двигателей (вода), боязнь пожаров были причиной самого широкого применения электрификации. Электрическую энергию в Японии не экономят, лампочек никогда не выключают, и в установленные часы вся Япония мгновенно «вспыхивает» электрическим светом.

Особенно красивы ночью движущиеся огоньки рикш, их тысячи во всей Японии.

Я подолгу стою перед магазинами посуды и рыбными. Первые—выставка удивительно красивых и изящных чайников, чашек, хибачи*), пепельниц, ваз и пр.; вторые—поражают изумительной чистотой и ловкостью приготовления порций для продажи. Японским хозяйкам остается только жарить. Магазин выпотрошит, вымоет, распластает и пришлет вам на-дом заказ, даже в том случае, если бы вы заказали всего одну порцию, т.-е. на несколько сен.

Япония слишком бедна, чтобы делать заказы больше того, что строго необходимо на один обед.

---

*) Хибачи—фарфоровый или бронзовый, наполненный золой сосуд, в котором тлеют угли; ставится посредине комнаты. Хибачи—единственное средство отопления японского жилища. Семья сидит около него и курит—любимое положение.

Заказы делаются и по телефону, учреждение это работает, впрочем, не всегда исправно: японские телефонистки переняли, видимо, у своих европейских товарок манеру медлить тогда, когда вы особенно торопитесь.

На «Гинзе», как и везде в Японии, множество гостиниц, ресторанов, есть, конечно, и «чайные домики»—это невинное название далеко не соответствует действительности: в чайных домиках, кажется, менее всего пьют чай.

По пути в отель опять видел бегунов в белом, среди них несколько разновидностей: 1) родственники тяжело больных—бегают по храмам, прося их исцеления; 2) юродивые—бегают из храма в храм ради религиозного искуса и 3) разносчики сенсационных листков—бегают с криками «гог-вай, гог-вай» (чрезвычайно), с целью их распродажи.

Токио. 26 января.

На пути из русского собора разговорился с молодой соотечественницей Е. Она уже третий год в Японии, служит в японской конторе и очень жалуется на местную жизнь. Говорят—это общий удел всех, кто уже успел пережить первое обаяние страной Восходящего Солнца.

Отсутствие общественности в европейском смысле, отсутствие живого духовного общения с окружающими начинает сильно тяготить европейца. Особенно тяжело это, повидимому, русской душе и сердцу, не захваченным полностью учетом иен и долларов.

Ведь, если бы не книги, даже мне, еще недавнему гостю Японии, с 8 час. вечера буквально деваться некуда. В 9 час. отельная жизнь замирает, особенно в нашем«Station Hotel'e», где не бывает даже столь обычных теперь танцев и приличной музыки. Наш оркестр за обедом больше настраивает инструменты, нежели играет.

Днем понес наказание за переоценку своего знакомства с Токио. Надо было отдать визит морскому агенту адмиралу Дудорову. В адресе, добытом Гуковским, значилось «Танси-мачи, 62». На плане, который до сего времени служил мне верой и правдой, я быстро нашел Танси-мачи, выбрал подходящий трамвай и быстро добрался до Танси-мачи.

Начал искать узкий переулок против будки городового—это было указано в адресе. Оказалось, против будки целая улица с трамваями. Спрашиваю № 62 (показываю заготовленную бумажку с соответствующим иероглифом). Показывают на узенький переулок. Проверяю: «это Танси-мачи»?—«Да, Танси-мачи». Ликую, но в переулке, кроме грязи и забора, ничего.

Навстречу пробирается молодая японка с детьми. Показываю ей бумажку с адресом.

Сочувствует моим поискам, любезно улыбается и показывает рукой в обратную сторону.

Взаимно раскланиваемся среди грязи, расходимся.

Опять ничего не нахожу.

Возвращаюсь снова к будке городового, тот внимательно посмотрел на адрес, крикнул: «Подождите пожалуйста» и опрометью бросился в противоположный магазин.

Вернувшись оттуда, сначала достал истрепанные частички плана города, но, видимо, сам ничего не разобрал в них, достал другой план-свиток.

На помощь подошел его коллега—нашли и «Танси-мачи» и «№ 62». Я еще раз об'яснил, как мог, что ищу русского адмирала. Они опять показывают на узкий переулок, где я только что раскланивался с японкой.

На выручку пришел молодой интеллигентный японец. Кое-как по-английски об'яснил ему, что мне надо. Не понимая моего английского языка, он, по свойственной японцам лукавой вежливости, извинился, что плохо говорит по-английски. Я, признаться, не обратил внимания на эту оценку моего знания английского языка, так как около часу уже бегал от будки к узкому переулку и обратно, перезнакомился со всеми, находившимися на этом пути торговцами, рикшами и был рад новой помощи.

Мой новый знакомый предложил мне вновь пройти к будке. Там оказалось уже три полисмена, при чем, самый маленький из них и наиболее молчаливый возымел явное намерение всюду следовать за мной.

Теперь, к великому удовольствию ребятишек и нянек с детьми, мы уже впятером рассматривали план, отыскивая проклятый № 62—жилище Russian admiral D.

Пошли опять в узкий переулок с другого конца, но тоже ничего не нашли.

Мой новый знакомый по пути спрашивал торговцев, угольщика, фруктовщика, побеседовал через окно с бакалейщиком, вызвал какую-то девицу в очках из бумажного магазина, все было тщетно.

Не оставалось никакого сомнения, что весь квартал «Танси-мачи» успел уже ознакомиться с моей задачей и тщетно ломал голову, где же скрывается русский адмирал.

Маленький полисмен действительно прикомандировался ко мне, но оставался самой молчаливой фигурой в нашем трио. Из предосторожности, чтобы не попасть в участок, я уже об'явил, что я русский генерал.

Вернулись опять к будке, и тут только осенила меня мысль проверить по телефону адрес. В будке был только полицейский телефон, пошли в соседний магазин. Повторив раз сто — «маши-маши» (пожалуйста, «алло»), молодой японец, наконец, получил ответ и записал «Танси-мачи № 62» и еще что-то. Не прочитав последнего слова, я попросил вызвать к телефону адмирала.

Сначала говорила супруга Дудорова, с которой я еще не был знаком, потом подошел сам адмирал. Я извинился за беспокойство и сообщил, что не могу найти его квартиры.—«Да где вы»?

Отвечаю: «Танси-мачи», в будке городового».—«Так это в двух шагах от нас, я сейчас пришлю за вами боя».

Я поблагодарил, но в это время, помогавший мне молодой японец по-

казал мне на третье слово, которое я не прочел—оно обозначало «Азабу», т.-е. совершенно другую часть города, я же находился в «Усигомэ». Оказалось, что в Токио несколько «Танси-мачи». Посмеялись, особенно, вообразив поиски адмиральского боя. Пришлось взять автомобиль и, конечно, без труда нашли адмирала.

Теперь история с боем. Не найдя меня у будки, он доложил об этом адмиралу. Там забеспокоились, и послали боя разыскивать меня по другим «Танси-мачи». Их оказалось пять и, когда я уже пил чай у адмирала, несчастный бой неутомимо доносил из ближайших полицейских участков о своих неудачных поисках, пока ему не сообщили, наконец, что я нашелся.

В Сибири новая смена командования: Колчак—Верховный Главнокомандующий, Жанен—главнокомандующий всем фронтом, Нокс—командующий тылом и японский генерал Отани—главнокомандующий на Дальнем Востоке.

Таким образом, спасают Россию и ведут русские войска (других на фронте нет) против русских же войск иностранные полководцы. В этом мы действительно в корне разошлись с Колчаком[158]).

Падение Оренбурга подтверждают и газеты. Это грозное предостережение. Большевистскими войсками, по газетам, командует Черемисов.

Токио. 28 января.

Утром оживление перед моими окнами. Пришел бой и спустил наглухо шторы. Об'яснил, что войска строятся для приветствия от'езжающих императора и императрицы.

Площадь действительно быстро заполнялась войсками—пехота и конница, которые строились шпалерами. У самого входа в вокзал большая толпа офицеров, не участвующих в строю.

Гражданской публики мало, она разместилась на другой стороне против войск. Порядок образцовый, хотя полиции немного.

Ровно в 9½ час. показался императорский кортеж. Впереди карета Микадо, предшествуемая взводом драгун с двумя трубачами и императорским штандартом в виде золотой хризантемы. По приближении к вокзалу драгун с штандартом выделился вперед и передал его ожидавшему у входа в вокзал военному, который отнес его в поезд.

За каретой Микадо следовала карета императрицы и затем шесть карет с членами императорской фамилии и придворными, которые должны были сопровождать императорскую чету. Микадо выезжал на месяц в Наояма, на берег Камакурского залива.

Едва кареты освободились от пассажиров, сейчас же началось расхождение войск по разным направлениям и пущено обычное движение через площадь. Войска, а их было довольно много, исчезли как-то незаметно. Только конвой остановился в развернутом строю против вокзала, трубачи выдвинулись вперед, протрубили довольно стройно какой-то сигнал, после чего и конвой рысью пошел от вокзала.

Как войска, так и небольшая толпа присутствовавших граждан безмолствовали при проезде Микадо; по этикету гражданская публика должна

была поникнуть долу. Сосредоточенное молчание знаменует величие происходящего—сына Солнца (Микадо) можно лишь молчаливо созерцать и только снизу вверх.

Все это довольно скучно, без радостных возгласов, хотя может быть и величественно.

Освободившиеся кареты Микадо и императрицы сейчас же накрыли наглухо зелеными шелковыми покрывалами с золотыми хризантемами по бокам—против дверец. Покрывало императрицы более светлого оттенка, нежели у кареты Микадо. Сбруя обеих карет золоченая, в отличие от других серебряных запряжек.

Во всех выходящих на площадь окнах подняли шторы[159]).

Токио. 29 января.

Был в Омори—середина пути между Токио и Иокогамой. Скучный небольшой городок, те же лавки, много рыбаков, море рядом. На живописных холмах, по другую сторону железной дороги, поросших чудесной зеленью, элегантные постройки зажиточных горожан и иностранцев.

Позавтракали в местном ресторане. Завтрак 1.60 иен, на 40 сен дешевле нашего, зато и значительно хуже. Комнату с пансионом можно получить за 130-150 иен, правда, приходится приплачивать еще за газ и, конечно, мерзнуть, как приходится мерзнуть везде, где нет парового отопления, которое, к счастью, имеется в «Station Hotel'e».

Полюбовавшись на двух тощих, безмерно скучных англичанок, решительно отбросил мысль перебраться сюда на отдых.

Обедал у военного министра Танака. Хотя он и написал мне, что обед «Sans cérémonie»(без церемоний), однако, я не пожалел, что одел смокинг. Среди приглашенных были: помощник военного министра, начальник главного штаба, помощник начальника генерального штаба, полковник Исомэ и еще много военных, а также к большому удивлению и мой новый знакомый—полковник «русских штатов» Курбатов (Завойко).

После рюмочки коктейля, поданной в кабинете, хозяин пригласил в столовую—дивную элегантную комнату с изящно сервированным столом. Масса чудесных цветов, особенно хороши в центральной серебряной вазе редкостные орхидеи.

Обед европейский, очень хорошо приготовленный, с отличным вином и бокалом шампанского.

За кофе в кабинете Танака жаловался на парламент: «они там все шумят и требуют сокращения ассигнований». Обед-смотрины закончился взаимными дружескими пожеланиями[160]).

Вечером заходил Курбатов. Как оказалось, у него довольно солидные связи с японцами, с их заграничными представителями, и он ни много—ни мало разрабатывает проект будущего соглашения с Японией, исходя из того соображения, что реальная сила на Дальнем Востоке только у японцев. Все другие страны, по его мнению, будут охвачены большевизмом, вопрос лишь в сроках.

Он сегодня совершенно определенно дал мне понять, что желал бы работать вместе со мной. «Я ничего не ищу для себя, но все силы приложу для блага России».

Как будто искренно считает дело Колчака погибшим; особенно возмущается,—я разделяю его настроение,— назначением на командные должности чужеземцев Жанена, Нокса и Гайды.

Курбатов—горячий сторонник системы штатов, как государственного устройства, с огромной самостоятельностью каждого штата. Просил на завтра пожаловать к нему, обещал познакомить с интересной перепиской и проектом русско-японского соглашения[161]).

Токио. 30 января.

Заходил Махин. Он встревожен падением Оренбурга и другими неблагоприятными сведениями из Сибири. Опять уговаривает меня поехать в Париж, где, по его мнению, мой голос авторитетного военного и бывшего члена правительства имел бы большой вес.

«А я вот начинаю сомневаться в самом результате парижской мирной конференции,—заметил я моему гостю,—в отношении России путного ничего не придумают, кроме разве повторения совета—образовать конференцию с большевиками на «Принцевых островах»[162]). Союзники продолжают преподавать нам советы вместо реальной помощи—думают, что начинают понимать русский народ и то, что он сейчас вытворяет[163]). Пожалуй, лучше будет рассчитывать на самих себя, как бы это сложно и тяжело не было. Кроме того, в Париже бывших премьеров и бывших министров и без меня набралось достаточно. Это мнение укрепляется во мне все больше и больше».

Но Махин все же стоит за поездку, и даже сам думает поехать в Париж.

Приходил г. М.[164]), опять просит о моем свидании с бароном Мегата. Барон уполномочил его предложить мне позавтракать в японском дворянском собрании. Я на этот раз не имел оснований отказаться и, кроме того, мне хотелось несколько познакомиться с экономическим положением Японии.

Решили использовать для этого субботу 1 февраля. М. среди беседы заметил, что японские торгово-промышленные круги в волнении. Время для них благоприятное, скопление капиталов, заработанных на военных поставках, значительное, но все же они недостаточны для необходимого размаха с целью захвата мировой торговли. Вот куда пошли аппетиты.

Все фабрики Японии до сих пор работали исключительно для внутреннего рынка. Для чужих стран товаров почти нет.

Был у Курбатова. Доказательства его крупных заграничных связей на-лицо. Кроме писем важных генералов, у него письмо крупнейшего американского финансиста[165]), обещающего широкую денежную поддержку тому правительству России, или части ее, которое окажется наиболее живучим. Формулировка недурна и не особенно к чему-либо обязывающая автора письма—поди поищи такое правительство, или докажи, что это то, что надо. Верхи японцев[166]) Курбатов пугает верой,—искренней или

нет, это дело его,—в неизбежность появления большевизма в Западной Европе и прежде всего в Америке, приятно волнует созданием заманчивых перспектив относительно господства в тихо-океанских водах, омывающих Азию. Но что прямо бесподобно—это его намек на назревшую необходимость уравнения цветных рас с белыми, вопрос всегда чрезвычайно болезненно затрагивающий самолюбие японцев.

Он познакомил меня с основными положениями, служащими как бы введением к условиям будущего соглашения. Мысли для меня не были новыми[167]). Главное предположение, что только Япония имеет прочную реальную силу и что она одна дольше других противостоит большевизму. Это обстоятельство и надо было использовать, направив ее внимание на некоторые важные для нее близлежащие острова, и предоставив ей известные преимущества у нас в смысле приобретения столь необходимого Японии сырья. Ни о каких территориальных уступках с нашей стороны не могло быть и речи.

Курбатов настоятельно просил моего согласия на участие в разработке этого вопроса. У него свита из трех человек.

На улице совершенная зима, все покрылось снегом на полчетверти, по крайней мере. Снег и босые ноги—это возможно только здесь. Я благословляю культуру и прежде всего паровое отопление моего отеля, вся прелесть жизни по-японски решительно перестает мне нравиться с появлением первых пушинок снега.

Наблюдая за рабочими, разгребающими снег на площади перед отелем, убеждаюсь, как мало изобретательны они даже в такой несложной работе, правда, для них мало привычной.

Нагнали их уйму. Здесь тоже начинают понимать, что такое безработица, кричат, бегают, но сноровки нет. Доска, которую двое тянут за веревки, а один придерживает рычагом, то и дело срывается. Доска уезжает, а снег остается на месте. Думается, что настоящий петроградский дворник смело заменил бы десяток-другой таких рабочих. Так у них и во всем, что не является привычным заученным делом.

Вечером был на концерте в русской колонии при нашей церкви в Токио. Концерт был в помощь артисту-беженцу Селиванову, который и был главным исполнителем. Пел он чудесно (бас), особенно хорошо передал социально-политические мотивы Даргомыжского: «Спесь», «Титулярный советник» и др. Хороши и драматические вещи—«Старый капрал», «Христос» и пр. Читал свои стихи небезызвестный Гурлянд—остроумно, но однообразно. Закончил довольно грубовато, особенно, имея в виду присутствие гостей японцев:

«если-б я был японцем, сморкался-б в бумажки*)
и всем бы показывал голые ляжки».

Пела еще артистка Т., слишком много жеманившаяся для своих лет

*) Носовые платки в Японии редкость, их роль исполняет тонкая рисовая бумага. У мужчин и женщин ноги голые выше колена. При ветре верхняя одежда-кимоно, раскрываясь, причиняет не мало хлопот.

и наружности. Артисту собрали 150 иен. Таким образом, кроме духовного, был успех и материальный.

Токио. 31-го января.

Был Подтягин, просил у них позавтракать в понедельник; будет французский военный агент, который очень хотел бы со мной познакомиться.

Заезжал к Осиповым. Живут уютно, но, конечно, в холоде, утешаются, что летом зато хорошо. Я соглашался, поближе подвигаясь к камину. Осипов беспокоится о своей судьбе:—«ведь надоест же китайцам содержать нас, теперешнее правительство наше (имелся, вероятно, в виду Колчак) ничего не ассигнует ни миссии, ни посольству».—«Живем на остатки», прибавляет Подтягин.

Вечером Р. затащили в кинематограф. Мамаша и дочь просиживают в этом погребе часа по четыре. Надо отдать справедливость, здешняя американская система заманчива, на сеансы заранее записываются, у касс огромные хвосты.

Дают обыкновенно бесконечную драму из мексиканской или иной жизни с боксом, стрельбой, танцами, скачками на мустангах и необыкновенно мрачными злодеями. В один сеанс пьеса не кончается.

В кинематографе много молодых японок. Я невольно подумал, насколько поможет кинематограф быстрому разрешению модного теперь в Японии женского вопроса. Любовные приключения, наряды, общественное положение европейских товарок, которое им заманчиво рисует экран,—верный удар патриархально-рабскому положению японской женщины.

Бархатные глазки японок слишком мягко блестят при некоторых особенно сильных сценах, рисуемых на экране.

В кинематографе две неприятности: неумолчно кричащий переводчик (интергретатор—надписи на Фильмах на английском языке) сильно увлекающийся своей важной миссией, и дьявольский холод.

После двухчасового сиденья я положительно закоченел. Мои же спутницы остались как ни в чем не бывало досматривать заключительные сцены раздирающей драмы, поставленной, правда, очень красиво.

Вечером с своим секретарем был Курбатов. Секретарь передал мне о заметном сдвиге посольства в том направлении оценки Японии, в котором мы с Курбатовым оказались солидарными.

Видимо, Крупенский доволен, что ему облегчили дорожку к Танака. Этим я об'ясняю и его вчерашний визит. Меня, к сожалению, не было дома.

Курбатов очень уговаривал меня поехать в воскресенье в Камакуру с крупным сибирским промышленником С. И. К.[168]), затем пообедать вместе в Иокогаме.

«Человек очень нужный, был членом 1-й Государственной Думы, о вас превратного мнения, я его уже разубедил наполовину, едет он в Омск»—старался уговорить меня Курбатов.

Решили поехать.

Выслушал я черновик документа. Основные положения и пункты проекта «русско-японского» соглашения больших расхождений с моими мыслями не имеют.

Дело только в том, что ни материальной, ни финансовой поддержки, какие нужны для проведения в жизнь соглашения, Япония дать не может.

«А Морган на что?»—возразил Курбатов.

«Да кроме того, как только Америка уяснит, в чем дело, живо примет меры для сохранения рынка — это скорее толкнет ее к реальной помощи, хотя бы и при посредничестве и содействии Японии».

Затем он добавил, что военные верхи[169]) Японии в большом волнении от этих условий. «Конечно, перспективы заманчивы, но силенки у них слабы, да и министерство иностранных дел без определенного решительного курса».

«Может быть вы, ваше превосходительство, нашли бы возможным подписать этот документ»?—осторожно спросил меня Курбатов.

«А кто же его будет приводить в исполнение» — ответил я на его вопрос вопросом,—«ведь вы хотите везти этот документ в Омск, а для меня в сложившихся условиях сотрудничество с Омском неприемлемо, да и они едва ли допустят возможность совместной работы со мной. Ведь недаром же, хотя и очень деликатно, но все же настаивали на моем выезде из Сибири».

Курбатов озабоченно заметил, что, конечно, выполнять эти условия будет то лицо, или то правительство, которое их выполнить сможет.

Иначе ответить было трудно. На этом и кончили. Моей подписи, конечно, не было.

Курбатов много рассказывал о Корнилове и Каледине. Оба они горячие патриоты, принесшие тем не менее скорее вред стране, нежели пользу, были слишком не гибки в политике, а потому и погибли.

Токио. 1-го февраля.

Снег и заморозки держатся упорно, к полудню, когда пригреет солнце, делается грязно.

В час поехал с г. Мури в токийское дворянское собрание — это против Хибиа-парка; большое деревянное здание в два этажа. Ворота в японском стиле, перед домом сад. Обстановка внутри европейская, только температура всюду японская.

Барон Мегато встретил меня в дверях небольшого салона, где весело потрескивал камин.

В разговоре коснулись необходимости политического и экономического сближения обеих стран. Я задал барону два существенных вопроса: 1) насколько Япония способна помочь реально улучшению нашего транспорта и 2) насколько она способна завязать широкие торговые сношения при широком же кредите.

На оба вопроса ответы были не в пользу Японии. Мегато,—видимо, большой американофил,—заявил, что подвижной состав Япония дать не может, что она не в состоянии должным образом обслужить и свою же-

лезно-дорожную сеть, что эта задача по силам только богатой и мощной технически Америке.

Вопрос о предоставлении нам кредитов тоже не по силам бедной Японии, в которой только теперь налаживается синдикат первоклассных японских капиталистов, но что все это еще так молодо и непрочно, что, конечно, ни о каких серьезных обязательствах пока не может быть и речи. Таким образом, снаряжение армии даже в 250-200 тысяч было бы не по силам Японии, во всяком случае, в ближайшее время. Для этого надо коренным образом реорганизовать всю японскую промышленность, обслуживающую до настоящего времени лишь внутренний рынок.

Мури, в свою очередь, заметил: «войдите в любой из наших магазинов, вы не найдете там того, что вам нужно».

«Да, это совершенно верно, а если найду, то, извините, довольно плохой товар»—добавил я с своей стороны, показывая на оборвавшиеся после месячной носки мои замшевые перчатки.

«И в отношении помощи войсками,—как сознались мои собеседники,—надо постоянно оглядываться на союзников и считаться с настроениями в стране».

Японскому правительству весьма приходится учитывать последнее обстоятельство. Оно принуждено отзывать своих резервистов, мобилизованных перед отправлением на наш Дальний Восток.

«Но тем не менее в Японии растет настроение в пользу определенных политических комбинаций»,—как бы смягчал свои выводы Мегато,—«надо только подождать, когда устанут другие союзники».

Я не стал допытываться расшифровки «определенных политических комбинаций», но не преминул заметить, что «все акты Японии по отношению к России только тогда будут должным образом поняты населением, когда оно почувствует, что помощь ваша не преследует никаких скрытых захватных целей, что для упрочения добрых соседских отношений Япония должна немедленно и торжественно ликвидировать все те, выражаясь мягко, шероховатости, которые имеются на Дальнем Востоке и которые создали столь распространенное в сибирском обществе неприязненное к японцам отношение».

Токио. 2-го февраля.

Опять снег, туман. В 10 часов выехали с Курбатовым в Иокогаму. В «Ориентале» встретили чету К. и на автомобиле поехали смотреть камакурского Будду. Оба К.[170]) оказались очень милыми людьми. Курбатов все время шутил, что Степан Иванович боялся со мной встречаться, так как в его представлении, особенно, по речам на Уфимском Государственном Совещании, я представлялся ему социалистом, а он правоверный кадет, хотя и сознающий, что кадеты только и могли существовать, как оппозиция при Романовых.

За дорогу, после довольно оживленной беседы, мешавшей любоваться попутными красивыми видами, мы близко познакомились, и я скоро

убедился, что С. И. на обратном пути уже будет добрым приятелем и забудет о моем, так пугавшем его социализме.

В Камакуру добрались довольно быстро. По пути все деревушки и местечки с теми же бесконечными магазинами и лавчонками, и я все больше и больше недоумеваю,—кто же в Японии не торгует?

Огромный бронзовый камакурский Будда изображен в сидячем положении с фигурно сложенными руками. Лицо чрезвычайно выразительно, полно глубокого созерцания и производит сильное впечатление. Вообще вся эта огромная масса думающей бронзы, окаймленная вечно зеленой листвой, надолго приковывает внимание. И сама статуя, и ее постановка крайне удачны.

Голова Будды покрыта ракушками. Легенда говорит, что ракушки сами покрыли голову Будды, выбритую и подверженную непогоде. Сделаны ракушки очень искусно.

Внутри статуя пустая, образует большое помещение, где устроен алтарь другому маленькому Будде, перед которым—к ужасу посетителей—«теплится» самая обыкновенная жестяная лампа, нарушающая своим видом, вернее, копотью, молитвенно-художественное настроение посетителя.

К окну в затылке статуи изнутри приставлена довольно высокая лестница, оканчивающаяся площадкой, с которой красивый вид на ближайшие лесистые холмы.

Внутри же статуи надпись, приглашающая посетителей не увековечивать своих имен на священной бронзе. Это любителям предоставляется сделать рядом в особой книге, вместе с посильным пожертвованием. Тут же продаются открытки статуи и маленькие ее копии из бронзы, правда, не особенно художественной работы.

Камакура—прекрасный морской курорт с чудным песчаным пляжем и отличным купаньем. Одно время была столицей Японии, теперь небольшой городок, известный кроме статуи Будды, кажется, еще хорошими окороками и некоторыми кустарными безделушками. Летом здесь большой с'езд иностранцев. Для них очень хороший отель, который, впрочем, не пустует и зимой. Благодаря очень удобному сообщению, по воскресеньям здесь всегда много гостей из Токио и Иокогамы.

На обратном пути после доброго завтрака в «Кайхин»-отеле, полагали было побродить по очень живописным окрестностям. Однако, пользуясь нашим вновь разгоревшимся спором, шоффер промчал нас безостановочно мимо местных красот, и мы к великому нашему огорчению быстро оказалось в Иокогаме[171]).

Обедали с К. в «Ориентале», и затем, как водится среди добрых русских соотечественников, встретившихся заграницей, опять, не щадя пищеварения заспорили. Кончили словесные бои уже в салоне отеля за добрым ликером, при чем К., жестоко критиковавший и Уфимское Совещание, и Директорию, с сердцем заявил, что люди, представляющие и то и другое —лишь «пенящаяся пена» русской жизни, но, тем не менее, он так и не мог ответить, кого же, по его мнению, можно было противопоставить лицам, собравшимся в Уфе и впервые выдвинувшим вопрос о собирании Руси под

флагом единого Всероссийского Правительства. Мою сторону весьма определенно поддерживала супруга К., неглупая, милая женщина, и Курбатов.

Бедный Степан Иванович, припертый к стенке, так и остался с «пенящейся пеной».

Мое предположение оправдалось. Несколько отойдя от спора, на прощанье, ввиду их завтрашнего от'езда в Омск, он очень просил меня еще раз с ними пообедать.

Токио. 3-го февраля.

Опять новая порция снега и грязи. Завтракали у нашего военного агента. Присутствовал французский военный агент, желавший, повидимому, несколько ориентироваться в моих взглядах на положение. Я был очень сдержан; по правде говоря, в моем сознании все более и более растет неприязнь к союзникам за их исключительно платоническую помощь и большие претензии на участие в устройстве нашей судьбы. На прощание любезный майор, недурно говорящий по-русски, заявил, что он в моем распоряжении,—я не менее любезно поблагодарил его.

Провожали К., на этот раз споров не было, стесняли представители посольства и «свита» Курбатова. Последний, между прочим, сообщил, что он передал по назначению[172]) свой проект «русско-японского соглашения», и неприятно удивил меня заявлением, что в препроводительном письме он отметил, что «под изложением, если бы это потребовалось, охотно даст свою подпись и генерал Болдырев». Я несколько иначе редактировал мою мысль при разговоре о возможности моей подписи на его проекте, никаких обещаний не давал, на что и обратил внимание Курбатова.

Над К. подшучивали[173]), что он очень поплатится, если в Омске узнают, что он два дня подряд обедал с генералом Болдыревым, но добрейший К. был уже элегически настроен перед от'ездом, и мы, по русскому обычаю, расцеловались на прощанье; как политический противник, он оказался незлопамятным[174]).

Токио. 4 февраля.

Весь день под впечатлением русских газет, вернее одной,—«Голос Приморья», издающейся кадетами во Владивостоке.

Газета эта пытается все представить в добром свете, но даже и она как будто начинает озираться с опаской на «большевизм», растущий справа.

26-тилетний генерал Пепеляев произведен в генерал-лейтенанты. Присяжный баян из «Русской Армии», генерал Андогский, уподобляет его поход на Пермь Суворовскому переходу через Альпы в 1799 году. Одним словом, «сибирский Суворов» при «русском Вашингтоне»[175]). Всегда хочется того, чего нет.

Судя по газетам, вся «твердая» деятельность правительства пока в подавлении крамолы. Командование русскими в руках иностранцев.

Был с прощальным визитом сопровождавший меня недавно в Чиба капитан Савада. Едет после завтра с генералом Такаянаги в Омск. Савада подтвердил намерение чехов уйти за Омск.

На Кавказе крупный успех у Врангеля над большевиками. Гуковскому сегодня передавали, что Омское правительство будто бы передало русское золото, захваченное в Казани, под охрану чехов. Это признак серьезного беспокойства.

Не видно настоящей дороги. Тяжким испытаниям нет конца.

Токио. 5-го февраля.

Был в военном музее, помещающемся в части города «Кудан». Сойдя с трамвая на остановке «Фузими-Чо», предварительно посетил военный храм с ведущей к нему длинной аллеей из каменных обелисков весьма стильного рисунка, несколько напоминающих наши большие церковные подсвечники. Военный храм, как учреждение официальное—шинтоисский*), лишенный каких-либо статуй и украшений, если не считать развешанных внутри полотнищ материи с надписями. К храму ведут огромные бронзовые ворота в виде двух высоких бронзовых колонн с двумя перекладинами короткой и сверху более длинной. Ворота очень красивы своей простотой и величавы по размерам.

Музей находится сбоку от храма, довольно большое двух-этажное здание. Входная плата 5 сен. В музее что-то более сорока комнат, сплошь заставленных оружием и предметами военного быта. Несколько комнат заполнены трофеями японо-китайской и русско-японской (1904-1905 г.) войн.

Стены музея или расписаны изображениями морских и сухопутных боев, или портретами выдающихся генералов и адмиралов. Характерно для музея, что несколько простенков занято фотографиями лиц, имевших наиболее тяжкие раны, как бы иллюстрирующими сумму наиболее тяжких страданий, перенесенных этими героями в различных боях.

Большое внимание посетителей привлекает комната № 11 с огромными фотографиями, портретами, набросками, изображающими генерала Ноги, его супругу и двух сыновей-офицеров. В этой комнате в нескольких витринах сосредоточено все, что имело отношение к боевой жизни генерала: его оружие, форма, ордена, походные вещи, седла. Здесь же кимоно, в котором совершено харакири, со следами разрезов и крови. На одном из простенков этой комнаты трогательные стихи королевы румынской Кармен Сильвы—генералу-герою.

Здесь же весь несложный походный военный гардероб обоих детей Ноги, погибших под командой отца.

Удивительное настроение дает эта комната. Дух какого-то величия чувствуется среди этих скромных предметов, связанных с памятью исключительной семьи. Недаром все время здесь столько посетителей. Среди них: девушки, няни с детьми, студенты и школьники, почтенные провинциалы, случайный рикша, бедный рабочий—все одинаково переживают чувство глубокого уважения к герою соотечественнику.

Очень беглый обзор других сокровищ музея оставил в моей памяти

*) Шинтоизм — официальная религия в Японии. При широкой веротерпимости и религиозном индеферентизме японцев наравне с шинтоизмом, существуют буддизм, конфуцианство и христианство.

впечатление редкого собрания клинков и ножей, мечей, стрел, дротиков, бранных доспехов древних самураев (дворянство). Интересующийся системами оружия и его эволюцией найдет здесь не мало интересного.

Я очень волновался, подходя к большому круглому залу, где, главным образом, сосредоточены трофеи Порт-Артура. В действительности впечатление оказалось слабее, чем я ожидал.

Вид плененных Андреевских флагов больно кольнул сердце, но мне вспомнилась героическая борьба крепости и флота—это смягчало горечь воспоминаний о пережитой катастрофе. Да и можно ли в ныне переживаемых условиях отвлекаться и болеть за прошлое: оно—скорбные этапы на пути к той великой драме, которую мы переживаем теперь.

Больше всего запечатлелись в моей памяти лица героев. Они и сановные принцы, и генералы, и простые солдаты спокойно и уверенно смотрят с безмолвных стен музея и невольно вызывают волнующую память к их жертвам и страданиям во имя великого долга. И они не одиноки—эти герои—их часто посещают и любят.

За обедом в «Империале» английский военный агент Соммервиль во время беседы шутя заявил, что у него только дурные новости.

«Откуда?—поинтересовался я.

«Да отовсюду—одно заявление Вильсона создает такую сложность в обстановке—это верный толчок в сторону большевизма».

Очень огорчило меня подтверждение о падении Уральска. Не помогла и героическая оборона стариков-уральцев. Во взаимной грызне их предоставили самим себе. Это уже третий крупный город, как отплата за потерю Перми.

После обеда поехали на «русский праздник» в пользу беженцев, устраиваемый иностранцами. Толкотня, американские танцы, лотерея и скука, хотя иокогамские старожилы и уверяли, что этот праздник куда интереснее других, устраиваемых иностранцами.

Бедная Россия! Даже музыканты не хотят с ней считаться. Когда кто-то попросил сыграть «русскую», дирижер гордо заявил, что он русских танцев не играет. Эту тупую грубость и малограмотность можно было противопоставить только такту распорядителей «русского» вечера. Гвоздь развлечения—американские«two-steps» (ту-степ) и «fox-trot» (фокс—трот.). Танцующие очень довольны собой и каждый раз по окончании танца сами себе аплодируют.

Токио. 6 февраля.

Бродил по городу. Настроение портится. Начинаю тяготиться отсутствием бодрой работы, которая только и создает спокойное и уравновешенное настроение. Надо решать: ждать ли здесь дальнейшего хода событий в Сибири, или же ехать немедленно на юг на поиски семьи. Мне все еще не ясны конечные цели Японии.

В Омске не только помирившийся, но и значительно преуспевший Иванов-Ринов торжественно открыл сенат. Обещает ликвидировать семеновское неповиновение Колчаку преданием Семенова верховному суду, назна-

ченному, вероятно, на тех же основаниях, как и суд над переворотчиками 18 ноября.

Курбатов делился последними новостями из Владивостока. Картина смутная и скорее тревожная. Американцы, видимо, откажутся от налаживания нашего транспорта; по его мнению, это как бы косвенное признание Колчака и его правительства, которому, как хозяину, предоставляется возможность самому справиться с этой задачей.

Курбатов разрабатывает основы гражданского Управления России. Энергия неистощимая.

Токио. 8-го февраля.

Вчера к полудню опять снежная мятель. Здешний февраль очень неприятен и напоминает петроградский октябрь. Мысли соответствуют погоде. Откровенно говоря, я буквально жду движения воды чьей-то посторонней силой, что, конечно, едва ли продуктивно. Может быть, было бы лучше, если-б я убедился, что в Сибири что-то налаживается, но этого нет, где-то в глубине сознания все ярче и ярче зреет убеждение в неизбежности назревающей катастрофы. В эту бурную эпоху политическая программа Омска, не выходящая за пределы старого «Положения о полевом управлении войск», едва ли найдет широкое сочувствие. Взбудораженные народные массы не остановятся на полдороге. Нужен сильный, внешний эффект, способный поразить воображение, увлечь, но его нет. То «содействие», которое до сих пор оказывают иностранцы, производит как раз обратное впечатление. Оно суммирует мелкое раздражение населения и постепенно толкает его мысль к необходимости национального об'единения, к поискам подлинной России, которая защищала бы его против обид со стороны пришедших чужеземцев. Противоположная сторона это отлично учитывает. Атаманы ей всемерно помогают. В поисках подлинной России пока уходят в тайгу в партизаны.

Омское правительство кое-что делает. Генерал Гайда кого-то побеждает, но поток беженцев с запада неудержимо растет. Союзникам от реальной помощи, видимо, придется отказаться. Чехи ушли за Омск и предпочитают встречать Пасху дома. Таким образом, сибирские войска, бьющиеся с красными, остаются изолированными, утратив за последние дни таких союзников, как Оренбургские и Уральские казаки.

Назначением генералов Жанена и Нокса правительство Колчака естественно рассчитывало показать всем, что подчинение этих иностранных генералов, поступивших как бы к нему на службу, является до некоторой степени этапом к признанию. Естественно, что оба эти генерала без своих войск, ради собственного престижа будут добиваться от своих правительств большого внимания к Омскому правительству. Кое-чего они действительно добились—и английское правительство, и Клемансо прислали Колчаку любезные телеграммы, но и только[176]).

Не большего стоят и их советы. Так, Нокс рекомендовал будто бы нашим иерархам и здешнему Сергию и омскому Сильвестру, открыть но-

вого Христа для народного воодушевления. Чего в этом больше: кощунства или презрения к нашему народу?

Я убеждаюсь все больше и больше, что возрождения и об'единения России прежде всего и больше всего не хотят союзники. Собирать и укреплять раздробленного на части 180 миллионного колосса, бывшего в течение стольких веков пугалом Европы, силами и средствами той же Европы—шальная мысль, которая могла родиться только в сознании оглушенной революцией русской интеллигенции. История не так часто дарит такими сюрпризами. Зализывая собственные раны, полученные за время мировой встряски, куда приятнее поддерживать огонь на костре опасного соседа и следить за его добросовестным самоистреблением.

Закрадывается сомнение и в отношении чистоты помыслов Вильсона. Не выгоднее ли и Америке сеять бурю у соседей, чтобы сохранить за собой возможность платить своему рабочему и впредь по 20 долларов в сутки из колоссальных барышей, нажитых на военных заказах. Вчера один знакомый инженер рассказывал мне, что американский рабочий ездит на работу на собственном «форде» (автомобиль).

Все складывается в пользу укрепления большевизма. Отсутствие об'единяющего лозунга, отсутствие даже внешнего символа об'единения—флага, не сплачивает, а еще больше дробит и ослабляет борющиеся против него силы.

В этих условиях и надежда на самих себя представляется надеждой слабой[177]). На эти темы долго беседовал вчера с В. Г.—крупным служащим из Харбина,—горячим сторонником Хорвата. Он тоже настойчиво советует мне не покидать Японии и ждать здесь дальнейшего хода событий.

Токио. 9 февраля.

Сегодня месяц, как я в Токио. Кое с чем успел познакомиться, но все же глубоко не исчерпал той программы, о которой думал. Мысли и думы мешают уйти от происходящих на родине событий, слишком прочные узы связывают меня с ними. Недаром вчера В. Г. заметил: «Кажетесь то вы спокойным, а ведь чувствуется, как внутри все бурлит».

После обедни пил чай у епископа Сергия, там был и лейтенант А.— мутит меня иностранная форма на русских офицерах. Вскоре пришли Дудоров и его тесть, сенатор Шульгин. Политических разговоров никак не избежать. Епископ рассказывает, что японцы осаждают его вопросами о большевиках, о способах их пропаганды и пр., на что он резонно ответил интересовавшемуся этими вопросами токийскому полицийместеру, что полиции это должно быть лучше известно, чем ему, скромному служителю церкви. В общем тревога перед большевизмом в Японии растет. Вчера это подчеркнул и г. Мури. «У нас,—сказал он,—нет пока ярко выраженных социалистических партий, но течения есть и довольно опасные».

Иокогаму считают передаточным пунктом оживленной пропаганды, идущей из Советской России в Америку, неуловимой даже для прославленной японской контр-разведки и введенного в культ шпионажа.

Токио. 10-го февраля.

[178]) В конторе Гинсбурга видел новые деньги, выпущенные Хорватом и Путиловым, с изображением паровоза, знаменующего связь этого выпуска с Восточно-Китайской железной дорогой.

Встретил бывшего американского консула в Омске, едет обратно в Америку, сообщил, что будто бы Колчаком недовольны уже и монархисты, в том числе и красильниковцы.

По его мнению, восстание 22 декабря было подавлено лишь благодаря чехам, так как сибирские казаки не хотели принять участия в его подавлении[179]).

Вообще добрейший консул с его женеподобным голосом показался мне большим пессимистом. Может быть, это в связи с его личными делами и утратой поста в Омске.

В беседе с Гревсом коснулся известной телеграммы Иванова-Ринова, вызывавшей в последние дни Директории большое раздражение чехов и нелепую выходку Гайды*).

«Михайлов официальным письмом на мое имя отрекся от какого-либо участия в возникновении этой телеграммы»,—заметил я Гревсу. Того просто взорвало. Всегда корректный и выдержанный, он не удержался от возгласа: «Да он просто мелкий м... ведь он же и был душой этой стряпни».

В общем он невысокого мнения о составе Омского Совета министров. Из владивостокских иностранных представителей резко отозвался о французе гр. М., и очень хвалил своего однофамильца американского генерала Гревса, хотя, по его мнению, и похожего больше на пастора, нежели на генерала.

Токио. 11 февраля.

Сегодня у японцев национальный праздник—2500 лет существования Японии и 30 лет существования конституции! Кое-где манифестации, всюду национальные флаги. Единство торжества было нарушено оппозиционными группировками, устроившими демонстрации в пользу всеобщего избирательного права.

У Курбатова всегда запас сенсационных новостей, на этот раз совершенно вздорных, но весьма ходких заграницей; Курбатов уверяет, что, по точным сведениям, бывший император Николай II со всей семьей в плену у большевиков в Московском кремле и что они, чтобы предотвратить расплату, ввиду близкого их разложения, готовы восстановить Николая II на престоле. Или еще больший вздор: что будто бы на секретных заседаниях большевиков участвуют Замысловский, Марков 2-й и др., и что поэтому эти крайне правые лидеры нигде и ни в чем себя не проявляют.

Кто-то собирается даже телеграфировать об этом вздоре Клемансо.—«Это вызовет громадный переполох».

Не знаю, как реагировал бы на это Клемансо и вообще государственные люди Франции, но здесь по поводу этих слухов уже многозначительно шепчутся. Ведь уверяли же меня и не раз в особой близости и симпа-

*) Текст этой телеграммы помещен на стр. 99.

тиях большевиков и крайних монархистов. Чем нелепее вздор, тем упорнее он держится.

Мысль о Дальне-Восточном буферном государстве крепнет. У Семенова будто бы уже три «корпуса» войск[180]).

В «Империале» оживленный бал. Герои бала французские военные летчики; они с увлечением кружат дам разных национальностей. Маленькая японка мечтательно кружится с длинным тощим американцем. Две другие с жадностью созерцают возбуждающий танец; он, как и экран кинематографа, разбивает ковы быта. Не даром наши маленькие японки, прислуживающие в столовой отеля, как только заслышат звук «fox-trot'a», сейчас же принимают такт и топчутся за ширмой, как медвежата.

Судя по «The Japan Advertiser'y»*), Колчак просит у народа два месяца срока для приведения его «к порядку и прогрессу». Об'явлены условия контроля иностранцами наших железных дорог. Устругов назначен председателем комитета, американец Стивенс техническим директором.

Заходил проститься перед от'ездом Махин. Сообщил, между прочим, что какая-то дама, появившаяся здесь и выдающая себя за графиню Муравьеву, грозит покончить «со всей совдепией во главе с генералом Болдыревым»[181]).

Токио. 13 февраля.

На улице грязь и дождь. С Гуковским и переводчиком поехал в японский парламент.

Обе палаты верхняя и нижняя—палата перов и парламент—помещаются в одном здании в части города Сиба, недалеко от Хибиа-парка. Здание довольно большое, деревянное, полуевропейской конструкции, весьма скромное для столь высоких учреждений. Под'езды для членов обеих палат с одной улицы, через двое смежных ворот, охраняемых каждые одним полицейским.

Для публики под'езды с боковых улиц. Рикши подвезли нас к какому-то невзрачному под'езду с узенького переулка. В передней, вернее в сенях, много народу—это желающие попасть на заседание, ожидали отметки входных билетов. Благодаря любезности члена верхней палаты барона Мегаты, наши билеты были быстро отмечены в соседней комнате, и нас попросили подняться на верх по узенькой деревянной лестнице. Здесь был легкий осмотр моих спутников осязанием, меня—оптически. Эта предосторожность очень понравилась, между прочим, Гуковскому—«вот это порядки».

Дневное заседание уже началось. Нас провели в одно из отделений галлереи, идущей вокруг зала заседаний, прямо против кресла председателя.

Скамейка первого ряда была свободная; как я после узнал, это было наиболее почетное место, предоставляемое обыкновенно дипломатическим чиновникам. Чувствуешь себя, как в первом ряду галлереи дорогого провинциального театра. Все места для публики были переполнены. День боевой—обсуждался бюджет на текущий год.

*) Американская газета, издающаяся в Токио.

Зал заседаний—огромная четырех-угольная комната. В одной из стен против нас большая ниша, перед серединой которой на большом возвышении кресло председателя. Справа от него и несколько ниже кресло его товарища. Слева место другого товарища председателя. Секретари помещаются за вторым рядом кресел (вернее парты, как в учебных заведениях) в нише.

В первом ряду на линии председательского кресла, справа и слева от него, места правительства. Впереди и ниже председательского кресла находится трибуна, на которую ведут марши с обеих сторон. Впереди трибуны стол для четырех стенографистов. Последние работают, как часы, каждая пара 10 минут. Время смены отбивается ударами небольших чашечек, подвешенных около стола. Всего работает, видимо, не менее 4 пар, так что у каждой смены получается возможность расшифровать свою краткую стенографическую запись.

Первый ряд депутатских кресел полукругом охватывает трибуну, остальные по расходящимся радиусам, постепенно повышаясь, занимают весь зал. На стене ниши за спиной председателя ряд портретов, видимо, бывших председателей или выдающихся депутатов за 30 летний период существования парламента.

Странно сознавать, что эти желтые люди более, чем вдвое старше нас, как конституционалисты.

Люстры на потолке, ковер на полу—вот и все украшение весьма скромного зала. Кресла депутатов тоже больше напоминали школьные парты. Перед каждым депутатом на его столике поднимающийся черный брусок с надписью белой краской фамилии депутата. Опущенный брусок обозначает отсутствие депутата. На столике приборы для письма, печатные программы заседаний, доклады и пр.

Всюду снуют бои, разносят почту, визитные карточки, записки вызовы.

Вместо портфелей у большинства депутатов обычные у японцев платки, куда и завязываются пакеты, книги и документы.

Деревянные «гета» оставлены в передней, а потому никакого шума при ходьбе по ковру.

Много депутатов уже в европейских костюмах, преимущественно в в длинных старомодных сюртуках. Ни одного пиджака.

В Японии по костюму очень трудно определить социальное положение члена какого-либо собрания, даже публики в театре. Здесь, в парламентском зале, ни блуз, ни косовороток не видно. На крайних левых скамьях так же, как и на крайних правых или в центре, те же «кимоно» или привычный сюртук. Правда, настоящих низов в цензовом японском парламенте нет. Их «кокуминто», т.-е. народная партия все же цензовики, платящие не менее 10 иен в год прямого налога, оттого и нет такой резкой разницы, которая так была заметна хотя бы в бывшей нашей Государственной Думе.

К нашему приходу на трибуне находился докладчик бюджетной комиссии член центра («сейюкай»—политическое товарищество—партия аграриев).

Председательствовал г. Оака—тоже член партии «сейюкай», уже пожилой японец с довольно энергичным лицом.

На министерских креслах сосредоточенный, крайне выдержанный г. Хара—глава правительства, в безукоризненно сшитом сюртуке, с прямым пробором на белых, как лунь, волосах, красиво и резко оттеняющих темные брови и смуглое бритое лицо. Мне рассказывали, что Хара, как оратор, не силен, но, как руководитель, чрезвычайно деятелен и энергичен, считает, что «молчание—золото». Выдержка большая. Во время заседания он чрезвычайно редко менял позу и внешне почти не реагировал на слова ораторов даже тогда, когда нападки на его правительство сделались довольно резкими.

Рядом с Хара сидел полный, лысый с баками министр финансов г. Такахаси, которого, главным образом, и покусывали ораторы.

Далее, рядом с морским министром, одетым в простую черную куртку, без каких-либо внешних отличий, сидел сухой с типичным умным лицом военный министр Танака.

Четыре других министра и их помощники сидели по левую сторону от председателя.

Позади председателя, у центральных дверей, ведущих в нишу, как изваяние, застыл блюститель порядка—главный пристав, старый служака, с большим количеством галунов на мундире и фуражке.

Настроение очень оживилось, ко́гда вошел на трибуну депутат Такитами, бывший министр финансов в кабинете Окума, сосредоточенного вида японец, с черными усами в национальном костюме.

Его принадлежность к враждебной правительству группе «кенсейкай» (конституционалисты—партия торгово-промышленников) сразу подогрела температуру. После каждого взрыва аплодисментов, сопровождавших наиболее удачные места его речи, начиналась резкая словесная потасовка: «уберите этого болтуна»,—«это мнение самое глупое в мире»... «от этого он не станет умнее» и т. д.

Сказывался темперамент, по залу неслись особые, свойственные японцам в минуты гнева и любезности, хрипящие и визгливые звуки.

Председатель безмолвствовал. Только в минуты наибольшего развития перебранки я заметил шевеление его губ и порядок восстановился. Традиционный колокольчик он не находил, видимо, нужным использовать.

Хара чувствовал себя спокойно—правительственное большинство обеспечено.

Танака надевал очки и, улыбаясь, вытягивал голову в сторону особенного резкого выкрика.

Морской министр не шевелился.

Положение правительства таково: за него и партия «сейюкай»—167 голосов и народная партия «кокуминто»—37, итого 204 голоса из 384. Оппо-

зиция—партия «кенсейкай»—119 голосов. Остальные 26 беспартийных, 2 диких и 33 сенсеюкай*).

Что сочувствие народной партии на стороне правительства—это ясно прозвучало в речи представителя этой партии, с чувством отметившего, что г. Хара—первый глава правительства из народа, не дворянин, а ведет дела не хуже.

Правда, перед выходом как этого оратора, так и его предшественника, очень бойко вместо бюджета, говорившего о необходимости всеобщего избирательного права, почти весь центр и особенно правое крыло покинули зал и вообще старались подчеркнуть несерьезность затронутой темы. Но представители народной партии не смущались. Они говорили для публики, а она слушала их внимательно. Под конец они все же подожгли постепенно возвращавшихся в зал депутатов. Бюджет был временно забыт, и что казалось нужным, то было продемонстрировано.

Корреспондентов много. Они скромно занимают первые скамейки на галлерее. Среди публики много молодых японок—это студентки, поборницы женского равноправия и всеобщего избирательного права. Стремления эти широко распространяются среди японского студенчества.

В парламенте есть уже и социалистические течения, но официально депутатов социалистов пока нет.

Токио. 24 февраля.

В 10 час. утра поехали на заседание палаты перов. Здесь более торжественный прием—провели в дипломатическую ложу,—ковер, мягкая мебель. Ложа находилась в том же положении к председателю, как и вчерашнее место в парламенте.

Тот же, как и в нижней палате, зал заседаний, только все как-то посвежее, и столики членов палаты обиты зеленым сукном. Позади председательского места здесь находится ложа императора, где на особом возвышении помещаются белый трон, отделанный красным бархатом с гербом Микадо—золотой хризантемой в 16 лепестков.

И наличных перов, и публики здесь значительно меньше. Передние кресла и два сектора сплошь пустовали, повидимому, отсутствовали сановные, наиболее преклонные, старички. Председательствовал молодой маркиз Токугава.

Тотчас по открытии заседания явился весь кабинет во главе с Хара. Министры при входе делали почтительный поклон в сторону императорского трона. Особенно усердствовал министр финансов, это его, видимо, подбадривало среди беспрерывной трепки в обеих палатах.

*) Отмеченный состав парламента относится к 1919 г. Теперь кое-что изменилось, но руководящая роль попрежнему остается в руках двух буржуазных партий: аграриев (сейюкай) и торговопромышленников (Кенсейкай). Они, главным образом, оспаривают друг у друга власть и влияние в парламенте, об'единяясь иногда лишь в борьбе за либерализм для противодействия влиянию Генро и руководимому военной и морской бюрократией милитаризму.

Здесь было значительно спокойнее, ни одного аплодисмента. Приступили к выборам комиссии для обсуждения отдельных законопроектов, связанных с бюджетом.

Выступивший с критикой правительства член парламента, между прочим, упрекал правительство за то, что весьма важный, по его мнению, вопрос об издании биографии покойного императора передан в недостаточно достойные руки каких-то старых, бывших в отставке царедворцев.

Премьер Хара ответил оратору, что это дело министра двора, а не правительства.

Молодой маркиз спокойно вел заседание. Ни шума, ни борьбы не чувствовалось, и как-то ярче выделялась седая красивая голова демократа (по рождению) Хара среди цвета аристократии Японии[182]).

Курбатов перекладывает руль в сторону Читы, муссирует значение Семенова и в Омск ехать не собирается. Сообщил, что на юге[183]) деникинские отряды терпят неудачи. Пророчит крах Омска, но очень дружит с англичанами, создавшими теперешний Омск. Втайне мнит себя мессией.

Токио. 15 февраля.

Чудесное утро, белоснежный Фуджи очаровательно вырисовывается на синеве неба. Яркое солнце; грязи, слякоти и мрака как и не бывало. К сожалению, дует противный северо-западный ветер.

Вчера вечером засиделся в школе японского отделения «общества молодых христиан». Там публично демонстрировались успехи по изучению иностранных языков.

Публики очень много, больше средние классы. По приезде, протискавшись во второй ряд, застал декламацию по-английски. Чтеца сменили шесть учеников, разыгравших небольшую сцену по-китайски, при чем один из участников даже пел на этом языке со всеми свойственными китайцам особенностями. Затем с огромным пафосом читались немецкие стихи. Декламатор развивал тему о значении изучения военной истории, коснулся величия японских войн, охарактеризовал последнюю великую войну, намекнул на мечты о вечном мире, оговорившись сейчас же, что это только мечта и теория, неистово призывал Японию к живой патриотической работе. Слова «Steh auf Japan» *) произносились с особым ожесточением и силой.

Публика рукоплескала. Галлерея неистовствовала. Чтеца закрыли было занавесом раньше времени, но он вновь появился и лопотал еще добрых четверть часа. Немецкий язык оказался наиболее выразительным для японского шовинизма. «Немца» сменили шесть певцов, тянувших какую-то трескучую канитель на английском языке. К концу сикстет еле плелся, страшно детонируя и, наконец, перешел в визгливый унисон.

Затем появился «монгол», читавший что-то про Чингис-Хана.

Перерыв. Игра военного оркестра. Занавес опять поднялся—на сцене итальянская таверна, разыгрывается сцена из «Нерона» на его родном языке. Не страдал я, вероятно, только потому, что не знаю этого божественного языка. Сцена закончилась схваткой Петрония с переодетым Нероном—

*) «Воспрянь, Япония!»

это была родная сфера: схватка имела успех, к крикам присоединился свист—высшее одобрение.

Но вот на сцене бессмертный Гоголь. Сквозник-Дмухановский об'-является представителям власти о приезде ревизора. Городничий для японца говорил совсем недурно. Лучше же всех, конечно, чувствовал себя Христиан Иванович, которому и по пьесе полагалось ни слова не понимать по-русски.

Не скрою некоторого волнения. В Токио, устами чужого народа, произносятся слова великого русского писателя. Невольно прощалось и дурное произношение и из рук вон плохая игра. Великий русский язык достиг страны Восходящего Солнца и все шире и шире распространяется среди ее народа.

Не даром мой бой торжественно заявил, что купил, наконец, русский учебник и просил помочь ему. «Надо знать русский язык», твердит он мне чуть не ежедневно.

Далее по программе со сцены должны были говорить на языке индустани, по-испански и пр. Я не дождался конца и уехал после «Ревизора». Вечер оставил впечатление. Работа большая и еще больше, конечно, ее практическое значение для страны.

Все эти молодые люди в черных куртках, с начальной буквой изучаемого языка на воротнике, будущие коммерческие агенты Японии—это ее люди и, конечно, интересы своей страны они будут блюсти в полной мере.

Заходил молодой японец Ой, просивший позволения посетить меня через С., сравнительно недурно понимает по-русски. По его мнению, союзники в личных своих интересах поддерживают: американцы—Хорвата, японцы—Семенова, французы и англичане—Колчака, а Россию, таким образом, никто, она остается как бы для большевиков, которые и будут ею властвовать[184]).

В отношении Японии он лишний раз подтвердил мысль о ее неподготовленности к серьезному торговому соперничеству из-за нашего рынка.

Был М.[185]), много рассказывал о жизни в Америке, о ее рабочих союзах. Вспоминали наши высшие технические учебные заведения—теоретичность и энциклопедичность знаний, отсутствие практических ответов на запросы жизни. Это особенно чувствуется теперь среди нашей молодежи, выброшенной революционной волной заграницу. Положение ее тяжкое, особенно в странах Азиатского востока; здесь даже хорошая мускульная сила, при огромной конкуренции со стороны желтого труда, не является гарантией для самого скромного существования.

Токио. 16 февраля.

Смотрел в Хибиа-парке игру японской молодежи в гольф. Увлечение большое, но особого мастерства нет, бегают недурно.

Курбатов завтра едет во Владивосток. Развивал идею русского государственного банка для Сибири и необходимость концессий для американцев. Проектирует две железные дороги к Николаевску на Амуре и к Охотску; в связи с концессионными вопросами последнее, конечно, правильно. Без путей, как бы ни была заманчива концессия, охотников на нее будет мало.

В последних предложениях Курбатова знакомые мотивы сибирских областников—построение России с построения отдельной Сибири, с сибирским земским собором. Новое, по сравнению с областниками, это большая роль в этих комбинациях, отводимая Семенову, конечно, в целях заполучить через него содействие Японии. Непонятной остается его связь с англичанами, поддерживающими Колчака. Много в этом человеке энергии, но еще больше прожектерства[186]).

Япония посылает в Европу и в Россию (очевидно, на юг) миссию в составе двух капитанов, один из которых русский Я.[187]), кажется, перешедший уже на службу к японцам. Я. пользуется большим вниманием, заинтриговал даже посла Крупенского. Во всяком случае, судя по составу, миссия больше по названию—просто едут за личной информацией[188]).

Познакомился с русской скульпторшей Е. М. Черемисиновой, много и хорошо работает, звала в Киото, как единственное место, которое необходимо и стоит изучить в Японии.

Токио. 17 февраля.

Обедал у М.[189]). С улицы слышались крики: «Гог-вай» (экстренно). Служанка-японка принесла листочек с экстренным об'явлением. Супруга М. просила ее прочесть. Я невольно посмотрел на эту Иса-сан (имя служанки) и на лежавшего поблизости японского «чина» (собачка); они казались просто крошечными игрушками и тем не менее эта «игрушечная» Иса-сан не только быстро прочла нам об'явление, но и пыталась об'яснить его сущность—дело касалось Лиги наций[190]).

В Японии грамотность давно стала уже общим достоянием[191]).

Принесли радиограмму из Сан-Франциско от Авксентьева, шлют привет. Судя по газетам, их довольно долго продержали в «карантине» до выяснения причины их изгнания.

Токио. 18 февраля.

Был в Иокогаме. Обедал у Яроцкого. Настроение там глубоко-монархическое. Даже сладкое изображало башню в русском стиле, увенчанную императорским штандартом. Одна из бывших на обеде дам все твердила, что она не простит военным смерти семьи бывшего государя, но, видимо, простила ту близорукую и внешнюю и внутреннюю политику близких ей кругов, которая, главным образом, и погубила монархию.

Все это—и сливочная башня, и вздохи о монархии—услада тела и души для той части русских беженцев, которая имеет еще возможность довольно беззаботно предаваться мечтам о прошлом, среди комфорта и природных красот Японии.

В общем вечер провел не без интереса, старался политики не касаться.

Токио 19 февраля.

У Высоцкого узнал, что Ч. все еще держат под арестом во Владивостоке, собирались послать судить в Омск: нашли у него черновик письма ко мне. У него несомненное расстройство нервной системы от увлечения вильсоновскими идеями.

Ф. Д. смотрит на дело мрачно, улучшения в государственной жизни Сибири он не видит. Твердость правительства выражается, главным образом, в арестах. Во всем разруха. Конца не видно. Как тяжело все это наблюдать и бездействовать.

Ф. Д. скептически относится к «фантазиям» Курбатова и как ему, так и Яроцкому, особенно доверять не советует. Я успокоил его: «Для меня все это только необходимая, порой интересная информация»[192]).

Токио. 20 февраля.

Был полковник Мясоедов, сотоварищ по военной академии. Только что после долгого пути прибыл из Персии в числе 62 русских офицеров.

Всех их англичане, делающиеся полными хозяевами Персии, выкуривают оттуда начисто. По его словам, англичане развивают в Персии огромную работу—строят железные дороги, возводят военные лагеря, распоряжаются, как в своей колонии. Действительно, обстановка на редкость благоприятная[193]).

Токио 21 февраля.

Высоцкий получил телеграмму Ч.[194])—мужа ее отправили уже судить в Омск. При существующих порядках отправить нежелательного человека не только в Омск, но и на тот свет, ровно ничего не стоит[195]). Американцы, которыми так увлекался Ч., отказались ему помочь, якобы ввиду разногласия по этому поводу с другими союзниками. Лицемерие.

Токио 22 февраля.

Был Высоцкий с капитаном французской службы Гуно, знакомым мне по 12 армии, в бытность мою командиром 43 корпуса. Он там много работал с армейскими комитетами, очень хорошо знал тогдашнего командарма Радко-Дмитриева[196]).

Гуно очень хотел меня видеть. В январе он был в Сибири. По его мнению, путного там при настоящих условиях ничего не выйдет[197]). Очень просил снабдить его моими соображениями для доклада вместе с его отчетом в Париже. Я обещал сделать это с его товарищем, который не так торопится с отъездом, как Гуно.

После завтрака в весьма растерзанном виде, с неизменным голубым галстухом на шее, вбежал только что прибывший из Владивостока ген. Потапов. Оказывается, он тоже едва избежал ареста, несмотря на большие знакомства в союзнических кругах. Известие об отправлении Ч. в Омск его окончательно взволновало, ждет повальных арестов во Владивостоке[198]). Утомил меня нескончаемой беседой и положительно отравил комнату табачным дымом.

Приезжал Исомэ, извинялся за опоздание, задержало частное совещание, на котором они решили вопрос о признании правительства Колчака. В Омске крутой перелом в отношении Японии. По словам Исомэ, Колчак, изверившись в других союзниках, начал искать сближения с японцами.

Таким образом, Колчак прозрел[199]) и теперь, видимо, не считает уже это сближение «гибелью родины»*).

Японцы в свою очередь посылают в Омск какое-то особенно доверенное и важное лицо для переговоров. Исомэ заявил, что он лично против признания, но что в генеральном штабе есть достаточно и сторонников такового.

«Какие же причины непризнания Колчака, ведь уже три месяца, как его правительство существует с весьма недвухсмысленного согласия и при поддержке англичан и французов»,—спросил я Исомэ.

Он, подумав, ответил: «Хотя англичане и французы и находят, что Омское правительство укрепляется с каждым днем, тем не менее время для признания еще не пришло».

Не издевательство ли это? Из дальнейшей беседы вытекало, что Япония колеблется, так как не уверена, что Омское правительство опирается на признание народа. Америка вообще категорически отказывается от какого-либо участия в этом вопросе; англичане будто бы считают нас за индейцев, а Колчак это их мнение поддерживает.

Так трактуется Российское государство, если это не досужая фантазия Исомэ, который не любит англичан за их расовое пренебрежение к желтым.

Я его успокоил, что Россия будет тем, чем должна быть, вне зависимости от того, как о ней трактуют иностранцы[200]).

Танцы сглаживают классовые перегородки. В «Гранд отеле» кружатся: бежавшая от большевиков бюрократия и буржуазия, экзотические посланники и местные приказчики и парикмахеры. Все дело в хорошем белье и проборе на голове.

Токио. 23 февраля.

Сегодня уговорили поехать завтракать в Омори, в знаменитый японский ресторан, где гостям предоставляется возможность самим зажарить курицу особым японским способом с приправой из лука и попробовать прекрасную рыбу «тай».

На балконе, нависшем над заливом, было чудесно, если бы не мешал кутивший по соседству японец, вернее, сидящий безмолвный истукан, перед которым неистово выли две гейши. Пока играли на самизене**), было еще терпимо, но когда начался бой барабана, я определенно начал ненавидеть японскую музыку и искусство гейш. Особенно вскипятилась наша спутница М., она резко осуждала японскую семью. «Горячо сочувствуя японский женщине-жене, я нахожу, что она, безусловно, права, мстя своему мужу холодностью, т.-е., отдавая только тело без души и сердца. Ее опора—дети».

В этом несомненно доля преувеличения. При всех недостатках все же японская семья—«первичная цитадель Японии» и, несмотря на огромное различие положений в семье мужчины и женщины, все же прочность этого маленького коллектива удивительная».

Что разница в правах жены и мужа весьма существенна, достаточно

*) См стр 91.

**) Инструмент вроде нашей балалайки.

указать хотя бы на условия расторжения брака. Развод, для которого, согласно «семи поводов к разводу», достаточно простого проявления ревности со стороны жены, всей тяжестью обрушивается на женщин, хотя бы вина была всецело на стороне мужчины. Самый брак в Японии является скорее семейным делом, нежели личным желанием жениха и невесты. Профессор Чемберлен*) уверяет, что за 28 лет его пребывания в Японии, он слышал только про один брак, совершенный по любви, но и то будто бы потому, что оба брачущиеся воспитывались в Америке и уже научились некоторой свободе выбора. Мужчина, впрочем, не особенно огорчается этим обстоятельством. Он настолько свободен в выборе сторонних развлечений, что всегда может поправить недочеты неудачного подбора жены.

Мне много раз приходилось слышать в Японии о разных причинах, делающих неприятной ту или иную длительную командировку, перевод в отдаленный пункт, но никогда среди этих причин не выдвигалось семейное положение, как это почти всегда и в первую очередь было у нас. Семья японца всегда будет жить там, где это удобнее для мужа, для выполнения поставленной ему задачи.

Вся скучная повседневная работа ложится на женщину. Даже теперь, когда ширится кадр поборниц женского равноправия, когда и японская женщина стремится вырваться из душного круга «Kirche,» Küche, Kinder (церковь, кухня, дети) на простор широкой общественной и политической жизни, все же японский мужчина почти владыка положения.

Ведь и теперь еще сплошь и рядом вы увидите гордо шагающего с скрещенными на груди, вернее, засунутыми в рукава кимоно руками, супруга, за которым семенит маленькое существо—его жена с младенцем за спиной и свертком в руке, а другую свободную руку держит научившийся ходить подросток. Величественный «папаша» редко даже поможет жене войти в трамвай. «Я мужчина», ответит он, если вам придет в голову упрекнуть его в этой, с вашей точки зрения, невежливости. Японец делается иным, если его жена в европейском костюме, особенно, если она европеянка или американка—тогда он пытается быть джентльменом.

Опора женщины действительно дети. Кроме того, она отводит душу с прислугой. И «барыня» и служанка одинаково обижены судьбой. За трубкой у «хибачи» (жаровня)—это просто две японки, об'единенные потребностью излить друг другу душу.

При мужчинах и посторонних они должны быть веселы и любезны. Они всегда мило улыбаются—их этому учат с детства. Ведь мать не смеет заплакать даже над трупом ребенка или убитого в сражении сына—это было бы признаком малодушия. Но она, конечно, плачет, когда ее не видят и не слышат.

В Омори много домов, отгороженных с улицы забором. Там можно принимать теплые ванны на горячем, покрытом циновками песке (подогревается снизу). Спутники сообщили, что это хорошо при ревматизме.

*) „Things Japanese"—„Вся Япония" проф. Чемберлен. Изд. Н. Ф. Мертца С. Петербург.

За телеграмму моей семье в несколько слов заплатил по курсу 750 рублей (127 иен 40 сен). Послать удалось с огромным трудом при дипломатическом содействии иностранцев. Как усложнилась жизнь!

Чувствую физическую и нравственную усталость. Посетители не дают ни минуты покоя. Все более и более начинает тяготить почти двухмесячный сплошной пикник.

Токио. 24 февраля.

«Advertiser» определяет общее положение России хорошим, уделяет много внимания последней победе Деникина. Гайду енисейские казаки выбрали почетным казаком[201]).

Бродил по «Гинзе», наблюдал живую жизнь—это лучшее для меня удовольствие.

Близится праздник кукол в честь девочек—их общие именины. Магазины уже пестрят прелестными куклами и другими игрушками. То-то радость детворе!

Токио. 26-го февраля.

Жизнь обходится чрезвычайно дорого. Одни «чаевые» чего стоят. Приходится оплачивать услуги, которыми даже и не пользуешься. В коридоре целая армия боев, несколько смен лифтовых барышень (у под'емной машины), посыльные и проч.—все, оказывается, когда-то и что-то делали.

Судя по письму Гуковского, в Омске настроение мажорное[202]). Газеты переполнены описанием торжества открытия Сената[203]) и руганью по адресу Директории.

Никко. 3-го марта.

На улицах траурные флаги по поводу кончины Корейского императора. Траур выражается в обмотке черной материей шариков на древках обыкновенных знамен и двумя черными лентами.

Сегодня праздник кукол—именины всех японских девочек. Решил использовать эту неделю на поездку в Никко, туда обыкновенно уезжают летом—спасаться от жары, но откладывать не хотелось.

Перед от'ездом заезжал Ю. В. Ключников, бывший управляющий иностранными делами при Директории, один из идеологов переворота в пользу диктатуры. Сейчас тоже «добровольный» изгнанник, едущий во Францию с «научной целью». Поговорить не успели, меня ждал автомобиль, надо было спешить к поезду.

Шоффер, подавший обыкновенное расхлябанное «Такси», заломил 3 иены за 15 минут езды. Как много здесь лишних денег!

В вагоне 1-го класса оказались я и два японца, повидимому, купцы, одетые в чудесные шелковые кимоно. Оба, судя по веселому разговору, довольны своими делами. В вагоне страшная духота до 24° Цельсия. Утешался, что по Реомюру будет меньше. Тем не менее, сильно разболелась голова.

По сторонам ничего любопытного, чудесно разделанные поля, перелески, все, как и везде в Японии.

В Никко прибыли в совершенной темноте. В окно всунулись два фонаря: один с надписью отель «Никко», другой—отель «Капауа». Выбрал «Никко», к великому удовольствию владельца фонаря.

Через четверть часа был в отеле. Первое ощущение погреба; предоставленный мне номер—настоящий ледник, к счастью, оказалась железная печь. После уютного токийского помещения все показалось очень плохим. Несколько минут провел в размышлении, что схватишь в этом холодильнике воспаление легких, инфлуэнцу или насморк? Перекусив, нашел комнату более сносной, весело горело электричество, печка тоже делала свое дело.

Плата: комната и полный пансион 6½ иен. Оказалось, что я единственный жилец в отеле. Для любителя уединения это не плохо. Среди почти мертвой тишины подумал, что и шум имеет свою прелесть. Заказал разбудить себя в 7 час. утра[204]).

Токио. 4-го марта.

Спал скверно. В комнате отчаянный холод, долго боролся, в какую сторону выпрыгнуть из под одеяла. Но в печке разгорелись угли, через окно глядел дивный солнечный день и все разом исправилось.

В 8 часов мой гид (проводник) ждал уже меня внизу. Он довольно скверно говорит по-английски, я не лучше, с трудом друг друга понимаем; это имеет и хорошую сторону—не очень мешает размышлять и наблюдать, а наблюдать есть что.

При солнечном освещении окрестности Никко действительно очень красивы. Снежная вершина «Нантай-сан» (здесь все «сан»—господин, даже гора) господствует над окружающим, все ближайшие склоны покрыты чудесными вековыми криптомериями, внизу бурлит и пенится быстрая горная речка Дайягава, в которую каскадами падают воды с окружающих холмов. Осмотр храмов и мавзолеев Иеясу, основателя династии Токугава, одного из могущественнейших шиогунов Японии и его внука Иемицу, с чего начался сегодняшний день, доставил редкое удовольствие.

Храмы, действительно, изумительны. Красота линий, художественная простота и редкое изящество деталей поразительны. Китайское зодчество, перенесенное с буддизмом, нашло здесь на редкость благодарную обстановку.

Лакированные в натуральные, преимущественно в красные цвета постройки чудесно гармонируют с могучими вековыми криптомериями, покрывающими холмы, по которым расположены храмы.

Чудесен барельеф над главным входом в храм—изображающий прием посетителей китайским императором.

Особенно хороши фрески: невиданные, но чрезвычайно живописные птицы, рыбы, растения, цветы. Великолепные «кины» (стражи в виде чудовищ) у ворот храмов, доги (собаки) и исключительный шедевр—«спящий кот» и «макаки» (обезьяны). Кот действительно спит. Макаки полны жизни и движения.

К могилам знаменитых шиогунов, находящихся на высоких холмах, ведут большие каменные лестницы—до 20 ступеней. По сторонам чудесные 200-300-летние криптомерии. Перед могилами бронзовые храмы и такие же ворота.

Везде в храмах приходится ходить без обуви и верхнего платья. Всюду дежурят бонзы; я прошел мимо одной их группы, думая, что они склонились над священными письменами; нет, они просто зачитывались свежими газетами. Их волновало поднятие цен на рис...

Осмотр храма Иеясу стоит 90 сен—выдается особый билет. Я был один европеец среди целой серии довольно больших народных групп, осматривавших храмы. Это туристы-крестьяне. Они любят групповые паломничества в наиболее примечательные места страны. Их влекут и религиозные побуждения и любовь к природе и художественным красотам. Тут и древние старики и малолетние дети. Они хорошо организованы, имеют опытных и знающих вожаков. Это подвижная коммуна, с своим стягом, с отличительным значком на рукаве или на шляпе, чаще всего в виде веточки сливы, вишни и т. д.

От храмов пошли к «священному» мосту, который переброшен через реку «Дайягава», и ведет из города к храмам. К сожалению, мост был в ремонте, закрыт циновками. Жаль, ибо, судя по фотографиям, он очень красив и стилен. Рядом теперь другой, современный мост для обыкновенных смертных, по которому проложена колея электрического трамвая.

Главная улица, а она почти единственная в Никко, сплошь из магазинов с образцами лакового, бронзового и шелкового производства. Много вещей из слоновой кости дерева. Изголодавшиеся за зиму торговцы хватали меня почти на улице, вежливо просили посмотреть их «Stores».

Есть действительно прелестные вещи, но это или предметы роскоши или безделушки, рассчитанные исключительно на приезжих иностранцев.

Отлично сознавая, что теперь для русского гражданина, не знающего где преклонить голову, не время для приобретения предметов искусства, я, тем не менее, не удержался от соблазна и 50 иен, как не бывало. Это, видимо, быстро сделалось известным и мне уже нельзя было итти по улице.

После завтрака ходили с гидом пешком к знаменитому (с тех пор, как по Японии стали бродить скучающие иностранцы, многое стало знаменитым) водопаду Кирифури, в 3 верстах от города. Теперь туда разделана дорога, пока еще довольно грязная.

Мой гид, изрядно хвативший сакэ, сделался очень разговорчив. Узнав, что я генерал, сообщил, что он бывший военный—барабанщик артиллерийского дивизиона. Болтал он много, пока мое внимание не привлекла красота ущелья, по которому мы шли. Гид от скуки сбрасывал камни. Они с гулом скатывались на дно, нарушая столь свойственную японской природе какую то особенную дремлющую тишину.

По пути показалась постройка. Почтенная японка усиленно предлагала чаю. Гид потянул носом, в надежде подкрепить себя чашечкой сакэ. Но

я прошел мимо. Мы спустились к быстрому потоку, с ревом несущемуся по ущелью, вскоре показался и сам Кирифури.

Вода падает отвесно с высоты, примерно, 5 сажен. Рядом из под скалы пробиваются маленькие потоки, голые, местами мокрые скалы, над которыми висят сосны и другие деревья, водяной каскад, голубое небо,—все это создает несколько дикую, но прелестную картину.

На обратном пути вняли зову японки. Пили у ней зеленый чай с японским сахаром и какими-то довольно вкусными печеньями. Старуха вместе с открытками принесла и образчики горных пород.

Гид острил, что это специально для американцев,—только они покупают всякую дрянь.

На обратном пути стало почти грустно от неразделенного наплыва ощущений—приступ особой, чисто русской, романтики.

Мой артиллерийский барабанщик не разделял моей меланхолии и все время, довольно фальшиво, насвистывал какой-то мотив из репертуара его дивизионного оркестра[205]).

Вечером прошел по берегу Дайягава и по главной улице. Картина чудесная. Вернулся домой—свежая газета: большевики, Деникин, Юденич, арест земских деятелей во Владивостоке—словом, Россия, заслоняющая прелести Никко.

Никко. 5-го марта.

Сегодня мой гид решил, видимо, устроить себе и своим приятелям рикшам удовольствие и потащил меня на озеро Чузенджи. Предполагалось, что по пути проедем электрическим трамваем, а затем на рикше. Я упустил из виду, что вся прелесть в прогулке, и машинально согласился на рикш. К несчастью, мои милые японки (за отсутствием приезжих, меня обслуживал почти весь персонал гостиницы) решили меня сегодня купать и чуть не сварили в кипятке.

Это называется принять ванну по-японски. Температура воды, думаю, не ниже 40 градусов, а в коридорах и ванной комнате не более 8-9.

Пришлось действовать чрезвычайно осторожно. Сначала пробовал ногами, и, когда они несколько притерпелись, решил залезть полностью; первое движение к холодному крану, но вода, увы, не шла. Пришлось покориться и решительно опуститься на дно ванны. Надо отдать справедливость, когда несколько притерпелась кожа, стало необыкновенно приятно и прогрелся, что называется, насквозь.

За время этой церемонии пропустил ближайший 8-мичасовой трамвай, следующий рейс, согласно расписания, в 9.58, т.-е. пришлось бы потерять более полутора часа.

Решили использовать рикшу. Ему, оказалось, необходимо было взять двух помощников. Действительно, дорога большею частью сырая, а они добросовестно предполагали тащить меня на высоту 4.400 футов.

С большой неохотой забрался на рикшу, и неоднократно порывался слезть, но рикши обидчивы они предпочитают деньги состраданию и достаточно щепетильны, чтобы получать их даром.

Утро было чудесное, и так приятно итти пешком. Полная беспомощность здоровенного мужчины, которого волокли три довольно тощих японца и сопровождал для верности жуликоватый гид, по дороге, где нарочно нельзя было сбиться, злила меня ужасно. Встреченная публика, хотя и привыкшая к нелепым, с ее точки зрения, причудам европеицев, особенно рабочие, мужчины и женщины, собиравшие гравий в русле Дайягавы, посматривали на нашу компанию не без некоторой добродушной иронии.

Добрались до конечной станции трамвая. Здесь рикши должны были передохнуть и выпить чаю. Весь пройденный путь с еле заметным повышением постепенно превращался в недурное шоссе с каменной облицовкой от частых здесь сползаний почвы.

Материал под рукой—все русло Дайягавы сплошь завалено валунами, крупным и мелким гравием и песком, нежным, как мука. Сбором и просеиванием занято много рабочих. Просеивают небольшими решетами, а таскают маленькими корзинами на спине, порции небольшие, особенно у женщин. Работа тяжелая, потому и работают с прохладцей.

Все женщины, среди них много молодых девушек, в синих мужских штанах, узко обхватывающих ноги. Климат заставил завести это дополнение к женскому костюму, да и работать удобнее, не говоря уже о защите от пыли.

У станции склад особой глины, которая по воздушной электрической дороге подвозится из ломок, находящихся высоко в горах. Подвесные железные лотки весело сбегают вниз и карабкаются в гору на обратном пути. Зрелище занимательное. Победа человеческого разума стоит красот природы и, я, признаться, этими лоточками и их спорой механической работой заинтересовался больше, чем видами гор, которые бог весть откуда приехал смотреть. Рабочий-приемщик легко опрокидывал подбегавший лоточек, из которого с шумом вылетали куски бурой глины в особые деревянные спуски, откуда их сбрасывали в особые тележки и везли к складу. В токийские и другие магазины эта глина попадает уже в виде изящной японской посуды и разных красивых безделушек.

Свободная тележка сбегает дальше вниз, там переводится на обратный провод и, весело потрескивая голубой искрой, бежит к шахте за новым грузом.

Прошли дальше, я наотрез отказался от рикши, в тележке катился только мой завтрак, любезно врученный мне в гостинице.

Взбирались до озера почти 1¾ часа. Дорога, разработанная в виде зигзагов, опоясывающих скаты гор, усиленно ремонтируется, и, вероятно, к летнему сезону будет готова. Японцы в лице администрации Никко, понимают выгоды наплыва иностранцев и делают все возможное для соблазна туристов.

Природа хороша, несколько красивых скал и ущелий. Два небольших водопада Фанио и Фуди, для любующихся ими особая площадка при дороге.

Конечно, таких горных видов у нас сколько угодно, но японцы поняли, что без наличия известного комфорта и удобств путей сообщения заманишь немногих любителей природы.

С под'емом делалось свежей. Участки склонов, которых не достигало солнце, еще под снегом. В общем путь довольно грязный и тяжелый, правда, как раз время распутицы. Добрались, наконец, до перевала, от которого уже пологий спуск к озеру. Здесь все под снегом. Дорога в виде снежной траншеи. Подул холодный ветерок. Свернул к знаменитому водопаду Кегон (250 футов высоты) и—о, разочарование!—вместо водопада огромная толстая ледяная сосулька, из под которой жиденькой струей пробивается вода.

Вот что значит не сезон. И для красот природы, оказывается, нужна обстановка, тепло, освещение и проч.

Холод, видимо, здесь основательный, если такой огромный столб вертикально падающей воды замерз. Озеро, о котором я читал и слышал столько пленительных рассказов, встретило нас тоже весьма неприветливо. Холодный ветер нагонял барашки на его серо-голубую поверхность. Кругом снежные горы, мертвая растительность, пустые дачи. Любоваться было нечем.

Гид, равнодушный ко всему, кроме сакэ, не задерживаясь, поплелся к японской гостинице, и хотя мы имели все с собой для доброго завтрака, шепнул что-то служанке. Та мигом притащила бутылку пива для меня (гид был совестлив—помнил и обо мне) и сакэ для гида. Заказали местную рыбу—превосходная лососсина, затем явилось, то, что составляет обычный японский завтрак.

Все это гид проделал, видимо, уже в интересах гостиницы. Сам он был занят исключительно сакэ, закусывал бисквитом. Быстро появившаяся вторая посудина с сакэ также быстро высохла, как и первая. Мочили, видимо, горло и рикши, расположившиеся в соседней комнате.

Участие в этом удовольствии я принял только уплатой 4 иен, но за то гид сиял и болтал без умолку.

Подумав, что из-за этого удовольствия не стоило тащиться 11 километров и истратить 10 иен, решил двинуться во-свояси.

Гид на первом же повороте исчез где-то под обрывом, крикнув по-русски: «до свиданья». Конечно, ему не было нужды плестись за рикшами, и он свернул на кратчайшую пешеходную дорогу.

В снежной траншее столкнулись с группой японцев-паломников. Они вежливо дали дорогу. Шедшая с краю японка решительно шагнула голой ногой в снег, чтобы пропустить моих повеселевших рикшей.

В отеле я узнал о приезде нового гостя. Стиль пропал—я не один. Приезжий некто Голунин из Омска. После ужина он просил разрешения зайти ко мне. Он оказался довольно милым молодым человеком, средней интеллигентской складки. Путешествует в перерыве между своими делами по ведомству продовольствия.

Никко. 6-го марта.

Утром гид опять ждал в вестибюле гостиницы, но, получив «it is not necessary» (не надо), ушел. Решил бродить в одиночестве без определенного

маршрута. У храмов встретил двух очаровательных школьниц, высоких и тоненьких, с красивым овалом темных глаз. Они вежливо указали мне новую дорогу к водопаду Кирифури.

К храмам шла партия паломников. Молодые японка и японец вели под руки, согнувшуюся под прямым углом, старушку («аба-сан»). Подумать только, на закате дней—по виду, она заканчивала добрый восьмой десяток—старушка эта плетется с близкими людьми, может быть, в последний раз, посмотреть на национальные памятники, помолиться в чудесных храмах вместе с своими правнуками. Она много раз рассказывала им о них и не мало поколесила родной земли за долгую жизнь.

Наш народ упрекают в отсутствии патриотизма, в безразличии к родной стране. Да откуда взять их? Ведь добрых 90 сотых российских граждан не знают и не видели своей страны, начиная и кончая свой век в захолустной и неграмотной деревне. А вот этой «аба-сан», с присущей японцам образностью, расскажут и про Иеясу и про жизнь его времени. Здесь она встретится со своими сверстницами из других провинций, увидит других людей, услышит новости, пополнит долгий житейский опыт.

До Кирифури не дошел. Соблазнился ближайшей горой. С великим трудом взобрался на нее, зато какие виды! Погрелся на солнышке, с наслаждением растянувшись на сухих прошлогодних листьях.

Рядом еще выше гора. Полез туда. С этого пика виды еще очаровательнее. Весь Никко, как на ладони. Пик этот, видимо, тригонометрический пункт — на самой высшей точке укреплен гранитный параллелепипед с отметкой-крестом.

Спускаясь, попал в чудесный молодняк криптомерий, затем по водопроводной трубе пришел к электрической станции, а оттуда через легкий мост, через Дайягаву, к вокзалу Никко. Прошелся чуточку по знаменитой аллее старых могучих криптомерий, но в лесу они были лучше и листья там пахли сильнее.

Совершенно усталый, но очень довольный, вернулся в отель. За 5 сен трамвай дотащил меня до самой гостиницы. Закончил день осмотром буддийского кладбища и аллеи вдоль набережной Дайягавы, уставленной каменными бюстами с лицами самых различных типов. Я не выяснил, кого изображали эти почтенные каменные джентльмены. Все они очень постарели. Часть из них обросла темно-зеленым мхом и лишаями. Некоторым на макушки голов заботливо положены камешки. Голова же одного, кажущаяся наиболее лысой, кем-то обмазана глиной.

Наводнение 1902 года, которым был снесен «священный мост», сильно уменьшило ряды и этих безмолвных изваяний, но и теперь еще их белеющая шеренга производит впечатление, особенно, при наблюдении с противоположного скалистого берега реки.

Возвращался домой мимо американской церкви, над воротами, ведущими в чистый мощенный двор, висела надпись «Welcome» («добро пожаловать»). Мне вспомнились слова моего гида, отчаянного атеиста, когда мы в первый день моего приезда проходили мимо этой церкви: «им надо уста-

новить премию для приходящих». Действительно, и в церкви и во дворе чрезвычайно одиноко и пустынно. А кругом, наоборот, полное оживление, слышался особый барабанный бой—это японская детвора вызывала и приветствовала какого-то из мартовских духов, имеющего связь с рисовым благополучием.

Несомненно, прав проф. Чемберлен, дело насаждения христианства среди японцев—довольно безнадежное. Они быстро узнали, по горькому опыту, что за крестом обыкновенно следуют пушки и что конечная цель насаждения христианства—работа для современного божества, имя которому «business» (дела).

Широкая веротерпимость японцев позволяет им религиозные вопросы решать по собственному вкусу. К усилиям работающих среди них христианских исповеданий, они начинают относиться тоже скорее с точки зрения «бизнесса», нежели по потребностям духа. Наибольшим успехом пользуются наиболее богатые духовные миссии, способные предоставить своим духовным чадам из японцев бесплатные школы, госпиталя и проч.

В течение дней, проведенных в Никко, я неоднократно наблюдал явление, отмеченное Чемберленом и называюшееся «Симо-басира»—ледяные столбики, в виде шестигранных призм, расщепляющихся на тонкие ледяные волоски на подобие горного льна. Столбики эти образуются под верхним слоем оттаиваюшей земли, которую они разрыхляют и поднимают кверху. Можно подумать, что там копошатся жуки. Явление это я особенно рельефно наблюдал на рыхлой дороге к водопаду Кирифури. Подтаивая и ломаясь, столбики эти издают чрезвычайно нежный, слегка звенящий звук. Они как будто живое существо не только шевелящееся, но и издающее звуки среди окружающего безмолвия.

До чего воздушны японские постройки: их сотрясают даже призраки—среди ночной тишины чувствуется сотрясение от двигающихся где-то легких ног. Весь отель в несколько десятков комнат не более, как карточный домик.

Токио. 7-го марта.

Сегодня покидаю Никко. За отсутствием аппетита первый утренний завтрак, от которого я давно отказался в Токио, состоял из одного вареного риса и чашки кофе.

Японка, ведавшая моим кормлением, увидя нетронутый хлеб, заметила, уходя: «как англичанин», видимо, надо было принять за похвалу. Она не совсем права: англичанин не тронул бы хлеба, заменив его доброй порцией бифштекса.

И здесь чаевые составили 33 процента всего, что стоил мне отель. Развращают прислугу богатые американцы и русские евреи. Японцы дают чаевые хозяину перед в'ездом в гостиницу и не имеют никакого дела с прислугой. В этом тоже большой недостаток: хозяин получает как бы надбавку к плате, а прислуга чаще всего остается ни с чем.

Всю дорогу любовался только что покинутой горной грядой Никко. С изменением расстояния постоянно менялись и контуры гор и особенно их

освещение. Чудесная панорама. Шиогун Иеясу, видимо, понимал красоту природы и оценил господствующее положение никкской группы гор, выбрав их для своей столицы. Горы видны почти от Токио.

7-го марта у японцев праздник, кажется, в какой-то связи с рисом. Всю ночь накануне неугомонные музыканты выколачивали на барабанах однообразный мотив: не знаю, как боги, в честь которых усердствовали барабанщики, но я охотно посылал и барабанщиков и музыку в преисподнюю. Меня и без того мучила бессонница.

Станции полны народом. И мужчины и женщины в лучших праздничных костюмах. Все веселы, вагоны переполнены, едут друг к другу на ближайшие станции. На всех шелк и одинаковый покрой одежды. Не отличишь, кто богат, кто беден, кто знатен, кто скромный труженик. Дарами земли и ясностью неба все пользуются с одинаковым удовольствием, все кажутся довольными.

Зато, как ужасно чувствуется одиночество среди этой веселой чуждой толпы. В первом классе я был один, вагоны же 3 класса, наоборот, были переполнены, и мне очень хотелось пригласить трех улыбающихся девушек, которые за неимением места толпились на площадке вагона, с любопытством оглядывая и одинокого иностранца и его пустой унылый первый класс.

Токио. 11-го марта.

Заезжал Я. Уверяет, что мои шансы (не знаю—на что[206]) хороши даже у правых. Советует не уезжать на юг, держаться здесь японцев.

Вечером был у Мейерович, хорошо кормят, но мешает постоянная политическая приправа. Без этого, видимо, уже нельзя среди русских. А как надоела политика, и социалисты, и патриоты, и всех видов плакальщики, все время хоронящие нежелающую умирать Россию.

Токио. 12-го марта.

Завтракал в «Империале» с Ключниковым и его спутницей-пианисткой. Ее брат, оказывается, служил у меня в конвое и тепло меня вспоминал.

Рассказывал в Иокогаме у Высоцких о поездке в Никко. Они там тоже были. Из беседы я убедился, как мало видят и переживают богатые путешественники, переезжающие лишь из одной гостиницы в другую.

Были на американском фарсе. Ни голосов, ни игры, ни музыки—одна вульгарность.

Зал полон; смокинги, открытые платья у дам и как будто все довольны; я, по крайней мере, был доволен за артистов—сбор хорош.

Токио. 13-го марта.

Писал деловые письма в Сибирь и здесь[207]).

Токио. 14-го марта.

Высоцкий уезжает во Владивосток. Много говорил мне о беседе с каким-то Бемом, сопровождающим товарища министра продовольствия Знаменского, командированного Омском в Америку.

Сколько, однако, у Омских министров товарищей! Можно подумать, что бедные министры задыхаются от работы, если им требуется столько помощников. Знаменский от всего (больше всего, думаю, от поездки) в восторге, а Бем, наоборот, рисует тучи, из которых того и гляди грянет гром.

Был в семье капитана Шалфеева. Это на окраине Токио. Подвезли меня на автомобиле Мейерович. Как хорошо они ориентируются в этом огромном городе и каким непроходимо тупым кажется их шоффер-японец, изучивший в совершенстве, видимо, только одно дело—торговлю хозяйским бензином.

Шалфеев живет в японском особняке, выходящем фасадом на военное поле, при доме чистенький садик. Он встретил нас с своей маленькой дочуркой. Супруга Ш. по отцу шведка, по матери японка. Шестеро малышей говорят только по-японски; все, кроме маленькой Вали, ходят в японскую школу. Ш. живет очень замкнуто, много думает, хорошо знает японский язык.

Семья чудесная, сплоченная. Много радушия и простоты. Вернулся домой по круговой электрической дороге; это большое удобство, очень быстро и дешево.

Токио. 15-го марта.

Был Исомэ. У японцев чувствуется какая-то неуверенность. Очень заметно раздражение против Америки; реализовать его они тем не менее опасаются, особенно в связи с событиями в Корее. Им всегда приходится помнить сырьевую зависимость от Америки; без американского хлопка, железа и чугуна их фабрики и заводы станут, а при теперешних настроениях японских рабочих это весьма нежелательно.

С Омском как будто хотят сблизиться, но не могут расстаться и с Семеновым, а Омск (Колчак) и Семенов пока—огонь и вода.

Кодзу. 16 марта.

Поехали в Мианошиту. До Иокогамы уже известный путь. В воздухе холодно. На дороге грязно. Около Иокогамы свернули на Кодзу. Сначала дорога шла по холмистым полям, затем почти сплошной цепью деревень и городков. Всюду цветут сливы и камелии. Особенно хороши розовые цветы сливы.

Под'езжая к Кодзу, спустились почти к самому морю. Чудесный пляж из мелкого гравия. Прибой довольно сильный.

Впереди группа гор, возглавляемых «Фуджи». Сам Фуджи не виден, окутан облаками.

Встретили туристов — члены русского посольства. Они сделали пешком уже более десятка миль и бредут до следующего привала в местечке Одавара. Идея таких необходимых прогулок прекрасна.

От Кодзу, куда можно ехать и по железной дороге, до Мианошиты часть электрическим трамваем, часть пешком или на автомобиле. Дорога хорошо разработана, но требует большого внимания со стороны шоффера. Мы были спокойны,—у руля сидел Мейерович.

Дорога—редкостное сочетание красивых гор, ущелий, каскадов, прекрасной растительности и головоломных поворотов и петель. К сезону будет готова электрическая дорога до самого «Фуджи-отеля»—конечная цель поездки. Это уже до некоторой степени чудо-искусства. Четыре версты дороги почти сплошные туннели. Местами полотно идет по карнизам отвесных спусков в глубочайшие ущелья, проходит по легким местам над настоящими пропастями. Много и других трюков, рассчитанных на главного посетителя-американца, который требует всегда чего-нибудь особенного.

Лестно и самим и «у нас, как в Америке». Обедали в японском ресторане. Их здесь сотни, как и лавочек с различными лаковыми, костяными и деревянными безделушками. Мои спутники обратили мое внимание на беспрерывно снующие автомобили с японцами.

«Это результат огромного разбогатения за войну,—заметил Мейерович. — Два года тому назад это было бы редчайшим явлением. Теперь каждый «нарикен» (народившиеся за войну купцы)—собственник автомобиля».

Традиционный способ пешего паломничества сохранился, видимо, только для бедняков. Японские гостиницы полны. Шелковыми и летними из простой светлой материи кимоно заполнена главная улица. Толкотня у магазинов.

Цена японского обеда высока—2.40 иен, тем более, что обед весьма посредственный, даже и столь прославленная в Японии рыба.

Поехали дальше до Нагао-пасс (перевал—3.128 фут.), откуда идет спуск до д. Готембо и открывается чудный вид на Фуджи. Мешали облака. На Нагао-пасс огромный туннель (через проход идет военная дорога). Влево все время виднелось озеро Хаконе, окруженное горами. Позади, к стороне Мианошиты, дымились горячие ключи горы Отоки. Местность сплошь вулканическая. Ночевать вернулись в Кодзу. Долго бродили по морскому берегу. Японский ужин, немного сакэ и постель на полу.

Токио. 18 марта.

Был в японском генеральном штабе. Генерал Фукуда принял меня в своем служебном кабинете, он был крайне занят—то и дело являлись ад'ютанты, беспрерывно трещал телефон. Все это, наконец, прекратили, и мы начали беседу. Я развил основные мысли моей записки и, между прочим, определенно поставил единственный серьезно интересовавший меня вопрос:

«Согласится ли японское правительство двинуть свои войска к Уралу?»

Фукуда после долгого размышления ответил, что в этом смысле они уже сделали представление мирной конференции в Париже, конечно, при условии снабжения их деньгами и материальной частью, но они плохо верят в согласие союзников, особенно в связи с обострением отношений к американцам.

Попутно из разговора я вынес вполне определенное впечатление и о том тяжелом положении, в которое попала сейчас Япония. Она одна активно вела борьбу с большевиками, несла потери, в которых правительство должно было отчитываться и перед парламентом и перед начавшей наседать их печатью. Япония сознавала усиливающийся рост озлобления со стороны рус-

ского населения трех дальневосточных областей, в которых хозяйничали ее войска. И вместе с тем все яснее и яснее убеждалась в невозможности занять среди союзников то положение, которое ей хотелось, хотя бы даже в Дальневосточном вопросе.

Против главного своего соперника на Тихом Океане—Америки она была бессильна, значительная часть необходимого сырья шла из Америки. Оно было необходимо для питания японских фабрик и заводов, приостановка деятельности которых грозила весьма большими осложнениями рабочего вопроса, и без того внушающего тревогу.

«Хозяева затрудняются. Вы, как гость, может быть, дадите нам полезный совет»—обратился ко мне от имени Фукуды служивший переводчиком полковник Исомэ, а затем поинтересовался и моим мнением относительно взаимоотношений Колчака и Семенова.

Вопрос этот их тоже беспокоит. Они как будто бы делали заявление Семенову о необходимости подчинения и видят помеху лишь в неуступчивости Колчака.

Что Семенов не будет ими оставлен, об этом было заявлено с неоставляющей сомнений решительностью. Фукуда выразил пожелание, чтобы я письменно изложил свои соображения и, кроме того, очень хотел еще раз побеседовать в присутствии вернувшегося из Омска генерала Муто. Я сбещал.

Приведенный разговор имел для меня огромное значение. Он еще более выяснил поставленные интервенцией задачи и, в частности, роль Японии.

Становилось очевидным, что под давлением Англии и Франции, определенно поддерживающих Колчака, у которого имелся еще достаточный запас золота для расплаты за военное снабжение, при определенном противодействии Америки, как бы отказывающейся от активной роли в Западной Сибири и сохраняющей полностью свое влияние на Дальнем Востоке, Япония не могла, если бы и хотела, вести самостоятельную политику в Сибири и принуждена была, в связи с нарастающими экономическими осложнениями внутри, идти в ногу с союзниками. Ветер пока был в сторону Омска—Япония тоже усилила интерес в этом направлении, тем более, что и ей кое-что перепадало за поставляемые ею заказы.

Мне вспомнились слова барона Мегаты: «Надо только подождать, когда устанут другие союзники». А ждать Япония могла значительно дольше других. Весь Дальний Восток до Иркутска был занят ее войсками. В Забайкалье на всякий случай твердо решено было поддерживать Семенова. У Японии были веские основания к созданию в крайнем случае буферного государства для непосредственной защиты, находящихся под ее влиянием Кореи и Манчжурии от «большевистской заразы».

Я считал интервенцию тяжелой, но неизбежной в сложившихся условиях необходимостью. Из тех наблюдений, которые мне удалось сделать на Волге, Урале и в Сибири, я полагал, что большинство населения, измученного войной и начавшейся разрухой, примирится с временным чужеземным вме-

шательством, ради достижения порядка и прекращения начавшейся гражданской войны. Пример чехов был достаточно показателен в этом отношении.

С другой стороны, скудность творческого размаха, определенная тяга к прошлому, или, в худшем случае, колеблющееся топтание на месте и вождей и руководящих антисоветских группировок ни в коем случае не могли создать широкого идейного под'ема для успешного отпора вздымающейся все выше и выше красной волне.

Утратившее старую дисциплину, охваченное идейным разбродом население не могло дать прочных боевых кадров; вернувшиеся на родину фронтовики все более или менее разложены пропагандой.

Это обстоятельство учитывалось в достаточной мере противоположной стороной. Советское правительство предусмотрительно ограничило контингент пополнения своей армии исключительно рабочими, спаянными железной дисциплиной партии и всей силой накопившейся классовой вражды. Оно пошло дальше, сохранив прочные иностранные организации, которые не раз оказывали ей неоценимые услуги и спасали колеблющееся положение. Латышские бригады, как и коммунистические отряды, весьма долгое время были настоящей гвардией Советов.

Ни сплоченных рабочих групп, ни прочно организованного крестьянства, а, главное, ни одного нового, захватывающего интересы этих основных групп населения лозунга не было на антисоветской стороне.

И отдавая должное памяти героев, беззаветно гибнувших на поле брани, все же надо отметить, что основная масса мобилизованных шла в бой без особого энтузиазма. Плен, а затем добровольная сдача становились все более и более общим явлением.

Крупный приток внешних сил, решительный удар могли изменить положение, встряхнуть разлагающиеся собственные силы, увлечь их простым механическим влиянием успеха.

Но с утратой необходимости в восточном фронте, союзникам не было особой нужды в предоставлении такой внешней силы. Мысль эта пока не была еще оставлена только Японией, хотя и она вопрос о посылке своих войск на Урал поставила почти в безнадежные условия, внеся его на рассмотрение мирной конференции в Париже.

С моей точки зрения—я несу за нее всю тяжесть моральной ответственности—надо было решать и решать бесповоротно: если союзники дадут необходимую внешнюю силу, ни английских инвалидов*), ни анамитов**), неприспособленных к условиям Сибири, а настоящую прочную, однородную, боевую силу, надо использовать ее самым решительным образом, если же нет—надо считать дальнейшую интервенцию бессмысленной, ослабляющей и без того потрясенную Россию, углубляющей пожар гражданской распри. Тогда надо, наоборот, желать скорейшего ухода иноземной силы с русской территории, решать внутренний спор возможно безболезненнее своими русскими силами и быть настороже по отношению уже самих союзников.

---

*) Отряд полковника Уорда.
**) Французские колониальные войска.

Эти мысли в еще более категорической форме были выражены в составленной мною записке, в которую входил и ряд положений, касающихся вопросов внутренней политики и необходимых, с моей точки зрения, реформ. Несмотря на определившийся почти отказ союзников от активного содействия вооруженной силой, я все-таки решил передать мою записку и тем определенно выяснить мой тогдашний взгляд на задачи интервенции. Приведенные выводы не были лишь продуктом моих собственных умозаключений. Я имел довольно подробную информацию из Сибири. Эта информация только подкрепляла мои выводы.

Еще в марте положение на Дальнем Востоке и в Сибири рисовалось, примерно, в следующем виде:

«Дальний Восток—положение крайне тяжелое, неустойчивое, опасное. Об'единения с Западом Сибири (Омск) все еще не достигнуто. Полное взаимное недоверие существует и между Владивостоком и Читой...»

«Иностранцы в подозрении и вражде друг к другу, на основе самой обостренной конкуренции. Сами они, не исключая, пожалуй, и японцев, находятся под давлением своих домашних осложнений. Тем не менее влияние японцев, как реальной силы, растет за счет положения американского влияния»...

...Слабое место русских руководящих групп, стремление к возврату старых форм государственности, к возрождению опрокинутых революцией методов управления—это губит все их начинания. Народные массы и даже средние классы, все более и более уходят из-под влияния консервативно настроенных верхов, которые проявляют все большую и большую растерянность и видят спасение положения исключительно в карательных экспедициях против наиболее строптивых «подданных»... «Национальная идея в пренебрежении—полное засилье чужеземцев»...

«Чита,—положение более устойчивое, несмотря на вражду и конкуренцию запада. Преобладание, главным образом, японского влияния».

«Западная Сибирь—вулкан, который, правда, только еще дымится, назревающая угроза больше всего скопляется на его тыловых склонах. Мер предупреждения никаких. Все тянется к знакомым старым формам, ни прогресса, ни оздоровления не видно. Много общего с положением на юго-востоке России ранней весной 1918 года. Почти полное отсутствие понимания текущего момента и выставляемых ходом событий требований. Старое заблуждение о возможности предписывать низам свои условия сверху, при наличии лишь одного голого устрашения».

«Некоторое исключение представляет Уральский фронт, несколько отрезвевший от пережитой им разрухи, но и он для его закрепления и оздоравливающего влияния требует *скорейшей посылки хорошо организованной вооруженной силы, способной драться, а не демонстрировать слабость союзников, и неискренность их намерений в отношении России*»...

... «Сейчас происходят какие-то особо важные переговоры между Омском и японскими представителями, это может резко изменить положение,

но конечный результат, без поддержки значительной силой, будет тот же самый»...

Вместе с тем, учитывая наличие некоторого внимания со стороны союзников к Омску, и продолжая оставаться на старой точке зрения безнадежности принятого Колчаком и его правительством курса, я сделал попытку предупредить и намекнуть ему на необходимость более тесного сотрудничества с Японией и на своевременность определенных внутренних реформ в смысле большего сближения с широкими народными массами, и привлечения их к непосредственному участию в устройстве их собственной судьбы.

Омск все же был для меня частью России и это сознание не заслонялось во мне даже столь еще недавним в отношении меня, как члена Директории, актом. Я не использовал официальных путей через местного посла для пересылки Колчаку моего письма, поручив это сделать в частном порядке возвращавшемуся в Сибирь моему ад'ютанту Гуковскому[208]).

Возвращаюсь к дневнику.

После беседы с японцами завтракал у морского агента Дудорова. Там были Крупенский, какой-то японский дипломат с супругой, статс-дамой императрицы, и французский моряк, оказавшийся лейтенантом русского флота, Гессе. Последний едет к Колчаку.

У Дудорова, кроме чудесного особняка, прекрасный сад и возможность иметь две дачи. Понятно, приходится быть очень осторожным и гибким, чтобы не потерять столь благоприятные условия службы. Семья очень радушная и внимательная.

Токио. 19 марта.

Напомнил Подтягину о визах, он любезно взялся их получить, но, как оказалось, ничего еще не сделал в этом направлении.

Подготовил письма Колчаку, Жанену и Ноксу[209]). Последним двум просто, как добрым старым знакомым, без всякой политической окраски. Все это повезет от'езжающий завтра Гуковский.

Я подвел итоги моему почти 3-х месячному пребыванию в Токио; я не сидел даром и все, что можно было сделать в смысле достижения роли Японии, сделал, сохранив в целости единственное мое достояние—мой скромный установившийся здесь авторитет.

Токио. 21 марта.

В военной агентуре некоторое оживление—ей переданы все военные заказы Омска.

Вечером уехал Г. вместе с лейтенантом Гессе[210]). Из Омска очередная гадость. Военный агент Подтягин сообщил, что[211]) получена телеграмма о немедленном зачислении Г. в строй. Я не возражал бы против этого решения - хороший офицер нужен в строю, а штабы и так переполнены, да и сам Г. не прочь уйти в строй[212]). Дело, конечно, не в Г., а в том, что он мой бывший ад'ютант,—мелкая шпилька мне... Все это проделки шайки, окружаю-

лией Колчака. Ведь большинство из них совершенно не нюхали пороха, а бедный Г.— обнаженный нерв.

На прощанье он просил извинить ему эту нервность, я заверил его, что учитываю это обстоятельство и расстаюсь с ним только в виду неопределенности моего положения и нежелания отрывать его от семьи.

Теперь я совсем один. Г. был последней прерогативой недавнего прошлого[213]). Два раза я выпустил меч из рук в страшное революционное время, побуждаемый чувством самоотречения, ради, как мне казалось, интересов своей страны. Оба раза я добровольно уходил от руководства. Был ли я прав—пусть судят другие.

Г. делил пережитые тревоги и помогал, чем мог.

К Потапову японцы приставили «почетный» караул в виде двух соглядатаев. Они уверяют, что он слишком большой человек, чтобы его особу подвергать риску без охраны. Не весело.

Токио. 22 марта.

Ездил на автомобиле в Наояму—весенняя резиденция Микадо. Дворец по внешности очень скромен, расположен на самом берегу моря, среди соснового парка. Пребывание высоких особ охраняется многочисленной полицией, которая дежурит на всех ближайших к дворцу поворотах дороги. Против дворца на рейде крейсер.

Проехав Наояму, остановились у чудесного обрывистого выступа в море. Немедленно подошел какой-то джентльмен. Начались обычные расспросы: кто мы, когда и откуда выехали? Мне он даже сказал, что он сторонник Колчака и друг Высоцкого.

На это я заметил: «Вы, вероятно, студент-турист, много путешествовали, имеете обширные знакомства, позволяющие вам всюду узнавать не только приезжих в Японию, но и их, живущих здесь, друзей».

Не выдержал—рассмеялся, отошел в сторону и стал что-то записывать в свою книжечку, предварительно посмотрев на номер нашего автомобиля.

Агенты японской охраны работают недурно. Каким образом за 100 верст от столицы, вне населенного пункта оказался этот молодой сыщик, не только знавший меня, но и моих знакомых. Видимо, попутные полисмены, отмечавшие номера проезжающих автомобилей, передали в Наояму полученное от дежурного боя моей гостиницы в Токио сообщение о моем выезде на машине с определенным номером, проверенное их личными наблюдениями.

Вся эта неотступная слежка проходит незаметной, особенно, если у вас нет повода ею интересоваться. После осмотра, в момент высадки моей в Цуруге, никто никогда не пред'являл мне требования удостоверяющих личность документов. Здесь уже поняли, что опытный человек всегда будет иметь то, что ему нужно.

По пути заехали на морскую станцию. Кроме сторожа и прибывших, как и мы, на автомобиле англичан, на станции никого не было. Разбросанные по зеленым береговым утесам маленькие кабачки бездействовали. Се-

зон еще не наступил. Местность чрезвычайно красивая. Как причудливо изрезана береговая полоса Японии и какая богатая игра красок на море!

Двинулись дальше к небольшому порту Мизами. Это небольшой приморский городок. В бухте, с облицованной известняком набережной, много парусных судов.

В местной японской гостинице с трудом нашлись два свободные номера, все занято японцами-туристами. День праздничный, любителей природы оказалось особенно много. Вечером бродили по городку, освещение против обыкновения плохое. В конце города площадь на берегу бухты. Зашли в балаганчик: гам, музыка, барабан и завывание певицы. На круглой, глиняной арене борятся женщины. Говорили, что в свободное время они работают грузчицами в местном порту. Борются, как профессионалки, укладывают друг друга преисправно. Зрелище довольно противное—все они в белых рубахах, замазанных в грязи, и в коротких белых чулках; тем не менее народ валит валом, хотя и цена не так уже дешева—лучшее место все же 30 сен. Теснота страшная.

Я был очень удивлен, когда соперницы по борьбе в следующем номере появились снова уже в роли певиц и музыкантш. Музыка не стоила даже их борьбы. Под конец наиболее худая из «артисток» взвалила на себя пять других девиц, принявших разные, далеко не пленительные позы и промаршировала с этим солидным живым грузом к великому удовольствию зрителей. Вообще и программа и исполнение весьма посредственны даже для народного театра-балагана.

А у кассы тем не менее длинный хвост жаждущих. Заработок не дурной.

Перед сном мне долго не могли подобрать ночного кимоно. Все оказывались неимоверно короткими. Это забавляло хозяев и прислугу.

Токио. 23-го марта.

Спал в Мисамской гостинице неважно. Валик вместо подушки положительно неудобен, хотя я и очень не притязателен к изголовью. Эта каменная подушка, выкатывающаяся к тому же из под головы, видимо, хороша, только для японцев. Да и вообще вся японская обстановка без привычки кажется чрезвычайно утомительной. Валяться на полу в европейском костюме совсем скверно.

Собрались назад в Токио. По городу пошли пешком, сопровождаемые большой толпой веселой детворы, интересовавшейся не столько нами, сколько маленьким «Ичи»*) (собачка). Ичи, аристократ по натуре, презирает толпу. Крошечный, с перебитым курносым носом, в два цвета—белый с черным, он чинно идет рядом с хозяевами, с ленивым безразличием косится по сторонам.

Уже при выходе из города, он вдруг неожиданно вдохновился и неистово бросился на двух, связанных общей короткой веревкой, сетеров, шедших с японцем-охотником. Уверенный, что, благодаря близости хозяев, дер-

*) «Ичи»—один.

зость его останется не наказанной, Ичи ринулся на собак и начал кусать их за ноги. Сетера тянули в разные стороны, мешали друг другу и оставляли Ичи безнаказанным. Мейерович бросился за ним, но Ичи сгоряча и его цапнул за руку, произошла свалка. Два мальчугана японца, один с ребенком на спине, были сбиты в канаву, вымазались в грязи. Стоявший вблизи старичек энергично подавал советы, как изловить Ичи. Скоро вся улица приняла участие в прекращении боя. М., наконец, поймал забияку и водворил его на автомобиль. Пылая отвагой, Ичи долго еще рычал на врагов, которые, забыв обиду, мирно побрели за охотником.

Токио. 24-го марта.

Заходил в посольство, просил добыть мне билеты на посещение киотских дворцов. Подтягин все еще ничего не сделал относительно визы. История с Монголией и Семеновым, которого будто бы монголы просят себе в властители—новая очередная затея Японии.

Токио. 25-го марта.

Вечером был в Иокогаме в, так назыв., русском музык. кружке, состоящим почти исключительно из евреев, американцев и англичан. Лестно, что хотя в музыке русское имя является об'единяющим для ряда наций.

Поминали годовщину смерти французского композитора Дебюсси, вернее репетировали торжественный концерт по этому случаю, назначенный на ближайшую среду. Была исключительно европейская музыка. Пел англичанин—недурной баритон. Играл только что сорганизованный симфонический оркестр и молодой пианист Подольский.

За обедом у Высоцких много говорили о дороговизне Парижа, куда собирались ехать двое из бывших за обедом гостей, близких к дипломатическим сферам. Я пытался выяснить причину столь быстрого конца карьеры высокого французского комиссара Реньо, повидимому, при наличии Жанена он оказался лишним.

Токио. 26-го марта.

С французской визой ни с места. Подтягин сообщил, что посольство все еще готовит письмо французскому послу. Подтягин на редкость унылый человек, слывет очень старательным чиновником. Служил раньше в техническом комитете главного артиллерийского управления, а там даже серая бумага циркуляров наводила тоску на свежего человека.

Концерт в память Дебюсси прошел успешно. Оркестр и рояль достойны похвалы.

«Advertiser» сообщает, что под напором большевиков союзники оставляют Одессу. Это осложняет вопрос с высадкой на Черном море, да и вообще останется ли что-нибудь от южного движения по времени моего приезда туда. Беспокоит судьба семьи.

Токио. 27-го марта.

У знакомых накормили превкусными русскими щами с кашей и настоящими куриными котлетами. Ко всему этому отличной приправой являлся джин (английская водка). Приходится отмечать, как событие после англий-

ского и японского стола. Приветствуя международную солидарность, при виде русских щей и каши, я делаюсь заклятым националистом.

Да простится мне эта прозаичная запись о еде. Я знаю, что об обильной и сытой пище больше всего пишут официозы в голодающих странах. Но что поделаешь, настроение мое разделяли и мои соседи. Справа русский студент, молодой ученый, занимающийся при здешнем университете, чудесно изучивший японский язык, совершенно чуждый национальных увлечений, оказывал исключительное внимание скромному русскому блюду, а хронически голодавший из-за низкого курса сбереженных «керенок» Адамович просто блаженствовал.

Всякий развлекается по-своему. На английском спектакле, куда я попал вечером, давали немудрую комедию с наиболее ответственными ролями... для двух очаровательных собачек. Премьерша, молодая англичанка, была очень мила, остальные актрисы хуже, мужчины совсем плохи. Наибольший успех имели собачки. Публика много смеялась, я тоже пробовал, но не выходило. Об'яснял это слабым пониманием языка. Восхищение собачками тем не менее разделял вполне. А вышедший вместе со мною русский только и нашел возможным заметить: «Ах, батюшка, и скучища же». Он привык веселиться, смотря на чеховских «трех сестер»—своя манера веселиться. Своего рода щи с кашей.

Токио. 28-го марта.

Был у Шалфеева. Он весь во власти новых идей, болеет душой за родину, дошел до нервной икоты. Определенно не верит в омское благополучие.

Отдыхал в обществе его детворы, большое затруднение с разговором—они еще не говорят по-русски. Кружился с ними под их японские песенки.

Славная дружная семья, чудесные детишки и такой идейный разлад у главы. Знамение времени. Участь всех, кто не разучился думать[214]).

Токио. 30-го марта.

Бродил по Уено-парку. Вишня почти в полном цвету, задерживают холода. Цвет вишни любимый цветок японцев.

«Вишневый цвет -первый между цветами, как воин—первый между обыкновенными людьми»—говорит японская пословица.

Японская вишня расцветает ранее появления листьев, и белые или розовые цветы, осыпающие желтые ветви дерева чрезвычайно красивы, они, кроме того, имеют и очень нежный запах. Японская вишня не дает плода, вся ее сила уходит на цветы...

Для японцев цветение вишни—это культ, источник вдохновения поэтов, художников, национальный праздник, любимый народом... Веточка вишни, крошечное цветущее вишневое деревцо, в несколько вершком вышины,—в каждом японском доме. Цветок вишни в волосах женщин, на шляпах мужчин.

В последних числах марта, как сейчас, и в апреле—время цветения вишни, в Уено-парке на знаменитой вишневой аллее нельзя протолкаться.

Там тьма народу, море пестро-разодетых детей. Все в шелку, все радует глаз и веселые краски и веселое настроение.

Мне, возможно из зависти к чужому веселью, весь этот «вишневый» восторг показался несколько преувеличенным; невольно вспоминались чудесные вишневые сады нашего Поволжья, я не говорю уже об Украине. Но что поделаешь. Наше восхищение ограничивается пока «вишневкой», да чеховским «Вишневым садом».

Токио. 31-го марта.

Тянет на воздух. Бродил по Сиба-парку. Чудесно здесь. Парки—лучшее украшение Токио. Такую любовь к цветам и зелени, какую наблюдаешь у японцев, редко где еще можно встретить.

Достаточно сказать, что при каждом доме, как бы мал дворик ни был, пусть он не больше десятка квадратных сажен, вы все же найдете маленький, заботливо, вернее, любовно содержимый садик. В нем будут не только деревья и кусты, нет, вы увидите там и крошечный прудик, и миниатюрный мостик, и посыпанные гравием ленты—дорожки. Все это зелено, свежо, приятно ласкает взор.

Огромный Сиба-парк роскошен. Бродя по бесчисленным дорожкам, я увидел навес, где у знамени (красный круг на белом фоне—символ вечности) какой-то молодой оратор оживленно говорил с приостановившимися прохожими. Среди них были дети, старики, молодежь, рабочие, интеллигенты, под'езжали велосипедисты; все внимательно слушали, уходили, появлялись новые прохожие. Никто не мешал оратору, совершенно уже осипшему от более чем часовой речи. Это был представитель «общества молодых христиан», довольно распространенного в Японии.

Стоявший вблизи полисмен не находил «нарушения порядка» и тоже не мешал оратору.

Оппонентом выступил было слегка подвыпивший рабочий, но, почувствовав диалектическое превосходство своего противника, сознал свое поражение и был очень рад получить какие-то брошюры.

А публика попрежнему приходила, слушала и уходила, она уже привыкла уважать и пользоваться свободой слова. Она сознает: раз порядок не нарушен—цепей на мысль и слово не набросят. Это понимают и японские полисмены, хотя, под некоторым давлением власти, им и приходится иногда применять «усмотрение» при расценке пользования свободами.

У русских беженцев, особенно грешивших в юности «политикой», неимоверно увеличена печень—это отравляет жизнь. Послушать Мейеровичей—порядочных людей нет, особенно, конечно, среди социлистов. Ярко обрисовываются две противоположности: М—вся в словесном озлоблении, Шалфеев, наоборот, полон сосредоточенных внутри самого себя страданий. Оба болеют за Россию!

Токио. 2-го апреля.

Был инженер Перхуров. Жаловался на нежизненную суровость церковного канона. Чего-то не хватает с точки зрения нашей церкви для его женитьбы на американке, бывшей замужем за японцем. О., невеста Перхурова,

прекрасно знает шелковое дело, не раз командировалась фирмой, в которой был компаньоном ее муж—японец, заграницу. Знает чисто профессиональные секреты в этом деле. Выходя за русского, она автоматически выходит и из под влияния японских законов, т. е., делается свободной распорядительницей своих ценных знаний. Это совершенно не совпадает с интересами фирмы, которая давит на мужа в смысле отказа в разводе. Полиция же, не без нажима фирмы, преследует О., угрожая ей арестом, в случае ее дальнейшего отдельного проживания. Характерная черточка японского коммерческого быта. П., и без того нервно-больной, положительно на грани полного умственного расстройства. Наговорил мне удивительных вещей о том, чего я не вижу за внешним почетом и вниманием.

Он был у протоиерея Булгакова по своему делу. В разговоре коснулись и меня. Булгаков показал Перхурову карточку японского политического агента, который будто бы приходил справляться у почтенного протоиерея: большевик я или нет?

Японского агента я понимаю, но почему Булгаков сказался справочным бюро о русских генералах, это, конечно, странно, и что всего лучше—достойный служитель алтаря не выразил даже удивления такому вопросу в отношении генерала, которого он хоть по наслышке, да знает же немного. Что он сказал агенту, осталось тайной, почему похвастался карточкой японского охранника—тоже неизвестно. Это тоже кусочек быта, но уже русского[215]).

Был Исомэ. Я сказал ему, что их почта не на высоте, если письмо, адресованное в Главное Управление Генерального Штаба, идет неделю и не доходит по назначению. Хитрый Исомэ[216]) прищурил, даже совсем закрыл глаза и заявил, что письмо получено, но мальчик засунул его куда-то в бумаги и он только что разыскал его.

Уверял, что монгольская история[217]), в связи с Семеновым,—вздор, что сейчас они, наоборот, хлопочут о примирении Семенова с Колчаком при посредничестве Иванова-Ринова, которому будто бы Омск, к сожалению, уже не вполне доверяет.

Чувствуется большой сдвиг в сторону Омска[218]). Передал ему письмо для генерала Фукуды[219]).

Исомэ за завтраком очень жалел, что недостаток времени мешает ему показать мне лично наиболее красивые места Японии и, между прочим, спросил, когда я собираюсь ехать?

«Что мне следует пожить»—не звучало уже так настойчиво, как раньше. Хитрит. Ветер в сторону. Обстоятельства изменились. Поняли, что я ни на какую авантюру в ущерб России не пойду и что все то, что я делаю здесь, делаю исключительно в интересах своей страны.

А уезжать пора, я совсем одинок.

Вечер провел у Шалфеева. Слушал граммофон с японским пением и музыкой. Если последнюю еще можно выносить, то пение—одно отчаяние. Ш. утешал меня, что это с непривычки. Возможно. Ведь покатывались же со

смеху японцы во время исполнения итальянцами наиболее высоких и красивых арий, при их первых попытках привить японцам любовь к европейской музыке.

Во всяком случае, после японского пения я с удовольствием прослушал уже не бог весть какой шедевр—григовский «Танец гномов».

Крайне заинтересовал меня рассказ о системе обучения в японских начальных школах. В книжечке, по которой дети изучают мораль, вместо закона божьего, много иллюстраций, показывающих, где и как надо себя держать: в семье, при старших, при церемониях и т. д. Любопытна картинка-смотр войскам. Микадо под проливным дождем. Мораль—император также переносит непогоду, как и его войска. Изображены сцены из осады Порт-Артура. Вообще много патриотических мотивов.

Вот так с детства и учатся японцы и японки, как, когда и что надо делать. Это имеет и дурную сторону—притупляет находчивость; действительно, японцы быстро теряются при непредвиденных и новых обстоятельствах.

У детей сейчас перерыв занятий на месяц, которому предшествовал перевод из класса в класс, следующий перерыв в самое жаркое время перед осенью. Однако, чтобы дети не отвыкали от занятий, им выдаются особые тетради, в которых указаны задания, что надо выполнить на каждый день: тут и писание иероглифов, арифметические задачи, рисование, ответы на всевозможные вопросы, касающиеся быта, семьи, природы и др. Это не скучные «уроки», а живые ответы на живо и занимательно поставленные вопросы. Для остающихся на каникулы в том же городе, где находится их школа, обязательно представление этих тетрадей в школу через каждые 10 дней. Раз'ехавшиеся представляют тетради по сборе в школу, после каникул. Таким образом, ребенок ни на один день не отстает от работы и ему легче снова втянуться в нее, нежели ученику нашей старой школы после 3-4-х месячного перерыва без всяких занятий.

Только при таком порядке и можно осилить непостижимые японские письмена—иероглифы, про которые один старый иезуит, долго живший в Японии, сказал: это—очевидно, измышление дьявола для того, чтобы мучить «праведников».

Плата в Японии ничтожна—10 сен за ребенка в месяц, т.-е. около 1 р. 20 коп. в год. Но и это только в городах и только, как исключение. Вообще же начальное обучение бесплатное.

Кроме некоторых книг, все пособия казенные, правда, они очень дешевы. Школы в Японии на каждом шагу и почти лучшие здания в квартале. И все грамотны.

Грамотность в Японии чувствуется и наблюдается повсюду. Можно не обращаться к статистике и ее цифрам, достаточно посмотреть на живой и пестрый поток веселых школьников и школьниц, заполняющих улицы городов и деревень Японии, чтобы убедиться, что здесь нет детей, которым по тем или иным причинам закрыта дорога в школу.

Обилие магазинов, лавок, простых ларьков с детскими учебниками и литературой, буквально попадающихся на каждом шагу, ясно показывают, как велик здесь спрос на книгу.

Пестрые обложки с бесконечно разнообразными рисунками гипнотизируют детвору, а крайняя дешевизна (3-15 сен) делает книжку доступной даже карману последнего бедняка.

Токио. 3 апреля.

Настроение мое заметно ухудшается. Все резче и резче сознается идейное одиночество. Игра временно проиграна, впереди неизвестное будущее и новая кропотливая работа[220]).

Ш. попрежнему в области идей, я начинаю думать, что ему лучше было бы спокойно продолжать переводить японские газеты. Среда, с которой он связан службой, не поймет чистоты его идей и его попросту съедят; реальной же пользы он все равно не достигнет.

В газетах утешительные новости. И французы и англичане решительно собираются помогать Колчаку. На фронте оттеснили красных до Белебея[221]).

Прочел оправдание Дутова перед Казачьим кругом по поводу его действий и документов от 19 ноября о признании правительства Колчака, сделанного без согласия круга. Дела Дутова, видимо, не особенно важны, изворачивается, не щадя истины, повторяет омские благоглупости о том, что Директория собиралась арестовать сибирское Правительство. Путает ее действия с действиями Комуча.

Министру продовольствия Зефирову омская «Заря» уже предлагает отстраниться от должности и просить расследования его деяний[222])

Генерал прокурор Старынкевич не в меру «старается». Его законопроекты возбудили несочувственную критику даже «Голоса Приморья».

Здесь появилась m-me Семенова (жена атамана[223]). Японцы уделяют внимание не только ей самой, но и ее политическим воззрениям, остающимся для широкой публики непроницаемой тайной; предоставляют ей всяческий комфорт.

Судя по газетам, в недалеком будущем состоится примирение Колчака и Семенова.

Токио. 4 апреля.

В. (родственник по жене) не приехал. Жду сегодня вечером. Токио уже томит. Был Потапов с сумбурной и очень резкой телеграммой Колчаку. Его взвинтило насилие (арест) над его большим приятелем Чубаковым[224]), и он неистово обрушивается за это на Колчака.

Я советовал не посылать такой телеграммы, но он уперся и отправил.

Был в Акаяма-парке, народное гулянье среди цветущей вишни, много пьяных и, что особенно неприятно, много пьяных женщин.

Токио. 6 апреля.

С приехавшим вчера В. Р. и Мейерович поехали в Хаконе. Погода хмурилась, но к полудню стало лучше, во всяком случае, стало тепло. Всюду по пути буйно цетущая вишня. У одной из вилл остановили даже автомобиль, так чудесна была аллея цветущих вишневых деревьев. Дорожка аллеи была, как снегом, усыпана упавшими белыми лепестками.

В Одавара долго бродили по пляжу. Я все время любовался бронзовой мускулатурой японских рыбаков. Они тянули невод, многие были даже и без установленного общим этикетом, пояса.

Позавидовал здоровому физическому труду, а вот попробуй пристать к ним хоть на неделю, поднялся бы шум и всякие политические страхи.

Зашли в местный кинематограф. После американской дребедени со всякими трюками, на полотне прошла тяжелая живая драма из японской жизни. Борьба японской женщины за кусочек личного счастья. Артисты оказались прекрасными, впечатление сильное. Ярко обрисована трагедия души японской женщины; героиню изображал мужчина, не потому ли так ярки и глубоки были страдания? Я не хочу обидеть японской женщины, но укладом жизни она обречена играть только веселые роли. Впрочем, в этом может быть и наибольший трагизм ее положения.

Ночевали уже в знакомой гостинице в Кодзу. На этот раз спал отлично, хотя соседи поднялись спозаранку, а стены здесь из тонкой бумаги.

Утром выехали в Хаконе. Дорога очаровательна, но Фуджи опять за облаками. По дороге всюду пешеходы, рикши, автомобили, нагруженные японцами, веселыми от вида цветущей вишни и еще более от живительной влаги—сакэ.

В Хаконе долго сидели на берегу знаменитого голубого озера того же имени, очень любимого японцами.

Вся эта местность, подвергшаяся лет 400 тому назад страшному землетрясению, очень чтится японцами. Здесь много священных пещер, скал и пр. Паломничество сюда огромное.

Рассказывают, что в хорошую погоду Фуджи чудесно отражается в Хаканском озере. Нам в этот день, к сожалению, не удалось видеть и самого Фуджи, не только что его отражение—мешали облака. Мне кто-то рассказывал, что один англичанин, долго проживший в Хаконе и ни разу не увидавший Фуджи, должен был утешиться заверением, что чудесная гора находится как раз против его окна и что когда-нибудь он все же ее увидит.

Зато какому-то фотографу, который несомненно был терпеливее англичанина, все же посчастливилось увидеть отражение Фуджи. С тех пор открытки этого редкого явления всегда к услугам наиболее огорчающихся туристов. Открытки хорошо продаются. Завистливые люди, а таковых—много и в Японии, уверяют, что открытки,—просто фотография созданного художником отражения знаменитой горы, но в сущности—не все ли это равно для иностранца.

Здесь такая же чудесная, как и в Никко, аллея криптомерий.

На обратном пути грелись чаем в отеле Мианошита. Чопорно и скучно в этом роскошном храме безделья. Какой-то соотечественник из Томска приехал сюда лечиться, платит огромные деньги, уверяет, что, по словам лечившего его профессора, здесь чудесные соляные и углекислые источники.

Мои спутники уверяют, что это выдумки. Я показал на два дымящиеся отверстия в парке—не подействовало.

«В воду горячих ключей подсыпают что-то, вот вам и углекислые и соляные источники, такие вы можете иметь и в своей собственной ванне».

Мне было жаль соотечественника из Томска. Он очень верил в силу Мианошитских источников, а ведь утверждают же некоторые из болевших, что вера в лекарства иногда полезнее и сильнее самих лекарств.

На полпути к Иокогаме шоффер вдруг остановил автомобиль в какой-то деревушке и заявил, что в баке нет ни капли бензина и в утешение показал нам на проходящий вблизи поезд, с которым мы, по его мнению, могли бы вернуться домой в Токио, если бы остановка произошла немного раньше.

Становилось почти темно. Накрапывал дождь. Меня и удивила и очень рассердила это неумная шутка японца—шоффера. Не говоря уже о Кодзу, мы проехали еще 2-3 городка, где можно было достать бензин, и, казалось бы, что, пускаясь в далекий обратный путь, надо было прежде всего освидетельствовать содержимое бака. Но так казалось мне, шоффер же, с ему одному присущей логикой, решил поступить иначе, и остановил машину почти в поле.

Мигом собралось все население деревни, и я лишний раз убедился, что Япония действительно культурная страна. В четырех милях была станция железной дороги. У хозяина дома, вблизи которого мы остановились, деревенского столяра, оказался сын (кроме других девяти детей), у него был велосипед. Юноша этот через 25 минут вернулся уже с запасом бензина, достаточным для проезда в Токио. Бензин был куплен в поселке около станции. И так всюду в Японии. Велосипед в деревне почти в каждой семье; по статистике 1 велосипед приходится на 15 жителей. Это было в 1919 году.

Пока сын ездил за бензином, хозяйка вскипятила нам воду. У нас кое-что осталось еще из с'едобного, решили перекусить.

В избу собралась почти вся деревня, во всяком случае вся ее детвора и женщины. В соседней комнате хозяйские дети брали ванну, они гуртом полоскались почти в кипятке. И это ежедневно, и везде, от дворца до бедной хижины.

У хозяев, еще нестарых, десяток ребятишек. Хозяйка шутя предлагала мне парочку, надеясь покрыть эту убыль. Женщины, сидевшие кольцом вокруг нас, большинство с грудными детьми, все приговаривали, что европейцы едят самое лучшее.

Я поинтересовался, сколько надо рису хозяину для его семьи. Оказывается: в один день почти на полторы иены (около 1 р. 45 коп.)—не шутка прокормить такую ораву.

Что детвора кушает исправно—хозяйка продемонстрировала это, показав на вздутый совершенно голый животишко только что вынутой из ванны девочки.

Сын за это время еще раз успел слетать на станцию и привезти сакэ (я хотел угостить хозяина). Пришлось подивиться выдержке японца: как я ни уговаривал его и его жену выпить чашечку, ни-ни, хотя я убежден, что без нас они прикончили его с удовольствием. Остатки закуски и пол-иены были приняты благосклонно. Расстались друзьями.

В Токио вернулись поздно. Повсюду еще жизнь. Чувствуется, что цветет вишня.

Токио. 7 апреля.

Визы до сих пор нет. Мировые события осложняются. Начинаю опасаться, что и ехать будет некуда. Присоединение Венгрии к русским большевиком сильно запутывает положение и работу, правда, пока бесплодную, мирной конференции. Если к этой комбинации присоединится ободранная догола Германия, победы союзников могут взлететь на воздух.

Токио. 8 апреля.

Утром узнал тяжелую новость. Сообщивший мне недавно столько неприятных сведений Перхуров в пятницу выбросился в окно 3 этажа нашей гостиницы и сильно разбился. Еще сегодня около 10 утра он очень мрачный заходил ко мне, а через полчаса лежал уже разбитый на мостовой.

Я сейчас же поехал в японский хирургический госпиталь. Благодаря любезности доктора, с которым кое-как об'яснился по-немецки, мне удалось попасть к больному. Положение его крайне тяжелое, сломаны обе ноги, повреждены почки и легкие. Говорил с трудом. От услуг отказался. Временами смотрел не то сурово, не то с признаками не вполне ясного представления об окружающем.

Его невеста м-ме Оцуки очень убита.

Токио. 11 апреля.

Утром все время звонили по телефону, но кто и зачем—так и не добился толку. Принесли записочку о смерти П. Поехал в госпиталь. О. в отчаянии. Положение ее действительно бедственное. П. скончался моментально. Ни словесно, ни письменно никаких завещаний не сделал. После него осталось двое детей с гувернанткой-француженкой в Екатеринбурге. О. хочет ехать к детям в Россию. Конечно, это фантазия, прав у нее на детей никаких. Грустно, а через окно доносятся страстные зовущие звуки «самизена». Здесь оплакивают мертвеца, а там почти рядом аккомпанируют молодой любви. В саду цветет «сакура»!

Приехала Булгакова, занялась хлопотами о покойнике и утешением бедной Оцуки.

Токио. 12 апреля.

Был на отпевании П., в церкви пусто: Оцуки, Булгакова и я. К панихиде прибыл преосвященный Сергий. Ни от посольства, ни от консульства ни души. Они слишком заняты бездельем.

О., неотступно стоявшая у гроба, вдруг быстро вышла из церкви, затем вновь вернулась, неся в руках только что отрезанные свои прекрасные волосы. Она положила их в гроб к покойнику и перевила ими его руки. И трогательно, и тяжело. Она, видимо, очень его любила.

Закон к ней страшно суров, может быть, найдутся люди, которые осудят ее присутствие у гроба.

Церковь тоже права, она сохранила чистоту своих канонических правил, но люди, связанные с этой драмой, все стали несчастными.

Токио. 13 апреля.

Ездил с В. Р. в Камакуру. Долго бродил по острову Ионошима—это тоже одна из любимых тем японских поэтов. Гуляющих много и все слегка

«о-саке» (навеселе). Сколько, однако, пьют в Японии! Хорошо, что сакэ сравнительно слабый напиток, но расход его огромный—хорошая доходная статья в японском бюджете.

Токио. 14 апреля.

В. Р. был в нашей военной миссии, о визах ни слуху. Там есть сведение, что появившаяся в газетах телеграмма о неблагополучии в Омске ложна. Зато Оболенский принесет сенсационную новость о будто-бы присланных в Японию из Москвы 35 маллионах для пропаганды. 35 миллионов сумма не маленькая и как богаты, видимо, большевики! Однако, здесь начинают побаиваться «московской заразы». Говорят, что в здешнем университете есть уже сторонники идейного большевизма.

Токио. 18 апреля.

Разговаривал с Щ., одним из симбирских фабрикантов, только что приехавшим в Японию. Им уже удалось основать в Сибири три суконных фабрики, теперь начинают организовывать такую же фабрику на Алтае. Местных алтайских рабочих считают ненадежными—предполагают использовать сторонний наемный труд, что, конечно, не встретит особого сочувствия среди местного населения. Сами копают себе могилу. Правительство выдало субсидию в 15 миллионов рублей. Щ. едет за машинами в Америку. По его рассказам, мои земляки, волжане, крепнут среди Омского Правительства. Неклюдов сменил уже Зефирова и на посту министра продовольствия. Сообщил, что и у большевиков начинается работа на фабриках. Там поступят иначе—и вместо замены рабочих попытаются сделать их надежными.

Проводил обратно в Сибирь В. Р.[225]).

Токио. 19 апреля.

День исповеди и причастия. За обедней епископ Сергий поминал «благоверное правительство»—это нововведение после поездки в Харбин и Владивосток, и относится оно, конечно, к Омску. Поездка, вызванная тяжелым материальным положением миссии, хорошо повлияла на епископа, хотя сбор был не велик. Сейчас внимание миссии значительно усилилось к Хорвату и Иванову-Ринову.

Еп. Сергий чудесно служит и очень красив в полном облачении, хотя к нему идет и простой желтый подрясник, в котором он принимал сегодня гостей у себя за чаем. Обращаясь к Дудорову, он грустно заметил: «будем ли мы в будущем году служить литургию св. Василия Великого». Дудоров тоже несколько удручен. Всех смущает стремительное падение курса рубля.

Заходил Мейерович. Он только что вернулся из Владивостока. Его наблюдения не радужны. Передал мне содержание беседы с прибывшим сюда проф. Бородиным, полным омского оптимизма. В Омске через три месяца предполагают быть в Москве. Кстати, сам этого похода на Москву профессор делать не собирается, а едет довольно комфортабельно в Америку. Так воевать, конечно, можно.

Токио. 20 апреля.

Первый день Пасхи. Неимоверно грустно без близких в этот великий праздник. К заутрене пошел в посольскую церковь[226]).

Во втором этаже гостиницы у японцев раут. Смеются. Ждут гостей. У них есть родина—я на чужбине, почти одинок.

Около японского морского министерства подошел какой-то господин, оказался соотечественником. Ищет посольство, вернее—церковь, где можно обрести то, чего так не хватает порой на чужбине—русских лиц и родного языка. Пошли вместе. От яркого электрического света ночь кажется черной. Кто мой случайный сосед—не знаю. Но он русский—это нас связывает, хотя я толком даже не посмотрел в его лицо.

Во время крестного хода слегка спрыснуло дождичком. Нарядно, светло, любимые, знакомые с детства напевы, а все же грустно — собрались обломки России.

После заутрени общее розговенье в чудесном белом зале посольства, даже шампанское.

В Сурагадае церковь полна японцами. Они усвоили наши обычаи. На особых полках у церкви в изящных корзинках крашеные яйца.

Беседовал с проф. Бородиным. Он и мне развил тему о быстром захвате Москвы. Я порекомендовал ему по пути в Америку еще раз обстоятельнее подумать над общим положением дел. Это его, кажется, даже рассердило. Тем не менее, он не скрыл, что его смущает заявление нынешнего омского наштаверха Лебедева о том, что, в конце-концов, будут в Европе только две сильные армии: немецкая и русская, хотя бы и созданная Троцким. Затронул вопрос, довольно туманно, впрочем, не то о соглашении с большевиками, не то о соглашении русских с немцами, говорил, что это (а что, понять также было трудно) его коробит и кажется ошибкой.

В общем впечатление человека, уезжающего из задыхающейся России в долгую командировку заграницу, с хорошим запасом валюты в кармане.

Токио. 21 апреля.

Был с Чаплиными в Асакуса, слушали в японской опере «Фауста». Терпима была только Маргарита, особенно плохи мужские персонажи. Чорт не очень популярен в Японии, а потому местный Мефистофель держался гораздо скромнее его европейских коллег.

В общем дело итальянца Рости, встретившего столько терниев на своем пути пропаганды европейской музыки, все же не заглохло.

Японцы много аплодировали. Чему? Вероятно, чудесным мелодиям Гуно. Я лично их только воображал, так как и в оркестре и у певцов было больше собственного творчества, нежели музыки Гуно.

Токио. 22 апреля.

Беседовал с генералом Люповым. Он приехал ревизовать военную миссию и отдохнуть. Числится уже в резерве. На фронте и в Омске, по его мнению, недурно, но он далек от бородинского оптимизма и о Москве не мечтает. Ему предложили было расследование степени преступности офицеров Генерального штаба, причастных к работе с большевиками, но он благоразумно уклонился от этой весьма деликатной миссии.

Число изгнанников из Сибири увеличивается, встретил бывшего члена

Уфимского Государственного Совещания от Алаш-орды, пробирается в Европу, настроен, естественно, враждебно.

Курс рубля упал до 1710 руб. за 100 иен. Это близко к катастрофе.

Токио. 30 апреля.

За завтраком в столовую неожиданно вошел П. П. Родзянко, сотрудник Нокса. «Только вчера приехал и чуть ли не первый визит к вам[227])». Лестно.

Розово обрисовал положение дел в Сибири, но в тоне чувствовалась какая-то скрытая неуверенность, чувствовалось, что он рисует не то положение, какое было в действительности.

По его расчетам, в Москве будут через 3 с половиной месяца.

Старая песня о необходимости моего сотрудничества[228]).

Надо было ехать в Иокогаму отдать визит не заставшему меня генералу Толмачеву, бывшему градоначальнику Одессы. Я не был с ним знаком и крайне удивлен его визитом.

Встретили очень любезно, генерал много и интересно рассказывал, он что-то пишет для одного из японских министров, вообще проявляет большую энергию, чувствуется большой жизненный и административный опыт. Признаться, никаких видимых специфических признаков знаменитого «душителя жидов» я не заметил[229]). Ругает здешних русских представителей и, главным образом, Колчака. Во всем этом, думаю, много личного озлобления, сердится, что не ценят его старых «заслуг».

Был на пожарище, почти на четверть опустошившем Иокогаму. Сгорело более трех тысяч домов, убытки до 15 милл. иен. Карточные домики японцев—отличная пища для пламени. Характерно, что среди погорельцев не видел ни одной плачущей фигуры. За два дня с начала несчастья, конечно, не могли еще утешиться, и, тем не менее, слез нет. Правда, широкая общественная помощь идет к ним навстречу. Муниципалитет Иокогамы проявляет завидную энергию. Вообще среди дымящихся еще обломков и груд мусора видны не слезы, а кипучая энергия воссоздания.

Бросилась в глаза сценка взаимной поддержки—на месте сгоревшей посудной лавки откапывают уцелевшую посуду, моют и тут же продают. Все считают долгом что-нибудь купить. Много бродит и любопытных. Наводнение, пожар, землетрясение—наиболее ужасные из стихийных бедствий, внушающих японцу настоящую панику. Подвергнувшись глухой ночью нападению злоумышленника, вы можете долго и тщетно кричать о помощи, вопить, если вас убивают, сплошь и рядом вы не получите помощи, мирный семьянин японец будет себя успокаивать, что помогать вам—дело полиции. Но если раздается крик о пожаре, он поднимает немедленно на ноги весь квартал, так как каждый понимает, что это несчастье общее, и все спешат на помощь.

Токио. 1 мая.

Видимо, мой плен здесь затянется. Из полученного на-днях письма здешнего французского посольства усматриваю, что на получение визы плохая надежда. Приходило на мысль воспользоваться советом поехать на английском транспорте, но ведь тогда можно «случайно» задержаться где

нибудь по пути, что еще хуже. Таковые же, повидимому, надежды и на английскую визу[230]).

Успехи Колчака на фронте продолжаются, здешние его сторонники ликуют.

Сегодня первый раз в «Advertiser» появилась статья под заголовком «Омское правительство должно быть признано», а рубль опять упал.

В библиотеке отеля разговорился с проф. Скрицким—омский уполномоченный по закупке технического снабжения для армии. Любопытно его заявление, что после соединения Омского правительства с правительством генерала Деникина первое должно уступить власть второму, так как, по словам С., у Омского правительства не только нет людей, но совершенно отсутствуют и идеи. По его мнению, там не строят ничего нового, а ремонтируют и копируют худшими средствами старый аппарат и старые порядки. Точно такого же мнения относительно Омска и Курбатов.

Из-за вопроса о Фиуме итальянцы вышли из состава мирной конференции. Японцы уперлись на «Шантунгском вопросе» и тоже решили не отступать ни на иоту. Японский совет министров получил предупреждение в виду сложности и серьезности положения не раз'езжаться и быть всегда готовым к экстренному созыву.

Вчера хоронили принца Такеда—не везет бедным принцам, их уже много отправилось к праотцам за мое пребывание в Японии, а мой приятель старичек рикша живет и к многим прелестям многолетия частенько присоединяет бутылочку-другую сакэ. Вот и судите: кому живется в Японии лучше—принцу или старому рикше.

Токио. 3 мая.

Японцы готовятся чествовать совершеннолетие наследника престола. Они надеятся увидеть в нем его великого деда Матцухито. Перед дворцом и на более людных перекрестках воздвигаются арки с красивым сочетанием материи, зелени и электричества.

В Хибиа-парке чудесно цветут азалии и глицинии. Среди кустов азалии специально разбросаны стильные на низких подставках электрические фонарики. Это позволяет любоваться нежным цветком и среди вечернего сумрака. На редкость красиво.

В императорском театре гастроли знаменитого китайского артиста, играющего женские роли. Ежедневно громадный с'езд публики.

Из Владивостока слух, что Хорват ранен брошенной в него бомбой. Хорват будто бы простил задержанного бомбиста. Легкое освежение популярности, если не просто очередная утка.

Беседовал с Родзянко, торопится назад во Владивосток, в виду будто бы переезда штаба Нокса вперед в связи с успехами на фронте. Его супруга, очень элегантная дама, едет работать в Красном кресте.

В «Advertiser» опять статья[231]), ратующая Правительство Колчака, как единственное Правительство, которое спасет и возродит Россию.

Токио. 4 мая.

На обратном пути из Кодзу заезжал в офицерскую санаторию в Чигасаки—это мой старый долг перед офицерами. Привезли им разной снеди и табаку.

Санатория около железной дороги, в сосновом лесу с сухим песчаным грунтом, недалеко от морского берега. Покупка места, оборудование санатории и содержание инвалидов, главным образом, дело «русского общества» в Токио. Всего в санатории было 14 человек, из них два очень тяжело больных туберкулезом. Обстановка оказалась даже лучше, чем я думал. Комитет уделяет много забот и энергии инвалидам. При крайнем недостатке средств это дело не легкое.

Среди инвалидов оказались знакомые: «мы вас хорошо знаем, мы народной армии»—заявили двое больных. Один П. оказался даже моим учеником по Николаевскому кавалерийскому училищу, он долго пробыл в немецком плену, контужен, сейчас все признаки острого нервного расстройства, несмотря на богатырское сложение. На прощание он заявил: «на фронт не пойду, братоубийственная бойня, взаимоистребление»[232]). И здесь тревожат мысли и довольно разные.

Среди горсточки в 14 человек тот же идейный разброд, порой переходящий даже во вражду.

Здешний военный агент Подтягин произведен Колчаком в генералы. Ходит именинником, помогает начавшимся здесь сборам на Георгиевский крест 3 степени, который армия преподносит Колчаку.

Токио. 5 мая.

[233]). Приехали В. и молодой талантливый русский художник А. Н. Яковлев. Отправились вместе в знаменитый японский театр Кабукидзи.

«Театр—зеркало старой Японии»—отражением этого зеркала все еще продолжают интересоваться и современники. Богато обставленные исторические пьесы, героический эпос, изысканный, хотя и не вполне понятный уже теперь, язык этих пьес, тем не менее привлекает внимание наиболее культурных слоев населения.

Простонародье предпочитает театр «Сибай» или «Кабуки», где даются бытовые драмы. В этих театрах, всегда переполненных, одинаково интересны и сцена и публика.

Представление обыкновенно весьма длительно. Оно занимает несколько часов и заключает 5-6 пьес. Сцена вертящаяся. Подготовка к следующему акту совершается в течение предыдущего акта; таким образом, едва кончается одно действие, как актеры со всей обстановкой внезапно исчезают и перед зрителями появляются без всякого перерыва обстановка и актеры следующего акта или новой пьесы.

Публика, в свою очередь, располагается по-семейному; в ложах, представляющих кусочек пола, отгороженный низким барьером из досок, помещается целая семья с грудными младенцами, запасом провизии и проч. Матери преспокойно кормят грудью детей, более взрослая детвора бродит по залу, гоняется друг за другом. Взрослые потягивают пиво, сакэ, кое-кто дремлет, а кое-кто и похрапывает.

Все это не мешает, однако, проявлению напряженного интереса и весьма экспансивных выкриков в особо ярких местах пьесы.

В передовых кругах Японии начинают интересоваться европейским театром, но простой народ верен своему «Кабуки», там он среди родной обстановки и чувствует себя, как дома.

Токио. 6 мая.

Был с А. О. у английского военного агента генерала Вудроф. Отменно любезен, но о визе не может сообщить еще ничего определенного. Стороной узнал, что справки обо мне собирает какой-то английский офицер в Иокогаме (при английском консульстве) и, кроме того, запрошено мнение Омска[234]).

Поехал к Крупенскому, он уже не тот, также любезен, но победы сибирской армии отразились и на нем. Явилась некоторая уверенность, бранит американцев.

Обещал ускорить вопрос с визами[235]).

Обстановка складывается для меня все более и более неблагоприятно. Горькая наука. Пассивному началу, хотя бы и из добрых побуждений, не место в политике.

В Камакуре.

IV.

Камакура. 16 мая.

Уже неделя, как живу в Камакуре. Поселился в японской гостинице, это предохраняет от непрерывных, порой скучных, визитов. После токийского комфорта здесь довольно упрощенная обстановка, к которой мало приспособлен европеец.

Позавчера видел только что прибывшего с юга России генерала Сычева[236]). Встретились в «Гранд-Отеле». С. совершенно англизировался, прибыл на английском пароходе «Empress of «Russia». Едет с большой помпой, как посол атамана Донского казачьего войска, к Колчаку. Все заботы за счет англичан.

Собственные дела южан, по рассказу С., не особенно блестящи. После падения Скоропадского, пал и властитель Дона атаман Краснов[237]), тоже мечтавший о в'езде в Москву с колокольным звоном. В действительности Краснову пришлось покинуть Дон.

У Деникина страшная непримиримость ко всему, что не с ним, вернее, у группы генерала А. М. Драгомирова[238]), который у Деникина чем то вроде премьера. Там же и остатки «Национального центра».

Ко мне на юге отношение скорее недоброжелательное: «связался с социалистами» Эта неособенно глубокая расценка обстановки, видимо, разделяется и кадетами[239]). Там все их верхи во главе с П. Н. Милюковым, гр. Паниной и др. По мнению знакомых кадет, я привязал «труп к ногам». Все это—намеки на Учредительное Собрание[240]). Непримиримость, страх за чистоту своих риз, преувеличение собственных сил и значения—старая, вредная и особенно упорная болезнь антисоветских группировок.

Ведь не растет Деникин, не обрастает народным телом его армия, причина какая-то есть и она ясна всем, кто не закрывает глаза на действительность. Мне невольно вспомнились уверения омских политических авгуров, что Сибирь потеряла значение, что теперь все на юге, и Деникин через две-три недели будет в Москве. Прошло более полугода и вместо Москвы, юг ищет опоры в Сибири, откуда омские трубадуры тоже очень скоро надеются побывать в Кремле и все непременно хотят войти первыми. Особенным зудом в этом отношении одержимы молодые капитаны Генерального штаба и сухопутные лейтенанты несуществующего флота, собравшиеся в степном Омске[241]).

Сычев тоже заражен верой в быстрый победоносный поход на Москву. Он в восторге от поездки, повел нас к себе на корабль. На улице

лил дождь, мы мокрые попали прямо на танцы. Какие-то англичане и американцы уныло изображали неизменный фокс-трот. Пароход—город. Масса комфорта[242]).

С. привез первую весточку от семьи, положение ее тяжелое. В пятницу С. едет в Омск.

Камакура. 31 мая.

Изоляция в японской гостинице, куда надо проникать, предварительно снявши обувь и сидеть на полу, не спасла меня от гостей. Сегодня целое нашествие. Долго сидели Курбатов и ген. Потапов, последний с пеной у рта доказывал неизбежность гибели Колчака. Я защищал Омск, но без успеха.

Камакура. 1 июня.

Опять гости. Приезжал А. Н. Яковлев, делал с меня набросок. Курбатов рассказывал о своей поездке в Омск, где его не арестовали только благодаря заступничеству иностранцев. У него большое озлобление по адресу Колчака, которого он раньше бережно отделял от группы окружавших его лиц[243]). Придает преувеличенное значение Семенову.

Меня, по его словам, упрекают в Омске, главным образом, за выдвижение «всероссийской идеи» и, конечно, за «социалистов»[244]).

Камакура. 2 июня.

Установилась чудесная погода. Море очаровательно. Утром много гулял с Э. Он очень остроумно определил настоящую деятельность нашего морского агента Д.—«рассказывает послу сны». Действительно, делать больше нечего. А все шипят по адресу моего безделья. Есть небольшая разница—я бездействую бесплатно, а они все за свое безделье получают весьма приличное от казны содержание, правда, от казны китайской, за счет причитающегося России, т. н., боксерского вознаграждения.

Все вожусь с больной ногой—последствие моего увлечения японскими «гета» (деревянная обувь), хорошо, что отделался сравнительно незначительной операцией.

Камакура. 3 июня.

Ф. Д. Высоцкий все время предостерегает меня относительно Курбатова. Ему больше нравится несомненная индивидуальная честность несколько сумбурного Потапова.

Вечером любовался извержением небольшого вулкана на острове Оошима. Вспомнил, что там Яковлев, он уехал с басом С. писать этюды. Живут почти в первобытной обстановке. Не засыпало бы их пеплом. Сажа доносится до Камакуры.

Камакура. 4 июня.

Моих соседок японок, видимо, трогает моя хромота, вернее, пожалуй, подарки, которыми мы, по здешнему обычаю, обменялись в знак дружбы. Получать подарки, хотя бы и пустые, здесь очень любят.

Японки более чем какие-либо другие женщины заражены слабостью гетевской Маргариты, разница та, что серенада Мефистофеля здесь не

произвела бы эффекта. Японские женщины не целуются и после обручения, а местные Валентины не суют носа в чужие дела.

Зато Мичи-сан*) шипит и негодует, соседки переменили воду для моих цветов. Она считает это кровным нарушением своих прав.

Получил приглашение начальника генерального штаба на банкет 8 июня. Это несомненный признак каких-нибудь «новых обстоятельств». Сравнительно давно уже меня никто не беспокоил. Правда, в сегодняшних газетах тревога. Сибирский фронт гнется и заметно осаживает назад. Немцы не хотят подписывать версальских условий, которые им представляются очень тесным галстуком на их отощавшей шее.

Потапову намекают на возможность высылки будто-бы за общение с местными левыми кругами[245]).

Камакура. 8 июня.

Банкет в прекрасном ресторане в Сиба-парке. Генерала Уехара не было, гостей встречал его помощник ген. Фукуда. Исключительная парадность. От входа до зала, где был сервирован обед, чинные шпалеры гейш в красивых костюмах и прическах. На этот раз были приглашены и русские дамы. Центральное внимание уделялось Крупенскому и генералу Романовскому, как представителям уже Правительства Колчака. Романовский облечен какой-то высокой миссией, выполнению которой содействует Крупенский.

Это чувствовалось и в речи Фукуды, в которой наряду с выражением дружеских чувств по адресу России и готовности помочь ей в ее тяжком положении, проскальзывало что-то большее. Недаром Крупенский занимал центральное место. Он довольно шаблонно поблагодарил.

Мой сосед, военный министр Танака, политически безмолвствовал, он был тоже гостем Генерального штаба, но зато много сообщил мне интересных бытовых особенностей в связи с программой устройства настоящего торжества. Сегодня он вместо скучного хаки был одет в очень идущий ему национальный костюм.

Обед тянулся долго, было много изысканных японских блюд.

После обеда целая программа из фокусников и танцев гейш. Один номер был исполнен киотскими гейшами, очень густо набеленными. Впечатление гипсовых масок, особенно ярко оттененных чудесной красной материей костюмов. Белый и красный—национальные цвета Японии. Это высший разряд и наиболее тонкий стиль японской красоты и благородства. Такими изображаются обыкновенно героини японских классических «но» (собственно сцена для танцев и представлений вроде старых греческих драм).

В программу развлечений очень искусно были включены номера, сопровождавшиеся старым русским и японским флагами. Необыкновенно любезно и трогательно. Дамы получили цветы.

Камакура. 9 июня.

Был только что прибывший из Парижа через Америку полковник Песоцкий. Привез очень интересный доклад, рисующий положение на юге России к началу марта текущего года.

---

*) Имя прислуги.

За время более чем двухчасовой беседы я пришел к выводу, что и на юге России те же причины приведут и к тем же последствиям. И там отдельные руководители и наиболее ответственные группировки, выдвигая лозунг «великой и неделимой России», делают все, чтобы разделить даже склонные к об'единенной работе части—страны.

Нетерпимость Деникина, которому удалось добиться общего главнокомандования всеми вооруженными силами на юге России, обостряет отношения с Доном, затем через Одессу, начавшую войну против Украинской Директории, и с этой последней, т.-е. с богатой людьми и средствами Украиной. Далее осложнения с Грузией, одним словом, война всех против всех, которой отлично пользуются большевики, быстро овладевшие богатым югом, с его сильно развитой сетью железных дорог. Союзники, собравшиеся помогать югу, и довольно хорошо осведомленные «о целях, задачах и лицах, собранных первоначально вокруг имени генерала Алексеева в районе Екатеринодара», попадают, главным образом, в Одессу, представлявшую, как оказалось, наиболее отрицательную сторону добровольческого движения и наиболее яркие авантюристические уклоны собравшихся там вождей, среди которых главенствующую роль играли французский гражданин Энно и, известный по своей деятельности в Сибири, генерал Гришин-Алмазов, ухитрившийся получить пост французского генерал-губернатора Одессы[246]).

Работа союзников в отношении России направлялась не Екатеринодаром, а по указке г. Энно из Одессы. Никому другому, а именно ему высший военный представитель Франции ген. Бертело шлет депешу с просьбой «передать деятелям большевистского движения с Петлюрой и Винниченко во главе, что они лично будут ответственны за все происшедшее на Украине». Правда, точка зрения Екатеринодара по этому вопросу немногим разнилась от взглядов Бертело.

Энно и Гришин-Алмазов не только положили основание ссоре Екатеринодара (Деникин) с Петлюровским правительством Украины и тем лишили его поддержки 70-75 тысячной хорошо организованной Украинской армии, но и обострили начавшееся возбуждение широких народных масс против популярного вначале, вызвавшего не малую тревогу в Москве, добровольческого движения.

Были на юге и свои атаманы, весьма определенно выскользавшие из под общего руководства главнокомандующего Деникина, творившие и свою «политику» и чинившие по собственному произволу суд и расправу. Ущемление социалистов, провозглашавших тот же лозунг «единой и неделимой России», здесь шло еще большим темпом, нежели в демократической Сибири.

В свою очередь нерешительное выступление союзнических войск (греков и французов), основательно потрепанных в районе Одессы красными, уронило их боевой престиж и дало лишний толчок нарождающейся враждебности к союзникам среди населения.

В общем ко времени от'езда П. из Одессы, «на юге назрел острый кризис в виде сильного разлада между Добровольческой армией и союзника-

ми, с одной стороны, и с другой—не менее сильный разлад между массами и Добровольческой армией, а равно и союзниками».

Раздоры антисоветских группировок юга, как и выступление Омска в Сибири (18 ноября 1919 г.), были на-руку только большевикам и они, надо отдать им справедливость, пользовались этим отлично и для нанесения боевых ударов и особенно в целях пропаганды.

Камакура. 13 июня.

Мой сосед по гостинице кандидат в бонзы, понимающий по-английски, с торжеством показал мне какую-то книгу на японском языке в прекрасном кожаном переплете, тисненным золотом.

Я спросил: «что это такое?»—«Ваш Достоевский»,—ответил сосед,—«вы найдете Достоевского в доме каждого интеллигентного японца. Он, Толстой и Чехов—три ваших писателя, которых любят и читают в Японии».

С чувством пожав руку соседа, я сказал ему, что его заявление лучший путь к взаимному познанию обеих стран.

Действительно, в последнее время в Японии замечается большое внимание к русскому языку и литературе. В витринах книжных магазинов повсюду Толстой, Чехов и Достоевский. Любопытно, что портреты Толстого почти всегда в компании с Наполеоном и генералом Ноги.

В русских газетах приказ Гайды по-поводу увлечения поркой и расстрелами. Там же заметка о Дутове, которому присвоен необычайно пышный титул, связанный с возглавлением всех казачьих войск.

Скромный полковник Лебедев неуклонно идет к первому месту, он уже и начальник штаба Верховного Главнокомандующего и военный министр.

Камакура. 14 июня.

Период дождей дает себя чувствовать. Дождя действительно довольно. Вчера и сегодня даже холодно. Публика попряталась, пляж пуст; лишился возможности наслаждаться купаньем.

Во время загородной прогулки поражался могуществом и разнообразием местной флоры.

Долго наблюдал, как тяжела работа по производству риса. Условия земледелия вообще здесь не легки.

Вся площадь обработанной земли в Японии составляет не более 15 проц. общей площади, поэтому, при сравнительно большой густоте населения, размеры земли отдельного фермера чрезвычайно малы, от 150 кв. саж. до 3/4 десятины. На таком ничтожном клочке семья крестьянина из него самого, жены и пяти детей, помогающих уже в работах, может получить в год наивысший чистый доход в 220—225 иен.

Между тем обработка полей в Японии чрезвычайно трудна. Орудия крайне примитивны. Обработка исключительно почти ручная. Даже соха, которая по словам проф. Чемберлена, «мало чем отличается от сохи, употреблявшейся египтянами при фараонах», и та редкость.

Больше всего пользуются мотыгой. Лошадь или буйвол при обработке поля тоже редкое исключение. Да оно и понятно: в крошечном поле, величиной с небольшой дворик, сплошь залитом водой, разбавленной нечистотами

(удобрение), приготовляемом для посева риса, негде повернуться лошади, тесно возиться с сохой.

С ранней весны, еще при заморозках, начинается подготовка поля для весьма капризного злака, каким является основной продукт японского земледелия—рис.

По колено в грязной, вонючей жиже целый длинный день топчется японский крестьянин на своем рисовом поле. До этого надо было натаскать в деревянных ведрах на бамбуковом коромысле или в бочке на особой тележке удобрение—человеческие экскременты.

Иногда сбор идет вдалеке от поля, при чем еще приходится нередко платить владельцам за очистку их уборных и выгребных ям. Тяжелый труд, но как радуют глаз чудесные зеленые всходы риса.

Камакура. 22 июня.

Сегодня настоящее проявление «Нубай» (тайфун)—дождь, ветер. Море ревет, как бешеное, и шлет бесконечные низко ползущие дождевые тучи. Духота и сырость.

Беседовал с Романовским. Его оптимизм постепенно угасает. Он допускает уже возможность краха Омска. На мой вопрос, почему же он не высказывается хотя бы в дружественной форме против пагубной политики омских военных кругов, Романовский ответил:

«Жду признания, теперь считаю это преждевременным и вредным для дела».

Вернее, не хочет портить пока отношений; надеется, не командируют ли с хорошими прогонами во Францию, как это недавно сделали для неудачного военного министра и приятеля Колчака, генерала Степанова.

Смещен генерал Ханжин. Командующим западной армией назначен молодой генерал Каппель.

Но, видимо, замены дела не поправят. Судя по сегодняшней газете, потеряны Глазов, Сарапуль, Бирск.

Романовский, как последнюю надежду, видит в сохранении антисоветского базиса на Дальнем Востоке, во главе с Семеновым, хотя и признает, что из этого особого проку тоже не выйдет. У него проскальзывает нотка сознания необходимости материальной заинтересованности японцев на Дальнем Востоке, что заставит охранять их эту область от большевиков. Отсюда, конечно, далеко до великой идеи возрождения России, которая понаехавшим в Сибирь молодым и старым диллетантам казалась столь простой и так легко выполнимой.

Романовский склонен уже к мысли, что события пойдут сами собой. Я на это заметил: «жаль, что вы и ваши единомышленники в Омске пришли к этому решению после потери семи месяцев драгоценного времени. Устраивать перевороты гораздо легче, чем закреплять их».

Насколько омская власть боязлива и чутка к конкуренции, просто удивительно. Даже такие лица, как князь Крапоткин, на подозрении и не у дел. Пугают даже фамилии.

Англичане дают, наконец, визу, а наша военная агентура начинает уже

интересоваться сроком от'езда. Хочется сплавить меня и отсюда, но им придется подождать[247]).

Потапов рассказывал, что наш, поддерживающий Колчака, Парижский комитет (пятерка во главе с кн. Львовым[248]), будто бы решил не подавать руки послу Маклакову, кажется, за встречу Керенского, ну, не чудаки ли эти милые россияне с князем Львовым во главе. Ненасытная жажда внутренней склоки и междоусобицы.

У Высоцкого беседовал с английским консулом Бонаром. Он очень подробно расспрашивал меня по всевозможным вопросам, включительно до мнения о генерале Ноксе. «Критикуйте пожалуйста союзников»,—просил меня Бонар. Я от критики уклонился и дал понять моему собеседнику, что верю, главным образом, в собственную силу России, которая и будет источником ее спасения.

Редакция «Голоса Японии» вместе со своими журналами прислала анкетный лист японского журнала: «Ниципо Дзицугио Симпо», интересующегося вопросом: «Какие результаты ожидаются русскими от признания союзниками Омского Правительства».

Видимо, самой редакции результаты эти неясны. Главный и единственный, по моему мнению, результат в том, что для союзников явится ответственное юридическое лицо, с которого можно потребовать уплаты по счетам, накопившихся у расчетливых союзников. Кроме того, получилась бы возможность иметь русское представительство на Парижской конференции и тем связать и Россию ответственностью за ту дипломатическую стряпню, которая под руководством «Big Four» (большей четверти—премьеры великих держав) готовится в Париже (Версаль).

Камакура. 25 июня.

Заходил Потапов. Волнуется, на днях будто о нем и даже обо мне японцы наводили справки, не очень ли мы левые. «Гранд Отель» танцует попрежнему. Кое-кто радуется изумительному поступку немцев с их интернированным Англией флотом. Немецкие моряки вписали героическую страницу в историю своего флота. Они не захотели сделать свои, плененные англичанами, корабли призом победителя и предпочли потопить их в мрачных, унылых водах бухты Скапа Флоу. Англичане сконфужены и молчат[249]).

Большой перерыв в записях в дневнике приходится на самое знойное время года, которое я провел частью в Камакуре, пользуясь чудесным морем и солнцем, частью в поездках по стране. Поездки, остановки в деревнях и жизнь в японской гостинице дали мне возможность наблюдать такие стороны быта, какие обыкновенному туристу совершенно недоступны. С некоторыми усилиями над собой я в конце-концов перешел почти на чисто японский обиход жизни, в одежде, столе и пр., меня стали меньше чуждаться, хотя японец всегда настороже к иностранцу.

Я наблюдал и кичливую роскошь не в меру разбогатевшего купца и мещанскую сытность мелкого торговца и ремесленника, скромный достаток

интеллигента и конфузливую бедность рабочего. И все же это были японцы. Здесь есть «квазоку» (знать), «сизоку» (дворянство) и «хеймин» (простой народ), но нет «мужика» и «барина», нет «господ и людей». Сословные перегородки перестали быть непреодолимой преградой. И шелк богача и простая соломенная накидка крестьянина дают им одинаковое право любить их прекрасные острова.

Капитал, почуявший нарождение организованного пролетариата, старается быть скромным. Он имел уже достаточно показательный урок. Выведенный из терпения, взбешеный растущими дороговизной и безработицей, пролетариат в августе 1918 года, в первый, правда, раз в Японии, решился на открытый бунт, получивший название «рисовых беспорядков». О нем с содроганием вспоминают до сих пор. Экономическое неравенство, конечно, огромно. Налоговый пресс работает неравномерно и всей своей тяжестью обрушивается на крестьянство. Политические права тоже преимущественно в руках крупного землевладения и промышленности и все же парии в Японии только «эта»—жители городских окраин, промышлявшие из века в век сдиранием шкур с убитых животных, а раньше и рытьем могил для казненных преступников. Но и «эта» теперь больше в преданиях и в рассказах романистов. В Японии очень много отвешивают поклонов друг другу, но не раболепствуют. У прислуги каторжная работа, низкая оплата труда, но нет и тени высокомерного с ней обращения. И хозяйка и прислуга—японки, обе любят трубку у «хибачи» и обе склонны к болтовне и лени.

В августе прибыл в Японию мой большой друг и сотоварищ по работе в военной академии генерал Н. Н. Головин. Талантливый профессор и крупный организатор, он до войны был душой реформаторской деятельности в академии, проводником нового прикладного метода в преподавании, сменившего старую закостенелую схоластику, отставшую на добрых полвека от современности. Н. Н. Головин был автором совершенно нового курса «службы Генерального штаба», читал ряд крайне интересных лекций по стратегии, истории военного искусства (Наполеоновский период) и пр.

Революция застала его на посту начальника штаба Румынского фронта, после он оказался заграницей, где принял уже некоторое участие и в широкой политической работе, благодаря большим связям во Франции и Англии.

Он направлялся в Сибирь, имел большие полномочия от союзников и предназначался к занятию высокого поста по руководству сибирскими вооруженными силами в роли ближайшего сотрудника Колчака.

Головин высказал крайнее удивление, что я не у дел, и прибавил, что он мыслит свою работу в Сибири при непременном моем участии и при содействии еще двух-трех из наших общих друзей.

Я заметил Н. Н. Головину, что он, вероятно, плохо представляет себе обстановку Сибири. Не желая его разочаровывать, я условился начать с ним деловые переговоры лишь после того, как он, лично побывав в Сибири, сохранит то же настроение, что и сейчас, и будет звать меня телеграммой.

Отсутствие телеграммы я буду расценивать, как правоту моего мнения об Омске и свободу от всяких перед ним обязательств.

К этому времени для меня становилось совершенно ясным, что, с одной стороны, союзники, в том числе и японцы, не дадут серьезной боевой силы на Уральский фронт, с другой—что судьба этого фронта, а вместе с ним и судьба Омского правительства—предрешены. Все попытки Омской и Владивостокской прессы, а равно усилия не имеющего никакого авторитета «русского пресс-бюро» в Токио по раздуванию в победы частичных успехов нисколько не изменяли положения. Красный шквал неудержимо катился к Иртышу, в тылу усиливалась партизанщина. Узкая полоска земли вдоль железнодорожной магистрали не перерезалась лишь благодаря усилиям союзных отрядов, которые, чуя близкий исход, давили на население и еле сдерживали его негодование свирепыми карами и разорением.

Делалось очевидным, что до Иркутска, до района, где находятся японские войска, дело антисоветского движения надо считать проигранным. Весь вопрос только во времени. Таким образом, намечалась новая фаза борьбы, теперь уже на территории трех дальневосточных областей (Забайкалье, Приамурье и Приморье).

С потерей Омска и вообще всей Западной Сибири, едва ли были основания допускать, что власть сохранится за Колчаком и его правительством, даже в том случае, если бы ему удалось сохранить армию, отводя ее за Байкал.

Возникал естественный вопрос о замене или, вернее—о создании новой власти для трех упомянутых областей, о создании такой власти, при которой этот край, до окончания внутренней гражданской войны (борьбы), мог бы быть вполне гарантирован от захватов извне. Последнее опасение было чрезвычайно серьезным.

Весьма активная часть японской военной партии определенно намекала на желательность об'единения этих областей под властью Семенова и под протекторатом Японии. Последствия этой комбинации не трудно было определить. Поводов к отторжению столь ценного для России края можно было найти не мало. Уже выдвинутая японцами идея буфера предоставляла бы им достаточно оснований для изоляции этих областей в целях преграждения переноса «большевистской заразы» в находящихся под их влиянием Северную Манчжурию и Корею.

Выдвижение Семенова отвечало и тем русским реакционным группировкам, которые обслуживали атамана и мечтали о создании белого «оазиса», из которого, в конце-концов, можно было бы двинуться на Москву и на худой конец—остаться под покровительством и защитой доброжелательной Японии.

Второе обнаружившееся течение, которое также начало пробретать значительное число сторонников, заключалось в той же идее буфера, но буфера демократического. Это течение поддерживалось, продолжавшими еще играть значительную роль на Дальнем Востоке американскими представителями, совершенно отрицавшими появление в той или иной руководящей роли атамана Семенова. Идеи Вильсона были еще сильны, демократические настроения были еще преобладающими.

На сцену выдвигалось земство. Характеристикой состава Приморской областной земской управы начали интересоваться и в Японии.

До этого времени мое отрицательное отношение к Омску и особенно к Чите, всегда вызывало у японцев вежливое удивление, а со стороны некоторых лиц даже и подозрение в особой левизне. Теперь же все чаще и чаще задавались вопросы: «кто мог бы придти на смену Омску и как велики в этом отношении шансы Приморского Земства?» Подобные вопросы ставили мне и представители других иностранных держав. Моим отношением к назревающим в Сибири событиям интересовались и здешнее русское общество и политические и общественные группировки, с которыми я имел то или иное соприкосновение за мое пребывание в Сибири.

Я слишком долго молчал, это могло показаться подозрительным. Во избежание всяких кривотолков, начавшихся с легкой руки опекавшей меня и отечественной и иностранной агентуры, я решил открыто высказать свой взгляд на русские события в открытом письме моим друзьям, опубликованном в токийском «The Japan Advertiser» в первой половине августа. Основной предпосылкой в письме явилось указание:

«Что источники возрождения государственной жизни России находятся в самом русском народе и те его руководители, которые своевременно нащупают здоровый народный пульс и используют запас его веками накопленной энергии, выполнят действительно великую историческую задачу»... «Изоляция народа от устройства своей судьбы питается застарелым мнением некоторой части русского общества, к сожалению, находящим поддержку и заграницей, что народ наш, благодаря отсталости,— воспринимает только меры определенного физического воздействия и то многое, чем давно уже живет запад Европы и наиболее передовые страны Востока, для русского народа еще преждевременно. Это, конечно, глубоко неверно. За 4 года войны народ, мобилизовавший около 16 миллионов человек и принесший едва ли не наибольшие жертвы, не мог не прозреть и не задуматься над тем, что происходило и что происходит теперь и, поэтому, его участие в государственном и общественном строительстве необходимо... оно научит путем непосредственного опыта познать, что возможно осуществить в жизни и что является не более, как материал для пропаганды... Прикладной метод работы всегда предпочтительнее воззваний, заверений и широких обещаний в будущем... Наличие прав быстрее приучает к выполнению обязанностей»...

Письмо выдвигало прежнюю идею сотрудничества классов—создание здоровой сердцевины—центра, разбиваясь о который оба борющиеся крыла не мешали бы ему выдерживать напор надвигающихся событий и отстоять неприкосновенность изолированного, чрезвычайно ценного для России края.

В слагающихся для Дальнего Востока условиях, которые даже при благоприятном их обороте не могли уже изменить хода событий даже в Сибири, можно было ставить перед собой пока только очередные частные задачи и прежде всего вопрос о выигрыше времени.

Практически письмом намечалось следующее:

1. «Немедленное привлечение широких масс населения к работе по восстановлению государственной и общественной жизни. Задача эта в настоящее время может быть возложена на городские и земские самоуправления, периодические с'езды которых являлись бы выразителем мнения русской общественности и служили бы базой для правительства»...

2. «При постепенном строительстве государственной жизни среди царящего хаоса, законодательство должно быть чрезвычайно живым и гибким, отвечающим потребностям времени и насущным интересам населения».

3. «Строительство должно итти снизу, с фундамента—волость, уезд и т. д. с широким проведением принципа самоуправления, так как восстановление (работа) даже весьма почтенных (современных) центральных учреждений будет бесполезно, если не налажена жизнь на местах».

4. «Армия должна быть детищем народа и должна руководиться людьми высокого морального авторитета и большого командного и боевого опыта».

Письмо заканчивалось заверением, что, несмотря на тяжкие испытания, *«я полон горячей веры в великое будущее России, принадлежность к которой считаю и считать буду великим для себя счастьем»*.

Через день после моего письма в том же «Advertiser» появилось и письмо ген. Потапова, носящее уже более личный, резко неприязненный характер к Омску вообще и к Колчаку в частности.

Посольство было неприятно «поражено». Перевод письма экстренно полетел в Омск. Появились ряд ругательных статей в «Advertiser» за подписью «Русский».

Опубликование мною письма, выборки из которого только что приведены, несомненно, выводило меня из моего изолированного положения, устанавливало известную связь с сибирскими группировками, сходными более или менее со мной в оценке грядущих ближайших перспектив.

С другой стороны, оно осложнило несколько мое положение, как гостя Японии, рассеивало разные предположения о возможности расчета на мое участие в тех или иных действиях, хотя бы косвенно, ущемляющих интересы России.

Задержка с от'ездом нуждалась в более сложных об'яснениях, тем более, что вопрос о визах благополучно улаживался.

Возвращаюсь к дневнику.

Камакура. 15 сентября.

После необыкновенного августовского оживления в Камакуре становилось уныло. Школьники и школьницы, сотнями плескавшиеся в море, разъехались. На пляже пустынно. Начинаются сильные ветры.

Обычных для здешних мест тайфунов в 210 и 220 дни года на этот раз не было. Боялись, что это отразится на урожае риса. И этого, к счастью для японцев, не случилось, тем не менее цены на рис спекулянтами подняты немилосердно.

Теперь это самая острая забота правительства. Кабинет Хары подвергается правильной осаде. Рост числа богачей за счет барышей от военных поставок только сильнее оттеняет нужду, постепенно увеличивающейся бедноты, которая дает значительный прирост и без того большому количеству недовольных существующим правительством.

Чтобы не особенно обострять чувство зависти к богатым, в японских поездах уничтожили первый класс, кроме экспресса. Поговаривают даже об уничтожении и второго класса. Таким образом, деньги не будут представлять особо резкого преимущества по крайней мере в передвижении.

Иностранцы возмущены, особенно, англичане, видящие еще до сих пор унижение их расового достоинства от общества желтых. В жаркое летнее время, при крайней простоте японского костюма, любоваться голыми потными ногами удовольствие действительно не особенно большое. Тем не менее первый класс уничтожен.

На днях был у меня капитан японского генерального штаба Куваки. Хорошо говорит по-русски. Очень интересовался, кто мог бы заменить Колчака, в случае падения его правительства. Перебрал при этом всех известных японцам русских «самураев». Попутно интересовался и другим вопросом: «могут ли кадеты работать вместе с эсэрами».

Опять выплывает вопрос о земстве. Трудно сказать, насколько это искренно, но верно одно, что судьба Омского Правительства считается здесь предрешенной.

Положение делается ответственным. Сибирский вопрос, несомненно, вступает в новую фазу. Последний акт будет разыгран на Дальнем Востоке.

Трудно допустить, чтобы военная партия Японии, при всех неблагоприятных условиях, и международных и внутренних, все же так просто упустила случай новой попытки, если не оккупации, то, по крайней мере, приобретения исключительного влияния в наших трех дальневосточных областях (Забайкалье, Приамурье и Приморье).

Недаром появилась статья в «Advertiser» об об'явлении независимости Дальнего Востока двумя «испытанными патриотами» атаманами Семеновым и Калмыковым под протекторатом Японии.

Если вторая кандидатура способна вызвать только улыбку, то у Семенова сторонников на соседних островах еще достаточно.

Вновь оперившийся, после провала с «поголовным поднятием» Сибирского казачества, Иванов-Ринов мобилизует защитников «православной веры» и тоже, вероятно, не без греха в Дальневосточном вопросе.

Идет в гору отличившийся усмирением Красноярского района[250]) генерал Розанов. Он только что сменил Хорвата и вместе с «Походным атаманом» (оказался и такой) Дутовым приводит в порядок Дальний Восток. В действительности во Владивостоке хозяйничает международная милиция во главе с американцами, а в областях—японцы.

Во Владивостоке, между прочим, только что произошел скандал с наглым издевательством американцев (начальника общесоюзной милиции Джонсона) над русской газетой «Голос Приморья», при чем заморские демократы — союзники грозили «побить морду» членам редакции и устроить самосуд[251]).

Русская власть в лице Розанова, вместо защиты, только оформила арест редактора. Она сама всемерно занята истреблением «большевиков» и эсэров», при чем Розанов пригрозил, что если в Красноярске он еще стеснялся, был, так сказать, в перчатках, то здесь для столь почтенной цели он перчатки снимет.

Вчера прочел неопубликованное интервью Гайды, которого только что уволили со службы и исключили из списков русской армии. Если даже принять во внимание личные счеты Гайды, все же обрисованное им положение близко к безнадежному. Он характеризует Колчака, как безвольного, но упрямого человека. В развале армии всецело винит Лебедева и быстро пробравшегося в «верхи» молодого генерала Бурлина, ближайшего помощника Лебедева.

Так быстро и с такими ужасными последствиями разваливается по-

стройка, в основу которой положено было безыдейное и легкомысленное предательство Директории.

В интервью сообщена и последняя омская острота, связанная с уходом министров Михайлова и Сукина: «Негодяев и Сукин ушли, но с... дети остались».

Получил письма Н. В. Чайковского и Е. К. Брешковской из Парижа от 14 июля. Оба горячие сторонники сотрудничества с Колчаком и его правительством.

Письмо Брешковской стильно и трогательно, она попрежнему бодра, стремится на юг России налаживать школьное дело.

Письмо Н. В. Чайковского—сентенции потерявшего веру в свои идеалы теоретика. Страх за то, что произошло с Россией, страх умереть с сознанием вины, хотя бы и косвенной, за переживаемые страной бедствия, заставляет его бросаться на первую приманку, увлекаться миражем.

В этом значительная доля вины дурной ориентировки, вернее—односторонней ориентировки, которой живет Парижский комитет[252]).

Сегодня мне рассказывали что-то удивительное: парижские демократы из русских: Чайковский, Брешковская и Бурцев во главе с Савинковым—гвардия Колчака. В противоположный же лагерь Керенского будто бы перескочил даже бывший министр иностранных дел Деникина—Сазонов.

Читал книжку Зензинова: «Из жизни революционера». Все касающееся периода образования Директории изложено сдержанно и сухо.

Ночью бушевал тайфун. Раза два я думал, что вся наша гостиница перелетит к «Дайбуцу» (статуя Будды). Буря сильно помешала какому-то «нарикену» (купцу), приехавшему покутить с гейшами. Жрицы веселья, на смерть перепуганные, беспомощно жались в коридоре.

Общая паника усиливалась во время перерывов тока. Электричество гасло. Наступала кромешная тьма. Здание тряслось, как в лихорадке. Сила ветра дьявольская. Потоки воды хлестали через пробитую бумагу окон. По полу лужи. За стеной бешено ревет море.

В Токио прибыл сотоварищ по работе в военной академии и сотрудник по Омску генерал Сурин. Теперь он что-то в роде министра у Колчака. Из предосторожности не заехал. Это, впрочем, нисколько не умаляет присущей ему порядочности. Он спец и сторонится политики. Хуже с его приятелем Касаткиным. Кажется, расстрелян за спекуляцию вагонами.

Камакура. 19 сентября.

Во Владивостоке что-то назревает, в связи с нахождением там, порвавшего с Омском и Колчаком, генерала Гайды. Я получил краткую депешу с довольно туманными намеками и указанием на крайнюю необходимость моего срочного прибытия во Владивосток[253]).

Днем с Потаповым и Высоцким был в Токио и передал коротенькую записочку в ответ на упомянутую депешу, с просьбой прислать мне подробную ориентировку, что затевается во Владивостоке.

Навестил епископа Сергия. Он в унынии и от признаков туберкулеза и от отсутствия денег в миссии. Сибирское Правительство оказалось не

особенно щедрым, а религиозная ревность японской паствы всегда была в теснейшей зависимости от состояния кассы миссии. Пустота кассы мало беспокоит японцев—прихожан русского православного собора. Приходится ликвидировать имущество миссии. Этого, конечно, хватит не надолго.

Воспитанники Сурагадайской семинарии, получившие образование за счет миссии, вместо умножения числа духовных православных пастырей в Японии, нашли полезное для государства применение—они командируются переводчиками в японские полки, находящиеся в Сибири, где, благодаря недурному знанию русского языка, оказывают не малую услугу по изучению столь интересующего японцев материка.

У епископа встретил здешнего протоиерея Булгакова, очень неодобрительно отзывавшегося обо мне, по словам покойного Перхурова. С ним произошла какая-то метаморфоза, вместо вражды он, оказывается, одержим глубокой ко мне симпатией и даже любовью. Чудо совершила, как выяснилось потом, брошюра какого-то Горлинского (из стана атамана Семенова), из которой он узнал, что я сын крестьянина и другие ранее неизвестные детали моей биографии.

Почтенный пастырь покаялся в своих против меня предубеждениях.

«Меня никто не любит»,—жаловался Булгаков.—«Но зато, вероятно, уважают или даже побаиваются—это стоит любви», заметил я на прощанье.

В Токио появился маленький Иванов-Ринов, сын сибирского генерала, носит какую-то чрезвычайно фантастическую форму и довольно успешно приобретает известность своими дебошами.

Камакура. 21 сентября.

Настроение угнетенное; против обыкновения, и физически чувствую себя плохо. Жара изнуряет.

Читал июльские номера Бурцевского «Общего Дела», издающегося в Париже. Хороши статьи об отношении Франции к России ко дню торжеств по поводу заключения мира (Версальский договор) и статья неизвестного автора об отношении к нам союзников вообще.

Остальные статьи или славословие Колчаку, или ругань большевиков. Помещены портреты Н. В. Чайковского и генерала Деникина с краткими заметками о их деятельности.

В Сибири, по газетам, некоторый успех белых на Курганском направлении, но плохо со стороны Тобола. Борьба, очевидно, принимает затяжной характер, в конец изнуряющий страну, если враждебные действия в тылу Колчака не ускорят развязку.

Вечером у нас в гостинице поминали умерших. Хозяйка пригласила девять пожилых женщин и старух. Все они покоем расселись перед домашним алтарем Будды, вроде наших иконостасов, врезанным в стену.

На алтаре дымились свеча, лампада и курение, лежали цветы, плоды и особые круглые хлебцы. Возле алтаря у стены поставлены были шесть тонких узких досок—три длинных и три коротких, расписанных иероглифами (надписями).

Надписи содержали имена покойников и священные изречения. Длинные дощечки изображали взрослых покойников, короткие—умерших детей.

Перед каждой старухой лежали небольшие книжечки с песнопениями, подсвечники с большими красными бантами и колокольчиками в виде опрокинутых медных чашечек, по дну коих старушки ударяли маленькими деревянными молоточками.

Пели в один голос очень ритмично под звуки ударов по колокольчикам. Временами прихлебывали чай из стоявших тут же изящных чашечек.

После долгого пения две старейших гостьи под пение остальных старух начали танцовать поминальный танец с характерными японскими телодвижениями и мимикой. Одной из танцующих старушек было не более не менее, как 72 года.

Эта сморщенная желтая куколка, с резко выступавшими скулами, с очень доброй улыбкой и еще не седыми волосами, оказалась очень выносливой и довольно долго танцовала соло, при чем ее сложные позы требовали хорошей мускульной работы и тонкого искусства. В весьма далеком прошлом она, вероятно, была профессиональной танцовщицей.

Танец «аба-сан» (бабушки) очень развеселил остальных участниц церемонии. Они закурили трубки и оживленно болтали, видимо, вполне уверенные, что их близким, ушедшим в иной мир, не так уж худо. И здесь, как и везде в религиозных обрядах японцев, не чувствовалось ни скорбной веры, ни энтузиазма пламенной мольбы, здесь танцовала профессионалка, знаток обрядовых традиций. Она чувствовала на себе внимание своих компаньонок, оценивавших каждый ее жест, каждую позу.

Меньше всего уделялось внимания статуе Будды, загадочно взиравшего на развеселившихся от поминального танца старушек.

Вообще в Японии, как ни в одной, пожалуй, из стран, чувствуется широкая веротерпимость, и какое-то своеобразное религиозное добродушие. Японская история не знает ни мук инквизиции, ни крестовых походов, ни священных войн ислама, и тем не менее—«душа японца, несомненно, сложилась под продолжительным влиянием трех основных великих религий—шинтоизма, буддизма и конфуцианства», но он взял из этих религий не голую догму, не бесчеловечную нетерпимость формального канона, которые стоили столько крови и мук с первых дней появления христианства и которыми сопровождалось распространение воинствующего ислама.

Официальный (государственная религия) шинтоизм с его идеей «обожествления» своей страны и культом предков, разумно дополняется философией конфуцианства, подчеркивающей лойяльность, подчинение своим владыкам, и великими идеями буддизма с его сочувствием к страданиям других и к безропотному перенесению собственных своих страданий. Все это чрезвычайно выгодно для государства. И духовные и материальные обязанности граждан очерчены безукоризненно. Меньше говорится о правах, но права, как и всюду, приходится завоевывать.

Христианство всех исповеданий, проникшее в Японию, как авангард экономического нашествия европейцев и американцев, сделало кое-какие успехи, но едва ли имеет глубокие корни.

Растет атеизм. В анкете по вопросу: «какую религию исповедуете»?—из 526 ответов 150 оказалось *не признающих никакой религии*. Рядом с 12

христианами—8 самопоклонников и даже 4 огнепоклонника. Эта анкета касалась рабочих токийской префектуры, но она в одинаковой мере характерна и для всей Японии.

Камакура. 22 сентября.

Из нашей военной миссии передали запрос генерала Нокса, будто бы сделанный по просьбе моей семьи, о том, куда я поеду, в Сибирь или на юг, России? Мне почему-то показалось, что меня хотят связать моим же решением, видимо, кого-то это еще интересует. Не особенно доверяя Подтягину, я послал ответ непосредственно Ноксу через местного английского военного агента: «имею билет на 15 октября в Марсель»... Пусть успокоится.

Камакура. 23 сентября.

Погода восхитительная; бродил по окрестным холмам. В гостиницу звонил из Токио, ничего не передано; кто-то проверяет, не сбежал ли я из «Кайгетцу» (название моей гостиницы). Опека со всех сторон.

В «Advertiser» сообщение местного «русского Пресс Бюро» о дальнейших успехах Сибирской армии. Там же статья о решении бывшего союзного совета предоставить Россию ее собственным силам и о возможности переговоров с большевиками.

Большая заметка о связи Колчака с немцами через Энгельгардта и графа Келлера, корпус которого, сформированный еще на Украине, будто бы на немецкие деньги, обнаружился в Курляндии. Развивается мысль о тесном союзе Германии, России и Японии. Об этом «союзе трех императоров», мне казалось, грезят только монархисты.

Японский посол в Омске Като заявляет о невозможности признания Колчаковского правительства в настоящее время. «Когда будет взята Москва, тогда будет видно».

Курс рубля падает 2090... 2320 (керенки) за 100 иен.

Камакура. 25 сентября.

В „Advertiser" заметка о несообразности подчинения Деникина Колчаку, как представляющего большую часть Европейской России. По сведениям из Москвы, Колчак будто бы готов передать власть Деникину[254]).

На правом фланге Деникина опять отход. Кроме того, большевики начали наступление вдоль Курской железной дороги. Когда кончатся эти злополучные кадрили, в конец разоряющие страну!

Омск, а здесь «русское Пресс-Бюро», продолжает муссировать успехи Сибирской армии. Курс опять упал. Здешний американский посол Морис настойчиво хлопочет о признании правительства Колчака.

Камакура. 28 сентября.

Со вчерашнего дня в Токио. Видел случайно в читальной комнате „Station Notel" генерала Никонова—представителя Семенова—сообщил, что теперь атаманы Калмыков и Кузнецов (амурско-казачьего войска) не просто атаманы, а и уполномоченные Омским Правительством, начальники определенных районов. Ход ловкий, если это мысль правящего Приморьем Розанова, он несомненно укрепил себя.

Заезжал проститься полковник Араки, едет командовать полком.

Вечером в Камакуре встретил бывшего моего слушателя по академии полковника Котовича, едет с семьей из Парижа в Омск по вызову Н. Н. Головина. Много рассказывал про парижскую жизнь—не в восторге. Передал письмо от моего старого друга А. А. Носкова, после многих мытарств докатился до Парижа, с головой ушел в журналистику. Котович сообщил любопытную идею федерации национальностей, составляющих Россию, а также о возникшей будто бы мысли переселения Колчака в Крым.

Камакура. 30 сентября.

Был опять, прибывший из Парижа, полковник Котович, он долгое время в течение войны был секретарем военной комиссии при русском военном представителе во Франции, генерале Палицине. Поругивает французов. Привез мне письмо Авксентьева, Махина и др. Н. Д. Авксентьев пишет о косвенном сотрудничестве с русским политическим совещанием в Париже. Парижские настроения отразились и на письме Авксентьева.

В письме Махина, все письма от начала июля, тоже несколько коротких строк, характеризующих тогдашние настроения наших эмигрантов и отчасти союзников:

Как здесь (Париж), так и в Лондоне официальная ориентация—Колчаковская. Члены Директории, видимо, раскололись во взглядах на русскую политику, часть склонна помириться с Колчаком, другая занимает позицию: ни Ленин, ни Колчак.

К сожалению, как показали события, Колчак оказался не в состоянии спасти страну. Мне думается, что Деникина постигнет та же участь. Ни Колчак, ни Деникин не могут создать массового движения народа, не могут подойти к нему с такими идеями, которые имели бы ввиду счастье народное.

Официальные представители Англии и Франции пытаются, повидимому, сделать все, чтобы поддержать современных вождей антибольшевистских войск, но, по моему убеждению, **пока не будут двинуты иностранные войска, на успех рассчитывать нечего** [255]).

Махин, как и Каппель, наиболее видный из руководителей борьбы на Волжском фронте в его первоначальный период. Как демократ, он был не ко двору в Колчаковской ставке и принужден был эмигрировать заграницу.

В «Нашей Родине» (кадетская газета во Владивостоке) большая статья: «Генерал Гайда». Автор, весьма любезно расшаркиваясь перед Гайдой, предостерегает его от осуществления тех слухов, которые связаны с его именем и старыми «предателями»—Авксентьевым и К-о, которые будто бы блаженствуют на «наворованные казенные деньги». Кстати сказать, полковник К. рассказывал мне о едва ли не бедственном материальном положении спутника Авксентьева—Роговского и других.

Камакура. 2 октября.

По газетам, вопрос о помощи России переходит в ведение Лиги Наций, при чем Франция и Англия помогают Деникину, а Америка и Япония—Колчаку.

Курс упал до 2880 рублей (керенки) за 100 иен.

В Камакуре много змей. У Д. змея забралась в клетку чудесной белой рисовки (хорошенькая белая птичка), очень любимой их ребенком, прогло-

тила ее, и сама, благодаря раздувшемуся животу, не смогла вылезти из клетки. Д. приколол ее гражданской шпагой—это первый его подвиг с применением оружия.

У Гинзбурга познакомился с четой Даниловых. Он—старый генерал, состоит сейчас председателем правления Амурского пароходства. Оба ярые монархисты. С негодованием рассказывал мне о зверствах большевиков в Кисловодске, где был изрублен, между прочим, и престарелый больной генерал Рузский. «Его похоронили даже без воинских почестей»—возмущался Данилов.

Его прежняя служба тесно связана была с Кронштадтом, и он возмущался, что Кронштадт разоружили во время войны, вынося—вполне целесообразно,—морскую оборону Петербурга значительно вперед.

Спорить было бесполезно; взгляд Д. на крепость немногим отличался от эпохи ее создания. Несмотря на резкую предубежденность ко мне, расстались весьма дружелюбно—это становится общим явлением со стороны соотечественников, бранящих меня за глаза, авансом.

Камакура. 4 октября.

Сегодня улицы Камакуры полны туристками-работницами табачной фабрики в Идамаши. Все они в одинаковых темных с горошинами костюмах, каждая со своим значком—цветная ленточка с номером на левом рукаве. У каждой группы свой проводник и флаг. При каждой же группе по нескольку мужчин в синих блузах—рабочие, и в сюртуках, вероятно, администрация. Большая сплоченность.

На пляже, где собрались почти все туристки, картина прямо грандиозная, их не менее 2-3 тысяч.

Какой разумный отдых. Кое-кто поет, часть закусывает, иные бродят, те плещутся в море. Все живет и действительно развлекается.

Скучающие от безделья иностранцы куда то попрятались. Это был день работниц. Они были хозяевами и пляжа и моря. Только на них взирал в этот день «Великий Будда»—задумчивый, бронзовый «Дайбуцу».

Получил крайне интересное письмо из Владивостока. К одному из писем была приложена «Грамота председателя сибирской областной Думы» и резолюция, принятая первым Иркутским очередным губернским земским собранием от 7-го июля 1919 года.

Грамота призывала население Сибири к немедленному созданию народного представительства, при чем впредь до созыва всесибирского Учредительного собрания, это представительство должно было быть создано избранными всеобщим голосованием земскими и городскими самоуправлениями, а также самоуправлениями казачьими и национальными. Избранные самоуправления призывались к безотлагательному избранию представителей для образования сибирского земского собора...

Задачи собора определяются так:

1. Создание временного Правительства, ответственного перед земским собором.
2. Принятие и выработка положения и мер к скорейшему созыву всесибирского учредительного собрания.
3. Восстановление основ гражданского правопорядка

4. Передача местной государственной власти органам самоуправления.

5. Отмена законов и распоряжений Омского Правительства, ограничивающих пользование крестьян землею, передача функций землеустроительных учреждений органам местного самоуправления.

6. Восстановление свободы профессиональных рабочих организаций, проведение в спешном порядке законов по охране труда.

7. Уничтожение реакционного режима в армии, поднятие ее боеспособности для борьбы за мир на основах народовластия.

8. Амнистия участникам крестьянских восстаний, боровшимся в защиту Учредительного Собрания.

Резолюция Иркутского земства, излагавшая все отрицательные стороны Омского Правительства, «низводящего... страну на степень вассального государства»..., считает долгом своей совести возвысить свой голос в защиту Родины, в защиту попранных и попираемых прав народа».

В конечном итоге, Земское Собрание также «считает необходимым созыв Земского собора, как представительного органа на территории, освобожденной от большевиков, и как переходной ступени к Учредительному Собранию».

Резолюция эта вызвала, между прочим, предание суду председателя и главнейших участников собрания министром внутренних дел Пепеляевым.

Судя по поступившей ко мне корреспонденции, приведенная резолюция выражала позицию, занятую земским и городским самоуправлениями; грамота же председателя Сибирской Областной Думы являлась—политической программой этого течения. При этом указывалось, что «обстановка складывается весьма благоприятная; движение в пользу ответственного правительства, выдвинутого Земским собором, крепнет с каждым днем».

Представители этого течения развивали довольно большую энергию, почти не считались уже с существовавшим еще Омским Правительством и выдвигали, впредь до созыва Земского собора, временную власть в виде пятичленной Директории. При чем опять указывалось на крайнюю необходимость моего немедленного приезда во Владивосток.

Положение мое становилось похожим на положение Колчака в отношении Директории 1918-го года. Но я не хотел повторять его ошибки, тем более, что и обстановка была бесконечно сложнее. За год были растрачены все те моральные и материальные рессурсы, которые имелись осенью 1918 года. Сибирь была охвачена восстаниями, тыл для Омска становился опаснее фронта. Золотой запас был значительно израсходован. Кроме того, одним из активнейших членов среди призывавших меня группировок был впавший в немилость, недавно еще близкий сподвижник Колчака, генерал Гайда, сотрудничество с которым по многим причинам было для меня неприемлемым.

Я ответил моим корреспондентам:

...«вопрос о моем приезде несколько сложнее, чем это может казаться; я чрезвычайно ревниво опекаюсь и отечественным и иностранным вниманием, и открытая моя поездка несомненно, не только поднимет шум, но и может повредить работе в Сибири. Нелегальное же появление, не говоря уже о трудности такового, нахожу для себя и по политическим и по другим соображениям неудобным—я считаю, что сохранение моего авторитета, особенно среди армии, требует, чтобы мое появление в Сибири было не актом какого-либо личного искательства, а как подчинение со сто-

роны человека, всегда верного демократическим принципам, а равно и принятым на себя в Уфе политическим обязательствам»...

Осторожность нужна была сугубая. Во всей этой истории большой привкус авантюры. От поездки я, конечно, воздержался[256]).

Камакура. 8 октября.

В связи с изменяющейся обстановкой в Сибири, с от'ездом думаю не торопиться. Обстоятельства этому помогают, сегодня выяснилось, что билеты на пароход «Khiva» уже проданы. На места на пароходах бешеный спрос—кое-кто на этом хорошо зарабатывает. У «Кука» все расписано на месяцы вперед. Рейсы в Европу через Суец не аккуратны. Обещали билет на пароход, отходящий 12-го ноября.

У Потапова встретил К., бывшего ад'ютанта А. И. Гучкова, в бытность его военным министром в 1917 году, вместе были у покойного Радко-Дмитриева в Риге. С тех пор К. побывал в Испании, долго был в Париже, при чем при оценке русских представителей очень резко выразился о нашем военном агенте гр. Игнатьеве—«усвоил семейные традиции к наживе»[257]).

«Advertiser» сообщает о больших успехах Деникина и Сибирской Армии; в отношении последней много преувеличений вроде суточных маршей по 60-75 верст в день.

В связи с военными успехами будто бы курс рубля в Харбине поднялся на 25 проц.

Камакура. 9 октября.

Среди прибывших из Омска коммерсантов опять усиление надежд на возможность скорого признания Колчака.

Познакомился с молодым японским художником г. К., закончившим образование в Париже и Лондоне. Вместе с ним и Высоцким поехали в театр «Kabuki-su». Было скучновато. Интересовался больше зрителями. Любопытны декорации окрестностей г. Осака в XVIII ст. Понравилась рыбачья песнь—соло и квартет с аккомпаниментом трех самизен. Прекрасно представлены самурайские кони (2 человека, покрытые чучелами коней с полной седловкой). Гнедой «конь» был, как живой, проявлял горячий темперамент и бил задорно копытом. Крепкие должны быть парни, таскавшие добрый час эти чучела, нагруженные тяжелыми рыцарскими седлами.

Камакура. 10 октября.

Получил письмо ген. Фукуда, очень просит повидаться и позавтракать в тесном кругу.

Днем ездил с японцами на рыбную ловлю. Море чудесно. Солнце жжет, как летом. Вид Фуджи очарователен: опоясанный облаками, он горделиво возвышается розовато-белой вершиной над окружающими горами. Перед ним, как мозаичная коробочка—чудесный островок Ионошима. С противоположной стороны красиво раскинулись по скатам лесистых гор Сузи, Наояма, Мизаки.

Лодка большая, солнце прогревает насквозь, хочется растянуться и без конца думать, упираясь взором в далекое голубое небо.

Сопровождавшие нас лодочники-рыбаки подали дорожки, насадку—маленькую рыбешку (по-нашему—мальки) и какое-то коричневое, сильно отдающее рыбой месиво, видимо, для приманки, которое накладывается в небольшие мешочки, прикрепленные у якоря дорожки (свинцовый грузик с двумя металлическими дужками, к которым прикреплены на волосяных нитях маленькие, довольно примитивные удочки).

Нам не везло—добычи не было, между тем, на соседних лодках настоящие рыбаки то и дело вытаскивали рыбу. Пробовали ловить обыкновенными удочками—тоже безрезультатно. Только после, пристав к каравану рыбачьих лодок, начали изредка вытаскивать и мы.

Я поймал три, два моих спутника были счастливее, за то третий не поймал ничего. Они, впрочем, не огорчались неудачами, развлекаясь игрой на бамбуковой флейте и губной гармонии. Пытались даже напевать. Начинаю привыкать к японскому завыванию и находить в нем известную красоту.

В час решили начать завтракать. Я попал в экскурсию случайно, захватил с собой лишь белый хлеб. У спутников был рис, маринованые бобы и яблоки—в общем скудновато. Напиток—холодный японский чай. Бывший с нами рыбак выпотрошил быстро часть пойманной нами рыбы, очень чисто, аккуратно приготовил небольшие кусочки, и мои спутники после маринованых яблок с удовольствием ели это сырье с японской соей.

При гребле японцы не развивают такой силы, как у нас. Они гребут стоя, каждый одним веслом, вращающимся под углом в 120° к направлению борта лодки. Тем не менее скорость недурная.

Камакура. 12 октября.

Ездил в Токио. На вокзале встретил с автомобилем маиор Хасимото. Кроме ген. Фукуды, за завтраком был ген. Такаянаги, пять офицеров Генерального штаба и г. З., член японского парламента, уже пожилой японец с умным и энергичным лицом, заведывающий сейчас бюро сведений во Владивостоке.

Перед тем, как перейти к сибирскому вопросу, Фукуда не вытерпел и в несколько туманной форме поинтересовался: «есть ли, по моему мнению, среди живущих в Японии русских большевики, ведущие пропаганду?»

Я заметил, что это, вероятно, хорошо известно их образцовой полиции и корпусу жандармов.

Вопрос был задан неспроста—правительство далеко не считает внутреннее положение даже удовлетворительным.

Японцы очень озабочены ростом китайского влияния в районе Харбина.

«Харбин совсем китайский город, и китайцы стали очень горды»—заметил Фукуда.

Японцы начинают беспокоиться, что утверждение китайцев в Харбине парализует все их начинания с целью вырвать транзит у Владивостока, мешает распространению их господства и в Северной Манчжурии.

Я, в свою очередь, поинтересовался, почему они не представляют кредита Сибири, в виде займа Омскому Правительству, и если это зависит от непризнания Колчака, то почему они его не признают?

Из последовавших ответов можно было понять, что всякий внешний заем японские банки делают исключительно с разрешения правительства, и что, кроме того, помехой являются строгие законы России в отношении права эксплоатации ее земных недр иностранцами.

Что касается признания, то главный тормаз будто бы в остальных союзниках, а также и в ответе Колчака (к слову сказать, весьма достойном) на предложение Парижской конференции и, наконец, повидимому, в разногласии политических партий Японии и правительства в вопросе о признании Омского Правительства.

Интересовались мои собеседники и вопросом: «искренно ли Колчак идет на созыв представительных учреждений?». Я дал понять, что читать чужие мысли—задача вообще трудная.

И, в свою очередь, поинтересовался, какой партии парламента принадлежит г. З. Он, улыбаясь, ответил: «Правительственной».

Общее впечатление беседы,—что у моих любезных хозяев не все благополучно дома, и, во всяком случае, не мало своих собственных забот.

В Иокогаме встретил бывшего генерала прокурора Омского Правительства Старынкевича, который почему-то очень нападал на Авксентьева. Раза три напомнил, что он сенатор Омского сената. Торопился в Париж. Удачно уходит до развязки.

V.

В Киото.

Киото. 15 октября.

Сегодня, рано утром, покинул «Кайгетцу»—мою гостиницу в Камакуре, где я провел более пяти месяцев. Дружески простился с хозяевами, конечно, опять обменялись подарками, при чем мне среди других мелочей презентована деревянная коробочка с зубочистками.

Дорога очень живописная, особенно окрестности Фуджи и последние перегоны перед Киото. В общем большая часть пути по плодоносной равнине из сплошных рисовых полей; рис уже местами жнут—урожай, повидимому, хороший.

С восторгом, не отрываясь, смотрел я весь день на изумительную культуру, достигнутую великим трудом и исключительной любовью японца к своей земле. Клочка не пропадает даром. Невольно вспоминались необ'ятные просторы России. Мы засыпали бы мир зерном при такой обработке. Среди рисовых полей много участков, занятых шелковицей, кое-где кусты чая, местами лотос,—более ценные культуры, чем основа японского питания—рис.

В вагоне преобладают японцы. Любопытна дисциплинированность женщин. Мужья, сидя один против другого, ведут живую беседу, жены не смеют им мешать и молча обмениваются лишь взглядами, не упуская при этом из виду взаимную оценку туалетов. А японки любят одеться, конечно, в своем духе, и это удовольствие стоит их мужьям не дешево.

Завтрак в вагоне-ресторане совсем плох, а главное—скуден. Выходя оттуда, я ощущал определенное чувство свежего аппетита. Цена довольно высокая—1,40 иены; обед немногим лучше и стоит 1.70.

В международном вагоне ехала какая-то важная «морская» особа. На всех станциях почетные часовые и почтительно склоненные головы гражданской администрации в неизбежных корректных, наглухо застегнутых, сюртуках.При всей важности особа тем не менее не имела своего салон-вагона: здесь на этот счет весьма скупо.

К стыду японского железнодорожного ведомства, экспресс прибыл в Киото с опозданием почти на полчаса. Решил остановиться в «Киото-отель»—легче запомнить.

Улицы Санджодори и Театральная дивно освещены и полны народу. Первая напоминает токийскую «Гинзу», вторая «Театральную» улицу Иокогамы.

Сейчас же, уладив дело с комнатой, пошел бродить по городу. Впечатление пока серое. Ничего не поделаешь—мысли сосредоточены на другом, не отвлекает даже и интересное путешествие.

Киото. 16-го октября.

После спанья на полу, здешняя постель, на которой можно было бы уместиться втроем, показалась очень удобной. Какой комфорт, какие жизненные удобства создают англичане везде, куда бы они не проникали! Это сторона их творчества вне всякой конкуренции. Чтобы несколько ослабить это ощущение, надо побродить по бедным кварталам туземцев.

А в далекой России?

Там борятся за счастливое будущее, умирая с голоду в богатой хлебом стране и замерзая в нетопленных жилищах среди огромнейших запасов леса, угля, торфа!.. День восхитительный. Сколько любопытного в Киото! По путеводителю, изданному администрацией «Miyako Notel», беглый обзор рассчитан на 10 дней, у меня всего 5, и, кроме того, я еще хочу побывать в Нара и Осака.

Начал с знаменитого буддийского храма Шион-ин (секты Джодо). При огромных размерах храм изящен по стилю. Характерна скромность украшений, главным образом, резьба из дерева; нет тех изумительных красок, как в храмах Никко—здесь лак только черный и золотой. Внутри красивы люстры и то, что у нас называется хоругвями, из золота очень тонкой работы.

Но всего лучше изумительный запах от курений. В Японии, где вас повсюду преследует или запах удобрения полей, или запах горелого жира,—благовоние этих курений удивительно приятно.

В храме тишина, посетителей очень мало, хотя сейчас Киото полно экскурсантов—учащейся молодежи. Ученик—бонза лениво гнусавит себе под нос и монотонно бьет деревянным молоточком в нечто похожее на красный барабан.

С билетом в 5 сен вы обходите внутренние покои храма, где среди целого ряда комнат с старинной живописью, вероятно, весьма ценной для знатоков и любителей, показывают комнату Микадо, наследного принца и просто принцев и принцесс. Это обычные японские комнаты, у наследного принца даже очень небольшая, судя по числу «татами» (циновок—их числом определяются в Японии размеры комнат), с небольшим квадратным возвышением на середине, покрытым четырехугольным шелковым ковриком,—вот и все.

«Соджи» (раздвижные стены) расписаны знаменитыми художниками. Кое-где висят большие, красные шелковые кисти.

В комнатах темно, неуютно. Невесело, думаю, это почетное одиночное заключение. Немного развлечений и в изящных маленьких садиках с карликовыми деревцами, игрушечными озерами и мостиками.

Этот храм, как и масса других, расположен по склонам возвышенностей, окаймляющих город с восточной стороны. Отовсюду красивые виды на Киото.

Сам город расположен в плоской долине по обоим берегам реки Камо, текущей по каменистому руслу в меридиальном направлении.

В противоположность Токио, Киото имеет прямые улицы, что очень облегчает ориентировку. «Японская Москва», конечно, гораздо скромнее Токио. Здесь не чувствуется в той мере, как в богатом Токио, победного шествия капитала. Здесь преобладают: старина, традиции, обрядность... быт.

Из «Шион-ина» попал в храм «Хигачиотани», при котором большое кладбище, красиво разбросанное по склону гор. Долго бродил среди жилищ мертвых. Тишина изумительная, свойственная только японской природе, когда слышишь, ощущаешь свои собственные мысли. Вековые криптомерии величавы, хранят покой усопших. Кое-где курятся благовония (особые свечи).

Седая старушка-японка с коротко стриженой милой головой русской интеллигентки из «народниц» 60 годов, положила на могилу в чашечке рис. Рядом тоненькой благовонной струйкой дымилась поминальная свеча...

Перед каждым памятником, а они на каждой могиле, или цветы, или маленькие деревца—все в зелени.

Мальчик-японец 11 лет водил меня по жилищу даймио, скороговоркой называл все предметы, и заметно удвоил энергию, когда услышал от меня несколько японских слов. К сожалению, за довольно продолжительный период пребывания в Японии, я сделал ничтожные успехи в японском языке, но пригодилось и то, что знал.

Из царства мертвых я сразу попал в волну живой жизни, как только покинул ограду храма.

По улицам шли школьницы и школьники, и те и другие с песнями. Немцы, имевшие большое влияние в Японии перед войной, дали европейскую музыку национальным песенкам японцев. Малышам нравится походный ритм и бравурный напев. Они с удовольствием горланят их во время прогулок.

Чувствуется маленькая армия, которая вот-вот оденет хаки, возьмет ружья и превратится в настоящих солдат.

При входе в район храма «Киномизу» столпилась целая куча школьников и школьниц, пробуют воду, текущую из пасти дракона. Пьют деревянными кружечками с длинными рукоятками. Соблазнился и я. Вода чудесная из горных ключей. Рядом гомон и споры по поводу тяжелых чугунных гета, находящихся у одной из колонн торы (ворота). Великий должен был быть силач, которому под силу были эти чугунные башмаки. Не были ли они когда-нибудь орудием пытки?

По пути в отель заехал в школу гейш, где находится знаменитый зал для апрельского «танца вишен».

Школа—огромное здание японского типа, в отдельных классах-комнатах преподаются: игра на музыкальных инструментах, пластика, танцы, вышивка и, надо думать, искусство занимать гостей.

Я видел класс игры на самизене и кото, там же преподавали пение. Видел уроки вышивки, пластики, при чем юные девочки, все более или менее миловидные, особенно занимались постижением искусства жестов с веером

Три маленьких воспитанницы в коридоре изучали мимику и жесты рук, стоя перед зеркалом.

Нигде не чувствовалось оживления, впрочем, это в стиле японских требований. В школе до 600 воспитанниц, начиная от очень юного возраста. Сопровождавший меня представитель администрации школы заявил, что это единственная школа для всей Японии, и что она очень популярна.

Во дворце «Авата» проводником у меня был опять 11-12 летний мальчуган. По-английски он знал только слово jes (да). При осмотре обычного маленького садика, проводник мой быстро забыл свою роль, увлекся черепахой и, узнав, что я русский, начал расспрашивать, как по-русски черепаха, мост и проч.

Посидев рядом на тумбочках и полюбовавшись видами на Киото, мы возвращались уже друзьями. Маленький Тая-сан (имя мальчика) весело скакал на одной ноге и имел нескрываемое намерение затянуть беседу. При расставании получил 10 сен, что окончательно закрепило нашу дружбу.

В Киото «курума» (рикша) вежливее токийских, лучше возят и не так безбожно дерут: правда, здесь мостовые лучше.

Из дворца «Авата» попал в «Бутокуден»—школу джи-джитсу (особый вид гимнастики)—огромное новое здание на площади, где как раз происходила какая-то священная церемония. На огромном бамбуковом шесте находилось нечто вроде церковной хоругви с плоским золотым языком в виде жала, поднимающегося вверх, к которому, в свою очередь, был прикреплен молоток. Несущий хоругвь танцует и, делая особые телодвижения, раскачивает жало, которое производит звук от ударов молотка.

Упражнение весьма трудное при тяжести и гибкости шеста.

Перед самыми воротами школы встретилась новая процессия—толпа молодежи в светлых с синим коротких костюмах—кимоно—тащила огромные брусья с укрепленным на них очень красивым резным домиком или храмом.

Толпа почти неистовствовала, приплясывая в такт очень короткому резкому напеву. Процессию замыкало какое-то духовное лицо верхом.

Школа, видимо, недавно построена. В огромном зале половина пола голые доски—для фехтования, другая половина покрыта циновками—для борьбы. У стены, противоположной выходу,—ложа, пользующаяся особым почетом, в сторону этой ложи делает поклон каждый, входящий в зал.

Меня просили обождать. Точно в указанное время вошел в зал кто-то из администрации, после глубокого поклона в сторону ложи позвонил деревянным молотком в висящий у дверей колокол. Вслед за ним вошел в зал, видимо, начальник школы, сел по-японски невдалеке от ложи. Все ученики взрослые, дети построились в несколько шеренг лицом к ложе, обменявшись каждый взаимным земным поклоном с начальником, а затем все вместе отвешивали поклон в сторону ложи.

Начались занятия. Послышался удар бамбуковых мечей и неистовый визг, которым всегда сопровождается японское фехтование.

Меня больше интересовало джи-джитсу. Участники в этой борьбе в белых штанах и белых длинных рубахах из прочной материи, подпоясанных черными поясами. Все босиком.

Красивы приемы броски на землю, при чем бросаемый, если это входит в его расчеты, ловко перевертывается через голову, опираясь на руку, согнутую в локте от кисти до локтя. Часто практикуется подножка, многим это стоит поранения ноги.

Боролись с большим азартом, особенно дети с учителями; малыши волчком вертятся около взрослых противников. При джи-джитсу это главная цель—при помощи исключительной ловкости и особых приемов (болезненный нажим на мускул врага, в крайности перелом его кости) не только оказать противодействие сильнейшему, но и одолеть его. При мне во время борьбы в лежачем положении как раз практиковался нажим на мускул, парализовавший вследствие сильной боли сопротивление одного из боровшихся. Искусство в том, чтобы в борьбе быстро найти этот мускул и сделать соответствующий нажим, и самому не допустить этого со стороны противника.

Киото. 17-го октября.

Решил поехать на озеро Бива. Говорят, что название это дано из-за сходства его очертания с старинным музыкальным инструментом самураев «бива», в виде сжатой посредине груши. Бива самое большое озеро Японии около 38 миль в длину и 13 миль в ширину. Существует легенда, что за счет впадины, образовавшей озеро Бива, получилось возвышение, создавшее знаменитую гору Фуджи.

Около начальной станции трамвая, невдалеке от моего отеля, была огромная толпа народа. Кого тут только не было: и дети и взрослые, и бедняки и богатые, и мужчины и женщины. Мимо то и дело мчались автомобили с семьями «нарикенов» и с иностранцами. Я предпочитал трамвай и возможность наблюдать японскую толпу. Ее не изучишь, сидя в автомобиле. Одиночные вагоны трамвая подходили довольно быстро, тем не менее давка была отчаянная, страшно делалось за детей, привязанных по японскому способу на спине матери или няни. Но их как-то не задевали, только один ребенок неистово кричал, видимо, напуганный и слегка прижатый толпой.

В общем же ни криков, ни брани, лезут на перебой, но без грубых толчков, без раздражения, втиснувшись в вагон, сейчас же улыбаются друг другу. Кондуктор принимает самое деятельное участие в нагрузке «до отказа» и затем, переводя соединительный рычаг, добродушно помещает свою особу в раме задней стенки, пока не очистится место на площадке. Он ни на кого не кричит, любезно просит ближнего пассажира дернуть за веревку, (сигнал отправления), так как ему самому не достать веревки.

Он понимает, как его соотечественники любят прогулки к любимому озеру—сочувствует им и помогает.

Ему нет нужды беспокоиться, что кто-нибудь не уплатит проездной платы. «Зайцы» в поездах и трамваях Японии—редкость.

Перед Отзу—конечная станция—трамвай проходил очень длинным туннелем. Японцы вообще щеголяют туннелями, их на любом участке их дорог сколько угодно.

Отзу, главный город префектуры Шига, тоже почти сплошь из магазинов и кустарных мастерских.

Курума (рикша) предложил мне проехать в храм «Мии-Дера»—главный «атракцион» Отзу, как говорится в отдельных путеводителях, но я предпочел сначала побывать у озера. Остановились у небольшой пристани, где было много туристов-японцев и куда довольно часто подходили небольшие беленькие пароходики, вроде наших финляндских на Неве, совершающие рейсы между наиболее излюбленными пунктами побережья.

Как ни заманчиво расписывались местечки Каракази и Сакамото, я не соблазнился поездкой и ограничился наблюдением панорамы озера и окружающих его гор. К сожалению, мешал туман. На востоке мрачным темным силуэтом высился Фуджи. Отсюда он кажется лишенным красок, но величие его конусообразной вершины остается в полной мере.

Рядом с пристанью начало канала, соединяющего озеро Бива с рекой Камо в Киото. Это действительно удивительное сооружение по справедливости составляет гордость Японии. Спланирован канал молодым японским инженером Сабуро-Танабе. Постройка выполнена при содействии иностранных инженеров в 5 лет (1885-1890). Длина до 7-ми миль, из них 1½ мили сплошного туннеля.

За 3 иены можно совершить это подземное путешествие по каналу в особых лодках.

Храм «Мии-Дера» расположен по склону гор, примыкающих к Отзу с юго-западной стороны. Храм занимает огромную площадь и содержит много интересной старины. Между прочим, за 2 сены показывают старинный колокол, который, по легенде в XII веке, был украден гигантом разбойником и унесен на вершину горы «Хеией», вблизи Сакамото на берегу озера Бива. Спустя некоторое время бенкей (разбойник) вернул этот колокол монахам с условием, чтобы они угостили его бобовым супом. Видимо, аппетит разбойника был очень велик—суп приготовляли в котле 5 футов в диаметре. За 1 сен (здесь, как и везде в храмах, на все такса) вы можете видеть этот старый котел возле одной из построек храма. Нельзя отказать монахам в находчивости—старое ржавое железо дает недурной доход. За 2½ сены можно приобрести и жестяную, величиной с наперсток, модель колокола. Торговля идет бойко.

В отеле появилось много русских, часть из них офицеры, пробирающиеся из-заграницы в Сибирь.

Вечером поднимался к могиле «Хидероши». Я насчитал 543 ступени, пока добрался, наконец, до основания величественного каменного обелиска в 27 футов высоты. Вид на город очень красив, но было уже почти темно. Я оказался созершенно один в этом лабиринте храмов, ворот и рощ.

В темноте с трудом добрался до местного «Дайбуцу» (статуя Будды). Статуи не видел. При свете фонарей наскоро осмотрел постройки, вернее

силуэты их. Задержался у дома бонз, они собирались петь «ута»—священные песни, о чем было вывешено об'явление. Но почтенные отцы в белом с синим облачении медлили с началом; собравшиеся мальчишки неистово галдели.

У трамвайных кондукторов видимо более популярен «Mijako Hotel», они всегда дают мне билеты к нему, приходится делать добрую лишнюю версту пешком. Это одна из расплат за незнание языка, а здесь к тому же и выговор значительно отличается от токийского.

Киото. 18-го октября.

По пути к Киотским дворцам заблудился. Произошла ошибка в ориентировке на добрых 90 градусов. Мысленно выбранил полисмена и трамвайного кондуктора, а виновником был, конечно, только сам. Ввела в заблуждение «Episkopal Church» (англиканская церковь) и возводимая около нее огромная каменная школа для девиц имени св. Агнесы. Счет поворотов трамвая был заслонен мыслью о том огромном масштабе, в котором ведут англичане и американцы свою, замаскированную религией, экономическую пропаганду. Невольно напрашивались сравнения... поворот был пропущен, и это стоило потери почти часа времени.

Дворец «Ниджо», или, вернее, замок, куда я попал—резиденция бывших властителей Японии—шиогунов. Построен триста лет тому назад шиогуном Иемитцу из династии Токугава, потомок которых председательствует сейчас в верхней палате и состоит покровителем искусств. Склонность эта, повидимому, унаследована от его великих предков, уделявших много внимания науке и особенно искусствам.

В этом дворце среди многих любопытных вещей особенно красивы золотые орнаменты, а из рисунков чудесно написанный на одной из деревянных дверей зверь вроде леопарда, смотрящий каждым глазом в разные стороны, и «спящие воробьи»—последний рисунок действительно изумителен.

Новинки вытесняют старину—электричество оживляет задумчивый сумрак прохладных комнат, ковры заменяют «татами» (цыновки). Все это смущает тени древних шиогунов, старые дворцы теряют их загадочную прелесть.

Вход в императорский дворец (это уже новая Япония) с восточной стороны через, т. н:, ворота «Ми-даи-до-кого», где ваш пропуск берет дворцовый полицейский, проводит вас в контору; здесь посетитель заносит свое имя в книгу гостей и в сопровождении чиновника идет на осмотр. В конторе же любезно снабжают рукописным английским путеводителем, составленным в порядке обхода.

Дворец прост, кроме панно на стенах, ничего больше нет. Любопытен способ извещения о прибывшем на аудиенцию просителе—в комнате перед приемной микадо одна из половиц качающаяся и поэтому издает легкий звук (скрип) от нажима на нее ногой.

Очень красивы троны в «Ши-ши-ден» (пурпурный зал), в котором происходила церемония коронации нынешнего микадо в 1915 году. Трон

императрицы несколько меньше и беднее украшениями, нет лаковых столиков, на которые микадо кладет меч, скипетр и пр.

Чудесны внутренние садики. Покои, в которых теперь останавливается по прибытии в Киото императорская чета,—закрыты для публики.

На обратном пути заезжал в нашу православную церковь, находящуюся в весьма скромном квартале. Встретил у дверей ограды молодой человек—псаломщик—сын настоятеля отца Андрея Местоки (японец). Сейчас же пригласил к себе в квартиру—бедно; супруга его принесла стакан европейского чаю и две смоквы с деревьев из церковной ограды.

«У нас их много»,—заметил от. Андрей, как бы конфузясь за свое скромное угощение. Из короткого разговора я убедился, что в связи с финансовым крахом русской православной миссии в Японии, о котором я знал от епископа Сергия, еле влачит свое существование и киотский приход.

Прихожан вместе с детьми не более 100 человек. Школа за недостатком средств, распущена. Это не то, что огромное многоэтажное здание св. Агнесы при английской миссии.

Киото,— положительно город храмов. Устаешь перечислять даже их названия. «Киатано»—шинтонский храм, очень красив по стилю, карнизы и крыши очаровательны по рисунку. Великолепен путь к храму из целого ряда ворот и каменных обелисков по сторонам широкой дороги. Интересен навес с художественными изображениями рисованными и лепными, при чем на переднем фасаде навеса помещена наша 3 лин. винтовка, полный набор русского шанцевого инструмента и смятый сигнальный рожок. Эти трофеи русско-японской войны вместе с 37 милл. пушкой, стоящей рядом, воскрешают в памяти миллионов посетителей образы героической и славной для Японии борьбы.

И это по всей Японии, везде в каждом, сколько нибудь известном, храме, музее, парке, не исключая площадей небольших городов и местечек, везде разбросаны для всеобщего обозрения и вдохновения эти трофеи кровавых битв. Для успеха милитаризма это чрезвычайно удачная мысль.

В Киото много статуй быков. Один из таких каменных быков лежит у каменных водовместилищ, его усердно поливают водичкой благочестивые посетители. Это, пожалуй, наиболее дешевая жертва, ценность ее повышается разве только усердием.

Киото. 19-го октября.

Ездил в Нара, городок в 27 милях от Киото, столица Японии с 709 по 781 год. Нара славится лаковыми изделиями, белой бумажной одеждой, производством сакэ, скульптурными и гравюрными изделиями и безделушками из оленьих рогов. Олени в сущности тоже одна из достопримечательностей Нары. Они совсем ручные, всюду бродят по огромному нарскому парку, окруженные такой же лаской и заботой, какой пользуются в Японии только дети.

Дорога в Нару по, т. н., «Kwansai line», вагончики небольшие. Пассажиры нашего поезда преимущественно японцы и семья англичан. Японцы, конечно, со всей своей детворой и обычными узелками. Поезд идет долиной, сплошь засеянной рисом. Встречаются участки промышленного типа с мас-

сой фабричных построек. Всюду густая сеть электрических проводов. Тепло, свет днем и свет ночью—это два величайших блага Японии. Светло целые сутки. Оттого так и тянет на улицу, на воздух.

Проехали станцию «Момояма», где похоронен микадо Матцухито, родоначальник нынешней династии Мейджи.

В Нара маленькая грязная станция, народу без числа, день праздничный, погода чудная, всех тянет побродить за городом.

В парке толпы народа, дети и бродящие между ними олени. Приученность оленей изумительная. Спускаешься с лестницы храма, вдруг вскакивает на ступеньки молодая козочка, посмотрит умными ласковыми глазами, подождет, не дадите ли ей чего-нибудь, затем прыжок, и она далеко около детей или других оленей.

Лучший из храмов «Касуга», где много художественных работ знаменитого скульптора Хидари Джиугоро, автора чудесных никкских обезьянок.

Звонил в знаменитый древний колокол—что-то вроде нашего «Царь-колокола» в Москве—почтенной старины 732 г., весит 37 тонн (2220 п.). Било огромное бревно на канатах. Звон очень мелодичный, но короткий.

Вблизи «Хачиман-чу» мое внимание привлекла музыка и ружейные выстрелы. Пошел туда. Это у подошвы горы «Вакакузаяма» готовилось состязание на скорость под'ема на гору. На горе стояла тоже толпа с флагами различных цветов и иероглифов. Ждали состязующихся. Эти последние построились в одну шеренгу, одетые в крайне несложные белые костюмы с перевязками на головах. После условного числа ружейных выстрелов все бросились вперед. Сначала шли резво, но крутизна под'ема быстро убавила прыть, и я удивился, как скоро и как много выбыло из строя.

Конечно, начал взбираться и я, и, несмотря на сложный костюм, почтенный возраст и вес, оказался далеко не из последних.

По мере приближения взбирающихся к вершине, там начался неистовый визг и гам—это сильно подбодряло на финише небольшую кучку кандидатов на первенство.

Вид с горы прекрасный. Вся Нара, как на ладони. Скат горы покрыт карабкающимися еще людьми и «трупами» свалившихся и не пришедших в себя бегунов. Все это напоминало настоящие боевые сцены атак, не было только грома орудий, огня и дыма. Я был горд, встречая при спуске с горы своих конкурентов, не достигших и половины под'ема.

Внизу на треке тоже состязание в беге под музыку. Вообще везде оживление, спорт, музыка, немного сакэ и совсем не наш флирт. У многих в руках ветки с плодами смоквы и кака (фрукт вроде абрикоса).

У местного Дайбуцу (статуя Будды) большое скопление народа. Статуя Будды огромна по размерам. Будда изображен в сидячем положении, лицо мне положительно не нравилось. В нем что-то даже отталкивающее. Это далеко не тот величественно вдумчивый облик, какой предстает перед зрителем при виде камакурского Будды.

Здесь довольно назойливо собирают лепту. При выходе из храма суют в руки книжку с приложенным об'явлением, что за большую очистительную (конечно, от грехов) дощечку надо заплатить иену, за среднюю—пол'иены и за самую маленькую—20 сен.

Я дал 20 сен и написал в книге свою фамилию по-русски,—да простит мне великий Будда!

Далее у конечного выхода (отсюда сразу не выберешься) пришлось купить открытки. Ими торгуют всюду. Для японцев это очень удобно. У них, возвращаясь даже из короткого путешествия, принято привозить подарки друзьям и знакомым. Роль подарка и исполняет открытка. Дешево—1½-2 сены, а внимание оказано. Имеют большой успех у детей, как подарки, картонные олени, хороши и резные изображения богов и смертных из дерева—напоминают наших кустарей.

В общем Нара мне представлялась несколько иной—более уютной, тенистой, и я того очарования, с которым о ней говорят, не вынес. Никко для меня осталось непревзойденным.

В отеле встретился с английским военным агентом генералом Вудров. Он очень любезно спросил меня, уезжаю ли я в назначенный мною срок, о чем он телеграфировал уже через Нокса моей семье.

Я ответил: «повидимому, нет». Генерал высказал опасение, что мне будет отказано в визе, ввиду существующих будто бы на это очень строгих правил.

«Тогда я буду иметь основание думать, что вы содействуете моему плену в Японии»—дружелюбно ответил я генералу.

Вопросом о срочности выезда, конечно, не без участия Омска, интересуются и французы. Посмотрим. Решительно откладываю от'езд.

Киото. 20 октября.

Бродя за окраиной города, затерялся среди рисовых полей; набрел на артель женщин, работавших на забивке свай. Поднимая прочными канатами тяжелую чугунную бабу, они хором тянули что-то вроде нашей «дубинушки» для большего успеха своей тяжелой работы.

С трудом уговорил их позволить снять фотографию. Опять помогли два-три нужных слова, сказанные по-японски. Вообще японцы перед аппаратом иностранца позировать не любят. Зато их агенты очень злоупотребляют снимками и в открытую, а еще больше, конечно, тайком.

Несмотря на тяжелую работу, женщины весело смеялись, на этот раз, думаю, не по этикету, а искренно, над смешным выговором блуждающего в необычных для туриста местах иностранца.

Признаться, я устал от бесконечных храмов и кладбищ, с удовольствием вдыхал запах полей.

Возвращался домой мимо зданий университета, высшей и средней школы. Все это новейшие постройки. Университет основан в 1897 году. В нем факультеты: права, инженерных искусств, медицинский и общественных наук.

Здесь же госпиталь и медицинский колледж. На соседних прямых улицах много студентов; по фуражкам они напоминают наших железно-дорожных машинистов, такие же канты из белого позумента.

В последние годы образовалось в Японии несколько женских университетов, вернее, это название присваивается частным высшим женским школам. Это дань времени. Японские девушки, борясь за равноправие, стремятся к высшему образованию. Они ярые феминистки и доставляют большое огорчение своим реакционно настроенным родителям. Вместо домоводства и кулинарии они предпочитают заниматься политикой, участвуют в борьбе парламентских партий, в рабочем и даже в социалистическом движении.

Ездил в Хотзу, смотрел знаменитые «Rapids» (стремнины). Очень красив участок от д. Сага до д. Камеока. Здесь стремнина представляет небольшую речку, быстро несущуюся по пенистому руслу в глубоком ущелье, заросшем чудесной зеленью. Дорога часто переходит с одного на другой берег ущелья, поезд то и дело скрывается в туннелях. По реке ходят особые лодки-плоскодонки из тонких досок, без всяких поперечных скреп—для легкости. Доски сшиваются гвоздями, которые забиваются в особых желобках, так что вес гвоздя идет за счет дерева, выдолбленного из желобка.

На лодку ставят стулья для катающихся. Вверх лодку тянут бичевой три человека. Идет довольно быстро. Тройка босиком в легких костюмах почти бежит по береговой тропинке, перескакивая с камня на камень. Находящийся на лодке человек отталкивается и направляет лодку шестом. Проезд 1½-2 ч. стоит в одной лодке 7 иен.

Киото. 21-го октября.

Утром выехал в Осаку. От Киото всего час с минутами езды, можно ехать и электрическим трамваем. Уже не доезжая Осаки, появляются, выставленные по сторонам железно-дорожной линии, плакаты, фабричные трубы и другие аттрибуты большого промышленного города. Осака важнейший центр промышленной жизни Японии, с огромным разнообразным производством и громадным рабочим населением.

Город расположен в долине реки Уодо. Первое впечатление по выходе с вокзала даже неприятное—пыль, шум трамвая, и как будто отовсюду сквозняк.

Привокзальная часть—сплошь конторы, магазины, склады, фабрики, преобладает европейская архитектура. Редкие японские домики кажутся такими жалкими, как-то жмутся среди каменных гигантов, они доживают последние дни.

В этой части города босые ноги японцев кажутся вульгарными, даже костюм их женщин теряет красоту и оригинальность. Для него нет здесь подходящей обстановки, необходимой декорации. Меньше видно и мужских национальных костюмов. Здесь новая европеизированная капиталистическая Япония. Идут навстречу, обгоняют, исключительно местные и приезжие «Business mens» (деловые люди). Почти без перерыва снуют автомобили

разбогатевших купцов, бегут по всем направлениям рикши, все спешат,— здесь время—деньги. Иена, доллар, доллар, иена...

Как это шумно, назойливо после величавой тишины киотских храмов и дивных тенистых садов и парков!

Резкий ветер и пыль портили настроение, суета деловых людей представляла мало любопытного. Я был близок к решению закончить свой вояж и вернуться в Киото, но старый привратник храма «Ниши Нонгвонджи» уговорил меня все-таки взглянуть на Теннoджи и Замок. Там старая Япония.

Замок я посмотрел издали, в нем сейчас размещен штаб квартирующей здесь 4-й дивизии. Мельком взглянул на артиллерийские казармы, конюшни. Ничего особенного, деловая жизнь, пыль. Зато Теннoджи полон интереса. Если Осака в общем европейский город, то здесь, в Теннoджи, несмотря на соседство такого учреждения, как «Луна-парк», со всеми атракционами в чисто американском стиле—тем не менее, настоящая старая Япония.

Район, занимаемый храмами, настоящий городок. Всюду полно народа. Здесь молятся, поминают усопших, смотрят фокусников, лечатся, торгуют, едят и забавляются бродячими актерами.

Перед входом в главные ворота ряд лавченок с разным мелким товаром и с'едобным. Мое внимание привлекли вареные крабы. В чугунном котле, подвешанном на деревянных стойках, кипит вода. Через пену видны покрасневшие уже крабы. Рядом в чану с водой шевелятся их еще живые товарищи, топорщащие свои выпуклые глаза в сторону кипящего котла.

В ограде храма кольцом стоит толпа, слышатся звуки барабана и хриплый женский голос. В середине живого кольца бродячий актер в убогом наряде с огромным мечом изображает танцы древних самураев. Жена его с папиросой в зубах неистово барабанит и что-то поет в ритм барабану. Третье действующее лицо —грязная растрепанная девчонка, видимо, дочь артистической семьи. Ей до смерти надоело «искусство». Она глазеет на толпу и никак не может справиться с своим носом, пораженным сильнейшим насморком.

Еще дальше несколько стариков и старушек набожно молятся перед каким-то каменным идолом, сыпят щепотки риса и курят свечи. Один из старичков истово читает. Старушки внимательно слушают.

Неподалеку расположились продавцы живых и сушеных змей и настоек из них. Кругом толпа покупателей—торговля идет бойко. Я попросил снять фотографию. Один из торговцев привел в порядок свой товар и горделиво встал за стеклянным баком с живыми змеями.

В одном из храмов оживленная практика заклинаний. Женщина двумя вытянутыми пальцами делала пассы над больной частью тела пациента, тыкала потом ими в больное место, дула и что-то шептала. Некоторых она смазывала каким-то маслом особой небольшой кисточкой. Желающих полечиться было очень много.

Рядом целая шеренга слепых массажистов и массажисток. И здесь была недурная практика. Массаж в Японии—везде наиболее распространен-

ный вид труда среди слепых. Многие из них большие искусники в этой области.

В одном из портиков храма толпа. Опускают молитвы или поминанья на дно находящегося здесь большого колодца. Поминанья написаны на небольших тонких, как стружка, дощечках, которые кладутся в деревянные кружечки на длинных рукоятках и опускаются в воду. Все это делается весьма заботливо и с глубокой верой. Здесь, главным образом, женщины.

По соседству танцуют фокусники, смех, живой обмен остротами. Это не смущает каких-то странных людей в белом одеянии с огромными соломенными шляпками на головах и деревянными коробочками на груди. Не то монахи, не то сборщики на храмы. Они величаво и гордо бозмолвствуют, красиво отставив длинные палки—посохи.

Кругом варят, жарят, едят, пьют. Всюду жизнь, всюду движение.

Теннодзи считается одним из самых обширных буддийских храмов. Основан около 1300 лет тому назад принцем Шотоку. Среди зданий храма 5-тиэтажная пагода в 147 футов высоты.

Да, здесь, как нигде, старая Япония, с ее суевериями и бытом, может быть, немногим отличающимися от эпохи Шотоку.

И какой контраст с остальной Осакой, с ее автомобилями, будирующей прессой, стачками, с тяжелой борьбой за жизнь, с общей погоней за новым кумиром—долларом-иеной!.

Может быть, от всех этих новшеств и бегут слушать заклинания в старом Теннодзи и пить настойку из змей.

Элементарная грамота, даже и поголовная, еще не в силах покончить с привычным суеверием и темнотой. Они еще долго продержатся в портиках старых храмов. Борьба будет длительной и упорной.

Вернулся в Киото. Хотелось использовать последний вечер для ознакомления с местным театром. Но наиболее известный здесь театр «Минамиза» закрыт до будущего месяца. То, что видел на Театральной улице, очень сходно с токийским Кабуки-дзу. Игра, пение, декорации интересны, но лучше всего, конечно, костюмы. Давалась какая-то волшебная сказка. Народу было не очень много.

Киото. 22-го октября.

Сегодня покидаю Киото. Утро посвятил рынку. «Саканоя» (рыбная лавка) чрезвычайно богата сортами рыб. Чистота и изящество препарирования и приготовления порций изумительны. Если это результат надлежаще организованного санитарного надзора, у него есть чему поучиться нашим комиссиям, наблюдающим за рынком.

В продаже масса грибов, сейчас как раз их сезон. Любопытно приготовление молочных блинов. В четыреугольных деревянных кубах кипит смешанное с чем-то молоко. По мере образования пенки получается квадратный блин, чрезвычайно тонкий, как папиросная бумага; его снимают особыми палочками и сушат тут же на деревянных перекладинках. Блины эти потом изящно свертываются, обертываются сушеным листом и в таком виде пе-

редаются покупателю. На 10 сен давали не особенно много, видимо, это блинное удовольствие не очень дешевое.

Рынок—целый город, чего и кого там только нет. Последнее развлечение—знаменитая октябрьская процессия «Джидай Матсури», или процессия Даймиев.

Для иностранцев, взявших билет на процессию, был устроен особый балкон, где собрались почти все обитатели нашего отеля. Там же, но ступенькой выше, поместилась юная японская принцесса в чудесном кимоно и оби.

Моим соседом оказался атташе чехо-словацкого посольства, капитан Р., сообщивший мне последние сибирские новости, а также и то, что меня разыскивает курьер из Владивостока.

Процессия очень интересна и по группировкам и по костюмам. Старый мир эпохи даймиев проходит перед глазами более чем на протяжении 1½-2 верст. Замыкалось шествие рядом огромнейших носилок с поставленными на них тронами и походным храмом. Японская публика начала хлопать в ладоши, выражая этим молитвенное благоговение. Иностранцы приняли это за аплодисменты и начали громко аплодировать. Получилась некоторая неловкость, но где же разобраться во всех этих тонкостях.

Любопытная деталь. Культура стесняет старину. Густая сеть телеграфных и телефонных проводов мешала процессии. Башни-носилки приходится делать ниже и скромнее—они задевают провода.

Вечером покинул Киото. Купэ спального вагона на японский рост—европейцу тесновато. Какой комфорт давала наша железная дорога, это начинаешь сознавать только заграницей.

VI.

Опять в Токио.

Токио. 24-го октября.

Полоса травли. «Открытое письмо моим друзьям» вызвало резкое раздражение среди омских и местных патриотов. Бас Селиванов, концертирующий здесь с певицей Черкасской*), грозит расструбить на всю Россию, что я «продался жидам». Голос у С. превосходный, и я буду очень рад, если его намерение будет содействовать успеху его концертов.

В газете «Дальний Восток» во Владивостоке появилась перепечатка интервью неизвестного мне г. Бутова, товарища главноуправляющего делами Верховного Правителя и Совета министров, в котором болтливый омский чиновник называет мое публичное выступление «антиправительственным, низким и преступным».

В письме в редакцию я напоминал Бутову «что Омское Правительство ныне, хотя несколько иными методами, идет по пути проведения той же идеи, о котором говорится в моем «Открытом письме моим друзьям», что поэтому г. Бутову, как официальному лицу, надо быть осторожнее в своих суждениях, а также принять к сведению, что «в Великом Государстве Российском, кроме холопов, есть и граждане.

Мне сообщили, что имя мое сопоставляется уже открыто в связи с какими-то событиями, назревающими в Сибири.

Киото. 26-го октября.

Был Подтягин. Начал с невинного вопроса: правда-ли, что ко мне приезжала депутация от Гайды и что я имею связь с сибирскими событиями. — «А вы задаете этот вопрос по собственному почину? Если да—я информировать вас не обязан, если по указанию свыше—запросите меня официально—тогда я отвечу».

«Нет, я, конечно, воздержусь ставить этот вопрос на официальную почву»—ответил смущенно Подтягин.

«Тогда ваше любопытство останется неудовлетворенным».

Коснулись вопроса о визе. В принципе он тоже возмущается угрозой со стороны союзников лишить меня визы.

---

*) Талантливая артистка Мариинской оперы в Петрограде, впоследствии, будучи во Владивостоке, вызывала через газеты на дуэль представителя Франции в Сибири генералаЖанена «за предательство Колчака», после расстрела его в Иркутске.

Пришла чета М., начались потрясения, они громили всех, в том числе и меня, за противодействие Омскому Правительству, за саботаж концертов Черкасской. Передавали кошмарные повествования о зверствах большевиков со слов бежавшего из России какого-то студента Ш., сопровождавшего Черкасскую.

Оба М. чрезычайно темпераментны. Я люблю их вспышки, под них хорошо думается о другом. Однако, чтобы поддержать их настроение, я заметил, что инициаторы концерта, в том числе и они, позволили себе, выражаясь мягко, бестактность, об'явив, что сбор идет в распоряжение Верховного Правителя, другими словами, «вы хотели устроить плебисцит, выявить число сторонников Колчака, вот и получили—это вам урок».

В результате концерт русской колонии дал 1200 иен, это, конечно, немного.

От Подтягина узнал, что в Иокогаме находится Н. Н. Головин, только что прибывший из Сибири. Он болен, поместился в «Hotel France» Прогноз мой был правилен, телеграммы мне из Омска Н. Н. не прислал.

Слышал сплетни о Толмачеве. Он выехал с какой-то важной миссией во Владивосток. Говорят разное: одни, что он поехал организовать русско-японское антиеврейское общество; другие, что его задача—установить связь между Владивостоком и токийской полицией.

Говорят также об уходе военного министра Колчака генерала Будберга и о предстоящей будто-бы замене генерала Розанова генералом Романовским.

Посетил Н. Н. Головина. Жалуется на общее нервное расстройство, мечтает о санатории, собирается в Беппо (курорт). Возмущается моей нетерпимостью, все еще мечтает определить меня на службу в Сибирь.

Говорит, что многие меня осуждают, но есть и сторонники, среди последних, к крайнему моему удивлению, Нокс и Сукин, последнего я даже и не знал. Роль самого Головина, по его рассказам, ограничивалась исключительно добровольным сотрудничеством по отражению похода большевиков на Омск. Всем орудует генерал Дитерихс, начальником штаба у него Рябиков.

Головин, видимо, не произвел того эффекта, на который рассчитывал, едучи в Сибирь на должность начальника штаба Колчака. Возвращаться на юг, тем не менее, он не хочет—«вернусь к Колчаку или останусь во Владивостоке».

Вечером познакомился с П.—интересный и талантливый человек, бывший военный инженер. После революции 1905 года бежал в Японию, где и застрял. Сейчас, видимо, опустился.

Токио. 28 октября.

Опять слякоть и дождь. Письмо Н. В. Чайковскому разрастается в целую тетрадь. Я уже отметил, что он «сменил вехи» и оказался в лагере, поддерживающем правительство Колчака, и резко упрекал меня за отказ последовать его примеру. Я дал кое-какие обоснования моего отрицательного отношения к Омску.

«Новой власти», писал я, «не удалось не только победить большевиков, но даже установить прочных симпатий среди населения»... и «те две основные предпосылки, о которых вы говорите в вашем письме—«престиж силы» и «доверие населения»—едва ли могут быть полностью приписаны этой власти»...

Что касается помощи союзников, то «я все более и более прихожу к заключению об односторонности этой помощи. Помощь эта, выражаясь, главным образом, в доставлении средств борьбы, способствует все большему и большему развертыванию сил обеих борющихся сторон и вместе с тем распространению гражданского пожара на всю территорию России. Я не говорю уже о гибели вследствие этого и без того бедной культуры и тех технических сооружений, которые созданы трудом прежних поколений, но само население, озлобленное непрерывными мобилизациями, оказавшееся всюду в районе боевых действий, невольно становится в оппозицию и, в свою очередь, расценивается или как большевики, или как контр-революционеры» (в зависимости от того, кто пришел)...

«Единая, великая и крепкая Россия нужна только России»...

Я писал, что... «может быть власти, борющейся с большевиками, придется временно воздержаться от всероссийских претензий и перейти к предварительному устройству областей»... «мысль эта, диаметрально противоположна той идее, которая была первой поставлена на разрешение Директории—сложение всех полномочий всеми областными и другими правительствами во имя Всероссийской власти» и это потому,... «что в положении тогда и теперь огромная разница. Тогда идея единая жила в сознании всех, кто искренно прикасался к вопросу о возрождении Родины»...

Сегодня вернулся в Токио Микадо, встреча скромная, только конвойный взвод кавалерии, зато много полиции.

По газетам, большевики на сибирском фронте перешли в наступление.

Г. N—ki, говорит об усиливающемся антогонизме против кабинета Хара из-за повышения цен на предметы первой необходимости—«заседания парламента будут весьма бурными... теперь очень довольны только крестьяне (до 80 проц. населения), благодаря высоким ценам на рис, но мы все, кто получает жалованье, страшно страдаем от дороговизны».

Токио. 29 октября.

Долго сидел у Н. Н. Головина. Он чувствует себя хуже, чем я предполагал. Кроме физических болей, острое нервное раздражение. «Я чувствую себя под влиянием нарождающейся фобии—еле переношу людей».

Да, несмотря на всю присущую ему энергию, «просвещенный абсолютист», как он в шутку назвал себя, подавлен событиями и едва ли приспособится к новому строю жизни. Это, конечно, и не легко. Многие неизбежно отомрут. Страна почувствует их утрату, но, конечно, не скоро.

Н. Н. не оставляет мысли о моем сотрудничестве в Сибири, он убежден, что Колчак хотя и изжит, но еще нужен для России, сознает, что в Омске идут не туда, куда следует, и тяжело страдает.

С удовольствием вспоминает совместную работу в военной академии: «про старое я говорю с удовольствием, но про новое»... Как крушит суровый революционный шквал даже прочных духовно людей.

Токио. 30 октября.

В «Advertiser» опять затронут вопрос о признании Колчака—старая песня, звучащая все более и более фальшиво.

Поется она с голоса американцев, которых тревожит усиливающаяся близость японцев с атаманами.

Токио. 31 октября.

На «Гинзе» в окне «American trading Co» выставлена реклама, изображающая Вильгельма, мучимого сознанием своих преступлений. От него тянутся в разные стороны канаты, закрепленные огромными гвоздями. На головке каждого гвоздя что-то написано по-японски—вероятно, название преступления. Над Вильгельмом пять союзных флагов, русского, конечно, нет, это, пожалуй, и не плохо—не особенно приятно красоваться над глупостью даже флагу.

Рядом на плакате «articles» (выписки) о значении Лиги Наций и цитаты знаменитостей среди них: три последних американских президента—Клемансо и еще кто-то.

Реклама своевременна—в Японии как раз идет вопрос о ратификации Версальского мирного договора.

Отсутствие русского флага среди союзных флагов дает основание глазеющим в окно японцам думать о лживой выдумке, будто-бы русские тоже проливали кровь за «всеобщий мир».

Токио. 2 ноября.

Во время прогулки около императорских дворцов хотел посмотреть место вчерашнего взрыва у дома министра иностранных дел. Смотреть оказалось нечего, бомба не оставила даже и следа. Возможно, что взрыв провокационный—уж очень хочется японцам почистить их страну от иностранцев, среди которых все время чудятся большевики. Кто-то острил, что бомба—покушение нашего посла «Кулпенски», как исказили его фамилию в газетах. Он был на балу у мининдела и, как дипломатический старшина, говорил речи.

В Хибиа-парке выставка хризантем и ромашки. Есть чудесные экземпляры, продукт редкой культуры и исключительной любви японца к цветам. Хризантема—национальный цветок, императорский герб—золотая 16-тилепестковая хризантема.

Хороши и выставленные карликовые деревья—столетние крошки в несколько вершков высоты!

В стороне студенческий митинг. На трибуне пять ораторов не говорят, а что-то поют нескладно, но с большим жаром. Под конец, впрочем, была и речь, покрытая громким «банзай» (ура) Японии с поднятием вверх шляп и рук. Полиции было много, но услуг ее не потребовалось. После одушевленных криков «банзай» все мирно разошлись.

Токио. 3 ноября.

Много говорили с Н. Н. Головиным о текущих событиях. Он, повидимому, сильно повлиял на решение Колчака созвать государственное земское совещание. Колчак выражал опасение, что создастся говорильня, которую придется разогнать. Типичные опасения. Головин приводил ему слова председателя I-й Государственной Думы Муромцева о том, что «всякое законно-совещательное учреждение переходит в законодательное», а также указал, что, собирая совещание, нельзя думать о его разгоне.

В Сибири дела нехороши. Сегодня даже «Русское Бюро печати» дает весьма мрачный материал—отход на всем фронте, потеря Тобольска, эвакуация Омска. Колчак заставит Сибирь вспомнить его пресловутое диктаторство.

Нехорошо и у Петрограда—Юденича загнали в Таицкие болота. На юге потерян Воронеж.

Токио. 4 ноября.

Е. Д. сообщил, что обокрали Ш., поехал проведать. Действительно, они пережили передрягу. Вор пробрался через оставленное открытым окно уборной, вошел на кухню, поцарапал ножем лицо старушки-кухарки и приказал ей вести его к хозяину за деньгами.

Близорукий, безоружный Ш. спросонья и от волнения ничего не мог сделать с вооруженным бандитом. Перепуганная супруга, зная японские порядки, что помощи не дождешься, отдала наличные деньги 300 иен. Удовлетворенный вор спокойно удалился.

Любопытно, что две прислуги, которым ничего не стоило выбежать из их комнаты на двор и крикнуть о помощи, не сделали этого и пролежали до утра, плотно закрывшись татами и подперев предварительно свою дверь.

Когда вор исчез, явилась полиция. «Подали 14 карточек-анкет,— жаловался Ш., каждую приносило два полицейских—допрашивали двое суток... Я извинился и заявил, что вор отнял у меня всего три минуты, а вы целых двое суток».

Заходили с выражением соболезнования соседи, все делали вид, что и не подозревали, что произошло ночью.

Бегут только на крики «пожар», потому что легко сгореть и самому, а тут иное дело, ведь вор пришел не убивать, а выполнить лишь небольшой социальный эксперимент—соседей это не касается.

Любопытно, что когда дети Ш. пришли на другой день в школу, учительница с довольно заметной насмешкой спросила их, как это их отец белый (европеец) спасовал перед японцем. Она, видимо, была горда победой своего соотечественника.

В прошлом году вор-японец, при обороне со стороны ограбляемого миссионера-европейца и его жены, убил их, главным образом, потому, что европеец позволил себе (во время обороны) поднять руку на него, сына заслуженного фельдфебеля! Каково! Вор и с такой амбицией в отношении заслуг своего отца. Вот и поймите психику азиата.

Токио. 6 ноября.

В газетах тяжелые вести из Сибири. Большевики прорвали фронт и угрожают Омску. Конечно, решено обороняться «во что бы то ни стало».

Дни диктатуры сочтены. А сколько страданий населению! Платится всегда третий.

За обедом у Б. познакомился с любопытным «стратегом», горячим приверженцом Омска. Он об'яснял мне последние события у этого города, как какой-то весьма хитрый «стратегический маневр, чтобы дать скорее возможность Деникину занять Москву». Я не хотел разочаровывать ни мо-

лодого стратега, ни остальных гостей любезных хозяев, и скромно соглашался с его выводами.

С начала мировой войны, и особенно за революцию, стратегическая болтовня приняла ужасающие размеры, соответствующие разве только количеству народившихся полководцев.

Токио. 8 ноября.

Был на японском благотворительном базаре в старом чудесном парке «Караку-ен». Изобилие красивых (по-японски) лиц, кимоно и оби. Был весь японский «monde». Торговали бойко, хотя вещи большею частью дрянь. Среди дипломатов и наш Крупенский. Он очень весел. Д. об'ясняет это тем, что, в связи с крахом Омска, отпадает вопрос о признании. Восстановляется прежнее «status quo», т.-е. посольство становится, как и раньше, самостоятельным, представляющим Россию, которой уже нет. При обеспеченном, за счет боксерской контрибуции, содержании лучшего и желать нельзя.

Токио. 9 ноября.

Был майор Н. По мнению японцев, Колчак кончает свою роль, но они думают, что и новая власть будет не лучше. Спрашивал, что я думаю о монархии. Им, видимо, кем-то настойчиво внушается мысль, что крестьянство только и живет мечтой о монархии. В японском генеральном штабе есть слух, что будто бы в Иркутске Дербер совершил уже «coup d'êtat». Думаю, что это слух преждевременный.

Перечитал указ Микадо Мацухито от 30 октября 1890 г., который генерал Уехара считает основой военного дела в их армии. Привожу его полностью:

«Родоначальник нашего императорского дома и другие царственные предки наши заложили основания нашей империи на величественном и долгом базисе и глубоко насадили доблести, кои будут лелеемы вечно. Добронравие наших подданных, из поколения в поколение проявлявшееся в лойяльности и благочестии и в гармоническом сотрудничестве, способствовало долговечности нашей родины. Вот основные начала для воспитания наших подданных: будьте преданы вашим родным, как мужья и жены, и верны вашим друзьям; пусть поведение ваше будет вежливо и выдержано любите ближних, как самих себя, будьте прилежны в своих занятиях и следуйте каждый своему призванию, развивайте ваши умственные способности и воспитывайте в себе нравственные качества; содействуйте общественному благу и служите интересам общества; всегда оказывайте строгое повиновение конституции и всем законам нашей империи; развивайте свой патриотизм и свое мужество и этим оказывайте нам поддержку в возвеличении и сохранении славы и благоденствия нашей империи, одновечной с небесами и землей.

Такое поведение с вашей стороны не только подобает нашим добрым и верным подданным, но также дает возможность проявиться обычаям и нравам, завещанным вам вашими предками.

Эти наставления, оставленные нам нашими царственными предками в предуказание того образа поведения, которого мы и наши подданные должны придерживаться, пользовались несокрушимою силою во все прошлые века, как и в настоящее время, и во всех странах. Вследствие чего мы уповаем, что ни мы, ни наши подданные не приминем во всякое время неукоснительно соблюдать эти священные начала».

Токио. 11 ноября.

Вчера, отыскивая квартиру Т., лишний раз убедился, что у японских полисменов ничего нельзя спрашивать—запутают окончательно.

В газетах крайне тревожные вести с северного Кавказа. Обстановка в Сибири неимоверно запутывается. Призываемые, наконец, к работе самоуправления едва ли помогут делу. Семенов будто бы перехватил золото, направленное во Владивосток. Значение его усиливается, но едва ли это на плюс не только России, но даже и Сибири.

Атами. 13 ноября.

Поехал навестить Н. Н. Головина в Атами—зимний, по преимуществу аристократический курорт Японии. Теплые ванны из Гейзера. До Хотзу—старая знакомая дорога. Перекусили японским «бентори»—завтрак из коробочки риса и коробочки с зеленью, кусочком рыбы, курицы, омлета и пр.

Всего очень понемногу. Вкусно и питательно. Стоит 40 сен, да молоко 17 сен—весь завтрак 57 сен. Продают на всех станциях.

В Одавара пересели на паровую конку с крошечным первобытным паровозчиком. Вагон узенький и грязноватый. Цена билета 2-го класса 1 р. 69 к.

Дорога чудесная, но ехать по ней советуют, запасясь предварительно завещанием. Все время идет над обрывами и уклонами, с поворотами почти под прямым углом.

Весь путь, особенно первая его половина,—среди сплошных померанцевых и мандариновых садов. Теперь как раз начало сезона мандаринов. Урожай отличный, деревья еле сдерживают массу желтеющих плодов. В попутных деревнях всюды горы ящиков для упаковки мандаринов. Здесь это видный источник заработка населения. Цена на месте 1, 5 до 2,5 сен, штука конечно, дорого. Впрочем, что теперь дешево, даже в Японии?

Весь путь, 28 верст, тащились 3 часа.

Атами—небольшая деревня с недурной набережной, магазинами, гостиницей. «Атами-отель» (для европейцев)—весьма посредственный по устройству, но с чудесным видом на океан и с очень приятными горячими ваннами.

Местная достопримечательность—огромное камфорное дерево до 7-8 сажен в об'еме весьма почтенного возраста.

Из долгой беседы выяснилось, что быстрый от'езд Головина из Омска был не без давления со стороны Дитерихса. Головин, как и большинство работавших из-заграницы русских, не был достаточно ориентирован относительно сибирской обстановки и излишне адвокатствовал перед английским парламентом. Думает ехать в Маниллу.

Токио. 14 ноября

Головина волнуют характеристики омских деятелей. Он с некоторым скептицизмом относится к южно-русскому движению. Там любопытное распоряжение относительно нового урожая: $^2/_3$ получает крестьянин, $^1/_3$—помещик, еще любопытнее, конечно, как относится к этому население.

Беседа с Н. Н.—большое удовольствие, он много читает и еще больше думает, у него много данных для широкой работы в области мысли.

Возвращаюсь в Токио.—Ночью поездка в паровой трясучке и утомительна и скучна.

Токио. 15 ноября.

Был В-р, у него уклон в сторону Москвы. Будто бы это настроение крепнет и в Сибири, все хотят работать под каким угодно флагом,—так изнурила всех гражданская распря.

Генерал Х. много говорил о владивостокских событиях. Он сближал Розанова с Медведевым и Гайдой. Комбинация весьма сложная. Одно время там очень ждали меня.

«Я уже просил полковника И. выслать кого-нибудь на пристань к пароходу «Хозан-мару» встретить вас, так настойчив был слух о вашем прибытии во Владивосток; телеграфировал сюда в Токио—нам ответили, что вы еще не собираетесь ехать».

Мировая война и революция делают свое дело, не остается вне влияния новых идей даже такая страна, как Япония. Несомненно слабеет и здесь столь прочно привитое обаяние монархии, и теперь, к концу года, Япония далеко уже не та, какой казалась она в первые месяцы после моего приезда.

Дороговизна плодит недовольных. Они об'единяются пока требованием всеобщего избирательного права.

Недовольство проникает в ряды военных, особенно отставных и состоящих в резерве. Нищенская пенсия для отставных не дает даже минимального обеспечения среди наростающей дороговизны. Достаточно указать, что к 1919 году рис вздорожал на 360 %, сахар—на 460 %, соль—на 130 проц., хлопчато-бумажные ткани на 350-400 проц. против довоенных цен.

При крайне незначительном увеличении заработка положение делается действительно весьма грозным. Еще русско-японская война 1904-1905 г. г. внесла значительные изменения в настроение широких масс Японии. Для тех, кого непосредственно коснулись ужасы войны, среди осиротелых семей, в рядах инвалидов значительно поблек милитаристический пыл, слишком тяжелой оказалась «повинность крови».

В свою очередь, буржуазия и «патриоты» были недовольны исходом войны, результатом достигнутых побед. Повеяло душком пацифизма. Привычные идеалы менялись; созданные бытом и традицией авторитеты теряли прежнее обаяние.

И мировая война, захватившая Японию лишь в самой незначительной степени, выгодно отразилась только на весьма небольшой группе торговцев и промышленников, широким же массам, и прежде всего рабочему населению, пришлось быстро испытать на себе результаты расстройства мирового хозяйства—познакомиться с невиданной доселе дороговизной жизни и назревающей безработицей.

Все это создает благоприятную почву для развития демократических идей. Это течение под влиянием Америки особенно прочно укоренилось в министерстве иностранных дел. Безудержный милитаризм становится одиноким.

Идея создания на Дальнем Востоке «демократического буфера» заметно крепнет.

Токио. 17 ноября.

В читальне отеля встретил полковника Д., едет в Омск из Парижа. Бранит Керенского, защищает Колчака,—«надо же было кого-нибудь выдвинуть». По его мнению, Франция застрахована от большевизма.

В русских газетах «отходная» Омскому Правительству, даже кадетский «Голос Родины» приуныл и начинает делать печальные выводы о годичной работе Правительства.

Колчак продолжает издавать «повеления», теперь уже больше для истории, хотя еще заверяет, что не отдаст Омска. Обещает землю солдатам и крестьянам, давно уже ими захваченную. Взывает к мусульманам, которых собирается вести против русских (большевиков) под «Зеленым знаменем пророка».

Тоже роковой человек для России.

В командовании опять перемены. Дитерихса сменил командующий «Московской армией» (предназначалась для занятия Москвы) генерал Сахаров—при мне скромный полковник, теперь даже кавалер Св. Георгия 3 степени.

Каппель получил Московскую армию, Иванов-Ринов—высокий пост помощника Сахарова.

Розанов флиртует с атаманами, вознес до небес Калмыкова. В запасе ставка на Семенова.

Токио. 18 ноября.

В Сибири совсем плохо.

Ллойд-Джордж поднимает вопрос о переговорах с большевиками. Во Франции ожидается генеральный парламент. Генерал Сарайль грозит открыть поход против Клемансо, собирается проводить закон о 8-мимесячной военной службе. После опыта этой войны, это, пожалуй, и не так уже плохо при грамотном и развитом населении. Мысль эта была у Ч. в его статье для журнала «Армия и народ» (1918 г.).

Забастовка трамвая в Иокогаме кончилась, кондуктора кое-чего добились, но пока немного. П. передавал, что в союзнических кругах начинают сознавать неправильность ликвидации Директории. Запоздалое сознание.

Токио. 19 ноября.

Омск пал. Колчак с остатками, расходящейся по домам, армии, отходит на восток. При нем будто бы еще 300-400 миллионов золота. Удастся ли довезти эту огромную сумму—вопрос весьма сложный. Слишком соблазнительная цифра, чтобы за ней не охотились.

Во Владивостоке нелепое выступление Гайды с частью чехов, рабочих и будто бы эс-эров. Выпущена программная прокламация. Движение явно нежизненное: кто же пойдет за этим новым «диктатором» из чехов. Он был пригоден, как средство,—и только.

Во всяком случае, Розанов победил и даже пленил Гайду, которого под честным словом решено выпроводить заграницу. Решение мягкое, но все же одним «спасителем»[258]) будет меньше и то хорошо.

Розанов, несомненно, возомнит о себе, сочтет себя провинциальным человеком, начнет истреблять «крамолу», как в Енисейской губернии. Его настойчиво подуськивают к этому тупые и слепые вожаки справа.

Курс докатился до 80 рублей за иену.

Токио. 20 ноября.

Был у генерала Хагино. Хотел поздравить его с недавней женитьбой. Не надеясь на кулинарные способности своей кухарки, Хагино потащил в известный японский ресторан «Микавайя». Обедали в новом помещении, против обыкновения чрезвычайно весело. Оказалось, что и гейши не такие куклы, когда они среди японцев и когда европеец хоть что-нибудь понимает на их языке. Но все чрезвычайно корректны.

С. К. под конец затянул даже «Спрятался месяц за тучки», а вслед за ним совершенно для меня неожиданно серьезный майор Н. тоненьким тенорком, зажмурив глаза, начал: «Шумел, горел пожар Московский». Пришлось тряхнуть стариной и мне.

Пришла хозяйка ресторана, почтенная худенькая японка, весьма любезно справилась, все ли в порядке. По японским понятиям—это знак особого уважения к гостям.

Токио. 21 ноября.

Намекнул Головину на возможность моей поездки в Сибирь.

«Нет, теперь уже поздно», заметил в сильном волнении Н. Н.

Здешнее русское «Бюро печати» выпустило книжку на русском и японском языках: «Большевики в роли руководителей и управителей».

Материал, рассказы беженцев и письма, подобран не без таланта, с явным кивком в сторону евреев.

Советская Россия, конечно, представлена адом кромешным. Освещение с тем односторонним и злобным пристрастием, которым в таком изобилии пропитана вся пропагандистская литература обеих борющихся сторон. Автор книжки—небезызвестный Гурлянд. Так о евреях может написать только еврей!

У Высоцких вспоминали Россию и почему-то хорошие волжские песни, как-то на душе даже отлегло.

П. показывал его телеграмму в «Новости Жизни»,—неприкрытая проповедь мира с большевиками.

Токио. 22 ноября.

Рубикон перейден. Был у Крупенского, передал ему телеграмму председателю Совета министров и по другим адресам о том, что я считаю патриотическим долгом свой немедленный приезд в Сибирь.

«Связи настоящим положением Сибири, желая посильно помочь Родине, считаю патриотическим долгом немедленный приезд в Сибирь целью изложить свои соображения Правительству и общественным организациям Сибири точка Неимении препятствий прошу срочного ответа через российское посольство Токио 22 ноября 1919 г.»

Крупенский весьма обеспокоился и заявил, что он не может передать копию представителям союзников в Сибири. — «Неудобно их вмешивать в наше внутренее дело».

Я согласился, имея в виду известить их отдельно. Решил сообщить для сведения и Розанову.

Сначала Крупенский даже как-будто выразил сомнение в наличности Совета министров; с его стороны, это могло быть просто дипломатической уловкой—повод не посылать депеши. Он считает положение крайне тяжелым и винит во многом союзников.

По его мнению, японцы не дадут войск, хотя второй день в газетах сообщение о подготовке к отправке в Сибирь бригады 13 пех. дивизии. Но ясно, что это не в помощь Колчаку, а для закрепления «спокойствия» на Дальнем Востоке.

Против активной военной помощи высказывается большинство партии «сейюкай». Хара и другие члены кабинета колеблются.

Заходил Хагино, его тоже несколько взволновало мое решение, но он находит его правильным.

«Хорошо, что вы послали через вашего посла, ато у нас в главном управлении генерального штаба были сведения, что вы не в ладах с вашим послом и военным агентом».

Заверяет, что сочувствие японских руководящих кругов будет на моей стороне. Беспокоится, что Колчак и его правительство не согласятся на мой приезд, и предложил мне содействие их посла Като. Я пока отказался. Меня тронула его забота, он находит, что меня надо обеспечить надлежащим конвоем. Это будет видно, на все судьба.

Дал копию телеграммы для начальника Генерального штаба и посла при Правительстве Колчака Като[259]).

Узел завязан, морально это всегда мой плюс, как бы не поступил Колчак и его близкие. Чувствую легкий под'ем. По старой привычке заехал в собор. Епископ Сергий поправился.

Для широкой публики я «жду парохода в Марсель». Думая о причинах неудач антисоветского движения, я вспомнил выдержки из одного письма, относящегося к июлю. Они касались решения аграрного вопроса на юге России. Там, в связи с успехами Деникина, очень заняты этим вопросом, и уже находят недопустимым даже кадетское «принудительное отчуждение» и крайне обеспокоены весьма «левыми» декретами Колчака о земле. Особенно их волнует участие в работах по землеустройству в Сибири социалиста—проф. Огановского[260]).

Наивные люди уже мечтают о продаже отвоеванных Деникиным их имений.

Любопытно: питает ли в них эти иллюзии сам Деникин, или это мечты окружающих его людей.

За день или два до падения Омска здесь говорили, что руководитель здешнего «Русского бюро печати» заявил о резком повороте Омского Правительства вправо, что отвечало и слухам о назначении премьером Третьякова (московского промышленника) или кадета В. Пепеляева.

А в Японии даже штаб-офицеры из отставных иногда выражаются, что «уравнение земных благ вовсе не худо». Как заманчива и как несбыточна

идея уравнения! Проста до примитивности, и все-таки все клюют на нее, как рыба на живца.

Токио. 24-го ноября.

Связь с Сибирью затормозилась. В военном агентстве новый фаворит—Розанов, там очень ругают Гайду. Головин одобряет мою вчерашнюю телеграмму, но считает крайне ничтожным шанс на реальные последствия. Он еще не может покончить с Омской эпохой и не представляет нового нарождающегося этапа в судьбах Дальнего Востока. Мои устремления только в этом направлении. Омск—уже перевернутая страница истории; ему не хватает только эпилога. Н. Н. сейчас в процессе оценки мировых событий во всей их совокупности—это отвлекает его от сибирского вопроса.

Токио. 25-го ноября.

Поехали с Высоцким на завтрак к японскому художнику Кюме. Зная хорошо маршрут, я допустил обращение шоффера к полицейскому с расспросами о дороге (вилла Кюме за городом), и, конечно, все пропало. Полицейский направил нас в совершенно обратную сторону. Около часу плутали по каким-то закоулкам и по грязному полю, смерзли отчаянно (сегодня очень холодно) и едва не сломали автомобиль.

Выручил унтер-офицер, производивший учебную с'емку на военном поле. У него был подробный план, кое-как втроем: я, шоффер и унтер-офицер,—отыскали, что нужно. Приехали с опозданием на целый час.

Дом Кюме — настоящий загородный дворец в дивном огромном саду. Завтракали по-японски в концертном зале с огромной сценой, где отец художника, сам поклонник искусств, танцует со своими друзьями старинные танцы из японских классических «но».

Холодище в огромном зале был отчаянный, с трудом согревали отличный, хорошо подогретый «сакэ» и жарко тлеющие угли «хибачи».

Завтрак очень парадный, обильный и вкусный, чудесно сервирован.

Среди приглашенных несколько дам высшего японского общества; дочь генерала О. оказалась обладательницей прекрасного контральто. Она пела соло и в трио с К. и его братом.

У К. весьма комфортабельная студия, есть интересные работы. Теперь он занят моделью «ови» для богатейшей японской фирмы «Мицубаси».

Токио. 26 ноября.

Был у Хагино. В солнечный день в его доме очень уютно, особенно, в небольшом кабинете с европейскими креслами. Сегодня праздник их академии генерального штаба. Был император. Общий завтрак в главном управлении генерального штаба.

Судя по газетным отчетам, во время последних событий во Владивостоке, японцы, хотя их адмирал и опровергает это, несомненно, слегка помогали Розанову, а американцы, повидимому, Гайде. На борту «Бруклина» (американское военное судно) будто бы укрылись главные персонажи—Якушев, Моравский и др. после неудачи, постигшей переворотчиков[261]).

Офицер, только что прибывший из Владивостока, высказался относительно сибирских событий: «против всех итти невозможно». Это уже ясно указывает, как мало сторонников осталось у омского Правительства.

Токио. 27 ноября.

П. полагает, что переформирование омского Совета министров и назначение В. Н. Пепеляева—премьером вызвано тем, что «все старые разбежались»[262]).

Токио. 28 ноября.

Первый раз видел на улице пьяного японского офицера в форме. В японской прессе начали появляться статьи, отмечающие разительный отлив желающих поступить в военные и военно-морские училища. Прежние тысячи кандидатов сократились до сотен. Молодежь начинает предпочитать положение «business man'a» (делового человека) благородному, по нищенски оплачиваемому, офицерскому положению. 40-45 иен—жалованье подпоручика—это ниже того, что зарабатывает средний рабочий. Прожиточный минимум рикши сто иен.

И как при настоящей дороговизне ухитряется жить на эти деньги, даже скромный в привычках японский офицер, просто непостижимо.

В газетах сообщение о начале мирных переговоров между англичанами и большевиками.

Японцы решили не усиливать своих войск в Сибири, хотя посылка бригады 13 дивизии, видимо, состоится. Кроме того, посылается 1000 человек на замену убитых и раненых. Кроме жертв людьми, японцы несут и большие материальные расходы, общая сумма достигает огромной цифры более 250.000.000 иен в год.

Чехи за подписью Павлу и Гирса выпустили обращение к союзникам с просьбой скорейшей их эвакуации на родину, так как они не могут нести службы и сотрудничать с тем правительством, которое «культивирует беззаконие и допускает жестокости, превосходящие будто-бы жестокости большевиков».

Отповедь дали кадеты и «Славянский Комитет» в Иркутске. И поделом—бывшим в России чехам никогда не следовало касаться двух тем: вопроса о жестокостях, и, выражаясь мягко, вопроса о присвоении чужой собственности—в этом отношении конкурентов у них было немного[263]).

Токио. 1 декабря.

Ш. передал сообщение японских газет о последовавшем будто-бы отказе Колчака от «всероссийской» власти в пользу Деникина и о переходе его правительства на роль «Сибирского» правительства.

У В. встретил двух владивостокских коммерсантов, братьев С. Бранят Розанова за его политику в отношении торговли и промышленности.

«Вместо того, чтобы опереться на единственно прочный торгово-промышленный элемент, завязал дружбу с атаманами».

Старик П. сетует, что Розанов стоит Дальнему Востоку несколько миллиардов—«если сибирскими деньгами, то это не очень уж много»—утешал я расчетливо П.

Он в благодарность дал любопытное определение: «что такое армия»— «собрание людей, не сумевших уклониться от воинской повинности». П.— еврей и рассказал это с забавным акцентом.

Токио. 2 декабря.

Головин охвачен мыслью о большом труде по социальным вопросам. Мечтает об устройстве базы где-нибудь здесь, на Дальнем Востоке, или даже в Австралии, думает начать новую жизнь, «чтобы понять то, что не ясно в психологии современной массы, чему мешало воспитание и порядок прохождения службы».

Был на «Sphinx», на котором уезжает Высоцкий. Жаль этой милой, культурной семьи, так привык к их дому. Ф. Д. полон добрых надежд и пожеланий. Дамы, конечно, рады замене Японии Парижем.

Во Владивостоке суровая расправа с участниками гайдовского восстания.

Токио. 4 декабря.

Ответа из Сибири нет. В посольстве и в военной миссии считают, что могу еще кое-кому помешать.

Кабинет Вологодского скромно ушел в отставку— я не завидую их настроению.

Новый премьер Пепеляев твердит «зады» с демократическими реформами; ни он, ни его реформы теперь уже в сущности никому не нужны.

Генерал Войцеховский, командующий армией, собственноручно застрелил генерала Гривина, командующего отдельной группой войск, за неисполнение приказания.

С характером молодой генерал Войцеховский.

Главнокомандующий Сахаров посвятил ему хвалебный приказ. И все же жаль, что поляк застрелил русского, а не наоборот. Хозяева распустили вожжи в отношении гостей. Русским, конечно, тяжело убивать русских, особенно, когда подгоняет поляк[264]).

Токио. 5 декабря.

Опубликован новый, сформированный в Иркутске кабинет. Премьер В. Н. Пепеляев, помощник его С. Н. Третьяков, он же и министр иностранных дел. Бурышкин министр финансов, Окороков—торговли. Из старых генерал Ханжин остался на прежнем посту военного министра, Петров—земледелия и Шумиловский—труда. Последнее министерство, видимо, так и осталось в эмбриональном состоянии. Пока не назначены министры морской (хотя воды в Иркутске больше, чем в степном Омске) и снабжения, так как нечем и некого становится снабжать.

Указ о созыве Земского собора всюду встречен, по словам «Русского Бюро печати» с «энтузиазмом», тем не менее новому кабинету пришлось подкрепить этот энтузиазм отказом от права назначения части членов собора правительством. Конечно, и это делу не поможет. Теперь игра в поддавки безнадежна, пожалуй, и широкий творческий размах едва ли в состоянии исправить положение, оно погублено окончательно развалом фронта. Оста-

лось только одно: герои будут умирать, обеспечивая бегство трусам и дельцам.

Был у Н. Н. Головина, он отложил свой от'езд до 11-го. Начинают браться и за него. Английский военный агент просил о свидании. Подтягин «испрашивал» разрешения Н. Н. прибыть с телеграммой от английского правительства. Телеграфирует военный министр Черчиль, которому приходится туго за свою политику выдвижения и поддержки Колчака, провал которого есть несомненный провал и Черчиля. Конечно, здесь доля вины и Головина, заблуждавшегося в отношении Сибири. Как умный и предусмотрительный человек, он сейчас же понял, что ошибся, и сразу отошел, правда, не без благожелательного содействия своего «друга» — генерала Дитерихса и других.

Теперь Черчиль, как и английский парламент, вероятно, интересуется непонятным отходом от дел Головина и его болезнью.

После долгого отсутствия появился, наконец, Хагино. Высказав несколько незначительных любезностей, он просил позволения говорить только правду.

«Мы еще не имеем всех ответов из Сибири относительно вас (в связи с моей телеграммой), только атаман Калмыков, он, правда, человек небольшой, а также генерал Розанов сказали, что, конечно, вы очень ценный генерал и полезны для России, но что вы в связи с эс-эрами, которые теперь провалились и за которыми никто не пойдет».

Я, признаться, был не мало удивлен, что спрашивалось мнение Калмыкова, но это только лишний раз показывало, что роль атаманов в глазах японцев нисколько не померкла, что в лучах их доблести и славы нашел прочную опору и генерал Розанов, а за ним, или вернее через него, и Дитерихс и даже сам Колчак.

«Впрочем»,—продолжал Хагино,—«мы ждем ответа от самого главного, от атамана Семенова, он еще не дал ответа».

«Уверены ли вы, что ваша телеграмма дошла до Иркутского правительства, послал ли ее ваш посол или, может быть, ее задержали по дороге»?

«Весьма возможно»,—ответил я,—«поэтому я просил через г. Като выяснить этот вопрос».

«Да, но мы от него пока сведений не имеем». На это я заметил Хагино, что он может передать генералу Фукуда, что я вполне отдавал себе отчет в возможности неполучения ответа и что это нисколько не ослабляет правоты моего намерения, о котором будет знать и вся сибирская общественность.

«В тяжелую минуту я предложил свою помощь; ее отвергли—их дело. Входить в игру сейчас не так заманчиво».

Из дальнейших разговоров я понял, что поддержка Колчака (вернее атаманов) будет продолжаться. Хагино намекнул, что союзники ничего не будут иметь и против активной помощи войсками со стороны японцев. Это до некоторой степени сходится с имеющимися у меня сведениями, что союзники даже хотят, чтобы Япония поглубже завязла в борьбе с большевиками.

«А что вы думаете на тот случай, если большевики вдруг да и об'явят вам войну. Положение правительства Колчака будет крайне щекотливым—не правда-ли? Да и вам осложнений будет не мало»...

Хагино несколько опешил, склонил по японской привычке голову на бок и задумался, желая выиграть время.

«Вы совершенно верно все это говорите, но что делать? У нас, как и у вас, люди любят больше политику, чем дело. Вот скоро будет открытие заседаний парламента, правительству готовится ряд грозных требований: всеобщее избирательное право, увеличение жалованья чиновникам и отставным военным, требование моряков об увеличении флота (видимо, не боятся Лиги Наций)».

В заключение разговора я дал понять, что дружба Японии и России, которую мы оба одинаково приветствуем, может базироваться не на дружбе и соглашении отдельных людей, будут ли это атаманы или генералы, а на соглашении народов. И что бы ни говорили, но народ чувствует, кто его истинный друг.

По пути в Иокогаму попал в вагон, где сидел генерал Толмачев, только что вернувшийся из Владивостока. Генерал был крайне гневен, неистово всех ругал: «что ни эс-эр, то вор, что ни эс-дек—то грабитель; честных людей никому не надо, вот, например, ведь и вам бы я был не ко двору».

Я молча согласился.

Генерал окончательно вскипел: «мы, монархисты, молчали до сих пор, ждали пока все развалится, а если выступим, будет плохо».

«Для кого»?—спокойно заметил я.

«Да что вы, ваше пр-во, иронизируете? Вот я кликну клич—все офицерство пойдет за мной».

«Старая песня, А. В.»,—возразил я довольно добродушно.

Повышенный тон генерала в форме начинал привлекать внимание вагона, попытка навести разговор на другую тему оказалась безуспешной.

«Английские и чешские солдаты вагонами везут награбленное добро[265]). Хорошо, что Семенов останавливает и разоружает чехов—спереди и сзади по блиндированному поезду и готово».

«Никому не нужны честные люди. Почему сидит без дела такой человек, как генерал Р.»?

У меня не было никакой вражды к Толмачеву, но когда он бранил других ворами, мне против воли вспомнился рассказ Головина, что генерал Лечицкий принужден был выслать Т. из Румынии за реквизицию аптекарских товаров в свою пользу. Естественная у старика забывчивость.

Досталось, конечно, и мне за эс-эров—Авксентьева, Роговского и др.

Незаметно, однако, доехали до «Сакурагичо», остановка электрической дороги и вокзал в Иокогаме.

Токио. 7 декабря.

По газетам, большая неприятность для П. и П-ва: обоих высылают из Японии по подозрению в большевистской пропаганде.

В русских газетах дождь приказов, повелений, «рескриптов» Колчака. Чем хуже дела, тем больше прыти на бумаге.

Рескрипт П. В. Вологодскому нельзя читать без улыбки—почтенный «сенатор» докатился до естественного конца. В рескрипте на его имя, между прочим, очень деликатно отмечено, что он покинул Директорию, «после распада выбранного Уфимским Государственным Совещанием Временного Всероссийского Правительства».

Как это мило «после распада», при содействии Красильниковских штыков и с благословения самого Петра Васильевича.

Неистовствует на бумаге Сахаров. В его биографическом очерке, написанном С. Ауслендером, горделиво заявлено: «он (т.-е. Сахаров) отказался от предложения Болдырева и Директории» («Дальний Восток» 2/XII, статья—«Путь офицера»).

Не знаю, кто прихвастнул: сознательно ли сам Сахаров, или по ошибке и из подобострастия новоявленный Державин-Ауслендер[266]).

Токио. 8 декабря.

Д. говорил, что и в посольстве и в военной миссии ориентировка не важная; не могут пока угадать, чьи интересы придется защищать в будущем.

В японских газетах промелькнуло известие, что Колчак передает свою власть Семенову, есть слухи и о его намерении поехать лично договориться об этом с Деникиным. И то и другое просто подготовка перехода власти в руки триумвирата—Семенов, Калмыков, Розанов. Эта тройка будто бы и теперь уже—«действительная власть на Дальнем Востоке», как, по крайней мере, думают те, кому это выгодно.

Семенов уже открыл бесплатную или удешевленную столовую на десять тысяч человек для уловления в сети «народа». Деньги у него есть—упорно держится слух, что часть эвакуированного из Омска золота «сохраняется в Чите». Действует Семенов решительно: судя по тем же японским газетам, он приказал Хорвату немедленно прислать 50 паровозов, при чем, в случае отказа, грозил взять силой.

Долго и мирно беседовали с генералом Хагино. В разговоре я опять подчеркнул, что расчет Японии на угодных ей русских представителей будет носить лишь временный характер. В будущем же может быть придется пережить крайне недружелюбное отношение всего русского народа.

«У вас, в ближайшее после реставрации время, ряд деятелей, как Окубо и др., отлично понимали стремление молодой Японии к прогрессу и не задумались пожертвовать исключительным по симпатиям национальным героем, каким был генералиссимус Сайго с его сторонниками—офицерами императорской армии. В поднятом Сайго восстании в Кагошиме он был убит, сторонники его рассеяны, и, таким образом, были сокрушены последние остатки старого режима. Сайго не понимал стремлений и чаяний Новой Японии, отстал от народившихся идей, и, несмотря на всю свою популярность, был сметен новым могучим течением».

«Это кусочек вашей истории, он, думаю, сделает более понятной мою мысль»—сказал я своему собеседнику.

По пути домой продолжал думать на ту же тему. Я всегда избегал лишних жертв и крови и во всех случаях предпочитал эволюционный метод рево-

люционному. Переворот да кровь, а затем длительная осторожная социальная перестройка. Так хотелось строить новую жизнь.

После восстания в Кагошиме в 1877 году на первый план в Японии выдвинулась целая плеяда новых талантливых деятелей—Ито, Инуйе, Иоромичи, Окума и Матсуката. Они чувствовали большой под'ем общественной мысли, требование введения конституции, но в их представлении не могло быть и речи о насильственных мерах к тому, чтобы вызвать перемену в устройстве императорского правительства... Они исправляют старое, чтобы прийти к лучшему, и не знали, что есть другой путь к этому лучшему—суровый путь беспощадного истребления старого.

Этим путем сейчас идет Россия. Путь этот для меня, по крайней мере, новый. Он требовал много испытания и большого революционного стажа. Куда он приведет—покажет будущее. Пока одно верно, что все заграждения, возводимые по этому пути старой Россией, оказались недействительными.

Токио. 9 декабря.

Ушел с поста главнокомандующего генерал Сахаров, писавший последнее время такие страшные приказы. Его заменил молодой Каппель, вероятно, это уже последняя перемена.

У Головина встретил весьма пожилого английского генерала, только что вернувшегося из Сибири. Опечален происшедшим, был полон надежды на быстрый в'езд в Москву. Внешний вид доблестного союзника не особенно импозантный, хотя, по его словам, он исходил весь Китай, охотясь с ружьем Зашла речь о выселяемом японцами П. Англичанин неосторожно показал себе на лоб, характеризуя не особенно лестно состояние умственных способностей П., за что получил от меня должную отповедь.

Головину для проезда в Маниллу потребовалась особая грамота, удостоверяющая, «что он не большевик». Знаменательно.

Токио. 10 декабря.

Заезжал к П. Занят укладкой. В большом возбуждении читал мне выдержки из японских газет—заметки скорее благожелательные. Везде его портреты в военной форме царского времени. Он обменялся резкими письмами с Крупенским. Скверно все это, личные дрязги, пища для злословия против России. Кое-кто доволен решением японцев выслать П. Он очень говорлив, несдержан и сумбурен.

Токио. 11 декабря.

От'езд Головина и П. отложен. Встретил на улице доктора З., бранит П., что тот подвел его разговором на улице—«кричит, горячится, а я уже вижу, что вблизи полицейский, я тоже не боюсь, но все же нехорошо».

Хорошо лишь то, что П. уезжает—много человеческой пошлости останется для него незаметной.

В вечерних газетах заявление Литвинова, большевистского представителя в Копенгагене: «что база у Деникина непрочна и его гибель—дело недалекого будущего»,—«что Колчаку один выход—просить военной помощи японцев и стать тогда агентом иностранного завоевателя».

Теперь и это, пожалуй, поздно.

Токио. 12 декабря.

В «Advestiser» интересная статья Зумото «Проблема России». Развивается идея восстановления единой России через союз оздоровленных областей и скорейшую ликвидацию гражданской войны. В частности для Сибири—областное демократическое правительство, дружеское сотрудничество с союзниками—Японией и Америкой. Идея, которую развивал и я при первой встрече моей с автором этой статьи.

В Хибиа-парке незаметно подсел ко мне, как оказалось потом, агент министерства внутренних дел — это третий раз за год моего пребывания в Японии. В разговоре очень осторожно спросил мое мнение о новом Иркутском Правительстве, затем правда-ли, что я приму в нем участие и нужна ли, с моей точки зрения, новая посылка японских войск в Сибирь? Получив в ответ ничего незначащие пустяки, собеседник мой коснулся вопроса о высылке П. и заявил, между прочим, что факт этот крайне неприятен им, японцам, и что, по его мнению, в этом большое влияние нашего русского посольства, действовавшего через японского министра иностранных дел.

Сегодня вообще день интервью. Заходил с маленьким сыном мой однофамилец проф. Болдырев, тоже интересовался моим мнением по разным вопросам, не исключая и еврейского—полагаю, что для «Русского Бюро печати».

Был полковник Д. Он высказал, какое смущение произвел, вероятно, в Париже сибирский провал. Обо мне, по его словам, сложилось там мнение, как о самом злостном социалисте, «в последнее время, впрочем, это мнение двоится».

Д. уверяет, что кадровое офицерство до сих пор всецело на стороне Колчака.

«Как много после беседы с вами стало для меня понятным, я уже писал о моих впечатлениях г. Базили, члену нашего посольства в Париже».

Д. очень характерно определил свое отношение к происходящему в России: «я ясно вижу, что не надо делать, и не улавливаю того, что надо».

Токио. 13 декабря.

Погода хмурая. Первый намек на снег.

Послал письмо В. Н. Крупенскому с просьбой сообщить время отправления моей телеграммы. Ответ неожиданно быстрый, через несколько часов—сообщает, что будет запрошен министр иностранных дел: получена ли моя депеша?

Через майора Такахаси, бывшего на юге России, получил весточку о семье.

Очень интересны письма с юга России, вполне рельефно обрисовывающие все, что там происходит. Режим на юге куда правее по сравнению с Сибирью. Все руководство в руках кадет.

Токио. 14 декабря.

В Камакуре у Д. узнал, что будто бы получена телеграмма в ответ на мою депешу с отказом от посещения Сибири. Несколько не вяжется с вчерашним письмом посла. Значения это, конечно, не имеет. Моя цель достигнута самим фактом посылки депеши.

По сведениям нашей военной агентуры, на фронте не более 25 тысяч. Кроме Каппеля, сохранил командование и Войцеховский.

Токио. 15 декабря.

В Сибири взят большевиками Барнаул, отрезана Оренбургская армия.

С удовольствием читал книгу Стеда—какая огромная культурная работа проделана Японией за время после реставрации 1868 г. Достаточно указать, что в этой крошечной, по сравнению с нами, стране преподаванием лесного хозяйства занято 62 института.

Любопытно заключение барона Итбузава (бывший президент соединенных торговых палат Японии) о своих земляках:

...«Японцы всему охотно подражают, но ничего ценного не могут изобрести»... У них «пылкость, которая при благоприятных обстоятельствах доходит до энтузиазма»...

...«Недостаток выдержки, что легко приводит к упадку бодрости, когда дело не очень ладится»...

«Нежелание совместной работы с кем-нибудь»...

«Японец не настолько ценит кредит, насколько следовало бы дорожить таким значительным фактором финансовых предприятий»...

Вообще все авторы по финансовым и экономическим вопросам, приведенные в книге Стеда, сходятся в весьма нелестной оценке японца, как купца. Подобную же оценку слышал я лично из самых разнообразных японских и иностранных источников.

Недаром древние самураи только и занимались политикой и войной.

Токио. 16 декабря.

Вечером был у Ш., завели граммофон с чудесной пластинкой «Марсельезы» (сопрано с хором)[267].

Сторонники Японии несколько преувеличивают силу ее военного могущества. Если бы Япония захотела везде, т.-е., в Китае, Корее, и у нас на Дальнем Востоке вести активную политику, ее сил не хватит для всех этих задач. В техническом отношении Япония все же очень отстала, ее вооружение, крепости далеки от последнего слова, сказанного опытом последней мировой войны, и Японии придется до крайности напрячь свои силы, чтобы, не нарушая экономического равновесия в стране, хоть постепенно итти за требованиями жизни.

Одно улучшение крепостей потребует в течение 10 лет ежегодного ассигнования в 20-40 миллионов иен. Между тем, рессурсы страны допускают возможность ежегодного отпуска для указанной цели не более 3 милл. иен.

Вместе с расширением образования для офицеров, японцы предполагают ввести в курс академии не только изучение новых общеобразовательных

предметов, но и изучение некоторых социальных наук, видимо, в целях подготовки офицеров на случай возможных социальных движений в стране.

Европейское офицерство, и особенно офицерство старой России, действительно, оказалось неспособным разобраться в социальных идеях, внесенных в войска с началом революции, оно быстро утратило привычное руководство и хотя большей частью искусственно, но все же сделалось враждебным солдату.

В этом вопросе тем не менее опасны излишние перегибы—очень легко получить толковых социалистов, но плохих воинов и командиров. Старый самурай был не плохим материалом для войны.

Токио. 17 декабря.

Сегодня в «Advertiser» помещено письмо кн. П. Крапоткина Георгу Брандесу, написанное в Дмитровке, Московской губ. Любопытен взгляд Крапоткина на роль Колчака и Деникина:

«Народ воображает, может быть, что он поддерживает либеральную республиканскую партию в Колчаке и Деникине. В этом кроется ошибка. Какими бы не были персональные намерения этих обоих военных вождей, большинство из тех, которые окружают их, преследуют другие цели. Они неизбежно привели бы нас к монархической реакции и кровавой бане».

Далее он говорит, чем и как должны помогать нам союзники:

«Во всяком случае, они должны посылать нам не дипломатов и генералов, а хлеб, орудия производства и организаторов, подобных тем, которые в течение этих пяти ужасных лет помогли союзникам поддержать их экономическую организацию и отбросить варварское вторжение германцев»...

Вторая выдержка напоминала мне мой разговор на ту же тему с американским консулом в Омске еще осенью 1918 года.

Настойчиво поговаривают о забастовке трамвайных рабочих в Токио. Для обывателя такого огромного города подобная забастовка—просто бедствие.

О. уверяет, что Семенов роздал концессии на бывшие кабинетские владения в районе Нерчинска и подтверждает прочность уз, связывающих его с японцами.

Японское военное ведомство настойчиво ведет дело изучения нашего Дальневосточного театра. По очереди к экспедиционным войскам командируются офицеры генерального штаба и прочие специалисты.

На деревнях приамурских и забайкальких «большевиков» испытывается новая артиллерия. Проверяется пригодность для местных условий японского обоза. Практически попутно изучается выносливость войск и конского состава.

В широких размерах практикуются съемки, собирается необходимый статистический и географический материал. Захваченные в Хабаровске материалы бывшего военно-топографического отдела, видимо, не возвращены до сих пор и, конечно, в полной мере использованы.

Во всем этом большая компенсация затрат по экспедиции.

Токио. 18 декабря.

Д. принес новое произведение «Русского бюро печати». «Единая неделимая Россия»—в действительности до противности хвалебный гимн Колчаку. Теперь, при том положении дел, какое имеется сейчас в Сибири, вся эта стряпня кажется просто омерзительной. Кого хотят обмануть эти продажные перья с Гурляндом во главе?

Любопытно, что в японском переводе вместо «Единая неделимая Россия» написано: «Колчак—Верховный Правитель». Почему для японцев понадобилось это заглавие и почему издатели допустили подобное искажение—неизвестно. Хотели показать, что «Единая неделимая Россия и Колчак одно и то же»?

В книжке, конечно, достаточно ругани по адресу Директории, не дает она им покою даже после своего «распада», которым авторы деликатно называют насильственный факт переворота. Это, видимо, тоже понятия однозначащие.

Книжка издана на трех языках (русском, японском и английском), стоила больших денег и никому теперь не нужна. Она запоздала даже и как средство пропаганды.

Токио. 19 декабря.

Был в английском генеральном консульстве. Срок визы продлили до 31 января 1920 г. Это очень любезно со стороны англичан и очень удобно для меня.

По газетам, ожидается близкое падение Иркутска. В сибирской армии будто бы осталось не более 10 тыс. человек, вместо бывших 400 тыс. Как тает армия при отходе, при непрерывном изнурительном нападении партизан. Гражданская война куда ужаснее войны внешней.

При содействии Семенова и Дитерихса делается попытка разработки плана, базирующегося на необходимости сохранения автономии различных областей Сибири и обеспечения прав различных национальностей. Колчак из этой комбинации уже исключается.

В Харбине, по словам Н., члена прибывшего в Токио закупочной комиссии КВЖД*), все надежды возлагаются на появление «законного хозяина земли русской», хотя и при помощи иностранцев, при чем поддерживающие эту мысль группировки почему-то особенно уповают на Германию.

«В Харбине уже формируется дружина с об'явленным открыто названием (монархическая)»,—не без лукавства замечает круглолицый Н.—«Наши только что вернулись из Харбина, настроены мрачно, денег у дороги нет, но я «спиритически» (?!) надеюсь, что через 1½ месяца все начнет также неожиданно налаживаться, как неожиданно появилась революция».

Семенов, как выяснилось, действительно потребовал у Хорвата 50 паровозов, но когда Хорват решил послать к ст. Манчжурия вместо паровозов броневики, атаман будто бы сразу же сдал.

Как широко распространена в Японии газета! Я даже не могу себе представить, кто остается здесь без ежедневного газетного листка?

*) Китайская Восточная железная дорога.

Первые газеты в Японии назывались «Иомиури», т.-е. «продаваемые в розницу». Жители Токио (тогда еще Иеддо) из иомиури, между прочим, ознакомились и с знаменитой и очень популярной в Японии историей о бессмертной славе 47 ронинов*) из Ако, жестоко отмстивших за смерть своего временного владыки его врагами в 1705 г., и затем, не желая подвергаться суду за самовольную расправу, все покончили «харакири». Эта история, характеризующая верность принятым на себя обязанностям, а также непоколебимую веру в правоту и суровость закона, действительно чрезвычайно популярна среди японцев. Могилы ронинов на одном из токийских кладбищ; там всегда почитатели их памяти.

Токио. 20 декабря.

Ц. сообщил, что один из владивостокских коммерсантов получил телеграмму от своей жены из Лондона: «вышли 17 тысяч фунтов стерлингов для покупки домов в России». Это расценивается здесь, как подтверждение того, что большевики успели уже отказаться от национализации домов. Кто-то выразил сомнение, но его заверили, «что еврейские жены деловых телеграмм зря не посылают».

Выдумывают то, чего очень хотелось бы.

Токио. 21 декабря.

В «Advertiser» помещен бюджет Японии на 1920—21 г.—цифра весьма почтенная, достигающая по доходам и расходам 1.275.944.023 иен.

Поражают огромные требования для флота в 252.993.034 иен, сюда входит 80.000.000 иен, как годовой взнос из особой морской сметы в 751.950.000 иен, рассчитанной на ближайшие годы и предназначенной для создания двух «восьмерок» дредноутов (линейные корабли) и броненосных, наиболее могущественного типа, крейсеров.

На военное ведомство ассигнуется также почтенная сумма — 168.723.181 иен, более чем на 70 милл. превышающая прошлогоднюю смету.

Поучительно ассигнование и на народное образование в 30.183.165 иен, с увеличением против прошлого года на 8½ милл. Выходит, что страна, имеющая в три раза меньше населения, нежели Россия, располагает почти одинаковым с нами бюджетом на народное образование. Потому здесь все и грамотны.

Огромный расход и на столь необходимые для развития страны пути сообщения — 159.817.647 иен, с превышением против прошлого года на 67.265.104 иены.

В Японии опять свирепствует инфлуенца, сейчас ее сезон. Обыватель в панике. Очень развита эта болезнь в армии. Так, в гвардии переболело 1.137 чел.; во всей армии 7.160 чел., из которых 214 чел. умерло.

Среди рабочих инфлуенца также очень сильна—на одной из больших фабрик до 500 чел. больных этой болезнью.

Французский военный агент интересуется, получен ли ответ на мою телеграмму от 22/XI, о чем его запрашивает ген. Лаверн, представитель Франции на Дальнем Востоке.

Японцы, вернее их военная партия, переносят ставку на Семенова. В Чите и Харбине спешно организует свои силы реакция.

*) Ронины—обычно вольные люди, без хозяина и дома.

Токио. 22 декабря.

Был в Иокогаме у Кука, предложили билет на пароход «Somaly» Р-О—С-о. Просил записать. От'езд 12 января. Встретил только что прибывшую из Владивостока знакомую чету. Положение в городе отчаянное. «Портится настроение и в инструкторской школе—это была самая надежная опора»[268]). Едут искать счастья на юг, на этом же «Somaly». Супруг будто бы приглашен поставить новые усовершенствованные машины в Донецком угольном районе.

«Пока будет уголь, Деникин будет бить большевиков». — Неисправимых оптимистов кадетского толка не скоро образумишь. Я, конечно, не возражал.

Токио. 23 декабря.

Газеты внушают серьезную тревогу за юг России, а для меня, в частности, и за семью. Большевики теснят Деникина. По эстонским сведениям, он будто бы передает командование армиями генералу Врангелю.

Черчиль (английский военный министр) в оправдание своих действий в отношении России, заявил, «что этот год Деникин и Колчак сдерживали большевиков, если теперь южная и сибирская армии будут уничтожены, большевики проникнут не только в Индию, но и взбудоражат всю Азию, а потому следует признать, что не мы руководили битвами Колчака или Деникина, а они сражались за нас»*).

Это, по крайней мере, благородно. Ясно, за что лилась русская кровь. И в Сибири и на юге русские белые армии гибли за сохранность Англии и ее колоний.

Русских газет нет. Очередного рейса «Симбирска» не будет. Единственная связь с Владивостоком (через Цуругу), и та постоянно рвется.

Токио. 26 декабря.

По русским газетам, «об'единенное казачество» Сибири создает свое министерство, со своим казачьим министром, который будет иметь личный доклад у Верховного Правителя Колчака. Правительство последнего, которое казаки, видимо, об этом и не спрашивали, любезно выражает одобрение этой идее.

Возобновилась деятельность Государственного Экономического Совещания[269]).

Токио. 27 декабря.

В Сибири полная безнадежность. Прямое сообщение Иркутска с Дальним Востоком будто бы прервано. На собраниях в Иркутске подчеркивается полный разрыв Правительства с социалистами. Собрания разогнаны военной силой.

Всей этой сумятицей в полно мере пользуются Семенов и большевики. По слухам, Семенову помогает Хорват и, конечно, Калмыков. Примолк как-то Розанов.

Япония кипит приготовлениями к новому году—невесело «на празднике чужом».

*) «The Japan Advertiser» .

На вчерашнем открытии парламента Микадо не присутствовал. Очень коротенькую и сухую речь «от трона» произнес премьер Хара. Занятия парламента начнутся 20 января.

Вечером сгорела часть «Империала». Не жаль этих капищ, создадут новое и лучше.

Токио. 29 декабря.

Заказал билет до Марселя. Иокогама полна слухов. Иркутск будто бы без боя передан большевикам. «Политический центр» оказался просто передаточной инстанцией. Правительство Колчака рассеялось и он будто бы передал власть Семенову[270]).

Токио. 30 декабря.

В «Advertiser» статья какого-то американского генерала Sherrill, где он советует японцам бросить претензии на Маршальские и Каролинские острова, взять весь русский Дальний Восток. Просто. Наоборот, японский премьер Хара заявил, что ни одного фута русской земли взято не будет. Стоит ли говорить, где больше порядочности: здесь, на островах, или у заокеанских «демократов».

Токио. 1 января 1920 года.

И этот новый год вне Родины. День чудесный — улицы полны народу. Мальчики пускают змеи, девочки увлекаются игрой в «Ханахота» (род волана).

Наступивший год—57-й год из 60 летнего цикла (Cycle of Cathay начавшегося в 1864 году, и в зодиакальном зверинце Востока является «обезьяним» годом.

Обезьяна считается счастливым животным, поэтому и настоящий год должен быть благоприятным для Японии, только браки обезьянего года почему то бывают неудачными и кончаются разводом.

Был на молебне в посольской церкви. Протоиерей сказал краткое, дельное слово о терпимости к «инакомыслящим» и о необходимости искоренения невежества в России.

Е. Д. уверял меня, что в данном случае будто бы имелось в виду мое «инакомыслие». Почтенный протоиерей «меняет вехи». Посол предложил по бакалу шампанского, чай и сандивичи.

По словам Крупенского, Колчаковскому Правительству конец, едва ли им удастся даже выбраться из Иркутской ловушки.

Плохие вести и с юга.

Токио. 3 января.

От мысли посмотреть еще раз Никко отказался. Встретил генерала Монкевица. Он только что прибыл из Америки, собирается ехать в Сибирь. По сибирским газетам, вел в Германии сильную монархическую пропаганду. М-ц и его спутник, иностранный офицер, интересовались, каково мое мнение о положении в Сибири.

— «Как и год тому назад, не изменилось ни на иоту—никакой почвы для того, на что вы все рассчитываете».

Генерал сразу же начал извиняться, что торопится к послу, и просил разрешить зайти поговорить. Я ответил, что всегда буду рад их обоих видеть. Расстались. Ответ мой им не понравился. Они на что-то еще надеются и боятся выслушать правду.

Теперь и здесь среди русских беженцев последняя ставка на немцев. Монкевиц прибыл весьма кстати.

Токио. 4 января.

В 3 часа был генерал Монкевиц. Не побывав даже в Сибири, он уже начинает прозревать и, повидимому, ехать туда не склонен. Полагает, что и на юге России не лучше. Это, впрочем, видно и по газетам. М-ц отрицает и сильно возмущается указаниями газет на общность его работы с А. И. Гучковым в Берлине. Гучкова он определенно бранит. Спутники М-ц оказались сербской миссией, едущей к Колчаку.

Токио. 6 января.

Был в Иокогаме. Получил билет на «Somaly». Отход парохода помечен «около 15 января», а по газетам даже 20-го.

В нашей военной миссии началась легкая настройка под Семенова, хотя без особого энтузиазма.

Токио. 7 января.

Слышал, что Розанов за уступку японцам большой партии хлопка, на котором они заработали до 5 миллионов барыша, получил миллион иен[271]). Заразительный воздух в Приморье и соблазна много.

Был в русском соборе. Много русских. Официальные представители в унынии. Судя по сегодняшним газетам, есть отчего притти в уныние. Чех Сыровой дал такую отповедь на ультиматум Семенова, что читать тяжело. Колчак неудержимо катился в бездну—назначил Семенова, которого год тому назад публично об'явил изменником Родины, Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами Восточной Сибири, а сам почти в плену, в поезде, где то к западу от Иркутска или на Иннокентьевской.

Войска, посланные Семеновым к Иркутску, перешли на сторону «эсеровских войск», находящихся под командой капитана Колесникова, бывшего соратника Гайды по Владивостоку[272]).

Японские газеты сообщают об уходе Деникина и о замене его Романовским, бывшим у него начальником штаба,—видимо, тоже начало конца.

«Русское Бюро печати» переходит на иждивение к Семенову. Его славословием займется, видимо, Гурлянд.

Токио. 8 января.

В Сибири положение усложняется все больше и больше. Иркутск во власти войск «Политического центра». Правительство Колчака фактически не существует.

Токио. 9 января.

Сегодня, по газетам, неудачный дебют Семеновских войск. Казачий полк, батальон пехоты с 4 орудиями разбиты иркутскими войсками.

Приезжал епископ Сергий, очень торопился, оказывается, генерал Толмачев «примкнул уже к Семенову и орудует по концессиям и даже метит заменить Розанова во Владивостоке[273]).

Семенов—синоним наживы. К нему отовсюду потянулись «дельцы» всех сортов—«идейные единомышленники».

Токио. 10 января.

Послал прощальные письма генералам Танака, Уехара и Фукуда, благодарил за их действительно исключительное внимание и широкое гостеприимство.

Сейчас же приехал подполковник Куваки справиться о точном сроке от'езда и спросить, могу ли я принять генерала Муто, а также попросить пообедать в последний раз. От обеда я отказался—не время и не по настроению.

Куваки сообщил, что на юге дела совершенно плохи — союзные представители ухали уже в Новороссийск, а штаб переходит или в Севастополь или в Екатеринодар. Причины замены Деникина Романовским об'яснить не мог.

Говорил о желательности соглашения эс-эров и Семенова и что во Владивостоке будто бы на это согласны—весьма сомневаюсь. После неудачного дебюта его войск под Иркутском, Семенову, конечно, приходится искать союзников.

Американцы завтра приступают к посадке своих войск, эвакуация займет около месяца.

Беседовал с Монкевичем. Мой план о поездке в Сибирь он называет геройством, но считает бесконечно трудным что-либо сделать. Монкевиц намекнул мне, что здесь получен запрос из Парижа: «разделяется ли здесь (французской военной агентурой) мнение, что наладить дела в Сибири мог бы только генерал Болдырев».

Лестно, но поздновато вспомнили.

М-ц, не зная моих отношений с «Русским Бюро печати», познакомил меня с его главой—Митаревским. Около последнего кружок акул типа Щербакова[274]).

«Начинают ставку на Семенова»—шепнул мне на прощание Монкевиц. Он решил вернуться назад в Париж.

Дома нашел письмо от генерала Хагино. Он только что узнал о моем скором от'езде и всполошился. Как хитрят японцы. Уважаемый Хагино, видите ли, думал, что я где-то раз'езжаю по Японии, и потому не показывался целый месяц.

У него тоже какое-то сведение для меня и просил принять поскорее. Назначил ему телеграммой на завтра 9 часов утра.

Что-то все зашевелились. К добру ли это?

Токио. 11 января.

Хагино несколько запоздал. Встретил меня уже на лестнице. Вернулись в мой номер.

Общий вывод разговора—необходимость моей немедленной поездки во Владивосток.—«Там вас ждут».

Мое заявление, что я поеду, предварительно договорившись по некоторым вопросам с министрами военных и иностранных дел, несколько охладило Хагино. Он высказал мысль, что едва ли указанные министры могут дать то или иное окончательное мнение, что все можно выяснить на месте через генерала Ооя, японского главнокомандующего во Владивостоке.

Я настаивал на необходимости обмена мнений с министрами, и просил сообщить об этом начальнику генерального штаба.

Любопытно, что среди беседы Хагино неоднократно высказывал как бы сожаление, что все (конечно, русские «доброжелатели» в первую очередь) считают меня эс-эром, а кое-кто даже большевиком.

Я ответил, что принадлежу к более крупной партии в России—к русскому народу в его совокупности и рад работать со всеми честными людьми, желающими пользы родине. Пригласил его позавтракать в понедельник.

У меня признаки определенной раздражительности. Это плохо—она всегда дурной советник.

Дома ждала записка от Хагино, просил сегодня же приехать к нему в виду важного вопроса. Важного ничего не оказалось. Опять подтверждение необходимости скорейшей моей поездки во Владивосток и намек на всестороннюю помощь.

Ко всему этому я отнесся довольно холодно и опять напомнил о моем желании предварительной беседы с генералом Танака и министром иностранных дел Учидой. Последний визит, с точки зрения генерального штаба, был особенно нежелательным.

В Сибири—Колчак отрезан. Союзники, и, главным образом, чехи, видимо, покидают его. Жалкий и тяжкий конец.

Токио. 12 января.

Резкое изменение в настроении японцев. С утра я хотел повидать Монкевица. Хорошо, что не удалось—с этой стороны повеяло враждой.

Утром был японский полковник Куваки, заметно не в себе, там что-то произошло. Сообщил, что ген. Муто, в виду предстоящего моего свидания с Хагино, не будет меня беспокоить своим визитом, что «эс-эровские» войска постепенно переходят к большевикам.

«Вы знаете, в Иркутске вышла уже большевистская гезета», добавил Куваки, при чем чувствовалось, как будто он разговаривал со скрытым недругом.

Хагино тоже не приходил. Это показалось уже странным. Затем принесли от него письмо, в котором он извинялся, что не может прийти, так как очень простудился, заболел и опасается выйти из дома. Ясно, что болезнь Хагино—болезнь политическая.

Видимо, кто-то быстро и настойчиво менял отношение ко мне японцев и муссировал опасность моего появления во Владивостоке. Несомненно, подвергалась известным комментариям и моя настойчивость необходимости беседы с японскими министрами.

Я неосторожно сказал Монкевицу больше, чем следовало. Он постоянный посетитель Крупенского.

Германофильские проекты Монкевица встретили здесь несомненное сочувствие, и он явился деятельным союзником наших посольства и военной агентуры. Его помощник[275]) едет в Пекин—значит, есть и деньги. Здесь Монкевиц заводит широкие знакомства.

Тем не менее, мне кажется, что все к лучшему. Выяснились и японцы и наши «патриоты». Пусть попытаются создать маленькое королевство из Дальнего Востока. Недаром в военной агентуре уже начали находить крупные положительные стороны Семенова. Новый барин нашелся, а в холопах никогда не было недостатка. Семенова хвалит и только что вернувшийся К. организатор русско-японского банка.

---

12 января «Somaly», на который я имел билет, уходил из Иокогамы в Марсель—я... не уехал. Все эти дни, бродя по Токио, я думал почти все об одном и том же. Я сознавал, что начинался новый этап в жизни Дальнего Востока... Впервые в международной обстановке почувствовалось ослабление напряжения интервенции. Вместе с уходящими из Сибири чехами она явно ограничивала свое влияние Приморьем и Забайкальем. Но здесь оседала прочно. Каждый неосторожный шаг мог превратить интервенцию в оккупацию. Чтобы окончательно изжить интервенцию, надо было ждать или резкого изменения в международной обстановке, или окончательной победы советской России на гражданском фронте.

Довольно близко ознакомясь с обстановкой на Дальнем Востоке, я считал себя не вправе уклониться от изживания этого нового периода борьбы за целость России, и, в конце-концов, покинул мысль о поездке в Западную Европу.

Об этом решении знали немногие. Я послал телеграмму Розанову и председателю Приморской областной земской управы о моем приезде во Владивосток, не запрашивая их мнение на этот вопрос. Просил японский генеральный штаб никого не присылать на вокзал в день от'езда, кроме агента в штатском, если это необходимо.

Поездка была риском, сулила не мало хлопот в будущем, но я предпочитал худшее на Родине лучшему на чужбине.

17-го января покинул оказавшую мне столь широкое гостеприимство Японию, а утром 19-го, с естественной тревогой и бушующей в сердце радостью, входил в чудесную бухту «Золотой рог». Родная земля была перед глазами.

Конец II части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1920 год.

I.

Высадка во Владивостоке. Последние дни правления генерала Розанова. Мой арест.

Владивосток. 19 января.

Около 3½ час. дня японский пароход «Хозен-мару» медленно подходил к пристани. Двойное чувство тревоги и радости при виде родной земли на этот раз как-то заслонило чудесную панораму бухты и города.

Осталось впечатление мелькнувшего под бортом крошечного русского суденышка, несущего бранд-вахту под старым андреевским флагом, и дымящейся темной массы направо, у адмиральской пристани—японский броненосец «Миказа» и—все.

У меня были некоторые основания к тревоге: правивший во Владивостоке Розанов был ставленником враждебного мне колчаковского правительства, правда, доживавшего последние дни и на Дальнем Востоке. Кроме того, я не просил разрешения на в'езд в Россию, а только телеграфно известил о таковом.

Рассеянно отвечая на вопросы начальника сербской военной миссии, любезно занимавшего меня за время нашего пути, я напряженно наблюдал длинную полоску людей на берегу около пристани. Это была военная команда.

«Встреча или арест?»—невольно мелькнуло в сознании. По счастию, ни то, ни другое. Это были сербы, встречавшие прибывшую со мной их военную миссию. Я умышленно задержался в кают-компании парохода. Вскоре мне доложили, что меня ищет русский полковник. Это был Г., прибывший встретить меня по поручению Розанова. Несмотря на все пережитые невзгоды, он получил чин подполковника и теперь работает в штабе Розанова.

Г. быстро устроил все формальности с паспортом и багажем. Автомобиль доставил нас в гостиницу «Версаль», где мне любезно была приготовлена комната. Жилище на самом верху было не из важных. Постоянные перевороты и «смена властей» отразились даже и на состоянии когда-то очень хорошей гостиницы. Отсутствие ремонта, неряшливость и грязь сильно чувствовались.

В лучших номерах гостиницы, как я потом узнал, помещались полномочный представитель Семенова—полковник Магамаев и особая ликвидационная комиссия, хорошо ориентированная в наличии огромных товарных ценностей, имевшихся еще к тому времени во Владивостоке.

По коридорам сновали коммерсанты, дельцы, артисты, много военных и русских и японских.

В городе еще функционировали все многочисленные учреждения и представительства, создавшиеся за время существования Омского Правительства.

По газетным сведениям, я знал, что за устранением Колчака по какому-то акту от 4 декабря 1919 года, считавшемуся многими апокрифическим, права Верховного правителя переходили к атаману Семенову[276]). Таким образом, усиление семеновского влияния в Приморье и, в частности, во Владивостоке, во многом зависело от того, пойдет ли Розанов в подчинение к Семенову.

Уступая духу времени и в целях «сближения с общественностью», Розанов организовал даже под своим председательством особое «экономическое совещание», где вместе с чиновниками заседали представители общественности и земства, и где разрешались важнейшие экономические вопросы края.

Это высокое учреждение не помешало, впрочем, Розанову довольно ловко ликвидировать огромные запасы хлопка и чрезвычайно своеобразно, не обижая себя, распорядиться вырученными за хлопок миллионами.

«Хлопковая панама», о которой я слышал еще в Японии, наделала потом не мало шуму, впрочем, совершенно безвредного для Розанова, успевшего выехать заграницу.

Оживление вокруг семеновского представителя Магамаева, уверенный тон и развязность, с которой действовали во Владивостоке члены ликвидационной комиссии, ясно показывали на стремление сторонников Семенова укрепить здесь власть их атамана.

Розанов пружинил и вел «политику». Он признал Семенова правителем, но в то же время всеми способами оттягивал свою поездку в Читу, куда вызывал его Семенов, и начал подсчитывать свои силы.

Ликвидация восстания Гайды и полный достоинства ответ союзникам за их попытку вмешательства в наши дела и угрозу разоружения русских войск, несомненно, подняли было престиж Розанова даже в кругах, относившихся к нему весьма сдержанно[277]). У него были еще верные ему части: юнкера военного училища (инструкторская школа на Русском Острове) и гардемарины, остальные войска пока внешне подчинялись.

Но начавшаяся борьба на два фронта—с нарастанием семеновского влияния—с одной стороны, и с усиливающимся нажимом левых группировок, захвативших в сферу своего влияния не только партизан, но и некоторые войсковые части—с другой,—делала положение Розанова весьма тяжелым.

Методы его управления в значительной степени измотали население. Сторонников становилось все меньше и меньше. Напрасно Розанов стремился уклоном в сторону крайней реакции хотя бы несколько упрочить

свое положение. Напрасно он заявлял, что открыто становится на ее правом фланге — положение не улучшалось. Чувствовалось уже новое влияние. Союзники искали «*Демократическое правительство*»—таковым намечалось земство; местные же большевистские группировки, в свою очередь, готовили подход к установлению «*Власти Советов*».

Такие впечатления создались у меня из сопоставления всех разговоров, встреч и наблюдений, имевших место в первые два дня моего пребывания во Владивостоке.

С Розановым я виделся и довольно долго беседовал вечером в день моего приезда. Он значительно обрюзг. Тон воеводы доброго, старого времени. Дом—полная чаша. Любезен; остроумной шуткой с примесью солдатской грубости маскирует назревающую тревогу перед нарастающими событиями.

Владивосток. 21 января.

Беседовал с главнокомандующим японскими экспедиционными войсками генералом Оой. Полный, пожилой японец, говорит медленно, слегка отдуваясь. Осторожен. Конечный вывод беседы: они (японцы) против протягивания руки большевикам, против всяких вооруженных восстаний, в остальном согласны на полное невмешательство.

Я, конечно, горячо поддержал мысль о мирном установлении порядка—будем верить, что это общее желание.

Г., с которым я потом беседовал, не разделяет моей веры, он пессимист и чует бурю, действительно, ее признаки уже за пределами городской черты.

Владивосток. 23 января.

«Дальний Восток» и другие местные газеты усиленно направляют меня в Читу, откуда я будто бы имею целый ряд лестных предложений. Эти сообщения разнообразятся вариантом о моем намерении создать свое правительство при содействии некоторых союзных держав.

В ряде открытых писем в редакцию я категорически опроверг эти досужие басни, при чем в отношении содействия союзников высказался вполне определенно, заявив, что «великое дело спасения родины, прежде всего, есть наше собственное дело».

Гостиница кишит агентами всех контр-разведок: отечественных и иноземных. Японец-парикмахер, «работающий» в самом вестибюле, внимательно осматривает проходящих—непосредственно, или их отражение в зеркале. Немой неослабный розыск всюду следует по пятам.

Владивосток. 25 января.

В городе тревожное настроение. Ночью слышалась орудийная пальба. Это Розанов громил восставших егерей, засевших в здании Коммерческого училища. Победа опять на его стороне. Тем не менее, боевые силы Розанова тают. Обнаружена сильная пропаганда среди юнкеров инструкторской школы. Безусловно, верны только гардемарины[278]).

События наростают. Местное земство непрерывно получает постановления войсковых частей и даже партизанских отрядов с заявлением, что «только власть правительства Областной Земской Управы является их властью».

К земской группе, руководимой председателем Управы Медведевым, примыкают значительно более левые элементы. Мне показывали сибирского эсэра Линдберга, играющего большую роль среди партизан и войсковых частей.

Генерал Оой, кажется, тревожится петициями, поступающими от войск и партизан к Земству. В беседе со мной у него мелькала мысль о разоружении русских войск. Я заметил, что это будет очень похоже на вмешательство в русские дела. Общего вооруженного выступления пока нет, егеря разоружены Розановым, да и вообще отобрать что-либо, в том числе и оружие, гораздо труднее, чем дать. Замечание мое оказалось убедительным.

Видел Розанова. Он настроен воинственно, надо думать—надеется на активное содействие Японии. Расчет недостаточно верный, особенно, если принять во внимание противодействие американцев и чехов, симпатии которых, или во всяком случае симпатии их представителей, всецело на стороне Земства.

Розанов в разговоре заявил, что он видит только два выхода из создавшегося положения: или большевики, или «Боже, царя храни» и что он всецело за второе. Заявление это, несомненно, предназначалось для небольшой группы сидевших у него гостей. Я никого не знал из них—это, как он об'яснил мне, поддержка Розанова—крайняя правая местной общественности.

Владивосток. 26 января.

С утра оказался под домашним арестом. Часового не было, у дверей со стороны коридора стоял какой-то прапорщик. На мой вопрос: «кем и за что я арестован»—мой страж ответил, что это распоряжение коменданта крепости и тут же добавил: «я, ваше пр-во, здесь, собственно, не при чем; мой отец управляющий дворцом одной из великих княгинь и мне моя настоящая миссия крайне неприятна».

Выходя в коридор, я успокоил его, заявив, что раз это служебное поручение, он тут действительно не при чем.

Вернувшись в номер, стал спокойно ждать, что будет дальше. В дверь заглянул знакомый по Токио Л., он теперь на службе у японцев, его ко мне не пропустили. Молодой, крайне болезненный поручик Щ., который был представлен ко мне штабом войск, пришел с пропуском (значит, арест всерьез) и сообщил, что в 12 час. у меня будет сам комендант крепости.

Действительно, около полудня постучали; сторожив ший меня прапорщик доложил, что просит принять комендант крепости, генерал Вериго.

Я несколько удивился подобной любезности и заметил, что у арестованного только одно право—не разговаривать с посетителями и что против визита коменданта я ничего не имею.

Вошел Вериго, молодой, весьма энергичный с виду генерал. Он очень извинялся за причиненное мне беспокойство, которое будто-бы вызывалось необходимостью предупредить возможные в отношении меня неприятности со стороны юнкеров инструкторской школы, недовольных моими посещениями здания земской управы.

Вериго сообщил также, что бунтовавшие егеря уже разоружены; четверо ранено. Подробно развивал передо мной намерения атамана Семенова, который будто бы вполне сознает необходимость соглашения с общественными кругами.

«Вы, кажется, собираетесь проехать в Читу, там вас ждут».—«Нет, это выдумки газет, я пока никуда не собираюсь», ответил я генералу.

Вериго раскланялся и, еще раз извинившись за беспокойство, любезно заявил, что я совершенно свободен.

В создавшейся во Владивостоке обстановке, может быть, это действительно была любезность. Здесь теперь столько охотников за черепами и идейных и корыстных. Я как-то не останавливался до сих пор на этой стороне вопроса. Первый опыт обошелся не особенно дорого: пришлось ликвидировать несколько заметок, касающихся текущих событий.

Владивосток. 27-го января.

Сегодня еще тревожнее, чем вчера. 35-й Егерский полк ушел с офицерами в Никольск-Уссурийск, где и присоединился к местному гарнизону, враждебному Розанову. Полковник Ф., мой ученик по академии, командует здесь артиллерийским дивизионом; он рассказывал о положении вне Владивостока, оно не оставляет и тени иллюзий для власти.

Комендант гостиницы приходил с приказом Розанова, которым все офицеры, врачи и военные чиновники обязывались собраться в морском штабе для информации о положении дел в связи с событиями в Никольск-Уссурийске, который по вчерашнему бюллетеню занят большевиками. Был у Г.—они в тревоге.

Владивосток. 28-го января.

На вчерашнем вечернем заседании городской думы, в связи с усилением вооруженных сил Японии на Дальнем Востоке, 47-ю голосами, против одного, вынесена резолюция против интервенции. Овации по адресу председателя Областной Земской Управы Медведева. Правое крыло думы отсутствовало. Несколько раньше по тому же вопросу я получил резолюцию расширенного заседания «Бюро кооперативных организаций во Владивостоке» от 18 января 1920 года, с участием представителей: «Центросоюза», Московского Народного банка, «Закупсбыта», Союза приамурских кооперативов, Общества потребителей служащих и рабочих Уссурийской железной дороги, «Экономиста», Сибирского «Коопстраха», Союза потребительских кооперативов юга России, «Амурского кооператора», Южно-уральского союза кооперативов, Вр. Центрального продовольствен-

ного бюро железных дорог «Продпуть», Уральского союза потребительских обществ. Вот эта резолюция:

«Бюро кооперативных организаций во Владивостоке в расширенном заседании 18-го января сего 1920 года, с участием представителей нижепоименованных организаций, имея в виду усиление вооруженных сил Японии в Восточной Сибири, в связи с прекращением обще-союзнической интервенции в России, полагает:

1) Кооперация, являясь по существу своему политически нейтральной, не принимающей участия в текущей политической борьбе, кровно заинтересована в существовании и создании таких условий государственной жизни, при которых ее работа, для обслуживания интересов миллионов населения, протекала бы нормально, и не может молчать, когда возникает угроза единству, национальному существованию и независимости России.

2) Из настоящего переходного состояния временной слабости и раздробленности на отдельные части Россия выйдет на путь единства, а также экономического и духовного возрождения *только своими собственными силами**), при непременном условии вооруженного невмешательства во внутренние дела ее других стран.

3) Имея в виду, что обще-союзническая интервенция в России не только не привела к каким-либо желательным результатам, а, наоборот, усилила хаотическое состояние страны, и поскольку Америка, Англия и Франция сознали ошибочность своих действий в этом направлении, постольку не может быть ничем оправдано продолжение интервенции одной страной, каковая неизбежно силою самих обстоятельств превратится из интервенции в фактическую оккупацию, со всеми отрицательными последствиями для населения Восточной Сибири и России в целом.

4) Несмотря на свои внутренние распри, русский народ никогда не примирится с отторжением какой-либо части России ее экономическим порабощением, а потому оккупация Японией Восточной Сибири неминуемо поведет к вооруженному столкновению с новыми миллионами человеческих жертв и разрушением богатств края.

На основании этого Кооперативное Бюро заявляет, что кооперация, об'единяющая миллионы трудового населения, будет самым решительным образом протестовать и бороться всеми доступными для нее, как хозяйственной организации, средствами против оккупации Восточной Сибири со стороны Японии».

Сегодня крепость об'явлена на осадном положении. Вся городская жизнь поставлена в зависимость от распоряжений коменданта.

Опять собирали офицеров, врачей и чиновников, теперь уже в Коммерческом училище. По рассказам Г., было до 300 человек исключительно тылового элемента, далекого от всякой воинственности.

Владивосток. 29-го января.

За ночь произошли некоторые осложнения среди юнкеров на Русском острове. Город полон слухов.

Розанов делал попытку широкой амнистией исправить положение и вернуть доверие войск. Не помогло. Сегодня он отменил приказ об амнистии, сохранив его силу только для тех, кто сдаст оружие к 1 февраля[279]).

Другим приказом он об'явил, что признает только власть атамана Семенова и будет ее поддерживать всеми своими силами. Это не укрепило, но еще больше ослабило его позицию, и без того почти безнадежную.

Началась большая тяга заграницу, особенно со стороны обладателей иностранной валюты. Говорят, за билет в Цуругу дают до 1500 иен премии.

Из Никольска-Уссурийска прибыла делегация большевиков для переговоров, обеспечившая себя от возможных репрессий заложниками. Результата никакого.

---

*) Курсив наш. В. Б.

Из касс местных уполномоченных Омского министерства снабжения непрерывно «похищаются» деньги, каждый раз «вооруженными» грабителями. Злые языки уверяют, что «так всегда бывает перед неизбежной ликвидацией».

Владивосток. 30-го января.

Многие из жильцов нашей гостиницы на сегодняшнюю ночь приняли уже меры предосторожности: с дверей исчезли об'явления и визитные краточки.

Был с ответным визитом у английского полковника Уоохем. Относительно общеевропейских дел у них ориентация весьма скудная. Уоохем интересуется, как следовало бы союзникам отнестись к возможному приходу большевиков. Я ответил, что об этом надо спросить самих союзников.

В городе сегодня несколько спокойнее. Генерал Оой, заявил, что не допустит никаких вооруженных столкновений и гарантирует порядок.

Делаются подсчеты сил сторон: Розанова и незримых пока переворотчиков.

В «Военном Вестнике» помещено письмо известной певицы Черкасской—вызывает французского представителя генерала Жанена на дуэль за предательство им Колчака. Об этом заявлял уже небезызвестный гражданин Сыробоярский[280]). В обоих случаях все ограничилось небольшой газетной шумихой.

Прибывают новые эшелоны японских войск (части 13 дивизии), это, конечно, серьезнее письма Черкасской.

На Русском острове у юнкеров «без перемен». Закрыт «Голос Родины»[281]).

II.

Переворот 31 января. Правительство Приморской Областной Земской Управы. «Розовый» коммунизм.

Владивосток. 31-го января.

Знаменательный день. Мирно сидел дома. Сообщили, что на улицах большое оживление: «всюду ходят американские патрули, похлопывая большими рукавицами».

Явился М. Н. Павловский и передал, что «все уже кончено, переворот совершен, идемте в земство».

В комнате секретаря земства, куда я пробрался сквозь толпу и часовых, встретил А. С. Медведева; он несколько взволнован. Сообщил мне в общих чертах предположения земства. Готовилось первое постановление.

Привезли бывших под арестом, по распоряжению Розанова, членов земской управы—Афанасьева и Меньщикова[282]). Искали скрывавшегося члена управы Русанова.

На улицах всюду толпы народа.

Закончившийся к утру 31-го января переворот был бескровным, об этом заботилась международная милиция, руководимая американцами. Она сопровождала входившие в город войска и партизан, и все время поддерживала порядок.

Образовавшийся, так называемый «оперативно-революционный штаб», руководивший враждебными Розанову силами, расклеил воззвания, призывающие к спокойствию и предваряющие офицеров, гардемарин и юнкеров, что никаких насилий над ними не будет.

Прошел в образцовом порядке взвод русской артиллерии с пехотным прикрытием.

Японцы как-то тушуются, всем как-будто дирижируют американцы.

Конвой Розанова, который, по его словам, «будет его сопровождать даже на тот свет», видимо, успел переменить свое намерение и, после двух выстрелов по занимаемому им району, сдался, даже не обнажив оружия.

Сам Розанов успел бежать к японцам. Комендант Вериго не то арестован, не то скрылся.

Задержаны морские суда «Орел», «Свирь» и другие, нагруженные, как говорили, золотом и ценностями. На этих же судах скрывались и бежавшие агенты колчаковского и розановского правительств.

Наша гостиница опустела, все, кто мог и кто чувствовал за собой грешки, разбежались. Я перебрался в опустевший номер полк. Магамаева: там целый стол оставленных бумаг и гора пустых бутылок в углу.

Владивосток. 1-го февраля.

Сегодня почти весь город на улице. Много красных флагов, повсюду красные банты.

Медведев прав, что нечего бояться красного флага, когда одна власть заменяет другую революционным порядком. Тем не менее, смутная тревога налицо: скрывавшийся доселе большевизм открыто вышел на улицу, с ним трудно бороться всякой умеренной власти, какой представляется многим, выдвинутое событиями, земство.

И все же то, что произошло—было необходимо. Если невозможно открытое существование советской власти в крае, пока интервенты находятся на нашей территории, то с другой стороны, не мог продолжаться дальше и режим, возглавляемый Розановым. Таким образом, земство в силу исключительных обстоятельств обязано временно принять на себя власть, с целью сохранить Дальний Восток от оккупации и предотвратить неизбежность анархии, гибельной для населения края.

В штабе крепости невообразимая толчея—не мог пробраться к коменданту-полковнику, теперь уже «товарищу» Краковецкому.

Доманевский тревожится, он большой сторонник земской власти, но опасается, не сделается-ли эта новая власть игрушкой большевиков.

Долго беседовал с командующим американскими войсками генералом Гревсом, который любезно заявил мне, что, после моего прошлогоднего разговора с ним, он не раз в своих донесениях в Вашингтон ссылался на мои идеи и пожелания, столь необходимые и по его мнению для блага России.

Беседа наша неоднократно прерывалась раскатами мощного «ура»—это толпа приветствовала одного из вождей партизан — Шевченко[283]).

Несколько нервит метанье из конца в конец автомобилей, переполненных солдатами, пролетариатом и их семьями. Я всегда за возможность повеселить себя народу, особенно теперь, когда ему говорят, что он стал хозяином страны, но, конечно, в меру.

Опять заглянул в штаб крепости—там пульс военной жизни. Публики гораздо меньше, подметают пол—признак хороший.

Встретил Ф.—смущен. В одной из батарей его дивизиона фельдфебель недвусмысленно добивается места командира; в другой батарее образовался уже комитет. Если Краковецкому не удастся справиться с начавшимся самоуправством—развал неизбежен.

В Народном доме огромный митинг. Мысль об учредительном собрании эс-эра Гуревича встречена без сочувствия. Большой успех имело появление и речь коммуниста Никифорова, заявившего, между прочим, что хотя их партия и не будет помогать новой власти в политическом отношении, но будет работать совместно в экономической области. Кстати, финансово-экономическое бюро уже в руках Никифорова[284]). Люди у денег всегда

сильнее безденежных политиков; это положение, видимо, усвоили уже и дальневосточные коммунисты.

Общее впечатление от митинга таково: большинство собравшихся—местные рабочие—определенно на стороне большевиков.

Наоборот, у офицерства,—а его здесь скопилось не мало,—чувствуется тяга к Харбину, представляющемуся очагом правых течений.

В учреждениях кое-где признаки саботажа—явление временное.

Часть военных судов во главе с «Орлом» и гардемарины все же ушли в море. Любопытен приказ начальника всех этих судов, составивших «отряд судов особого назначения», капитана 1 ранга Китицына, помеченный 30 января 1920 года. Привожу его полностью:

«Во Владивостоке назрел очередной переворот. Некоторым военным частям приходилось принимать участие в борьбе с группами, к которым сейчас переходит власть.

Честно и верно исполняя свой долг и сохраняя воинскую дисциплину, они вызвали против себя озлобление этих групп. Примеры, бывшие до сих пор, показали, что таким частям в первое острое время грозит разрушение, истребление, политическая месть. Поэтому для их спокойствия сформирован отряд особого назначения, который готов в последнюю минуту принять боевые части и выйти в море, чтобы за пределами крепости предоставить всем принятым на отряд полную свободу дальнейших действий. Считаю долгом высказать свой взгляд и думаю, что его разделит большинство на отряде.

Я не мыслю существования своего ни в составе части, ни как отдельной личности вне России, под властью каких бы партий она не находилась).* Если будет божья воля и историческая судьба на то, чтобы это были те партии, против которых мы до сих пор честно боролись, *борьба кончена и бесполезна,* наш долг повелевает нам все-таки *и с ними* продолжать нашу работу по воссозданию русского флота.

Поэтому я рассматриваю наш уход, как временное удаление для обеспечения права на существование нашим частям или хотя бы личностям, входящим в их состав».

Так писать, в создавшихся тогда условиях, мог только человек, действительно преданный своей стране и родному флоту.

Владивосток. 2-го февраля.

285). Молодые деятели, организовавшие военно-революционный штаб, желают всецело сохранить власть в своих руках. Они правы, как люди, вынесшие на своих плечах всю тяжесть активной борьбы, приведшей к бескровной победе над Розановым, но их устремление не демократическая власть земства, они—щупальцы Советов.

Вообще надо очень подумать, в каком виде можно было бы помочь русскому делу и тому национальному порыву, который охватил теперь (это несомненная заслуга интервентов) всех, в ком бьется русское сердце.

Конструкция новой власти, видимо, будет такой, какой она представлялась и мне. Земство-Директория**), далее управляющие ведомствами. Военная власть в руках Военного Совета—это нечто новое. Стремление совета к самостоятельности может привести к двоевластию: земство—моральная власть, военный совет—власть реальная. В этом большая опасность.

---

*) Курсив везде наш. В. Б.

**) В составе 7 человек: Председатель Медведев и члены—Афанасьев, Меньщиков, Попов и Русанов.

Новая власть—«Демократическое правительство»—именуется официально: «Временное Правительство — Приморская Областная Земская Управа». Власть эта встречена сочувственно населением, что, между прочим, выразилось и на многолюдном собрании в зале городской думы.

Новая власть определенно пользуется симпатиями американцев и чехов и поддерживает дружеские сношения с дипломатическими представителями Японии. Мацудайра и Ватанабе, посетившие председателя правительства Медведева, выразили ему весьма любезные пожелания. Заметно сдержанное отношение к новой власти со стороны японских военных представителей. Многие из них искренно негодуют за провал их кандидата Семенова.

Новое правительство до известной степени, несомненно, удовлетворяет идее «буфера» и, надо думать, что оно продержится до тех пор, пока коренные изменения в международной обстановке не создадут условий, при которых самый буфер будет или нужен, или невозможен. Это, в свою очередь, будет зависеть, как от изменения условий самой интервенции, так и от положения, которое создастся в связи с ходом мировых событий для советской России и Японии.

Во всяком случае, создание правительства Приморской Областной Земской Управы нанесло сильнейший удар попытке установления власти Семенова на Дальнем Востоке, а вместе с тем и торжеству реакции, но в то же время совершенно изолировало этот край от советской России, победоносно заканчивающей гражданскую войну в пределах Европейской России и Сибири. С появлением Земского Правительства в Забайкалье установилась прочная «пробка», туда стекались остатки разбитой колчаковской армии.

В этих условиях дальнейшая судьба изолированного края зависит исключительно от политической мудрости и деятельности тех группировок, которые претендуют сейчас на руководство судьбами русского Дальнего Востока, и, в частности, местных представителей коммунистической партии, которые, минуя все преграды, естественно, стремятся к неудержимому слиянию с советской Россией.

Возвращаюсь к дневнику... Заходил Щ., он, видимо, тоже в «бесте» у иностранцев, хотя и скрывает это. По его рассказам, положение беглецов, скрывающихся в японском штабе, далеко непривлекательно: валяются на полу, в грязи, без каких-либо удобств.

Вечер провел у Доманевских. Как опростились они за революцию! Много говорили о настоящем положении, оно далеко не определилось и чревато всякими последствиями. Так, по газетам, началось уже наступление Семенова—мешают китайцы.

«Голос Родины» начал печатать «похождения» атамана Калмыкова, тщедушная, но весьма колоритная фигура.

Вечером пил у меня чай член Правительства Афанасьев, скромный, неширокий человек, сам сознает это:

« Я ведь недоучка, даже без законченного среднего образования, простой земский работник».

Владивосток. 3-го февраля.

Познакомился с одним из членов «оперативного» штаба—Боголюбовым; он сообщил, что Краковецкий будет назначен главнокомандующим, а начальником его штаба—генерал Доманевский. Последний тоже говорил мне об этом, а также о том, что согласился принять этот сложный и ответственный пост. Доманевский очень талантлив, с большой инициативой, но чрезвычайно нервен и впечатлителен: он и теперь уже беспокоится, что трудно будет подобрать состав для штаба.

Владивосток. 4-го февраля.

Заходил Ф., дела в его артиллерийском дивизионе совсем плохи. Краковецкий будто-бы рекомендовал ему не огорчаться и признать, что все испытанные методы организации армии не оправдались. Железная дисциплина устанавливается лишь у большевиков, благодаря наличию политических комиссаров, и что этот же метод, видимо, придется применить и здесь.

Это, пожалуй, правильно, но комитеты в частях несомненное зло, от них отказались уже и в Москве.

Владивосток. 5-го февраля.

Краковецкий назначен командующим войсками. Я заезжал в штаб крепости и говорил с ним 5-10 минут. Все они торопятся на производство юнкеров-артиллеристов.

Краковецкого я видел первый раз, впечатление благоприятное: худой, с густой шевелюрой, в очках, с мягким, несколько вкрадчивым голосом. Говорят, он видный эс-эр. Мне он показался несколько кротким для эпохи и слишком штатским для командующего войсками.

Типичен его ад'ютант по морской части: темный южный тип, щеголевато одет, при эксельбашках и кортике.

Краковецкий намекнул мне на желательность моего сотрудничества в центральных учреждениях.

Общая картина в штабе напоминает начало революции 17-го года. Та же масса резолюций войсковых частей, касающихся материальных претензий и замены начальства. Это—работа самочинно возникших в частях комитетов.

Для расправы с ними потребуется железная рука большевиков, которые как будто и являются уже замаскированными хозяевами положения.

Г. рассказывал, что японцы начинают разгружать свой «бест». Часть пленников через Японию направляется к Деникину, часть через Шанхай к Семенову. Это, конечно, далеко не «нейтралитет», о котором постоянно твердят японцы.

Иена сильно падает. Курс ее в городе опустился до 65 руб.

Владивосток. 6 февраля.

Холод 25° ниже нуля. В комнате отчаянно дует, приходится сидеть в пальто. Обедал у А. Н. Кругликова, познакомился с представителем

Центросоюза Л.; их обороты за минувший год более 3 миллионов рублей, что показывает на известную живучесть кооперации.

Кругликов, наоборот, смотрит скептически на ведение дел, подобные же жалобы я слышал от многих местных коммерсантов. Кое-кто втайне вздыхает уже о Розанове.

Владивосток. 7 февраля.

Вышли две коммунистических газеты: «Красное Знамя» и «Коммунист». Здравая оценка политического положения как здесь, так и в международном масштабе. Тон обеих газет сдержанный.

Обедал в семье профессора Гребенщикова. Ему предлагают пост управляющего иностранными сношениями.

Сегодня хоронят егерей, погибших при обстреле Коммерческого училища 26 января по приказу Розанова.

Доманевский составил доклад о политическом положении, которое его сильно смущает. Действительно, японцы все везут и везут войска и, кроме того, будто-бы укрепляют ближайшие к городу сопки и вообще втихомолку несомненно что-то замышляют. Напуганный обыватель волнуется. Офицерство в массе уклоняется от работы, стремится уехать.

Доманевский просил меня принять должность коменданта крепости. Я отклонил это предложение, заявив, что согласился бы еще, пожалуй, помочь в работе Военного совета.

Владивосток. 8 февраля.

Доманевский очень просит организовать полевую поездку в районе фортов крепости, чтобы лично убедиться, что творят там японцы. Для этого он рекомендовал использовать слушателей эвакуировавшейся сюда Военной академии. Но там никаких слушателей не оказалось, а из профессуры только старый А. И. Медведев. Начальник Академии генерал Андогский с хозяйственной частью и деньгами задержался в Харбине. Решено его оттуда извлечь.

Беседовали о взаимоотношениях Военного совета и командующего войсками. Доманевский хлопочет о сосредоточении у себя функций снабжения.

Был полковник Дюсиметьер, игравший видную роль в последние дни розановского владычества. По его словам, 30 января решено было передать власть «Совету обороны крепости» под председательством генерала Будберга, но Вериго и Розанов вновь воспылали отвагой, получив заверение, что их поддержат какие-то сербы в числе 1000 человек. Расчет оказался, конечно, вздорным, как вздорным был расчет и на вмешательство японцев. Кое-кто тем не менее уверяет, что будто бы японцы все же толкали Розанова на оказание сопротивления и «пытались» выслать роту для защиты его дома от натиска предшествуемых международной милицией (руководимой американцами) восставших войск и партизан.

«Начните только, ну, хоть пятью человеками, а мы поддержим», так будто-бы провоцировался розановский штаб японцами.

Но, видимо, у Розанова не оказалось и пяти зачинщиков—никакого сопротивления оказано не было, а японская рота так и не дошла до его дома[286]).

Владивосток. 10 февраля.

Доманевский принял должность начальника штаба у Краковецкого, заручившись предварительно полным согласием наиболее видных местных коммунистов—Лазо и Никифорова. Он опять просил меня обследовать военную академию и выяснить—действительно ли японцы укрепляются на ближайших к городу высотах. Я обещал.

Был по этому вопросу у начальника штаба крепости полковника Станишевского. Исключительная скромность: «помилуйте, в. в-во, какой же я начальник штаба». Тем не менее, за Станишевским пятнадцать лет службы в этом штабе—«знает каждую тропинку в крепостном районе».

Всех и по разному волнуют сведения об Иркутске, который будто-бы захвачен каппелевцами. Правда, это сообщение харбинского корреспондента японских газет.

Владивосток. 11 февраля.

Первый теплый день и какое обилие солнца! Бродил по боковым улицам, так мало благоустройства, зато виды со многих пунктов чудесные. Вся жизнь на центральной артерии города—на «Светланке».

В 12 часов началась орудийная пальба, вызвавшая тревогу среди обывателей: стреляли японцы—это был салют в 101 выстрел в честь, кажется, 2501-ой годовщины Японской Империи. Все суда в бухте расцвечены флагами.

Доманевский за работой. Штаб, оставшийся в том же здании «Аквариума», понемногу оживает.

Доманевский обратился ко мне с новой просьбой принять на себя обязанность члена международной комиссии и по разбору недоразумений между японскими войсками и партизанами. Попутно он сообщил, что в Военном совете опасаются, что я сторонник Японии. Краковецкий будто бы старался рассеять это опасение[287]).

Обсуждали судьбу Военной академии. Сюда докатилось только имущество академии и вся библиотека. Материальную и научную ценность последней и определить трудно[288]).

Перехвачен разговор генерала Лохвицкого, отрешенного Семеновым от командования Дальневосточной армией (остатки колчаковских войск), из Харбина с Читой. По сведениям Читы, Колчак и Пепеляев (премьер) расстреляны.

В радио Лохвицкий называет чехов м.....ми, а Жанена н..... Грозит сообщить Сазонову (бывш царскому послу в Париже), чтобы нажали на чехов[289]).

Последнее сообщение—Иркутск опять в руках большевиков, а белые под командой Каппеля разбиты.

Владивосток. 13 февраля.

Сегодня были у меня члены Военного совета М. Я. Линдберг, Асеев и Брагин, а также и Боголюбов.

Это, видимо, была попытка пощупать мои настроения и рассеять то опасение, которое вызывает мой приезд из Японии. Из беседы я убедился, что мои посетители очень интересовались и моей ролью в период, предшествовавший падению Директории и после такового. Об этом мне еще накануне намекнул Доманевский.

Линдберг, или, как его называют здесь, «борода», брюнет, действительно, с хорошей темной бородой, несколько сумрачного вида, имеет большое влияние среди сопочников-партизан. По политическим убеждениям, левый эс-эр (из группы сибирских эс-эров[290]), не особенно широкого кругозора, но до известной степени фанатик, чем, главным образом, и об'ясняется его значение среди масс, в частности, среди военно-революционных группировок.

Брагин по виду не то солдат, не то рабочий, в действительности, кажется, офицер военного времени, маленького роста, бритый, с выдающимися вперед нижней челюстью и подбородком. Фигура не рельефная, держится скромно и умно молчит; только под конец беседы, в которой большею частью участвовал дремавший минутами Линдберг, Брагин спросил меня:

«Какое у вас отношение к советской власти?»

Я ответил, что этот вопрос, как имеющий для меня второстепенное значение в создавшейся обстановке, занимает меня мало, что я рассматриваю советскую Россию, как одну из сторон в гражданской войне, в войне, дальнейшее продолжение которой я считаю бессмыслицей и преступлением. Для меня важно, во-первых, окончание об'единения России,—под каким это флагом произойдет пока безразлично,—во-вторых, важно сохранение ее исконных владений от посягательства друзей и недругов. Эти два положения одинаково дороги для меня и ради них я буду работать во всех условиях, которые являются реальными для данного времени.

Третий из моих посетителей, Асеев, явился в пальто, вместо пиджака, с надетой сверху овчиной—шерстью вверх. Тип сельского учителя или мелкого земского работника. Он молчаливо поглядывал через пенснэ и то сочувственно, то укоризненно покачивал головой во время всей беседы.

Яркого впечатления не оставил ни один. Такие люди сильны только скопом. Воля партии делает их действенными. Они много работают и не боятся переутомления. Они революционеры.

Все очень интересовались отношением к нам Японии и ее возможной линией поведения.

На это я заметил, что многое будет зависеть от нас самих, от нашего такта и выдержки.

«Этого мы и добиваемся; с мест есть сведения, показывающие сдвиг в сторону этого мудрого решения», заявил уходя Брагин. Он не только умно молчит, но и думает не плохо.

Владивосток. 14 февраля.

Послана телеграмма о прибытии сюда эшелонов Военной академии, задержавшихся в Харбине. Кое-кто из здешних академистов полагает, что ген. Андогский воздержится от поездки во Владивосток. При установлении здесь советской власти ему могут указать, что служба у Колчака не вяжется с его прежним званием начальника Красной академии. Уверяют, что у Андогского есть хвост и в Харбине. Интересно—дотягивается ли этот хвост до Читы.

Во всяком случае здешние академисты явно тяготеют к Харбину и только старик Медведев (профессор статистик) прочно осел на Русском острове.

Утром должен был поехать с генералом Федоровым для осмотра крепостного района. Федоров очень рекомендовал уделить внимание одному из важнейших фортов, которым он, как строитель, очень гордился.

Еще за время мировой войны Владивосток отдал большую и лучшую часть своего артиллерийского вооружения на усиление наших западных крепостей. Со времени интервенции все тайны крепости сделались достоянием иностранцев. Особенно широко использовали эту возможность японцы. Твердыни Владивостока—форты, батареи стали об'ектом профессионального любопытства японских военных специалистов и местом прогулок для прибывающих «натуралистов» и всевозможных экскурсантов. На многих фортах и батареях японцы имеют сейчас свои посты.

Конечно, крепости, как таковой, уже не существует. Остались железо, бетон и огромное количество казарм, занятых большею частью войсками интервентов.

С поездкой несколько запоздали. Вышла задержка с машиной. Прислали слабенький городской автомобиль (лимузин).

День чудесный, солнечный. Окрестности Владивостока на редкость живописны.

На большинстве батарей вольнонаемная стража. Молодой малый, в овчинном тулупе, с винтовкой, вежливо посмотрел наши документы, дружелюбно ответил на новое «демократическое» приветствие моего спутника: «Здравствуйте, товарищ» и только об'яснил, как и куда пройти. Видно вдумчивое отношение к порученному серьезному делу.

Нет щегольства прежнего солдата, но зато нет и возмутительного «не могу знать», которое в доброе, старое время на законном основании освобождало всякого лентяя от необходимости шевелить мозгами.

Пробрались к интересовавшему меня форту. Наш городской лимузин с трудом выбрал уклоны дороги и перед самым фортом завяз-таки в снегу.

Прошли пешком в дом «Ивана Павлыча», старшего надсмотрщика живой хронологии постройки форта. Угостил нас чаем с вкусным хлебом и маслом. Иван Павлыч охотник и домовитый хозяин.

«Вот дичь всю иностранцы распугали, теперь, ведь, здесь шляется всякий из них, кому не лень».

Форт с точки зрения строительного искусства представляет исключительный интерес. Это целый подземный город, предусматривающий долгую и упорную борьбу. Генерал Федоров с горечью смотрит теперь на своего «мертвеца», как он называет крепость.

Действительно, замерла всякая жизнь в этом огромном лабиринте гор, скал и долин, среди бетона, железа, в опустелых жилищах строительных рабочих...

Самые сокровенные уголки доступны теперь чужому любопытному глазу. Ходят слухи, что и наши более секретные документы, перевезенные для сохранности в Хабаровск, давно находятся в «дружеских руках».

Заключительный аккорд осмотра—шествие по потерне (подземной галлерее) длиной до полуверсты, под огромным слоем скалистого грунта—положительно страничка из Майн-Рида.

Ступеньки покатого хода покрыты толстым слоем льда, катимся вниз «на сиденьи», хватаясь за проложенные телефонные провода.

Лед все нарастает, ход суживается, впереди страшная узкая щель.

Большая неприятность—потухли факелы. Жуть, ледяная могила. Как-то проскочили страшную щель.

Я с облегчением вздохнул, с трудом выбравшись на воздух.

На обратном пути долго сидели в снегу, еле добрались до «Второй речки» (пригород Владивостока), где подкрепились бензином.

Следов японских укреплений не нашли, кроме небольших оборонительных окопов в местах стоянки их войск и в расположении постов и караулов. Обычные меры предосторожности.

Ни брать, ни оборонять крепости японцы, конечно, не собираются, им никакой нужды в этом нет.

Опыт Вердена совершенно достаточен для того, чтобы постичь истинную ценность Владивостока в его современном состоянии.

На «Второй речке» видел школьников из детской Петроградской колонии. Многие сильно выросли, одеты бедно—в китайские кофты, все почему-то сильно кутаются. Здесь эпидемия тифа—медицинская помощь ничтожна[291]).

Владивосток. 16 февраля.

День чудесный. Пошел побродить по, так называемому, «Семеновскому» базару. Чем только здесь не торгуют! Среди разговоров неоднократно слышались неодобрительные отзывы об «убегающих» в Японию. Отношение масс к этим «побегам» определенно отрицательное.

За обедом в «Золотом Роге» мои случайные соседи удивлялись нарождающейся в массах дисциплине:

«Посмотрите, в каком порядке стоят трамвайные хвосты, а ведь нет ни городовых, ни писаных строгостей. Поняли люди, что так лучше и конец».

Я сам обращал на это внимание—явление отрадное.

Вечером заходил председатель правительства А. С. Медведев, он только что вернулся из Никольск-Уссурийска, нашел, что там положение в вой-

ских лучше здешнего. А здесь, действительно, не все хорошо: всюду выборное начало, во главе некоторых полков солдаты... Последнее не так уж плохо, если выдвигаются толковые солдаты. Генералы не справляются с духом эпохи—ничего не поделаешь! Хуже, что вновь установленный институт политических «уполномоченных в войсках», видимо, не достигает цели—войска их плохо слушают. Кроме того, и выборные командиры, и политические уполномоченные с большим уклоном к демагогии и болтовне.

По мнению Доманевского, японцы не очень считаются с Краковецким и он потерял охоту к ним ездить. Вообще Доманевский настроен мрачно, жалуется, что нет ни помощников, ни работников.

Боголюбов, вернее, Военный Совет, беспокоится относительно прорвавшегося за Иркутск отряда генерала Войцеховского, просит меня протелеграфировать ему здешнюю обстановку и, таким образом, ослабить влияние на него Читы, т.-е. Семенова.

Владивосток. 18 февраля.

Утром заходил и Колокольников и Гребенщиков. Первый в смятении, злорадствует, что за три недели своего существования новая власть ничего не сделала в области финансово-экономической.

Я заметил:

«У вас ведь было в распоряжении не три недели, а год, но как будтобы и вы сделали в этой области не больше».

«Да кто же знал, что Колчак только и мог слушать, когда курили фимиам его талантам и величию»—оправдывался Колокольников.

«Кто же виноват? Сами создали себе божество, оказавшееся не годным».

«Плохо дело»—продолжал Колокольников,—«совсем разорен, а годы уже не те и энергии прежней нет. Говорят, большевики нисколько не переменились, в Томске назначили контрибуцию в 25 миллионов руб., не внесли в срок—пятерых расстреляли, двое из моих друзей»[292]).

Так развенчиваются политические кумиры под ощущением личных неудач.

Гребенщиков рассказывал о начале дипломатических сношений: «Мы отнюдь ни у кого не просим признания, а ставим всех перед фактом существования нового правительства».

Позиция правильная, а главное—и единственно возможная, другого ничего не выдумаешь.

Владивосток. 19 февраля.

Заходил Доманевский. Он, видимо, сильно утомляется: при неналаженной бестолковой работе приходится напрягать мозги и волю 13-15 часов в сутки. Для привыкшего к систематической работе ума это невыносимо. Доманевский жалуется:

«Ясно вижу: часть офицеров определенно саботирует, часть перегружена работой, часть хочет работать, но не умеет».

В Военном Совете тоже пока еще сумбур, но там молодые силы, не отравленные известной системой, привкус власти делает для них и бестол-

ковую суету, писанье ненужных бумажек и праздные разговоры достаточно занимательным и серьезным делом. Жизнь и опыт выправят недочеты. Через это проходит вся страна.

В районе Хабаровска не совсем гладко. Калмыков не только ускользнул из «железного кольца» партизан, но кому-то грозит еще «обходным маневром». Партизаны увлекаются внутренней склокой—не признают стянутые к Хабаровску регулярные войска.

Около Сучана—открытая вражда русских рабочих с японцами, схватки почти ежедневно.

У армии нет 3-х линейных патронов.

Японцы несомненно что-то замышляют. Игнорируют Краковецкого, не отвечают на его запросы и требования.

В Харбине появился какой-то новый «Верховный правитель»—Тамбаир.

У Павловского познакомился с Моравским; кажется, один из министров бывшего на Дальнем Востоке «дербероровского правительства» (от Сиб. Областной Думы). Моравский явно в оппозиции к Земскому Правительству за его безудержный, по мнению Моравского, уклон к большевизму. Полагает, что японцы в скором времени выступят здесь активно.

Большевиков это, видимо, нисколько не смущает; они утешаются: «Заключим мир, ведь Брест показал, что мы не ошиблись».

Перекочевавший сюда Сибземгор (сибирский Союз земств и городов) проектирует «Зем-блин» (благо дни масляницы!) в большом собрании общественных и политических деятелей. Намечается необходимость об'единения.

Авксентьев и его друзья интересуются из-заграницы составом Земского Правительства и его отношением к большевикам.

Владивосток. 20-го февраля.

Бродил по семеновскому базару, это—барометр жизни. Обилие рыбы, китайцев и японских мандарин.

Вечер провел в беседе с членами Военного Совета,—новая серия: Сокович и Луцкий—оба военные, капитаны старой армии, оба давно на Дальнем Востоке, хорошо знают край и его настроения. Оба коммунисты.

Сокович бритый, с эенергичным, но несколько неприятным выражением лица. Луцкий горбоносый, с бородой, в'едчивый и раздражительный, тип хозяйственного ад'ютанта провинциального штаба, каковым он и был в действительности до революции. Оба с уклоном к демагогии.

По старой службе горячие поклонники генерала Лечицкого, бывшего командующего войсками Приамурского военного округа—самородка из народа.

Высказывались о желательности моего участия в Совете Обороны. Сокович читал проект Совета—размах широкий, но нет системы, сквозит мелкая подозрительность к командному составу. Мне говорили, что Сокович сам мечтал о посте командующего войсками, занятом Краковецким.

Во всяком случае и эти двое—люди новых веяний, ищущие новых путей в работе. Конечно, оба с политическим и тюремным стажем.

Владивосток. 21-го февраля.

Был профессор Военной Академии Иностранцев, в английской форме, ужасно исхудалый, обретается с семьей в английском поезде. Совсем без денег; очень обрадовался моим реальным заботам об Академии. Жалуется на нервы, стремится пробраться в Юго-Славию, слегка заражен идеей славянской федерации и борьбой с германизмом. В общем ушиблен событиями, нуждается в ремонте.

Приезжал познакомиться китайский полковник генерального штаба; жалел, что я не был вчера на «русско-китайской чашке чая».

Вечером на «Сибзем-блине» было несколько шумно. Политические беседы не удались—политики поглощали блины, а блины поглотили политику.

Первый раз видел председателя бывшей Сибирской Областной Думы—Якушева;—впечатление личной порядочности, но человек не крупный.

Владивосток. 22-го февраля.

Заходил Доманевский «подкрепиться энергией». Он положительно разрывается на части и все уверяет, что не может работать в такой кутерьме. Его, с одной стороны, пугает общая бестолковщина, с другой—загадочность поведения японцев.

Пришел А. С. Медведев с кипой телеграмм из Харбина. Там и в Чите полным темпом идет распродажа российского добра, вывоз золота и ценностей, конечно, в Японию. И Медведев, и Доманевский—оба жалуются, что и японское командование и дипломатическое представительство не торопятся с ответами на их запросы. Я утешал: «Просто не могут ответить, так как, видимо, до сих пор не выработали определенной политики в отношении Приморья и вообще Дальнего Востока».

У них, кроме того, и у самих не все благополучно. Приехавший из Японии коммерсант Щербаков передавал о сильных волнениях в Токио и о покушении на премьера Хара в отеле «Сейокен». Кстати, он рассказал и о весьма холодном приеме в Токио Третьякова, ехавшего министром к Колчаку: «в гостиницах для него не нашлось даже свободного номера».

«К русским, после вашего (т. е. моего) от'езда, отношение заметно ухудшилось. Крупенский бежит в Италию, а кое-кто из военной агентуры ищет занятий у японцев».

Владивосток. 23-го февраля.

Заседал в комиссии по реорганизации армии, созданной при Военном Совете, куда меня пригласили председателем. Обсуждался вопрос о форме одежды и о чинах. Общее мнение за упразднение чинов. Я выдвинул мысль об оставлении командных званий, сохраняющихся за данным лицом лишь на время его командования той или другой частью. Так, всякий, получающий полк, пусть это будет простой солдат, приобретает звание полковника, пока он во главе полка.

Состав комиссии пестрый: Главацкий—полковник, сильно перегибающий влево, в прошлом, грешки за крайние уклоны в противоположную сто-

рону; Степанов—поручик, один из революционных деятелей 5 армии (в мировой войне) за время моего командования этой армией. Остальные,—кроме поэта-генерала Гончаренко и капитана Саваровского,—молодежь весьма энергичная, но малоопытная.

Владивосток. 24-го февраля.

По газетам, атаман Калмыков бежал с своим отрядом в Китай, перешел границу у Куколево и тянется к Харбину.

Опять заходил Доманевский. У него невязка с демобилизацией и новая тревога: в области самочинно организуются военно-революционные комитеты, не особенно склонные к исполнению распоряжений из Владивостока.

Здешний военный центр в тяжелом положении. Снабжение не налаживается, на местах не чувствуется влияние и продуктивность работы центра. Это, конечно, на первых порах естественно, но Доманевский слишком впечатлителен и нервен.

Заедают и претензии интервентов. Японцы, в виду об'явленного ими очищения Амурской области, требуют срочных больших нарядов поездов.

Сейчас требуют прицепки броневика к поезду для об'езжающего их войска флигель-ад'ютанта Микадо, для его охраны.

В Военном Совете реконструкция: коммунисты хотят занять все четыре места, эс-эры отстаивают одно место для своего кандидата. Эта борьба за влияние в Военном Совете, конечно, также тормозит работу штаба. Доманевский, да и сам Краковецкий, часами ждут доклада.

Владивосток. 25-го февраля.

В состав Военного Совета, видимо, войдут два наиболее крупных коммуниста: Лазо и Луцкий. Реконструкция Военного Совета задерживает осуществление вопроса с организацией Совета Обороны.

В моей комиссии дела идут тоже туго, а жизнь торопит. Наспех созданное «положение о политических уполномоченных в частях войск», как в свое время пресловутое положение Керенского о войсковых комитетах, встретило в жизни много затруднений.

Два таких уполномоченных, вызванных сегодня комиссией, прямо умоляли о более точных инструкциях.

«А чувствуется ли ваш авторитет в войсках?»

«Да, но очень трудно разобраться в правах и обязанностях и особенно во взаимоотношениях с командным составом».

На очереди ряд важнейших вопросов: о содержании, о квартирах, о пленных красноармейцах. Среди просителей партизаны, бывшие участники восстания Гайды. Все, так или иначе обиженные или обойденные заботой элементы, широкой волной хлынули в комиссию. Старое офицерство, теснимое нуждой, тоже начинает интересоваться своей судьбой.

Кроме большой работы, все это требует и больших материальных средств. Сложно, но работа живая и помогать надо.

В Амурской области сильно растет партизанское движение. Недаром оттуда уходят японцы. В одном из прошлогодних столкновений с партиза-

нами японцы не только потерпели неудачу, но не смогли даже вынести тело убитого в бою командира батальона. Это вызвало сильную тревогу в Токио и большую неприятность для военного министра.

Живой и понятный лозунг, умело брошенный большевиками, имеющий конечной целью об'единение России и сохранение ее цельности, сам собой поднимает народ и заставляет его браться за оружие. А тот же призыв за «единую неделимую» в устах вождей антисоветского движения оставался в большинстве случаев немым для широких масс населения[293]). В чем же причина столь неодинакового отношения масс?

Большевики, надо отдать им полную справедливость, умело противопоставили национальное чувство засилью и корыстным замыслам иноземцев.

На Дальнем Востоке нет помещиков, нет крупных предприятий, эксплоатирующих труд рабочего, и тем не менее дремавший классовый инстинкт разбужен и здесь. Он сплотил и цементировал национальное чувство для целей борьбы. Большевики—отличные пропагандисты. Это отражается и на чужеземцах.

Говорят, что на Чуркинском полуострове (около Владивостока) японские солдаты украсили себя красными бантиками. Для начала достаточно.

Владивосток. 26-го февраля.

Беседовал с председателем Правительства А. С. Медведевым. Настроение членов Правительства весьма среднее—все они не прочь бы сложить свои полномочия и отказаться от высоких почестей.

«Все мои коллеги в прострации, только и мечтают об уходе», заявил А. С.—Ведь и для меня по тактическим соображениям лучшее время для ухода. Но как уйти, кто заменит?»

Я понимаю эту трагедию власти—весь ее состав менее всего думал, что им когда-нибудь придется управлять территорией, из которой одна Камчатка почти больше всей Японии. Они—ценнейшие земские работники, два из них прекрасных педагога, один отличный энергичный врач, один толковый землемер и один просто земский сотрудник, с головой ушедший в изучение кинематографа, в котором он видит прекрасное средство для целей просвещения народа.

Во всех этих почтенных и полезных профессиях все же очень мало опыта для управления государством.

Вот теперь мне понятен кураж маленького атамана Калмыкова: он силен волей и дерзает, не считаясь с средствами. Продержался два года, и как он вызывал всеобщий трепет, расстреливая и томя в тюрьмах десятки честных, умных и безусловно дельных людей!.. Он не терзался сомнениями и правил, как ему нравилось. Это гримасы революции.

Власть для одиночки в процессе революции, если он не гениален или не беспринципен до гениальности—действительная трагедия.

Это бремя по силам только крепкой политической партии, в этом случае недочеты индивидуальные восполняются единой несокрушимой партийной волей.

Беспокоят Медведева и японцы: «Они что-то задумали».

«Да, вероятно», возразил я, «нельзя же им не думать».

«В Николаевске-на-Амуре положение очень обострилось, в этом отчасти секрет ухода японцев из Амурской области, они там слабы и сильно разбросаны».

Владивосток. 2-го марта.

Через британскую военную миссию получил телеграмму генерала Войцеховского из Читы, в которой он сообщает, что привел в Забайкалье 30 тысяч испытанных бойцов, которые охотно поддержат всякую демократическую власть, но непримиримы в отношении большевизма, и спрашивает мое отношение к таковому.

Признаться, эта телеграмма, одновременно адресованная генералу Хорвату и всем иностранным миссиям во Владивостоке, озадачила меня. Вместе с лестным для меня вниманием, она требовала и открытого выражения моего отношения к большевизму.

Ответ мудрого кудесника «генерала Хорвата», который уже появился в печати, может быть, и очень дипломатичен, но по существу является простым набором слов и страховкой, главным образом, конечно, со стороны Антанты.

Я победил первую горячность к ответу и решил несколько повременить.

В Военном Совете знали, что мною получена телеграмма, и ждали, что я отвечу. Мне хотелось повидать Медведева, но в этот вечер это не удалось, и я не знал, как он отнесся к запросу Войцеховского.

Владивосток. 4-го марта.

Заходил Боголюбов справиться, какой ответ я предполагаю дать Войцеховскому и думаю ли сообщать его Военному Совету. Я сказал, что охотно это сделаю, если председатель Совета Лазо зайдет ко мне.

Вечером пришел не только Лазо, но и Никифоров с Боголюбовым. Ответ мой Войцеховскому, в краткой передаче его основных положений, совершенно удовлетворил моих посетителей.

Говорили об общем положении дел, об отношениях к нам японцев и наших к ним.

И Лазо и Никифоров оба весьма колоритные фигуры.

Лазо 27-милетний молодой человек, олицетворение физической силы, полон энергии и завидного вкуса к жизни. Малороссийский выговор, слегка картавит, не без некоторой самоуверенности.

«Я девять месяцев командовал Забайкальским фронтом», заявил он как бы мимоходом, но не без гордости.

Самый уход в сопки уже не шуточное дело, за ним охотились с 1918 года.

Все было в нем хорошо: и плотная фигура, и хохлатый упрямый чуб, и лукаво смеющиеся глаза, и короткий и мягкий говор, и задор суждений.

Такие типы чаще среди коммунистов; их нет, или мало среди эс-эров, где слишком много интеллигентской говорливости, пафоса и бесконечного чая.

Эс-эры с головы до ног—доподлинная Россия, в этих какая-то нерусская самоуверенность и полное отсутствие «слезы».

Никифоров—полная противоположность Лазо. Невысокого роста, по внешности типичный рабочий. Коммунист, в тужурке с пуговицами с тисненным английским королевским гербом. Бледное усталое лицо аскета, с глубоко сидящими темными глазами.

Это один из наиболее видных местных коммунистов, сейчас председатель Бюро Финансово-Экономического Совета.

У Никифорова спокойная, тихая, вдумчивая речь, трезвая оценка обстановки.

«Вы большой человек, с вами приходится считаться», тихо сказал он мне по поводу обращения ко мне Войцеховского.

Я задал ему вопрос: «будут ли коммунисты осуществлять свое постановление о переходе власти к советам»?

«Да, в отношении Амурской области, где уже организуются исполкомы, но они будут жить директивами Временного Правительства, которое мы отнюдь не считаем ширмой».

Если это было не вполне искренно, то во всяком случае достаточно политично.

Перед уходом Лазо сообщил мне с задором об успехах какого-то товарища Тряпицына[294]), руководящего борьбой у Николаевска на-Амуре, где будто-бы основательно пострадали японцы.

«Вы слышали, около Благовещенска замерзло 300 японцев, наши сибирские морозы за нас», добавил он не без злорадства.

Вот оно мировое братство!

Общее впечатление от визита скорее плюс—это несомненно, новые люди, в них чувствуется воля к борьбе. Они знают, чего хотят[295]).

Владивосток. 5 марта.

Заходил к А. С. Медведеву. Прервал его послеобеденный отдых. Он слегка недомогает и, видимо, очень утомлен неорганизованной работой.

Прочел мне информацию из Харбина. Войцеховский назначен Семеновым командующим войсками Дальневосточной окраины; Щетинин—начальником штаба к нему.

Острота взаимоотношений Войцеховского и Семенова, видимо, рассосалась. Теперь значительно закрепится читинская пробка и, конечно, затянется вопрос об'единения с остальной Россией. «Союзники» этому помогут.

Владивосток. 6 марта.

Был М. Н. Павловский, волнуется по поводу борьбы Сибземгора с Бюро Финансово-Экономического Совета; последнее опечатало было помещения Сибземгора, но сегодня принесло извинение за это распоряжение.

Отправил в Британскую миссию ответ Войцеховскому:

«Чита, Генералу Войцеховскому, Копии по всем адресам, указанным его телеграммой.

Ответ телеграмму вашу 28 февраля сообщаю. Как гражданин солдат нахожу создавшихся условиях продолжение гражданской войны гибельным для Родины. Задача момента об'единение всего населения Дальнего Востока для защиты исконных владений России. Долг патриотов найти безболезненные способы об'единению Забайкалья Приморской областью и скорейшее воссоединение остальной Россией.

Этой цели готов оказать полное содействие. Такова позиция и Вр. Правительства Приморской областной Земской Управы. Интересующие вас вопросы подробнее могу ответить прямому проводу. Вместе содержанием настоящей телеграммы прошу передать мое глубокое уважение и привет вашим войскам. Они доблестно и честно выполнили свой долг и не ответственны за ошибки их прежних вождей и павшего правительства.

5 марта. Владивосток. Генерал Болдырев».

Посланная телеграмма определяла ясно мои позиции для всей союзнической Европы. Я ответил так, как думал. Это краткое содержание сущности моей программы, намеченной для Дальнего Востока. Постепенное, осторожное об'единение и неприкосновенность нашей территории—это пока важнее всего.

Владивосток. 7 марта.

Был в Центросоюзе, справлялся о возможности пристроить туда Доманевского. В должности начальника штаба его не на долго хватит. Он не только крайне утомляется бессистемной работой, но что гораздо хуже—не верит в ее результаты и слишком болезненно учитывает международную обстановку, особенно опасность со стороны Японии. На-днях он и Краковецкий были на междусоюзническом совещании. Их только еле выслушали. Конечно, это не особенно бодрит.

Вечером первый раз был на заседании Военного Совета. Все были в сборе. Председательствовал Лазо, члены: Линдберг, Брагин с деревянной трубочкой, полусонный, в очках, «сапер» Сибирцев и несколько хищный с виду Луцкий. Присутствовали—хмурый, полувыбритый Сокович и похудевший Боголюбов.

Позднее пришли: Краковецкий с огромной красной звездой на левом рукаве и красной ленточкой в петлице и Доманевский, все еще красивый и изящный, несмотря на удары судьбы и переживаемые тревоги.

Я изложил основы законопроекта о новых окладах содержания для военнослужащих, выработанного председательствуемой мною комиссией. Одобрение. Легкий протест Сибирцева. Лазо слегка позирует, но дельно ведет заседание.

Защищает положения законопроекта Краковецкий. Я развиваю принцип равенства, положенный в основу работы.

Начинается атака против пункта о квартирных деньгах. Атака успешна—пункт провален. Но после небольшого перерыва председатель, признав некоторую поспешность решения, предлагает пересмотр этого вопроса, и он принимается с некоторой поправкой.

Защита усилена Доманевским. Ему явно симпатизирует Лазо. Все положения законопроекта поддерживает Боголюбов.

Секретарствует Брагин, но он больше занят своей трубочкой, нежели протоколом. Протокол ведет нервный Лазо, делая записи в толстой тетради.

Сибирцев увлекся какой-то телеграммой.

«Товарищ Сибирцев, прошу не читать телеграммы во время прений»,—задорно замечает председатель.

Сокович хмурится.

Доманевский при резких нападках, мягко картавя, чрезвычайно дельно выступает на защиту.

В глубине мрачной, полутемной, обезображенной перегородками, комнаты, молчаливо бродит экс-член совета Тафеев.

К 10 часам законопроект почти целиком принят. Тем не менее, у меня сознание, что разработка недостаточная. В таком совете более, чем где бы то ни было, докладчик должен быть неуязвим.

Здесь есть острые зубы и полное отсутствие дремлющих старичков.

Владивосток. 10 марта.

Разыскивал свою землячку Ч., занесенную сюда огромным беженским валом после разгрома Омска. Перенесла сыпной и какой-то еще манчжурский тифы; последствие—сильнейшая опухоль ног и ослабление сердечной деятельности. Подобрали ее здесь чуть ли не на улице чужие, добрые люди. А сколько осталось не подобранных!

Ч. сильно голодала, сейчас блаженствует в городской больнице. В беседе высказала дельную мысль, что «выступление чехов только усложнило положение в России».

Резко отзывается о бегущих заграницу: «пускай бегут, а когда вернутся—их спросят, откуда пришли». Для человека, потерявшего с революцией достаток, дом, родных, здоровье—это весьма характерно.

В газетах помещены два крестьянских манифеста от 12 и 21 октября 1919 года, помеченные Нижним-Новгородом, об избрании «Всероссийского Крестьянского Правительства». Правительство это Семенова, «как сына казака», предлагает «просить не только подчиняться Всероссийскому Крестьянскому Правительству, но и предложить звание русского крестьянского диктатора, как защитника единой России и крестьянства».

Конечно, оба манифеста изготовлены в Чите, изобретательных людей там, видимо, достаточно[296]).

Медведев сильно похудел и постарел: «дела в общем не важны, массы вырываются из рук и лезут на рожон».

Худые вести и из Сибири: полная и окончательная разруха и поголовный тиф, уносящий тысячи жертв[297]). Возникает мысль о буферном государстве на всей территории к Востоку от Байкала.

Владивосток. 11-го марта.

Сегодня большой день—праздник пролеткульта, трехлетняя годовщина великой русской революции.

Весь город в красных флагах, красных арках и красных знаменах.

Горячий красный цвет—в лучах чудесного солнечного дня—цвет горячей человеческой крови,—самый яркий выразитель настроений, двигающих на борьбу за право и счастье.

И парад войск, спокойно, в образцовом порядке проходивших по улицам города, и шествие профессиональных союзов, стройно поющих гимн революции, с красными ленточками на груди, с красными флажками в руках ,и резвые колонны детей с звонкими перекатистыми звуками «ура»—исключительное зрелище.

Откуда это народ научился такой дисциплине?

Где научилась вольной песне вчерашняя Мавра-кухарка, смело марширующая в ногу с рабочим под звуки духового оркестра?

Кто эти молодые девушки, голоса которых так звонко дрожат среди нескольких хриплых густых голосов почтенных бородатых и бритых рабочих и трудовой интеллигенции?

Где-то сзади ухает «Дубинушка».—«Никак за дубину берутся?»—умиленно резюмирует женщина, пробирающаяся среди чинной, заполнившей тротуар, толпы.

Ни городовых, ни криков, ни ругани, ни грубых толчков.—Кто владеет волшебной палочкой, устанавливающей этот порядок?

Его Величество Народ празднует и веселится, он производит смотр своим силам. Силы эти внушительны, в них как-то растворились, утонули все интервенты, а их немало, словно, удивились и испугались той мощи, которую продемонстрировал сегодня перед ними, великий и в своих страданиях, русский народ.

«Чудесно», обращается ко мне сосед, военно-пленный, ремесленник из Лейпцига,—«только ваша безгранично мощная и богатая страна, не теряя бодрости, может выдерживать эти годы ужасной гражданской войны. Никто не выдержал бы и двух месяцев».

«Не будь я женат, я не уехал бы отсюда, но семья не виновата и бросить ее я не могу». «Я видел начало революции в Самаре и теперь здесь—какая разница».

Рядом слегка выпивший и довольно грязно одетый рабочий приставал к двум японским солдатам, мирно глазевшим на шествующую революцию, а затем к чеху и ругал их за интервенцию.

«Много вы нашей крови пролили, а все-таки наша взяла». Это единственный пьяный, которого я видел за целый день, и у меня мелькнуло подозрение, не был ли этот малый выпущен с определенной провокаторской целью: уж очень резала глаз эта грязная хмельная фигура, и слишком назойливо задирал он иностранцев.

Шествие замыкали анархисты. На черном знамени—золотая надпись: «Мир хижинам, смерть дворцам, смерть капиталу и власти». Устарели эти лозунги. Капитала давно нет, по крайней мере в России, да и дворцов не так уж много в соломенной стране. Как-то не было страшно от этих страшных слов. Это, пожалуй, наиболее слабое место в процессии. Кроме

явных вырожденцев из студентов и просто хилых интеллигентов, под этим знаменем мирно шли самые обыкновенные и добродушнейшие Марфуши и Аннушки.

Процессия кончилась, но впечатление от нее осталось сильное.

Нараставшая тревога среди членов Правительства и других представителей власти, а равно и среди общественных и политических деятелей, разбирающихся в создавшейся обстановке, не была напрасной. Грандиозная демонстрация во Владивостоке в день трехлетней годовщины русской революции имела по преимуществу моральное значение. Русская вооруженная сила была еще слишком слаба и не организована, чтобы сделаться хозяином положения в Приморье, при наличии той реальной силы, которой обладала здесь Япония.

Течения об усилении и закреплении японского влияния на материке были еще слишком сильны, по крайней мере, в военных кругах Японии. Они находили поддержку в тех русских группировках, преимущественно осевших в Харбине и Чите, которые все свои расчеты в борьбе с большевизмом обосновывали всецело на широком содействии Японии, включительно до временного протектората над ее Дальневосточными областями.

Меняющееся настроение внутри Японии, нажим со стороны Америки, в смысле сохранения территориальной неприкосновенности России, заставляли торопиться с созданием того или иного конфликта, который давал бы повод японскому шовинизму не только для вооруженного выступления, но и для «вызванной обстоятельствами» окуппации некоторых из наших областей.

Требовалась сугубая осторожность, чтобы не попасть на удочку и не дать повода для такого конфликта.

В действительности такой осторожности не было, и в этом меньше всего было повинным Временное Правительство Приморской областной Земской Управы.

Дело в том, что Правительство это, почти с первых же дней своего появления у власти, постепенно стало поглощаться истинным хозяином положения Дальбюро ЦК РКП, которое весьма скоро сделалось фактическим распорядителем и вооруженной силой края.

Действительно, в области военной все большее и большее влияние приобретали существовавшие, правда, нелегально, военно-революционные организации, подготовившие переворот 31 января.

Несомненно, с их согласия и по их директивам вел свои операции Тряпицын у Николаевска, операции, приведшие к весьма серьезным осложнениям с японцами. Директивами же этих организаций руководствовались и партизаны, начавшие весьма активную деятельность, как в Амурской области, так и в Хабаровском районе и на Сучане.

Хорошо осведомленные японцы отлично понимали, откуда идет руководство военной жизнью областей, и, игнорируя командующего войсками и его штаб, сосредоточивали все свое внимание на Военном Совете, с кото-

рым с трудом мирились, уклоняясь от всяких официальных с ним сношений.

Нахождение П. М. Никифорова во главе Бюро Финансово-Экономического Совета передавало в сущности в руки того же Дальбюро и все руководство экономической жизнью края и его финансами. Из Владивостока в Благовещенск был вывезен золотой запас до 100 миллион. рублей. Подготовлялись для вывоза и другие ценности, а равно и военные материалы.

В конце марта появился во Владивостоке и неофициальный представитель советской России, видный коммунист, В. Д. Виленский.

Осовечение края принимало темп, игнорирующий всякую предосторожность. Вслед за установлением исполкомов в Амурской области, начались и во Владивостоке открытые выборы «Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов».

Столь очевидное усиление влияния коммунистов в работе Правительства, хотя и коммунистов «розовых», как тогда выражались сами же коммунисты, дало повод насторожиться правым группировкам, находившим несомненное сочувствие среди японского военного командования.

Зашевелились в Харбине. Била набат Чита—эхо доносилось до Токио.

Председатель Временного Правительства с трудом отбивался от непрерывных запросов со стороны иностранных, главным образом, японских, представителей по поводу действий, в которых меньше всего повинно было правительство, и которые направлялись исключительно всемогущей волей незримого Дальбюро.

Ко второй половине марта относится и первая попытка соглашения с представителями, так называемой, Каппелевской армии (остатки армии Колчака), сохранившейся после неимоверно тяжкого зимнего похода через всю Сибирь и достигшей, под руководством генерала Войцеховского, пределов Забайкалья.

Выработать проект этого соглашения неофициально было поручено мне. Сводилось оно к двум основным положениям: принятию части армии на службу Временного Правительства на определенных условиях и использованию всех остальных для мирного труда, при некотором содействии Правительства.

В числе представителей армии был полковник Щ., мой бывший подчиненный и за время мировой войны, и в период моего главнокомандования при Директории.

Переговоры не были особенно сложными. Главнейшие положения были быстро выработаны. Дело не удалось довести до конца, лишь в виду последовавшего вскоре выступления японцев, и оно повисло в воздухе.

В Харбине к каппелевцам потянулись затем другие предложения для достижения совсем других задач, усложнивших потом развязку событий на Дальнем Востоке.

Что все изложенные обстоятельства весьма тщательно учитывались японцами—в этом не было никакого сомнения. Токийское правительство через местное командование неоднократно предупреждало, что оно не до-

пустит укрепления большевизма в Приморье в непосредственном соседстве с находящимися под его влиянием Кореей и Манчжурией, и, конечно, не бросало слов на ветер.

Руководители же Дальбюро, как будто не учитывали всей сложности положения и, может быть, не желая того, тем не менее шли к конфликту. Это было на руку японцам. Всякий формальный повод с русской стороны, а японцы могли считать таковым хотя бы открытые выборы в Исполком*), развязывал им руки и служил бы затем достаточным оправданием всякой меры, какую местное командование нашло бы необходимым применить для поддержания своих письменных заявлений.

Крайнее напряжение чувствовалось уже всеми, доведение его до открытого столкновения было бы прямым безумием в тогдашних условиях. При явном превосходстве в силах и организованности со стороны японцев, оно сковывало бы даже внешнее проявление доброжелательства американцев и чехов, являвшихся наиболее реальными величинами после японцев.

Больше того, если бы Япония сама решилась на вызов, его ни в коем случае нельзя было принимать здесь, в районе крепости. Вызов этот, формально не принятый даже в целях обороны, должен был повиснуть в воздухе, чего и нужно было добиваться.

Изолированное Приморье открыто бороться не могло. Этого не в состоянии были понять только или чрезвычайная растерянность, или легкомысленно зарвавшийся задор.

При всем явном раздражении против закреплявшегося на Дальнем Востоке большевизма, японское Правительство, и, главным образом, местное японское командование действовали чрезвычайно осмотрительно.

Они позаботились даже о предупреждении возможных осложнений между японскими войсками и мирным населением.

Так, вскоре после декларации, об'явленной японским императорским правительством относительно пребывания японских войск в Сибири, со стороны местного японского командования было сделано следующее заявление Временному Правительству Приморской Областной Земской Управы:

«По поводу декларации, об'явленной нашим императорским правительством относительно пребывания наших войск в Сибири, командующий японскими войсками в Сибири уполномачивает меня вести переговоры с представителями военных властей Временного Правительства Приморской Области с целью поддержания дружественных взаимоотношений и предупреждения конфликтов, могущих возникнуть, судя по данным прошедшего и настоящего времени, между нашими войсками—с одной стороны, и русскими властями и местным населением—с другой, по поводу пребывания наших войск в Приморской области.

Для вступления в переговоры я с своей стороны имею честь заявить вам те условия, которые имеют быть предложенными Временному Правительству, и просить ответа.

*) Весьма вызывающим, между прочим, был факт крайне дерзкого похищения находившихся под охраной японцев 10 французских танков. Похищение было организовано без ведома командования. Японцы ответили на это весьма грубым задержанием ничего не подозревавшего Краковецкого, во время его приезда в Никольск 26 марта.

Условия эти следующие:

1) Обеспечить пребывание наших войск в смысле предоставления им всех необходимых для такового пребывания средств, т.-е. расквартирования, продовольствия, путей сообщения, корреспонденции и т. п.

2) Подчиниться всем тем постановлениям, кои заключены между нашим правительством или нашим командованием—с одной стороны, и русскими властями—с другой, на основании состоявшегося соглашения между державами согласия или между союзническими командованиями, когда бы эти постановления не состоялись.

3) Не арестовывать, а также не стеснять свободы тех лиц, которые содействуют нашим военным действиям без нашего ведома.

4) Ликвидировать всякие действия тайных обществ и групп, угрожающих своею деятельностью безопасности наших войск, а также миру и спокойствию в Корее и Манчжурии.

5) Сдерживать печатные статьи и отдельные провокационные выпады, непосредственно направленные к скомпрометированию наших войск и нашего государства.

6) Приложить все старание к безусловному обеспечению жизни, имущества и других прав наших подданных, проживающих в крае, в том числе и корейцев.

Генерал Такаянаги».

Временное Правительство для рассмотрения пред'явленного заявления образовало особую комиссию, куда просило войти и меня. Состав комиссии был следующий: председатель Р. Цейтлин, один из видных сотрудников Военного Совета, и члены: Мельников, коммунист из Военного Совета, генерал И. М. Старковский, капитан Саваровский, полковник Попов и я.

Это заявление в значительно измененной редакции его пунктов и было положено в основу дальнейших переговоров, которые сделались настоятельно необходимыми после событий, имевших место в начале апреля[268]).

Владивосток. 3-го апреля.

Утром Лазо и Цейтлин знакомились с результатами моих переговоров с представителями каппелевской армии. Условия признаны вполне приемлемыми.

В 11 часов утра собрались на заседание с японскими представителями для обсуждения сделанного японским командованием заявления Временному Правительству.

Заседание должно было происходить в здании, занятом японской военной миссией. Члены русской стороны несколько больше, чем следовало, были задержаны в приемной любезным угощением из чая и папирос.

С японской стороны в комиссию вошли: председатель генерал Такаянаги и члены—начальник военной миссии полковник Исоме—мой старый знакомый по Японии, майор Хасебе, капитан Савада и профессор Хигучи.

Генерал Такаянаги, небольшой худощавый японец, с умным лицом и большим родимым пятном на правой руке, расценивался русской стороной, как ярый русофоб и большой поклонник немцев. Другой характерной фигурой был профессор Хигучи, бывший питомец нашей Киевской духовной академии, отлично владеющий русским языком и хорошо знакомый с русской литературой. Хигучи был официальным переводчиком при штабе японского командования.

Его политическая физиономия представлялась мне неясной, у него были хорошие связи с русскими, было много личных знакомств среди правых кругов Владивостока.

С русской стороны владеющим японским языком был только полковник Попов.

Напряженно тревожное настроение последних дней перенеслось и в зал заседания. Пред'явленные Временному Правительству 6 пунктов были редактированы чрезвычайно опасно для нас. Так, п. 2 устанавливал подчинение всем ранее заключенным постановлениям, а п. 3 определенно санкционировал открытое предательство, пособничество военным действиям японцев... против кого-же?—да, конечно, только против русских, так как других врагов у них здесь не было.

С открытием заседания оба председателя обменялись дружественными заявлениями, при чем Цейтлин очень удачно к словам «русского народа» все время отчетливо прибавлял прилагательное «великого»—это как-то уравновешивало шансы, смягчало торжество грубой силы, явно прозвучавшей в первых же словах японского председателя.

Бой, естественно, разгорелся около совершенно недопустимой редакции п. 2. В нем была большая опасность принять ответственность за то, чего не знаешь. Могли быть постановления, принятые Розановым и совершенно неприемлемые для Временного Правительства. Цейтлин удачно придавал этому пункту преимущественно политическое значение, выходящее за пределы суждений комиссии, имеющей задачей исключительно вопросы военного характера.

Генерал Такаянаги вел наступление в чрезвычайно резком категорическом тоне. Он или хотел запугать противоположную сторону, или вызвать разрыв, и тем самым создать для своего командования повод к свободе действий.

«До вырешения вопроса о конфликте можем ли мы действовать так, как нам хочется?»—резко спрашивает Такаянаги.

«Мы считаем такую постановку вопроса неправильной»,—спокойно парирует удар Цейтлин.—«Действия японского командования должны опираться на постановление... мы будем обсуждать в этой комиссии данное постановление. Это даст нам возможность избежать возникновения конфликтов.

Ловко укрываясь то Военным Советом, то необходимостью получения новых инструкций от Правительства, Цейтлин с большой находчивостью обошел все опасные места жаркого словесного боя. Лишь два раза очень короткими выступлениями мне пришлось не столько поддержать его, сколько предоставить возможность выиграть время для ответа.

Перерыв, удачное согласование редакции п. 2 в значительной степени разрядили атмосферу и дали русской стороне большой выигрыш—отсрочку обсуждения остальных пунктов на-завтра.

Тем не менее, Такаянаги выразил сожаление, что не разрешены все пункты.

«Виною этому политическая обстановка», — дипломатично заметил Цейтлин.

Генерал Такаянаги не выдержал и слегка приоткрыл сущность положения:

«Мы имеем известия, что население спокойно, но в русских военных частях возбуждение и передвижение; во избежание конфликтов мы и хотели вырешить эти вопросы»... При этом просил принять к сведению, что в связи с напряженным положением, кроме переговоров комиссии, будут еще переговоры полковника Исоме с Краковецким.

На это Цейтлин ответил:

«Что касается сведений о волнениях и передвижениях войск, то мы можем констатировать, что если они и имеются, то вызваны передвижениями и подготовкой в японских войсках со дня опубликования декларации»...

Заканчивая заседание, стороны даже признали, «что переговоры идут в мягкой форме».

Неожиданно выступил Исоме. Он опоздал с накипевшим в нем возбуждением и утратил обычное равновесие, с столь присущей ему добродушной хитрецой. Тема, видимо, серьезно волновала его:

«При рассмотрении п. 2 особое впечатление владеет нами. Правительство и государственная власть меняются, внутреннее управление также можно изменить, но международные отношения остаются. Ленинское правительство все ломает, бросает, и уничтожает. Временное Правительство имеет связь с ним. Временное Правительство — ширма. Как история показывает, существует особая Ленинская система. Я хочу спросить вас, как вы—принципиально, в душе уважаете ли постановления по нормальной системе или же Ленинским способом?»

Эта неуместная, близкая к дерзости выходка тотчас же была остановлена генералом Такаянаги:—«Это личное мнение полковника Исоме и дела не касается. Прошу не заносить в протокол его заявления. Заседание закрыто».

Цейтлин тем не менее ответил: «Советская система, или, как говорит г. полковник, Ленинская, состоит не в разрушении, а в созидании и строительстве. Мы считаем себя частью единой великой России и стремимся к воссоединению с ней. Советская Россия стремится заключить мир со всем миром. Она обращается к японскому народу с мирным предложением и признает некоторые преимущества на Дальнем Востоке. Вы спрашиваете, уважаем ли мы в душе Ленинскую систему, или нормальную? Да, мы уважаем Ленинскую систему, ибо она самая нормальная».

Неудачное выступление Исоме Цейтлин, как человек практичный, не преминул использовать для агитации. Вообще из трудного испытания он вышел с честью.

Прибыли эшелоны Военной Академии из Харбина. Начальник Академии генерал Андогский приезжал приглашать на конференцию Академии. На рукаве у него большая красная звезда. Жаловался, что политический уполномоченный при Краковецком требует немедленного отправления Академии в Благовещенск, об'ясняет это интригами младших служащих.

III.

Выступление японцев. Дни безвластия. Пост командующего войсками. Русско-японское соглашение 29 апреля. Милиция вместо армии. Внутренние трения. Расслоение вооруженной силы.

Владивосток. 4-5 апреля.

Настроение весьма тревожное. С 2 часов опять заседали с японцами. Благополучно разрешили все 6 пунктов. В окончательной редакции наиболее важные 2 и 3 пункты были изложены так:

«п. 2. Считаться, как с фактом, со всеми теми постановлениями, исключительно по делам военным, которые имели место между японским правительством или японским командованием—с одной стороны, и русскими властями—с другой, на основании соглашения между державами согласия или союзническими командованиями. Если же эти постановления будут найдены не отвечающими интересам России и русской армии, то русская военная власть входит с предложением о пересмотре таковых.

п. 3. Не арестовывать, а также не стеснять свободы без ведома японского командования тех лиц, которые обслуживают последнее».

Незначительные изменения были в п. 4, а из п. 5 исключены слова: «в том числе и корейцев», так как корейцев, подданных Японии, в Приморье весьма немного.

Реультаты заседания как будто несколько смягчили наростающее беспокойство, хотя утром было получено сведение о захвате японцами нашей радиостанции на Русском острове и о поднятии японского флага на «Тигровой батарее», господствующей над Владивостоком. Последнее, как весьма туманно об'яснял Исомэ, будто-бы «в связи с их праздником воинов».

Благополучно закончил переговоры и с представителями каппелевцев.

Вечером у моих знакомых, несмотря на мои возражения, господствовало твердое убеждение в неизбежности выступления японцев. Мне говорили, что некоторые фирмы будто бы получили распоряжение о приостановке сделок, потому что «через 2-3 недели все будет иначе».

«Помилуйте,—заверяли меня,—не зря, конечно, платили японцы, уезжавшие из района Хабаровска и других мест, за три месяца вперед за квартиры».

Собеседники мои, к сожалению, были правы, я придал большее, чем следовало, значение благополучному разрешению заседаний комиссий.

Не успел я войти в под'езд гостиницы, как швейцар заявил мне о занятии японцами вокзала.

Со стороны Эгёршельда (район товарных разгрузок) слышалась легкая ружейная стрельба.

Ночь чудесная, лунная... Светло, как днем...

Вблизи затрещал неожиданно пулемет—это стреляли японцы с чердака и балкона гостиницы «Централь». Блески выстрелов виднелись с моего балкона. Огонь направлялся в противоположное по диагонали здание Областной Земской Управы—помещение Временного Правительства. Оттуда будто бы были брошены две бомбы в стремившихся ворваться туда японцев. Пальба усиливалась.

Цейтлин, поехавший было к полковнику Исомэ, вернулся ни с чем. Исомэ, как и вообще офицеров японского штаба, не оказалось дома. «Все на рауте в честь военного праздника»—таков был ответ всюду. Военный Совет, помещавшийся этажем выше моей комнаты в той же гостинице, постепенно пустел. Караул-матросы тревожно спускался и поднимался по лестнице.

Цейтлин, вбежавший ко мне в комнату вместе с бывшим членом Военного Совета Гервусом, просил приюта. Оба крайне взволнованные срывали красную звезду с своих костюмов. Попутно Цейтлин сообщил, что занята гауптвахта и разоружен бронепоезд, на котором предполагалось отправить ценности, главным образом, серебро, в Хабаровск.

Тревога росла. Сверху слышались глухие удары—это громили Военный Совет—разбивали денежный ящик. На лестнице заметил русские погоны. Кроме шума в помещении Военного Совета, в остальной части гостиницы была мертвая тишина, комнаты опустели.

Заезжал ад'ютант Доманевского: «в «Золотом Роге» считают все уже конченным, меня приглашают примкнуть к переворотчикам». Я предложил ему отправляться и, поступать, как ему заблагорассудится.

Таким образом, кроме японцев, значит, работают и переворотчики. Это сложнее.

Слышатся редкие орудийные выстрелы. Все выходы из гостиницы уже заняты японскими часовыми.

Самое худшее это то, что не было определенных приказаний русским войскам. Цейтлин сообщил, что будто бы дано приказание скрываться ответственным работникам, но что Лазо и Сибирцев, повидимому, уже захвачены.

Мудрое распоряжение войскам: «не оказывать сопротивления», видимо, не было ни своевременным, ни достаточно категоричным.

Шесть человек караула, занимавшего здание Земской Управы, мужественно боролись до утра. Первый ворвавшийся японец был немедленно убит ими.

Около 3 часов ночи я решил прилечь. Все-равно, выхода не было, мы были в ловушке.

Но... послышались стуки в дверь. Ворвалось с десяток японских солдат с офицером и переводчиком. Все очень возбуждены и в нетрезвом состоянии. Особенно безобразен был переводчик, весь обвешанный отобранным русским оружием. Он был учеником Сурагадайской семинарии при русской духовной миссии в Токио.

Я встретил их в белье и накинутом на плечи офицерском пальто с красными генеральскими отворотами. На меня были направлены сразу три револьвера, сзади блестели штыки. Маленький офицер особенно старательно водил дулом своего револьвера перед моим лицом.

Нападавшие смутно догадывались, что перед ними иностранец в большом чине, но через переводчика, державшегося наиболее грубо, тем не менее, требовали немедленно следовать за ними, угрожая вытащить силой.

Цейтлин пригнулся за моей спиной, Гервус стоял в углу у стола. На них, наконец, тоже было обращено внимание.

«Это тоже большевики»?—Я ответил, что здесь не большевики, а русский генерал и простые солдаты.

Переводчик что-то несвязно бормотал офицеру. Положение становилось крайне неприятным.

К счастью, в растворенную дверь я увидел знакомое лицо—это был японский майор Хасебе в штатском, он жил в той же гостинице.

С большим трудом мы выпроводили возбужденных солдат. Помощь была во-время. Я горячо поблагодарил его. Цейтлин и Гервус скрылись.

У меня исчезли револьвер, фотографический аппарат и финский нож.

Лег опять. Стрельба слышалась уже из многих мест, значительно усилился огонь у Земской Управы,—это еще держались шестеро бойцов мужественного караула.

До рассвета японцы врывались ко мне еще два раза, при чем последний раз уже с извинением за причиненное по недоразумению беспокойство.

Любезно выпроводив гостей, не досчитался кошелька и перчаток. Сон разбили.

Утром толком не понимал, свободен я или под арестом. Японский караул, стоявший у моих дверей, беспрепятственно пропустил меня в коридор, видимо, это была уже охрана.

Пройдя к майору Хасебе, я заявил категорическое требование о немедленном снятии с балкона перед моим номером кем-то поставленного японского флага, при чем добавил, что если это не будет сейчас же исполнено, я принужден буду покинуть комнату и обращусь с протестом непосредственно к генералу Ооий. Флаг был снят. Уведены были и находившиеся у дверей моей комнаты японские солдаты.

В «Золотом Роге» за обедом узнал новость-сплетню, что я числюсь во главе Правительства. Мои конкуренты Хорват, Войцеховский, Дидерихс и даже Семенов. Его «папахи» (солдаты, так называемого, манчжурского отряда) появились уже на улицах.

Эта новость не испортила мне даже аппетита. В действительности было нечто другое: сторонники Семенова сделали было попытку к установлению власти их атамана. Генералу Немысскому, из лагеря семеновцев, предлагали пост генерал-губернатора. Были и другие попытки в этом же роде, но, однако, безуспешные.

На улицах огромное оживление и общая растерянность. В городе безвластие. Правительство, виднейшие представители власти, не исключая во-

енного командования и членов Военного Совета, оказались в «бестах» у чехов и американцев.

Раньше других обнаружился глава Правительства А. С. Медведев. В разбитом здании Земской Управы пугливо собирались служащие.

Я торопился на заседание к японцам. Надо было положить конец создавшейся анархии.

В 5 часов дня мы снова сошлись в том же зале, где еще вчера договаривались в столь «мягкой форме». Сегодня хуже, с нами разговаривали победители, в Области лилась еще кровь. Для начала подебатировали о праве протестов, подписали соглашение по вчерашним 6 пунктам.

Я заявил необходимости немедленного прекращения арестов и полного освобождения всех арестованных уже военных.

На мое утверждение о возмутительных поголовных арестах генерал Такаянаги раздраженно ответил: «Не верим, что много арестуем».

Мы не стали уверять генерала, было известно, что образовалась уже, по требованию чехов и американцев, международная комиссия для расследования произведенных зверств. В саду при здании губернатора были вырыты трупы погибших в эту роковую ночь.

Много пришлось потратить энергии и даже погрешить против истины, доказывая, что никакого безвластия, как утверждали японцы, нет, что все остается на своих местах и что все попытки к захвату власти с чьей бы то ни было стороны будут преступной авантюрой, при чем ответственность падет исключительно на них, японцев, создавших этот хаос своим выступлением.

В конечном результате удалось добиться заверения японского командования, что оно не допустит никакого посягательства на власть. Образование упомянутой международной комиссии, несомненно, влияло на сговорчивость японцев.

Действительно, к 7 час. вечера 5 апреля работа Правительства Приморской Земской Управы восстановилась. Все члены, в том числе и задержанные японцами, возвратились к своим делам.

Таким образом, на этот раз благоразумие одержало победу. Отказ от вооруженного столкновения выбил козыри из рук японцев и свел на-нет попытку реакции захватить власть[299]).

Владивосток. 6 апреля.

Восстанавливается обычная жизнь. Правительство в сборе и работает. У здания Земской Управы непроходимая толчея. Слух об аресте Кругликова и присяжного поверенного Шишлянникова; последнего будто сильно избили—личная месть, со стороны пострадавших от его распоряжений по занимаемой должности по государственной политической охране, весьма напоминавшей «чека».

Всюду общее возмущение выступлением, горечь и озлобление за причиненные насилия. Кое-кто отрицательно относится к «бесту» военного командования.

Официально «Руста» (русское телегр. агентство) сплетничает: передает упорный слух из правых кругов о намерении японцев сформировать

через меня новое правительство на Дальнем Востоке. Называет даже моих помощников, как главы правительства, генералов Будберга и Войцеховского.

Заезжал офицер французской миссии, конечно, за информацией. Были Исомэ и Савада, по тону и разговору как будто «не все благополучно в Датском королевстве». Что касается событий, «все, конечно, произошло по недоразумению».

Я имел сведения, что в Хабаровске продолжаются бои. Там большие разрушения и много жертв среди мирного населения.

В Никольск-Уссурийске обе стороны приписывают себе победу. Были столкновения в Спасске, Раздольном и др. пунктах.

Везде выступление японцев началось нападением на войсковые части Правительства, разоружением караулов у правительственных учреждений, арестом граждан, заподозренных в большевизме, или в причастности к таковому.

Всюду, конечно, были убитые и раненые; много оскорбительных насилий над женщинами.

Войсковые части, получившие, хотя в очень спешном порядке, приказание: «не оказывать сопротивления», уходили на север или прямо в сопки. Не успевшие это сделать, разоружались и арестовывались.

Попутно с этим японское командование отдало приказание взять под свою охрану все военные здания, многочисленные склады военного имущества, все ценности, в том числе вагоны с серебром, приготовленные к отправке на север. Большая часть золотого запаса, как упоминалось уже, была отправлена в Благовещенск и, таким образом, ускользнула от задержания.

Разоружена была вся Сибирская флотилия (наличные военные суда Владивостока), экипаж ее водворен в подвалы ближайших зданий. С канонерской лодки «Манчжур», в оскорбительных для русского достоинства условиях, был снят русский морской флаг (андреевский). Командир дивизиона миноносцев вынужден был под угрозой расправы подписать с флагманом японского адмирала, имевшего флаг на броненосце «Хизен», унизительные для русских условия.

Было ли апрельское выступление японцев связано с определенными корыстными—захватными целями? Полагаю, что нет[300]). Для этого у них не было ни достаточных сил, ни достаточно благоприятных условий обстановки. Я остаюсь при прежнем мнении, что Япония сознательно шла на установление демократического буфера, при котором рассчитывала добиться наиболее благоприятных условий для закрепления своего влияния на Дальнем Востоке, не усложняя международной обстановки и не будоража своего общественного мнения, и без того достаточно напряженного, благодаря начавшемуся экономическому застою, безработице и дороговизне.

Выступление, поскольку оно не было делом местного японского командования, преследовало исключительную цель—ликвидацию, или по крайней мере, достаточный разгром нарождающегося на русском Дальнем Востоке большевизма.

Предусмотрительные люди Японии прекрасно учитывали, что настоящее национальное об'единение на Дальнем Востоке, как это не может показаться парадоксальным, несли именно большевики, только они, прочно усевшиеся в Москве, наиболее крепко пристегивали к общему телу России, оторвавшиеся за годы безвременья, чисто русские окраины.

При всей экономической и военной слабости тогдашней советской России (слабость эту ясно доказала попытка вооруженной борьбы даже с Польшей) Японии все же труднее было бы установить свое влияние на русском Дальнем Востоке, об'единенном с остальной Россией, нежели на обособленном Дальнем Востоке, в составе трех огромных областей, с ничтожным по числу населением, лишенных какой бы то ни было промышленности, с слабой культурой и крайне непрочной внутренней связью.

Всякое правительство, возглавлявшее эту изолированную часть России, этот стиснутый с трех сторон буфер, в силу естественной необходимости должно было тяготеть или в сторону Совроссии, или к Японии. Другой возможности не было.

Всякое антисоветское правительство на Дальнем Востоке, даже правительство демократическое (демократическое течение с легкой руки Вильсона сделалось модным и в самой Японии), было, конечно, на руку Японии, без ее поддержки оно существовать не могло. А поддержка и добрые отношения не даются даром—Японии представлялась бы полная возможность получить то, что было ей желательно.

Земское правительство не оправдывало возлагавшихся на него надежд, оно не только присматривалось к западу, но и постепенно начало поглощаться авангардом Москвы—Дальбюро ЦК РКП. Земскому Правительству надо было дать предостережение, а, может быть, в суматохе выступления и заменить группировками более податливыми в отношении Японии и наиболее стойкими и непримиримыми в отношении советской России. Последнее предположение, впрочем, так, на всякий случай, если выйдет. Американцы и чехи еще поддерживают Земство.

Последней комбинации с правыми группировками не вышло. Не беда. Земство получило надлежащий урок, его можно пока реставрировать, а там будет видно.

Что у правых группировок, в свою очередь, могла серьезно явиться мысль воспользоваться японским выступлением для захвата власти—в этом нет ничего неправдоподобного.

Дальний Восток оставался к этому времени почти единственной территорией, последним «оазисом», где не было Советов. Недостаточная, вернее, односторонняя информация о положении дел в советской России, преувеличенное представение о сопротивлении большевикам в Сибири, экономический развал, нищета и голод,—все это давало основание полагать, что советская власть не удержится в этой обстановке, и тем силам, которые сконцентрируются на Дальнем востоке, легко будет распространиться на Запад, при поддержке населения, обманувшегося и разочаровавшегося в прелестях «советского рая».

Это возможное предположение делалось совершенно утопичным при условии преодоления советской властью всех указанных затруднений. В этом

случае обособленное существование Дальнего Востока было, как это и произошло в действительности, лишь временным.

Итак, Земское Правительство сохранилось, реакция временно появилась на улицах, но не имела успеха, и начала подготовку к другому более счастливому случаю.

Выступление японцев имело еще одно весьма серьезное последствие: оно оскорблением национального чувства способствовало об'единению русского общественного мнения, и если в городах, главным образом, конечно, во Владивостоке, могли еще разобраться в степени виновности каждой из сторон, то в Области перед массами населения оно представилось оголенным фактом насилия, грубым торжеством чужеземной военщины.

Это было превосходно использовано большевиками. Они получили чудесную базу для пропаганды и сразу могли наносить удары и в сторону причинившей обиду Японии и по тем группировкам, которые, опираясь на Японию, претендовали на утверждение своей власти на Дальнем Востоке. Я помню то чувство негодования, которое охватило толпу, собравшуюся утром 5 апреля перед гостиницей «Централь», откуда громилось здание Земской Управы, при появлении в погонах торжествующих русских: моряка и офицера пехоты (погоны были отменены). К счастью для них, они поняли всю бестактность их появления и немедленно скрылись из толпы. Может быть, среди весьма ничтожной части горожан и были скрытое торжество и радость, но наружу выявить этих чувств, перед свежими следами оскорблений и насилия, не решалась даже самая беспардонная беспринципность.

Была оскорблена Россия, страдали за нее, главным образом, большевики (в сущность углублялись немногие), это явилось их большим плюсом. У Японии же увеличилось число ее врагов и недоброжелателей.

Промах японцев был использован и иностранцами. Американцы и чехи усердно фотографировали следы причиненных разрушений, муссировали перед общественным мнением Америки и Европы наиболее возмутительные факты этих действительно тяжелых для России дней.

Японцы, кажется, приняли некоторые меры в отношении сокращения работы телеграфного кабеля, но это, конечно, не достигало цели. На Русском острове американцы владели мощным радио. Имелись радио и на иностранных военных судах.

7-го апреля я получил предложение председателя Правительства занять пост командующего сухопутными и морскими вооруженными силами. Я обусловил свое согласие единодушным одобрением моей кандидатуры всеми политическими группировками, до коммунистов включительно.

Это было дано.

Краковецкий вскоре выехал, кажется, в Чехословакию. Он отбыл два тяжелых месяца на своем ответственном посту и после 4-5 апреля больше оставаться на таковом не мог*).

*) Своеволие и сепаратные выступления Военного Совета, его вмешательство даже в мелкие вопросы командования в значительной мере обусловили отставку Краковецкого.

Положение командующего с разоруженными войсками и флотом было очень тяжело.

Если вышедшие из-под ударов японцев войсковые части с их политическими руководителями и несли определенные лишения, отойдя за Амур, или скрываясь в сопках, то они все же были свободны и могли поддерживать бодрость надеждой на реванш. Хуже было для всех оказавшихся в непосредственном общении с японцами, особенно в первые дни после 4-6 апреля.

Полный развал аппарата, огромное число арестованных, затруднения с продовольствием, расквартированием, тяжелая зависимость от японцев, общее угнетенное настроение, подозрительность,—все это создавало обстановку весьма неблагоприятную для огромной работы по залечиванию нанесенных ран и восстановлению нормального порядка.

Естественно, прежде всего надо было так или иначе определить взаимоотношения с японцами. Положение «ни мир, ни война» длительно продолжаться не могло. Враждебные действия со стороны ушедших войск и партизан, вырвавшихся из общего руководства Владивостока, могли создать обстановку, при которой все наиболее жизненные центры Приморья, при переходе японцев на положение войны, могли оказаться сплошным контрационным лагерем.

Выступление 4-6 апреля, кроме армии и флота, косвенно отразилось и на общем ходе жизни края. Определенность отношений требовалась и с этой стороны.

В силу изложенных соображений Временное Правительство поручило мне «войти в соглашение с японским командованием об образовании смешанной комиссии из представителей японского и русского командования для обсуждения вопросов чисто военного характера, возникших за период 4-6 апреля».

Письмом от 13 апреля генерал Ооий ответил мне, что «штабу японского командования желательно совместное обсуждение не только вопросов, возникших в период 4-6 апреля с. г., но и вообще всех вопросов чисто военного характера в настоящем и будущем».

При принятии мною этой несколько расширенной программы работ комиссии, японское командование выражало согласие на учреждение таковой и извещало, что со стороны японского командования делегируется весь состав бывшей уже комиссии: генерал Такаянаги, полковник Исомэ, майор Хесебе, капитан Савада и профессор Хигучи.

Предложение генерала Ооий не вызвало возражений с русской стороны, и 17 апреля комиссия присупила к своим работам. В состав русской стороны, за моим выходом из комиссии, был назначен военный инженер профессор Коханов.

Как основание для переговоров, японская сторона предложила особый меморандум в 6 пунктах, выражающий, главным образом, «*условия для прекращения боевых действий*».

Русское контр-предложение значительно шире раздвигало рамки переговоров, затрагивая все крупнейшие вопросы, которые возникли в связи с событиями 4-6 апреля.

После двухнедельных переговоров, носивших чрезвычайно напряженный характер, особенно по вопросу о немедленном очищении японцами Хабаровска и сохранения этого пункта для расквартирования русских войск, стороны пришли, наконец, к соглашению.

Условия для работы русской стороны были особенно трудны. Их усложняли и слева и справа. Так, большевистское «Красное Знамя» опубликовало 20-го апреля текст предварительных условий для соглашения, представленных японской стороной, что нарушало принятое комиссией постановление, ставило русскую сторону в неловкое положение перед японцами и создавало путаницу в общественных настроениях, находящихся еще под впечатлением событий 4-6 апреля. Правая печать («Слово» и др.) весело остроумничала на тему о разоружении «сопочников», «о командующем без войск» и т. д. Увеселяла «единомышленников» очень бойкая анонимная газетка «Блоха».

Осложнялось положение и общим упадком экономического характера. Благодаря сильному падению курса, иена поднялась до 600 руб. Начался большой вопль о невозможности существования.

С уходом частей войск в сопки, после них остались огромные хвосты командного и рядового состава. Удовлетворение их всем необходимым сделалось крайне сложным.

Воинский начальник, куда толпами адресовался этот «бездомный» люд, заявлял, что он «готов повеситься». Кормовой оклад возрос до 369 р. в сутки. Всюду требовались миллионы, а заведующий финансовым отделом член Правительства А. А. Меньщиков заявил, что «пора всем переходить на 5 фунтов муки и 10 селедок в месяц».

Муссируются слухи о новом перевороте. Японцы, раздраженные неудачей выступления и неловкостью перед иностранцами, нервничают и усиливают общую напряженность. Временами опасаешься—не начали бы снова стрелять ружья сами собой.

Подтвердились сведения о захвате японцами бывших членов Военного Совета Лазо и Сибирцева. Ходит упорный слух о том, что они переданы японцами русским и кем-то живыми сожжены в топке. Все розыски и запросы о них японцев остаются безрезультатными.

Временное Правительство для успокоения населения организовало вечером 20 апреля многолюдное собрание в зале Городской Думы. Собрались представители политических партий и общественности от коммунистов до торгово-промышленников и домовладельцев наиболее правого уклона.

Председатель Правительства Медведев подробно охарактеризовал создавшуюся обстановку и ознакомил собрание с новой программой Правительства.

Говорил он дельно, без особых дипломатических тонкостей. Просто и тепло. Во всяком случае, ему удалось об'единить присутствующих по вопросу об отношении к японскому выступлению.

Я дал подробное об'яснение по поводу выдвинутых японцами условий соглашения и изложил свои контр-предложения, которые будут заявлены русской стороной.

После ряда вопросов и заявлений, сделанных различными представителями, собрание высказало полное одобрение намеченной Правительством программе и обещало общую единодушную ему поддержку.

Характерно выступление одного из крайне левых представителей Барг-Абрамова, который, обращаясь к правым, с пафосом заявил: «отныне национальное знамя перешло в наши руки, и мы его сумеем защитить».

Этот неожиданный патриотический порыв слева, видимо, разделялся присутствующими и особых возражений не вызвал. Японское выступление оказалось хотя и кратковременным, но довольно прочным об'единяющим цементом.

Я лично, как несущий всю тяжесть ответственности за исход начавшихся переговоров, чувствовал большое удовлетворение, выходя из зала собрания. Атмосфера слухов и предположений разрядилась в значительной степени. Горизонт стал яснее, в стороне остались лишь чистые приверженцы Семенова, Калмыкова и чужие штыки.

В худшем положении была провинция. Она пока предоставлялась самой себе, жила слухами, порой совершенно нелепыми, при чем особенно муссировалось выдумка, что «во Владивостоке давно уже нет и следа Земского Правительства».

Там, в области, еще происходили стычки, население жило директивами местных и заезжих вожаков, руководствовалось здоровым «инстинктом земли».

29 апреля были закончены работы согласительной комиссии. Они составили особый акт соглашения русского и японского командований, который в этот же день и был подписан сторонами, а затем и утвержден мною и японским главнокомандующим генералом Оой.

Временное Правительство санкционировало соглашение и считало его вошедшим в силу с 29-го апреля.

За несколько дней до подписи соглашения у меня был чрезвычайно напряженный разговор с генералом Ооей, на котором присутствовали генерал Такаянаги и проф. Хигучи (как переводчик). Вопрос касался соответствия властей, при чем генерал Ооей противопоставлял свое служебное положение Временному Правительству и настаивал, чтобы подготовляющееся соглашение было подписано, с одной стороны, им и с другой—Временным Правительством.

Я категорически восставал против этого, выдвигая положение, что в данном случае договариваются русское и японское командования, уполномоченные на это своими правительствами, и что окончательное закрепление соглашения должно быть сделано подписью японского главнокомандующего и моей.

Я был одинок против моих собеседников. Бой был неравный. У меня не было армии, ее ощетинившиеся остатки ушли в сопки и на север, но они

ушли не навсегда, как не навсегда останется ослабленной и вся Россия. Я опирался на это сознание в моей одинокой борьбе и не уступал.

Победа осталась за мной. Ее пытались ослабить необходимостью приложения моих письменных полномочий от Временного Правительства на окончательное соглашение. Это была мелкая, не вполне рыцарская, придирка, против нее я не возражал.

Итак, «Дальневосточный Брест», как остроумничали тогда во Владивостоке, был подписан. Соглашение*) это, «не касаясь вопроса о виновности и ответственности той или другой стороны», предусматривало немедленное прекращение боевых действий «между находящимися в различных районах Области отрядами русских и японских войск»; устанавливало 60-тиверстную зону вдоль линии Уссурийской жел. дор. и Сучанской ветки (30 верст в каждую сторону), в которой не могли находиться, одновременно с японскими войсками, какие бы то ни было русские вооруженные силы; для поддержания же общего порядка и спокойствия и исполнения милицейских обязанностей в указанной зоне должны были организоваться русские военно-милицейские части, вооружение и численность которых устанавливалась взаимным соглашением обоих командований.

Затем соглашение предусматривало вопросы: об охране железных дорог, об оружии и других боевых материалах, о военных заводах и складах, захваченных японцами, о правах на занимаемые японскими войсками казармы и другие здания и пр.

Принятые условия соглашения, конечно, были тяжелы и обидны для русского самосознания, но выхода не было. Та борьба, которая началась в крае, не сулила ничего иного, кроме лишних жертв и разоружения. Уже и тогда разрушения одной Уссурийской дороги «не поддавались учету».

Председатель русской стороны комиссии Цейтлин при подписании соглашения выразился в своем заключительном слове:

«С тяжелым чувством я подписываю настоящее соглашение, и для меня является утешением только мысль, что эта подпись является первым шагом к сближению обоих народов... что настоящее мое тяжелое чувство является предвестием светлого будущего, по поводу чего я и не могу скрыть своей радости».

Большое содержание вложил в свое заключительное слово и председатель японской стороны:

...«Надеюсь, что состоявшееся соглашение, ставящее целью улучшение отношений между японскими и русскими войсками, послужит к достижению той цели, которая указана во вступлении соглашения, т. е. к восстановлению положения, какое существовало до 4-го апреля с. г., даже к созданию лучших, чем прежде, отношений между войсками обеих сторон. Но нужно заметить, что какое бы мирное соглашение ни состоялось между верхами, цель соглашения не может считаться достигнутой, если оно не будет проведено в жизнь среди войск, поэтому мы, японские представители комиссии, при ведении переговоров, согласно указанию командующего японскими вой-

*) Полный текст Р.-Яп. соглашения см. в приложении № 3.

сками в Сибири, придерживались принципа «Бусидо»*), основанного на справедливости и гуманности, опираясь на который мы и в будущем готовы играть роль скрепляющего звена между японскими и русскими войсками.

Излагая свое общее впечатление, я желаю обратить внимание г. г. русских представителей на одно обстоятельство: Временное Правительство Приморской Земской Областной Управы заявило о своем желании дружбы и сближения с Японией, но не оправдало его в действительности; у него отсутствовали искренность и дружба по отношению к нашим войскам, как на то мы указывали при вступлении в переговоры, чем, кажется, вызваны были и события 4-6 апреля.

Впрочем, во всем этом, по нашему мнению, виновато не одно Правительство, а скорее какая-то другая сила, которая своим давлением на Правительство привела его в конце-концов к печальному инциденту. Если было бы иначе, то, наверное, отношение между войсками обеих сторон не приняло бы такой натянутости, как наблюдается в настоящее время. Поэтому, дружественное отношение должно быть установлено лишь при соблюдении постановлений предыдущего и настоящего соглашения и взаимного понимания путем непосредственного обмена мыслей»...

Генерал Такаянаги, хотя и в частном уже порядке, тем не менее нарушил принятое постановление, коснувшись в своем заключительном слове вопроса о виновности сторон, и в то же время достаточно ясно намекнул на истинную причину японского выступления; причина эта, по его словам, не что иное, как та «другая сила», которая своим давлением на правительство привела его к печальному «инциденту». Сила эта, конечно, большевизм. Против него, как я имел уже случай высказаться, и был направлен весь удар.

Как ни тяжелы были для русской стороны условия «Русско-японского соглашения» 29 апреля 1920 года**), тем не менее это был единственный акт, имеющий обязательную силу для обеих сторон, единственный регулятор взаимоотношений русских и японцев за время интервенции на Дальнем Востоке.

В развитие этого основного соглашения, под давлением местных условий, было заключено особое соглашение для Хабаровского уезда между начальником штаба 14-й японской дивизии полковником Ойнума и Уполномоченным Временного Правительства П. В. Уткиным. По моему докладу, это соглашение, как не соответствующее нашим интересам, не было санкционировано Правительством.

Для проведения в жизнь условий соглашения 29-го апреля, кроме Центральной согласительной комиссии во Владивостоке, был намечен ряд местных комиссий для работы в области.

Соглашение 29-го апреля совсем не коснулось вопроса о флоте. Между тем и там создались весьма крупные осложнения. За время японского вы-

*) «Бусидо» – нравственный закон японского рыцарства--самураев.
**) Официальное название соглашения.

ступления были силой разоружены военные суда, так называемой, Сибирской флотилии (дивизион плавающих судов), при чем весь личный состав был арестован и водворен в подвальные помещения губернаторского дома.

Попытка начальника дивизиона, подвергшегося тоже аресту, дать знать о случившемся командующему флотилией адмиралу Черниловскому или его начальнику штаба, не увенчалась успехом. Посланный 6-го апреля с этой целью старший флаг-офицер штаба начальника дивизиона, мичман Ю. Хомяков, вместо штаба флотилии, был доставлен на японский броненосец «Хизен», где он принужден был под диктовку начальника штаба командующего японской эскадрой—капитана 2-го ранга Эдахара, записать условия, по принятии которых только и могли быть освобождены арестованные.

Все заявления Хомякова о неприемлемости тех или иных из продиктованных условий, даже по чисто техническим соображениям, не были приняты во внимание, и он, вместе с проектом условий, был доставлен в губернаторский дом к арестованным*).

Начальником дивизиона эти «Временные условия до соглашения Правительства» были подписаны. Арестованные были освобождены.

Условия были таковы:

1. «Дать подписку о продолжении дружественных отношений и о невыступлении команд против Японии, после чего все освобождаются.
2. Доложить краткие сведения о состоянии миноносцев и посыльных судов.
3. Выдать временно офицерские удостоверения.
4. Вместе с подпиской дать полные сведения о командном составе, при чем ввиду трудности, сделать это к 3 час. дня 7-го апреля, но команда выпускается сегодня в 4 час. дня.
5. О всех переменах и увольнениях в личном составе сообщать японскому командованию после приказа.
6. Временно допускать осмотр судов японским офицерам.
7. Японское командование возвращает все части, необходимые для поднятия паров.
8. Японское командование вместе с представителями дивизиона составляет списки, после осмотра судов, взятых вещей.
9. Временно до получения инструкций от правительства кормовый флаг**) не поднимается».

Принятие этих условий сейчас же вызвало недоразумение с вопросом о кормовом флаге**).

Вскоре после моего вступления в должность командующего сухопутными и морскими вооруженными силами мне было доложено командующим сибирской флотилией о насильственном спуске японской вооруженной силой кормового флага на русском военном судне «Манчжур», выполнявшем службу брандвахты во Владивостокском порту. Вахтенный начальник «Манчжура» ответил на это спуском и брандвахтенного флага, после чего служба брандвахты перестала функционировать. Насилие над русским флагом было произведено 18-го апреля. На следующий день мною был направлен письменный протест японскому главнокомандующему, где указывалось, что я считаю насильственный спуск кормового флага на русском военном судне

*) Рапорт старшего флаг-офицера штаба начальника дивизиона от 20 апреля 1920 г № 529.

**) Кормовый флаг обозначает национальность судна.

«актом, крайне оскорбительным для нашего национального достоинства, актом, идущим вразрез со всеми декларациями, разновременно изданными японским императорским правительством и командованием», что я выражаю полнейшую надежду на «незамедлительную отмену распоряжения о снятии кормового флага» и что, кроме того, жду извещения «о причинах, вызвавших таковое распоряжение, которое, несомненно, весьма остро почувствуется всем населением края».

Одновременно мною был поставлен в известность об этом факте старшина междусоюзнической дипломатической миссии, Г. Ли-тья-аа (представитель Китая) с указанием, что с момента насильственного спуска русского кормового флага, прекращена и служба брандвахты в порту, «так как днем судно, исполняющее служебные обязанности международного характера, должно иметь флаг, обозначающий национальность судна».

Прекращение брандвахтенной службы значительно осложняло портовую жизнь, создавая ряд затруднений для судов не только русских и японских, но и других держав.

В японском ответе на мой протест*), упрекавшем нас «в недостатке искренности в деле дружественных отношений между Россией и Японией» и, что особенно любопытно, «в отрицательном отношении к *законным мерам* наших (т.-е. японских. *В. Б.)* морских властей», весь центр тяжести переносился на упоминаемое выше временное соглашение, навязанное находившемуся под японским арестом начальнику дивизиона русских военных судов.

Я дал понять, что отнюдь не считаю для себя обязательными соглашения, подписанные частным начальником в условиях ареста, что совершенно не допускаю ни при каких обстоятельствах возможности подписания условий, так или иначе затрагивающих вопрос о кормовом военном флаге, как не допускаю мысли, чтобы какое-либо русское Правительство подписало с японским командованием соглашение, хотя бы в малейшей степени ограничивающее право поднятия русского кормового военного флага на русских судах.

Вместе с тем, ознакомившись с условиями соглашения, я отрешил от должности начальника дивизиона и приказал произвести следствие по этому делу, а самый дивизион расформировать. Соглашение делалось односторонним.

В общем вопрос с флотом принял чрезвычайно затяжной характер, внесший значительные осложнения в его работу, и только 3-го августа 1920 года уполномоченными—моим: начальником штаба сибирской флотилии С. Ф. Тыртовым и командующего японской специальной эскадрой—капитаном 2-го ранга Эдахара—был подписан «Протокол о русских военных судах на Дальнем Востоке».

Этим протоколом, обеспечивающим «интересы и достоинство обеих сторон», в соответствии с п. 8 «Русско-японского соглашения 29-го апреля 1920 года», устанавливалось:

---

*) Сообщение командующего 5 отряда контр-адмирала Кавахара, переданное мне через начальника штаба японских экспедиционных войск во Владивостоке от от 25 апреля 1920 г. № 345.

1. «Все задержанные во время апрельских событий японской эскадрой русские военные суда со всем их снабжением передаются обратно русским морским властям, при чем исключаются боевые припасы и оружие, дальнейшая судьба этого снабжения подлежит решению в будущем.

2. Русские военные суда, как возвращенные, так и вновь приобретенные, не могут быть в вооруженном состоянии в территориальных водах от устья реки Тюмень—Ула до мыса Поворотный, без ведома японского морского командования во Владивостоке.

Примечание: В районах, указанных в этом пункте, теперь же допускается организация охраны из русских вооруженных военных судов, базирующихся на Владивосток, с ведома японского морского командования и в мере действительной потребности.

3. При выходе русских военных судов в плавание из Владивостокского порта на срок свыше одних суток, русские морские власти ставят об этом заблаговременно в известность японское морское командование во Владивостоке с указанием цели плавания и маршрута».

Принятые условия протокола, кроме морального ущемления, создавали и целый ряд практических затруднений, вызывали всевозможные трения и даже конфликты, разрешению которых очень часто помогали исключительно личные доброжелательные отношения между командованиями.

За время революции чрезвычайно ослабла охрана наших территориальных вод, следствием чего явилось огромное хищничество на всем нашем богатом рыбой побережьи. Для прекращения хищничества требовалось наличие и своевременное появление наших вооруженных судов в угрожаемых пунктах—это в значительной степени затруднялось придирчивостью и волокитой японских морских властей, соотечественники которых тоже пользовались слабостью охраны русского тихоокеанского побережья.

Постоянные перевороты, смена властей, а теперь и вмешательство японцев, чрезвычайно расшатали «службу связи Тихого океана», ослабили работу «Дирекции моряков и лоций». Недостаток средств тормозил работу морской обсерватории, начались заминки с работой военного порта.

Особую заботу вызывал вопрос о состоянии флотилии на реках Амурского бассейна, созданной еще в 1907 году. 18 канонерских лодок и 10 разведывательных катеров Амурской флотилии были захвачены японцами в период 4-6 апреля вместе со всеми мастерскими и пловучими средствами Хабаровской базы, 6 канонерских лодок и 8 пароходов, из которых четыре, принадлежащие частным владельцам, отняты были на Шилке у партизан. Японцы использовали их, как свои суда.

Между тем, при крайне слабом состоянии Амурской ж. дор., Амурский водный путь приобрел особое значение.

Затем пропуск в реку Сунгари китайских канонерок и транспорта, а теперь и своеволие японцев являлись прецедентом для появления в Амурском бассейне и других иностранных судов, убивающих идею русского флота и обеспечивающих, нерегулированное русской властью, проникновение иностранцев вглубь Восточной Сибири до Байкала включительно.

Все эти вопросы обрушились на меня в минуту наибольшей расшатанности власти и назревающего экономического кризиса.

Великодержавный размах, вызывавший огромные расходы, принятый на Дальнем Востоке в довоенное, а затем и дореволюционное время, совершенно не укладывался в рамки Областного Правительства и в его почти бездоходный бюджет.

Возникал вопрос о положении Владивостока, как крепости, и базы флота в Дальневосточных водах. И крепость и флот располагали огромным и многоценным имуществом, охранение которого и поддержание в порядке всех сооружений требовало расходов совершенно непосильных для бюджета края.

Могло ли Временное Областное Правительство решать эти вопросы в смысле «быть или не быть» крепости и флоту—за всю Россию? Конечно, нет. Что же оставалось делать?

Мною были выдвинуты положения, что *идея крепости в лице ее коменданта и флота—в виде хотя бы одного боевого корабля под русским военным флагом—должны быть сохранены во что бы то ни стало.* Кроме того, считалось необходимым иметь достаточное количество военных судов для связи и охраны побережья,—это попутно предоставляло возможность сохранить столь ценные, в виду трудности подготовки, кадры моряков. Для пополнения этих кадров создавалась особая морская школа (классы).

Богатое оборудование порта окупало себя с избытком и могло быть сохранено почти в полном об'еме, тем более, что в портовых средствах нуждались и многочисленные военные иностранные суда, станционирующие во Владивостоке, и все прибывающие в порт, тогда еще в значительном числе, коммерческие корабли.

Во всем остальном намечалась самая жесткая экономия, сокращение, свертывание, консервация, долговременный ремонт и упразднение.

Не мало забот доставлял ведомству и богато оборудованный Дальневосточный казенный механический и судостроительный завод. Он, как и великолепный Хабаровский арсенал, жил исключительно казенными заказами армии и флота. С уничтожением того и другого, положение заводов с их многочисленным рабочим составом сделалось крайне тяжелым, требующим огромных, почти непроизводительных затрат для казны.

Переход на частное производство, при крайней ограниченности спроса в краевом масштабе и при жестокой заграничной конкуренции, не сулил особых надежд. В виде опыта и завод и арсенал пришлось передать: первый—управлению делами промышленности и второй — ведомству путей сообщения. Но и это, конечно, немногим изменило дело. Стесненное положение завода и арсенала использовали только большевики, очень быстро распространившие свое влияние на их рабочую среду.

При всей трудности положения военно-морского ведомства все же необходимо было энергично приступить к залечиванию ран, нанесенных выступлением японцев.

Наиболее прочные из войсковых частей, успевшие продвинуться за Амур, переформировывались там распоряжением местных властей: это зарождалось местное ядро скрытой пока Красной армии.

В южной части Приморья и, главным образом, в районе Владивостока пришлось сосредоточить главное внимание на милиции и особенно на ее резерве. Общее число этой скрытой военной силы Правительства определялось в 4.500 человек.

Вне запретной зоны намечалось создание особых кадров: в Анучино— в виде особой бригады из всех родов войск и особого баталиона в с. Ракитном, недалеко от Имана.

Для сохранения Спасской авиационной школы с ее огромным и ценным имуществом, школа была об'явлена подсобным средством Управления Внутренними Делами для целей аэросвязи и аэротранспорта. Были намечены рейсы: 1-я очередь — Владивосток-Никольск-Спасск и Владивосток-Никольск-Пограничная; 2-я очередь — Владивосток-Пограничная-Харбин и Владивосток-Спасск-Хабаровск.

Ни денежных, ни технических средств для выполнения этих задач, конечно, не было. Школа, переведенная на хозяйственный расчет, с трудом обслуживала самое себя и возможность практических полетов для подготовки кадра летчиков. Это был естественный выход для сохранения школы.

Началась упорная борьба за возвращение захваченных японцами зданий, складов, ценностей и пр.

Все эти начинания вызвали сильную подозрительность японцев, подогреваемых правой печатью, начавшей определенную травлю и против меня.

Сторонними негласными распоряжениями всячески тормозилась работа на местах, задерживалась доставка продовольствия и снаряжения, особенно в Анучино, где начало заметно усиливаться влияние большевиков.

Части, долго бродившие по сопкам, обносившиеся, временами голодавшие, совершенно незнакомые с истинными условиями, создавшимися во Владивостоке, естественно, озлоблялись, и это озлобление всецело направлялось в сторону Владивостока. В области опять начали приобретать влияние, руководимые большевиками, военно-ревлюционные организации, заслонившие собою, благодаря слабой связи Владивостока с местами, и центральную военную власть и само Временное Правительство.

Это—с одной стороны. С другой—в Приморье накопилось до 2-3 тысяч кадрового и военного времени офицерства, под теми или другими предлогами недопускавшегося к службе в войсковых частях и учреждениях, созданными к тому времени политотделами и комиссариатом, или же уклонявшегося от службы, особенно в глухих районах области, среди закрепляющихся там большевистских настроений.

Особенно дурной славой среди старого офицерства пользовалось урочище Анучино, находящееся среди глухих сопок верстах в 75-80 к востоку от Никольск-Уссурийска, куда к находившимся там отрядам партизан Гавр. Шевченко стекались, отошедшие во время японского выступления, некоторые войсковые части Никольск-Уссурийска и Гродекова.

Буйный Шевченко в значительной степени сдерживался состоящим при нем комиссаром, заметным в крае коммунистом—Кокушкиным, дей-

ствовавшим, однако, всецело по директивам Дальбюро ЦК РКП.

И Шевченко и Кокушкин вначале были вполне лояльны в отношении высшего военного командования во Владивостоке, от которого они сильно зависили в продовольственном, материальном и других отношениях.

По своему географическому положению и в силу местных условий, Анучино было чрезвычайно выгодным пунктом для сосредоточения значительного кадра, который можно было бы быстро развернуть в серьезную боевую силу.

Хорошо подготовленный офицерский состав был очень нужен в Анучино, но он оказывался не ко двору среди неофициально установившейся здесь большевистской атмосферы.

Офицерство пружинило. В правой местной и заграничной прессе появились статьи, где говорилось, что я посылаю офицерство «на убой» в Анучино и т. д. В этом, конечно, было столько же правды, сколько и добросовестности, но во всяком случае предубеждение от этого к Анучино не уменьшалось[301]).

Старая история: офицерство и правыми и левыми искусно оттиралось от рядовой военной массы и населения и отнюдь не пыталось исправлять столь невыгодную для него изолированность.

Офицерство оставалось без дела. Содержание столь большой массы неработающего командного состава в учрежденном для него резерве,*) вызывало непроизводительные траты. Попытка устроить офицерство в трудовых артелях, сначала встреченная сочувственно и Правительством и обществом, в конце-концов успеха не имела. Для многих (с левой стороны) в артелях чувствовался зародыш контр-революции.

Был произведен целый ряд демобилизаций. Предоставлено право увольнения от службы всем достигшим 35 летнего возраста. Уволены представители польской, латышской и эстонской национальностей. Были уволены учителя народных школ, независимо от возраста, военные чиновники, фельдшера, женщины-врачи, кадровые врачи и фармацевты, достигшие 50 лет, и т. д. Даны самые широкие льготы и освобождения учащимся высших и средних учебных заведений. Возникала мысль об эвакуации, но эвакуировать было некуда. Наоборот, безработный обнищавший элемент продолжал просачиваться в Приморье из Харбина, из Забайкалья, где назревали новые события, и из-заграницы, откуда устремились на Дальний Восток, разочаровавшиеся в гражданской борьбе на юге России или неправильно информированные о Дальнем Востоке остатки деникинцев, врангелевцев и пр.

С прибытием из советской России во Владивосток гр. Шатова, я с живейшим интересом отклинулся на его мысль об эвакуации желающих из этого избытка командного состава в советскую Россию, но уехал Шатов, и эта мысль повисла также в воздухе.

---

*) Зачисленные в резерв получали содержание в размере 50—80 проц. содержания по последней должности. Инвалиды, впредь до выработки пенсионного устава, 50 проц. содержания по последней должности.

Возбуждался этот вопрос и с представителями советской России на Дальнем Востоке Виленским, но и эти разговоры не дали положительных результатов[302]).

Меня осаждали предложениями работы, но работы не хватало на всех. Политотдел ревниво поддерживал своих кандидатов. Число недовольных росло.

Это недовольство было учтено начавшими опять поднимать голову правыми группировками. Недовольные, особенно молодежь, уходили в Гродеково, где постепенно, при поддержке японцев, образовалась новая «*пробка*» семеновской ориентации, со ставленником Семенова—генералом Савельевым во главе.

В мае даже определенно готовился переворот. Появился черный список.

Энергичными действиями правительственных агентов, при негласной поддержке Дальбюро, а равно твердыми настояниями перед японской военной миссией о недопустимости поддержки этой авантюры, выступление было предупреждено[303]).

Это, конечно, не разрешило положения.

К этому времени опять возник вопрос о каппелевцах, сгруппировавшихся в Забайкалье.

Владивосток. 1-го мая.

Холодный сумрачный день. Праздник труда прошел вяло, хотя на ипподроме собралось не менее 30 тысяч человек. Японское выступление отразилось на общей психике, да и агитационная работа профсоюзов была значительно сдержаннее.

Тем не менее, перед трибуной—и портреты вождей Октябрьской революции и обычные лозунги[304]).

Вместо войск, крайне разношерстная, плохо одетая толпа.

Много говорилось о значении пролетарского праздника, о победах красных знамен. Ораторов несколько смущали японские патрули, густо оцепившие огромную площадь ипподрома.

Я решил поехать на праздник. И мое выступление и короткое слово были новы для собравшихся. Большинство были рабочие. Внимание исключительное.

Первое появление на трибуне вызвало немое удивление, затем шумный взрыв аплодисментов.

Я коротко поздравил собравшихся с их праздником труда, выразил сожаление, что, в силу независящих от нас обстоятельств, армия присутствует в условиях, далеко не соответствующих данному торжеству, и высказал надежду, что будущий первомайский праздник пройдет в условиях, отвечающих и его значению и тому положению, которое по праву принадлежит великому русскому народу*).

Опять горячие и шумные приветствия.

Не обошлось, конечно, и без критики. Кое-кто утверждал: «Сказал, что надо, и ничего лишнего».

*) И мое выступление и моя речь 1 мая не прошли мне даром. Позднее, во времена меркуловского Правительства, сменившего Земство, этот один из моих «смертных» грехов был широко использован правой печатью, особенно в дни выборов в Народное Собрание, затем и в период борьбы Народного собрания с меркуловщиной

Это, пожалуй, была наилучшая оценка моего выступления. Я чувствовал, что именно за это так тепло приветствовало меня собрание, и уехал вполне удовлетворенным.

По пути я с любопытством вглядывался в лица японских солдат, «поддерживавших порядок». Сознавали-ли они столь явное противоречие: три недели тому назад они с яростью срывали красные знамена, а сегодня их почтительно несут по улицам перед их глазами, и они должны охранять торжественное шествие этих знамен?

Владивосток. 3-го мая.

Дал решительную директиву в область для практического выполнения тяжелых условий Русско-Японского соглашения. Это проба моего авторитета.

5-го выезжает с этой целью комиссия полковника Луцкова. Задача ее не легкая при сложившихся на местах настроениях. По политической линии для подготовки почвы выезжают Уткин и Владивостоков, последний коммиссар при мне, юный студент, весьма старательный, но недостаточно опытный работник.

Доклады с мест из Сучана и Хабаровского района внушают тревогу. Везде нехорошо. Крестьянство на переломе. Партизаны деморализованы—вожди проявили себя не особенно талантливо. Так, у Хабаровска, несмотря на полное превосходство русских в силах, победа на стороне японцев.

Город и население сильно пострадали.

Начинают отделяться анархические шайки: Савицкого на Сучане, Гурко и Смирнова—в районе Имана. С этими придется иметь дело и коммунистам.

Скрепя сердце, первым поехал на американский дредноут «South Dakota». Адмирала Клевса не застал. Условились увидеться завтра утром. Заезжал к командующему японской эскадрой адмиралу Кавахара на «Хизен»—наш бывший «Ретвизан»—тяжелое напоминание о днях Цусимы 1905 г.[305]).

«Хизен» принимал участие в событиях 4-6 апреля, особенно, в разоружении наших военных судов. Это, как и самое появление бывшего русского корабля во Владивостоке, расценивалось, как акт явного, подчеркнутого торжества грубой силы.

Не без волнения поднялся я по трапу на борт стального чудовища, блиставшего чистотой и всеми признаками суровой корабельной дисциплины. Я невольно обернулся налево: там, чуть возвышаясь над водой, стояли пять крошечных, давно не ремонтированных миноносцев. Они были разоружены... На «Бойком» мирно сушилось убогое матросское белье...

Стиснув зубы, вошел в адмиральскую каюту. Там, как и на всем корабле, казалось, реял еще дух русских моряков, свершивших безумно отважный, почти легендарный поход, и вместе с флотом нашедших себе могилу в пучинах Японского моря.

С уст срывалось проклятие... Я почувствовал на себе острый взгляд пары загадочных темных глаз. Передо мной, любезно, улыбаясь стоял адмирал Кавахара.

Надо было вести «тонкую» беседу. Как в кабинете генерала Ооой я был командующим без войск, так и здесь я командующий морскими силами без флота. Это придало мне бодрости, и мы начали беседу. Адмирал уверял меня, что все они очень хотят мира и что мы косвенно мешаем этому.

Я ответил, что мы всегда были не только за мир, но и за явно выраженные намерения. Расстались весьма дружелюбно.

Поехал прокатиться за город. Только там, среди чудесной природы, несколько отошел от визитов. Но «положение обязывает»—ничего не поделаешь! Это крест власти.

Военный Совет совсем растаял—остался один Линдберг. Нужна радикальная реорганизация.

На вечернем заседании Правительства управляющий ведомством продовольствия жаловался на отсутствие предметов снабжения и на хаос в его ведомстве.

Сочлены Медведева по «пятерке» тянут в отставку—устали от непривычной работы.

Владивосток. 11-го мая.

Провожали начальника английской военной миссии генерала Блера. Миссия сокращается на-нет. Центр руководства переносится на Токио. Были все представители иностранного командования и несколько, повидимому, русских офицеров в весьма странной форме.

Один из них обратился к моему ад'ютанту Аничкову, молодому артиллеристу, с замечанием, как он может служить здесь, «когда генерал (т. е. я) ходит не в форме».

Аничков на это очень толково ответил: «здесь то служить можно, а вот вы, русский человек, кому служите и что у вас за форма»?

Заезжал заместитель английского высокого комиссара г. Ходжсон, любезно выражал готовность к установлению прочных экономических сношений.

Был полковник Исомэ. Японцы опять произвели большое самоуправство. Вооруженная команда их явилась в цейхгауз Инструкторской школы на Русском острове, потребовала выдачи обмундирования. На заявленный протест обычный ответ, что это недоразумение, а такие недоразумения происходят почти каждый день. Обещали, что все забранное будет возвращено.

Пользуясь случаем, и наши в суматохе кое-что припрятали. Дисциплина падает: ее раз'едают и справа и слева. Воровство отчаянное.

Вчера рота 10 полка решила делить казенные вещи и деньги. Политических уполномоченных в таких случаях налицо не оказывается. Передал о предании суду.

Исоме интересовался вопросом о Забайкалье. По его словам, японцы «не могут выбросить за борт Семенова».

Со стороны иностранцев, и, главным образом, японцев, проявляется интерес к эксплоатации огромных грузов, находящихся во Владивостоке. Приехал крупный японский финансист Икеда.

Сибирские маслоделы жалуются на риквизацию их опиума, намекают на большую заинтересованность в этом вопросе социалистов из Бюро Финансово-экономического Совета и комиссии по ликвидации грузов. В последней особенно неблагополучно.

Местное «Слово» всех пугает «моими попытками» сформировать свой кабинет.

Генерал Оой выпустил декларацию, приветствующую примирение японских войск с советскими войсками в иркутском районе[306]). Видимо, там большевики иные, нежели здесь, в Приморье. Общий тон декларации— необходимость установления дружеских отношений и экономического сотрудничества. Обособленным остается вопрос о Николаевске на-Амуре[307]); в этом вопросе, видимо, не обойтись без новых осложнений.

Владивосток. 14-го мая.

В Раздольном и Никольск-Уссурийске ожесточенная война между начальниками гарнизонов, старыми кадровыми офицерами и политическими уполномоченным. В Раздольном, оказывается, служили панихиду по бывшем императоре Николае II. Представители политбюро вне себя. Послал произвести в обоих пунктах расследование. На это уходит добрая половина времени. Огонь и воду об'единить трудно.

Были англичане майоры—Марсден и Денлоп. Первый состоит при штабе генерала Оой, но это не мешает ему, по его выражению, «быть справедливым». Марсден еще молодой офицер, довольно осторожен, состоит помощником военного агента в Токио генерала Вудроф.

Он предложил мне довольно лукавый вопрос: «сносимся ли мы с нашими посольствами в Токио и Пекине»?

Собирал штаб—высказал свой взгляд на политическое положение и на мое понимание штабной работы.

Интендант жаловался, что его атакуют требованиями милиция и всякие другие учреждения, не имеющие ничего общего с военным водомством, между тем, запасы не пополняются.

Вообще вопросы снабжения усложняются. Сегодня китайцы заявили, что за хлеб, купленный в Манчжурии, они желают получить даже и не иены, завоевавшие право гражданства на Дальнем Востоке, а серебро или золото.

Долго в частном порядке беседовал с начальником штаба генерала Оой—генералом Инагаки. Разговор все время около Забайкалья и Семенова. Японцы ищут компромисса,—«От скорейшего создания буфера зависит наш уход из Сибири». — «Мы хотим домой». Я сочувствовал этому естественному стремлению.

Генерал Инагаки весьма интересный собеседник, долго жил в Англии, интересуется, между прочим, поэзией, что очень обычно среди японских сановников. Хорошо знает историю взаимоотношений России и Японии, конечно, в несколько односторонней оценке. Он спросил меня:

«Слыхали ли вы песни японских гейш, относящиеся к периоду, когда японцы владели местами, где находится ваш нынешний Никольск-Уссурийск»?

Я ответил, что это было, вероятно, очень давно, и добавил, что очень люблю древние мифы, но всегда несколько опасаюсь за их достоверность.

Вместе с тем, желая поддержать крайне интересную тему, я, в свою очередь, спросил:

«А не кажется ли наш здешний климат слишком сухим для японцев?»

«Нет, нисколько,—любезно ответил мне собеседник,—мы ставим, когда надо, желобки вдоль стен комнаты, они достаточно увлажняют воздух, и мы здесь чувствуем себя, как дома».

Я действительно видел такие деревянные корытца в квартире прежнего японского главнокомандующего в Сибири генерала Отани. Он очень страдал от сухости комнатного воздуха.

«Шестая Держава» (печать) опять в панике: имеются будто бы самые точные сведения, что «белогвардейцы» сегодня выступают, что японцы дали им даже четыре пулемета!

Из Харбина вести о двух правительственных комбинациях: Хорват, как наместник Временного Правительства Керенского, и единоличное управление Семенова на японских штыках.

Ни того, ни другого пока не случилось,—Земское Правительство продолжает «томиться» на своем высоком посту.

С момента моего назначения на пост командующего я, как в свое время и в Омске, начал получать от разных авторов проекты и доброжелательные советы, касающиеся вопросов государственного устройства.

Так, один из авторов «по долгу патриота», делился следующими соображениями:

«Шаткое положение Правительства дает почву для всевозможных слухов о перевороте, с одной стороны, и простор в этом направлении для отдельных лиц—с другой, а ограниченность сфер влияния правительственной власти, кроме того, способствует анархии на обширной территории, где население предоставлено самому себе, что является одной из причин (и это уже есть) к недоверию к Правительству, созданию неуместных—при данной ситуации советов и вообще выявлению суррогатов большевизма».

Далее он рекомендует:

«Создание силы, способной служить действительной опорой Правительству; укрепление власти местных земств, хотя бы силой, при чем думает, что это «не идет вразрез и с мнением советской власти».

Затем рекомендуется прекращение партизанских действий, использование партизан для местной милиции и для образования из них войсковых частей в Амурской области.

В этом вопросе автор—сторонник общего об'единения перед национальной опасностью, упускал из виду, что партизанское движение имеет в виду другие задачи и Дальбюро ЦК РКП, конечно, менее всего интересуется долговечностью и прочностью Земского Правительства. В этих условиях звучит наивностью совет автора:

«Отказаться раз навсегда расценивать офицеров по их политическому облику».

Полагая необходимым для более близкого политико-экономического сотрудничества с союзниками установление представительств, особенно в Америке, автор говорит:

«Не надо бояться того, что такой представитель будет мешать советской России—Россия единая и следовательно одни интересы».

В этом проекте любопытна забота автора *не разойтись* с мнением и *не встретиться* с интересами советской России, для него «Россия единая»—это заслоняет перед ним коренное различие в конечных целях борьбы. Здесь уже проблески стремления к *прикреплению* к России, страх изоляции и в то же время учет исключительности условий, необходимость особой тактики в обстановке интервенции.

Автор другого документа—«Докладной записки», конституционалист по преимуществу не социалистического уклона, полагает, что:

«сильная и действительная власть в Дальневосточном крае России может быть таковою при наличности двух условий: во-первых, что-бы она была связана с населением края и пользовалась бы сотрудничеством представителей народа, и, во-вторых, что-бы власть эта имела в своем распоряжении реальную и послушную силу, достаточную для того, чтобы распоряжения и меры, предпринимаемые властью, осуществлялись точно и неуклонно».

Отсутствие первого условия у антисоветских вождей приводило, по мнению автора»,

«к отсутствию их достаточного авторитета и развалу во внутреннем управлении, главным образом, в деревнях и селах».

«Второе условие было выполнено только отчасти: военная сила, занятая войной с большевиками, не могла быть использована для целей внутреннего управления и охранения спокойствия, законности и порядка. Вынужденная в крайнем случае посылка карательных или подобных экспедиций, будучи явлением случайным и непланомерным, явилась и не могла не явиться обстоятельством, вносящим лишь большой беспорядок и недовольство в существующую смуту».

И этот автор подчеркивает изолированность деревни:

«за все время революции деревня была предоставлена сама себе и за это время была разбужена и вовлечена в борьбу крайними элементами - коммунистами и левыми по преимуществу эс-эрами».

Касаясь власти на местах, автор рекомендует сохранить таковую исключительно в руках местного коренного населения. Предлагает общину, вместо волости, с общинными с'ездами для контроля над общинными советами.

Были среди авторов сторонники государственной организации, основной ячейкой которой полагается церковный приход, и, наконец, были идеологи полной реставрации—безоговорочного отхода назад—просто, как выражался генерал Розанов—«к боже, царя храни».

Этот политический разнобой принесли с собой, главным образом, многочисленные беженские группировки, докатившиеся до Владивостока и особенно прочно осевшие в Харбине. Вместе с горожанами*) они являлись особой бродильной надслойкой над основным населением края: казаками, крестьянством и корейцами.

Шумливые в городах, увлеченные борьбой за власть, беженские и местные, главным образом, городские, элементы почти не распространяли

*) Торгово-промышленники, домовладельцы, трудовая интеллигенция, мелкие собственники и пр.

своего влияния на область. На местах работали исключительно партийные организации и по преимуществу РКП.

Крестьянство, склонявшееся «к Советам», но упорно противившееся «коммунии», тем не менее, скорее других подпало под влияние коммунистов. Значительно большие затруднения встретились среди казачества, особенно в его зажиточной массе. Был проведен даже акт об упразднении казачества, применялся довольно жесткий нажим со стороны партизанских отрядов, находящихся под влиянием коммунистов, и тем не менее ряд округов, во главе с Гродековским, до окончательной победы советской России, были верным оплотом правых течений и атаманства.

Корейцы широко поддавались пропаганде. Их наиболее стесненное экономическое положение способствовало развитию среди них революционных настроений. Их боевые коммунистические отряды играли не последнюю роль среди сил, мобилизованных Дальбюро ЦК РКП для закрепления своего влияния и победы в Крае.

Японцы оказывали значительное противодействие революционному движению среди корейцев. Это привело, особенно впоследствии, к широкому развитию двойного подданства корейцев. Русское подданство обеспечивало за ними право на землю, японское—защиту этих прав. Последнее было выгодно и для японцев: оно создавало им повод для вмешательства в целях защиты прав их подданных.

Отмеченный политический разнобой, в связи с обострением общего экономического положения, особенно остро переживался и многочисленным собравшимся на Дальнем Востоке офицерским составом. Здесь сталкивались не только люди разных политических мировоззрений, но и вчерашние враги в наиболее ожесточенной гражданской войне. Кошмарные убийства «белых» офицеров на реке Хор и, с другой стороны, жестокая расправа с некоторыми из коммунистов за время японского выступления 4-6 апреля, доводили взаимную вражду до крайнего напряжения.

Широкая амнистия и забвение прошлого, проведенная мною с согласия Правительства в армии и флоте, смягчала остроту, но отнюдь не уничтожала огромной внутренней вражды.

Это очень рельефно выразилось на большом собрании офицеров во Владивостоке, где предположено было заслушать представителей всех политических течений, от крайних правых до коммунистов включительно. Вместо попытки к некоторому соглашению ярко выявилась буря вражды, потребовавшая больших усилий со стороны председателя генерала А., и вызвавшая мой экстренный приезд для возвращения собрания к порядку.

День спустя в связи с этим случаем мною был отдан следующий приказ сухопутным и морским силам Временного Правительства Дальнего Востока*):

*) Новый расширенный титул Земского Правительства, в связи с расширением его влияния в крае.

«Четыре года напряженной борьбы на внешнем фронте и два с лишним года ожесточенной гражданской войны особенно остро и болезненно отразились на командном составе нашей армии. Кроме огромных жертв жизнью, увечьем и физическими страданиями, офицерство, участием в гражданской войне, пережило еще большее страдание морального свойства.

Являясь главным основанием вооруженной силы, оно, с одной стороны, являлось угрозой для той или иной из борющихся группировок, с другой стороны—само, ранее чуждое политической борьбе, расслоилось на части и, сражаясь друг против друга, внесло огромное озлобление и вражду в свои собственные ряды. Кроме того, благодаря имущественным потерям и общему крайне тяжелому положению Родины, офицерство оказалось и в тяжелом материальном положении.

Последнее обстоятельство особенно резко проявилось на окраинах и заграницей, куда стекалось офицерство под влиянием или причин политического характера, или ликвидации тех вооруженных сил, в составе которых оно принимало участие в гражданской войне.

Все эти обстоятельства, вплоть до острой нужды в борьбе за существование, ставят командный состав в исключительное тяжелое положение и весьма часто делают его орудием в руках или отдельных политических партий, или отдельных лиц.

В настоящее время здесь, на далекой окраине, положение это особенно трудно, так как разное политическое положение трех дальневосточных областей*) естественно вносит соответствующее разделение и в офицерскую среду.

Понятно, что общее желание об'единения всего Дальнего Востока внесет улучшение не только в политическом и экономическом отношении, но и послужит основой для об'единения всех вооруженных сил, находящихся на этой территории, а вместе с тем и в частности для об'единения всего офицерства. Только при этом об'единении, только при возможности свободного отношения, как с Западной Сибирью, так и с остальной Россией, явится возможность более широкого и более успешного разрешения наболевшего офицерского вопроса.

Всякая новая рознь, всякое стремление поддержки партийных или классовых вожделений приведет к новой братоубийственной войне, к новым кровавым жертвам, к новому еще большему расслаблению русской силы на Дальнем Востоке.

Я не верю и не вижу, чтобы какое-нибудь лицо, или какая-либо группировка без коренного разрешения этого вопроса в широком краевом масштабе, путем временных денежных посулов, могла бы достичь той или иной цели и, как высший военный начальник в области, я совершенно определенно заявляю, что только об'единение и прекращение всяких новых попыток к братоубийству может создать почву для выхода из тяжелого положения.

Путем об'явления амнистии мною намечалась первая попытка к об'единению. Для достижения той же цели мною возбуждено ходатайство о восстановлении посильного материального обеспечения лицам командного состава и их семьям, в какой-бы группировке не находились они до момента амнистии.

Несомненно, тяжелое финансово-экономическое положение края лишает Правительство возможности пойти широко в этом направлении, но несомненно, что, с улучшением хозяйственной жизни края, явится возможность широко пойти навстречу улучшения судьбы военно-служащих.

Вместе с тем, ясно сознавая необходимость немедленного разрешения создавшегося тяжелого положения, я, впредь до того времени, когда изменится настоящее положение и явится возможность более широко использовать военно-служащих по их прямому назначению, принимаю меры к тому, чтобы труд их использовать в других отраслях, и рассчитываю, что Правительство окажет в этом необходимую поддержку. Я же, с своей стороны, кроме организационной работы, полагаю придти на помощь путем предоставления имеющегося в распоряжении Военно-Морского ведомства инвентаря, технических учреждений и проч.

Проведя в рядах армии около 30 лет, я отлично понимаю, как тяжело переживаются офицерским составом не только изменения в сложившихся традициях, но и

---

*) Забайкалье—семеновщина, Амурская область—коммунизм и Приморье—демократизм Земского Правительства.

изменения в вопросах чисто внешнего свойства—в форме одежды, отличиях и проч., но в то же время считаю, что эти соображения не могут заслонить в наших глазах великих вопросов о сохранении мощи и величия нашей родины и перестроения основ нашей жизни, может быть, весьма болезненно отражающихся на наших привычках и симпатиях.

Эти великие задачи, требующие новых тяжелых испытаний, могут быть достигнуты лишь об'единением и полным отказом от дальнейшей братоубийственной распри.

К этому об'единению я зову всех».

IV.

Пост управляющего военно-морскими делами в кабинете Никифорова. Денежная реформа. Упразднение военного совета. Ганготское соглашение.

Назревшая необходимость в об'единении работы отдельных ведомств выразилась в создании Совета управляющих ведомствами, первое заседание которого состоялось 29-го мая 1920 года в составе:

Председатель Совета управляющих ведомствами и управляющий ведомством труда П. М. Никифоров; управляющий ведомством финансов—С. А. Андреев; внутренних дел—А. Н. Кругликов; управляющий военно-морским ведомством—В. Г. Болдырев; ведомствами: продовольствия и снабжения—Д. И. Соловьев; промышленности—А. С. Леонов; путей сообщения—И. Г. Кушнарев; юстиции (временно)—А. В. Грозин и исп. обязанности управляющего делами Совета—А. И. Кабцан.

Ведение иностранными делами сохранял за собой председатель Правительства А. С. Медведев, фактическое же руководство таковыми было в руках Б. Е. Сквирского, имевшего ближайшим сотрудником видного дипломатического чиновника царских времен А. М. Выводцева.

Весь состав министров, за исключением меня, был социалистический, с явным преобладанием коммунистического влияния, направляемого тем же незримым Дальбюро ЦК РКП.

Правда, очень важное в существовавших условиях ведомство внутренних дел находилось в руках весьма правого социалиста, ведшего довольно самостоятельную политику, вполне приемлемого и в несоциалистических группировках, тем не менее, все же оппозиция главенствующему течению была и непостоянной и недостаточно сплоченной.

Линия, принятая в Совете коммунистами и поддерживающими их членами такового, была всьма искусной: внешнее примиренчество, добродушная уступка по вопросам, ни в коей мере не затрагивающим интересов партии, при крайне настойчивом проведении общей советской линии во внешних сношениях и при упорном домогательстве в принятии тех мероприятий и кредитов, которые содействовали в той или иной степени закреплению влияния коммунистов среди масс и рабочих организаций края.

В этом отношении были чрезвычайно изобретательны и настойчивы, казавшийся обычно довольно равнодушным к ходу заседания, Кушнарев и чрезвычайно темпераментный Сквирский.

Первое заседание Совета было посвящено выработке текста заявления для прессы, в связи с упорно циркулировавшими слухами о неудавшем-

ся правом перевороте. Провал правых окрылил левых, началось излишнее увлечение арестами, на что было обращено внимание и японского командования, заявившего через меня о необходимости прекращения излишеств в этом направлении.

Обсуждалось и положение дел на Сахалине и в районе Николаевска на-Амуре. По докладу управляющего внутренними делами, на Сахалине вел довольно заметную агитацию бывший сахалинский губернатор Григорьев. Населению будто-бы раздавались романовские десятирублевки, «как подарок его новой барыне» из Японии. С другой стороны, «собственная политика» автора «Николаевской бани», как называли орудовавшего в Николаевском районе Тряпицына, внушала серьезные опасения за возможность осложнений в низовьях Амура, в частности, в Николаевске, где сосредотачивались значительные силы японцев.

На первом же заседании было отклонено коллегиальное решение дел в ведомствах. Вся ответственность за таковые всецело возлагалась на главу ведомства.

Отмеченная линия поведения коммунистов в Совете управляющих ведомствами, в связи с обширной агитацией и в городах и в области, обусловили распространение их влияния и победу на выборах в Приморское народное собрание.

Во Владивостоке коммунисты, проходившие в скрытом виде по списку профсоюзов, получили голоса рабочих, в том числе и голоса весьма сильной организации грузчиков, сделавшихся потом гвардией коммунистов. Искусно была использована и значительная часть крестьянства, казаков и корейцев.

Преобладающее влияние и абсолютное большинство в Народном собрании были закреплены за большевиками созданием «социалистического блока», проводившего идею «единого социалистического фронта», куда вошли прошедшие в собрание с.-д. меньшевики, эсэры, народные социалисты, так называемое, крестьянское большинство и корейцы.

Предоставив место председателя Народного собрания эс-эру Маневетову, попавшему таким образом под влияние руководимого ими большинства, коммунисты в то же время провели своих людей в президиум, обеспечив, таким образом, свое руководство и там.

Оппозиция в Народном собрании, руководимая кадетами и местным националистическим элементом, об'единяла часть правого крестьянства и казаков.

Слабая численно, она обладала довольно ценными интеллектуальными силами и достаточно опытными парламентариями: из кадетской фракции—Л. А. Кроль и В. А. Виноградов и из правых групп—С. Д. Меркулов и др.

Торжественное открытие Народного собрания состоялось 21-го июня, в помещении театра «Золотой Рог». Огромное стечение публики показывало значительный интерес к столь крупному для края событию. В числе присутствовавших иностранных представителей находился и представитель «соседней дружественной» державы—советской России—В. Д. Виленский. Приглашение, посланное ему, было также написано на французском языке.

Старейший из депутатов, народный социалист Логовский, открыл заседание.

С краткой, но обстоятельной речью выступил председатель правительства, весьма представительный по внешности, А. С. Медведев.

Медведева сменил председатель Совета управляющих ведомствами П. М. Никифоров, изложивший краткую программу деятельности кабинета.

Его даже приодели несколько для столь торжественного случая. Никифоров был значительно бледнее, чем на привычных митинговых выступлениях, говорил без особой экспрессии, но очень деловито, что было поставлено ему в несомненный плюс.

Иностранцам было продемонстрировано удивившее их об'единение и порядок. Отечественные любители скандалов ушли разочарованными.

Народное собрание, первое на Дальнем Востоке, нашло и надлежащую внешнюю форму и достаточный тон и содержание в речах, впервые прозвучавших с народной трибуны.

Народное собрание, вызвавшее значительный интерес со стороны населения, несомненно, облегчало последнему и большее внимание деятельности правительства и в то же время содействовало более определенной кристаллизации общественных настроений.

Открытию Народного собрания предшествовало проведение весьма важной реформы—денежной, оказавшей, в силу особых условий, почти роковые последствия для края.

5-го июня 1920 года был опубликован закон о девальвации—о замене безнадежно падающих сибирских денег новыми, выпущенными Временным Правительством, кредитными билетами образца 1918 г., получившими впоследствии название «буферок».

Превосходно изготовленные в Америке по заказу правительства Керенского, эти кредитные билеты, при надлежащем обеспечении, могли действительно укрепить крайне тяжелое финансовое положение, создавшееся в связи с почти полным обесценением сибирских денег, крайне непрочных, легких в подделке, связанных с недавно павшим правительством Колчака. Выпуском новых устойчивых денег полагали в то же время сдержать и все более и более усиливающееся закрепление на местном рынке японской иены.

Как обеспечение вновь выпускаемого кредитного билета, Правительство называло: золото, вывезенное из Омска, и другие ценности общей суммой более 100 милл. золотых рублей.

Крайний срок обмена был назначен на 18 июня, и только вкладчики японского «Чосен банка» получили трехмесячный льготный срок.

Уже 17-го июня последовал запрос местного консульского корпуса о гарантиях, обеспечивающих устойчивость кредитного билета, выпускаемого Временным Правительством. Правительство отписалось. Тем не менее, вскоре стало всем известно, что наиболее ценная часть обеспечения—все золото на сумму до 77 милл. руб. (давно вывезено в Благовещенск*). Хотя Амурское Областное Правительство, создавшееся к тому времени, поддерживало заверение о сохранности всего золота, но никто этому серьезно не верил.

*) До японского выступления 4—6 апреля.

Реформа, благодетельная при наличии обеспечения, была подорвана. Потребовалось огромное напряжение и власти и населения, особенно рабочих и служащих, чтобы удержать незыблемость установленного паритета для новых денег.

Обмен произошел. Он принес почти общее разорение. Вкладчики банков, кредиторы казны, получили прекрасные по внешности, но также быстро обесценивавшиеся, благодаря необеспеченности, деньги. Мелкие вкладчики сберегательных касс, крестьянство, имевшее некоторую наличность, оказалось просто ни с чем.

Неотвратимый провал денежной реформы был первым серьезным ударом по авторитету Земского Правительства. Этот провал создал некоторые трения внутри Совета управляющих ведомствами, усилил значение оппозиции в только что открытом Народном собрании и побудил общественное мнение более внимательно отнестись к тем скрытым силам, которые за спиной правительства «делали погоду»[308]).

Причин для этого было достаточно, и кроме денежной реформы; так, например, острый, наделавший шуму, конфликт управляющего ведомством юстиции Грозина с прокуратурой, коллективно подавшей в отставку «ввиду незакономерных приказов и распоряжений» главы ведомства, побудивший Грозина покинуть свой пост;

работа владивостокской следственной комиссии, в которой многие видели скрытое «чека»;

большие непорядки в «Комитете по ввозу и вывозу», потребовавшие строжайшей ревизии и, только благодаря партийным влияниям в Совете министров, не приведшей весь состав комитета на скамью подсудимых;

не совсем гладкая работа «Комиссии по ликвидации грузов», особенно каучука, селитры и меди, представлявших весьма значительную ценность на десятки миллионов рублей.

В военно-морском ведомстве большие нарекания вызвала деятельность Военного совета. Согласно первоначального своего «Положения», Военный совет являлся «высшим в крае учреждением по военным вопросам, касающимся армии и флота», при чем все его постановления законодательного характера подлежали «окончательному утверждению Временного Правительства».

С созданием Совета управляющих ведомствами, а затем и Народного собрания, такое положение Военного совета являлось явно несообразным, тем более, что и деятельность его со времени русско-японского соглашения 29 апреля, с установлением ограничительной зоны и замены в таковой войск милицией, свелось в сущности к отпуску всех видов снабжения и, главным образом, кредитов не только для Приморья, но нелегально и для Амурской области, имевшей свое местное правительство и свою казну.

Обескровленный за время японского выступления, собиравшийся почти полулегально и крайне неаккуратно, Военный совет, тем не менее, чрезвычайно тормозил необходимую текущую работу.

Постановлением Временного Правительства 11 июня, Военный совет был упразднен, он потерял уже значение и для Дальбюро, ликвидация его не вызвала особых возражений.

По вновь разработанному проекту организации военно-морского ведомства, Военный совет полагался уже при управляющем военно-морскими делами, под его председательством, при участии политического уполномоченного, как представителя общественности.

Возникло сильное течение и за ограничение института политических уполномоченных в войсках, вносившего двойственность в управление и волокиту. Ему предполагалось оставить лишь право опротестования тех или иных назначений командного состава и ведение культурно-просветительной работой.

При всех отмеченных условиях дальнейшее существование Совета управляющих ведомствами, с столь явным преобладанием коммунистического влияния, становилось затруднительным. Возникла мысль о коалиционном кабинете. Против нее не возражали и коммунисты—им надо было ослабить оппозицию в Народном собрании и переложить значительную долю ответственности за все уже содеянное до этого времени на чужие буржуазные плечи, и их же противопоставить начинавшему вновь усиливаться напору крайне правых группировок.

Последние или поняли этот скрытый замысел, или, в силу своей решительной непримиримости, уклонялись от вхождения в кабинет.

Предложение приняли торгово-промышленная группа и кадеты. И те, и другие искренно опасались усиления реакции и все еще неизжитого страха перед японской оккупацией.

Власть была демократической—это рассеивало последние проблески сомнений.

Переход к коалиционному кабинету был чрезвычайно выгоден для коммунистов. Владивосток в значительной степени сыграл уже свою роль в их программе закрепления своего влияния на Дальнем Востоке; центр тяжести переносился в Западное Забайкалье.

Перестройка «буфера» началась оттуда, со стороны Верхнеудинска, где с 6-го апреля образовалось свое, или, вернее сказать, дружественное Дальбюро, Правительство, назвавшееся «Дальневосточной Республикой»[309]), с явными претензиями на роль центрального правительства всего Дальнего Востока.

Приморье было пока еще нужно—на время первого удара по Забайкалью, против Семенова. Этот выигрыш во времени успешнее всего мог обеспечить коалиционный кабинет: он должен был усыпить подозрительность интервентов и сдержать на необходимый срок усиливающуюся активность правых, склонных к слиянию с Семеновым и к его поддержке.

Амурская область была уже подготовлена,—там уже *свое* правительство. Камчатка, Сахалин и полоса отчуждения Китайской Восточной дороги в лице созданной там Рабочей Конференции должны были обеспечить моральную поддержку и сочувствие.

Изменить этот новый, выгодный большевикам политический ход, представлялось тогда невозможным,—это загоняло бы все умеренные элементы, всю демократию в лагерь непримиримо идущих к реакции крайне правых и задерживало бы вопрос об'единения с остальной Россией. Таким образом, демократия и часть буржуазии невольно помогала советской России, облегчала ей подход к берегам Тихого океана.

Невыясненной оставалась роль третьей, наиболее мощной силы—Японии, но и в этом направлении советская власть и Дальбюро начали большую подготовительную работу. Первый этап—соглашение в районе Иркутска—уж пройден, он положил начало дружественным отношениям.

Дальнейшую работу в этом направлении повел представитель Верхнеудинска во Владивостоке В. С. Шатов. Его усилия увенчались значительным успехом, закончившимся соглашением между Верхнеудинским Правительством (Дальневосточной Республикой) и японским командованием, подписанным 15 июля 1920 года на станции Гангота.

Соглашение это предусматривало прекращение военных действий обеих сторон на фронтах: Амурском—в районе обоих берегов Шилки и на Забайкальском—в районе Яблонового хребта, при чем устанавливались особые демаркационные линии с небольшой нейтральной зоной между этими линиями.

В отношении железнодорожного движения конечным пунктом для поездов, следующих с Запада, устанавливалась ст. Гангота, с Востока—ст. Сохондо.

Началом прекращения военных действий назначалось 12 час. дня 18 июля 1920 года. Срок окончания соглашения—«окончание работ с'езда представителей, правильно выражающих волю населения русского Дальнего Востока» (впоследствии Читинская конференция).

Любопытно, что договор этот, под гарантией «представителей экспедиционной японской армии на территории Дальнего Востока», должны были признать и войска, подчиненные Семенову.

17 июля стороны подписали особый меморандум, к которому прикладывалась «*Нота к меморандуму от 17-го июля 1920 года*», подписанная, как и сам меморандум, генералом Такаянаги и Шатовым.

Нота эта в значительной степени преднамечала дальнейший ход событий на Дальнем Востоке и *новый курс* в направлении политики местных японских представителей. Привожу ее полностью:

«Стремясь к скорейшему утверждению мира на территории русского Дальнего Востока, японская и русская делегации уверены, что наилучшим способом к его достижению и к установлению спокойствия и порядка является образование буферного государства с единым правительством, без вмешательства в дела этого государства вооруженной силы со стороны других государств.

Это буферное государство в международном и экономическом отношениях не может жить изолированно от цивилизованных и крупно индустриальных государств. Между русской территорией Дальнего Востока и Японией существует теснейшая связь в интересах, почему буферное государство не может не иметь намерений самого тесного с Японией содружества и сотрудничества.

Основываясь на вышеуказанном главном мнении, обе делегации сходятся в том убеждении, что буферное государство не примет коммунизм за форму и должно но-

сить народный широко-демократический характер. Для этого в настоящем положении необходим созыв с'езда представителей, правильно и независимо выражающих волю населения русской территории Дальнего Востока.

В соответствии с этим пониманием поставленных перед ними задач и намерений, обе делегации делают нижеследующее обоюдное заявление:

1) Японская делегация заявляет, что отдельные сношения японского командования с местными властями будут прекращены с момента окончания работ с'езда представителей, правильно и независимо выражающих волю народа и населения русского Дальнего Востока, который узаконит окончательное воссоздание единого Правительства.

2) Японская делегация заявляет, что японское командование не будет вмешиваться в способы созыва вышеупомянутого с'езда и в ход его работ, но обещает оказывать всевозможное охранение в случае препятствия представителям, направляющимся на этот с'езд, вне зависимости от их политических убеждений.

3) Что касается вопроса об оставлении японских войск на территории русского Дальнего Востока, то японская делегация положит в основу декларацию японского правительства от 3-го сего июля.

Что касается Забайкальского района, то, имея в виду, что в настоящее время уже совершилась эвакуация чехо-словацких войск из этого района, на основании сделанной японским императорским правительством декларации, японское командование на этот раз решило вывести свои войска из означенного района. Японское командование надеется, что, в случае успешного хода сношений с Дальневосточной Республикой, эвакуация японских войск будет произведена в скором времени.

4) Русская делегация заявляет о недопущении войск советской России на территории правительства Дальневосточной республики для пребывания, вторжения и пропуска их.

5) Русская делегация заявляет, что Правительство Дальневосточной Республики на началах взаимности обещает, что в сфере влияния власти Дальневосточной республики она гарантирует неприкосновенность личности японских граждан и будет уважать их права.

6) С целью скорейшего успокоения на территории русского Дальнего Востока, японская и русская делегации заявляют, что японское командование и Правительство Дальневосточной Республики обязуются принять все меры к вырешению мирным путем возникающих на территории Дальнего Востока вооруженных столкновений, и только в крайнем случае обещаются принять самые решительные меры.

7) Японская и русская делегации по предварительному взаимному соглашению могут посылать друг другу свои военные миссии, имея в виду, что эти миссии принесут большую пользу в деле успешного разрешения могущих возникнуть вопросов в дальнейшее время».

V.

Коалиционный кабинет. Первая попытка по об'единению Д. В. Оккупация Сахалина. Увод «Патрокла». Приезд ген. Дитерихса. Распад коалиционного кабинета.

В начале июля был сконструирован новый, ответственный перед Народным собранием коалиционный кабинет.

В него сначала вошли 4 новых управляющих ведомствами от оппозиции Народного собрания: В. А. Виноградов—управляющий иностранными делами, Б. Ю. Бринер—торговли и промышленности, В. Я. Исакович—государственного контроля и И. И. Циммерман—финансов.

Управление делами Совета перешло в руки В. И. Дмитраша.

Вскоре пост председателя Совета был вручен М. С. Бинасику, прежний председатель П. М. Никифоров остался в Совете, как управляющий делами труда. 10 августа А. Н. Кругликов был замещен В. Я. Гуревичем, А. В. Грозин—Е. А. Труппом; управление делами земледелия и государственных имуществ было возложено на И. А. Якушева.

21 июля новый председатель Совета управляющих ведомствами М. С. Бинасик выступал пред народными представителями с декларацией нового кабинета. Особенно выпукло выявились в декларации новые пути в области внешней политики, намеченные новым управляющим иностранными делами В. А. Виноградовым.

В тот же день было зачитано в Народном собрании приветствие только что прибывших делегатов Амурского Областного Правительства.

Председатель амурской делегации Матвеев имел со мною продолжительную беседу по вопросам военного снабжения, которое у них было в очень тяжелом положении, и попутно давал мне понять об общем желании видеть меня на высшем посту в общекраевом масштабе (т. е. для всего об'единенного Дальнего Востока).

Эта совершенно частная беседа лишний раз подчеркнула существующее у группировок, руководимых Москвой, стремление к об'единению трех Дальневосточных областей.

Первая попытка в этом направлении была сделана Владивостоком. Еще 23 июня, по инициативе быв. председателя Совета управляющих ведомствами, Никифорова, было принято постановлние:

«Войти в Народное собрание с предложением об образовании особой парламентской комиссии для поездки в Забайкалье и Амурскую область, совместно с представителями Временного Правительства, для выяснения и подготовления вопроса о созыве в городе Владивостоке с'езда представителей Правительств дальневосточных государственных образований».

Предложение Совета было принято Народным собранием. Парламентская комиссия была назначена. В нее вошли от правых депутат Руднев, от социалистического блока депутаты Кабцан и Николаев.

На Амур в Благовещенск ездить было не за чем: Амурская область сама прислала свою делегацию во Владивосток.

Для приема и переговоров с прибывающими во Владивосток делегациями других правительств Дальнего Востока из состава Совета управляющих ведомствами была выделена особая комиссия в составе: председателя Совета—Бинасика и управляющих ведомствами: иностранных дел—Виноградова, финансов—Циммермана и труда—Никифорова.

Таким образом, парламентская комиссия должна была поехать для переговоров в Читу, откуда, в свою очередь, для ориентировки и нащупывания почвы, приезжали: сначала генерал Никонов, а затем и министр иностранных дел Семенова генерал Хрещатицкий, сумевший установить довольно дружественные отношения не только с местными видными коммунистами, но и с представителем Верхнеудинского правительства—Шатовым. Первые переговоры комиссия имела на станции Хадабулак, куда выезжали представители атамана Семенова, а затем и в самой Чите, лично с Семеновым и некоторыми депутатами из наскоро собранного им народного собрания.

Основные условия переговоров не вызвали значительных разногласий, тем не менее, окончательных решений принято не было.

Затем, как выяснилось, комиссия проехала в сторону Верхнеудинска, где уже существовало особое правительство. Комиссия была задержана на раз'езде Гангота, где она была довольно сурово встречена местными представителями Верхнеудинской армии, и где оказалась вынужденной дожидаться прибытия делегатов из Верхнеудинска.

13-го августа председатель Совета управляющих ведомствами Приморья доложил Совету о пред'явленном японской дипломатической миссией в лице Мацудайра требовании Временному Правительству сообщить свое отношение к поведению делегации Народного собрания, подписавшей, по имеющимся у японской миссии сведениям, по требованию Верхнеудинского правительства декларацию «*О признании Верхнеудинского правительства Дальневосточным правительством со всеми вытекающими из сего последствиями*».

Заявление это вызвало чрезвычайно оживленный обмен мнений в Совете. Только коммунисты делали вид, что ничего особенного не произошло, и что комиссия, видимо, сделала то, что она должна была сделать.

Тем не менее, 17-го августа Совет управляющих ведомствами вынес постановление:

«Принимая во внимание, что 1) декларация, подписанная делегацией Народного собрания, выходит из пределов данных ей полномочий, что 2) установленные в декларации положения идут вразрез с принципами, положенными Правительством в основу переговоров по об'единению областей Дальнего Востока и получившими одобрение Народного собрания—Совет управляющих считает: а) дальнейшее пребывание делегации Народного собрания в Верхнеудинске излишним; б) признает необходимым послать для переговоров с Читинским и Верхнеудинским правительствами правитель-

ственную делегацию и в) считает вносимое в Народное собрание решение в отношении делегации Народного собрания вопросом доверия кабинету».

В своих переговорах новая правительственная делегация должна была руководствоваться следующими основными началами:

1. «Органом, призванным завершить об'единение Дальнего Востока и установить краевую (государственную) власть, признается Учредительное Собрание Дальнего Востока, созванное путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования всех граждан Дальнего Востока, с применением пропорционального представительства.

2. Об'ективные условия данного периода диктуют, в интересах прекращения гражданской войны и установления мира, неизбежную необходимость проведения демократической политики в рамках буржуазно-капиталистического строя.

3. Образование Дальневосточного государства рассматривается, лишь как временная мера, признаваемая необходимой в интересах сохранения для России Края, являющегося неот'емлемой частью единой России. Для переходного же периода Дальневосточное государство представляется самостоятельным государственным образование, об'единенным с советской Россией политическими и экономическими связями на началах договорных отношений.

Образование временной краевой власти (до созыва Учредительного Собрания) должно быть произведено на полномочной конференции представителей всех областных правительств, признающих указанные выше пункты, при чем конференция должна обладать полнотой прав в деле избрания того или иного способа организации власти.

Вместе с этим, как гарантия того, что намеченные пункты предварительного соглашения будут проведены в жизнь, признается необходимым еще до созыва конференции создание в каждой области народного представительства, пользующегося доверием всего населения соответствующей области и обладающего полнотой гражданской и военной власти».

Народное собрание согласилось с представлением Совета управляющих Комиссия Народного собрания была отозвана. Декларация, подписанная под большим нажимом Верхнеудинска, была признана *не имеющей силы* для Приморья.

Тем не менее первый шаг был сделан. Верхнеудинск определенно шел к захвату власти на Дальнем Востоке.

Внимание Приморья не могло долго останавливаться на этом вопросе. Во Владивостоке опять назревали тревожные дни.

Еще в начале июля особой декларацией генерала Ооя было об'явлено об оккупации северной части Сахалина. Политический представитель Японии сообщил о столь важном, остро затрагивающем интересы России, факте лишь в порядке простого осведомления. Факт оккупации ставился в связь с мартовскими событиями в Николаевске на-Амуре, во время которых погибло до 700 японцев, в том числе в полном составе и их местное консульство[310]).

События эти еще больше отразились на русском населении. Город Николаевск на-Амуре был превращен в развалины, часть жителей перебита, большинство совершенно разорены.

Об'явление оккупации, в связи с которой началось хозяйничанье японцев и в устьях Амура и на всем северном побережье, хозяйничанье, почти ликвидировавшее наш рыбный промысел в этих районах, вызвало всеобщее возмущение и ряд чрезвычайно резких заявлений, как со стороны правительства, так и Народного собрания.

Образована была комиссия для расследования николаевских событий. Вместе с комиссией подготовлялся к отправке запас продовольствия и

одежды для пострадавших. Японское командование всемерно тормозило отбытие снаряженого для этой цели парохода, и вообще осложняло все мероприятия, связанные с Николаевском на-Амуре.

Лишившиеся крова жители, были доставлены японцами в Приморье. Около 1500 чел. таких беженцев докатилось до Владивостока.

Начались довольно крупные осложнения и в Хабаровске. Опирающаяся на японское содействие, местная Городская Дума обнаружила все признаки явного игнорирования власти Временного Правительства. Дело дошло до открытого выступления, руководимого гр. Михайловым. Выступление, впрочем, вскоре было подавлено посланным в Хабаровск отрядом милиции. Городская Дума была распущена.

Еще ранее находившийся в Хабаровске уполномоченный Временного Правительства Уткин[311]) был убит группой военных по пути из Хабаровска во Владивосток. Погиб и следовавший с ним в поезде гр. Граженский.

Событие это, ясно указывавшее на наличие вооруженных, враждебных Временному Правительству военных групп в нейтральной зоне, являлось явным нарушением русско-японского соглашения. Японское военное командование, ответственное в силу этого соглашения за сохранность порядка в полосе вдоль железной дороги, на сделанное, в связи с отмеченным убийством, заявление ответило, что оно, идя навстречу Временному Правительству, отдало распоряжение всем частям японских войск, сохраняя нейтралитет и соблюдая высшую справедливость в отношении мирного населения, содействовать властям и милиции ликвидировать вооруженные группы преступного элемента.

Это, конечно, были только слова. При совершенно определенной поддержке японского же командования рос и укреплялся прочный антиправительственный очаг ярко семеновской ориентации, в Гродеково, откуда тянулись прочные нити во Владивосток и, в частности, как выяснилось потом, и к моему личному конвою.

«Самостийность» Гродекова пошла настолько далеко, что управляющий делами финансов Циммерман, в заседании Совета 13 августа заявил «о беспомощном положении таможенной охраны на станции Гродеково, в связи с бесчинствами семеновских войск».

Целый ряд «экспедиций», предпринимаемых резервом милиции, единственной вооруженной силой Правительства, неизменно сталкивался с незримым вмешательством третьей силы. Гродеково оставалось неуязвимым. Состоявшимся там казачьим кругом войсковым атаманом был избран полковник Савицкий. Высшее военное руководство было в руках полковника Савельева.

Борьба с Гродековым, которую вело управление внутренними делами, приняла затяжной характер. Руководители Гродекова оправдывали создание своей вооруженной силы, называемой ими «отрядом самообороны», необходимостью «ограждения поселков пограничной полосы от разграбления хунхузами», указывали, что «регулирование жизни войска в вопросах государственного значения составляет компетенцию управления военного ведомства», почему и просили меня «разрешение вопроса о войсковой само-

обороне взять на себя и тем самым, устранив вмешательство управляющего ведомством внутренних дел, разрешит его, с соблюдением интересов войска и государства»*).

Мне пришлось вмешаться в этот вопрос, обратить на него внимание японского командования. Положение несколько смягчилось.

В самом Владивостоке создалось такое же, как раньше в мае, напряженное настроение. Ползли слухи о новом готовящемся перевороте.

В ночь с 14 на 15 августа посыльное судно сибирской флотилии «Патрокл» было захвачено группой вооруженных людей и уведено в море. Командир судна и часть команды была в это время на берегу и с кораблем не ушли.

Произведенным судебной властью расследованием выяснилось, что «вооруженная группа людей, прибыв разновременно на судно, задержала и изолировала находившихся на «Патрокле» безоружных офицеров и команду, заняла все входы и выходы, поставила свою машинную команду и необходимых людей на палубу, отдала концы и вывела судно в море»...

Часть экипажа «Патрокла, не пожелавшая остаться на службе у захватчиков, была высажена на острове Аскольд, откуда ее доставил во Владивосток пароход добровольного флота «Чифу».

Преследовать было нечем. Морские военные суда были еще разоруженными. Характерно, что японское морское командование, несмотря на только что подписанное 10 августа соглашение, как будто проглядело уход «Патрокла» и делало вид, что ничего не знало об этой истории.

Утром 15 августа начальник штаба сибирской флотилии Тыртов, в виду неимения русских вооруженных судов, сделал заявление начальнику штаба командующего специальной японской эскадрой о задержании «Патрокла». Результата никакого не было.

28 августа я заявил командующему японской эскадрой, что «увод корабля сибирской флотилии я могу рассматривать, только как вооруженный грабеж, и, будучи совершенно уверен, что японские власти не дадут приюта лицам, захватывающим с оружием в руках русские корабли, вооружение которых находится на хранении у японского командования»... прошу «о задержании упомянутого судна в первом же порту его остановки и о возвращении его во Владивосток сибирской флотилии».

Адмирал Кавахара ответил мне, что «опросом состава команды установлено, что захвата судна нет» и что о «результатах дознания сделано извещение нашему морскому агенту в Токио».

Ответ этот не оставлял сомнений в роли японцев при уводе судна. Они не только знали о месте его нахождения и не только успели поговорить с его командой, но не находят в этом факте никаких признаков вооруженного захвата, предотвратить который Временное Правительство не имело

*) Рапорт войскового правления Уссурийск. каз. войска командующему войсками Приамурского военного округа и управляющему военным и морским ведомством 1 окт. 1920 г. № 1078. По старым царским законам, все казачьи войска и в гражданском отношении находились в ведении военного министерства.

возможности, так как оно ими же, японцами, было лишено необходимых для этого средств.

Таким образом, опираясь на соглашение 29 апреля, и, торгуясь из-за возвращения каждого штыка и патрона для вооруженной силы Временного Правительства, японское командование совсем забывало то же самое соглашение, допуская наличие третьей вооруженной силы и в городах и в нейтральной зоне вдоль железных дорог.

Ряд других более мелких осложнений чрезвычайно тормозил работу, порождая нервность и неуверенность среди служащих и населения в каждом следующем дне.

Для меня лично возникал опять весьма сложный, хотя и не новый уже, вопрос о каппелевской армии.

В средине августа прибыл во Владивосток генерал Дитерихс, как уполномоченный Дальневосточной Российской армии. В своем заявлении председателю Совета управляющих ведомствами Бинасику он указывал, что «складывающаяся обстановка на Дальнем Востоке может понудить Дальневосточную Российскую армию, состоящую под командованием генерал-лейтенанта Лохвицкого*) оставить пределы Забайкалья до разрешения конференцией вопроса об об'единении областей Дальнего Востока» и, что армия уполномочила его «путем непосредственных переговоров с Владивостокским правительством выяснить, на каких договоренных условиях могло было состояться соглашение для перехода армии на территорию Приморской области».

При заявлении были приложены и выставленные армией условия соглашения, из которых наиболее существенны:

«армия признает правительство национальное, некоммунистическое и независимое от ныне существующей советской власти в Европейской России»;

«армия подчиняется только главе правительства, сохраняет свою автономную организацию и руководствуется положением о полевом управлении войск» и т. д.

Этот чрезвычайно важный и сложный вопрос подлежал предварительному обсуждению особой комиссии**) под председательством Бинасика, из управляющих ведомствами иностранных дел, финансов и труда.

Дело это, однако, приняло чрезвычайно медленный темп. Между тем, с Дитерихсом вышло некоторое осложнение. Как оказалось, он выписал из Харбина четырех офицеров, двух солдат и двух мальчиков, которые на купленной ими моторной лодке и шкуне должны были обучаться рыбной ловле. Работа пошла, видимо, несколько в ином направлении, и 20 августа все рыболовы были арестованы агентами государственной охраны.

Дитерихс горячо протестовал, заверяя, что его люди никогда в подпольных переворотах участия не принимают, и «если мы боремся, то боремся в открытую, а не из-за угла. Арестованные в конце -концов были освобождены, но и рыбаловная затея также должна была прекратиться.

Эта история, конечно не ускорила переговоров и они постепенно были заслонены другими надвигавшимися событиями.

---

*) Сменил уехавшего в Европу генерала Войцеховского.

**) См. стран. 366.

В августе-же чрезвычайно обострилось положение в Анучино. Находившиеся там войска начали высказывать явное неповиновение Владивостоку. Орудовавший в Анучино партизан Шевченко, не только не подчинялся назначенному Владивостоком начальнику, но и грозил короткой расправой политическим уполномоченным. Злостная задержка с продовольствием для Анучинского гарнизона еще более обострила положение[312]).

В дело вмешалось Народное собрание. Левое крыло грозило мне запросом. Наоборот, справа возмущались «подкармливанием бунтовщиков». Буржуазная часть Совета министров ультимативно потребовала самого решительного ограничения прав института политических уполномоченных при войсках*) и подчинения его управляющему военно-морскими делами.

Целую бурю с правой стороны вызвало и мое разрешение на вывоз для Благовещенского гарнизона кожи и бензина. Вопрос этот управляющим финансами был внесен на пленум Народного собрания. Это вызвало, наконец, мою резкую отповедь. Страсти несколько улеглись.

Благодаря сильному партийному нажиму рассосалась острота и в Анучино.

Внимание обывателя значительно отвлекалось угрозой начавшейся сильной эпидемии холеры.

При всей густоте туч, собравшихся в августе над Приморьем, грозы все-таки не последовало, но трещина между коммунистами и правыми группировками значительно увеличилась. Это отразилось и на работе Совета управляющих, где усилились противоречия и возросла взаимная подозрительность. Стало более трудным и положение срединных связующих элементов.

В буржуазной части Совета управляющих начало возникать сомнение в целесообразности их вхождения в кабинет и разделения ответственности за чужую, в конечном выводе, политику. Так, 24-го августа, «вследствие совершенно исключительных обстоятельств, совершенно личного характера», ушел с поста управляющего делами торговли и промышленности Б. Ю. Бринер, а через месяц с небольшим покинул свой пост и управляющий иностранными делами В. А. Виноградов. Причина ухода последнего—расхождение в вопросах русско-китайских взаимоотношений. Окрыленное доброжелательным вниманием Москвы, подтвердившей нотой своего представителя Карахана в марте 1920 года суверенитет Китая в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги и отказ от причитающейся России части Боксерской контрибуции, китайское правительство об'явило о закрытии русской миссии в Пекине.

Китайский консул во Владивостоке дал слишком распространительное толкование этому акту и декларировал, в связи с закрытием русской миссии, отмену экстерриториальности русских граждан в Китае.

Виноградов считал необходимым заявить решительный протест по поводу этой отмены, но его непосредственный помощник Сквирский, ру-

*) Права полит. уполномоченных были ограничены—правом дачи заключений о кандидатах на командные должности, осведомлением о настроениях в армии, в связи с основными моментами политической жизни и культурно-просветительной работой. Вопрос этот затянулся.

ководившийся значительно более указаниями Дальбюро ЦК РКП, нежели политикой своего шефа, был иного мнения в этом вопросе и добился не только значительного смягчения тона протеста, но и приложения к нему пожелания о своевременности пересмотра в благожелательном для Китая духе всех прежних договоров с царским правительством, так или иначе унижающих суверенитет Китая. Точка зрения Сквирского нашла поддержку в лице председателя Временного Правительства и председателя Совета управляющих.

Китайский консул весьма ловко использовал и этот случай: в своем ответе ведомству иностранных дел Приморья, он совсем обошел молчанием вопрос о протесте и с удовлетворением подтвердил только факт получения заявления о желательности пересмотра договоров.

Ввиду усиливающегося международного влияния в Харбине и несколько сомнительных претензий Франции в отношении Восточно-китайской железной дороги, наметившаяся политика в отношении Китая казалась вполне целесообразной. Левое крыло Совета, разделявшее эту точку зрения, оказалось в большинстве. Оно не считалось с теми практическими последствиями, которые самым тяжелым образом отразились на живших на территории Китая русских подданных, сейчас же вслед за обнародованием отмены экстерриториальности, как-то: уничтожение русских судов, консульской защиты, подсудность русских граждан китайскому суду со всеми его своеобразными особенностями и проч.

Виноградов оказался в меньшинстве и ушел с своего поста.

Вышел из состава кабинета и Исакович, а затем и Циммерман. Это в связи с общими условиями вызвало кабинетский кризис, однако, в виду непринятия председателем Временного Правительства прошения об отставке всех членов кабинета и, имея в виду срочную и неотложную необходимость разрешения вопроса по об'единению Дальнего Востока, решено было «поручить председателю Совета обратиться к Народному собранию с представлением об условиях, при которых возможно продолжение деятельности Совета управляющих в прежнем его составе».

Вместо ушедшего И. И. Циммермана [313]) в управление делами финансов вступил А. И. Погребецкий.

С уходом чехов интервенция становилась чисто японской. Более или менее влиятельные представительства оставались у американцев и англичан, но и они постепенно сводились к нормальным консульствам, занятым, главным образом, вопросами экономического характера и разбором бесчисленных претензий граждан этих государств по прежним обязательствам различных бывших здесь правительств.

VI.

Разгром Семенова в Забайкалье. Правительственная делегация в Читу. Очищение японцами Хабаровского района. Активность Амурского правительства.

Середина и конец октября ознаменовались целым рядом событий, имевших весьма серьезные последствия для Приморья, а в частности и для Временного Правительства.

Верхнеудинское правительство, так своеобразно заявившее в Ганготе о своих претензиях на власть над всем Дальним Востоком, решительно перешло к реализации этих претензий.

При его содействии партизанское движение в Забайкалье, подкрепленное и другими замаскированными силами, оказалось настолько значительным, что могло смело начать штурм семеновской Читы. Скопившаяся здесь, так называемая, Дальневосточная Российская армия*), возглавляемая генералом Лохвицким, не имела особой склонности к защите Семенова.

При ее первом появлении в Забайкалье, под командой генерала Войцеховского, не исключалась даже возможность свержения ею власти самого атамана Семенова. Обычная между антисоветскими группировками вражда нашла себе место и в Чите. Стороны в конце-концов помирились, но все же из предосторожности значительная часть Дальневосточной Российской армии была выведена из района Читы и разбросана вдоль железно-дорожной линии Чита-Манчжурия, Карымская-Сретенск.

По вине ли командования, или по другим причинам разброска этой армии была настолько не согласована с элементарными боевыми требованиями, что в постигшую ее в скором времени критическую минуту, она не была в состоянии развить всей присущей ей энергии.

Дружными, хорошо организованными, усилиями «партизан» Чита была быстро ликвидирована. Семенову удалось улететь на аэроплане.

Окрыленной успехом, партизанский удар направился против разрозненных частей армии Лохвицкого. Они оказывали мужественное сопротивление, но почти всюду попадали в состояние полного окружения.

Оттесняемая по частям армия вскоре очистила важнейший узел— ст. Карымскую и с боем начала отходить к китайской границе в общем направлении к ст. Манчжурия.

---

*) Остатки быв. колчаковской армии, называвшейся чаще «каппелевской армией» в память недавно погибшего ее вождя.

Находившиеся в Забайкалье японские войска хранили нейтралитет и, действительно, совершенно не противодействовали разгрому Семенова. Японцы были связаны Ганготским соглашением 17 июля 1920 года.

Наскоро образовавшаяся в Чите власть, из состава того же Верхнеудинского правительства, получила теперь свободный доступ и к дружественному ей Амуру, а создавшийся вскоре Амурский фронт быстро продвинулся уже и к северным пределам Приморья, к Хабаровску.

Момент был чрезвычайно удобный. Япония решила эвакуировать северную часть Приморья—всю полосу к югу от Хабаровска до Имана. Открывалась полная возможность захвата Хабаровска амурскими войсками, т. е. упрочение влияния Читы-Верхнеудинска и в значительной части Приморья.

Во Владивостоке в это время назревал правительственный кризис. С выходом из Совета буржуазной части его состава значительно ослабла оппозиция и в тоже время укрепилось то течение, для которого план, проводимый новой Читой, не был враждебным. Это окрыляло читинских руководителей и усиливало их энергию и стремительность в проведении общего широкого плана. Им усердно помогал в этом находившийся в то время в Чите член Совета управляющих Приморья, вошедший затем и в состав делегации П. М. Никифоров.

С захватом Верхнеудинском Читы мысль о Владивостоке, как пункте с'езда делегатов конференции по избранию Дальневосточного правительства, отпала. Таковым пунктом была назначена Чита, куда и должна была направиться Приморская правительственная делегация.

В состав таковой были избраны: председатель Совета—Бинасик, управляющие ведомствами: труда—Никифоров, юстиции—Трупп и два члена Народного собрания—Кабцан и Румянцев; первый—участник Ганготского соглашения, второй—председатель крестьянской фракции большинства, всецело руководимый коммунистами, сам по себе человек незначительный, но фанатичный исполнитель чужих руководящих указаний.

Делегация эта, соглашения которой подлежали ратификации Народного собрания, получила дополнительную директиву, которой указывалась: *«невозможность образования центрального правительства в Чите до приезда делегации Временного Правительства»*).

Допускалось лишь возможным: *«образовать исполнительные комиссии для работ делового характера в зависимости от практических потребностей в следующем смысле: впредь до окончания работ конференции, в целях согласования практической работы областных правительств по отдельным отраслям управления учреждаются особые согласительные комиссии, состоящие из представителей всех областных правительств и действующих по директивам последних. Решения этих комиссий обязательны для отдельных областей и в пределах территории последних, лишь с согласия подлежащих правительств или их представителей».*

---

*) О таковом намерении со стороны Читинской конференции, на которой успели «появиться» представители Амура и даже Камчатки и Сахалина, уже были сведения (см. Приложение № 3).

За от'ездом Бинасика председательствование в Совете было возложено на меня, но для большего спокойствия Совет, под влиянием социалистического блока Народного собрания, провел в состав Совета членом без портфеля Б. М. Берлацкого, как моего заместителя.

Делегация выехала в Читу через Хабаровск*), где была уже другая ранее отправленная делегация в связи с предстоящим очищением японцами Хабаровска.

Комиссия эта в составе уполномоченного правительства Цейтлина и представителя командования полковника Петрова выехала в Хабаровск в первых числах октября. Комиссия была снабжена особой инструкцией для переговоров с амурскими властями и командованием, которой указывалось добиться от Амурского правительства возвращения в Хабаровск 2 пехотных полков и инженерного дивизиона, ушедших за Амур после японского выступления 4-6 апреля, с включением их в состав войск Временного Правительства, после чего все войска Хабаровского района должны были составить особую группу, подчиненную через ее начальника командующему сухопутными и морскими силами Временного Правительства (Владивостокского).

Комиссия была отправлена в Хабаровск заблаговременно, чтобы иметь возможность до ухода последнего эшелона японцев занять этот город батальоном, перебрасываемым для этой цели из Имана, и кавалерийским полком из Анучино, а равно добиться заблаговременно освобождения всех грузов военного и морского ведомства, находившихся в Хабаровске.

7-го октября имелось донесение из Хабаровска, что оттуда ушли китайские канонерки и транспортные суда, с которыми выехали иностранцы и часть русских. Появились тревожные сообщения о появлении в Хабаровском районе больших шаек хунхузов. Обнаружились в значительном числе и партизаны. На собрании их начальников обсуждался даже вопрос о вводе партизан в город.

21-го октября из Хабаровска ушел последний эшелон японцев. Охрану города немедленно приняли на себя прибывшие роты пехотного (Ракитинского) батальона и резерв милиции. Начальником гарнизона был полковник Брокер. Гражданское управление находилось в руках уполномоченного Временного Правительства Милеева.

Одновременно с войсками Временного Правительства начали входить в город и Амурские войска в составе пехоты, конницы, артиллерии и железно-дорожного батальона, в значительно большем, по сравнению с войсками Временного Правительства, числе.

Уполномоченный Приморья Цейтлин, имевший уже беседы с Амурским правительством и командованием, и лично видевшийся с ними, почему-то без своего военного сочлена, видимо, не возражал против входа амурцев в Хабаровск и вообще не особенно придерживался данной ему инструкции.

Еще 20 октября ему было приказано:

1) Потребовать категорического в полном смысле подчинения войск, перешедших на территорию Временного правительства, при чем никакие оперативные дей-

*) Установилось безопасное сообщение по Амурской жел. дороге.

ствия не являются допустимыми без разрешения здешнего (т. е. Владивостокского. В. Б.) командования.

2) Никаких изменений в порядке гражданского управления путем вмешательства военных властей.

3) Резерв милиции Хабаровской и Иманской должны использоваться по своему прямому назначению в этих пунктах и ближайших окрестностях.

Борьба же с хунхузами должна быть возложена исключительно на воинские части, в частности на Ракитинский батальон... и Забайкальский казачий полк, переводимый из Анучино.

4) Использование военного имущества в Хабаровске только с разрешения командующего войсками (Приморья.—В. Б).

Однако, к этому времени произошел не только ввод значительных вооруженных сил Амурского правительства в Хабаровск, но и смена начальника гарнизона этого города и даже отправка Ракитинского батальона на охрану железной дороги к югу от Хабаровска, а резерва милиции на борьбу с хунхузами.

В связи с этим Цейтлин докладывал, что сообщенные ему 20 октября условия являются неприемлемыми для Амурского командования, но что оно отнюдь не будет вмешиваться в вопросы гражданского управления и что требуемое подчинение амурских войск Приморскому командованию будет осуществлено через прибывающего в Хабаровск начальника Амурской дивизии—Флегонтова.

Флегонтов действительно рапортовал о прибытии его частей в Хабаровск, а его начальник штаба докладывал о тяжелом положении с обмундированием и продовольствием, а также о недостатке денежных средств.

Все это, конечно, умно и умело проводимые формальности, за которыми совершенно определенно стоял голый факт захвата северной части Приморья и Хабаровска с его значительными еще запасами всевозможного имущества[314]).

Последнее крутое средство—лишение полномочий и вызов во Владивосток Цейтлина, явно проводившего чьи-то иные указания, посылка вместо него новой комиссии в составе полковника Бутенко и Кашкадамова, наконец, новое подтверждение Совета управляющих ведомствами о категорическом прекращении дальнейшего ввода амурских войск—было только повисшем в воздухе жестом.

Физическая сила была на стороне амурцев, которые прекрасно к тому же понимали, что Приморское Правительство с ними *воевать не будет.*

Это ясно подтверждалось сообщением от 1 ноября, полученным из Хабаровска от председателя едущей в Читу правительственной делегации Приморья—Бинасика.

Он вскользь касался коренного вопроса о подчинении амурских войск, считая его «целиком делом генерала Болдырева», об'яснял все недостатком взаимной информации и ориентировки. Полагал возможным пересмотр вопроса о снабжении войск Амурского правительства, обусловленного требованием полного подчинения (единственное средство воздействия на амурцев). Считал неотлагательным обмен амурских денег и отпуск 40 тысяч серебра (при и без того безнадежно падающем курсе буферок). И в за-

ключение считал работу Цейтлина и его дальнейшее присутствие в Хабаровске пока необходимым.

Этим в сущности все и кончилось. Весь север Приморья до р. Уссури—линия передовых частей японцев—переходил в подчинение и обладание Амурского правительства. Фонды Приморья значительно понизились. Перед столь быстро усилившейся Читой, оно, в лице коммунистического большинства Народного собрания, представлялось уже обедневшим и почтительным родственником.

VII.

Образование Дальневосточной Республики («ДВР»). Проникновение Каппелевской армии в Приморье. Моя отставка.

Владивосток. 1-го ноября.

Был американский представитель г. Смитт—утверждает возможность полного ухода японцев. Обычные намеки на необходимость финансовых и экономических мероприятий, но ничего реального, кроме враждебного отношения к закреплению здесь английского и японского капитала.

В 12 часов первое заседание президиума Совета управляющих под моим председательством. Долго обсуждался вопрос о вывозе заграницу серебра—последняя попытка в борьбе за понижение курса «буферок».

Разрешение англо-японской кампании занятия горными изысканиями на Сахалине—это проба, как отнесутся к этому японцы, сообщившие о состоявшемся занятии ими русской части Сахалина лишь в порядке простого осведомления.

Представитель войскового правления Уссурийского каз. войска настойчиво просил оружия для борьбы с хунхузами в Бакинском округе.

Вечером говорил по прямому проводу с Хабаровском. Посланные туда на замену Цейтлина Бутенко и Кашкадамов подтверждают ввод амурских войск в город. Договор о подчинении этих войск Приморскому командованию (о подчинении естественно формальном) амурское командование, в лице политического комиссара Постышева, согласно подписать лишь из-за угрозы возможного вмешательства третьей стороны, т.-е. японцев. Положение было совершенно ясным, но присутствовавший вместе со мной у аппарата управляющий внутренними делами В. Я. Гуревич не сознавался еще в утрате Хабаровска. Он долго наставлял Кашкадамова: «вы поняли, что... мы имеем в виду подчинение не формальное, но фактическое, хотя понимаем необходимость конкретных оговорок и уступок».

Последняя фраза губила все и с головой выдавала уступчивость строптивого министра.

Положение действительно было ясным, и события ушли гораздо дальше вопроса с Хабаровском.

Уже вечером 29 октября, т.-е., когда приморская делегация еще не выехала даже из Владивостока, ей пришлось рассматривать изданную в этот день Читой «Декларацию конференции об'единенных областей Востока»*).

---

*) Полный текст декларации см. Приложение № 3.

Присланный текст декларации сопровождался, между прочим, заявлением находившегося уже в Чите члена делегации П. М. Никифорова. В этом заявлении Никифоров, считая для себя *необязательными* директивы Временного Правительства, попросту требовал от своих, остававшихся еще во Владивостоке, сочленов по делегации телеграфных подписей под декларацией Бинасик, Трупп, Кабцан и на все давно уже согласный Румянцев, поездка которых в Читу превращалась, таким образом, в простую прогулку, тем не менее добросовестно штудировали декларацию и выработали целых 10 пунктов с поправками к ней. Они решились даже пожурить своего нарушившего наказ сочлена Никифорова и постановили, что: «его действия и заявления, идущие вразрез с директивами Правительства, не будут и не могут быть признаны обязательными ни для Правительства, ни для Народного собрания»...

В этот же вечер делегация выехала через Хабаровск в Читу.

Что в Чите довольствовались наличными представителями и не особенно дожидались приморской делегации, видно из вступительных слов декларации:

«Мы, уполномоченные представители *всего* населения и *всех* областей Дальнего Востока, именем народа, нас избравшего, и правительств, нас делегировавших, торжественно заявляем»... и далее: «доведенный до отчаяния народ через избранных своих представителей постановил».

Основные положения декларации были таковы: *)

1. «Вся территория бывшей Российской империи к востоку от р. Селенги, оз. Байкала до Тихого океана, включая области: западно-Забайкальскую, восточно-Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин, Камчатку, об'является независимой самостоятельной Республикой (ДВР).
2. Все права бывшей Российской империи в полосе отчуждения Восточно-Китайской желдороги переходят ДВР.
3. На территории ДВР устанавливается республиканско-демократическая власть.
4. Все вооруженные силы отдельных областей должны подчиниться единому командованию при Центральном Правительстве.
5. Всем офицерам, солдатам армий Колчака, Каппеля, Семенова гарантируется неприкосновенность, возможность возвращения к мирному труду и своим семьям.
6. Для выработки основных законов страны созывается Народное Учредительное Собрание по закону, выработанному конференцией на основе четырех-членной формулы и пропорционального представительства и не позднее шести недель со дня опубликования закона.
7. Конференция выделяет Центральное Правительство из своей среды, которое устанавливает гражданские свободы, сохраняет институт частной собственности.
8. С момента образования Центрального Правительства областные правительства переходят на роль областных учреждений.
9. Устанавливаются дружественные отношения со всеми соседними государствами.
10. Признается автономия населяющих ДВР народностей».

В утешение Приморья и его делегатов добавлялось, что заседанием чичинского Народного собрания 1 ноября принято постановление «о воздержании от ответственных работ в конференции до прибытия делегатов Владивостока». Это звучало иронией после принятия такого акта, как декларация.

---

*) Из телеграммы № 0538 от 1 ноября Верхнеудинскому и Благовещенскому Советам министров.

В сообщениях Читы обрисовывалась и боевая обстановка к 30 октября.

«Группа Каппелевских войск генерала Бангерского, после удара партизанских частей, пошла на Акшу. Группа Унгерна потерпела сильное поражение в районе западнее Акши. Манчжурская группа, расположенная в районе Оловянная—ст. Манчжурия, потеряв связь по фронту, благодаря смелым набегам партизан, проявляет плохо организованную активность. Партизанские части, очистив район восточнее Карымской, ведут наступление, конница преследует отступающего противника в районе Могойтуй, который занят нами».

Таким образом, смелая политика вдохновителей и руководителей Читинской конференции опиралась на несомненный успех над разбросанной, дерущейся по частям каппелевской армией и на столь же несомненный доброжелательный «нейтралитет» японцев, связанных соглашением в Ганготе.

Из ряда переговоров Владивостока с членами делегации, связавшимися из Хабаровска с Читой, выяснилось, что поправки к декларации, которым делегация придавала особое значение и которые, через находившегося в Чите Никифорова, были доложены конференции, совсем пока не обсуждались.

Кроме того, стало известно, что конференцией выделен Деловой Президиум из семи человек, который в течение семи дней будет решать неотложные дела и должен будет выработать проект конституции центрального Правительства. Передавали также, что крестьянская фракция читинского Народного собрания будто-бы заявила, что если приморские делегаты в течение этих семи дней не явятся в Читу, все вопросы, в том числе и состав Правительства ДВР, будут решены без них.

При первом же зачитывании декларации, с.-д. (меньшевики) заявили причины, по которым они откажутся от вхождения в Правительство, но обещали ему «поддержку во всех шагах по проведению демократической программы».

В состав вр. Делового Президиума правительства Дальневосточной Республики были избраны: председатель А. Краснощеков и члены—Иванов, Матвеев, Бреусов, Никифоров (делегат Приморья), Анисимов и Кузнецов.

Изданным президиумом актом «о принятии власти» от 1 ноября 1920 года, адресованным всем областным правительствам, гражданским и военным правительственным учреждениям, партизанским отрядам и всем гражданам Дальнего Востока, об'являлось:

1) «Волею всего народа, выраженной на конференции в городе Чите через представителей об'единенных областей Дальнего Востока, по декларации от 29 октября сего года, вся территория от Байкала до Тихого океана об'является независимой Дальневосточной Республикой.

2) Согласно декларации конференции от 20 октября сего года и единогласного постановления конференции от 30-го октября сего года, вся полнота власти гражданской и военной на Дальнем Востоке, впредь до утверждения постоянного состава президиума правительства, вручается временному Деловому Президиуму правительства Дальневосточной Республики.

3) С 1-го ноября 1920 года временный Деловой Президиум правительства принимает на себя всю полноту общегосударственной власти, а потому существующие правительства территории Дальневосточной Республики теряют свои общегосударственные функции и превращаются в органы общественного управления.

4) Все вооруженные регулярные силы переходят в подчинение единого высшего командования при правительстве Дальневосточной Республики.

5) Всем партизанским вооруженным силам и остаткам армий Колчака, Семенова и Каппеля, где бы они на территории Дальневосточной Республики не находились, предлагается немедленно отдать себя в беспрекословное распоряжение главного командования или сложить оружие».

И этому акту, как и «декларации» конференции, нельзя отказать в категоричности и решительности.

Психологическая сторона момента учтена превосходно. Язык точный, краткий и понятный.

Владивосток. 2 ноября.

По докладам начальника штаба и главного начальника снабжений, отовсюду стон из-за недостатка средств. Финансовая депрессия, между тем, продолжается с непреклонной настойчивостью. Наше серебро (японской чеканки) упало до 16-20 сен. (18-19 коп.) за рубль, несмотря на то, что анализ подтверждает его стоимость, как металла в 48-49 сен.

Американский военный департамент пред'явил требование к Союзу маслоделов на 2 милл. долларов (4 милл. рублей).

Союз уже ликвидировал большую часть взятых у американцев товаров, но расплатиться не может. Назначенная ревизия тянется бесконечно.

В президиум Совета управляющих поступило заявление о сложении своих полномочий финансово-бюджетной комиссией Народного собрания из-за непредставления Советом управляющих плана финансово-экономической политики.

Депутат Прокофьев готовит запрос по поводу катастрофы с серебром.

Ввиду этого решили занять Народное собрание законом о борьбе со спекуляцией, где по привычке будет упражняться словоохотливый В. Я. Гуревич.

По запросу о серебре выступил новый управляющий финансами Погребецкий.

Финансово-бюджетную комиссию решено успокоить обещанием представить ей финансовый план через 10 дней. Берлацкий, подавший эту мысль, справедливо заметил, что, при сложившихся политических условиях, может быть, через 10 дней не понадобится и самого плана.

По слухам, в Чите не оставлена еще надежда видеть там меня в роли военного министра.

Генерал Андогский усердно сватает Чите военную академию и, конечно, ввиде приданного—самого себя[315]).

Японцы будто бы отзывают из Читы их дипломатического представителя Ватанабе и военную миссию. Кое-кто расценивает это, как нежелание встречи с прибывающим на восток Караханом—полномочным представителем Москвы.

Одобрил предложения Бутенко и Кашкадамова, направленные Трилиссеру (председателю Амурского правительства) в связи с Хабаровским вопросом. Разрешил им, если это будет необходимо по ходу дела, поездку в Благовещенск. Путь дальний, поездка сложная и не из приятных.

В Совете очень активен Б. Е. Сквирский, фактически ведающий, с уходом Виноградова, иностранными делами. Всецело работает на коммунистов, хотя и не принадлежит к их партии. Он имеет большое влияние на председателя Вр. Правительства А. С. Медведева[316]).

Владивосток. 3-го ноября.

На улице снег и тайфун. Мелкие просители и дрязги. В Чите кипит работа. Деловой Президиум усвоил решительность и энергию конференции. Дождем посыпались декреты. По телеграфу получен важнейший закон о свободном хождении на территории Дальневосточной Республики всех денежных знаков, в том числе и советской России, кроме колчаковских.

Этот бумажный вихрь в условиях Приморья не мог быть реальным, как не был реальным и целый поток приказов и распоряжений агентов новой центральной власти, о которой Вр. Правительство Приморья не имело никаких официальных извещений от своей полномочной делегации, ехавшей выбирать эту власть, и которая при всей обещанной «срочности» ее доставки все еще не могла докатиться до Читы.

Если вр. Деловой Президиум ДВР адресовался пока во Владивосток к «Приморскому Областному Правительству», то бесчисленные «Чупеваки», «Чуснабармы» и др., совершенно неведомые для Приморья агенты Читы, слали свои, непременно внеочередные, телеграммы-приказы просто: «Председателю Земской Управы» и только.

Все это вносит сумятицу в умы. Закон о свободном хождении денежных знаков вызвал запрос в Народном собрании «о безусловно незакономерных действиях управляющего делами труда Никифорова»,—теперь члена вр. Делового Президиума,—подписавшего этот закон.

Тем не менее декреты и приказы поступают. «Руста» (русское телеграфное агентство) их усердно печатает. Гуревич опаздывает с запрещениями, а общество недоумевает и негодует.

На экстренном заседании Совета управляющих опять обсуждали меры для удержания курса серебра.

Обед у дипломатического представителя Японии г. Мацудайра. 10-го он покидает Владивосток, уезжает в Японию на новый дипломатический пост. Речи. Приветствия. Управляющий ведомством путей сообщения Кушнарев (коммунист) просил передать в Японии, каковы большевики на самом деле,—на что Мацудайра остроумно ответил, что он «не предполагает заниматься в Японии пропагандой большевизма».

События в Чите, целый ряд постановлений новой власти, в сущности упразднивших уже и Вр. Правительство и Народное собрание Приморья, побуждали выявить то или иное отношение и к событиям в Чите, и к выпущенным ею постановлениям.

5-го ноября, после долгих и жарких прений, Совет управляющих, наконец, выявил это отношение.

«Всемерно стремясь к возможно скорому прекращению гражданской войны, об'единению областей и созданию центрального органа управления», Совет управляющих признавал:

1) «Что акт от 2 ноября временного Делового Президиума об образовании центрального Правительства и о роспуске с 1-го ноября с. г. областных временных правительств является преждевременным, так как, за отсутствием на конференции делегации Приморского правительства, не соблюдено обязательное условие, гарантирующее не только форму, но и существо об'единения—добровольный сговор областей.

2) Что правительство уполномочило входить в соглашение от его имени на конференции делегацию в целом, но не отдельных членов ее.

3) Что роспуск правительства принадлежит компетенции органов народного представительства там, где, как во Владивостоке, они имеются».

и постановляет:

1) «Впредь до достижения соглашения делегации Временного Правительства признать акты вр. Делового Президиума в Чите не имеющими обязательной силы на территории Приморского Временного Правительства.

2) Всем учреждениям на территории Приморского Вр. Правительства предложить и впредь выполнять распоряжения Совета управляющих ведомствами, который в свое время по достижении соглашения на конференции и по ратификации этого соглашения Народным собранием, не замедлит сложить свои полномочия, передав власть центральному Правительству Дальнего Востока».

Этот открытый «бунт» Владивостока несколько очистил атмосферу, внес некоторую устойчивость в работу государственных учреждений и в жизнь населения, но, конечно, не изменил хода событий, хотя и замедлил их темп.

Постановление Совета управляющих дало повод для новой агитационной волны. Появился ряд негодующих телеграмм, осуждающих «предательство» Владивостока.

Чита продолжала посылать декреты. Так, был получен декрет о порядке выдачи валюты из государственного банка и казначейств (каждый раз по разрешению правительства ДВР) и другие.

Судьба приморской делегации, застрявшей где-то на Амурской железной дороге, также начинала беспокоить Владивосток.

Постановление Совета управляющих Приморья от 5-го ноября, в свою очередь, раздражило Читу.

Явилась потребность для беседы. Председатель правительства ДВР Краснощеков говорил по аппарату с заместителем председателя Совета управляющих ведомствами Приморья—Берлацким. Присутствовали Гуревич и Кушнарев.

Оказалось, что приморская делегация находится еще далеко от Читы на ст. Куэнга.

На фронте регулярные части и железнодорожные войска Читы заняли ст. Оловянную и Онон. Южнее идет борьба между партизанами и Семеновым за обладание Борзинским трактом.

Читинское Народное собрание само распустилось. То же сделало и Верхнеудинское правительство, выделившее областное правление западного Забайкалья.

Краснощеков негодовал на демонстрацию и неподчинение Владивостока, мешающие «так необходимому сейчас формальному об'единению».

Берлацкий заметил на это, что положение Приморья требует «сугубой осторожности и большого внимания к тем позициям, какие мы здесь зани-

маем», и что только по приезде нашей делегации «конференция сможет разобраться в Приморском вопросе, разобрать сложный узел и совместно с ней найти ту или иную линию, которая действительно явится линией фактического об'единения края. Без этих моментов до приезда делегации и участия ее в работах конференции Правительство наше считает работу конференции *предварительной*».

Гуревич добавил, что в Приморье сейчас приходится иметь в виду и опасность «толкнуть вправо умеренно-буржуазные группировки и уничтожить демаркационную линию, которая отделяла их от воинствующей реакции».

Краснощекова, видимо, нисколько не убедили эти соображения. Он ответил, что ему достаточно известно положение во Владивостоке (в этом, конечно, нельзя было сомневаться).

«Вы»,—продолжал он,—«с такой же таинственной и сугубой осторожностью подходили к Хадабулаку*) и Чите... приезд вашей делегации не изменит положения... в понедельник вопрос будет решен, и спор будет иметь только исторический характер».

11 ноября удалось связаться по аппарату с приморской делегацией, докатившейся, наконец, до Читы.

Делегация несомненно опоздала. Из сообщения ее председателя Бинасика было ясно, что делегация не смогла даже сделать заявление от имени Вр. Правительства, и что и Совету управляющих и Народному собранию Приморья придется сделать одно: выяснить свое отношение к вновь избранному в Чите Правительству. Делегация была поставлена перед фактом избрания этого Правительства.

По принятому проекту Краснощекова, являющегося фактическим творцом читинских событий, правительство ДВР составляла *семерка,* обладающая всей полнотой законодательной и исполнительной власти, при ней, ею же назначаемый, Деловой Совет министров.

В состав Правительства вошли: Краснощеков, Матвеев, Никифоров, Румянцев, Иванов, Бреусов и Кузнецов. Таким образом, и второй член делегации—коммунист Румянцев, оказался в составе правительства ДВР. Человек незначительный, он тем не менее был нужен в этот момент для нажима на фракцию крестьянского большинства приморского Народного собрания. По миновании надобности, он быстро был снят с своего высокого поста и великодушно возвращен Владивостоку.

Остальные три члена делегации были в оппозиции краснощековскому проекту и не только теряли значение, но вместе с ним и необходимую возможность сношений с пославшим их Правительством.

Им всегда приходилось очень торопиться при пользовании телеграфом, или что было еще чаще—таковой при их появлении оказывался занятым.

11 ноября был сформирован и Совет министров в числе 13 человек. Краснощеков принял на себя ведение иностранных дел, Никифоров—государственно-политическую охрану и Румянцев—социальное обеспечение.

---

*) Поездка первой парламентской делегации Приморья.

Самостоятельная позиция Владивостока явилась досадной задержкой в той работе, которую, надо в этом признаться, до сих пор блистательно выполнял Краснощеков. В сложной обстановке он оказался твердым реальным политиком, неуклонно идущим к поставленной цели.

Упорство Владивостока надо было ликвидировать. Для этой цели были пущены в ход все так или иначе полезные силы: пресса, Народное собрание, профсоюзы, партизаны и пр.

Результаты почувствовались незамедлительно. Местные большевики решили 13-го приступить к выборам областной «семерки» и ликвидации Народного собрания.

Владивостокская милиция заявила о подчинении Чите. Действительно, инспектор милиции, как оказалось, получал директивы не от своего начальства—Приморского Управления внутренними делами, а от усилившего свою деятельность Дальбюро ЦК РКП. Управляющий внутренними делами Гуревич заявил о выходе в отставку. Это, конечно, меньше всего огорчило коммунистов, овладевших без помехи столь важным аппаратом, как милиция.

Между тем, на плечи Вр. Правительства, при общем финансовом затруднении, сваливалась новая неожиданная забота: англичане доставили во Владивосток около 3.000 бывших русских пленных в Германии. Размещение и устройство их в переполненном городе, при захвате огромного числа помещений интервентами, было делом не легким. Я принял заботы на себя. Огромными усилиями военного ведомства дело было улажено.

Тем не менее и это обстоятельство было использовано—Центральное бюро профсоюзов Владивостока усиленно стало «требовать» исключительных забот Правительства о военнопленных и немедленной отправке их на родину. Между тем, ДВР, заявившее о запрещении пропуска через границу с советской Россией, упорно молчало на все запросы по этому поводу.

Эвакуация задерживалась. Военно-пленные начинали винить во всем правительство.

Во все ведомства сыпались приказы и распоряжения из Читы, всюду в управлениях оказались свои люди, их противодействием работа стопорилась, служащие, сбитые с толку, с трудом несли свои обязанности.

По городу упорно ходили слухи о поголовном вооружении коммунистами грузчиков, об организации рабочих рот. Правительственные осведомительные органы менее всего осведомляли обо всем, кажется, только Правительство.

Это с одной стороны.

С другой—началось определенное оживление и в правых группировках. Действительная свобода печати обеспечивала возможность газетной склоки обоим враждующим крыльям. Только правительство не имело своей газеты и свободно подвергалось ударам с обеих сторон.

Эсеровская «Воля» все время оглядывалась налево. «Слово» печатало портреты бывшей царской семьи и вздыхало о прелестях монархии. «Красное Знамя» упорно вело к власти Советов и, как к временному этапу на этом пути,—к Чите.

12-го ноября меня посетила делегация несоциалистических группировок. Она просила решительного заявления о той позиции, которую в создавшейся обстановке предполагает занять Правительство.

Настроение делегации было весьма приподнятое и непримиримо враждебное к ДВР. «Все чаяния, как к фокусу, тянутся к вам—мы вам раньше не доверяли, вели резкую кампанию в нашей газете («Слово». В. Б.), но теперь перед лицом общей опасности все счеты ликвидируются».

Я невольно сопоставил с этим, обращенным ко мне заявлением, вчерашнее настойчивое приглашение в Читу, переданное через Берлацкого Красношековым.

Опять, видимо, обе стороны нуждались во мне и опять я предпочел остаться самим собой, остаться почти одиноким в этой новой вспышке вновь затягивающейся ожесточенной борьбы[317]).

В заявлении делегации учитывалось и настроение на Алеутской улице (штаб японского командования). Были ли правые в неведении? На что они рассчитывали? Ведь слишком еще свежо было в памяти июльское соглашение в Ганготе, по которому на роль «демократического буфера от Байкала до Тихого океана», меньше всего могли претендовать правые группировки Владивостока.

Кто же и кому был более нужен: японцы правым группировкам русского Дальнего Востока или наоборот?

Весьма резкой в отношении Читы была и представленная мне резолюция домовладельцев Владивостока. В этой резолюции, между прочим, домовладельцы говорили:

— ... «Представляя из себя подавляющее большинство постоянного и оседлого населения города, в наибольшей степени связанного с русскими интересами на Дальнем Востоке, но будучи безоружным, общее собрание постановило: по поводу попыток, так называемой, читинской центральной власти обратиться с протестом к Временному Правительству, японскому командованию и консульскому корпусу и просить впредь до организации и упрочнения законного порядка во главе с Вр. Правительством, защиты от попыток коммунистов захватить власть на окрайне»...

Что японское командование не оставалось безразличным среди создавшегося общего напряжения—это тоже весьма скоро выяснилось.

12-го ноября я, в частном порядке, получил приглашение генерала Ооя присутствовать на заявлении, которое он имел ввиду сделать приглашенным им в этот день вечером председателю и представителям всех фракций Народного собрания.

Принятие этого приглашения со стороны Народного собрания было большой ошибкой. Народные представители могли получить это заявление обычным порядком через свое Правительство. Но такова сила внушения и своих и, особенно, чужих штыков. Я был знаком с особенностями японских приемов и поехал посмотреть на это свидание.

В приемном зале уже сидели несколько смущенные депутаты. Ожидание тянулось больше установленных для сбора обычных четверти часа.

Что депутатов попытаются «выдержать»—в этом не было сомнения.

Я подозвал проходившего офицера штаба и передал, чтобы он немедленно доложил кому следует, что члены Народного собрания уходят. Это по-

действовало. Сейчас же пригласили в другой зал, где, вышедший генерал Ооий, и изложил вкратце содержание розданного печатного текста заявления.

На следующий день я, как вр. и. д. председателя Совета управляющих ведомствами, получил от Ооий извещение, что, ввиду создавшихся политических обстоятельств в здешнем крае, он нашел необходимым поставить в известность русское население о позиции японского командования и «в 9 час. вечера 12 ноября представителям всех политических партий и фракций сделал прилагаемое при сем заявление».

Содержание заявления таково:

«Господа представители всех политических партий и фракций! Сегодня я пригласил вас с тем, чтобы поставить вас в известность о позиции нашего командования и об его отношении к Вр. Правительству Приморской области, в связи с колебанием политической атмосферы в здешнем крае, в зависимости от об'единительной конференции в Чите, во избежание возможного нежелательного конфликта. В видах водворения порядка в крае я довожу до вашего сведения следующее:

Я не раз об'являл, что в районах расположения японских войск недопустима коммунистическая власть. Судя по тому, что творится здесь под влиянием создавшегося раскола по вопросу об'единения Дальнего Востока, каковое только что начинает зарождаться, политическая обстановка обстоит весьма остро. Мы опасаемся, что в связи с изложенным не нарушились бы порядок и спокойствие в районах расположения японских войск.

Для обеспечения безопасности пребывания японских войск в крае, а также ради политического спокойствия в районах расположения наших войск, между японским командованием и Временным Правительством состоялось соглашение о прекращении военных действий и обмен меморандумами о буферном образовании, которые, независимо от хода об'единительной конференции в Чите, имеют свою силу. Поэтому японское командование не может допустить, что бы какое-либо третье лицо, без ведома японского командования, осмелилось нарушить существующий политический порядок и спокойствие в крае».

Последняя фраза звучала явной угрозой. Кроме того, в содержании заявления была и существенная невязка. В заявлении говорилось об обмене меморандумами с Вр. Правительством о буферном образовании, чего в действительности не было*). Такой обмен имел место, но не с Вр. Правительством, а с представителем бывшего Верхнеудинского правительства—Шатовым в Ганготе.

Несколько подробнее отношение японского командования к назревающим событиям обрисовано в одном из документов, оказавшемся в управлении внутренними делами. В нем, правда, со слов японской жандармерии, говорилось, что «мы (японцы) *не признаем замену существующего правительства* и для предотвращения непорядков, вытекающих отсюда, нами будут приниматься самостоятельные меры» и что это является «политикой местного командования, но она выработана в согласии с центром».

Кого на этот раз вводило в заблуждение японское командование—Земское правительство или тех, с кем оно подписывало соглашение в Ганготе?

Какое же отношение к создавшимся условиям было со стороны Вр. Правительства? Оно почти не реагировало на них. Все правительство к это-

*) Заявление генерала Ооий могло иметь в виду лишь односторонний меморандум, подписанный генер. Такаянаги от 1 декабря, на мое имя, о непосредственных сношениях японского командования с приморским правительством, по вопросам, касающимся японских войск, даже в случае признания им ДВР

му времени представлялось в сущности одним его председателем А. С. Медведевым, но и он, похудевший и измотанный противоречивыми опекунами, думал об одном—о сложении своих полномочий и передаче их Чите.

Таким образом, все политическое руководство сосредотачивалось в Совете управляющих, но и здесь работа становилась крайне трудной. Добрая половина Совета была явными или скрытыми, если не верноподданными, то, во всяком случае, сторонниками Читы.

Тем не менее, Совет управляющих должен был высказаться, по крайней мере, по основному вопросу, касающемуся об'единения областей ДВ. Это было поручено мне в заседании Народного собрания 18 ноября.

К этому времени был уже известен приказ правительства ДВР от 11 ноября, адресованный телеграфно просто: «Преднародсобрания и Медведеву», последнему, видимо, уже как частному лицу.

Этим приказом Народному собранию предлагалось издать постановление «о роспуске Совета министров, избрать из состава Народного собрания представителей и влить их в Земскую Управу, усилив областное самоуправление». Председатель же Вр. Правительства должен был «издать указ о снятии с себя государственной власти и передаче ее центральному правительству».

В числе подписавших закон были: числящийся еще управляющим делами труда, Никифоров, и не сложивший своих полномочий член Народного собрания Приморья, Румянцев.

Столь простой и решительный метод подчинения, может быть, весьма удобный и целесообразный для Верхнеудинска и даже, пожалуй, для Амура, совсем не годился для Приморья в тех условиях, о которых говорилось выше, при наличии третьей, вполне реальной силы—интервенции, которая заявлением, сделанным генералом Оой, пока еще далеко не устранялась от вмешательства в ход политической жизни Приморья.

Вновь переживать 4-6 апреля ни у кого не было особой охоты.

Правительство, в лице Совета управляющих ведомствами, каким бы оно ни было, имело известные обязательства перед Народным собранием, а это последнее перед населением,—и так просто отмахнуться от всего в угоду Чите было нельзя.

Делегация Приморья не только не принимала никакого участия в том, что произошло в Чите, но, видимо, не могла даже давать Совету управляющих необходимых информаций о том, что там происходит. Председатель делегации Бинасик все время опасался «перерыва провода» и ограничивался передачей кратких сведений о совершившихся уже фактах. Попутно он просил обсудить не только постановления Читинской конференции, но и действия самой делегации, не выполнившей, или не имевшей возможности выполнить те инструкции, которые были ей даны Советом управляющих, которые были утверждены Народным собранием и которые были положены в основу добровольного сговора по выбору центрального Правительства в Чите.

Эти и целый ряд других соображений и были изложены мною от имени Совета управляющих в моем выступлении перед Народным собранием 18-го ноября.

Довольно продолжительная речь была закончена заявлением, что Совет управляющих, впредь до возвращения делегации и ее подробного доклада о событиях в Чите, твердо остается на своей прежней позиции, выраженной постановлением его от 5-го ноября*) сего года.

После горячих прений Народное собрание постановило:

1) «Декларация конференции от 29 октября является для него по содержанию в общем и целом приемлемой.

2) Выражая уверенность в возможность признания Центрального Правительства ДВР. не учитывая положение Приморья, Народное Собрание считает необходимым добиваться соглашения с образовавшимся в Чите правительством ДВР, на следующих основаниях:

1) Сохранение Народного Собрания с переименованием его в Народное Собрание Приморской области, с правом законодательства по вопросам местного значения.

2) Сохранение местного исполнительного органа, ответственного перед Народным Собранием, с исключением из его ведения функций управления военными и иностранными делами и обще-финансового законодательства, которые должны быть переданы Центральной Власти.

Вместе с тем Народное Собрание считает необходимым высказать категорическое пожелание о включении в состав Центрального Правительства представителей всех истинно-демократических партий, которое гарантировало бы действительное проведение в жизнь демократических принципов, декларированных читинской конференцией.

Выражая надежду, что избранное в Чите правительство, учитывая особое положение Приморской области, пойдет навстречу пожеланиям Народного Собрания, таковое в согласии с желанием Совета Управляющих, а также принимая во внимание сообщение Председателя Совета **), переданное по прямому проводу из Читы,— считает необходимым отложить вопрос об окончательной ратификации актов Читинской конференции до получения удовлетворительных ответов на высказанное, или до приезда правительственной делегации и переходит к очередным делам».

Это постановление, устанавливающее «буфер в буфере», и легко в основание состоявшегося вскоре соглашения с Читой.

Ускорению соглашения в значительной степени содействовал начавшийся развал внутри самого Совета управляющих, вызванный новым весьма сложным для Правительства опросом о пропуске на территорию Приморья, вытесненных из Забайкалья, остатков Каппелевской армии.

После разгрома Семенова в Забайкалье, втянувшаяся в борьбу каппелевская армия, продолжая испытывать неудачи, постепенно оттеснялась силами ДВР к границам Китая.

Японское командование, занявшее роль почетного арбитра в этой новой братоубийственной схватке, около середины ноября попыталось, наконец, вмешаться в таковую. Посланный в Забайкалье небезызвестный японский полковник Исомэ телеграфировал из Харбина Краснощекову, что, ввиду нарушения заключенного между японским командованием и ДВР соглашения (Гангота), он предлагает «немедленно отдать приказ о выводе всех партизанских отрядов на правый берег Онона и к западу от реки Унда, к северу на линию ст. Жидкинская-Голинское-Нерчинский завод. В случае отказа мною будут затребованы военные силы главнокомандующего»...

---

*) См. стр. 382 и 383.

**) М. С. Бинасика.

В ответной телеграмме Краснощеков выразил готовность обезоружить партизан, настаивая, в свою очередь, на полном разоружении армии генерала Вержбицкого*) (каппелевцы).

15-го ноября Исомэ телеграммой уже со ст. Манчжурия, на имя Краснощекова и Эйхе (читинский главнокомандующий) повторил свою просьбу, «принять самые решительные меры по прекращению бесполезных действий партизан и сосредоточению их в определенных пунктах по линии, мною вам предложенной», при чем добавлял: «с своей стороны, принимаю меры к недопущению передвижения с целью наступления семеновских войск».

В телеграмме этой Исомэ, как истый самурай, склонный к поэтическим образам, отводил достаточно места своим непосредственным ощущениям: «заносимый снежной мятелью, хожу по местам столкновений и наблюдаю результаты бесчисленных налетов партизан, и безгранично скорблю от действительно тяжелых впечатлений кровавой бойни»... «Неужели (это относилось уже к Краснощекову и Эйхе)—красный окрашенный кровью, снег скажет о ваших блестящих заслугах в истории Дальнего Востока?».

Все эти телеграфные разговоры оказались только разговорами. Каппелевская армия в конце-концов принуждена была отойти к границам Китая и, по разоружении, перейти на китайскую территорию.

Поставленная здесь в весьма тяжелые условия, морально подавленная, начинающая голодать, армия эта, конечно, не могла рассосаться в Китае. В полосе отчуждения и без того скопилось огромное количество безработных.

В этих условиях армия естественно покатилась в сторону Приморья, перед правительством которого становился в упор вопрос: пропускать или не пропускать этих людей, представлявших скорее толпы беженцев с семьями, детьми, больными и ранеными, нежели грозный боевой материал?

Совет управляющих, обсуждавший этот вопрос в заседании 26 ноября, вынес отрицательное решение. Было постановлено: 1) «поручить управляющему иностранными делами обратиться с протестом к японским и китайским властям по вопросу о продвижении в Приморье по К.-В. жел. дор. беженцев, инвалидов и частей каппелевских войск» и 2) ему же «выяснить, откуда и с какой целью продвигаются в Приморье беженцы и части каппелевских войск»...

Я и три других управляющих ведомствами—С. Н. Николаев, И. А. Якушев и Г. И. Бострем—находили странным направление протеста к японцам и китайцам и остались при *особом* мнении, полагая *невозможным* «воспрещение в'езда на русскую территорию Дальнего Востока русских граждан».

На следующий день Якушев, считая для себя принципиально и морально неприемлемым постановление Совета управляющих ведомствами от 26 ноября с. г., подробно мотивированным заявлением просил об исключении его из состава Совета и об отставке.

Постановление 26 ноября, оставившее крайне неприятный осадок у членов Совета, вызвало чрезвычайно оживленные толки и в обществе.

---

*) Вступил в общее командование после оставившего армию и уехавшего в Харбин генерала Лохвицкого.

Японское командование реагировало на него двумя, представленными мне, меморандумами: 26-го ноября—через проф. Хигучи и 28 ноября—через начальника штаба японских войск генерала Такаянаги.

Первым опровергалось какое-либо участие японских военных властей в деле продвижения в Приморье каппелевцев, вторым—подтверждалось то же самое, с указанием, что перевозка желающих направиться в районы К.-В. жел. дор. и в Приморскую область «должна быть решена непосредственными сношениями с китайским правительством и с Приморским Вр. Правительством».

Далее сообщалось, что Семенов просил японское командование оказать ему покровительство, на что было выражено согласие, и что «поезд Семенова, под легальной охраной, направлен в Приморье», при чем «главнокомандующий японскими войсками решил так, чтобы с ответственностью заставлять его удаляться из Приморской области».

Семенов действительно скромно, без особого шуму, приезжал в Гродеково, под сильной охраной японцев, закрепить здесь свое влияние и его претензии на возглавление Приморья. Столь стремительная и бесславная потеря Забайкалья, видимо, не охладила его стремлений к власти. Пока он был еще нужен Японии и не утратил окончательно надежд.

Бумажное решение Совета управляющих, не имевшего реальных сил его осуществления, совершенно не изменило хода событий.

29 ноября был двинут со ст. Манчжурия к Пограничной первый эшелон каппелевцев. 1-го и 2-го декабря эшелоны с больными и ранеными просочились через Пограничную и докатились до Никольск-Уссурийска.

Началось быстрое скопление эшелонов на самой Пограничной. Китайцы весьма энергично требовали немедленного их проталкивания в Приморье, что угрожало забивкой путей и прекращением сообщений Харбина с Владивостоком, т.-е., прекращением транспорта и полной бездеятельностью Эгершельда (района разгрузок во Владивостоке) с его многочисленным рабочим населением (грузчики).

Японское управление военными сообщениями, с своей стороны, грозило принятием исключительных мер для расчистки путей, для восстановления правильности сообщения и снабжения их войсковых частей.

Совет управляющих исключительно формально взглянул на этот вопрос, полагая своим бумажным решением приостановить живой поток голодающих, больных и раненых людей, которые, как огромный вал значительного напряжения, стремился прорваться из чужой земли на свою территорию. Несомненно, если руководители этой беженской армии понимали опасения Приморья, то сама масса просто недоумевала—почему ее, гонимую китайцами, не пускают на русскую землю. В ее представлении Приморье не было советским и она, со слов ее вождей, не предполагала там встретить вражды.

Ввиду создающегося угрожающего положения в районе ст. Пограничной и полного бездействия Совета управляющих, укрывшегося за своим бумажным протестом, кому-то надо было вмешаться в это дело.

В силу имеющихся соглашений ответственными за железнодорожные перевозки, при фактическом руководстве таковыми особым «Междусоюзным советом», являлись ведомства путей сообщения и, главным образом, военное.

Первое, руководимое коммунистом Кушнаревым, особой телеграммой управляющего Уссурийской жел. дорогой заявило, что все «воинские перевозки совершать лишь по нарядам начальника военных сообщений и комендантов станций, а от захвата паровозов и подвижного состава просить гарантировать дорогу японское командование».

Ясно, что все умывали руки, перекладывая всю ответственность на плечи военного ведомства, т.-е., фактически на меня. Я был болен эти дни, тем не менее начальником моего штаба 3-го декабря был срочно командирован на ст. Пограничную начальник военных сообщений и собрано экстренное заседание Междусоюзного совета по железнодорожным перевозкам.

В этот же день начальником штаба от моего имени был сделан личный доклад председателю Совета управляющих Бинасику о положении дел на дороге, и представлен мой письменный доклад Совету.

Бинасик заявил, что «у Правительства нет еще определенной точки зрения на этот вопрос» и не дал никаких определенных указаний. Он не возражал против проектируемых мер и одобрил командирование начальника военных сообщений.

Этот мудрый ответ стоил того бумажного барьера, которым большинство Совета думало преградить натиск, подталкиваемых китайской вооруженной силой, каппелевцев.

Междусоюзный совет тоже вынес постановление—отписку, что он разрешает перевозку 1-2 эшелонов в сутки, «оставляя выполнение таковых перевозок на распоряжение властей, которых это касается». Между тем, в районе Пограничной и ближайших ст. набралось уже до 26 эшелонов. Китайцы требовали продвижения не менее 14 эшелонов в ближайшие трое суток, гнали силой через границу высадившихся здесь людей.

Тем не менее, руководствуясь постановлением Совета управляющих от 26 ноября, штаб приказал приостановить отправку эшелонов с Пограничной. Без применения вооруженной силы приказание это было не реально, оно только усиливало сложность положения и еще более раздражало общественное мнение.

Прибывший на ст. Пограничную начальник военных сообщений доносил:

«...я вывел заключение, что для них (китайского командования) совершенно непонятно, как русские люди могут так спокойно и безразлично относиться к судьбе своих соотечественников, если они, граждане другой нации, приняли самое теплое участие в русских беженцах, женщинах и детях и перевозят их на свою территорию.

Я являюсь здесь очевидцем того позора, которому подвергаются здесь лучшие люди России. Сегодня на станцию Пограничная прибыл людской эшелон и, видя невозможность следовать далее по железной дороге, принужден был совершать свой дальнейший путь пешком... разоруженные воины, под вооруженным конвоем китайских войск, направились к своей русской границе»...

Действительно, положение осложнялось до чрезвычайности.

Мне понятна суровая необходимость штыком и пушками преградить дорогу, когда это необходимо и когда этого действительно хочешь.

Я видел жуткую картину: беженцы—старики, дети и женщины со скотом и жалким скарбом между сдвигающимися огненными линиями враждующих сторон на фронте мировой войны...

Понял бы посылку Советом управляющих резерва милиции с твердым заявлением, что он огнем загородит дорогу в Приморье, но бумажный протест большинства Совета к японцам и китайцам—это было решение трусливой беспомощности, не угадывающей ясно, как посмотрит на ее распоряжения новый неизбежный хозяин положения.

Преседатель Совета управляющих был в то же время и председателем особой комиссии, которая еще в августе, в связи с приездом генерала Дитерихса, должна была дать себе ясный отчет о каппелевцах, кто они: враги? друзья? или просто обломок отработанной силы, который после событий в Забайкалье, естественно, покатится к последней грани, к берегу Тихого океана? Комиссия не удосужилась заняться этим вопросом, и в экстренную минуту правительство оказалось «без определенной точки зрения» по этому важнейшему вопросу.

Эшелоны ползли, неорганизованно заполняя полосу железной дороги. Ввиду этого я приказал *смотреть на продвигавшихся в Приморье каппелевцев, как на совершившийся факт,* и принять меры к упорядоченному расквартированию их, разверстке больных и раненых по госпиталям и другим лечебным заведениям.

Это вызвало бурю в Совете. Мне грозили карой за нарушение воли Совета и Народного собрания.

Но в то же время мне же было поручено особой директивой председателя Совета управляющих от 7 декабря сделать заявление в русско-японской согласительной комиссии о подтверждении протеста Правительства против проникновения в Приморье каппелевцев, при чем указывалось, что вопрос этот «продолжает обсуждаться Правительством и Народным собранием и будет разрешен сегодня или завтра», т.-е., 8 или 9 декабря, когда уже значительная часть эшелонов осела по линии от Пограничной до Никольск-Уссурийска.

Вопрос о моих «преступлениях» был вынесен на пленум Народного собрания. Голосовавшее за непропуск большинство Совета нашло в этом выход из положения. Здесь в процессе довольно острых прений, по странной случайности, с намеком о недоверии ко мне со стороны левого крыла Народного собрания выступил депутат Цейтлин, который 8 месяцев тому назад сообщил мне заявление социалистических группировок, до коммунистов включительно, о желании видеть меня во главе военно-морского ведомства.

Я подробно изложил мою точку зрения на вопрос о пропуске и в то же время напомнил о событиях, связанных с 4-6 апреля.

Тогда я был нужен, и я, не колеблясь, дал свое имя, так как считал это необходимым в интересах Родины и русского дела; сейчас обстановка изменилась, и я ни одной минуты не останусь на своем посту, раз возникла хотя бы тень недоверия ко мне со стороны Народного представительства, идею которого я глубоко чту.

Я вышел из состава Совета управляющих, а 12 декабря покинул и пост командующего сухопутными и морскими силами Приморья[318]).

«Восемь месяцев тому назад»,—писал я в прощальном приказе,— «после памятных дней 4-6 апреля, в тяжелые минуты почти полного государственного распада, мне пришлось вступить в исполнение обязанностей по военному и морскому командованию.

В силу особых условий международного характера, Приморье оказалось без армии и с разоруженным флотом.

Пришлось с первых же шагов начать тяжелую и упорную работу за восстановление и сохранение суверенных прав России на армию и флот, здесь, на Дальнем Востоке.

Несмотря на все затруднения, удалось сохранить горсточку русских войск; часть боевых судов флота получила возможность выхода в море»...

«Этот сравнительно небольшой результат, тем не менее, имел огромное идейное значение, к его достижению приложили свои усилия все высшие начальники, каждый рядовой в армии и каждый матрос во флоте.

Всем им мой прощальный завет:

...«все для службы родному народу, непоколебимая верность интересам родной страны»...

Вся эта история с каппелевской армией была немедленно использована правыми группировками. Они оценили затруднительное положение правительства и повели соответствующую работу и в обществе, и в среде самой армии.

Действительно, правительство не учло положения. Вместо того, чтобы перед неизбежностью прорыва этой массы людей, которую, кроме естественной нужды, толкало и скрытое содействие посторонних сил, принять меры к ее полному обезвреженню и привлечению на свою сторону годных элементов, Совет управляющих своим решением возбудил только ненависть к себе и бросил эту массу, которая впоследствии все же сумела выделить до 10 тысяч бойцов, в руки враждебного лагеря, что, несомненно, имело огромное значение для событий, которые произошли затем в мае следующего года в Приморье.

Уход мой был неизбежен и помимо истории с каппелевской армией. С каждым днем становилось все яснее и яснее, что, как Совет управляющих, так и вообще правительство Медведева, доживают последние дни. Медведева почти силой удерживали от заявления о сложении власти и передачи таковой Чите.

Вопрос о признании Читы, как центрального правительства Дальнего Востока, приближался к его естественному разрешению. Совет управляющих 18 ноября отложил окончательное решение этого вопроса до возвращения правительственной делегации, ездившей в Читу. Народное собрание пока согласилось с этим решением.

Делегация возвратилась. Ничего существенного к тому, что было уже известно о совершившемся в Чите, она не прибавила.

В Совете управляющих опять не получилось определенного поддержанного большинством решения по вопросу о признании ДВР; одно из предложений было отклонено, а два других получили одинаковое большинство.

Вопрос был перенесен на обсуждение Народного собрания, одновременно с рассмотрением проекта закона о выборах в Учредительное Собрание Дальнего Востока, предложенного Читой.

Ясного отношения к вопросу о признании правительства ДВР требовали и японцы в целом ряде меморандумов (26 и 28 ноября и 1 декабря) на мое имя.

Ими высказывалось опасение, что в случае безоговорочного признания Приморьем Читы, они, японцы, впредь до начала официальных сношений с таковой, могут столкнуться с фактами нарушения, заключенных Приморьем, соглашений с японским командованием.

Нарушение этих соглашений японское командование не считает возможным и будет охранять всеми мерами, о чем заблаговременно и извещает Временное Правительство и косвенно, конечно, претендующее на об'единяющую роль правительство ДВР.

Кроме того, японское командование заявило, что оно не допустит вывоза в Читу серебра, золота и других ценностей, которые, в силу состоявшихся соглашений, должны находиться в Приморье, как обеспечение местного Правительства.

Я, вполне сознавая, что Народное собрание, в лице его большинства, подготовлено к признанию правительства ДВР, и выступал на состоявшемся решающем заседании скорее «для истории».

Отлично понимая сущность читинского демократизма, оправдывая его политический смысл, я, тем не менее, сознавал торопливость в распространении его на Приморье. Эту точку зрения я поддерживал в Совете и, пользуясь заявлением, сделанным его председателем, что каждый член Совета может от своего имени высказать мотивы выдвигаемого им решения, позволил себе воспользоваться трибуной Народного собрания.

Я говорил, что приезд членов правительственной делегации не рассеял моих сомнений в вопросе о признании ДВР.

...«в строго об'ективном докладе председателя делегации Бинасика прозвучало хотя и не совсем определенно, признание, что соглашения в Чите в сущности не произошло... Член делегации Кабцан просто воздержался от доклада и только член делегации Трупп в своей горячей речи мужественно приоткрыл ту завесу, которая скрывала от нас то, что произошло в Чите»...

А произошло там вот что:

...«Владивостокская линия потерпела крушение, собравшиеся в Чите наиболее ответственные и самостоятельные деятели по вопросу об об'единении поняли, что им остается одно—встать перед совершившимся фактом, отказавшись от своих первоначальных условий, и искать лишь того или иного подхода к этому факту, отказаться от того гордого права инициативы, на которое они рассчитывали, как равноправная договаривающаяся сторона и, конечно, если бы не исключительность обстановки Приморья, этот подход выразился бы просто в капитуляции перед Читой».

Вероятно, и здесь, так же, как и в Чите, «доведенный до отчаяния народ» быстро предрешил бы судьбу Народного собрания, и в великой сибирской драме, эпилог которой разыгрывается здесь, у берегов Тихого океана, оказа-

лось бы два одинаковых акта, разыгранных в Чите и Владивостоке. Но этому мешает, как я уже сказал, исключительность здешней обстановки.

Вот, учитывая эту обстановку, строго анализируя ее, надо найти решение, наиболее обеспечивающее интересы Родины и обусловливающее необходимость прекращения братоубийственной бойни, безмерно терзающей страну и народ. Я пока оставлю в стороне международные силы, хотя они тесно связаны, и даже более—являются до известной степени основой того исключительного положения, которое имеется в Приморье, и, тем не менее, пока остановлюсь исключительно на особенностях наших чисто внутренних.

Что же мы здесь имеем?

Прежде всего, победно шествующий коммунизм, перед которым ясны преследуемые им цели. Он ищет средств для их достижения и, при дружной поддержке даже врагов, таковые находит. Для него все ясно и просто—это определенно звучит в речах ораторов коммунистической партии.

Так, депутат Копытин определенно заявляет, что для него «на путях к великой цели даже Народное собрание такой пустяк, с которым не стоит считаться, и если Народное собрание нужно только, как средство, его можно и оставить». Мысль, что бы нигде, ни в одном уголке необ'ятной России не осталось бы места, где бы не царили идеи коммунизма,—слишком заманчива. Чего будет стоить ее проведение—это пустяки. В целях дальнейших мировых завоеваний Россия—только средство, этап—не более.

Такая постановка вопроса ясна, определенна и темпераментна.

Вторая особенность — это наличие умеренных социалистических групп, которые на территории Приморья не только не запрятаны по тюрьмам, как «социал-соглашатели и контр-революционеры», но и свободно говорят и даже ведут парламентскую борьбу с большевизмом.

Для них, по выражению депутата Бинасика, главным образом, важно торжество принципов с точки зрения научного марксизма. И эта позиция пассивной борьбы, одновременно с поддержкой своих противников в их государственной работе, понятна и возможна только в Приморье.

Дальше, крестьянство. Оно, в лице фракции большинства Народного собрания, сочувствует большевизму, но не приемлет коммунизма. Как сила, влияющая на решения Народного собрания, крестьянская фракция, я извиняюсь за сравнение, как богатая невеста, имеет много женихов, но, руководимая природным чутьем и житейским опытом, крайне осторожна и колеблется.

Она помнит те развлечения, которым в свое время предавался атаман Калмыков, но не забывает и то, что и теперь есть другие потенциальные силы вроде гр. Гурко и ему подобных, которые, своевременно получив надлежащие инструкции*), могут весьма понажать на строптивых.

Дальше, новая группа—это беженцы из Забайкалья, которые, в силу исключительных условий, перемешались с семеновскими и каппелевскими войсками.

Каппелевцы еще не так давно рассматривались нашей первой делегацией, как одна из слагающих сил в том демократическом строительстве, которое должно было явиться следствием об'единения всего Дальнего Востока.

*) От большевиков т.-е. от Дальбюро РКП.

Группа эта в свое время называлась народной армией, в ее рядах было много воткинских и ижевских рабочих и крестьян с Волги, Урала и Сибири. На ее знамени был начертан лозунг: борьба за Учредительное Собрание. И вот эта группа, составляющая остатки от, так называемой, каппелевской армии, совершившей беспримерный ледяной поход по Сибири, пробившись в Забайкалье, подвергается ударам другой народно-революционной армии, тоже борющейся за Учредительное Собрание (Дальнего Востока), вытесняется за пределы родной страны, ей предлагается сложить оружие и вернуться к родным семьям и очагам, т.-е. туда, откуда она силой военного счастья противной стороны была беспощадно изгнана.

Ее гонят и из той чужой ей территории, на которую она перешла. Единственной отдушиной остается для нее Приморье, и она стихийно стремится попасть туда.

Наконец, последняя группа—буржуазные элементы. Эта группа, учитывая обстановку Приморья, убежденно не идет на соглашение, так как видит в таковом только отсрочку к воцарению того строя, при котором для нее неизбежны: или порабощение, со всеми его последствиями, или исход в чужие края.

Вот те настроения, которые сплелись в настоящее время в Приморье. Они создали ту особенную обстановку, разрешить которую, при наличии здесь иноземной интервенции, так же просто, как это было в Чите, несомненно нельзя.

Вот почему надо подождать, посмотреть, куда поведет читинский демократизм и, до созыва Учредительного Собрания ДВ, ограничиться своими внутренними делами.

Исходя из этой же местной обстановки, не трудно предвидеть, что даже в случае признания все же будет неизбежным глухое и упорное сопротивление, и его нельзя особенно строго осуждать. Все шли на создание демократического буфера, при условии свободного волеиз'явления всех договаривающихся сторон.

Этого не произошло, и за Приморской областью остается сейчас формальное и моральное право быть осторожным в своих решениях.

Чтобы депутатам, сидящим на левых скамьях, не показались односторонними мои сомнения и пока отрицательные выводы о читинском демократизме, я должен заявить, что остаюсь совершенно последовательным, так как своевременно уклонился от участия в осуществлении и другого—омского демократизма, проводившегося в жизнь два года тому назад небезызвестным омским национальным блоком.

Это дает мне право на осторожность, право сомневаться, что демократизм Читы имеет некоторые специфические особенности. Это видно и из того обстоятельства, что все ораторы из группировок, как защищающих читинское государственное образование, так и обещающих поддержку таковому, неизменно спадают с голоса и понижают красноречие, как только подходят практически к оценке этого демократизма.

Некоторые из ораторов пугают неизбежным последствием непризнания—возобновлением гражданской войны, но мне кажется, что если Чита не

пойдет на нас войной, мы, при наших, более чем скромных, вооруженных силах, меньше всего будем думать о борьбе, но зато будем иметь возможность понять одно: хотят ли нас убедить продуманной государственной работой, или же просто покорить.

Итак, подождем.

Пусть «Красное Знамя» еще раз укажет, что «генерал Болдырев отбивает шаг на месте».

«Выдержка и осторожность не мешает»...

Я оставался в меньшинстве. В общем неизбежном ходе событий Земское Правительство заканчивало свою роль. На смену ему шла новая политическая комбинация. Учитывая обстановку, я стремился замедлить опасную скорость этой замены.

Насколько это было правильно или ошибочно—покажут дальнейшие события.

Оглядываясь на весь этот период, с момента выступления японцев до выхода моего в отставку, я всеми мерами стремился сохранить в весьма трудных условиях внутренних и международных достоинство и престиж России, а равно и восстановление ее материальных интересов, столь грубо попранных выступлением японцев 4-6 апреля.

При нажимах, порой очень сильных слева (Дальбюро) и ударах справа, все же удавалось сохранять необходимое равновесие и авторитет, которые требовались тогдашней обстановкой и учетом сил всех группировок, боровшихся на Дальнем Востоке.

Правительство Приморской областной Земской Управы передало всю полноту власти Народному собранию, которое избрало *Исполнительный орган областной власти* в числе семи лиц: председатель Антонов и члены: Гагальчий, Петкус, Якум, Кларк, Макаров, Кабцан и Николаев. Все, за исключением меньшевика Кабцана, партийные коммунисты или сочувствующие им.

К этой семерке переходила вся работа бывшего Совета управляющих ведомствами, под непосредственным руководством Читы. Ведение иностранных сношений, перешедшее всецело к Чите, должен был выполнять Кожевников, товарищ министра иностранных дел ДВР, который жил уже здесь, во Владивостоке.

Сессия Народного Собрания была прервана до 15 января будущего 1921 года.

Командование войсками и флотом возложено было сначала на коменданта крепости—генерала Травникова, а затем на прибывшего из советской России молодого коммуниста Лепехина.

Эта государственная, или скорее областная комбинация, имевшая уже полное общение и зависимость от правительства ДВР, просуществовала всего около пяти месяцев и пала, как это и надо было ожидать, под ударами несоциалистических группировок, об'единенных давлением начавшегося в Приморье коммунистического уклона. Эти две силы временно были противопоставлены одна другой. В существовавших тогда условиях Приморья, победа должна была остаться и осталась за правыми.

Владивосток. 25 декабря.

С выходом в отставку, широко пользуюсь отдыхом. Большую часть времени провожу на Русском острове, который чудесен даже зимой. Сегодня надо ехать во Владивосток. Просит повидаться Кожевников—товарищ министра иностранных дел ДВР. В Чите, видимо, не теряют еще мысли вручить мне какой-то крупный пост по военному ведомству.

В 7 вечера «Стрелок» отчалил от Экипажной, еле пробивая лед. Бухта почти вся подо льдом.

У А. познакомился с М-ме П., бывшей владелицей Киндяковки (Симбирск губ.) со знаменитым «обрывом», воспетым Гончаровым в романе того же названия. П. покинула Москву а апреле 20 года, пережила массу испытаний. Упрекает англичан (сама англичанка) за наивность и невежество в отношении России.

В городе встретил генерала Андогского. Он ждет приема у Кожевникова и сообщил, что Кожевников «очень хочет меня видеть по поводу весьма важного предложения». Кожевников на днях уезжает в Читу, заместителем ему назначен Цейтлин[319]).

Владивосток. 26 декабря.

Утром был мой заместитель по командованию генерал Травников. Жаловался на трудность своего положения—«я просто строевой офицер, а не политик». Худо то, что хотя и не политик, а уже начал сводить кое-с кем личные счеты. Во время беседы подали записку: «Кожевников ждет меня в 2 часа дня». Я ответил, что располагаю свободным временем только между 12 и 2 и в эти часы буду дома. Свидание не состоялось.

Вечером был в редакции «Вечера[320])» на собрании кандидатов «демократического» списка в Учредительное Собрание Дальнего Востока (в Чите). Опять тянут в политический омут. Знакомились с декларацией, составленной Л. А. Кролем.

Владивосток. 27 декабря.

Андогский сообщил, что имел беседу с Кожевниковым по вопросу о переброске военной академии в Читу, как центрального учреждения. Обещают полные гарантии и правовые и материальные.

Андогский очень интересовался моим мнением, как профессора академии. Я ответил, что «сделанное предложение надо всесторонне обдумать, что же касается меня лично—я в составе академии в Читу не поеду, так как, может быть, попаду туда, как член Учредительного Собрания, если пройду таковым».

«Вам же самому, или кому-нибудь из состава академии было бы хорошо предварительно с'ездить в Читу—посмотреть, что там делается». Андогский, кажется, склонен поехать лично[321]).

Встретил «дипломатического» представителя каппелевцев полк. Ловцевича. И у него есть вопросы ко мне Просил разрешения посетить.

Владивосток. 28 декабря.

Был Ловцевич. По его словам, армия понемногу устраивается, находит, что в ней накопилось много плевел, которые надо отмести. Хлопочет о земле

для наделения личного состава армии. Мысль о замене меча плугом—мысль похвальная.

Но свежи еще раны. Они будят воспоминания и прежнюю непримиримость к большевизму. В этом источник неизбежных осложнений.

Владивосток. 29 декабря.

Заходил главный начальник снабжения ген. Федоров и жаловался: «без вас очень теснят военно-морское ведомство».

Вечером приехал Кожевников. И на этот раз, как и в первый его визит, у меня составилось о нем впечатление, как об умном, дельном собеседнике. Он сообщил, что имеет депешу главнокомандующего ДВР о предложении мне сотрудничества по военному ведомству.

Я ответил, что давно отвык от сотрудничества, работая последние пять лет на крупных самостоятельных постах, а у нас самостоятельные посты заняты».

«Это ничего не значит,—заметил Кожевников,—замещение их временное, вас мы иначе и не могли расценивать».

Я очень благодарил за лестное внимание, но сообщил, что уже выставил свою кандидатуру в Учредительное Собрание, отказ от которой не считаю для себя возможным.

«А по какому списку и каким кандидатом вы идете»?—поинтересовался мой собеседник. Он, как и многие, полагал меня в эс-эрах.

Говорили о почти катастрофическом финансовом положении. Надеется на оживление торговли с иностранцами. У Кожевникова тот же неизменный оптимизм, который так свойственен членам его партии, стоящей теперь у власти.

Владивосток. 30 декабря.

Холодно. Легкий тайфун. Говорят, что это полагается перед новым годом, особенно по старому стилю, что в действительности будто бы и было в прошлом году.

Ученые старцы, коллеги по военной академии, как оказалось, не особенно встревожились известием о возможности переезда в Читу. Наскучило колесить Россию, хочется привычной систематической работы.

Отвозил карточку Кожевникову. Он уезжает в Читу, повидимому, замещать больного Краснощекова. О последнем пущен слух, что его не то отравили, не то он уже умер от воспаления легких.

1921 год.

VIII.

Правительство В. Г. Антонова. С'езд «Несосов». Каппелевцы в Приморье. Дальневосточный Демократический Союз.

Сменившая Земское Правительство новая власть во главе с В. Г. Антоновым пользовалась в первые дни своего существования, пожалуй, большими симпатиями, нежели любое из бывших до нее правительств. В сущности, все осталось по-старому. В ведомствах, которые возглавлялись теперь управляющими со значительной примесью крестьянства и деревенского учительства, рабочий аппарат оставался прежний.

Чита пыталась руководить энергичной посылкой декретов, но таковые, большей частью, оставались мертвой буквой в условиях Приморья. Это весьма скоро уразумели и новые министры, при всей их почтительности по отношению ДВР.

В наиболее важной области, в области финансов не только не удалось осуществить декрета о свободном хождении советских денежных знаков, но пришлось помириться и с дальнейшим закреплением иены и с постепенной заменой буферок исключительно серебром.

Последствия неудачной девальвации весьма болезненно отразились на экономической жизни края. Разорение, безработица и неосторожно начатые политические гонения быстро подготовляли атмосферу недовольства.

Роли менялись. Вместо нападения коммунистическому руководству, которое стало ясным для обывателя, приходилось переходить к обороне, нести ответственность за все недочеты и осложнения, не только свои, но и накопившиеся от целого ряда предшественников.

Мне всегда казалось, что коммунисту так же трудно проводить демократический режим, как буржуазному представителю невозможно осуществлять коммунистические начала.

Опираясь на возрастающее недовольство, правые группировки подняли голову. Интервенция, ставшая, после ухода других интервентов, исключительно японской, обуславливала не только безопасность, но и известное поощрение оживившейся работе правых.

Революционная пропаганда в Корее побуждала японцев быть постоянно настороже, и поддерживать те русские течения, которые могли бы быть противопоставлены большевизму и мешали бы его усилению в крае.

До Владивостока определенно доходили слухи о с'ездах в Харбине, о паломничествах в Дайрен, куда в это время перебрался, оставшийся без территории, атаман Семенов.

Идея с'езда «несосов»—представителей несоциалистических организаций—в самом Владивостоке была близка к осуществлению. В связи с этим движением начали создаваться всевозможные организации, порой не имеющие и десятка членов в своем составе.

Главари движения стремились вовлечь в орбиту своего влияния и каппелевскую армию через ее «дипломатического» представителя во Владивостоке полковника Ловцевича, неизменного посетителя Народного собрания, завязавшего связи почти во всех группировках от самых левых до крайних правых. Ловцевич имел связи и среди японского командования.

После моего ухода с поста командующего, Временное Правительство учредило особую комиссию по разрешению вопроса о проникновении каппелевцев в Приморье. Комиссия эта сохранилась и при новой власти. Комиссия кое-что сделала по расквартированию и довольствию каппелевцев, но тесного, искреннего общения достигнуто, видимо, не было. Главные руководители армии пока оставались в Харбине, где они окружались исключительно правыми группировками, где искусно муссировалась глубина оскорбления за непропуск каппелевцев в Приморье. Велась агитация и против меня, агитация, не имевшая, впрочем, успеха в основной толще армии. Мне был непонятен смысл этой агитации—я не претендовал ни на какую роль в этой армии и не имел за собой ни одного случая так или иначе выраженного ей недоброжелательства[322]).

В Приморье каппелевцы осели группами: части III корпуса генерала Молчанова, куда входили наиболее прочные полки из ижевских и воткинских рабочих и уфимских татар, осели в селе Раздольном; части II корпуса Смолина—в Никольске и севернее Спасска. Остатки весьма немногочисленных казачьих частей, руководимых, так называемым, «Советом казачьих войск»,—в окрестностях Владивостока. Обособленно стояла Гродековская группа, всецело придерживающаяся семеновской ориентации. Впоследствии эта группа, вместе с некоторыми частями каппелевцев, вошла в состав войск семеновского генерала Глебова, сделавшегося потом верным приверженцем Меркуловых.

Начавшиеся выборы в читинское[323]) Учредительное Собрание и просьба лиц, сгруппировавшихся около газеты «Вечер», принять в таковых участие, не только извлекли меня из политического бездействия, но и потребовали энергичной работы, в связи с начавшимся предвыборным периодом. Я должен был посетить части III-го корпуса в Раздольном: согласно выборного закона, армия принимала участие в выборах.

Владивосток. 2 января.

Новый год встретил и провел на Русском острове. Утром еле попал на пароход. Холодно. Лед в бухте крепнет. «Стрелка», поддерживающего сообщение острова с городом, водит ледокол «Казак Хабаров».

На вокзале встретились с В. А. Виноградовым; он тоже едет в Раздольное. Со мной мои неразлучные спутники Аничков и Кларен.

В Раздольном встретил нас молодой генерал Сахаров и несколько лиц из штаба Молчанова, а также командиры частей.

В 4½ часа поехали в бывшее гарнизонное собрание—пустая холодная казарма, где собралось более 1000 офицеров и солдат.

Дисциплина, погоны, плохое обмундирование, плохо скрытая тревога за будущее и явная, непримиримая вражда к большевикам; таков внешний облик того, что я увидел.

Вражда обостряется день ото дня. Политические уполномоченные при начальниках гарнизонов, по понятной с их точки зрения причине, всемерно тормозят устройство каппелевцев. В свою очередь, измотанные походами люди, только что пережившие неудачи в Забайкалье и унижение разоружения в Китае, особенно чутки ко всему, что нарушает их интересы и жажду хотя бы временного отдыха.

Вражда доходит до столкновений и «вывода в расход» коммунистических агитаторов.

Сахаров обратился ко мне с кратким приветствием от имени собравшихся, я поблагодарил короткой же речью. Встретил много знакомых лиц и по мировой войне и по Волге, между прочим, своего ад'ютанта времен директории Ваевского, только что оправившегося от ран.

Открыл собрание доктор Пономарев, после чего говорил довольно сухо и слишком по-интеллигентски, обычно прекрасный оратор, Виноградов. Для солдат-слушателей это было не по силам. Они казались безразличными к словам оратора.

Раздалось замечание: «ограничить генералов 10-ю минутами» и свист.

Виноградов возразил, что он не генерал.

«А кто же вы»?—последовал новый вопрос. В. спокойно раз'яснил.

Эти реплики, их крайне вызывающий тон, взволновали чрезвычайно храброго и спокойного в бою, но обычно весьма нервного и прямолинейного Сахарова. Тем не менее, он сдержался.

Я говорил простыми, понятными солдату словами. Я касался его быта, глубоко затаенных солдатских дум.Слушатели оживились, послышались аплодисменты, слова сочувствия: «верно», «правильно», вырвалось бурное «ура» Родине.

Я уже сходил с импровизированной трибуны, когда послышался вопрос: «А что нам делать, как гражданам, когда мы уперлись, как бараны, в море»?

Раз'яснение на это новое враждебное замечание давал Виноградов, захотевший несколько поправить впечатление его первой, довольно сухой речи.

Между тем, Сахаров грубо отказал в слове протискавшемуся вперед большевику Продайвода, повидимому, автору приведенного замечания, и приказал вывести, тоже проникшего в казарму, его товарища Кустова[324]). Это были члены местной большевистской организации. Их присутствие в казармах было встречено весьма враждебно и солдатской массой. Оба агитатора поняли сложность положения и просили предохранить их от насилия. Я поддержал эту просьбу перед Сахаровым. Неприкосновенность была обещана.

Но Кларен мне рассказал потом, что он видел, как мелькнули в воздухе руки и ноги. Неосторожных «товарищей» изрядно помяли. Это лишний раз

подтвердило наличие непримиримой вражды, она побуждала каппелевцев своеобразно понимать свободу слова.

Познакомился с генералом Молчановым. Сухой, высокий, с глубоко сидящими выразительными глазами. Нервный, с признаками неврастении. Очень храбр. Заботлив в отношении своего корпуса. Своеобразно прост в обращении с подчиненными.

Владивосток. 2 января.

Был генерал Вержбицкий—командующий каппелевцами, маленький, бритый, как будто слегка накрахмаленный, с заметным акцентом, в штатском. Внешнее впечатление не яркое. В беседе сдержан, вдумчив, почтителен, без утрировки. Благодарил от имени армии за почин, давший им толчок к движению в Приморье.

Касаясь вопроса о ближайших перспективах в отношении армии, Вержбицкий, видимо, учитывая ее настроение, полагает единственно возможным существование армии вне подчинения местной власти, перед которой приход армии ставится просто, как свершившийся факт.

«Демобилизовать нельзя, все равно 50-70 проц. уйдут в Гродеково и только усилят шансы Семенова. У него еще до 8 миллионов золота—это достаточно, чтобы владеть армией... Люди в армии не приспособлены к работе, они хороши только, как солдаты».

Это мнение высказывал и генерал Сахаров: «Если их держать безоружными, они разложатся и начнут переходить в Гродеково».

Вержбицкий добивается свидания с Ооий, но тот пока занят новогодними праздниками.

Армия сама располагала суммой, более чем в миллион рублей золотом, но, во время злоключений в Забайкалье, золото это было будто бы передано на хранение японскому полковнику Исомэ.

У Вержбицкого чувствуется холодок в отношении Молчанова, как более популярного среди солдатской массы.

Владивосток. 4 января.

Большевистские «Красное Знамя» и «Дальневосточное Обозрение» поместили ряд резких статей по поводу избиения коммунистических агитаторов на митинге каппелевцев 2 января в Раздольном.

«Вечер» просил у меня опровержения. Я предварительно послал К. в морской госпиталь, действительно ли там находится один из побитых. Все оказалось правдой. Я послал короткую записку в газету с порицанием избиения, как средства в политической борьбе. Случай этот был широко использован в предвыборной кампании не только коммунистами, но и другими противниками группы «Вечера».

Предвыборная агитация в разгаре[325]). В листовках «Вечера» приведена угроза Цейтлина о разгоне Учредительного Собрания, «если оно будет некоммунистическим». А опасения для этого есть. В Благовещенске, где определенно признали власть Советской России, но скептически относятся к ДВР, в местный Наревком прошло 35 членов представителей буржуазии

*) Из его речи в местном Народном Собрании.

(26 гол.) и умеренных социалистов из общего числа членов в 69 человек, т.-е. коммунисты (34 голоса) оказались там в меньшинстве.

Владивосток. 5 января.

Вержбицкий жаловался, что беседа с генералом Ооой совершенно не выяснила наиболее существенных вопросов. В армии плохо с финансами. Жалованье за декабрь не роздано. Единственный источник—Семенов, который сидит с 8 миллионами в Порт-Артуре и ждет.

Вержбицкий очень удивлен, что попал первым кандидатом в прогрессивно-демократический список. Это стараются местные торгово-промышленники и домовладельцы.

«Собирают армии штаны, а нам до зарезу нужны деньги»,—сердился недовольный своими избирателями генерал.

Денежный вопрос теперь самый острый не только в каппелевской армии; сегодня банщик, видимо, узнавший меня, очень интересовался—будут ли теперь во Владивостоке наши (т.-е. русские) войска, и чем правительство будет платить в январе?

«Мукой и угольками»,—ответил я. В этом не было ни шутки, ни невинной антиправительственной пропаганды. Действительно, платить было нечем. Правительство, вместо заработной платы деньгами, переходило на оплату таковой продуктами. Благо запасы еще сохранились.

Встретил главного начальника снабжений армии Федорова—запыхавшийся и встревоженный.

«Что с вами»?

«Да вот еле вырвался от просителей. Заявили, что «не выпустим из помещения, пока не уплатите денег»,—а я их пугнул: стрелять буду, граждане,—хотя и револьвера то при мне нет».

«Уплатить—легко сказать. Мне отпустили вместо 75 тысяч золотом—25 тысяч серебром, вот и выкручивайся».

Не лучше финансовое положение и нашей политической группы «Вечер»: вся работа ведется на доброхотные пожертвования самих членов. Зато не надо ни кассира, ни ревизионной комиссии. Но без денег и здесь много не сделать[326]).

Владивосток. 11 января.

Моя статья «Советский империализм», напечатанная в «Вечере», вызвала яростные нападки большевистского «Красного Знамени» и особенно кадетского «Голоса Родины». Редактор последнего гражданин Воскресенский резко сменил вехи, и теперь он «plus royaliste bue le roi».
Как различно можно подходить к одному и тому же вопросу, и как политика враждебна истине[327])!

Владивосток. 12 января.

Пешком по льду отправился на Русский остров. До моего островского жилища около 14 верст. И, тем не менее, какое это удовольствие!

Владивостоку все можно простить—летние туманы и зимние тайфуны—ради его солнца. На тропинках лед даже подтаял. Пешеходов много.

Большинство, конечно, по нужде—это служащие, остающиеся круглый год на острове, ради сокращения квартирных расходов и вынужденного уклона от соблазнов города.

Общее обеднение многих тянет к окрайнам. Домишки, наскоро сколоченные из разного хлама, растут, как грибы, строят просто землянки. Это новый элемент, продукт революционных потрясений—мелкий цепкий собственник—«засельщик». Он сплоченно и упрямо борется за созданное, на захваченных у города и ведомств участках, свое гнездо.

Здесь, во Владивостоке, это уже серьезная социальная сила среди городских группировок.

На острове прочно осели бывшие мелкие служащие военного и морского ведомств, много и китайцев-огородников. Первый признак упадка власти—самовольная порубка лесов, начавшееся разрушение причалов, пристаней и чудесных прочных шоссе, связывающих бывшие оборонительные сооружения острова.

Владивосток. 13 января.

Опубликованы результаты выборов по Владивостоку в читинское Учредительное Собрание. Коммунисты получили 15 мест из 26, остальные 11—оппозиция с преобладанием правого крыла (Меркуловский список—национал-демократы).

В Хабаровске неожиданный успех имели правые эс-эры. Не важные для коммунистов результаты и в Чите—там они получили всего 35 проц. общего числа мест.

Вообще чувствуется какой-то перелом. Во что он выльется—сказать пока трудно. Есть опасность нового уклона в сторону Семенова. Он оказался предусмотрительным и владеет крупным козырем в борьбе—деньгами и некоторой поддержкой «друзей с островов» (японцев).

Несомненно одно: коммунисты рано взяли бремя власти—она выскользает у них из рук. Обещать легче, чем давать, а давать здесь скоро будет нечего. Богатые запасы Владивостока наисходе. Налоговый пресс почти недействителен в области. Промышленные богатства края, благодаря длительному хаосу, далеко не дают того, что могли бы дать.

Японцы заменяют главу здешнего командования. Новый командующий войсками генерал Тачибана, по слухам, слишком правого уклона.

Владивосток. 14 января.

Новый год по старому стилю. Читал новое положение о военных комиссарах—открывается широкий путь юной молодежи[328]). Для Приморья все это пока нереально. Военное командование во главе с Травниковым почти потеряло здесь значение, его никто и ни о чем не спрашивает.

Местное военно-морское ведомство передано на иждивение Читы, это очень озабачивает и военных и моряков. И те и другие прекрасно сознают, что Чита сама располагает пока только декретами.

Не исправит положение и новый выпуск совершенно обесценивающихся буферок.

В Никольске очень обостряются отношения между каппелевцами и милицией. Нечаев, начальник гарнизона Никольска, доносит, что он бессилен бороться, и просит о подчинении ему резерва милиции.

«Выводы в расход» практикуются обеими сторонами с одинаковым усердием.

Коммунисты возлагают большие надежды на организацию «Комсомола» (союз коммунистической молодежи). Они лихорадочно пропагандируют этот союз и в городе и в деревне.

Правительство Антонова вносило в русско-японскую согласительную комиссию вопрос о ликвидации Гродекова, при чем, если японцы, в силу соглашения от 29 апреля, не сделают этого сами, то правительство просит не мешать ему произвести это вооруженной силой, вызванной из Хабаровска.

Владивосток. 20 января.

На городской квартире полно дыму. Буржуазия, за которую мы еще продолжаем ломать копья, плохо заботится о своих защитниках. Мой домохозяин С. любит только самого себя, свой карман и, пожалуй, еще искренне уважает японцев, как реальную силу—вот и все основы для национального строительства и патриотизма.

Узнал, что я и С. Ф. Знаменский избраны в члены Учредительного Собрания. Свое депутатское место по Суйфунскому району (Раздольное и др.) я уступил доктору Пономареву, так как одновременно проходил и по Хабаровску, вместо отказавшегося Л. А. Кроля.

Несмотря на участие в выборах, буржуазные и демократические круги Владивостока относятся в общем весьма скептически к самому Учредительному Собранию Читы. Недостающее коммунистическое большинство там с успехом пополнено кандидатами от войсковых частей. Таким образом, ход работы Собрания предрешается заранее, и поездкой туда могли бы быть достигнуты исключительно лишь информационные цели.

Эту роль и должен был выполнить от группы «Вечера» С. Ф. Знаменский. Мне же, в связи с неизбежно назревавшими новыми событиями в Приморье, признано было более полезным остаться во Владивостоке.

Владивосток. 21 января.

Члены Учредительного Собрания несоциалистических группировок в Читу не поехали. Они готовятся к своему с'езду несоциалистических организаций.

Вообще, в воздухе пахнет осложнениями. Убийство американского лейтенанта Лангдона*), имевшее, видимо, романическую подкладку, получило значение политического события и подняло шум. С одной стороны, спешно, порвав даже причалы, ушел куда-то японский броненосец «Миказа». С другой—стало известным, что командующий американским флотом в водах Тихого океана, адмирал Клевс, едет сюда в качестве председателя след-

*) Убит японским патрулем.

ственной комиссии по делу об убийстве Лангдона. Американские матросы устроили кошачий концерт перед японским штабом на Алеутской улице.

Большевики определенно готовятся к войне с Японией, и считают Владивосток потерянным. Видные коммунисты раз'езжаются, главным образом, в Читу. Здесь, во Владивостоке, власть почти умирает; финансовый кризис отчаянный, ассигновки задерживаются сотнями.

Опять слухи о Семенове. Его заместитель по Уссурийскому казачьему войску, Савицкий, получил от генерала Ооя любезное письмо, меч и фотографический портрет.

Ловцевич сообщил, что, наоборот, финансовое положение каппелевцев крепнет. Кое-кто намекает на кассу атамана Семенова. Об этом будтобы очень хлопочет притихший полковник Исомэ.

Члены «Читинской учредилки»—эс-эры, уехали в Читу. Вчера их вагон почему то не пропустили. Уехали и наши—Знаменский и Пономарев[329]).

Владивосток. 23 января.

Вчера приезжал новый английский военный представитель—молодой капитан Принсеп (Prinsep). Он в декабре выехал из Англии.

«А как у вас на родине»?—задал я вопрос гостю.

Капитан несколько смутился (трудно англичанину признать трещины в их собственном государственном механизме) и ответил:

«У нас очень хорошо».

«Но Красина*) то вы опять задержали».

«Да, хотим точно выяснить возможности торговых сношений с советской Россией. На Западе воевать некому—все устали, а у нас, кроме того, и 700 тысяч безработных».

По газетам, Черчиль меняет свой портфель военного министра на портфель министра колоний. Место Черчиля будто бы займет Лорд Дерби.

Англичане не хотят колебать своего влияния на море и под видом грандиозного маневра направляют значительную часть своего флота в Тихий океан. Я отметил это в своей вчерашней статье в «Вечере»—«Бюджет Японии на 1921 г.». Почти треть 1½ миллиардного бюджета испрашивается на армию и флот. Как только японцы справятся с такими расходами! Не даром крепко стоявшая иена начала падать.

Кларен сообщил, что будто-бы Москва предписала ДВР неуклонно проводить истинно-демократическую программу и анулировала все декреты, до сих пор изданные Читой.

Никифоров вернулся из Москвы в Читу. Полагают, что он будет возглавлять правительство ДВР.

Японцы почему-то начали обмер казенных зданий и запись номеров на улицах. Это вселяет тревогу. Ходят слухи об оккупации. Называется даже день таковой—27 января, день прибытия нового японского главнокомандующего генерала Тачибана.

Хорошо, если бы это были только слухи. Оккупация будет невыносима, даже если ее несколько сдобрят семеновщиной.

---

*) НРК внешней торговли РСФСР.

Владивосток. 30 января.

Сегодня первый день «каппелевской недели»*). Был в соборе, тьма молящихся, многие в трауре, слезы при поминовении «убиенных в междоусобной брани».

Улицы полны народа. Классовая рознь налицо—пролетариата мало. На многих домах старые трехцветные национальные флаги.

Всюду продают каппелевские значки.

Заходил на митинг, устроенный каппелевцами в «Иллюзионе». И там масса народу. Застал конец речи кадета Кроля. Под'ем. Пытался нарушить настроение товарищ Ф.[330]), об'явивший себя тоже каппелевцем, но неудачно.

Митинг организован основательно: своим—«ура», коммунистам—«долой» и свист.

Владивосток. 31 января.

Китайский консул отказал в визе в Харбин генералу А. Отказ мотивирован будто-бы строгим приказом правительства ограничить проезд военных в полосу отчуждения КВЖД. Неизвестно—результат-ли это мукденского соглашения, происки-ли ДВР, или просто желание избавить Харбин от перегрузки русским военным элементом, с которым, по газетам, «нет сладу». Корректный А. в гневе и огорчен[331]). Коммунисты прекрасно организовали свое сегодняшнее празднество. После вчерашняго начала «каппелевской недели» демонстрация «народа» вышла достаточно грандиозной.

«Хлеба и зрелищ»...

Улицы и сегодня полны, кстати и погода чудесная.

Впервые сочетание флагов старого национального, красного и флага ДВР**).

В толпе, тем не менее, заметное утомление и знаменами и лозунгами, и даже звуками интернационала[332]).

Встретил американского представителя г. Смита.

«Разве вы еще не в Чите»***)? — задает он мне неожиданный вопрос.

«Пока нет»,—ответил я, и сообщил, что жду приезда семьи.

«Что же скажет мир (? В. Б.), когда узнает, что вы не поехали?»

«А что он скажет»?—спросил я, в свою очередь, почтенного мистера Смита.

«Вы сами знаете, что он скажет»—увернулся от прямого ответа и мой собеседник.

Напор толпы прервал нашу беседу. Я торопился на раут к новому японскому главнокомандующему ген. Тачибана.

Там уже масса гостей, саке, пиво, сандвичи... Генерал Такаянаги повел меня к хозяину дома.

---

*) Неделя сбора пожертвований в пользу вошедшей в Приморье Каппелевской армии (остатки армии Колчака).

**) Красное с синим квадратом у древка и инициалами ДВР.

***) Вопрос касался моего от'езда в Читу, как члена созванного там Учредительного Собрания.

Тачибана довольно высокий крепкий мужчина лет под 60, с реденькой, коротко подстриженной бородкой. Сейчас же заговорил со мной по-японски. На выручку явился полковник Исомэ. Обменялись любезностями, при чем генерал заявил, что раньше он знал по-немецки, а теперь забыл, но «чувства выражаются не словами, а сердцем, а оно,—(так, по крайней мере, переводил Исомэ)—полно любви к России и русским».

Это было очень любезно для первой встречи, я не остался в долгу.

Поздоровались с прежним главнокомандующим генералом Оой. Он заметно подавлен, кажется—даже стал как-то меньше ростом.

Уход на высокий пост в Военный Совет, видимо, не особенно его соблазняет. Ему ставят в минус неудачу прошлогоднего выступления 4-6 апреля.

Среди общего говора то и дело раздавался неистовый хохот—это «веселился» командир американского крейсера «Альбани» Mr. R.

Ему временами вторил неизменный посетитель всех раутов, обедов и торжеств небезызвестный петроградский врач Бари, кажущийся всегда навеселе.

Как тесен мир! Кого только не встретишь на этом далеком клочке Приморья!

Исомэ советовал ехать в Читу... «там полная свобода».

«И торговля «без товаров»—добавил я словами его недавнего интервью.

Хитрый полковник, выросший в довольно крупную фигуру за время пребывания на нашем Дальнем Востоке, был заметно польщен.

«Ведь верно я сказал», добавил он не без самодовольной улыбки.

Мой заместитель по командованию войсками Приморья, ген. Травников вне какого бы то ни было внимания. Его просто не замечают. Жаловался на трудность своего положения.

Говорил с Меркуловым и Сенкевичем. Оба против поездки в Читу, хотя и избраны в члены Учредительного Собрания. Одобряют борьбу против советской России, но опасаются борьбы против «просто» России.

Здесь же Антонов (председатель Правительства) и Цейтлин. Эти, наоборот, соблазняют возможностью поездки в Читу в вагоне уполномоченного по инстранным делам Сквирского.

Владивосток. 2 февраля.

День провел на Русском острове. Заходил к генералу Андогскому. Он в смущении: из Читы определенного призыва нет, здесь жмут академию военные комиссары, сделавшиеся в сущности полновластными хозяевами положения. Тревожит мысль о финансах и о целесообразности новых «зигзагов», в которых так искусился почтенный Андогский. К чести его, он делает многое для академии и ухитряется в столь сложное время кормить и ученый и административный состав подчиненного ему учреждения.

Владивосток. 3 февраля.

Финансовые реформы Читы остаются для Приморья просто бумагой. Японская иена и серебро совершенно вытеснили «буферки». Курс на серебро тоже падает.

Правительство, после радикального сокращения штатов, выплачивает жалованье пополам валютой (иена) и серебром. В будущем месяце грозят посадить на паек.

«Каппелевская неделя» идет туго. Местная буржуазия не раскошелилась. Иностранные представительства уклоняются от взносов, опасаясь, что это «будет вмешательством в наши внутренние дела». Кларен говорил мне, что одна из сочувствующих японских фирм—не то Сузуки, не то Мицубиши—вместо обещанных 5.000 «пожертвовала» целых 40 иен!

Военное ведомство отказало каппелевцам в кроватях. В управлении главного начальника снабжения царит комиссар Повелихин, а сам начальник, генерал Федоров только скрепляет бумаги.

Сквирский очень уговаривает поехать с ним в Читу, хвалит тамошнюю жизнь и благоустройство.

Владивосток 4 февраля.

Рано утром приехал с Русского острова ген. Андогский и А. С ними происшествие: японский взвод задержал их автомобиль у казарм 36 полка. Андогский показал магическую карточку*)—не подействовало, потащили к коменданту. На попытку раз'яснить недоразумение японский офицер заявил: «Ваша русски офицер ходи гауптвахта».

При таких порядках трудно говорить о суверенности ДВР. Действительно, простой японский офицер генерала (чины, правда, считались отмененными) и во всяком случае начальника русской военной академии тащит в кутузку... Такие поступки, несомненно, увеличивают кадры сторонников большевиков. Хотя, в конце концов, как это всегда бывает у японцев, все оказалось «ошибкой», но факт насилия остается фактом.

Андогский решил жаловаться в японском штабе. Там тоже пожалеют о «недоразумении», тем дело и кончится.

В Никольск-Уссурийске, в виду особо дружественных чувств со стороны местного японского командования, каппелевцам предоставлены самые скверные казармы, а в Раздольном продолжаются убийства «неизвестными» из японского штаба и контр-разведки. Растет глухое озлобление. В этих условиях русской стороне трудно поддерживать «искренность и дружбу» с географическим соседом.

Владивосток. 5 февраля.

Опять смена кабинета. Антонов приглашает меньшевика Берлацкого для управления ведомством финансов. Намечается министрами лидер крестьян учитель Абоимов и кое-кто из самих крестьян. Последние, между тем, рвутся домой. Им до смерти надоело законодательствовать. Вообще, Народное собрание дышет на ладон. Оживляет несколько неугомонный депутат, кадет Кроль.

Правая фракция и казаки против нового кабинета и отказались от голосования. Эс-эры просто воздерживаются. Таким образом, новый кабинет избран большевиками, меньшевиками и большевствующими крестьянами.

---

*) Одного из членов японской военной миссии.

Внесен запрос о белом терроре в Жариково и Раздольном. Кроль, в свою очередь, штурмует правительство по поводу безобразий начальника милиции Никольска—Харитонова.

Из Читы, по сообщению Кларена, опять телеграмма военного министра Матвеева: просят устроить мое прибытие, гарантируют проезд, последнее, видимо, необходимо[333]).

Владивосток. 8 февраля.

В городе тревожные слухи, говорят о готовящемся выступлении под флагом Семенова, который об'явил о своем вступлении в командование Дальневосточной армией, в том числе и каппелевцами, находящимися в Приморье. Это об'явление вызвало у каппелевцев раскол. Наиболее прочные части, составляющие корпус Молчанова, настроены к Семенову враждебно.

Получена нота президента С. А. С. Штатов о недопустимости отторжения частей России и иностранного вооруженного вмешательства. Это серьезное сдерживающее начало против агрессивных замыслов японских шовинистов.

Владивосток. 25 февраля.

Слухи около имени Семенова, Гондати, Михайлова пока остаются слухами. Выступление с той стороны было бы даже выгодно для большевиков. Опять для них явилась бы возможность несколько отвлечь внимание населения от крайне тяжких экономических условий, сложившихся и в Европейской России и в Сибири.

С другой стороны, усиление влияния Краснощекова, диктаторствующего в Чите, обусловливает распространение власти Советов и на Приморье. Фракция крестьянского большинства в Народном собрании, руководимая читинским министром Румянцевым, уже заявила о ненужности постоянного парламентаризма. Эс-эры, устами депутата Труппа, возобновили кампанию за «единый социалистический фронт», и готовятся к бою с черными силами.

В марте, постепенно нарастая, обнаружился резкий перелом в настроении Народного собрания. Крестьянская фракция большинства, находившаяся до сих пор под влиянием коммунистов, начала проявлять самостоятельность. По запросу об отправке владивостокских грузов в советскую Россию на пароходе «Легия» оппозиции удалось расколоть крестьянское большинство.

Сложившееся настроение деревни, сильно влиявшее на крестьянских депутатов, начало расцениваться, как процесс отхождения масс от коммунистов. Настроение рабочих, правда, не подкрепляло этих надежд, зато в кругах городской обывательщины, находившейся в тесном общении с беженскими элементами, заметно росло антикоммунистическое настроение, принимавшее порой окраску реакционного движения.

Несоциалистический с'езд, открывшийся 21 марта во Владивостоке, явился первой попыткой об'единить это движение, оформить его.

Намерения некоторых участников с'езда превратить этот с'езд из «несоциалистического» в «антикоммунистический» и добиться привлечения к работам демократических группировок и социалистов, противников комму-

низма, как и следовало ожидать, не встретили ни малейшего отклика среди реакционно настроенного большинства С'езда.

Реакционные устремления последнего, лишь слегка завуалированные «демократическим» флером некоторых резолюций, заставили торгово-промышленную группу отойти от с'езда, то же сделали и кадеты, ушедшие с первого же заседания.

Тем не менее открытие с'езда было обставлено большой помпой. Присутствовало до 20 организаций, большею частью фиктивных, наскоро сформированных из богатого запаса беженцев в Харбине.

С'езд выработал особую программу, предусматривающую создание Временного Правительства Приморья до созыва *учредительного С'езда;* отказ от гражданской войны и пр.

В совет С'езда вошли два брата Спиридон и Николай Меркуловы —местные аборигенты, князь Крапоткин—беженец, земец казанской губернии и В. Ф. Иванов—адвокат, кажется, тоже из Казани, или Екатеринбурга, несколько легкомысленный, но недурной и весьма темпераментный оратор. Совет этот сразу же повел энергичную организационную работу, быстро оторвал военные группировки и особенно каппелевскую армию от влияния правительства Антонова. Последнее было нетрудно сделать, так как новый командующий войсками Лепехин, как коммунист, естественно не мог пустить глубоких корней в ее рядах, хотя в толще рядовой массы и был преобладающий процент Ижевских и Воткинских рабочих[334]).

Группа национал-демократов, руководимая Меркуловыми и имевшая в Приморском Народном собрании всего несколько представителей, с образованием совета несоциалистического С'езда, начала более энергичную, организованную работу и еще более усилила значение парламентской оппозиции. У правительства, терявшего почву, было слишком много уязвимых мест, при все более и более усиливающемся финансовом крахе и безработице[335]).

В правом лагере к этому времени возникла новая организация, весьма склонная к поддержке Семенова, так называемое, «Русское обновленное Общество», с недостаточно определенной политической физиономией и склонностью к коммерческим махинациям.

Организация, в которой главное ядро составляли торгово - промышленники, вылилась в отдельную группу «прогрессивных демократов».

Группа «Вечера» оформилась в Дальневосточный Демократический Союз.

В обращении инициативной группы этого Союза, опубликованном 11 апреля 1921 года, говорилось:

«Создавшееся на Дальнем Востоке политическое и экономическое положение настоятельно требует скорейшего организованного об'единения всех действительно демократически настроенных граждан, считающих необходимым отстаивать осуществление на Дальнем Востоке, не только на словах, но и на деле, демократического государственного строя, при котором действия исполнительной власти находились бы под постоянным и действительным контролем народного представительства, а личные и публичные права граждан были бы вполне обеспечены».

«4-го мая состоялось организационное собрание, на котором была принята платформа союза с общим лозунгом: *«ни коммунизма, ни реакции»,*

платформа союза демократов, как беспартийных, так и принадлежащих к демократическим партиям (социалистическим и несоциалистическим), без необходимости оставления последними рядов своих партий.

Выдвигаемое платформой союза, как основное положение—осуществление народоправства на Дальнем Востоке должно было, по мнению его членов, послужить к «скорейшему изживанию интервенции, угрожающей национальным интересам России», так как, «при установлении демократического строя, обеспечивающего гражданский мир и правопорядок», сами собой отпадают формальные предлоги для пребывания войск интервентов на Дальнем Востоке.

Далее платформой намечались очередные задачи деятельности союза, при чем указывалось, что «союз будет добиваться своих целей, как путем парламентской работы, так и путем устройства бюро защиты прав граждан от произвола власти, митингов протеста, демонстраций, путем прессы и устного слова и, наконец, путем сплочения граждан для энергичного отстаивания, как своих прав, так и прав народа на власть, без вмешательства во внутренние споры каких бы то ни было посторонних сил».

Ведя ожесточенную борьбу с начавшей поднимать голову реакцией, союз—«мертворожденное дитя», по определению враждебной прессы, наносил весьма чувствительные удары и налево. Сильный интеллектом основного ядра сотрудников «Вечер» не только увеличивал тираж, но и быстро начал приобретать большое политическое значение.

Союз имел и лучших ораторов в Народном собрании.

Конечному успеху союза вредили: отсутствие стремления к широкой организации масс и почти полное равнодушие к вопросу о захвате власти. Руководящая группа союза совершенно ясно сознавала, что пока не изжита интервенция, пока хоть один иноземный солдат остается на русской территории, никакое правительство не будет прочным, а при столь быстрой смене властей, в свою очередь, нельзя было серьезно думать о какой-либо перемене к лучшему и экономической жизни края. Он доедал последние запасы, проживал остатки скопившегося здесь имущества. Интервенция для оправдания своего бытия, все время сталкивала враждующие русские крылья, не давая ни одному из них усилиться настолько, чтобы установить порядок в крае и наладить экономическую жизнь.

Союз стремился показать борющимся сторонам истинное значение интервенции, призывал к взаимным уступкам, как единственному средству прекратить бесцельное взаимоистребление.

Это был призыв к соглашательству—да, но пока существовала интервенция в ее настоящем виде, другого выхода не было. Добросовестная взаимная резня меньше всего соответствовала интересам страны[336]).

Такая точка зрения не соответствовала духу руководящих кругов каппелевской армии, собственное положение которой продолжало оставаться крайне неопределенным. Ее потянули темпераментные устремления владивостокских и харбинских национал-демократов (меркуловцы). Им она и отдала впоследствии и силу своего меча и свои голоса при выборах в новое Приморское Народное собрание.

31 марта была произведена первая попытка переворота, при чем главную роль в таковой играл каппелевский полковник Глудкин, более склонный по симпатиям к гродековскому, т.-е. семеновскому течению, вернее—Глудкин представлялся храбрым, весьма решительным и крайне честолюбивым офицером анархического склада.

Эта попытка, носившая чисто военный характер, с значительным привкусом семеновщины, не захватила наиболее прочно организованных частей армии и была быстро ликвидирована наличными силами Правительства.

Неуспех этого «переворота», едва не стоившего жизни его руководителю (Глудкин ранил себя при попытке к самоубийству), об'ясняется будто бы недостатком оружия у восставших глудкинцев. Во всяком случае попытка эта не получила, видимо, той поддержки, на которую она рассчитывала со стороны меркуловской группы.

Последняя или не могла, или не хотела помочь во-время. Может быть она просто не хотела работать на Семенова. Приморский трон можно было занять и самим.

Антоновское правительство хотя и подавило восстание, но не имело уже ни достаточного авторитета, ни сил, как для расследования породивших его источников, так и для принятия мер обеспечения от новых попыток в этом направлении.

Оно организовало самооборону среди рабочих, об'единило многочисленных грузчиков, выпустило ряд воззваний и заявлений, но все это были уже меры только обороны, за которыми чувствовалась предрешенность и неизбежность конца.

В рядах каппелевской армии правительство утратило всякое влияние. Она бесповоротно уходила во вражеские ряды. Японское командование проводило свою политику: обеим сторонам оно обещало «дружественный нейтралитет» и «разоружение начинающего бой».

IX.

Переворот 26 мая. Правительство Меркуловых.

Апрель и первая половина мая прошли в большом напряжении. За это время значительная часть военных, скопившихся в Гродеково, под тем или другим предлогом стала просачиваться во Владивосток. Влияние гродековцев значительно окрепло и в Никольске.

Больше того—наблюдалась солидарность командующего войсками коммуниста Лепехина со ставленником Семенова Савельевым. Они об'единились общей задачей—совместной враждой против каппелевцев[337]).

Сессия Народного собрания прервана с 9 апреля до 14 июня, надо думать, что больше она и не соберется. Ходят слухи о решении консульского корпуса об'явить Владивосток международным городом.

За отказом демократических группировок Владивостока от активных выступлений, руководящие круги каппелевцев все более и более связывают свою судьбу с Советом с'езда несоциалистических организаций, находящимся под исключительным влиянием бр. Меркуловых. Совет с'езда был в весьма тесной связи и с Семеновым, жившем в это время в Порт-Артуре, и с его штабом, руководимым весьма честолюбивым генералом Клерже.

Благодаря сохранившимся значительным средствам, положение Семенова, несмотря на столь бесславный исход из Забайкалья, было весьма прочным. Он находил широкую поддержку и в Харбине, где, не без участия остающегося в тени И. А. Михайлова, был образован, так называемый, «Национально-экономический союз», куда на основах «экономического об'единения» вошли, между прочим: бывший председатель Екатеринбургского правительства (1918 г.) П. В. Иванов и виднейшие из сибирских маслоделов, во главе с Шишкановым, а также руководители «Всероссийского крестьянского союза» Славянский, Улитин и другие[338]).

Харбинские «национал-экономисты» поддерживали претензии Семенова на роль Верховного Правителя России и имели уже почти готовое для него правительство, с П. В. Ивановым во главе.

Правительство это, не имеющее пока ни территории, ни подданных, повело широкую пропаганду своих идей. Читался ряд докладов, главным образом, на экономические темы, рассылались программы, вербовались сторонники. Но все это пока ограничивалось Харбином и, как прежде, захватывало, главным образом, беженские интеллигентские круги, оставаясь чуждым для широких масс населения.

Как на поддерживающую его вооруженную силу, Национально-экономический союз рассчитывал на Гродековскую группу, преданную Семенову, на

отошедшие в Монголию части Унгерна и на Каппелевскую армию, находившуюся под значительным влиянием бр. Меркуловых.

Широким экономическим перспективам соответствовали широкие военные задания.

Все эти предположения, тем не менее, не осуществились. И Семенов, и национал-экономисты остались ни с чем. Их усилия подготовили лишь совершенно неожиданное торжество меркуловцев.

Успех меркуловцев в значительной степени обусловливался их активностью. Поддерживая связи с Порт-Артуром и Харбином, получая материальную поддержку от Семенова, группа эта энергично собирала вокруг себя силы, готовые к выступлению. Она учла создавшееся изолированное положение каппелевцев и, не колеблясь, согласилась на организацию при их содействии власти, в случае свержения правительства Антонова.

Сумела эта группа заручиться и доброжелательным содействием японского командования. Если ездившие в Токио представители несоциалистических организаций, В. Ф. Иванов и князь Крапоткин, не имели там никакого успеха, то Меркуловым удалось во Владивостоке установить довольно прочные связи со штабом японского командования.

События назревали. Во Владивосток стали просачиваться военные элементы из Харбина и других пунктов Китая. Прибыли в связи с участием в заседаниях с'езда несоциалистических организаций, генерал Лохвицкий, наиболее видные члены «Совета казачьих войск» и высокий специалист по переворотам, бывший начальник штаба и военный министр Колчака, генерал Д. А. Лебедев.

В мае Лохвицкий был арестован и содержался при Особом отделе на Корейской улице.

Находившаяся в ведении японцев гостиница «Централь», из которой год тому назад громилась Земская Управа—помещение Земского Правительства,—сделалась местом совещаний, главным штабом меркуловцев.

Неуязвимая для власти, постоянно охраняемая японскими часовыми, гостиница эта являлась чрезвычайно удобным наблюдательным пунктом и надежным убежищем на случай тех или иных действий.

20 мая произошла как бы репетиция назревающего переворота. Под каким-то предлогом вооруженная рота японцев выстроилась у Владивостокского вокзала против штаба русских войск. Здание штаба было оцеплено, все служащие выведены на улицу и об'явлены арестованными. Командующего войсками Лепехина в штабе в этот момент не было. Одновременно было произведено нападение и на Особый отдел штаба на Корейской улице. Ворвавшаяся вооруженная группа белых разгромила помещение и освободила находившегося здесь в подвале арестованного генерала Лохвицкого.

После некоторого времени все сотрудники штаба были об'явлены свободными, удалились и громившие Особый отдел «неизвестные в военной форме».

Происшествие это породило значительную тревогу в рядах Правительства Антонова и серьезные опасения среди коммунистов. Заявления и протесты, сделанные Антоновым и уполномоченным ДВР Цейтлиным, практического

результата не имели. Было ясно, что неизбежна кровавая схватка, несмотря на все заверения японского командования о недопустимости таковой.

Антоновское правительство располагало во Владивостоке резервом милиции в виде особого батальона с пулеметами и конным эскадроном. При сочувствии весьма многочисленных грузчиков и других рабочих, несомненно, достаточно подготовленных коммунистами, оно могло бы оспаривать победу во Владивостоке. Но в других пунктах все преимущества были на стороне переворотчиков: Никольск, Раздольное и др. пункты, кроме особо сформированных отрядов, имели и прочно организованные части каппелевцев.

Усилить себя войсками из Хабаровска правительство Антонова не могло в силу Русско-Японского соглашения 29 апреля 1920 г.,ревниво соблюдавшегося японским командованием.

Содействие могли оказать партизаны, но и они, в силу некоторого нажима на них со стороны владивостокского командования, если и оказали таковое в скрытом виде, то во всяком случае лишь в небольших размерах.

Решающее значение имели японцы. Их содействие на этот раз определенно переходило на сторону правых группировок. Правительству Антонова, как и ряду его предшественников, оставалось только с честью умереть.

Развязка не заставила себя долго ждать. Около 10 часов утра 26 мая в центре Светланской улицы проходила, сопровождаемая милицией, партия разновременно арестованных военных (белых). Около дома Кунста и Альберса находившаяся на улице толпа, подогретая бывшими среди нее агентами Меркуловых, потребовала освобождения арестованных. Смущенные милецейские не оказали никакого сопротивления и покорно дали себя обезоружить.

Находившийся в толпе гражданин Г., когда-то бывший рабочий, а теперь владелец местной табачной фабрики, выбросил трехцветный старый русский национальный флаг, взобрался на ближайший фонарный столб и горячей, страстной речью приветствовал первый шаг к «национальному об'единению и свержению власти коммунистов».

В то же время высыпала группа вооруженных людей из гостиницы «Централь». Во главе ее были генералы Лебедев и Глебов. Постовые и милицейские были немедленно обезоружены. Переворотчики захватили здание Областной земской управы. Отсюда и началось уже открытое руководство восстанием.

Одновременно белыми были захвачены штаб, гауптвахта, управление внутренними делами и другие наиболее жизненные пункты города. В очень короткое время важнейшая западная часть Владивостока была в руках повстанцев. Там на всех зданиях реяли уже трехцветные флаги.

Первое серьезное сопротивление было оказано красными у дома № 3 по Полтавской улице, против здания Городской Думы. Здесь помещался один из отделов государственной политической охраны, особенно ненавистной для переворотчиков и горожан («Чрезвычайка»).

Первая попытка захватить это здание была встречена живым огнем с его балкона и окон. У белых оказались убитые и раненые. Тротуар у здания городской управы и стены самого здания были обильно обрызганы кровью.

Глазевшие горожане с ужасом шарахнулись во все стороны. Все дальнейшие попытки нападающих оказывались такими же неудачными; число жертв росло. Защищавшие здание несколько человек из милицейского резерва не высказывали никакого намерения к сдаче. Это продолжалось весь день 26 мая.

Главные силы правительства были сосредоточены в восточной части города в, так называемом, «Гнилом углу». Оттуда постепенно началось их наступление вдоль Светланской улицы и по берегу бухты «Золотой Рог», где были сочувствующие коммунистам матросы с судов сибирской флотилии.

В свою очередь, развивали наступление и переворотчики. Стороны сошлись почти на средине Светланской улицы в районе морских флигелей, занятых в то время Центральным бюро профессиональных союзов. На этих зданиях, в связи с переменным успехом борющихся, поочередно выкидывался то флаг ДВР, то трехцветный флаг дореволюционной России.

Я жил как раз против этих зданий. Перестрелка и мелкие схватки тянулись в этом районе не только 26 мая, но и на следующий день. Неотступно сопровождая воюющие стороны, японцы неизменно прекращали бой, как только таковой принимал более или менее серьезный характер.

Я несколько раз должен был переходить нейтральную зону, чтобы попасть к себе домой. Как-то вижу двух-трех человек на крыше моего дома, устанавливающих красный флаг—значит, победили красные. Действительно: они только что сняли трехцветный флаг, выставленный моим хозяином. Над его квартирой, для большей верности, давно уже висел японский флаг. Подданство той или другой из враждующих сторон он предпочитал демонстрировать соответствующим флагом над крышей занимаемого мною дома. Этот, не лишенный остроумия, прием практиковался в эти дни многими.

Наконец, по каким-то соображениям, красная сторона была разоружена японцами. Вскоре, примерно, таким же порядком было «сломлено» сопротивление красных и в Шефнеровских казармах, где милиционерам оказывали содействие рабочие Дальневосточного судостроительного завода и местные матросы. В Шефнеровских казармах отсиживались, как в бесте, охраняемом японцами, видные деятели-коммунисты и агенты правительства, в том числе и Цейтлин. Там же находился и глава правительства В. Г. Антонов.

Здание на Полтавской улице «сдалось» тоже только на третий день. Его защищал один мужественный милиционер, засевший на крыше за каменной трубой, над которой развевалось защищаемое им знамя ДВР. Он каждый раз свирепо отстреливался при всякой попытке со стороны его врагов. Быстро сделался любимцем толпы, которой он показывался время от времени из-за скрывающей его трубы. Толпа ему аплодировала, посылала пищу и мешала принятию против него решительных мер.

Я, к сожалению, не знаю его конечной судьбы, но живо, как красивый эпизод, вспоминаю красную трубу, красный с синим флаг и его упорного защитника.

Борьба закончилась в «Гнилом углу». Со стороны красных там дрались и партизаны. Вмешательство японцев было не в их пользу. Они, вместе с наиболее непримиримыми защитниками правительства Антонова, ушли в сопки.

Более легко совершился переворот в Никольске.

Еще 29 мая во Владивостоке имелось сведение о разоружении никольской милиции и о переходе на сторону каппелевцев части дивизиона народной охраны, а на следующий день экстренный выпуск «Слова» подтвердил утренние сообщения газет о перевороте в Никольске. И милиция, и дивизион народной охраны сдали оружие каппелевцам. Комендантом города назначен командир II корпуса ген. Смолин. Общее руководство событиями находилось в руках командующего каппелевской армией ген. Вержбицкого.

То же произошло в Раздольном и др. пунктах. Власть коммунистов была ликвидирована.

Переворот на севере докатился до Спасска. Во Владивосток вошли части III корпуса генерала Молчанова, наиболее тесно связавшиеся с Меркуловыми. Части эти предупредили закрепление во Владивостоке семеновцев, принимавших весьма деятельное участие в перевороте и являвшихся авангардом, подготовлявшим вступление в законные права «Верховного Правителя»—Семенова, находившегося в это время в Дайрене.

Совет с'езда несосов немедленно выдвинул из своего состава правительство *пяти,* назвавшее себя *Приамурским правительством,* что показывало распространение его претензий на власть не только над Приморьем, но и над Амурской областью.

В состав пятерки вошли оба брата Меркуловых, городской голова Владивостока—Еремеев и два малоизвестных гражданина—Макаревич и Адерсон. Председателем правительства был избран Спиридон Меркулов, человек чрезвычайно хитрый, честолюбивый и энергичный. В довоенное время он был одним из крупных сотрудников бывшего здесь генерал-губернатором Гондатти, хорошо знал край и местные условия. Вместе с братом своим Николаем, в прошлом—капитаном парохода на Амуре, а теперь владельцем нескольких промышленных предприятий в районе Владивостока, образцом грубой силы и упрямой воли, эти два человека фактически сделались господами положения.

Николай Меркулов, имевший связи и в японском штабе и среди верхов каппелевцев, взял на себя заведывание иностранными и военно-морскими делами.

Значительное влияние в правительстве получил после переворота командующий каппелевской армией генерал Вержбицкий, который вместе с своим штабом прочно обосновался во Владивостоке.

Соперником ему по влиянию на правительство являлось полуавтономное уссурийское казачество, во главе с его атаманом Савицким и генералами Савельевым и Глебовым, сыгравшими весьма крупную роль в только что законченном перевороте.

Пытался играть некоторую роль и «Совет казачьих войск», во главе с «наследником прав» известного атамана Дутова—генералом Анисимовым. У Совета были свои вооруженные части—небольшие отряды оренбургских, уральских, сибирских и семиречинских казаков. В Совет входило представительство и от амурских и уссурийских казаков.

С главой правительства С. Меркуловым я познакомился при несколько исключительных условиях.

В первые дни после переворота я как-то беседовал с посетившим меня американским представителем г. Смитом.

Доложили, что меня просят только что прибывшие посетители. Я вышел. Оказалось, меня желали видеть министр юстиции нового Правительства Разумов, которого я видел первый раз, начальник осведомительного отдела полковник Михайлов и какой-то совершенно незнакомый человек, оказавшийся представителем уссурийских казаков.

Я спросил прибывших о цели их визита, а также поинтересовался—имеют ли они личное дело ко мне, или исполняют чье-либо поручение?

Разумов очень почтительно заметил:

«Мы прибыли по поручению председателя Правительства, он просит вас пожаловать к нему».

В окно виднелся стоявший у под'езда военный автомобиль.

Это «пожаловать» в устах министра юстиции, подкрепленное начальником осведомительного отдела, мне не особенно понравилось. Оно очень напоминало вежливое заявление об аресте.

Я ответил, что сейчас занят беседой с американским представителем и освобожусь через 20-25 минут.

«Вы или пришлите за мной машину, или, если располагаете временем, благоволите пройти на балкон и обождать».

«Гости» предпочли обождать на балконе.

Закончив разговор со Смитом, я сделал некоторые распоряжения по дому на случай возможных неожиданностей, и мы отправились.

Светланская улица, по которой мчался автомобиль, полна народу.

Меня доставили в здание Областной Земской Управы. В кабинете председателя находился С. Меркулов во френче и высоких желтых сапогах. Сбоку в кресле сидел генерал Вержбицкий.

Поздоровались. Меркулов извинился, что побеспокоил меня.

Я довольно резко заявил ему, что хотел бы знать причину, по которой меня второй раз катают при столь пышном конвое в казенном автомобиле*).

Меркулов об'яснил, что сегодняшнее приглашение вызвано общественной тревогой, в связи с появлением огромного плаката у здания занимаемого японским жандармским управлением (обычное место расклейки сенсационных известий).

В плакате сообщалось, что, во главе со мной, я формирую новое правительство. Известие это будто бы глубоко встревожило каппелевскую армию и вызвало негодование «национал-патриотов».

В голосе Меркулова звучала нотка скорби и покорность промыслу божьему. Он недурный актер и хорошо знает, что делает.

Я заметил, что сообщение это очень напоминает мне сообщения газет, имевших место в прошлом году, сейчас же после январьского переворота, свергнувшего Розанова, и после апрельского выступления японцев. Тогда это сообщали левые газеты, теперь об этом пишет «Слово» (лейб-орган мерку-

*) Первый раз, сейчас же после переворота, по распоряжению генерала Лебедева, интересовавшегося задержанными интервентами военными материалами.

ловцев) и как нечто новое—плакат у помещения японского жандармского управления.

Редакция сообщения почти одна и та же, одно и то же соответствие и с истиной.

Мою сторону определенно принял генерал Вержбицкий, после чего Меркулов выразил, вместе с новым извинением, и искреннюю признательность за выяснение столь прискорбного недоразумения.

Мне даже предложена была охранная грамота в моей собственной редакции. Свидание на этом закончилось.

Обратно домой доставили на автомобиле, но на этот раз уже только в обществе шоффера.

Плакат оставался на своем месте, вызывая пересуды «политиков» и горожан.

Цель этой шумихи была ясна: со мною считались и военные круги, и общество. Это не было в интересах нового правительства, неожиданное появление которого вызвало недоумение и раздражение даже в умеренных кругах. Меня надо было выяснить. Кое-что в этом направлении удалось.

Одни (левые) шипели, видя меня на автомобиле среди меркуловцев, другие, меркуловские патриоты, негодовали, читая о преступных замыслах, сообщаемых плакатом.

Владивосток все же был провинцией, и Меркуловы учитывали его психологию.

Меркуловы проделали то, что только что собиралась проделать в отношении меня и с таким же, как Меркуловы основанием, Антоновская власть. Член Народного Собрания Л. А. Кроль рассказывал мне, что ночью с 23 на 24 мая обсуждался вопрос о моем аресте. Провоцировали меня будто бы семеновские агенты, распространявшие сведения о моем участии в готовящихся событиях. Спрошенный по этому поводу Кроль, с негодованием отверг эту клевету[339]).

X.

Первые дни Меркуловщины. «Киоду—мару». Второй с'езд несосов. Приморское народное собрание.

После пероворота резко изменился даже внешний вид Владивостока. Всюду трехцветные флаги. Улица стала наряднее; появились военные в погонах, особенно кадеты. Их на этот раз втянули в политическую передрягу и они чувствовали себя маленькими героями. По Светланке мчались автомобили, но уже с другими пассажирами, с новым начальством. Страсть к казенному автомобилю оказалась общей у всех властей и правительств и одинаково раздражала пешехода, особенно в сырую погоду, независимо от того—виднелась ли в автомобиле кожаная куртка коммуниста или буржуазный пиджак.

Автомобиль символизирует «начальство». Пешеход теряет в обывательской оценке; он по сравнению с едущими в автомобиле просто «серая пехота» на общем параде с гарцующей кавалерией. Автомобиль оттеняет социальное неравенство, у нас он пока только власть и капитал.

У нового правительства с первых же дней его существования создалось два крупных осложнения: первое—в виде оставшегося, как наследство от старого правительства, Народного собрания, с поддерживавшим коммунистов большинством, которое меньше всего нужно было Меркуловым, и ожидающийся со дня на день приезд «верховного правителя» атамана Семенова, как законного наследника прав Колчака.

31 мая состоялось частное заседание наличных членов Народного собрания, без коммунистов, игравших в нем до сего времени руководящую роль, а теперь, с 26 мая, ставших нелегальной партией. Было постановлено возобновить работу Народного собрания в установленный срок перерыва, т.-е. с 1-го июня. На собрании присутствовал, между прочим, и председатель нового правительства С. Меркулов, заявивший о желательности сотрудничества Народного собрания с Правительством.

Желание это не было искренним, так как чуть ли не на следующий же день был выпущен указ Правительства о роспуске Народного собрания и о передаче всех его дел в ведение управления внутренними делами. Вместе с тем назначались новые выборы в новое Народное собрание, без коммунистов, которое должно было существовать до сентября 1921 года, когда, в свою очередь, должен был быть собран *Учредительный с'езд*. Это характерное для председателя нового Правительства действие только подтвердило слагавшееся о нем мнение. Чтобы оградить старое Народное собрание от бесцеремонного роспуска новой, явившейся захватным путем, властью, обра-

зовалось особое «Совещание демократических партий и организаций Владивостока».

Инициатива совещания принадлежала Дальневосточному демократическому союзу, основным ядром являлась крестьянская фракция большинства Народного собрания. Кроме нее и демократического Союза, в состав совещания входили: прогрессивно-демократическая фракция Народного собрания, кадеты, народные социалисты, группа правых эс-эров.

Совещание значительно расширило свою первоначальную задачу о защите прав Народного собрания и считало уже необходимым «урегулирование политического положения, созданного событиями 26 мая, путем переговоров с Вр. Приамурским Правительством по вопросу о преобразовании последнего на выработанных совещанием основаниях».

Ко времени этих переговоров внимание правительства было отвлечено в другую сторону. На рейде «Золотого Рога» (Владивосток) бросил якорь японский пароход «Киоду-Мару», прибывший из Дайрена с «верховным правителем» атаманом Семеновым и его штабом, с генералом Клерже во главе.

По ходившим тогда разговорам, Семенов был введен в заблуждение и выехал из Дайрена в глубокой уверенности, что он едет, нетерпеливо ожидаемый населением и войсками. И действительно, во Владивостоке собралось большое число его сторонников, сюда прибыло уже и его правительство во главе с Таскиным. Ждали «правителя» и многочисленные кандидаты на служебные посты, главным образом, беженцы из Харбина и Японии. Были горячие сторонники и среди местных правых группировок.

Однако, Меркуловы оказались весьма предусмотрительными и, как уже указывалось, заняли Владивосток своими войсками раньше, чем успели туда проникнуть сторонники Семенова, главным образом, из Гродекова. Несомненно, Меркуловы приняли некоторое участие и в создании «непредвиденных обстоятельств», задержавших от'езд Семенова и помешавших его прибытию сейчас же по совершении переворота.

Между «морским штабом» здание, где заседало меркуловское правительство, и «Киоду-мару», где жил Семенов, началась упорная вражда, скоро перешедшая и во вражду военных сил—приверженцев Меркуловых и Семенова.

Владивосток, 1 июня.

Вечером я, Кроль и Арбатский беседовали с С. Меркуловым, показывали, по выражению А. Н. Кругликова, «живую фотографию» действительности, создавшейся в связи с последними событиями. Меркулов заявил опять о полной неприемлемости Семенова.

В борьбе военных группировок пока победили командующий каппелевцами ген. Вержбицкий. Ставленник и сторонник Семенова—Савельев принужден вернуться в Гродеково.

Заседание пленума Народного собрания не состоялось. Настроение в общем напряженное.

2 июня.

Был английский вице-консул г. К., приглашал на их национальный праздник. Очень интересовался, какое решение было бы наиболее правильным в отношении Семенова.

На заседании крестьянской фракции восторжествовало мое мнение о реконструкции власти. У крестьян большой сдвиг вправо, под давлением вестей из деревень.

Присутствовали на этот раз и представители с-д—Богданов и эс-эр—Плеханов, а также «бутербродники» из бывшей «Дальневосточной Трибуны».

Было принято окончательное постановление относительно власти, близкое к тому, чего желали крестьяне.

Кругликов и Кроль повезли постановление Меркулову.

Обострение между каппелевцами и семеновцами растет. Начальник гарнизона Никольска семеновец Н. заменен каппелевцем Сахаровым. Решительное влияние в борьбе переходит к командиру ижевцев—полковнику фон-Ваху, установившему связи с местными рабочими кругами.

Получено сведение о решении консульского корпуса не допускать высадки Семенова.

3 июня.

Был на заседании крестьянской фракции, зачитал им выработанные комитетом Демократического Союза четыре пункта о реконструкции власти. Меня сменили эс-эры. Мансветов снял бороду, выбрит по-английски, кто-то в шутку заметил, что это «результат близости семеновцев». Время, действительно, тревожное.

Был у англичан. Поздравил консула. Празднество скромное, каждому гостю бакал шампанского и несколько любезных слов.

Коммунисты начинают проявлять деятельность—через профсоюзы формируют «рабочую партию».

Пущен слух о соглашении Меркуловых с Семеновым и об от'езде последнего.

Правительство особым указом лишило президиум Народного собрания его полномочий, но в тот же день отменило этот указ. Колеблется.

4 июня.

Ночь пошла тревожно. Обострение между каппелевцами и семеновцами достигло крайнего напряжения. Ижевский полк всю ночь под ружьем, всюду патрули.

Перед приходом в Совещание крестьянская фракция предварительно обрабатывается социалистическим блоком. В составе проектируемой власти («Семерка») крестьяне требуют два места себе, одно уссурийским казакам и два социалистам, между тем с-д и эс-эры от участия в соглашении с Меркуловыми отказались. Кроме того, крестьяне обостряют, конечно, по указке того же социалистического блока, и вопрос о «вывеске», т.-е. о названии правительства, настаивая на замене «Приамурское»—Приморским, полагая, что присвоенное Меркуловыми название носит признаки агрессивности в отношении ДВР, считающего Приамурье своей территорией.

В частных беседах крестьяне побаиваются Семенова и опасаются— «кабы не было чего» за их связь с коммунистами, в случае, если атаману удастся водвориться в Приморье. И они правы в своем беспокойстве. Им ведь прежде и острее всех приходится переживать последствия смены властей, а таковые менялись здесь уже добрый десяток раз.

5 июня.

Владивосток занят исходом борьбы, вернее, исходом соглашения Меркуловых с Семеновым. Выдвинут вопрос об отступных. На «Киоду-мару» боятся продешевить. Говорят, что Семенов согласился на предоставление ему звания верховного главнокомандующего, не подчиненного правительству (?).

Меркуловы возлагают надежду на второй с'езд несоциалистов, назначенный на 10 июня, который и вырешит вопрос о власти.

Встретил вновь назначенного управляющего делами правительства С. П. Руднева. На мое поздравление он замахал руками:

«Я временно и только потому, что нет работников,—один Спиридон Меркулов, да и тот грохается в обморок от переутомления».

«Ну, а как с Семеновым?».

Руднев покрутил головой: «уж очень круто повернули».

В жесте, сопровождавшем это замечание, было мало успокоительного.

6 июня.

В виду близости второго с'езда несосов и явно враждебной к Народному собранию позиции каппелевского командования, главной реальной силы в данный момент, шансы Совещания на возможность реконструкции власти становятся весьма сомнительными. Тем не менее к С. Меркулову была направлена особая комиссия, выделенная совещанием, с целью познакомить через него правительство с выработанным Совещанием постановлением. Оно сводилось к следующим пунктам:

1) «Верховная власть преобразовывается по соглашению с общественными группировками с правом персонального отвода отдельных кандидатов.

2) Верховная власть, особым актом об'являет о своем преобразовании и назначает председателя Совета управляющих и членов формируемого им кабинета, ответственного перед Народным собранием.

3) В первом заседании Народного собрания (3 сессии) председатель Совета управляющих зачитывает декларацию Совета управляющих, а также указ Вр. Правительства о роспуске Народного собрания, о назначении новых выборов на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

В декларации отмечается: а) необходимость установления истинно-демократического строя, б) недопущение на территории Вр. Правительства атаманщины, кем бы она не возглавлялась, в) недопустимость агрессивной политики и инициативы действий в отношении ДВР.

4) Народное собрание, заслушав декларацию и указ, принимает переход к очередным делам и прекращает свою деятельность, заканчивая 3 сессию.

5) Совет Верховной власти образуется из 7 лиц, в том числе не менее 2 от несоциалистических группировок, 2 от крестьян, 1 от казаков. Относительно двух остающихся мест социалистам, несоциалистам или срединным группировкам, вопрос подлежит окончательному разрешению».

Ознакомившись с приведенным постановлением, С. Меркулов сначала было высказался о полной неприемлемости пункта о созыве Народного собра-

ния даже на один день, для его самороспуска, однако, после обмена мнений, категоричность его заявления значительно изменилась. Договорились, что постановление Совещания сегодня в 6 час. вечера будет рассмотренно правительством.

«Буду его защищать, в крайности устроим общее с вами заседание», примирительно закончил беседу, «покорный промыслу божьему», хитрый Меркулов.

Он сильно жаловался, что в связи с появлением Семенова, весьма трудно ликвидировать остроту положения.—«На пароходе у атамана нечто невообразимое, громадная свита... а денег нет»[340]).

8 июня.

Английское консульство в затруднении, как поступить в виду протеста, заявленного представителями семеновских военных группировок против постановления консульского корпуса о недопустимости высадки Семенова.

Заходил Б., рассказывал харбинские комбинации, в связи с владивостокским конфликтом. Он смущен положением на «Море» (Семенов) и упрекает «Сушу» (Меркуловы) в излишнем, хотя и искусном коварстве.

Были «украинцы» из кооператива «Чумак». Они тоже скорбят о гибельности конфликта и всецело сочувствуют, хотя и не бескорыстно, «Морю».

Беседовал с ген. Вержбицким о роли срединных сил. Он определенно за монолитность власти. Состав меркуловского правительства, по его мнению, положению этому вполне удовлетворяет. Вопрос, конечно, в том, справится ли это правительство с создавшейся обстановкой. Общественная база правительства не особенно прочна. Но сейчас на его стороне руководящие круги армии, а это пока все.

Появился новый печатный орган «Рабочий», издание Бюро профсоюзов, с резкой оппозицией правительству. Социалистический блок усилил обработку крестьян, тянет из-под влияния срединных сил. Правительство в отношении крестьян тоже бездействует, и не мешает этой обработке. Оно уважает свободу слова и печати, и слишком занято борьбой с Семеновым[341]).

10 июня.

Обещенного ответа Правительства по поводу постановления Совещания нет. Его, конечно, и не будет. Этого не хочет армия и большинство в Правительстве. В 9 час. вечера состоялось последнее заседание Совещания—решено выслушать мнение каппелевского командования. Прибыли приглашенные на заседание генералы Вержбицкий, Молчанов и Пучков.

По заявлению генералов, Правительству сочувствует и население и армия. Последняя предпочитает в настоящий момент сохранить эту власть без изменения. К Народному собранию отношение самое отрицательное.

Эти заявления предрешали судьбу дальнейших попыток Совещания. Народное собрание было распущено. Вскоре распалось и само Совещание.

Начались выборы в новое Народное собрание. Отсутствие в выборах коммунистов, об'явленных противозаконной партией—«сатанистами», а вместе с ними отсутствие почти и всех рабочих, конечно, умаляло значение созываемого представительного органа и делало его однобоким орудием правительства; тем не менее демократические организации, в том числе и Демократический союз, считая необходимым создание меркуловщине оппозиции, возможной в тогдашних условиях—решили принять участие в выборах.

Пошли на выборы и местные эс-эры. Борьба за время выборов велась, главным образом, между правыми (национал-демократы) и демократическим союзом.

---

13 июня.

На улицах много новых лиц—это делегаты второго несоциалистического с'езда. Представительства самые необыкновенные. Между прочим, встретил знакомого из Токио Г., он и очень популярный в правых группировках епископ Нестор присланы делегатами от русской колонии в Японии.

По газетам, Унгерн призывает всех к подчинению «законному императору Российскому Михаилу Александровичу», который находится будто бы где то в Забайкалье.

Семенов на «Патрокле» бежал из бухты. Предполагают, что он стоит где-нибудь вблизи заимки Янковского. По газетам же, будто бы высадился в Океанской*).

Заходил от имени правительства Н. И. Сахаров предупредить о желании председателя правительства побеседовать со мною. Я ответил, что около 8 час. вечера буду дома. В назначенный час приехал С. Меркулов, начал с извинения за задержку ответа на постановление Совещания демократических организаций.

«Все время поглощает борьба с Семеновым. Я еле отошел. Вчера причастился и теперь вновь чувствую себя бодрым. Цель моего приезда просить вас принять пост председателя Русско-Японской согласительной комиссии; Андогский**) должен уйти, давят каппелевцы и выдвигают вас».

Я заметил, что среди многих неудобств, связанных с занятием мною этого поста, есть одно, имеющее значение для интервентов. До сих пор я сносился и держал себя, как равный только с японским главнокомандующим. Как равные стороны, мы подписали и самое Русско-Японское соглашение 29 апреля 1920 г. Теперь я должен буду понизить свой ранг.

«Полноте, генерал, такое ли теперь время... Людей нет. Рекомендовали полковника Унтербергера, да я его совсем не знаю», горячо заявил Меркулов. Казалось несомненным, что я был очень нужен на этом посту.

Предлагаемый пост был единственным реальным местом, откуда твердо и настойчиво можно было бороться против обид, причиняемых населению извне. Только с этого поста можно было отстаивать и постепенно возвращать принадлежащее русскому народу имущество, захваченное японцами.

---

*) Дачное место в 18 верстах от Владивостока.

**) Начальник военной академии ген. Андогский занял это место с первых дней переворота 26 мая.

По этим соображениям, год тому назад я вошел в состав этой комиссии при Земском правительстве. Значение этого поста не изменилось с переменой власти. Расчеты наши с интервентами далеко не окончились.

«Я подумаю о вашем предложении», ответил я Меркулову,—«но с условием самой широкой автономии комиссии, исключающей подчинение ее председателя не только кому-либо из министров, но и самому Совету министров в целом».

«Ну, конечно, достаточно, если вы будете с ними сговариваться»,—быстро согласился Меркулов.

«Затем я оставляю за собой право политической работы, а вы знаете, что я иду по списку враждебной вам группировки».

На следующий день я обещал дать окончательный ответ.

17 июня.

Вечером на частном заседании у Б. видел харбинских кооператоров, сторонников Семенова[342]). Часть из них кандидаты на министерские посты в его проектируемом правительстве. Серьезно доказывают возможность возвращения к власти атамана и осуществимость его фантастических операций против Забайкалья.

На с'езде несосов торгуются с Семеновым.

Крестьяне в своей резолюции требуют ответственности правительства перед Народным собранием.

По словам Меркулова, у них всего на 6 дней продовольствия для каппелевской армии. Денег вовсе нет.

18 июня.

Состоялось мое назначение председателем русско-японской согласительной комиссии.

Вечером был Хомяков и Тяжелов—последний советник ведомства иностраных дел. По словам Тяжелова, японцы и другие иностранцы воздерживаются от каких бы то ни было официальных сношений с правительством Меркуловых. Даже сам председатель правительства ограничивается беседами с начальником японской военной миссии. Вот причина столь настойчивого приглашения меня в комиссию.

Тяжелов показал текст проекта соглашения с Семеновым, лично он горячий сторонник этого соглашения с предоставлением Семенову «теоретической роли».

Гадают о будущем местожительстве атамана, в случае, если соглашение с ним не осуществится. В Америку, Китай и Японию его будто бы не пускают. Придется жить в Гродеково или Посьете.

К ночи создалось очень тревожное настроение. Ожидалось выступление семеновских группировок. По крайней мере ижевцы, расположенные в морских флигелях на Светланке, все время под ружьем, в полной готовности. Меня остановил их патруль. Я спросил подошедшего командира полковника ф.-Ваха:

«Поддерживают ли вас рабочие?».

«Нет, они только воздерживаются от всяких выступлений».

19 июня.

Троицын день. Погода дивная. Пароход «Инженер», поддерживающий сообщение города с Русским островом, переполнен празднично одетой публикой. Масса японских судов тянется также к живописному острову—на плацу в районе «3-го полка» у них спортивные состязания. Там огромная толпа гостей и зевак; крики японцев, сакэ и пиво. Невольно сознаешь, кто здесь хозяин[343]).

21 июня.

Вчера в городе демонстрировалась «семеновская сила»—казачий полк. Чудесно пели.

Вражда Семенова с меркуловцами вынесена на второй с'езд несосов, где открытые безоговорочные сторонники Семенова потерпели поражение. Новый совет с'езда во главе с Лихоидовым, Андрушкевичем, ген. Лохвицким и др. всецело на стороне Меркуловых, за которыми в конце-концов и осталась окончательная победа. Семенов принужден был покинуть Владивосток.

Стороны не жалеют красок для очернения друг друга. Получился особый моральный облик и потерпевшего неудачу атамана и его счастливых соперников бр. Меркуловых.

В процессе борьбы военных группировок изолируется бригада Глудкина, не признающая ни Семенова, ни Вержбицкого. Эта бригада решила подчиниться непосредственно правительству. За этой бригадой охотится ген. Лохвицкий, тоже претендент на об'единяющее главнокомандование.

Новый акт исключительной личной любезности японцев: полковник Гоми—исполняющий обязанности председателя их стороны в Русско-Японской согласительной комиссии, на извещение о моем визите просил не беспокоиться и разрешить ему приехать ко мне.

На первое время, повидимому, придется ограничиться вопросами материальными и связи, т.-е., тем, что, по выражению японцев, «относится к вопросам гуманности». Все мои козыри в моем все еще прочно сохраняющемся личном авторитете среди японцев. Правительство в политическом отношении—пустой звук.'

В отношении Семенова Гоми выразился, что атаману придется пожить где-нибудь вроде Посьета (из Владивостока он выехал в Гродеково), «пока Китай не разрешит выехать на его территорию, и пока войска атамана будут продвигаться на запад».

При последней фразе я посмотрел на Гоми—он улыбался, как всегда. План похода Семенова в Забайкалье, конечно, известен и им.

22 июня.

Заезжал японский дипломатический представитель г. Ватанабе—всецело придерживается ориентации на ДВР. Не знаю, насколько это искренно, может быть, это просто «так надо».

Иронизирует над Семеновым и считает нереальным «буфер в буфере»—белое Приморье в «демократическом» ДВР.

Жалуется на трудность положения и у себя дома—в Японии; учитывает рост оппозиции к военной партии. Полагает необходимым соглашение будущего Народного собрания Приморья с Читой.

30 июня.

Работа в Русско-Японской согласительной комиссии налаживается туго. Японцы по тактическим соображениям выжидают и тормозят деловую работу.

«Пока правительство не признано, мы можем говорить и решать только вопросы, касающиеся гуманности».

А с кем идет стон—опять «появились» хунхузы, с которыми и правительство и население, лишенные оружия, бороться бессильны. Тормозятся японцами и другие вопросы, а с ними тормозится и жизнь.

Прибывший из Харбина Б., являющийся сторонником работы одной сплоченной военной группой, заявил: «я не придаю особого значения общественности, ее всегда можно создать, имея деньги». К сожалению, у Б. нет денег, и он лишен возможности проверить свою теорию.

Меркуловы, как люди практики, успешно ведут борьбу с оставшимися во Владивостоке агентами Семенова, будирующими слух о новом перевороте, они постепенно упрятывают их в тюрьму.

Вот учреждение, которое не может сокрушить даже революция. Оно меняет название в зависимости от устремлений и искренности власти, но сущность его остается неизменной[344]).

Поднимается вопрос о возвращении России переданной большевиками Китаю полосы отчуждения КВЖД. Японцы по этому поводу заявили мне:

«Это вопрос очень большой и мы его непременно будем изучать».

Дело безнадежное, так как все вопросы они изучают очень долго.

Вопрос с возвращением захваченных грузов тоже затягивается. Японцы откладывают его до Народного собрания[345]).

2 июля.

Р. пишет из Харбина, что отношение ко мне там неблагоприятное все будто бы из-за злополучной истории на р. Хор, где красными были зверски убиты офицеры, вывезенные из Никольска в апреле 1920 года. Я ни с какой стороны не причастен к этой ужасной бойне, она произошла до моего прихода к власти, и, наоборот, заняв пост управляющего военно-морским ведомством при Земском правительстве, я, вместе с А. Н. Кругликовым, бывшим тогда управляющим внутренними делами, поднял это дело, добился назначения особой следственной комиссии. Трупы были разысканы, переданы родственникам. Наиболее нуждающимся сиротам оказана помощь.

Сегодня с большим успехом, при огромном стечении публики, прошло устроенное Демократическим союзом предвыборное собрание. Мне пришлось скрестить оружие с лучшим оратором правых В. Ф. Ивановым. Я использовал некоторые промахи его горячей речи и вопросом—«насколько еще столетий они, правые, собираются держать в темноте русский народ?»—вызвал бурю оваций в зале. После выступления Иванова по личному вопросу, дело

едва не закончилось потасовкой его и моих сторонников. Выступали представители всех группировок до коммунистов включительно. Последние, впрочем, под флагом профсоюзов.

7 июля.

Крайне обострился вопрос с хунхузами. Область стонет от грабежей и убийств. Через Русско-Японскую согласительную комиссию я заявил японцам о необходимости пересмотра штатов русской милиции и ее вооружения, писал, что «из прилагаемых в копии документов и общей схемы хунхузских очагов, можно с достаточной наглядностью усмотреть, что размеры деятельности хунхузов становятся переходящими всякий предел терпимости»...

Весьма часто хунхузские очаги были на виду стоянок японских гарнизонов, обязанных, в силу соглашения 29 апреля 1920 г., охранять порядок и спокойствие мирного населения. Но так говорило соглашение, иначе было в действительности.

Хунхузы, видимо, имели основание не особенно стесняться присутствием непрошенных охранителей русского населения... «не ограничиваясь обычными данями и оброками с русского населения, они производили вооруженные набеги, убийства, грабежи, поджоги, насиловали и уводили с собой женщин, при чем нередки были случаи насилий и над малолетними детьми»...

Японцы ограничивались отписками, уведомляли о посылке небольших отрядов и определенно тормозили с вопросом о русской милиции. Несомненно, на хунхузах была построена чья-то определенная игра.

21 июля.

День открытия Народного собрания. Большой наплыв публики. Большинство городская интеллигенция. Налицо все иностранные представители, много японских офицеров. В зале вся власть—Правительство и Совет управляющих ведомствами.

Архиерей служит молебен.

Советские эмблемы на стенах зала задрапированы трехцветным флагом.

Меньше всего в зале депутатов, крестьяне еще не прибыли. Кворума нет, между тем правительству во что бы то ни стало надо открыть собрание.

Правительственная фракция, национал-демократы, нарочно рассеялись по всем секторам, чтобы скрыть зияющую пустоту зала.

Я в случайном соседстве с кн. Крапоткиным, который, как старейший из депутатов, после прочтения премьером Колесниковым указа об открытии Народного собрания, вошел на председательское место и не особенно твердо заявил, что кворум есть, а затем об'явил Народное собрание открытым.

Крапоткин заметно волнуется. Все время называет Народное собрание Государственной Думой.

Выбрали секретаря.

На кафедру входит председатель Правительства С. Д. Меркулов.

Он бледен, волнуется. Сухая, деловая, но по-своему образная речь не столько к депутатам, сколько к собравшейся публике. Реверанс в сторону армии и союзников, вызвавший аплодисменты зала.

«...Тяжелый ответственный момент переживают честные русские люди... ликуют лишь большевики и коммунисты—эти шипящие языки—голоса сатанинские»... так начиналась речь председателя.

Перечисляя положительные факторы, необходимые для спасения Родины, которые порождают надежду в кажущемся безнадежном положении, Меркулов в первую очередь отмечает «русских людей»...

«... Я имею в виду,—говорит он,—всех живущих в России и любящих Россию, без различия племен и наречий»... Второй фактор—геройская армия и третий—союзники.

Отношение Правительства к «коммунистической власти, к вопросу о том—вести ли нам активную борьбу с ней или вести борьбу мирную, культурную», оратор определяет так:

«... Мы полагаем необходимым по возможности вести мирную борьбу, принять все усилия к тому, чтобы тут, у нас, жизнь устроить неизмеримо лучше, чем там, у них: что бы они, видя это лучшее, имели самый убедительный факт, во-первых, и, во-вторых, чтобы те, которые в этом уже убедились, почерпали мужество для дальнейшей борьбы»...

Но... «если нас вынудят, мы, стремясь к защите населения, к самообороне, вынуждены будем в таком случае нарушить также принципы мирной борьбы и пойти, против своего желания, с оружием в руках защищать безопасность и порядок».

В отношении народа Меркулов заявил, что «вообще в истории никогда нельзя было спасти национальное дело, не опираясь на народ, и если даже этот народ в тот или иной момент ошибался, что приводило к печальным последствиям, тем не менее это не меняет общего положения, нельзя спасти национального дела, не опираясь на народ»...

Даже эти выпуклые места, не лишенные содержания и некоторой своеобразности языка, прошли без особого под'ема. Впечатлению мешала монотонность речи и сухой, слегка гнусавящий, голос оратора[346]).

Меркулова сменил командующий армией генерал Вержбицкий. Два Георгия, странная полуштатская при погонах форма, польский акцент и некоторый излишек пафоса: он приветствует депутатов: «Бог помощь Народному собранию», и благодарит за внимание к армии.

«... Великий и тяжелый путь прошла армия, путь страдания и искупления... На наших знаменах кровью были написаны заветные слова: Счастье России, ее свобода и Всероссийское Учредительное собрание... В состав армии вошли лица различных оттенков политической и общественной мысли. Армия братски открыла свои об'ятия для разных национальностей, ибо армия своего нового члена не спрашивала, как он верует и во что верует, а спрашивала лишь, любит ли свою родину больше, чем себя, и готов ли пожертвовать жизнью для нее. И только об'единенная этой высокой идеей спасения родины, армия является монополитым целым».

Дальше зачитываются приветствия[347]). Аплодисменты. Повестка следующего заседания. Конец.

У выхода работает американский кинематограф.

Вопросы внутренней политики, вопросы хозяйственно-экономические— программа предстоящей деятельности правительства—были изложены в «декларации» и. д. премьера Колесникова. Однако, декларация эта меньше всего походила на программу. Бесцветная по существу и по форме, она не остановила на себе должного внимания Народного собрания.

Колесников, недурной чиновник, немножко, кажется, и коммерсант, мало известный не только в крае, но даже и во Владивостоке, с первых же шагов своей крайней ответственной деятельности пришелся, как говорится, не ко двору. Он добросовестно принимал все удары оппозиции, направляемые против правительства, защищал его, как мог и умел. Его не особенно горячо поддерживало и правительственное большинство Народного собрания, оно грезило своим любимцем, веселым и легкомысленным «златоустом» В. Ф. Ивановым.

Иванов был очень нужен и правительству и его большинству в Народном собрании. Как адвокат и недурный оратор, он мог говорить и говорил горячо и увлекательно на любую тему.

Между тем и правительство, кроме С. Меркулова, и Совет управляющих ведомствами, и особенно правительственная фракция Народного собрания не блистали ни именами, ни ораторами. В последней, кроме 5-6 лиц, остальная масса представлялась городским обывателем и чиновниками. Входившие в это большинство «правые» крестьяне, почти всегда безмолвные, выдвинули лишь одного весьма «популярного» впоследствии крестьянина-фронтовика германской войны, человека себе на-уме «халкидонского мудреца» (из д. Халкидон, Приморской области) Бардина. Он много чудачил, увеселяя депутатов и публику, и демонстрировал «настроение земли», включительно до просушки портянок под своим депутатским креслом.

В связи с частыми переменами властей деловитые крестьяне не особенно любили высказываться и предпочитали слушать. И в группе крестьян, сидевших в крайнем левом секторе, выступал, главным образом, их лидер— учитель Абоимов и лидер входивших в эту группу корейцев—кореец Ким. Во фракции, так называемой, «трудовой крестьянской партии», прошедшей под флагом пресловутого «Всероссийского Крестьянского Союза», действительных крестьян не было.

Роль Приморского Пуришкевича выполняли депутаты большинства, енисейский казак Донченко и О.

Оппозиция—Демократический союз и примыкающие к нему одиночки, впоследствии «дикие», а также и эс-эры—была значительно сильнее интеллектуально.

Неутомимым и едким застрельщиком и в то же время хорошим оратором был кадет Л. А. Кроль, считавшийся блюстителем парламентской этики и традиций. Некоторые речи Кроля были и содержательны и остроумны. Особенно удачно отвечал он на реплики с мест.

Часто досаждали правительству и большинству Народного собрания демсоюзцы... живой и пылкий, всегда чрезвычайно осведомленный, Павловский, темпераментный Кругликов и внешне смиренный, но временами злой и

едкий Знаменский. Ценным оратором в союзе был и опытным военный юрист депутат Старковский.

Удары Демсоюза нередко скрещивались и на левом крыле, на эс-эрах. Оттуда выступал массивный рыжебородый Мансветов. Хороший оратор, он «рубил» своих врагов с особым характерным ударением на последнем слоге последнего слова в каждом предложении его речи, нередко горячей и всегда более или менее содержательной. Он, по его словам, «взрывал Народное собрание».

Колоритны были «маститые—старейшие»: изящный рюрикович, старый земец кн. Крапоткин и прошедший по списку Демократического союза старый кооператор, бывший народоволец, А. В. Сазонов.

Оппозиция штурмовала правительство запросами. Обыватель из парламентского большинства часто был бессилен перед ухищрениями интеллигентов из оппозиции. В этих случаях В. Ф. Иванов был незаменим. Как юрист и адвокат, он конечно, разбирался в тонкостях запросов, и если не всегда был доказателен, то во всяком случае постоянно был готов к ответу...

Действительно, когда Иванов в первый раз стал премьером, выступления власти сделались значительно более колоритными.

В этом отношении его первая речь, как премьера, представляется достаточно интересной, что бы на ней остановить некоторое внимание.

Темпераментный и довольно несдержанный премьер, в определении задач власти шел значительно дальше весьма хитрого и сдержанного председателя Правительства. Он открыто высказал то, на что Меркулов только намекал, особенно в отношении Японии и в отношении советской России.

В своем выступлении Иванов так характеризовал переворот 26 мая: «Майские события—это не продукт искусственного создания, а историческая неизбежность, естественное движение масс под влиянием крайней необходимости, движение против медленного умирания за жизнь и существование» и.. результат некоторого участия интервентов,—следовало добавить оратору, без которого 26 мая едва-ли было бы возможным.

«Наша основная задача—это скорейшее и, по возможности, безболезненное прекращение гражданской войны, поддержание социального равновесия и сохранение гражданского мира»...

...Для национального возрождения он видел два пути: оздоровление масс и разумная внутренняя политика»...

Иванов уверял, что «население тоскует о порядке, твердой и сильной власти, о мирной жизни»...

«Наша система—это система демократического правового государства. Наши принципы: закон, свобода и порядок. Воплотить эти великие девизы в жизнь силами одной исполнительной власти невозможно. Для этого необходима поддержка со стороны общества в лице его представителей»...—Главная и основная задача наша—это созыв Учредительного с'езда, который призван установить постоянную власть и выработать конституцию края».

В области финансово-экономической политики Иванов больше всего уделял внимания жалобам на предшествующее правительство... «от павшей власти мы получили руины» и «долг в 1.600.000 рублей».

В вопросе о хлебе его точка зрения, что хлеб «одинаково необходим для всех, и бедного и богатого, для левого и правого»...

Касаясь внешней политики, Иванов полагал, что большевизм «открыл блестящие возможности для европейской дипломатии проводить политику свободных рук, построенную на ослаблении и расчленении России. Он заверял, что со стороны других держав «не будет проявлено альтруистических чувств», а будет лишь «национальный эгоизм—неумирающий принцип международной политики всех народов».

«Наше отношение к советской России и ДВР,—а никакого различия между той и другой мы не устанавливаем,—можно характеризовать так: мы эти образования не признаем... и будем вести с ними непримиримую борьбу»...

В отношении Японии он полагал, что «простой национальный расчет подсказывает японскому правительству сохранить Приморье, как национальный буфер между советской Россией и Японией, вполне лояльный и дружественный к последней»...

Это только основа, опорные пункты речи полной красивых, порою сильных, образов, сравнений и неглубокого, но увлекательного задора.

Иванов, противореча себе, питал гражданскую борьбу, волновал молодых каппелевских командиров, легкомысленно оценивал обстановку, плохо понимал психологию массы, но красиво пел о борьбе, навеял мечты о победе и невольно подогревал задуманный Меркуловыми поход на Север.

Посещаемость Народного собрания сторонней публикой была огромная. Там была постоянная, временами интересная, трибуна, часто занимательное зрелище.

Заменяя, как товарищ председателя, предпочитавшего мирно сидеть среди депутатов председателя Народного собрания, старого, умного, а в прошлом опытного дельца—Лихоидова, я часто с председательского кресла принужден был сдерживать порыв наиболее пылких посетителей, стремившихся вырваться из рамок установленной дисциплины в наиболее боевые дни.

Другим товарищем председателя был лидер левой группы крестьянства Абоимов. Секретарями: молодой, начинающий ученый, заметно англизированный и слегка чудачивший—Широкогоров[348]) и товарищ городского головы, ктитор местного собора—Лякер.

Наиболее крупным событием, привлекшим внимание Народного собрания за первые месяцы его существования, было кровавое столкновение между «Союзом грузчиков» и «Владивостокской трудовой артелью», имевшее место на Эгершельде*) 2 сентября 1921 г.

Парламентская комиссия, которой поручено было расследование этого дела, была создана при моем участии, и мне же от ее имени пришлось выступить с обширным докладом по этому весьма характерному и в бытовом и в политическом отношении вопросу.

«Союз грузчиков» существовал с 1917 г. Согласно устава (§ 1 а), этот союз имел целью «защиту экономических интересов и прав своих членов и

*) Место погрузочных работ во Владивостоке.

поднятие умственного и нравственного уровня их». Конечная цель—«уничтожение власти капитала над трудом» (§ 1,i).

Поддержка союза предшествующей властью, сочувствие со стороны господствовавшей тогда партии (коммунистов) ставили союз, являвшийся сильной профессиональной организацией, в особо привелигированное положение. В союзе числилось до 4.800 человек. Средний заработок грузчика доходил до 9 рублей в неделю.

«Владивостокская трудовая артель» организовалась в начале весны 1920 года группой безработных офицеров, занявшихся грузовыми работами. Впоследствии в артель вошли рабочие, ранее бывшие в союзе грузчиков, солдаты и безработная интеллигенция.

Это была конкуренция союзу, считавшему себя монопольным распорядителем всеми погрузочными работами Владивостока.

Несмотря на закон (8 июня 1921 г.) о свободе труда, изданный меркуловским правительством, Союз грузчиков постоянно оказывал противодействие артели. Правда, он заявил, что «никаких насильственных мер к работающим без конкуренции применять не будет», но артель только благодаря конкуренции и могла получать работу.

Два разных мировоззрения на вопрос о труде в конце-концов обусловили наличие вражды. Влияния регулирующего правительственного аппарата не было, существовало ведомство труда, но оно бездействовало. Единственным решающим аргументом оставалось силовое внушение сторон, сначала в виде кулака, а затем и бомбы.

«Когда мы убедились,—заявили члены артели следственной комиссии, что защиты ниоткуда не дождешься, мы решили сами защищаться. А решив защищаться, естественно, избрали и тот способ защиты, который казался нам наиболее действительным при учете сил и обстановки».

2 сентября стороны встретились при перегрузке и перевалке резины на пароход «Шинью». У представителей артели оказались с собой револьверы и бомбы, у союза грузчиков, как у классовой организации, привыкшей к известным профессиональным навыкам, численное большинство, которое они имели намерение использовать в переговорах.

Слова оказались бессильными. Раздался револьверный выстрел и оглушительные взрывы бомб. Союз грузчиков потерял одного убитым и 8 тяжело ранеными.

Появление воинской команды и милиции прекратило свалку. Конечно, заблаговременное появление милиции предотвратило бы столкновение, но власть бездействовала или, во всяком случае, опоздала принять необходимые меры. Кровь пролилась.

Происшествие это, глубоко взволновавшее все слои населения и особенно рабочие круги, вызвало резкое осуждение Народного собрания. Оно признало наличие бездействия со стороны власти и совершенную недопустимость примененных членами артели средств, для защиты их экономических интересов[349]).

26 сентября.

Кабинет все еще формируется. Денег попрежнему нет. Многие уже гадают, сколько времени осталось до прихода красных.

Японский главнокомандующий ген. Тачибана не возобновляет контракта на аренду квартиры. Для обывателя и это представляется весьма показательным.

28 сентября.

В Народном собрании весь вечер занял вопрос о Дайренской конференции*). Около часу скрипел Колесников и столько же времени порхал в вихре слов «златоустый» премьер Иванов. Формула перехода, предложенная Демократическим союзом, почти собирала большинство. Раскол внесли левые крестьяне, после чего упорно начали настаивать на своем предложении и национал-демократы.

Формула их, собравшая большинство в 44 голоса, кроме протеста конференции, включала и требование о возврате в распоряжение правительства оружия, захваченного японцами.

Заседание закрылось глубокой ночью после скандала с выходкой депутата Кроля, крикнувшего большинству, упрекавшему оппозицию в отсутствии патриотизма: «Этому правительству оружие?—Никогда!»

Я выступал в этот вечер с обширной мотивировкой обычного для каждого заседения заявления Демократического союза о необходимости создания комиссий военно-морской и по иностранным делам, неуклонно отвергаемого правительственным большинством Народного собрания будто-бы из-за недоверия к оппозиции.

«Миказа» (японский броненосец), потерпевший на-днях серьезную аварию около острова Аскольда после похода в северные воды нашего побережья, вернулся и стоит на рейде.

Чудеса: его стянули в самый разгар тайфуна. Сейчас в Золотом Роге уже три японских боевых судна. Полагают, что это демонстрация против Америки, видимо, остро вмешавшейся в работы Дайренской конференции.

Может быть, и «Миказа» «сел» на камни, чтобы дать повод заменить его другими боевыми судами во Владивостоке.

1 октября.

К. сообщил о наступлении на Спасск красных—это совпало с распоряжением об эвакуации из спасского района семей военно-служащих.

Правительство наметило делегацию на Вашингтонскую конференцию: Хорват, Окулич и кто-то из Народного собрания. Под видом участия в этой делегации будто-бы собирается проехать в Германию Н. Д. Меркулов. Идея Русско-Германского сближения заметно крепнет в здешних правых кругах.

---

*) Конференция в Дайрене осенью 1921 года из представителей Японии и ДВР, а затем и советской России. Основной вопрос конференции—эвакуация японских войск из Приморья. Соглашение не состоялось.

Вечером у А. познакомился с одним из бывших членов архангельского правительства кн. Куракиным. Он очень удивлен и возмущается, что его дети, оставшиеся в советской России, не только привыкают к режиму, но даже имеют возможность веселиться.

Там же встретил молодого офицера, прибывшего из Бары на пароходе «Франц Фердинанд». Здешние условия жизни он считает значительно худшими заграничных и все же бесконечно рад, что оказался на родине.

Полагал, что его сразу заберут на фронт,—такое представление у эмигрантов, его бывших товарищей. Все они стали англофобами.

Рассказывал о случае не особенно лестном для характеристики английских войск. Это было у Баку, где более тысячи англичан будто бы положили оружие перед 300 большевиков. «Офицеры в панике срывали погоны»[350]).

4 октября.

В сегодняшнем заседании Народного собрания эс-эры неожиданно внесли запрос по поводу смертного приговора над осужденными из шайки «21», терроризовавшей город убийствами и уводами жителей, особенно детей богатых граждан, в сопки в целях вымогательства денег*).

Оппозиция голосовала за замену смертной казни (кстати сказать, это была дешевая игра на популярность—бандиты стоили своего приговора) другим наказанием, большинство же—за невмешательство в дела суда.

Страсти разгорелись. Последовавшее затем выступление члена Демократического союза Павловского в связи с незаконным расходованием правительством 636.000 рублей, подкрепленное крайне неприятными для власти документами, вызвало грубый окрик находившегося в публике редактора «Вечерней газеты» В. Н. Иванова[351]), бывшего в нетрезвом виде.

Начался настоящий скандал, пришлось прервать заседание.

Партизаны утвердились в Полтавском районе, где уже давно упрочилось влияние коммунистов. Таким образом, режется сообщение (западная ветвь Уссурийской жел. дор.) к Пограничной и еще более суживается территория приамурского Правительства.

6 октября.

Во флотских частях Владивостока определенное засилье семеновских приверженцев во главе с контр-адмиралом Б. На вечерней перекличке на судах поют «Боже, царя храни»—старая омская история и, вероятно, с тем же конечным результатом. Своеволие командиров, с которыми не может справиться власть, не опирающаяся на массы.

Морские суда в значительной степени укомплектованы моряками, прибывшими на «Франце Фердинанде» из Мессопотамии. Большинство—бывшие команды судов Черноморского флота, уведенных Врангелем после падения Крыма. Все это отличные матросы, хорошо знающие службу, политически—ярко правого уклона.

Суда ремонтируются, постепенно вооружаются; внешне большой порядок. Меркуловы не скупятся на расходы по флоту. Ломают семеновские на-

*) На следующий день бандиты из шайки «21» были расстреляны во время побега, при чем случайно был убит один из тюремных надзирателей.

строения в свою пользу. В этом направлении работает командующий флотилией адмирал Старк.

Хуже дело в сухопутных войсках: там прежняя острая враждебность между каппелевцами и семеновцами. Один из активнейших руководителей переворота ген. Лебедев весьма мрачно расценивает обстановку и настаивает на необходимости создания высшего военного органа, авторитетного для всех взаимно враждующих частей армии.

Не совсем гладко и в Народном собрании. Правительство имеет там большинство 43 голоса («блок несоциалистов») из общего числа депутатов в 75 человек. Но едва ли это большинство будет постоянным. Приходится усиленно ухаживать за казаками, которые только и обеспечивают отмеченное большинство[352]).

10 октября.

Перемены в составе кабинета. Председатель Народного собрания Лихоидов принимает портфель управляющего государственными финансами. Генерал Вержбицкий назначается управляющим военным ведомством с подчинением только верховной власти. Его конкуренту ген. Лохвицкому, все время демонстрировавшему себя Народному собранию, придется, по шутливому выражению Широкогорова) опять танцевать свои неизменные «pas d'argent pas de crédit»—(«ни денег, не кредита»).

В беседе я заметил премьеру Иванову, что японцы, кажется, сердятся за статью «Русского края» о захваченном ими оружии.

«Полноте, они, наоборот, просят, чтобы мы их ругали—это скрепляет их дружбу с ДВР».

14 октября. —

Завтрак в кавалерийском полку. Старые традиции. Настроение полка монархическое. Присутствуют верхи власти. Член правительства Н. Д. Меркулов—каскад громких фраз, произнесенных могучей грудью и голосом.

В речи премьера Иванова—гимн старой императорской армии. Популярный генерал М. возвышает и укрепляет авторитет власти и начальства.

Захмелевший командир полка Зеленцов провозглашает тост «за здравие государя императора» (покойного).

Я с удивлением смотрю на военного министра Вержбицкого. Сидевший рядом Андрушкевич заметил:

«И грустно и приятно, сегодня ведь праздник монархистов[353]).

Вержбицкий резко сдерживает командира полка и говорит о народе, под упрямое бурчание командира о «монархии».

Встает молодой бригадный генерал Сахаров, мужественно и твердо говорит тост за Всероссийское Учредительное собрание.

Я передаю приветствие от президиума Народного собрания.

Какой же из лозунгов при этом бесшабашном разброде дойдет до солдата?

В помещении, где происходил завтрак, были трубачи и чудесный хор песенников. Я видел возвращающиеся с парада эскадроны. Лихие бравые ребята на хорошо содержимых конях. Они готовятся к борьбе. За какой из произнесенных лозунгов?

17 октября.

В утренних газетах большая сенсация—убийство Цейтлина. Убийство совершено в квартире старшего врача переселенческой больницы А. Б. Моисеева на Эгершельде. Убийцы—трое неизвестных в военной форме. Версий много, включительно до тайного проживания Цейтлина в японском жандармском управлении, откуда он руководил местными большевистскими организациями и подготовкой задуманного переворота.

Необходимо отметить, что за время своего нахождения на посту уполномоченного ДВР во Владивостоке, при правительстве Антонова, Цейтлин приобрел обширные знакомства и в политическом представительстве Японии и среди японского командования. Он очень быстро сделался и наиболее ответственным работником среди местных коммунистов, хотя сравнительно недавно вошел в состав партии[354]).

21 октября.

Председателем Народного собрания вместо Лихоидова, принявшего пост управляющего финансами, избран, выдвинутый большинством, Н. А. Андрушкевич, получивший, однако, всего 37 голосов за и 24 против.

Андрушкевич известен пока, как автор остроумных заметок в редактируемой им газете «Блоха» и в «Слове», а также, как один из видных членов совета С'езда несоциалистических организаций.

На вечернем заседании дельно говорил Кроль по запросу о цензуре. Тем не менее интерес к Народному собранию начинает падать. Невзгоды жизни отвлекают внимание к мелочным насущным заботам дня.

26 октября.

В газетах опять телеграмма «Кокусая» об эвакуации японских войск и о выдаче в связи с этим оружия Дальневосточной (каппелевской) армии.

Поездка делегации в Вашингтон не состоится...

Фракция эс-эров лишилась своего лидера Мансветова, у него что то вроде головной чахотки, едет в продолжительный отпуск.

27 октября.

В комитете Демократического союза предположена постановка инсценировки «Суд над советской Россией». Хроническое безденежье не позволяет развивать работу в должных размерах. Благодаря полному отсутствию агитации, союз провалился на выборах во владивостокскую городскую думу. Любопытно отсутствие интереса к выборам: из 150.000 населения голосовало всего 4.000 человек. Случай здесь небывалый.

Ходят слухи о роспуске Народного собрания, как дорого стоящей затеи, мешающих «работе» правительства. Говорят о созыве третьего с'езда несосов.

Читал письма с мест. Мрачно. Почти анархия. В одной из деревень, чтобы не допустить богослужения, выбили окна и напакостили в церкви.

В некоторых стоянках отношение к каппелевцам весьма сдержанное, особенно на Сучане, где где правит стачечный комитет. Влияния Владивостока никакого.

Везде в городе и в области много политики, но совсем нет денег.

28 октября.

А. рассказывал о подвигах русского военного судна «Батареи», изловившего у японских берегов американский пароход, везший оружие коммунистам под английским флагом. Недурна комбинация.

Среди пассажиров был игравший видную роль в ведомстве продовольствия за время Земского и Антоновского правительств коммунист Якум.

Задержанное судно было отведено в ближайший японский порт*).

Капитана парохода спросили:

«Откуда взяты замки к русским орудиям?»

«Куплены на семеновском базаре (во Владивостоке)», ответил улыбаясь командир.

Много чудес творится во Владивостоке. Кроме ружей и пулеметов, в которых так нуждались все правительства, там можно, оказывается, приобретать умеючи даже пушки, хотя и в разобранном виде, по частям.

В Народном собрании очередной скандал. Касаясь интервентов, бывший на трибуне депутат Оленин резко заявил по адресу чехов:

«Пусть будут прокляты чехи, а все, кто с ними—предатели».

Председательствовавший в это время Андрушкевич не остановил увлекшегося оратора. Слово взял представитель ведемства иностранных дел Колесников, заявивший резкий протест против выступления депутата (Оленина). Подзадоренный с мест, председатель неожиданно и резко оборвал Колесникова.

Поднялся неимоверный скандал, едва не кончившийся потасовкой депутатов Донченко и Куржанского.

Опять обострились прения по запросу о цензуре. Мне пришлось выступить против правого депутата Руднева, требовавшего самой суровой цензуры для печати, ввиду исключительности переживаемого времени, а также и потому, что «народ наш еще дитя, и требует опеки».

Я говорил:

«Свободная мысль выражается только свободным словом»...

«Наш народ, по словам депутата Руднева, дитя. Да, граждане депутаты, дитя, которого долго и искусственно задерживали в темноте, но видите, чего стоит порыв этого дитяти к свету, вы видите, что вместе с повязкой, которую он хотел сорвать с своих глаз, он разметал тысячелетнюю государственность, уничтожил веками созданное строительство, разрушил духовное достояние нации, и полунагой, грязный, голодный и озлобленный тянет всех назад в ту тьму и невежество, в которых, боясь вольного духа, отечески старались удержать это стомиллионное дитя».

«...Я на-днях видел тяжелое зрелище: цензор кромсал гранки набора, кромсал по собственному разумению человеческую мысль. Редактор вышел.

*) Судно было обнаружено у русских берегов бежало к японскому побережью, преследуемое «Батареей».

Сотрудники подавленно молчали, а я испытывал чувство безграничного стыда и за цензора и за тех, кто послал его на это дело»...

30 октября.

Раут в Версале. Хозяин раута—новый председатель Народного собрания Андрушкевич. Среди огромного количества гостей консульский корпус, журналисты, до полсотни японских офицеров и моряков.

Нарушал «об'единение» японский профессор Х.: он ссорился с хозяевами и уверял, что «России больше нет и не будет, как нет старой римской империи».

Лучше дело шло у казаков и крестьян, приглашенных на раут. Их об'единила русская песня с надрывом и слезой, как умеют петь только в России[355]).

Сегодня опять торжество—прием у японского консула по случаю дня рождения Микадо, там же собрались члены японской колонии и все японские представители от армии и флота, во главе с главнокомандующим ген. Тачибана, который и принимал приветствия. По заранее заявленной просьбе японцев, общее поздравление (от всех консулов и русских политических и общественных деятелей) сказал С. Д. Меркулов. Очень заметен внешний перелом в отношении к его правительству. В этом зале он был персоной.

Как раз удачно для Меркуловых было получено радио о занятии Петропавловска на Камчатке войсками Бочкарева, отправленными с особой экспедицией, возглавленной бывшим крупным промышленником Биричем и предназначенной для организации управления Камчатским краем.

Присутствующий на рауте Колесников не преминул сообщить мне, что японцы, в связи с этим радио, просили уже покровительства для их резидентов на Камчатке, на что скептически настроенный В. заметил:

«Не к добру это—опять готовят какой-нибудь трюк».

У А. показывали письмо, шедшее из Петрограда в Харбин всего 16 дней — это лучший показатель, что те восстания в Сибири, о которых ежедневно сообщает «Русский Край», нисколько не мешают нормальной работе почтовых сообщений по Сибирской магистрали[356]).

2 ноября.

Русско-Японскую комиссию осаждают просьбами об отпуске конфискованного японцами пороха—и все для целей охоты. Все сделались охотниками. Рыночные цены на порох значительно упали.

Вечером в Народном собрании впервые единодушное, за исключением эс-эровской тройки, постановление о борьбе против ставших нестерпимыми, насилий хунхузов.

Миролюбивое настроение нарушила речь депутата Павловского по поводу указа об усиленной охране. Цитируя речь Шингарева в Государственной Думе, он недвусмысленно обозвал правительство «хулиганами».

Я, председательствовавший в собрании, понял, что это слова приведенной цитаты, и не остановил во-время оратора.

Начался неописуемый скандал. Министры бежали из ложи. Следом за ними покинуло зал и правительственное большинство.

Я об'явил перерыв, затребовал стенограмму и затем по возобновлении заседания, выяснив свой недосмотр, предложил исключить Павловского из заседания. Попутно об'явил замечание и депутату Оленину за призыв о поддержке правительства, обращенный к публике.

Предложение было принято; тем не менее атмосфера вражды и раздражения не утихала, пришлось закрыть заседание.

Борьба Демократического союза, против цензуры увековечена появившейся сегодня в «Слове» интересной каррикатурой»: я — «Илья Болдырец» с «Добрыней Старковичем» (Старковским) и «Алешей Кроличем» (Кроль) идем на «Чудище Озольское»—цензор Озоль.

Павловскому грозят дуэлью и 102 ст. От меня требуют извинения перед председателем Совета управляющих и т. д.

Правительственная «Вечерка» неистовствует.

Ни дуэли, ни извинения даже в виде «соболезнования» премьеру, конечно, не было.

Вероятно, в связи с тайфуном и отвратительной погодой в виде снега, дождя, грязи и леденящего ветра, у всех не в порядке печень. Злоба шипит изо всех углов.

Генерал Молчанов опубликовал в газетах письмо на имя председателя Народного собрания по поводу выступления депутата Куржанского (крайний правый), будто бы оскорбившего армию. Бедный Куржанский оказался и «товарищем» и «агентом большевиков».

Письмо это вызвало всеобщее возмущение. «Командиров много, у каждого свои претензии, на всех не угодишь. Во что обратится Народное собрание, если со всех сторон в него будут направлены дула револьверов и угрозы насилиями. Мы же осуждали, когда слушали рассказы о Чите, что там единогласные постановления в Учредительном собрании принимались под стук партизанских прикладов», так выражались наиболее сдержанные депутаты.

К чести большинства, поддержанного и советом с'езда несосов, отношение к этому письму было выявлено самое отрицательное.

12 ноября.

Вчера горячо дебатировался в Народном собрании законопроект об изменении указа Павительства, касающегося применения ст. 279 кн. XXII старого свода военных постановлений (смертная казнь).

После скандала с выступлением Павловского, министры не посещают заседаний Народного собрания. Начался поход и против меня, как председателя Русско-Японской согласительной комиссии, за игнорирование власти.

Город пугают наступлением семеновских войск (таковые все еще существуют) из Гродекова, руководимых генералом Глебовым и полковником Глудкиным.

Говорил с Н. Меркуловым. Он «нюхом чувствует что то неладное: в Дайрене поворот—туда вызван Блюхер (главнокомандующий ДВР). Правда, все затянется еще месяца на два, но в общем в воздухе нехорошо».

«А как история с Глебовским наступлением?»—спросил я Меркулова.

«Да ничего, рассасывается».

Местные англичанне говорят о сильном вздорожании жизни в Англии: «Многие переезжают во Францию, там гораздо дешевле, но нет прислуги».

15 ноября.

Опять сделал нажим об освобождении японо-командованием наших русских грузов.

Арестован полковник Глудкин, наиболее резкий выразитель сепаратизма в армии.

Кругом жалобы на отсутствие денег.

Заходил вождь здешних «засельщиков»*) Давыдов. Они прочно организовались и на выборах в городскую думу оказались весьма влиятельной общественной силой.

По мнению Давыдова, эти крепнущие массы об'единит и поведет за собой установление права собственности вообще и мелкой земельной собственности в частности, т.-е. то, что закрепит захват ими чужой земли.

Я сказал, что мысль многих давно уже фиксируется на этом новом общественном образовании—«мелкой буржуазии», весьма цепкой и стойкой в борьбе за мелкую собственность.

Мне вспомнилось, как они с вилами и топорами в руках отстаивали чье-то крыльцо нарушавшее утвержденную городом распланировку улиц. Наряд милиции оказался бессильным.

Народным собранием довольно гладко принят закон о применении ст. 279 кн. XXII св. В. П. (смертная казнь). Протесты Кроля пропали даром.

Создался и крепнет новый триумвират—Н. Д. Меркулов и генералы Вержбицкий и Молчанов.

Арестован руководитель переворота 26 мая генерал Лебедев. Появился слух, что какие-то «повстанцы», после боя с партизанами, заняли Ольгу**).

В мелких правых газетках ряд клеветнических выпадов по моему адресу. Вместе с редактором В. Ивановым в этом упражняется какой то Клепиков, выдающий себя за ад'ютанта Б. В. Савинкова, а теперь что-то вроде личного секретаря у премьера Иванова.

18 ноября.

В Народном собрании бюджет, первая смета государственного контроля прошла гладко.

Обстоятельно и довольно эффекто выступал сегодня премьер Иванов по поводу запроса об издании указа № 49 (нарушение конституции) об усиленной охране. Выдержками из захваченной переписки он установил факт готовящегося заговора, руководителем которого был убитый коммунист Цейтлин. Выступление было назначено на 18 октября.

---

*) Мелкие собственники-домовладельцы, осевшие захватным порядком по окраинам города на городских или казенных землях.

**) Небольшой порт к Северу от Владивостока.

Относительно заговора будто бы даже велись переговоры с представителями оппозиции Народного собрания и каппелевскими офицерами во Владивостоке и Раздольном[357]).

«Исключительные меры вводились нами не для того, чтобы подвергнуть население террору, а наоборот, чтобы избегнуть пролития крови... Эти меры не репрессии, а превенции»,—таковы были заключительные слова премьера.

Беседовал с одним из руководителей харбинской газеты «Русский Голос» Востротиным. Он задержался во Владивостоке перерывом сообщения, вызванного взрывом на железной дороге. Смотрит на положение вещей пессимистически. Новоя склока, по его мнению, неизбежна.

20 ноября.

Совет старейшин Народного собрания постановил считать рождественские каникулы с 25/XII по 25/I.

Среди депутатов ропот—не дают денег. «Предпочту любую частную контору, где платят»—возмущенно заявил мне Старковский.

«А разве есть еще такие конторы?»—заметил я по поводу его возмущения. Действительно, с деньгами плохо.

«Слово» неожиданно взяло меня под защиту и крайне резко высказалось против неумных и резких газетных выходок Клепикова и К-о; считает, что ответственность за это падает на патрона Клепикова, т.-е. на премьера В. Ф. Иванова.

Факт этот обратил на себя внимание—«Слово» в свое время (1920г.) не мало трудилось над моей персоной. Это несомненный показатель новой трещины в правительственных группировках. Там продолжается глухая, упорная борьба.

Беседовал с начальником штаба японских войск ген. Иосимура. Вопрос касался возвращения захваченных японцами после 4-6 апреля 1920 г. военных грузов. Официально, как и следовало ожидать, «нет», а неофициально для целей «гуманности» и по частям—«да». Что-же, будем возвращаться для целей гуманности, другого выхода пока нет.

Спросил Иосимуру:

«Придаете ли вы значение приезду Блюхера в Дайрен?».

«Никакого»—было коротким ответом.

Конечно, цена этому ответу небольшая. Все же вопрос об эвакуации, видимо, вопрос назревший.

21 ноября.

Был на празднике артиллерийского дивизиона в Гнилом углу. Видно, холодно в давно неремонтированной казарме. Наряд артиллеристов с винтовками произвел впечатление хороших кадровых солдат. Офицерство, большею частью, кадровое. Эта роскошь только в специальных войсках. Командир дивизиона грузин Бек-Мамедов с добродушным приветливым лицом и чудесной шевелюрой. Весьма популярен в армии, прекрасный начальник, заботливый хозяин и отличный артиллерист.

Прибыл взвод сапер—у них тоже сегодня праздник их части. Народ видный, дельный, большинство «спецы» из рабочих и мастеровых.

Приехали С. Меркулов и Вержбицкий. Первый без заметных следов утомления его почти единоличным управлением.

Вержбицкий нездоров, прихрамывает, с палочкой, без оружия. Он у себя, почти по-домашнему.

«Главковерх» Н. Меркулов пышет здоровьем и энергией. Воплощение физической силы с крепким ядреным словцом и повадками матерого амурского шкипера, прикрытого модным пальто и дорогой шляпой. С ним неразлучен генерал Молчанов, худоба и бледность которого еще резче оттеняются рядом с плотной фигурой Меркулова. Говорят, что от прежнего демократизма Молчанова не осталось и тени.

С. Меркулов, Вержбицкий—Н. Меркулов, Молчанов—это то, что правит сейчас Приморьем.

Здравицы говорил Молчанов, в корпус которого входили артиллеристы. Слышу:

«За здоровье представителя президиума Народного собрания и народа»... Протискиваюсь сквозь толпу приглашенных и кланяюсь.

Здесь, в этой войсковой части, все иначе—просто, деловито. Здесь чувствуется идейное руководство. Здесь учитывают революцию и о народе говорят, как о хозяине страны.

За завтраком С. Меркулов развивал его любимую тему: «все от помощи бога». Наша работа здесь, в Приморье—чудо».

Я передал приветствие Народного собрания, а потом просто, живыми примерами из жизни и личного опыта двух больших войн, охарактеризовал современную роль артиллерии и необходимость бережного отношения к ее настоящим опытным кадрам.

Хотелось говорить, я чувствовал, что и пожилые и юные артиллеристы предпочитали эту родную им тему пышному застольному тосту.

«Первый раз слышу представителя Народного собрания без политической темы»,—слышу сочувственное замечание со стороны соседа ген. С.

Артиллеристы тоже готовятся к братоубийственной войне. Мне жаль их молодых жизней. Они будут драться упорно.

22 ноября.

Запрос по поводу усиленной охраны (указ № 49) отклонен всего лишь 32 голосами—это, конечно, очень мало для обеспечения доверия кабинету.

Глухая затяжная борьба с властью чувствуется и в Народном собрании. Она утомляет обе стороны.

Председатель Народного собрания Андрушкевич сообщил мне, что С. Меркулов готов был к роспуску Народного собрания на 4 дня, чтобы провести закон о полевых судах.

Восстал против этого комитет несос-с'езда. Вопрос пока на весу.

Последние дни успехи: адмирал Старк разогнал и пленил большевистский флот (суда, уведенные из Владивостока в день переворота 26 мая), настигнутый им в бухте Ольга. Вчера привели последнего беглеца «Лейтенанта Дыдымова».

Газеты пишут об успехах на Сучане и в Анучино.

28 ноября.

На Вашингтонскую конференцию правительство командирует Колесникова и Бодиско, без какого-либо участия Народного собрания.

Таинственные «белые повстанцы» теснят красных; видимо, близок захват Имана.

Во Владивосток пришел японский стационер «Ивами», бывший русский «Орел», плененный у Цусимы в 1905 г. После «Хизена» (русский «Ретвизан») это—второе проявление японской неделикатности в отношении русского национального чувства. На борту «Ивами» новый командующий адмирал Текаучи.

Ген. Лебедева выслали заграницу. Глудкин еще под арестом.

Ген. Молчанов со штабом и генерал Смолин выехали на север—это в связи с продвижением и успехами «белых повстанцев». Для Народного собрания все это движение тайна.

30 ноября.

В Народном собрании в состав фракции трудовой «крестьянской» партии (лидеры—полковник Попов и кооператор Славянский) вошел отделившийся от национал-демократов князь Крапоткин.

Сюда же перекочевал и сибирский автономист-областник А. В Сазонов... Эта фракция втягивается в состав вновь формирующегося правительственного большинства, тщетно пытающегося диктовать свою волю в Народном собрании. Члены этой фракции связаны с правительством деловыми коммерческими интересами. Они под вывеской «Всероссийского Крестьянского Союза» организовали особое коммерческое предприятие, ставшее почти монопольным органом снабжения армии и флота.

Сообщают о взятии повстанцами Имана и о разоружении их, в свою очередь, японцами—отобрали 15 винтовок. Этого «требуют» условия Русско-Японского соглашения от 29 апреля 1920 г.

3 декабря.

Вечером с удовольствием слушали игру А. Холодно и неособенно уютно у них и, тем не менее, как оживляет и бодрит искусство! Меня все время преследовала мысль—возможно-ли это наслаждение, дает-ли хоть музыка временный душевный покой и отдых в кажущейся кошмарной обстановке советской России? Или, может быть, мы здесь преувеличиваем, не будучи в состоянии заглянуть за создавшуюся мертвую грань, которая отделяет нас от мук, страданий и смерти, преувеличиваем, не видя другого, не видя проблесков новой жизни среди родного народа.

А оттуда опять вести. С непонятным любопытством, как на что-то из другого мира, смотришь на конверт, марку, почерк. Это Н. П. пишут сыновья из Москвы. Почти бодрые строки: «сыты и не будем мерзнуть»...

Вот предел современного счастья!

Содержательны и вполне грамотны, конечно, по советской орфографии, письма внуков. Здесь же берегут пресловутый «ѣ» и только по экономическим соображениям пытаются обойтись без твердого знака («ъ»).

У меня имеется целый научный трактат весьма образованной лингвистки, правда, несколько опустившейся под ударами личных несчастий и тяжелых условий современной жизни, где научно обосновывается символическое значение буквы «ѣ» (,—крест и держава), тесно связанное, по мнению автора, с судьбой России.

Это тоже борьба за «аз», стоившая жизни сожженному на костре протопопу Аввакуму. Сторонница «ѣ» умрет, но не так эффектно. Умрет—ей тесно и скучно в мире без лишней буквы в алфавите [358]).

9 декабря.

Праздник георгиевских кавалеров, генерального штаба и академии. Торжественный молебен. Парад при огромном стечении публики. Завтрак, речи.

Мне передавали сегодня справку обо мне простых казаков—«блюду-ли я старую линию за народ». Вопросом, куда идет моя линия, интересуются и здешние рабочие — при моих случайных единичных встречах с ними я определенно чувствую атмосферу доброжелательства[359]).

Произошла ликвидация гродековской (семеновской) группы. Глава ее—ген. Глебов арестован несколько дней тому назад. Надеются, что это об'единит все вооруженные силы. Надолго ли?

Белые повстанцы неуклонно продвигаются на север к Хабаровску.

С. Меркулов выпустил воззвание с призывом к борьбе с «сатанизмом»—большевиками.

Постепенно открываются карты в начатой Правительством большой, сложной и опасной игре.

19 декабря.

С освобождением грузов опять заминка.

В японской военной миссии имеется сведение о проходе через Благовещенск в сторону Хабаровска 8 эшелонов красных войск, будто бы не выражающих особого желания сражаться в гражданской войне.

Уходит премьер Иванов, вернее—его заставляют уйти из-за каких-то служебных недочетов. Проще говоря,—у С Меркулова нашелся более надежный и преданный кандидат.

Правительство и председатель Народного собрания сегодня об'единены—вместе присутствуют в соборе на панихиде по покойном императоре Николае II. Мне говорили, что церковь полна народу. Сегодня же монархическая «чашка чая» в «Русском обновленном обществе».

Был в Народном доме на заседании правления «Общества народных чтений», куда я избран членом правления. Возложили на меня руководство общеобразовательной и юбилейной комиссиями. Общество справляет в этом году 35 летний юбилей, очень ослаблено сменой властей и режимов, а также и острым безденежьем[360]).

22 декабря[361]).

Третий день жестокие морозы.

В заседании президиума Народного собрания решали вопрос о перерыве сессии. Предположено сделать это постановлением самого Народного собрания, при чем полагалось считать этот перерыв простой отсрочкой заседаний, отнюдь не представляющей Правительству возможности единоличного законодательства.

В ближайшую субботу намечено последнее экстренное заседание для проведения «временных правил» по предоставлению правительству возможности использовать ежемесячно шестую часть сметы 2-го полугодия 1921 г.

Идет разговор о мобилизации офицеров.

Заключен заем, вернее ссуда, по которой правительство, по заключению Павловского, ничего не получит.

В печати появилось интервью депутата правительственного большинства Подгорбунского, резко подчеркивающее зависимость Правительства от Совета несоциалистического с'езда, что особенно выразилось при составлении нового Совета управляющих, в связи с уходом премьера Иванова.

Я, да и многие другие из непосвященных, были удивлены серьезностью темы интервью со стороны более чем посредственного депутата Подгорбунского.

Это, несомненно, какой-то ход, знаменующий появление опасной трещины между Правительством, вернее — С. Меркуловым, решившим опираться исключительно на армию и наиболее реакционную часть несосов, и правительственным большинством.

23 декабря.

На интервью депутата Подгорбунского последовал чрезвычайно резкий официальный ответ председателя Правительства.

Ответ этот и по форме и по содержанию — оплеуха правительственному большинству, роль которого, как роль совета несос-с'езда, сводится этим документом к нулю.

«Зачем же я вырывал камни из мостовой, что бы швырять ими в Семенова?—«Не для того, конечно, чтобы создать вместо него Меркулова!» — горячился депутат Оленин.

«Вы три месяца прикрывали грехи правительства, а оно третирует вас, как холопов», подумал я, слушая возмущенного Оленина.

Серьезное замечание спокойного, выдержанного Андрушкевича: «Мы их породили, мы и убьем».

На заседании президиума стало известно, что правительство, не считаясь с постановлением совета старейшин о возобновлении заседаний с 24 января 1922 г., решило издать указ о *роспуске* Народного собрания до 14 февраля.

Председатель Народного собрания — Андрушкевич предложил собрать необходимое число (50) подписей, чтобы получить обусловленную положением о Народном собрании возможность требования открытия заседаний

Народного собрания 24 января, если бы указ правительства действительно был выпущен.

Выпуск указа будто бы задерживается, вследствие несогласия премьера Иванова контр-ассигнировать этот указ.

Предрешена замена премьера и части министров.

Пятьдесят подписей, на случай требования досрочного открытия Народного собрания, уже имеются.

24 декабря.

Сегодня последнее экстренное заседание Народного собрания. Зачитан весьма резкий протест Совета казачьего с'езда, как ответ на вызов, брошенный вчерашним официальным сообщением Правительства большинству Народного собрания.

Кроме того, принято пожелание Народного собрания о скорейшем созыве Учредительного с'езда для выбора новой постоянной власти, вместо настоящей — временной.

Протест и пожелание, выдвинутые и принятые доселе верным правительству большинством, произвели огромное впечатление. Аплодисменты всего зала. Один из депутатов оппозиции, показывая в сторону большинства, заметил:

«Мы дон-кихоты народоправства, а вот они — его реальные защитники».

Настроение напряженное. Несколько законопроектов протаскиваются на курьерских.

Еще удар по правительству — избирается «комиссия для приветствия населения в местностях, освобожденных от коммунистов» — это глаз на север, в район успешных действий таинственных «повстанцев». В комиссию вошли: Лихоидов, Данченко, Улитин, Пашкеев и я.

Перед закрытием заседания весь президиум демонстративно на эстраде. Председатель об'является, что следующее *очередное* заседание Народного собрания *24 января.*

Раскол правительственного большинства имел слишком большое значение на дальнейший ход событий. До начала этого раскола, если оппозиции и удалось поколебать, правда, и без того ничтожный престиж правительства, то все же практически результаты ее работы были малы.

Меркуловы все более и более выявляли свои самодержавные наклонности, почти самовольно распоряжались финансами, разматывая остатки тех товарных ценностей, которые еще уцелели от прежних властей.

Платя за все ассигновками, постепенно теряющими валютную ценность, правительство умело влияло на их реализацию, и тем самым держало в своих руках всех кредиторов казны, в том числе и значительный кадр служащих и даже депутатов Народного собрания.

Парламентское большинство, при всей скромности его интеллекта, бывшее до сих пор паладином Меркуловых, все же начало прозревать, что оно только ширма для их махинаций.

Большинство это сплошь и рядом становилось, как перед свершившимся фактом, перед вопиющими деяниями правительства и должно было прикрывать таковые своим вотумом.

В интервью депутата Подгорбунского и суммировались все неудовольствия большинства, а также отмечался и уклон Меркуловых в сторону наиболее реакционной части несоциалистического с'езда. Пока это было предупреждение доселе верных союзников.

Чрезвычайно резкий ответ председателя правительства С. Меркулова на интервью Подгорбунского, его крайне задевающая оценка не только роли большинства, но и породившего правительство совета несос-с'езда, были открытым вызовом и тому и другому.

Вражда обострилась, большинство Народного собрания начало дробиться. Сторонники Меркулова образовали новую фракцию «национально-демократического союза», во главе с наиболее ярким реакционером Рудневым. Эта фракция, совместно с крайне правыми представителями крестьян, пыталась создать новое большинство для Меркуловых, отвергающее уже не только идею ответственности Совета управляющих, но начавшее поход и против самих себя, т.-е. против самого Народного собрания.

В противовес этой комбинации выделилась небольшая монархическая фракция во главе с депутатом Олениным, которая, вместе с входившей раньше в состав большинства фракцией несоциалистического с'езда и остатками национал-демократов, повела резкий поход против Меркуловых.

Это был достаточно продуманный ход, он вырывал у Меркуловых инициативу открытого заявления о их склонности к опоре на монархическую идею, и не только отрывал, но и делал враждебной руководящую группу несоциалистов, в том числе и большую часть совета их с'езда.

Нажим оппозиции и развал в большинстве были крайне неприятны правительству. Неприятны особенно потому, что в это время, как потом обнаружилось, Меркуловы, совместно с высшим командным составом каппелевцев, не только готовили, но и начали поход против красных.

Подготовка велась в глубокой тайне, о ней не знали даже многие из состава Совета управляющих ведомствами. Демократический союз и левое крестьянство били тревогу; каждое заседание Народного собрания начиналось их требованием немедленного образования военно-морской комиссии и комиссии по иностранным делам, при этом в мотивировке требований ясно намекалось на готовящуюся военную авантюру.

Пугливое, хотя и расколовшееся уже большинство, боясь подвоха «соглашателей с ДВР», неизменно проваливало эти требования.

Но тайное, наконец, стало явным. «Повстанцы», оказавшиеся скрытыми каппелевцами, взяли Иман и начали усиленное продвижение на Хабаровск.

Успех поднял шансы правительства. В связи с одержанными боевыми успехами и присоединением Камчатского края, ждали резонанса этих успехов на Амуре и в Забайкалье. Более же горячие головы, как и всегда, в подобных случаях, мечтали не только о Сибири, которая считалась охваченной волнением, но и о... Москве!

Печать трубила победу и нещадно клеймила «предателей-соглашателей» из состава Народного собрания. Делались попытки к поднятию религиозного порыва, служились молебны о чудесном избавлении то одного, то другого братьев Меркуловых. Пугливый обыватель, составлявший прежнее правительственное большинство, готов был к раскаянию.

Примирение, вероятно, состоялось бы, особенно, после столь крупного успеха, как занятие Хабаровска.

«Les insurges blanc's vient q'emporter grande victoire dans la region d'Ameur par prise de Khabarovske»*).

так извещались иностранные представители для информирования своих правительств.

У Меркуловых закружились головы, в сущности, они имели к этому основание. Ими, в сравнительно короткий срок, была проделана огромная работа. Они не только начисто ликвидировали широко-задуманный большевистский заговор, но и загнали местное бюро коммунистической партии в подполье.

Широко и умело организовали «повстанческое» движение. Урок прошлого года в Забайкалье не прошел для них даром. Но они переоценили свои возможности.

Опираясь на достигнутые успехи и верхи каппелевской армии, Меркуловы рвали не только с той общественностью, благодаря которой они пришли к власти, но и повели штурм, как на мешавшее им Народное собрание, так и против совета несос-с'езда, сотрудничество с которым они считали для себя уже не обязательным.

Народное собрание ощетинилось, сплотившись на протесте против указа правительства о его роспуске до 14 февраля, которым Меркуловы хотели развязать себе руки для развития военных действий.

Глубоко оскорбились и несоциалисты. Они поняли, наконец, что были только мавром, которого просят уйти, так как он уже сделал свое дело.

Вражда загорелась с новой силой.

Фронт требовал подкреплений, но ни вооруженные группы семеновской ориентации, ни уссурийские казаки этого подкрепления не давали. У последних в Гродеково для решения своих вопросов, в том числе и вопроса о вооруженной поддержке похода на Север, созывался очередной казачий круг. Надо было удержать казаков на своей стороне: их фракция в Народном собрании, еще кое-как обеспечивала хотя и ничтожное большинство, а главное—они нужны были для закрепления боевых успехов.

В Гродеково с этой целью должен был поехать Н. Меркулов; туда же послали свои делегации и Народное собрание и совет несос-с'езда.

---

*) «Белые повстанцы одержали большую победу в районе Амура взятием Хабаровска».

Гродеково. 25 декабря.

Утром в составе делегации Народного собрания выехали из Владивостока в Гродеково на открытие казачьего корпуса. Вагон грязный. Тесно— правительство не очень заботливо к депутатам. Тем не менее, казаки и крестьяне, начавшие «завтракать» сейчас же с отходом поезда, видимо, чувствовали себя прекрасно и очень быстро организовали не очень стройный, но достаточно шумный хор.

В нашем купэ собрались депутаты Зибзеев, Бардин («халкидонский мужичек»), ген. Анисимов и какой-то молодой человек, только что прибывший из советской России и теперь командированный делиться своими впечатлениями с населением области[362]).

Гродеково—большая, богатая станция в широкой плодородной долине. Белые дома с огромными усадьбами, занятыми хозяйственными постройками, огородами и садами. Чувствуется былая сытость и приволье. Главная тяжесть по обработке земли ложилась на арендаторов-корейцев. Сейчас в Гродеково тихо. Знаменитое гнездо опустело. Квартировавшие здесь семеновцы только что двинулись на Хабаровский фронт. Правительству, наконец, удалось этого добиться.

На железнодорожной станции Гродеково хозяева—японцы.

На вокзале встретили представители войскового правительства и местные жители-казаки. Попали сразу на ужин с чудесными пельменями и обильной выпивкой... Контрабандный дешевый китайский спирт здесь под рукой. А казачки отличные хозяйки:—соленой, вареной и всякой другой снеди, а также наливок и настоек—изобилие.

Гостеприимство и радушие исключительное.

Хозяин депутат Понявин имеет 9 душ детей. Весел, энергичен и, повидимому, счастлив; семья во всяком случае сыта. Где теперь в остальной России можно себе позволить роскошь иметь столько детей и не бояться, что они погибнут от голода?

За ужином много и хорошо пели. Запевал отец П., крепкий старик, основательный хозяин, знаток и любитель песни.

Гродеково. 26 декабря.

В полдень прибыл в Гродеково член правительства Н. Д. Меркулов. Большая помпа. Впереди его экстренного поезда шел броневик со всеми принадлежностями для боя и железнодорожных починок на случай повреждений дороги, которые стали теперь обычными.

Встречали войсковое правительство, почетный караул, станичные атаманы с булавами и местная знать. Поднесли хлеб и соль. Меркулов производит выгодное внешнее впечатление—энергичен, бодр, с хорошими голосовыми средствами.

Открытию круга предшествовал молебен и «вечная память» павшим на поле брани.

Собралось более 50 делегатов. Северные округа, охваченные гражданской борьбой, запоздали с присылкой своих представителей.

Председатель, войсковой атаман Савицкий, открыл заседание, очертил будущую работу круга и предложил заслушать приветствия.

Первым говорил довольно долго и толково Меркулов. Он охарактеризовал работу Правительства, создавшееся, в связи с началом военных действий, настоящее положение и энергично звал казаков к поддержке.

Я выступил от имени президиума Народного собрания, указал на заслуги казаков в прошлом, как строителей и защитников здешнего края, подчеркнул общность работы круга с работами Народного собрания, как органа народной воли, и пожелал успеха в достижении намеченных кругом задач.

Были приветствия от армии, от совета с'езда казачьих войск, от крестьянских фракций, Народного собрания, Демократического союза и т. д.

Все речи горячо принимались, хотя вообще круг производил впечатление или сдержанности, или неловкости, непривычных к большему залу делегатов.

Чувствовалось, что мысли с'ехавшихся казаков не здесь, а там, где гремят уже пушки и льется кровь. Надо было оформить свое отношение к начавшейся войне. Они имели уже большой опыт и хорошо учитывали его последствия. Красные, белые, партизаны, хунхузы, все в той или иной степени ослабляли и разрушали их хозяйственную мощь, требовали материальных и личных жертв.

Они аплодировали призыву Правительства, но в то же время жадно ловили намеки на возможность мира и соглашения. Особого порыва во всяком случае не было.

После перерыва часть депутатов, в том числе и я, спешившая во Владивосток, воспользовалась наличием свободных мест в поезде Меркулова, остальные остались для ознакомления с деловой работой с'езда.

За время дороги Меркулов много жаловался на противодействие и интриги Совета несос-с'езда и на полное безлюдие при огромной работе[363]).

Он, между прочим, не скрывал некоторого уклона в сторону Америки, откуда будто бы имеется сведение, что вся территория до Хабаровска включительно будет закреплена за их правительством, и что есть предположение направить сюда всех, ныне находящихся на попечении Франции, русских беженцев. Новый вариант о переброске Врангеля.

Слушая проекты о грядущей судьбе Приморья, за время остановки в Никольске, я все время наблюдал за деловитой, спокойной работой японских солдат. Они разгружали эшелон с оружейными патронами и чувствовали себя хозяевами среди растерянно сновавших по станции пассажиров, разносчиков и зевак.

Японцы не сказали еще своего последнего слова, они еще сила, с которой нельзя не считаться при решении, по крайней мере, ближайшей судьбы края.

Владивосток. 28 декабря.

В газетах появился указ № 2, которым Народное собрание распускалось до 15 февраля. Таким образом, положение обострялось. Правительство идет ва-банк, закрыло будто бы даже кредиты для Народного собрания.

Во всяком случае С. Меркулов воспретил оплату ассигновок без его личного распоряжения. Это косвенный удар по управляющему ведомством финансов Лихоидову—председателю совета несос-с'езда.

Против этого восстал даже весь Совет управляющих ведомствами, но от этого не легче; в казначействе военная охрана, там дежурит главный начальник снабжения армии, который и забирает все дневные поступления в кассы казначейства.

29 декабря.

Решен вопрос с от'ездом в Хабаровск, задержка с отпуском вагона. Правительство «беспокоится» за безопасность нашей комиссии ввиду начавшихся покушений на железную дорогу. Просто не хотят нас пускать.

Докладывал в комиссии Народного собрания по учету грузов о том имуществе, которое до сих пор находится под японской охраной. Имущество огромное, многомиллионная стоимость. Как богат был Владивосток всевозможными запасами.

По газетам, Ллойд Джорж предлагает Бриану признать советское правительство; если это случится,—как упростится общее положение и как уменьшится значение местных событий!

Россия там, а не здесь.

Успешный ход боевых операций белых повстанцев, проникших уже на Амур, неожиданно затормозился упорным сопротивлением, оказанным красными у ст. Ин, на левом берегу Амура. Красное командование успело подтянуть к этому пункту значительное подкрепление и нанесло ряд поражений белым.

Население оставалось безучастным к ходу событий. Казачество очень туго мобилизовало свои силы. В тылу оживилось партизанское движение. Усилились взрывы на железной дороге, затруднявшие и, без того плохо налаженное, довольствие армии.

Армия начала голодать и мерзла, вместо валенок ей посылали резиновую обувь, совершенно не предохраняющую от наступивших жестоких холодов.

Возникли слухи о грандиозных мошенничествах в связи с армейским снабжением.

Народное собрание было бессильно, все нити безраздельно находились в руках Меркуловых.

Начался перелом и в рядах армии.

Японцы тоже как-то меняли отношение. Возможно, что они учитывали перемену ориентации Правительства на Америку в период их наибольших осложнений с этой страной.

В Спасске, конечном пункте нахождения японских войск, все более и более учащались затруднения с продвижением русских эшелонов. Под видом обеспечения подвижным составом остальных участков Уссурийской железной дороги, японцы ограничили пропуск на север вагонов и паровозов установленной ими нормой.

И тем не менее, при начавшейся неблагоприятной перемене обстоятельств, С. Меркулов упорно шел на разрыв с Народным собранием. Последнее было распущено «на рождественские каникулы».

Не желая оставаться безмолвным свидетелем происходящего, Народное собрание торопило от'езд своей комиссии в Хабаровск, поручив ей наряду с официальным заданием—приветствовать население и пригласить его к посылке своих депутатов в Народное собрание, получить и точную информацию о происходящем на фронте, а также выяснить степень злоупотреблений в довольствии и снабжении армии, что стало уже общей темой среди населения.

1922 год.

XI.

Поездка в Хабаровск. Впечатления. Возобновление работ народного собрания.

Все попытки власти замедлить «на неопределенное время» отъезд парламентской комиссии не увенчались успехом. 5 января комиссия выехала на Север.

Задержка нашего вагона на ст. Евгеньевка (Спасск) японским комендантом быстро была устранена моим вмешательством, как председателя русско-японской согласительной комиссии.

В Имане, на полпути между Владивостоком и Хабаровском, комиссии пришлось несколько задержаться: пропускали встречные поезда.

Впечатление пестрое. Глухой таежный городишко с мелкими китайскими лавченками, торгующими разным хламом. Прежняя жизнь замерла.

Апатия, неуверенность в завтрашнем дне. Многие, в том числе и железнодорожники, ликуют, но, главным образом, из-за перехода от коммунистического пайка к жалованию. Денег давно уже не видели.

На линии железной дороги ощущение беспомощности тыла, тяжелые переживания больных и раненых бойцов, не обеспеченных в достаточной мере ни от голода, ни от суровых в эту зиму морозов.

В Бикине первое серьезное разрушение—испорчен мост огромной ценности. Еще большее разрушение моста на реке Кий. Здесь, впрочем, кипит работа по восстановлению. Тем не менее, «Кийская пробка» очень болезненно чувствуется населением. Она тормозит и работу армейского тыла.

Крестьяне, казаки, железнодорожники проникнуты одним желанием: «Скорей бы сквозной путь». Нет подвоза необходимых товаров, нет заработка, чувствуется заброшенность среди снега и морозов.

Деревня стонет от грабежа и насилий хунхузов. Волна хунхузнического движения, начавшаяся в верховьях Уссури, распространяется вниз по течению реки к району Хабаровска. В составе банд: китайцы, корейцы и русские, есть даже русские женщины. Во всем этом движении чувствуется определенное организационное начало, преследующее путем террора распространение паники в населении. Главный удар направлен по казачеству. Комиссию осаждают просьбами об оружии.

Казаки, нашедшие хоть какое-нибудь вооружение, легко справляются с хунхузскими бандами, несмотря на их прекрасное вооружение и превосходство в числе. Любопытна деталь: хунхузы особенно старательно забирают у населения теплую одежду и обувь. Это, между прочим, ставит в очень тяжелое положение белых повстанцев, лишенных притока теплой

одежды с тыла. А морозы становятся все лютее и лютее. Давно уже термометр застыл на 40 градусах. Мороз становился страшнее пушек и пулемета.

Хабаровск. Общий вид города, несмотря на только что пережитую тревогу — падение партизан Бойко — Павлова, кажется чрезвычайно спокойным. Внешний порядок образцовый. Кое-где следы прошлогоднего апрельского выступления японцев—это остовы нескольких разрушенных зданий, в том числе и прекрасных каменных построек бывшего кадетского корпуса.

На вокзале комиссию радушно встретили представители города. Правительственные агенты и здесь, как и на всем пути, делают вид, что они ничего не знали о нашем приезде. Видимо, не знал об этом и местный казенный листок «Приамурский край».

Правительственная пресса здесь не в почете. Мы слишком долго питались «правдой» из «Вперед» (орган бывшей здесь Амурской власти), а потому не особенно охотно и во всяком случае без особого энтузизма пойдем за «правдой» и из «Назад».

По пути в гостиницу огромная похоронная процессия, сопровождающая семь гробов, положенных на простые крестьянские сани. Это—последний долг павшим во время нападения партизан 12 января.

Нападение было задумано широко, при поддержке силами, находящимися в самом городе. Главный удар был направлен на штаб командующего белыми повстанцами генерала Молчанова, и он не был вырезан только случайно. Внутренние городские силы отказали в решительную минуту, а застигнутый врасплох штаб, благодаря исключительному личному мужеству Молчанова и начальника его штаба Ловцевича, быстро оправился и перешел от обороны к нападению. Ловцевич был легко ранен.

Здесь, в Хабаровске, как и за долгий путь сюда, комиссия, путем переговоров и личных наблюдений, имела возможность выяснить положение дел и все те безобразные условия, которые не только обрекали на тяжкие лишения повстанцев, но и сулили неизбежный крах авантюре, задуманной Меркуловыми. Еще из Имана комиссия била тревогу по поводу теплой обуви.

Мы знали, что усилиями владивостокской городской думы послано 2500 пар валенок, но это, конечно, не разрешало вопроса. Армия нуждалась не только в снабжении теплой одеждой, она ощущала недостатки в продовольствии, в боевых припасах, в санитарном имуществе, в благоустроенном тыле и т. д.

В самый разгар выполнения своей широко намеченной программы комиссией была получена телеграмма, категорически требующая нашего возвращения во Владивосток. Там под впечатлением докладов, переданных комиссией, был потребован досрочный созыв Народного собрания. Каждый голос был на учете. Живое свидетельство комиссии было лучшим орудием в борьбе с правительством.

Срочность от'езда помешала осмотру намеченных участков боевого фронта и ряду предположенных выступлений.

Пришлось ограничиться лишь собранием в городской думе, где при огромном стечении публики был сделан доклад об общем политическом положении и о необходимости срочных выборов депутатов в Народное собрание.

В своем определении задач Народного собрания я, между прочим, отметил, что «Народное собрание об'единяет представителей края, является той моральной силой, которая может наиболее мощно протестовать против всяких покушений *извне* на суверенные права народа, и в то же время полнее выразить насущные нужды населения и его наличные рессурсы, что крайне необходимо при работе по восстановлению хозяйственной жизни края»...

Депутат Донченко обещал донести до зала Народного собрания то «ура», которым приветствовало собрание выступление членов комиссии.

Обратный путь занял те-же 9 суток: у Свиягино движение было задержано взрывом полотна перед встречным поездом, в котором ехал войсковой атаман уссурийских казаков ген. Савицкий и депутат от того же войска Зотов. Судя по приспособлениям и подготовке взрыва, неизвестные подрывники, видимо, работали, не спеша и без помехи. Невольно возникала мысль, как легко в этих глухих местах, особенно при сочувствии населения, рвать эту живую стальную ленту и привести к состоянию паралича все железнодорожное движение.

27 января по поручению комиссии я выступил с обширнейшим докладом о результатах поездки. Положение в области рисовалось весьма сложным. Почти полное бестоварье, вследствие отсутствия подвоза. Ощущение прошлогоднего неурожая. Острый недостаток таких необходимых продуктов, как соль. Износ или полное отсутствие сельско-хозяйственных орудий.

На всем 700 верстном протяжении лишь в 2-3 местах самые незначительные проблески промышленной жизни и то исключительно в районах, где находятся еще японцы. Население, чрезвычайно нуждающееся в наличии твердой валюты, отдает им за бесценок и труд, и сырье.

Вся торговля в городах и поселках в руках китайцев, которые, тем не менее, тоже жалуются на плохие дела.

«А что было до прихода белоповстанцев?»

«Да, тогда совсем ничего не было».

Кооперативные организации, потребительские общества все разрушены, почти не осталось следов и земских учреждений. Медицинская помощь еле существует, между тем, везде признаки тифозных заболеваний. Сохранившиеся больницы переполнены больными и работой. Все медицинские, фельдшерские и ветеринарные пункты находятся в чрезвычайно тяжелых условиях и в смысле персонала, и в смысле медикаментов.

Население, как выразился один из хабаровцев, переживает «тихую радость освобождения,», но не проявляет боевого энтузиазма. Действительно, положение населения этой полосы, привыкшего к былому приволью, было тяжким, оно ничего не могло получить из блокированной разоренной советской России, не получало товаров и из богато снабженного Владивостока, отгороженного фронтом гражданской войны.

Проникавшие через китайцев товары требовали соответствующей валюты.

Доклад резко осуждал административные мероприятия власти по отношению к «завоеванной» территории. Особенно неудачным был подбор агентов по организации управления.

В отношении белоповстанцев было высказано много одобрительного сочувствия. Действия их, признание, по соглашению оппозиционных фракций, «действиями в условиях вынужденной обороны», рассматривались лишь с точки зрения их самоотверженной работы в исключительно тяжких боевых и климатических условиях.

Приглашение, обращенное к членам Народного собрания с пожеланием, «чтобы нить их морального сочувствия, их моральной поддержки протянулась из этого зала через семьсот верст ледяного поля и достигла тех ледяных окопов и землянок, в которых творят свое большое дело... доблестные русские люди».—было стоя приветствуемо продолжительными, шумными аплодисментами всех присутствующих.

Мой доклад был дополнен более резкими выступлениями остальных членов комиссий, в совокупности чего весьма ярко обрисовалась роль правительства и высшего командного состава в Хабаровском походе.

Если этот поход и является до некоторой степени ответом на ликвидированный замысел о намечавшемся в Октябре большевистском перевороте, если активные действия красных в районе Спасск и Ольги, а также организованные набеги хунхузских банд в различных пунктах области и требовали отпора, все же замыслы, вложенные Меркуловыми и их сподвижниками в этот поход, стоивший стольких жизней с обеих сторон, были простой плохо организованной авантюрой. Печальный исход ее был почти неизбежен.

Действительно, в середине февраля Хабаровск вновь был занят красными, и белые, лишенные хорошо подготовленных подкреплений, неудержимо покатились назад, на юг.

Установленная Русско-Японским соглашением 29 апреля 1920 г. нейтральная зона, где находились еще японские войска, остановила продвижение красных и предохранила Меркуловых от окончательного разгрома. Стороны вернулись к прежнему исходному положению, с границей к северу от Спасска.

XII.

Поездка в Пекин. Маршал Жоффр. Отношение Народного собрания и Меркуловых к участию большевиков в Генуэзской конференции.

Вопрос об отношении к начавшейся на западе Генуэзской конференции снова помирил было правое большинство Народного собрания.

Все вопросы иностранной политики к этому времени стали уже разрабатываться создавшейся, наконец, комиссией по иностранным делам. В эту комиссию попал и вопрос о Генуэзской конференции, вопрос об отношении к участию на этой конференции большевиков, как представителей России.

В виду весьма скудной заграничной ориентировки для решения столь крупного вопроса, у представителей правого крыла комиссии по иностранным делам возникла мысль послать особую делегацию к маршалу Франции Жоффру, только что прибывшему с особой миссией на Дальний Восток (Япония, Китай).

Делегация эта должна была попытаться получить некоторую информацию о положении дел в Западной Европе и в частности об отношении Антанты к нашим Дальневосточным событиям.

Как член этой комиссии, я сообщил имевшиеся у меня сведения, что маршал Жоффр всемерно избегает всяких официальных бесед, особенно на политические темы, и что попытка подобного рода могла бы оказаться недостаточно тактичной и без нужды задеть достоинство наших делегатов, а вместе с тем и достоинство самого Народного собрания.

Инициаторы идей о посылке делегации согласились с моим заявлением. Тогда возник вопрос—не мог ли бы я, как имеющий некоторые знакомства среди французского командования, взять на себя эту миссию.

Я собирался в отпуск к семье, живущей в Тяньцзине и, не обещая особых результатов, согласился, при том, конечно, условии, если буду иметь возможность видеться с Жоффром в Пекине, куда он должен был прибыть в ближайшее время.

Поездка была решена. Для меня она представлялась чрезвычайно интересной. Кроме личного удовольствия повидать семью, для меня было крайне любопытным ознакомиться с современным положением Китая, увидеть древний загадочный, как и сам великий китайский народ, Пекин, взглянуть, хотя бы мимоходом, на поля великих битв, где 18 лет тому назад я получил первое боевое крещение, раны и первый настоящий военный опыт.

Неожиданно встретившееся затруднение с визой было улажено. Китайский консул во Владивостоке охотно давал визу во внутренний Китай, но

без проезда через Харбин, куда центральным правительством Китая не разрешался будто бы въезд русским военным.

Правда, Харбин действительно был переполнен русскими военными различных рангов и положений, но мне любопытно было посмотреть и этот город. Дело, как я уже сказал, уладилось.

В Харбине удалось вкратце побеседовать с Б. В. Остроумовым[364]), проявлявшим тогда исключительную энергию по восстановлению и упорядочению Кит. Восточной жел. дороги, и, надо отдать ему справедливость,—на всем пути от Пограничной до Харбина и, особенно, на южном участке до Чанчуня, не только образцовый порядок на линии, но и давно забытый комфорт и порядок в поездах.

Остроумов был еще под впечатлением ожесточенной тарифной борьбы с Владивостоком, едва не окончившейся прекращением транзита на этот порт и вообще полным разрывом не только между Уссурийской и Восточно-Китайской железными дорогами, но и между политическими группировками полосы отчуждения КВЖД и Приморья.

Настроение к Меркуловым было резко враждебное. Это настроение всецело разделялось и ближайшим сотрудником Остроумова по управлению дорогой—Н. Л. Гондатти. Очень умный и широко осведомленный в вопросах Дальнего Востока, Н. Л. Гондатти высказал ряд положений, казавшихся недостаточно ясными из находящегося на отлете Владивостока, и помог несколько разобраться в путанице харбинских настроений.

Действительно, в Харбине, больше чем где-либо, чувствуется особый и идейный и политический разброд. Это сказалось даже в ряде появившихся, большею частью выдуманных, интервью со мной и просто заметок доброжелательных, сдержанных и просто враждебных.

В Харбине больший, чем во Владивостоке, избыток безработной, главным образом, беженской интеллигенции, много праздного, в массе очень нуждающегося военного элемента; застой в делах «fox troti», много сплетен, спекуляция...

По пути на юг, к району уже прочно закрепившегося влияния Японии, весьма много любопытного. Бывшая маленькая деревушка Чанчунь—теперь большой, серый, залитый электричеством и асфальтом город, с огромными магазинами, лавками, различными складами, гостиницами и пр.

Пользуясь остановкой, я долго бродил по городу. С любопытством перешел деревянный мостик через ручей, отделяющий Чанчунь от Каученцзы. Сюда, за этот ручей, была отброшена Россия исходом кровавой борьбы за обладание Манчжурией. Каученцзы входили в сферу нашего влияния—там почти никаких перемен.

За Чанчунем уже район бывших полей сражений, места великих битв 1904-1905 г. г.; здесь тоже много изменений.

Я напрасно искал художественную перспективу стен и храмов древнего Мукдена: взор упирался в огромное мрачное здание японского «Ямато-отеля», от которого по радиусам во все стороны тянулись, залитые асфальтом и электричеством, улицы, и здесь всюду магазины, магазины без конца, конторы, банки и т. д.

Далее на юг к Дайрену беспрерывные ленты поездов, вывозящих по двум колеям неисчислимые зерновые, бобовые и другие запасы богатой Манчжурии.

Всюду японский язык, японский порядок, всюду «хаки» их войск.

Это, вместе с «автономной» Кореей, твердая Япония на материке.

Восхищаясь высокой культурой полей, без конца тянущихся по сторонам дороги, огромным промышленным ростом и успехами техники, я неоднократно проникался глубокой признательностью к хозяевам страны за то заботливо-бережное отношение к мелькавшим временами памятникам на могилах наших бойцов, павших в великой вражде, омочившей их кровью эти далекие чуждые, теперь глубоко мирные поля.

Сейчас они одиноки, эти могилы; лишены заботы своей страны. Почивающие в них принесли сюда меч и вражду. Но здесь не мстят мертвым и заботливо хранят их память от забвения и тлена.

В Чанчуне и Мукдене пересадки. Чувствуется разница между японским и русским вагоном, заметна она и в вагон-ресторане: тощие кусочки хлеба, маргарин вместо масла, во всем учет и экономия.

Особенно убогими против наших вагонов кажутся вагоны правительственной Китайской дороги. В них приходится переходить в Мукдене с магистрали, ведущей к Дайрену, на линию идущую через Шанхай-Гуань к Тяньцзину. В узких беленьких купэ узкие, обитые скользкой кожей сиденья, с которых катится не только ручной багаж, но и крепко заснувшие ночью пассажиры.

Мои молодые спутники негодовали на недостаток хлеба за завтраком и обедом. Приходилось требовать и платить за каждый лишний кусочек «extra» (особо). Это значительно увеличивает нормальную и без того не дешевую плату стола.

Великая Китайская стена! Памятник веков и чрезмерных человеческих усилий. За ней внутренний Китай.

Прежде неодолимая преграда—сейчас затраченный напрасно труд.

Ее свободно режет стальная лента. Стена остается позади. Перед глазами другое чудо—пустыня, превращенная в богатые поля. Бесплодные пески связаны насаждениями. Оставшиеся от прошлогодней жатвы стебли тянутся бесконечными, стройно очерченными линиями. Безграничный труд и великая любовь к земле в каждом кусочке поля, отвоеванного у страшной бесплодной пустыни!

Дальше районы иностранных концессий, серые города, камень, бетон, железо, фабрики, трубы, дым, дым и бесконечные китайцы—неизмеримый резерв человечества.

Здесь одинаково перевозят уголь, камни и китайцев (кули-поденщики). Из экономии места они не сидят, а, стоя вплотную друг к другу, заполняют до отказа открытую платформу и как-то чудом сохраняют равновесие и не падают при быстром движении качающейся платформы.

Мимо них проносятся люксы, экспрессы—это для хозяев их страны.

На станциях гомон, неимоверное оживление и смена всевозможных запахов с преобладанием запаха горелого бобового масла.

Здесь беднее одета милиция и значительно худшие, по сравнению с манчжурскими, войска.

Бесконечное осложнение с деньгами. Каждая провинция,—своя монета, «big» и «small money» (полноценная и малоценная монета). Размен, лаж, торговля, своеобразный гортанный говор и суета.

В Тяньцзине поворот, переход на ветку к Пекину. Через несколько часов—сначала предместье, силуэты стен, дворцов и храмов в спустившейся темноте, а затем залитый электричеством вокзал древней столицы Китая...

Я прибыл в Пекин за день до от'езда оттуда маршала Жоффра, но и этот день оказался весь занятый ранее назначенными приемами, банкетами и пр. После переговоров моего секретаря с начальником военной миссии при Жоффре выяснилось, что я могу видеться с маршалом лишь утром в день его от'езда. Эта беседа «au passage» (мимоходом), конечно, не удовлетворяла меня, и я просил передать, что не считаю возможным беспокоить маршала в этих условиях*).

Я уже более или менее знал из других источников, что вопрос о взгляде Антанты на Приморье, заявленный Жоффру, был бы вопросом праздным. Престарелый маршал демонстрировал победу Франции, торжество Антанты, и весьма естественно имел полное основание не только не интересоваться, но даже и не знать толком, что такое Приморье. Состоящая при нем миссия имела исключительно личный характер и, несомненно, главным образом, занята была церемониальной частью и вопросами представительства.

Было известно также, что «победитель на Марне), если и проявляет некоторое любопытство, то только в отношении старой русской армии, содействие которой, в обессмертившей Жоффра победе, не могло не сохраниться в его сознании, даже при том своеобразном взгляде на Россию, который сложился у народов-победителей и привел их к блокаде голодающей страны и интервенции.

Мне не хотелось упустить случая повидаться с некоторыми представителями иностранных держав, к которым я имел рекомендательные письма от моих друзей.

Интересовали меня, главным образом, три вопроса: 1) взгляд на временное обособленное существование Приморья и экономическое соглашение с ДВР. 2) Вопрос об окончании интервенции на Дальнем Востоке. 3) Ближайшие перспективы, намеченные иностранцами в отношении Восточно-Китайской железной дороги, т. е. ожидается-ли там усиление китайского влияния, или же есть тенденция о замене такового международным управлением?

Из совокупности бесед, имевших исключительно характер обмена личными мнениями, выяснилось, что наиболее заинтересованные в первом вопросе соседи как будто ничего не имели бы против соглашения Приморья и ДВР, но оно представлялось им сомнительным без чьего либо авторитетного

---

*) «Le général n'a pas trouvè le moment assez favorable pour» (генерал не счел возможным беспокоить маршала), ответил мой секретарь К. начальнику миссии при Жоффре на его вопрос: «Est le gènèral»?—(где же генерал)»?

посредничества с третьей стороны при наличии незатихшей еще гражданской борьбы.

Выяснилось также, что надежды правых группировок на поддержку Японии не имеют основания, что эвакуация японских войск, несмотря на кажущуюся до сих пор бесцельной Дайренскую конференцию, вопрос решенный и является не только результатом постановлений межународного характера (Вашингтонская конференция), но и переменой в настроении широких масс населения заинтересованных стран в отношении к вопросу о самой интервенции.

В отношении К.В.Ж.Д. можно было прийти к выводу о наличии стремления к захвату этой дороги под еще больший международный контроль, при чем в этом пункте как будто дружелюбно встречались даже интересы Америки и Японии. «Дружелюбие» Америки, надо думать, обуславливалось в значительной мере наличием в Чанчуне достаточных вооруженных сил Японии, обеспечивающих проведение тех или иных решений в отношении К.В.Ж.Д.

Некоторое усиление интереса американцев к полосе отчуждения К.В.Ж.Д. было уяснено мною еще из бесед в Харбине: американское консульство было переименовано в генеральное консульство, американцы получили право на земельную собственность в полосе отчуждения и, видимо, пользуются этим правом в полном размере.

Внешне продолжается китаизация дороги.

Властитель Манчжурии Чжанзолин попрежнему в дружбе с великим островным соседом. Новая сила, советская Россия, еще не определилась, но внушает тревогу.

Пекин необозрим. Живой проток людей в китайских кварталах не поддается учету. Его прекращает на время только сон и усталость. Самое интересное в Китае—это мирное сожительство республики в тесном соседстве с юным императором. В запретной части города, среди зеленых холмов и озер, отгороженный рядом стен, стоит недвижный, охраняемый драконами дворец, с его художественно изогнутыми карнизами и с желтоватой, цвета династии, чешуей черепичных крыш. Республиканцы интересуются предстоящей свадьбой императора и новостями о несущей дружбу советской России. Здесь много газет на европейских и китайских языках, где широко публикуются эти новости.

Здесь, как в Японии, улица продает, покупает, меняет... Всюду рынки, магазины, лавки, лавченки, разносчики и пр. Также по всем направлениям бегут рикши, впрочем, более стройные и легкие в своем беге. Та же художественная простота и легкость костюма. Всюду готовят кушанье, едят, всюду неприятный, какой то трупный запах со стороны недвижных, загрязненных каналов.

Это в китайских кварталах. Совсем иной мир в чопорных европейских legetions (посольства). Здесь чудесные дворцы среди роскошных парков, отделенных каменными стенами со стороны улицы. Всюду стража, пустота и уныние.

Сюда попадает только китайский дипломатический чиновник и рикша. Это тоже запретная часть в столице республиканского Китая.

Иностранные посольства примыкают к массивной городской стене. По ней раз'едутся свободно две добрых тройки. Она высока—отличный вид на город и на безбрежный загородный простор. Лишь на небольших участках горизонта взор упирается в синеющие массивы гор.

Я невольно повернулся в сторону далекой загадочной России. Туда, к ней, через Калган к Урге и далее к холодному Байкалу, уже тянется, постепенно прорезая пески пустыни, стальная лента железной дороги.

С другой стороны, к стене примыкает американское посольство. Огромная мачта беспроволочного телеграфа гордо тянется вверх. Она под сенью «stars and strtɔes» (звездно-полосатого флага) и символизирует финансовую и техническую мощь великой заокеанской республики.

В стороне, гордый британский флаг, трехцветный флаг Франции. Нет флагов побежденных в великой мировой войне Германии, Австрии и др.

У стены германского посольства—памятник кровавым дням боксерского движения 1901 г., на месте убитого немецкого посланника Кеттелера. Здесь раздраженные толпы народа ожесточенно штурмовали представителей чужеземного порабощения.

Сейчас много говорят здесь о большевиках. Советское политическое представительство помещается отдельно от посольского квартала. Оно начинает привлекать внимание китайского населения.

Русское посольство, лучшее в иностранном квартале, уступает, пожалуй, только английскому. Оно под охраной всего дипломатического корпуса. Часть зданий заняты оставшимися здесь чиновниками бывшего царского посольства. Они чувствуют себя не плохо и выжидают...

В особняке австрийского посланника живет сейчас «маститый пленник»—генерал Хорват. У него свой маленький двор из бывших сотрудников по Харбину и Владивостоку. Ему китайцы хорошо платят по должности их советника, но лишили права свободного выезда из Пекина.

Хорват попрежнему в старой царской форме—живой призрак минувшего.

В Пекине пишет мемуары один из лучших знатоков Востока и виднейший дипломат старой России, бывший посланник в Китае—Коростовец.

Мне удалось лишь бегло ознакомиться с Пекином, мельком взглянуть на его окрестности. Я не видел и ничтожной доли его художественных памятников, скользнул—и то внешне—по его жизни и быту и, тем не менее, у меня сложилось какое-то особенное, ранее нигде не испытанное ощущение.

Мне казалось, что этот древний многомиллионный колосс, во всей его огромной совокупности, со всеми художественными храмами, дворцами, парками, живой меняющейся толпой, тем не менее, охвачен какой-то одной глубокой, только ему понятной, думой, и недвижный, среди суеты и шума современности, смотрит в бесконечную даль веков.

Здесь прошлое как будто заслоняет настоящее.

Это ощущение города, оно повторяется и в отдельном китайце. Среди чудесно обработанного поля, в его бомбоньерке—огороде, если он не занят

работой, или разговором, он стоит, почти сливаясь своей синей одеждой с цветом служащего ему фоном далекого неба, стоит в той же недвижной созерцательной задумчивости.

Сейчас Китай «просвещают». Его одели в европейский военный мундир, у него новейшие пушки и пулеметы, но прежняя, скованная пассивностью, ненависть к чужеземцам.

В 1901 году он бешено рванулся, движимый расовым озлоблением и религиозным порывом. Потребовалось не мало усилий, чтобы вернуть его к покорности. Сейчас в нем бродят признаки классовой вражды.

В Китае более 400 миллионов населения—это, конечно, далеко от той цифры, которая являлась бы результатом мало-мальски налаженной статистики.

По возвращении во Владивосток я поделился всеми полученными сведениями с членами посылавшей меня комиссии и был, между прочим, крайне удивлен шумихой, поднятой печатью вокруг моей поездки. Были пущены слухи, подхваченные газетами, о моем посещении Дайрена и переговорах с находившейся там миссией ДВР и советской России. Муссировалось значение моей встречи с бывшим неофициальным представителем Москвы в Приморье за время земского правительства—В. Д. Виленским, оказавшися моим случайным спутником от Харбина до Пекина. Высказанная мною мысль экономического соглашения с ДВР попрежнему была встречена враждебно. Поездка, таким образом, существенных результатов не дала.

В заседании Народного собрания 4 апреля, после горячих прений, большинством в 45 голосов, было постановлено «довести до сведения конференции в Генуе:

1) что советское правительство не может быть представителем России и русского народа, ибо это правительство—есть правительство одной политической партии, возникшее не путем свободного волеизъявления народа русского, а путем захвата. и поддерживающее свое существование при помощи террора и насилия;

2) что договоры. обязательства и соглашания, заключенные большевистским правительством от имени России, не могут быть обязательными для русского народа и будущего законного Всероссийского правительства, избранного всем русским народом через свободное выражение им своей воли, и

3) что восстановление экономических сил России и, следовательно, сохранение мирового экономического равновесия невозможны при существовании правительства Советов, отсутствии в России демократического правопорядка, при котором представляется единственная возможность культурного общения стран и народов на основах международной солидарности и справедливости».

Демократический союз воздержался от голосования, «не желая подталкивать торгующиеся в Генуе стороны на большие требования к России». Не участвовали в голосовании горячо возражавший против протеста кадет Кроль и фракция левых крестьян.

К слову сказать, к этому времени Англия успела уже заключить (еще в прошлом году) торговое соглашение с советской Россией, которая, в свою очередь, кроме враждебного Антанте, только что подписанного, Русско-Германского договора заключила и ряд договоров с вновь образовавшимися государствами, как-то: с Финляндией, Эстонией и Латвией, Польшей и пр.

С. Меркулов не удовлетворился постановлением Народного собрания и отправил на имя итальянского премьер-министра сеньора Факта свой протест —против участия в конференции в Генуе Ленина и Троцкого, как протест председателя Временного Приамурского Правительства—«единственной русской национальной власти, существующей с 26 мая 1921 г. на всей необ'ятной территории России, созданной волею населения и руководящейся в своей деятельности теми же принципами права, свободы и справедлиости, под действием коих живут все культурные государства Европы, Америки и Азии»...

Весьма резкий по содержанию протест заканчивался словами:

«Временное Приамурское Правительство заявляет, что никаких соглашений представителей государств, собравшихся на конференцию в Геную с... большевиками, русский народ не признает и не будет признавать».

Как реагировал итальянский премьер на это заявление Меркулова,— осталось тайной. Жест, во всяком случае, энергичный!

XIII.

Борьба Меркуловых с Народным собранием. Неудавшееся «Coup d'etat».

Резкие нападки Народного собрания на деятельность правительства и неуклонное требование ответственного министерства; недоверие, выраженное Народным собранием новому, сменившему В. Ф. Иванова, председателю Совета управляющих ведомствами Разумову, а затем Ефремову, ставленникам Меркуловых,—все это более и более сгущало атмосферу.

Вместо ожидаемого Учредительного с'езда, закон о выборах в который был уже выработан и 2-го мая единогласно принят Народным собранием, пошли слухи о предполагавшемся созыве Земского Собора и о разгоне Народного собрания.

Принятый закон о выборах в Учредительный с'езд допускал участие в таковых всех без исключения политических партий, т. е. допускал участие и коммунистов, что особенно ненавистно было, как меркуловцам, так и большинству наиболее активных деятелей армии.

Закон не был утвержден правительством. Оно само выработало новый закон о созыве Земского Собора, который должен был подкрепить пошатнувшееся положение правительства, другими словами, Меркулова.

Поводом для окончательного разрыва послужило единодушно выраженное Народным собранием недоверие председателю Совета управляющих ведомствами Ефремову и управляющему иностранными делами Колесникову по двум вопросам: о смете и деятельности управляющего иностранными делами и о незакономерном расходовании правительством государственных средств.

Ждали разгона Народного собрания. Взбешенный нападками, премьер грозил им в кулуарах.

В Области было также неспокойно. 1-го апреля в районе Спасска начались настоящие боевые действия. Около полуночи красные открыли орудийный и оружейный огонь против боевых линий белых, державших связь с находившимися в этом районе японскими войсками.

Усилились нападения партизан, особенно, в Шкотовском районе. Оживилась деятельность хунхузов.

Опять Область, за исключением узкой полоски вдоль железной дороги и городов Владивостока и Никольска, предоставлялась самой себе.

Все предвещало новый взрыв гражданской войны.

Вечером, накануне 1 июня, меня, как члена президиума, экстренно потребовали в помещение канцелярии Народного собрания (б. Адмиральский

дом на Светланской ул.). Здесь уже были в сборе почти все наиболее видные представители фракций.

То и дело появлялись и фигуры военных, явно сочувствовавших Народному собранию.

От председателя Народного собрания Н. А. Андрушкевича я узнал, что Меркуловы выпустили указ о роспуске Народного собрания и что управление внутренними делами имеет уже распоряжение о приеме дел и об освобождении занимаемых Народным собранием помещений от депутатов и служащих. Явившийся начальник милиции заявил, что им получено категорическое приказание очистить здание, при чем в случае надобности, он не остановится перед применением вооруженной силы.

Угрозы начальника милиции, однако, не были приведены в исполнение, так как получилось известие, что для охраны Народного собрания идет команда ижевцев (сторонники Народного собрания из состава каппелевцев). Действительно, вскоре появился сильный, отлично вооруженный караул, немедленно занявший все выходы и установивший строжайший порядок пропуска в здание.

Караул поступил в распоряжение президиума. Присутствовавший здесь же управляющий внутренними делами Вершинин, член Народного собрания, бывший в группировках, враждебных Меркуловым, отдал распоряжение о немедленном удалении милиции.

В городе началась тревога. Выяснилось, между прочим, что генерал Вержбицкий отошел от управления армией, которая, по крайней мере, гарнизон гор. Владивостока, всецело перешла в руки ген. Молчанова, принявшего сторону Народного собрания. Последнее обстоятельство казалось весьма подозрительным, так как всем была хорошо известна очень тесная дружба Молчанова с Н. Меркуловым.

Около полуночи собрались почти все наличные в городе члены Народного собрания, прибыл и представитель армии ген. Пучков (начальник штаба Вержбицкого), предупредивший президиум Народного собрания, что он должен сделать экстренное заявление от имени армии. Заявление это сводилось к тому, что армия будет всецело поддерживать Народное собрание и свержение Меркуловых, но при условии, что председателем нового коллегиального правительства будет непременно командующий вооруженными силами Приморья и что единственным кандидатом на этот пост армия выдвигает ген. Дитерихса, который, по мнению армии, только и может примирить взаимно враждующие ее части (каппелевцы, семеновцы, моряки).

Заявление это оказалось неожиданным даже для правых группировок, раньше ничего, по их мнению, не слыхавших о далеко нескромных претензиях Дитерихса.

Для членов Демократического союза, левых крестьян и других оппозиционных фракций, конечно, было слишком ясно это плохо завуалированное выступление военной диктатуры, в стиле времен Мария, Суллы и Цезаря, да еще с Дитерихсом во главе.

Правые (кроме меркуловцев), под давлением озлоблений против Меркуловых и не без основательных опасений о неизбежных репрессиях по вос-

становлении их владычества, смирились перед заявлением, сделанным ген. Пучковым.

Что касается Демократического союза и левых крестьян, при полной неприемлемости для них этого заявления, перед ними стоял вопрос о немедленном выходе из Народного собрания. Но это ослабило бы последнее в момент его острой борьбы с Меркуловыми. Поэтому решено было остаться до окончания борьбы, совершенно воздерживаясь от выборов нового правительства в заявленной комбинации и выразив решительный протест против скрытой диктатуры Дитерихса.

Сейчас же после полуночи (с 31 мая на 1 июня) началось чрезвычайное заседание пленума Народного собрания в составе более $^2/_3$ общего числа депутатов, которым единогласно было вотировано свержение меркуловского Правительства, принятие всей полноты власти самим Народным собранием в лице его исполнительного органа-президиума, который был доведен до состава семи человек вместо бывших пяти.

Указами №№ 1 и 2 были зафиксированы эти решения Народного собрания.

Глухой ночью мне поручено было сообщить об этих решениях японской военной миссии. Там, видимо, знали о всем происходившем, внешне было проявлено тоже неизменное «невмешательство» в наши внутренние дела, при чем, однако, было замечено, что японское главнокомандование не допустит никакого кровопролития, и, если таковое произойдет, враждующие стороны будут разоружены.

Было основание предполагать, что в общем выступление Народного собрания было не вполне желательным для японцев, так как, по слухам, как раз к этому времени предполагался целый ряд сделок правительства с японскими коммерсантами. При новой власти сделки эти могли и не пройти.

В отношении бр. Меркуловых было постановлено немедленно арестовать их. Это постановление сразу открыло сущность происходящего и предрешило исход борьбы.

Каждое решение хорошо только в том случае, когда это решение не повисает в воздухе, а сейчас же приводится в исполнение.

Между тем генерал Молчанов, который должен был выполнить постановление Народного собрания, не только не арестовал Меркуловых, напротив, помог избежать ареста сильно перепуганному Н. Меркулову, искавшему убежища в японской военной миссии.

Это обстоятельство дало возможность оправиться правительству. Оно засело в доме № 67 на Светланской улице, где была уже собрана охрана под общим руководством перешедшего на сторону Меркуловых семеновского генерала Глебова. На защиту Меркуловых выступил и командующий сибирской флотилией адмирал Старк. Флотилия к этому времени была переформирована. В нее вошли, главным образом, прибывшие из Мессопотамии бывшие старые офицеры и матросы старого русского флота, очень сплоченные и руководимые весьма энергичным и властолюбивым начальником штаба Старка— капитаном 1 ранга Фоминым.

При флотилии были сформированы особые стрелковые части—морские стрелки (инициалы на погонах «М. С.» дали повод кому-то пустить шутку, что буквы эти означают «Меркулов Спиридон»).

При общей расхлябанности эта весьма сплоченная морская организация являлась некоторой силой, оказавшейся весьма полезной для Меркуловых. У них был и обеспеченный тыл в виде, стоявших под парами, судов флотилии, почти непосредственно против занимаемого ими дома.

На балконе дома располагались морские стрелки, они могли отлично обстреливать продольную улицу. Нижний этаж и двор были заняты частями Глебова, продолжавшего вербовку добровольцев для пополнения своего корпуса.

Настойчивые требования Народного собрания об аресте Меркуловых разбивались о неизменное заявление Молчанова, что арест этот вызвал бы теперь несомненное столкновение, а затем и неизбежное вмешательство японцев и разоружение русских войск. Согласно русско-японскому соглашению японцы имели на это формальное право. Допущенное ими вооружение в любой, нужный им момент, могло замениться разоружением. Это обстоятельство до некоторой степени оправдывало ту весьма двусмысленную позицию, которую занял генерал Молчанов.

Время уходило. Меркуловы не только оправились, но и быстро стали проявлять свойственную им энергию. Они тоже, впрочем, опоздали—по их предположению сейчас же после роспуска Народного собрания должна была произойти весьма решительная ликвидация его членов. В список целиком входила фракция Демократического союза, часть левых крестьян и враждебные представители из правых группировок: Андрушкевич, Лихоидов, Оленин и пр.

Назревавшая трагедия постепенно стала переходить в фарс. Началась до неприличия резкая взаимная газетная перебранка.

В завязавшейся борьбе приобретал значение вопрос: на чьей стороне будет милиция с ее резервом—легальная вооруженная сила.

Городской голова Еремеев, которому подчинялась эта сила, был в то же время и членом меркуловского Правительства, но он числился в отпуску. Фактическое руководство городскими делами было в руках товарища городского головы и в то же время товарища секретаря в президиуме Народного собрания—Лякера, сторонника Народного собрания.

Милиция колебалась—усиливалось безвластие.

В ночь со 2-го на 3 июня состоялись выборы нового Правительства без участия оппозиции, ограничившейся заявлением отказа от участия в голосовании. Тот прием, который был применен верхами армий для восстановления кандидатуры Дитерихса, популярность которого в крае была весьма условной, смущал и правые группировки. В их предварительных фракционных совещаниях было не мало споров. Но выхода для них не было—или назад с повинной и на поклон к Меркуловым, или Дитерихс.

Нерешительная затягивающаяся борьба чрезвычайно всех утомляла. Бывший адмиральский дом, где происходило заседание Народного собрания, обратился в какой-то форт Шаброль. Часть депутатов уже третьи сутки безвы-

ходно находилась здесь. Хождение по квартирам было не без риску. Глебовские «добровольцы» охотились за обреченными. Пленникам грозило отправление в трюм «Манчжура», где находился штаб Старка, или более короткая расправа.

Народное собрание тоже захватило двоих из своих врагов, добровольно приехавшего члена правительства Адерсона и привезенного силой управляющего иностранными делами, сторонника Меркуловых, Брайковского. Оба, впрочем, вскоре были отпущены.

Выборы тем не менее состоялись. Новое правительство составили: председатель—командующий армией генерал Дитерихс и члены: член Народного собрания Лихоидов и член правительства Меркуловых, изменивший им городской голова Владивостока, Еремеев. Последний, слабовольный и довольно беспринципный человек, через день или два раскаялся и опять вернулся в дом № 67, т. е. к Меркуловым. Его уговорили вернуться, так как у Меркуловых не хватало одного члена для кворума (два члена из состава меркуловской пятерки отсутствовали. Острили, что С. Меркулов находил выход из этого положения, считая, что голос брата и два его, как председателя, дают необходимый кворум).

За отсутствием Дитерихса, находящегося еще в Харбине, председательствование в новом правительстве переходило к его заместителю—ген. Молчанову.

Установилось двоевластие. Владивостоком правили: из здания морского штаба—ген. Молчанов и из дома № 67—Меркуловы. По ночам тайно Меркуловых посещали кое-кто из колеблющихся членов Народного собрания, голосовавших за новое правительство. Там широко раскрывались двери для кающихся грешников.

Встречались, повидимому, правда, на нейтральной территории, и враждующие правительства, еще столь недавние друзья, — ген. Молчанов и Н. Меркулов.

Удачным для Меркуловых явилось и то обстоятельство, что в их резиденции (№ 67) оказалась и квартира нового городского головы ген. Андогского.

Двойная измена Еремеева стоила ему потери весьма важного по тому времени и обстоятельствам поста городского головы, на который был избран перекочевавший в лагерь Меркуловых, начальник военной академии ген. Андогский, член городской думы, прошедший по списку «Всероссийского крестьянского союза» от Русского острова (считается пригородной частью Владивостока). Он только что вернулся из первой, весьма важной командировки в Японию, порученной ему каппелевской армией и Меркуловыми.

Государственный аппарат естественно совершенно разладился. Не было уверенности, кто же настоящая власть.

В городе появились подозрительные «военные» организации, имели место случаи грабежей.

Члены Народного собрания попрежнему сидели в бывшем адмиральском доме; Меркуловы—в доме № 67 на той же улице, с сильными караулами на балконах и у входов.

Меркуловы, по свойственной им энергии, продолжали развивать чрезвычайную деятельность. Так, чтобы свести на-нет значение первых двух с'ездов несоциалистов, враждовавших теперь против них, они организовали свой особый «комитет национальных организаций», в который, кроме прежних их сторонников из Народного собрания, во главе с Рудневым, вошли: Васильев, Митаревский, вообще вся редакция меркуловской газеты «Русский Край», а также состав редакции «Вечерней Газеты» и многие другие.

«Комитет» обосновался всего в нескольких шагах от помещения Народного собрания и на ежедневных митингах громил занятую последним позицию. Предавались проклятию их бывшие товарищи по несоциалистическому с'езду за сотрудничество с ДВР-цами и «коммунистами»: Абоимовым, Болдыревым, Знаменским и др.

В свою очередь, почти ежедневно с балкона своего убежища, охраняемого морскими стрелками, выступали перед «народом» и оба брата Меркуловы, примерно на те же темы.

«Народ» собирался довольно оригинальным способом. Ко времени окончания занятий в учреждениях и прекращения торговли, улица перед домом № 67 перегораживалась вооруженной цепью, останавливались и накапливались переполненные публикой трамваи, задерживались пешеходы. Быстро образовывалась толпа, а затем появлялись по-очереди Меркуловы, или кто-нибудь из их приближенных.

На ближайших зданиях и заборах всегда можно было видеть огромные плакаты, в которых указывались значительные суммы, будто-бы полученные из Читы для борьбы с Меркуловыми, с их национальным правительством.

Народное собрание, в свою очередь, громило противников своей наскоро организованной газетой, значительное место в которой занимало весьма колоритное творчество депутата Донченко.

Эта словесная и, главным образом, бумажная война начала надоедать сражающимся. Больше всего потерь выпадало, конечно, на долю обывателя. Он продолжал теряться в догадках: «кто же действительная власть»?

Начались чуть ли не ежедневные паломничества с информационными целями со стороны японского штаба и особенно жандармерии. Последняя имела отличный наблюдательный пункт в доме против помещения Народного собрания. На балконе этого дома все чаще и чаще начинали появляться «военные» из стана Меркуловых.

Как-то под вечер оттуда началась стрельба. Спровоцированный «военными в русской форме», назначенный Народным собранием, губернатор Владивостока, депутат Густов—был грубо втащен в помещение японской жандармерии и избит.

Случай этот был резко опротестован Народным собранием, потребовавшим немедленного освобождения депутата Густова.

В лагере Меркуловых началось боевое оживление. Их агенты проделали такой трюк. К зданию морского штаба, где заседал Совет управляющих ведомствами новой власти, неожидано прибыла городская пожарная команда, как бы для тушения возникшего там пожара. Пожарные, которые оказались переодетыми добровольцами из отряда Глебова, под начальством, служивше-

го ранее приставом в Народном собрании, подполковника М., имели намерение ворваться в здание, захватить его и арестовать заседающих там министров.

Маскарад был обнаружен. «Пожарные» встретили энергичный отпор караула и подоспевшей дежурной части, и, после легкой перестрелки, во время которой были убиты два проходивших китайца, принуждены были с большим конфузом отступить.

В другой раз в здание Народного собрания была брошена бомба. Вместо комнаты президиума бомба попала в помещение караула, при чем был убит один из солдат.

Генерал Молчанов продолжал соблюдать осторожность—это усиливало предприимчивость и дерзость противоположной стороны, организовавшей ряд нападений на членов Народного собрания и ночные атаки их жилищ.

Правые с нетерпением ждали приезда Дитерихса, все еще находившегося в Харбине.

XIV.

Приезд генерала Дитерихса. Воинствующий мистицизм. Земский собор и земская рать. Походы воеводы. Разгром.

Генерал Дитерихс, наконец, прибыл во Владивосток. После встречи на вокзале, он был приглашен на торжественное заседание Народного собрания, где после приветствия он скромно поблагодарил за избрание его на пост председателя нового правительства.

Однако, в этот же день в заседании президиума и лидеров фракции Народного собрания, им было сделано совершенно неожиданное заявление, весьма сильно встревожившее даже его готовых ко всему избирателей.

Смысл заявления Дитерихса был таков: Народное собрание, свергая Меркуловых, стало на революционный путь и, таким образом, новое правительство избрано революционным порядком, с чем он, Дитерихс, никак примириться не может. Все необходимо исправить, чем он и займется в ближайшие сутки.

Заявление это было проникнуто непоколебимостью в отношении отрицания всяких революционных актов, предрешенностью и мистицизмом.

По поручению Народного собрания председатель его Андрушкевич и я поехали к Дитерихсу выяснить причины его заявления и просить указать те исправления, которые он намеревается сделать.

«Вы, генерал, вероятно, и не подозреваете тех последствий, которые могут возникнуть от вашего решения», заметил Н. А. Андрушкевич, на что Дитерихс ответил, что «он много думал по этому вопросу и успокоился только тогда, когда принял именно это решение».

Я попросил его зафиксировать общий смысл высказанных им решений. Они таковы:

От прежнего правительства:

1) Отмена своего постановления о роспуске Народного собрания.

2) Сложение правительственных полномочий С. и Н. Меркуловыми с передачей временного председательствования правительством (т.-е. теми же Меркуловыми) назначаемому командующему армией и флотом ген.-лейт. Дитерихсу, впредь до созыва в кратчайший 2-3 недельный срок Земского Собора».

«Нынешняя власть:

1) Или отмена постановления Народного собрания о неподчинении указу правительства о роспуске, с принятием на себя Верховных полномочий, или

2) Постановление о самороспуске Народного собрания».

Вопрос становился ясным—Народное собрание ликвидировалось.

Дитерихс подписал два маленьких листочка с вышеприведенным текстом и передал мне. На них стояла дата: «10 июня 1922 г.».

Я встал и заявил Дитерихсу, что, после подтверждения им столь грубого нарушения воли народного правительства, вопрос настолько ясен, что больше говорить не о чем. Мы вышли.

Последующее решение Дитерихса оказалось еще более неожиданным. В присланном им на имя Народного собрания «приказе армии и флоту» говорилось о его полном подчинении Меркуловых, «*как законному правительству*», подтверждался акт о роспуске Народного собрания и заявлялось о незамедлительном созыве Земского Собора для выбора власти.

Армия, только что все время стоявшая за Народное собрание, беспрекословно признала и то, что преподносилось ей в этом приказе. Только часть ее, еще долго после этого знаменательного события, поддерживала нелегальную враждебность, теперь уже и против Дитерихса, но без особого результата.

Вечером, в день обнародования приказа, с балкона убежища Меркуловых выступал уже и сам Дитерихс, заявивший, что «довольно нам революций» и «что на революционный путь он никогда не станет».

Приказ был выпущен 11 июня. Народное собрание перестало существовать.

Борьба кончилась, Меркуловы вновь встали у власти. Ими был издан указ о предании всех наиболее активных деятелей враждовавшей с ними стороны суду за государственную измену. Вскоре, впрочем, этот указ, видимо, по настоянию Дитерихса, был отменен. Я был отчислен от председательствования в русско-японской согласительной комиссии.

Как расценивался поступок Дитерихса? Различно. Одни видели в этом глубокую политическую мудрость, бескровно прекратившую 11 дневную борьбу Народного собрания с Меркуловыми. Другие — нечто весьма близкое к простому предательству, по отношению к Народному собранию, выразившему ему столь широкое доверие. Наконец, третьи видели в этом просто ловкий ход к безответственной власти в последнем периоде жизни Приморья, обеспечивающий Дитерихсу неизбежный исход в эмиграцию с некоторым активом и правом на внимание заграницы. Повторение Крыма и Врангеля на Дальнем Востоке.

После ликвидации «мятежа» Народного собрания, Дитерихс, принявший звание главнокомандующего, приступил совместно с Меркуловыми к организации созыва Земского Собора.

Конституция этого «представительного органа» допускала членов по избранию, куда и дали своих кандидатов все правые группировки, не находившиеся в опале у Меркуловых, и членов по назначению, куда вошли все высшие чиновники, начиная от председателя Совета управляющих ведомствами, совет казачьих войск, представители армии во главе с главнокомандующим, городской голова Владивостока, председатель Областной Земской Управы, представители духовенства и др.

С открытием Собора председательствовал в таковом профессор Миролюбов.

Это своеобразное учреждение должно было избрать временную национальную власть, в задачи которой должно было войти возобновление борь-

бы с большевиками и, конечно, устроение государства.

Случайно сохранивший власть, С. Меркулов принимал особые меры, чтобы вотумом Земского Собора не только укрепить свое настоящее, значительно пошатнувшееся положение, но и оказаться избранником Собора. К этому представлялись некоторые возможности—в Соборе заседали свои люди, а голосование, как, впрочем, и везде в аналогичных случаях, производилось по указке.

Дисциплина была весьма суровой. Так, на одном из заседаний Собора Дитерихс заявил, что он не находит возможным выступать «против своего начальника»—С. Меркулова, а остальные депутаты от армии имели право только голосовать, отнюдь не выступая с своими мнениями.

Расчеты Меркулова, однако, на этот раз не оправдались. Как наиболее приемлемая кандидатура, теперь уже единоличной власти, Собором выдвигалась кандидатура находившегося в Харбине Н. Л. Гондатти.

Начавшаяся борьба и последовавший затем отказ Гондатти дали победу третьему кандидату генералу М. К. Дитерихсу, который и был избран *единоличным правителем* Приморья.

Вновь избранный правитель, неудачный сотрудник Колчака, а затем скромный обитатель Харбина, тем не менее, видимо, твердо усвоил традиции Омска и начал не только управлять, но и «повелевать». Если на постепенно сжимающейся территории подвластного Приморья это «повелевать» звучало не особенно серьезно, то все же оно придавало специфический оттенок власти, знаменовало подготовку к грядущему восприятию самодержавного монарха.

Дитерихс немедленно приступил к реформам. Были созданы малопонятные учреждения: «советы внешних и внутренних земских дел», просуществовавшие, правда, весьма недолго.

Армия была переименована в «Земскую рать», а сам Дитерихс, как глава ее, стал именоваться «Воеводой земской рати». Как совещательный орган, для разработки законов при правителе была организована «Земская Дума» из членов по назначению и выбору; в состав Думы входили также городской голова Владивостока и председатель областной Земской Управы.

Вскоре после избрания, Дитерихс и Земская Дума переехали в Никольск.

Началась совершенно открытая подготовка к военным действиям и такое же открытое провозглашение монархического начала, как руководящего политического лозунга. Это последнее, несомненно, наиболее оригинальная особенность, характеризующая Дитерихса. Он первый вполне определенно и открыто высказал идею монархии, высказал то, что тайно, с опаской и с оглядкой, или, наоборот, в хмельном угаре, иногда совершенно анархически, выявляли до него идейные и искренние, или лукавые и рассчетливые сторонники монархического начала.

Это был ход, ход, несомненно, безнадежный в начинающемся последнем акте борьбы, но как ставка, как последняя брошенная на карту ценность крайне правого крыла русской общественности, порвавшей с срединными элементами, заслуживает быть отмеченным.

В публичных выступлениях правителя настойчиво звучал призыв к непримиримой борьбе с большевиками, конечной целью ставилось овладение Москвой и восстановление там «Законного хозяина земли русской, помазанника Божьего из дома Романовых».

Еще Земский Собор неоднократно посылал верноподданнические телеграммы живущим в Европе старшим представителям дома Романовых Из-заграницы во Владивосток ожидался генерал Лохвицкий, который ездил для связи с заграничными монархическими организациями и для взаимной ориентировки.

Высказываемые правителем, вернее, кружком лиц, приобревшим над ним влияние, политические воззрения отбрасывали Россию к началу 1900 г. г. вычеркивая из ее жизни, как вредоносное учреждение, установившее в России ненавистные конституционные начала, Государственную Думу

Настоящее государственное строительство намечалось на основах XVI века—Земский Собор, Рать и прочее. Основной ячейкой этого строительства устанавливался «церковный приход» из истинно верующих прихожан, при чем самое избрание их становилось в зависимости от божественного начала и небесного благословения, призываемого на избирательную урну. Не записавшиеся в церковный приход и не бывшие у св. причастия, не допускались к участию в выборах.

Идея приходов, впрочем, успеха не имела даже у духовенства, и выборы не состоялись.

Весь этот *воинствующий мистицизм* усиленно раздувался забывшей всякие границы правой прессой (другой, кроме рабочего листка «Курьер» и подпольной коммунистической газеты «Красное Знамя», и не было), и тем не менее весьма туго усваивался обывательской массой, даже не чуждой той идеологии, какая преподносилась ей правительственным «Земским Краем», «Вечерней Газетой», «Словом» и пр.

Обыватель плохо верил в успешность похода воеводы, его больше тревожили признаки все яснее и яснее намечавшегося неизбежного ухода японцев, он чутко следил за ходом переговоров в Чанчуне (продолжение Дайренской конференции)[365]) и отлично учитывал, что в случае прихода красных, он явится единственным ответчиком за все деяния верхов, которые, конечно, своевременно успеют исчезнуть заграницу.

Открывшийся в Никольске «Национальный С'езд» приветствовал все начинания правителя, за это, впрочем, говорил весь состав с'езда: в него входили только крайние правые и монархические организации, с обществом «Вера, царь и народ» во главе.

Офицерство, скопившееся в Приморье в значительной массе и не служившее в армии, образовало к этому времени: «Общество кадровых офицеров», «Союз инвалидов» и «Союз георгиевских кавалеров». Организации эти преследовали, главным образом, экономические цели, поддерживая существование своих крайне неимущих членов, тем не менее, частью по инициативе отдельных групп, составляющих эти организации, частью под угрозой репрессий, включительно до закрытия этих обществ, они вынуждены были дать своих представителей на «Национальный С'езд»[366]).

На с'езде вместе с признанием необходимости начала военных действий против красных, решена была мобилизация наиболее юных возрастов, включающих большинство учащейся молодежи. Мобилизовались и военные командного состава до 45 летнего возраста.

Вместе с тем было проведено и денежное обложение всех имущих граждан, торговых и промышленных учреждений.

Эти два мероприятия окончательно взбудоражили население. Начался быстрый отлив молодежи в Харбин и даже в сопки. Пришлось ловить мобилизованных на улицах, запирать в особые помещения и там готовить к «ратному» делу.

Проведение в жизнь обложения встетило еще более резкий отпор. Торгово-промышленная палата, находившая невозможным это обложение, была закрыта распоряжением правителя. Поступления были ничтожны.

Перерыв Чанчунской конференции породил было некоторую надежду среди сторонников Дитерихса, но продолжавшаяся эвакуация японских войск из северных и западных районов Приморья не оставляла никаких сомнений относительно ухода японцев и неизбежности столкновения изолированного слабого Приморья с советской Россией.

Вместе с мобилизацией возникал вопрос об оружии. В распоряжении японцев имелось значительное количество конфискованного русского оружия. Попытки получить таковое для Земской рати не увенчались успехом.

В связи с этим обстоятельством и эвакуацией правителем были допущены довольно резкие выступления на этот раз уже и против японцев, что вело к окончательной изоляции правителя и к верному неуспеху ряда «политических» паломничеств в Токио, неизменно возглавляемых владивостокским головой, членом Земской Думы, проф. Андогским.

Отсутствие подкреплений (мобилизация дала лишь несколько сот человек), недостаток в средствах, оружии, главным образом, в патронах, ставили в очень тяжелое положение Земскую рать.

Инициатива в начавшейся борьбе переходила всецело на сторону красных. Кровавые столкновения у Спасска и д. Монастырщины решили исход борьбы. Дитерихс особым указом признал дальнейшую борьбу невозможной. Он с горечью отмечал, что в рядах его рати он не видит представителей тех группировок, на личное и материальное содействие которых он больше всего расчитывал.

Авантюра, лишенная элементарного учета обстановки, осталась авантюрой и при открытом выдвижении монархической идеи. Она не увлекала населения. Оно понимало неизбежный ход событий вернее, чем его временные руководители.

Расстроенные войска Земской рати отошли частью в направлении к Посьету, частью—к ст. Пограничной. Только корпус Глебова пробился к Владивостоку, где моряки, под руководством адмирала Старка, бывшего в то время начальником обороны тыла, готовили все годные к плаванию суда для неизбежного ухода из Владивостока.

Японцы, в свою очередь, готовились к эвакуации последней зоны и самого Владивостока.

Настроение в городе становилось крайне тревожным. Все, наиболее причастные к правлению Меркуловых и Дитерихса, спешно выбирали паспорта заграницу. За бесценок продавалось имущество, ликвидировались дела и предприятия.

Назревавший было при поддержке Глебова переворот в пользу адмирала Старка был предотвращен возвратившимся из Никольска Дитерихсом.

Тем не менее жизнь в городе стала опасной, начались грабежи, изъятие неугодных лиц. Хозяйничали слабо дисциплинированные части Глебова. Ползли панические слухи.

XV.

Конец интервенции. «Пешее» Правительство сибирских автономистов. Красная армия во Владивостоке.

Японцы очищали окрестности Владивостока. К 25 октября остался лишь слабый арьергард в самом городе. Подошедшие было вплотную к городским окрайнам, красные предусмотрительно, во избежание столкновения с японцами, проявлявшими крайнюю нервность, были отведены за ст. Угольная.

Из Владивостока отбыли остатки Земской рати, готовились к отходу и суда Старка.

Правитель Дитерихс не проявлял никакой деятельности. Он заявил лишь, что вывозит всех желающих до ближайших портов Кореи и не берет никаких обязательств за их дальнейшую судьбу.

Грузился последний батальон японцев, ночевавший биваком в саду рядом с зданием Земской управы. В узком переулке между Светланской улицей и набережной Золотого рога постепенно исчезали последние запоздавшие пассажиры — японцы и русские, от'езжавшие с японскими транспортами.

Дитерихс на борту судна. Власти не стало.

Новая власть с поддерживающей ее вооруженной силой в 20-30 верстах от города. Пустоту эту совершенно неожиданно заполнил, так называемый, «Совет уполномоченных автономной Сибири», выдвинувший свое правительство с А. В. Сазоновым во главе и принявший на себя всю «полноту» власти. Это «пешее» правительство (члены его не имели даже средств передвижения) продемонстрировало свою вооруженную «силу» из 3-4 десятков оренбургских казаков, с песнями прошедших по Светланской ул., во главе с генералом Анисимовым[367]).

Население отнеслось к новой власти с совершенным равнодушием,—его ничто уже не могло удивить.

Эта сценка «под занавес» не тронула ничьего внимания. Занавес опустился, знаменуя конец пятилетнего обособленного существования Приморья, а вместе с тем и конец столько же продолжавшейся интервенции.

Отплыли суда адмирала Старка. В опустелом порту грустно торчали мачта и труба затопленного Старком миноносца «инженер Анастасов».

26 октября вошли в город предводимые главнокомандующим Уборевичем части 5-й Красной армии, приветствуемые населением. Войска вошли в стройном порядке, за ними чувствовалась, покончившая, наконец, с губительной гражданской распрей, новая Россия.

Теперь как будто бы не так уже давил своей огромной темной массой японский броненосец, единственный оставшийся призрак интервенции.

Устанавливалось спокойствие, население безмерно устало от борьбы.

Главнокомандующий Уборевич заверял «пред лицом всего культурного мира о недопустимости репрессий к оставшимся на местах гражданам». Это рассеивало опасения перед режимом новой пришедшей власти.

Я лично, еще ранее, после конца борьбы Народного собрания с Меркуловыми, откинул мысль об эмиграции. После падения Директории (1918 г.) в силу особых условий я принужден был в течение года пробыть в Японии. Исключительный интерес, который возбуждала во мне эта страна, редкое радушие и внимание в отношении меня со стороны различных лиц, с которыми я встречался в Японии, все же никогда не заслоняли во мне мысли о родине и работе в своей стране.

Я не имел оснований думать, что где-либо в другом месте будет иначе, а потому, имея все возможности для от'езда заграницу, тем не менее решил остаться во Владивостоке.

Это было не безопасно. Здесь против меня, как и против всякого общественно-политического деятеля, конечно, были многие, в том числе и личные счеты.

Тем не менее это было не главным. К ответу я чувствовал себя всегда готовым.

Меня занимало другое—обстановка, создающаяся на западе Европы, допускающая возможность всяких осложнений, включительно до вооруженных выступлений *извне* против России, подсказывала мне, что в могущей возникнуть борьбе мое место только здесь, среди своего народа.

Я подбирал накопившиеся у меня материалы для намеченных на ближайшее время работ. Этому не суждено было осуществиться.

Вечером 5 ноября 1922 года я был арестован и водворен в местную тюрьму.

Конец третьей части.

Приложения.

Приложение 1-е.

Акт об образовании Всероссийской Верховной Власти, принятый на Государственном Совещании, имевшем место в г. Уфе от 8 до 23-го сентября 1918 года:

Государственное Совещание в составе С'езда Членов Всероссийского Учредительного Собрания и уполномоченных на то представителей Комитета Членов Всероссийского Учредительного Собрания, сибирского Временного Правительства, Областного Правительства Урала; казачьих войск: Оренбургского, Уральского, Сибирского, Иркутского, Семипалатинского, Енисейского, Астраханского; представителей правительств: Башкирии, Алаш, Туркестана и национального Управления Тюрко-Татар внутренней России и Сибири и Временного Эстонского Правительства; представителей с'езда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья; представителей политических партий и организаций: партии социалистов-революционеров, российской социал-демократической рабочей партии, трудовой народно-социалистической партии, партии Народной Свободы, Всероссийской социал-демократической организации «Единство» и союза «Возрождение России»—в единодушном стремлении к спасению страны, воссозданию ее единства и обеспечению ее независимости,

ПОСТАНОВИЛО:

Вручить всю полноту Верховной Власти на всем пространстве Государства Российского Временному Всероссийскому Правительству в составе пяти лиц: Николая Дмитриевича **Авксентьева,** Николая Ивановича **Астрова,** генерал-лейтенанта Василия Георгиевича **Болдырева,** Петра Васильевича **Вологодского** и Николая Васильевича **Чайковского.**

Временное Всероссийское Правительство в своей деятельности руководствуется следующими установленными настоящим актом положениями.

Общие положения.

1. Временное Всероссийское Правительство, впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания, является единственным носителем Верховной Власти на всем пространстве Государства Российского.

2. Все функции Верховной Власти, временно отправляемые ввиду создавшихся условий Областными Правительствами, должны быть переданы **Временному Всероссийскому Правительству,** как только оно того потребует.

3. Установление пределов компетенции Областных Правительств, на началах широкой автономии областей и на основах, приведенных в изложенной ниже программе деятельности Правительства, предоставляется мудрости Временного Всероссийского Правительства.

Обязанности Правительства в отношении Всероссийского Учредительного собрания.

В непременную обязанность **Временного Всероссийского Правительства** вменяется:

1. Всемерное содействие функционирующему, как государственный правовой орган, С'езду членов Учредительного Собрания в его самостоятельной работе по обеспечению приезда членов Учредительного Собрания и по ускорению и подготовке возобновления занятий Учредительного Собрания настоящего состава.

2. Неуклонное руководство в своей деятельности непререкаемыми верховными правами Учредительного Собрания и неустанное наблюдение, чтобы в деятельности всех подчиненных Временному Правительству органов не было допущено ничего, могущего клониться к умалению прав Учредительного Собрания, или к замедлению в возобновлении его работ.

3. Представление отчета в своей деятельности Учредительному Собранию немедленно по об'явлении Учредительным Собранием своих работ возобновленными, и безусловное подчинение Учредительному Собранию, как единственной в стране верховной власти.

Примечание: К сему прилагается постановление С'езда Членов Всероссийского Учредительного Собрания от 13 сентября 1918 года.

Программа работ Временного Правительства:

В своей деятельности по восстановлению государственного единства и независимости России Временное Всероссийское Правительство должно ставить в первую очередь следующие неотложные задачи:

1. Борьба за освобождение России от советской власти.

2. Воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России.

3. Непризнание Брестского и всех прочих договоров международного характера, заключенных, как от имени России, так и отдельных ее частей после Февральской революции, какой бы то ни было властью, кроме Российского Временного Правительства, и восстановление фактической силы договорных отношений с державами согласия.

4. Продолжение войны против германской коалиции.

В сфере внутренней политики Временное Правительство должно преследовать нижеследующие цели:

1. В области военной.

1. Воссоздание сильной, боеспособной, единой Российской армии, поставленной вне влияния политических партий, и подчиненной, в лице ее высшего командования, Всероссийскому Временному Правительству.

2. Полное невмешательство военных властей в сферу гражданского управления, за исключением местностей, входящих в театр военных действий или об'явленных указами Правительства на военном положении, когда это вызывается крайней государственной необходимостью.

3. Установление крепкой военной дисциплины, на началах законности и уважения к личности.

4. Недопустимость политических организаций военнослужащих и устранение армии от политики.

II. В области гражданской.

1. Устроение освобождающейся России на началах признания за ее отдельными областями прав широкой автономии, обусловленной, как географическим и экономическим, так и этническим признаками, предполагая окончательное установление государственной организации на федеративных началах полновластным Учредительным Собранием.

2. Признание за национальными меньшинствами, незанимающими отдельной территории, прав на культурно-национальное самоопределение.

3. Восстановление в освобождаемых от советской власти частях России демократического городского и земского самоуправления, с назначением перевыборов в ближайший срок.

4. Установление всех гражданских свобод.

5. Принятие мер к действительной охране общественной безопасности и государственного порядка.

III. В области народно-хозяйственной.

1. Борьба с хозяйственной разрухой.

2. Содействие развитию производительных сил страны. Привлечение к производству частного капитала русского и иностранного и поощрение частной инициативы и предприимчивости.

3. Государственное регулирование промышленности и торговли.

4. Принятие мер к повышению производительности труда и сокращение непроизводительного потребления национального дохода.

5. Развитие рабочего законодательства на началах действительной охраны труда и регулирование условий найма и увольнение рабочих.

6. Признание полной свободы каолиций.

7. В сфере продовольственной политики отказ от хлебной монополии и твердых цен, с сохранением нормировки распределения продуктов, имеющихся в недостаточном количестве. Государственные заготовки, при участии частно-торгового и кооперативного аппарата.

8. В сфере финансовой—борьба с обесценением бумажных денег, восстановление налогового аппарата и усиление прямого подоходного и косвенного обложения.

9. В области земельной политики — Временное Всероссийское Правительство, не допуская таких изменений в существующих земельных отношениях, которые мешали бы разрешению Учредительного Собрания земельного вопроса в полном об'еме, оставляют землю в руках ее фактических использователей и принимает меры к немедленному возобновлению работ по урегулированию землепользования на началах максимального увеличения культивируемых земель и расширения трудового землепользования, применяясь к бытовым и экономическим особенностям отдельных областей и районов.

Порядок изменения состава Правительства.

1. Осуществляя на указанных основаниях Верховную Власть, Временное Всероссийское Правительство действует, как орган коллегиальный. Члены его до Учредительного Собрания не ответственны и не сменяемы.

2. На случай выбытия из состава Временного Правительства того или другого члена его, в качестве заместителей избираются: Андрей Александрович **Аргунов,** Владимир Александрович **Виноградов,** генерал от инфантерии Михаил Васильевич **Алексеев,** Василий Васильевич **Сапожников** и Владимир Михайлович **Зензинов.**

3. В случае выбытия кого-либо из членов Временного Всероссийского Правительства, изменение состава его совершается в порядке вступления на место выбывшего его заместителя. Заместителем **Н. Д. Авксентьева** считается **А. А. Аргунов; Н. И. Астрова—В. А. Виноградов; В. Г. Болдырева—М. В. Алексеев; П. В. Вологодского—В. В. Сапожников** и **Н. В. Чайковского—В. М. Зензинов.**

4. Ввиду необходимости для Временного Всероссийского Правительства немедленно приступить к осуществлению власти и управлению Государством в полном своем составе, в состав его, впредь до прибытия отсутствующих ныне членов, немедленно должны вступить их персональные заместители.

5. Члены Временного Всероссийского Правительства при вступлении в него дают торжественное обещание по прилагаемому при сем тексту.

За председателя Государственного Совещания
Товарищ председателя Евгений Францевич **Роговский.**

Член Всероссийского Учредительного Собрания,
Товарищ председателя Государственного Совещания и
Министр снабжения сибирского Временного
Правительства **И. И. Серебренников.**

Секретарь Государственного Совещания—член Учредительного
Собрания Борис **Моисеенко.**

Секретарь Государственного Совещания—член Областн.
Прав. Урала Петр **Мурашев.**

Члены Всероссийского Учредительного Собрания:

К. Буревой, Михаил Гендельман, Аполл. Ник. Кругликов, В. Подвицкий, О. С. Минор, Н. Иванов, Д. Розенблюм, Г. Терегулов, В. Павлов, В. Панкратов, Н. Здобнов, Г. Титов, С. Шендриков, Н. Баранцев, К. Огановский, С. Шулаков, С. Володин, Моисей Кроль, А. Власов, В. Х. Таначев, С. Лотошников, Н. Фомин, Н. Возмитель, Б. Архангельский, А Шапошников, Д. Шнырев, А. Минин, Н. Левченко, М. Слонин, В. Мамонов, В. Л. Утгоф, Б. Соколов, Ф. Тухватуллин, Н. Любимов, Ив. Васильев, В. Лошмаков, М. Ахмеров, Д. Петров, Виссарион Гуревич, В. Владыкин, Козьма Гуров, А. Девизоров, Б. Черненков, П. Суханов, Ах. Байтурсунов, А. Беремжанов, Г. А. Алимбеков, С. Дошанов—Ипмагомет, А. Зисман, Л. Ефремов, М. Линдберг, В. Алексеевский, Л. Кроль, В. Матушкин, Ф. Ф. Тухтаров, Ек. Брешковская, Э. Лазарев, В. Вольский, М. Святицкий.

Представители комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания:

М. Веденяпин.

Представители Временного Сибирского Правительства:

Генерал-майор Иванов-Ринов, упр. мин. вн. дел Старынкевич, от Сиб. Прав. и сибир. каз. генерал-лейтенант Г. Катанаев, полковник Бобрик, комиссар Приуралья проф. Петр Маслов.

Представители Временного Областного Правительства Урала:
А. Кощеев, Ип. Войтов.

Представители Войсковых Правительств казачьих войск:
Уральского казачьего войска ген. М. Хорошхин, представитель Сибирского каз. войска вр. и. д. войскового атамана, войсковой старшина Э. Березовский, представитель Семиреченского Казачьего Войска, Илья Шендриков, представитель Енисейского войска, Прокопий Шуваев, Астраханского Казачьего Войска Г. Астахов, Иркутского Казачьего Войска И. Пеженский.

Представитель Правительства Башкирии:
Член Правительства Башкирии Искандер Бек Мухамедиарович Султанов.

Представители Киргизского Правительства «Алаш-Орды»:
Представитель автономии Алаш-—председатель Алаш-Орды Алихан Букейхан, Имам Алимбек.

Представители Временного Правительства Автономного Туркестана:
Председатель Вр. Правительства М. Чокаев, член Временного Правительства автономного Туркестана А. Уразаев, член Временного Народного Совета Туркестана С. А. Муфтизаде.

Представители Национального Управления Тюрко-Татар внутренней России и Сибири:
Представители Национального Управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири: Джантюрин М. Г. Исхаков, Султан-Бек-Шаги-Бекович Мамлеев.

Представители Временного Эстонского Правительства:
Б. Линде, А. Л. Каэлас, Алексей Иэу.

Представители с'езда Городов и Земств Сибири, Урала и Поволжья:
И. Ахтямов. А. Гачичеладзе, С. Третьяков, Н. Миткевич.

Представители Центральных Комитетов политических партий и организаций:
Центральный Ком. партии соц.-рев.: Михаил Гендельман, Флор Федорович. Делегация социал-демократической рабочей партии: Б. Кибрик, С. М. Лепский. Центральный Комитет Труд.-Н. Соц. партии: Ф. Чембулов, С. Знаменский, И. Суханов. Член Центрального Комитета Всероссийской Социал-Демократической организации «Единство»: В. Фомин. Центральный Комитет партии Народной Свободы: А. И. Коробов, А. П. Мельгунов. Представитель Союза «Возрождение России» С. Знаменский.

Приложение 2-е.

Акт соглашения Русского и Японского командований.

(29 апреля 1920 года).

Командующий сухопутными и морскими силами Приморской Области, уполномоченный Временным Правительством Дальнего Востока—Приморской Областной Земской Управы, предложил командующему японскими войсками в Сибири вступить в переговоры по поводу конфликта, имевшего место в ночь с 4-го на 6-е апреля с. г., в целях прекращения той борьбы, которая ведется в Области до сего времени, и установления нормальных условий жизни и деятельности правительственных органов и государственных учреждений, а также для восстановления в дальнейшем мирных отношений между временно остающимися в области японскими войсками и местным населением и предупреждения подобных событий в будущем.

Идя навстречу пожеланиям русского Высшего Командования, командующий японскими войсками в Сибири выразил свое согласие на образование—для обсуждения этих вопросов—особой совместной комиссии из представителей Японского и Русского Командований.

В исполнение сего назначена совместная комиссия, не касаясь вопроса о виновности и ответственности той или другой стороны в происшедшем событии, с целью установления дружеских отношений, и, беря исходной точкой при ведении дальнейших переговоров положение, существовавшее до 4-го сего апреля, и нормы обоюднопринятые уже предыдущей совместной комиссией 6-го апреля, установила для ликвидации происшедшего инцидента и предупреждения подобных конфликтов в будущем нижеследующие условия:

1. Русское Военное Командование, с одной стороны, и Японское Военное Командование, с другой,—взаимно обязываются путем соответствующих одновременных распоряжений на местах немедленно прекратить боевые действия между находящимися в различных районах области отрядами русских и японских войск, при чем прекращение военных действий должно последовать с обеих сторон, с момента получения приказа на местах и взаимного обмена таковыми между Командованиями.

II. Русские вооруженные силы, к каким бы политическим партиям или группам они не принадлежали, не должны находиться одновременно с японскими войсками в пределах нижеуказанных районов;

а) в пределах, ограниченных линией, проходящею в 30 километрах от конечного пункта, занимаемого японскими войсками по Уссурийской ж. д., и к востоку и северу от названной ж. д., с одной стороны, и линией русско-китайско-корейской границы с запада и юга—с другой;

б) в полосе вдоль Сучанской ж. д. до Сучана и от конца ее — на расстояние 30 километров в каждую сторону.

III. Русские вооруженные силы, находящиеся в вышеуказанных районах, в течение трех дней по получении на местах приказа о прекращении военных действий, должны быть выведены из этих районов. В случае каких-либо затруднений к удалению войск из поименованных районов в указанный трехдневный срок, таковой может быть продолжен по соглашению с местным Японским Командованием.

IV. Отводимые за демаркационную линию, русские вооруженные силы сохраняют имеющиеся при них по роду их оружия вооружение и снаряжение, боевые и дру-

гие припасы в количестве, соответствующем наличию сил ко дню обмена приказами на местах о прекращении военных действий и согласно соответствующих табелей военного времени. Японское Командование не будет чинить препятствий нормальному снабжению русскими властями провиантом, продовольствием, фуражем, одеждою и прочими предметами, необходимыми для дальнейшего существования размещенных на новых местах русских отрядов.

V. В случае надобности русские войска или отдельные части таковых могут быть с мест, в кои они будут первоначально отведены, направлены распоряжением Русского Командования, без права перемещения их в пределы Забайкальской и Сахалинской областей, в другие районы за пределы демаркационной линии. При означенном перемещении русские войска могут продвигаться и в пределах установленной в 30-ти километровой зоны и пользоваться Уссурийской ж. д. на условиях, изложенных в IV пункте, но лишь по соглашению относительно указанных способов передвижения с Японским Командованием.

VI. Для поддержания общего порядка и спокойствия и исполнения милицейских обязанностей в районах, указанных в пункте II, и по линиям ж. дорог, допускается нахождение русских военно-милицейских частей, состав, вооружение и численность которых определяются в каждом отдельном районе русскою властью с ведома Японского Командования и лишь в мере действительной потребности. Что же касается необходимых в г. Владивостоке воинских частей для конвойной и караульной службы, а также военно-учебных заведений, то условия сформирования таковых определяются по соглашению Командований.

VII. Охрана железных дорог ведется на основании постановлений, выработанных Союзным Военным Комитетом, согласно постановления Союзного Железнодорожного Комитета о контроле железных дорог.

VIII. Оружие, огнестрельные припасы и прочие необходимые для непосредственного ведения боевых действий материалы, заводы, приготовляющие таковые, и склады, в коих таковые хранятся, в районах, указанных во II пункте, подлежат задержанию Японским Командованием; о дальнейшей судьбе вышеуказанных предметов будет решено особо. Исключение составляют:

а) Оружие, огнестрельные припасы и снаряжение, недостающие для несения милицейской и конвойной службы, а также необходимые для ведения учебных занятий в военно-учебных заведениях в г. Владивостоке, согласно VI пункта, возвращаются из имущества, задержанного Японским Командованием.

б) Дальневосточный механический и судостроительный завод во Владивостоке остается в распоряжении русских властей, с условием не приготовлять на нем боевых материалов, с правом наблюдения в сем отношении со стороны Японского Командования.

в) Все вещи и материалы военного обихода, не поименованные в пункте VIII и не имеющие непосредственного отношения к военным действиям, а также и склады их, не подлежат задержанию.

г) Задержанные средства борьбы транзитного характера, не составляющие полной собственности русских властей, должны быть взяты на особый учет.

IX. Право распоряжения казармами, занятыми и занимаемыми впредь японскими войсками, остается за Японским Командованием до эвакуации. В случае надобности Японское Командование предоставляет по мере возможности частям и учрежде-

ям, упомянутым в VI пункте, находящиеся в их распоряжении казармы.

X. Русские власти принимают все меры для предохранения от порчи железных дорог и телеграфа в районах, указанных в пункте II, и должны стремиться к скорейшему восстановлению нормального движения, в чем Японское Командование окажет в случае надобности содействие.

XI. Обе договаривающиеся стороны должны принять все меры к скорейшему осуществлению этого соглашения. Для этой цели, в случае необходимости, а также для выяснения подробностей, касающихся проведения в жизнь сего соглашения, учреждается особая русско-японская комиссия.

XII. Все установленные Комиссиею условия носят временный характер и подлежат пересмотру по заявлению одной из сторон и изменяются по соглашению.

Японская Комиссия:
Генерал **Такаянаги.**
Полковник **Исомэ.**
Майор **Хасебе.**
Капитан **Савада.**
Профессор **Хигучи.**

Русская Комиссия:
Цейтлин.
Каханов.
Старковский.
Попов.
Саваровский.

29 апреля 1920 г., гор. Владивосток.

Соглашение окончательно закреплено 30 апреля подписями Командующего русскими войсками **В. Болдырева** и Командующего японскими войсками генерала **Оой.**

Приложение 3-е.

Декларация конференции об'единенных областей Востока.

(по телеграмме из Читы 29/X—1920 г.).

«Мы, уполномоченные представители всего населения и всех областей Дальнего Востока, именем народа, нас избравшего, и правительств, нас делегировавших, торжественно заявляем: два года междоусобной и братоубийственной войны разорили наш богатый край, дали возможность утвердиться ненавистной народу реакции—власти насильников-атаманов и их сподвижников; черная туча насилия, грабежа и убийства нависла над нами, свист нагайки, зарево пожаров, беспощадные расстрелы сделали жизнь для нас невыносимой, уничтожили возможность мирных взаимоотношений и обмена с нашими соседями, привели наш край к союзнической оккупации. Доведенный до отчаяния, народ восстал, поставив своею целью прекращение междоусобицы, об'единение всего народа во имя свободы и мира. Освободив весь Дальний Восток, народ через избранных своих представителей постановляет: 1) вся территория бывшей Российской Империи к Востоку от реки Селенги и озера Байкал до Тихого Океана, включая области: западно-Забайкальскую, восточно-Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин и Камчатка,—декларируется независимой самостоятельной республикой ДВР со дня опубликования декларации независимости 6 апреля; 2) между РСФСР и ДВР об'является границей река Селенга от выхода ее из Монголии до ее впадения в озеро Байкал, центр озера Байкала и старая граница Якутской области к Востоку и Северу до Ледовитого океана; 3) все права бывшей Российской Империи в полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги переходят к ДВР; 4) на территории ДВР устанавливается республиканская демократическая власть, олицетворяющая волю всего народа и выявляемую через его избранных представителей; 5) все вооруженные силы страны и отдельных областей должны подчиняться единому командованию при Центральном Правительстве; 6) всем офицерам и солдатам остатков армий Колчака, Каппеля и Семенова гарантируется неприкосновенность и возможность возвратиться к мирному труду и своим семьям; 7) для выработки основных законов страны в самое непродолжительное время созывается в ДВР народное учредительное собрание по закону, который должен быть выработан конференцией и в основу которого должен быть обязательно положен принцип всеобщего равного, тайного и прямого голосования, без различия полов, рас и религий, и пропорциональное представительство; 8) для проведения своей воли в жизнь конференция из своего состава выделяет правительство ДВР, которому от имени всего Дальнего Востока вручает всю полноту гражданской и военной власти и которая сохраняет эту власть до созыва и конструирования ДВ народного учредительного собрания, памятуя, что: в организацию власти должны лечь незыблемые интересы демократизма и сохранение всех свобод, которые являются залогом мирного развития общественных сил. Институт частной собственности сохраняется, но Правительство должно вносить те коррективы, которые по опыту всех передовых стран являются необходимыми для охраны интересов трудящегося населения; 9)с момента избрания нового Правительства конференцией, все существующие на Дальнем Востоке временные правительства теряют свои государственные прерогативы и превращаются в органы местного самоуправления и до избрания их на основании законов, изданных центральным Правительством; 10) обра-

щаясь ко всем народам мира через их правительства, конференция заявляет, что Дальневосточная Республика стремиться установить добрососедские дружественные отношения со всеми странами, особенно с теми, которые непосредственно с ней соприкасаются, и граждане которых находятся на ее территории. Внутренняя борьба расшатала наше хозяйство, разрушила производство и транспорт, и перед нашей страной встал призрак голода. Мы стремимся к миру, возвращению к мирному труду в тесной дружбе со всеми народами, желаем взяться за переустройство нашей жизни на основании демократического правопорядка, гарантируя всем гражданам других стран полную неприкосновенность личности и собственности. Конференция приглашает Правительства всех стран войти в сношение с избранным Правительством, послав своих полномочных представителей для установления с ними связи во имя общих интересов мира, заверяя, что все население всего ДВ поддерживает это Правительство в его неуклонном стремлении установить порядок и создать условия для мирной трудовой и созидательной жизни...»

Примечания.

1) Арест Болдырева произошел при следующих обстоятельствах.

Приехав в Двинск, Крыленко, который до революции числился в армии в чине прапорщика, пригласил для доклада Болдырева, командовавшего 5 армией.

Дело было 12 ноября 1918 г., когда находившиеся на фронте царские генералы еще рассматривали Октябрьскую революцию, как «временный» успех «кучки авантюристов», как успех, который скоро удастся ликвидировать, а потому они держались по отношению к новой власти высокомерно. Высокомерно держался и Болдырев, тем более, что он чувствовал себя под защитой преданных ему военных частей, особенно отряда Глазенапа, а также Армискома, который, по словам Болдырева, «на 50 проц. состоял из эсеров».

«Около 2 часов дня,—читаем мы в дневнике Болдырева,—мне позвонили по телефону из Армискома, приглашая на заседание, имеющее быть в 3 часа дня «в присутствии главковерха». На этот политический ход я приказал ответить, что вместо меня прибудет штабс-капитан Красовский».

Крыленко заявил Красовскому, что намерен вести разговор только с командармом, когда он приедет вечером с докладом. И Болдырев, чтобы подчеркнуть «доблесть» Красовского, заносит в свой дневник, что «реплику Крыленки» Красовский «твердо отпарировал словами: «Напрасно будете ждать, ни утром, ни вечером командующий к вам не придет». Очевидцы этого инцидента утверждают, однако, что Красовский только и сказал, что «генерал отказывается».

Крыленко тут же отдал военно-революционному комитету распоряжение об аресте Болдырева.

Солдат Столовский, член военно-революционного комитета, явился с отрядом к Болдыреву и передал ему ордер на право ареста. «по приказанию Верховного Главнокомандующего за непризнание советской власти».

Болдырев заявил: «никаких распоряжений прапорщика Крыленки не считаю для себя обязательными и подчинюсь только силе». Как известно, «подчиняюсь только силе» было тогда в большой моде.

Никаких насилий, конечно, применить не пришлось. Арест, впрочем, был «домашний, с исполнением обязанностей до назначения заместителя». Утром был назначен заместитель—генерал Антипов, а вечером Болдырева усадили в вагон 2 класса и отправили в Ленинград, сперва в Смольный, а затем в Петропавловскую крепость в «Кресты».

2) *Казаринов* принадлежал к тем немногочисленным присяжным поверенным, которые сорвали саботаж адвокатов и первыми начали на советском суде выступать в качестве защитников.

3) Когда немцы весной 1918 г. свергли Петлюру и разогнали Украинскую Центральную Раду, то они передали власть Скоропадскому, который начал на Украине проводить германскую политику.

Гетманство Скоропадского продолжалось, впрочем, недолго. 14 декабря 1918 г. Петлюра взял Киев, чем положил конец гетманству Скоропадского.

4) *Людендорф* – начальник штаба германского главнокомандования в конце империалистической войны.

5) Во время мирных переговоров в Брест-Литовске генерал *Гофман* принимал участие в германской делегации, как представитель германского верховного командования.

6) *Корнилов, Лавр Георгиевич*, во время империалистической войны командовал 48 пехотной дивизией, ворвавшейся в Галицию. Раненый в одном из боев, он в 1915 г. попал к австрийцам в плен, откуда бежал обратно в Россию, где вновь вступил в действующую армию, командуя на юго-западном фронте XXV корпусом.

После февральской революции Временный Комитет Государственной Думы назначил Корнилова главнокомандующим петроградским военным округом, а затем верховным главнокомандующим.

Корнилова, как решительного солдата и ярого монархиста, буржуазия, впрочем, с ведома Керенского и при поддержке эсеров, выдвигала на пост диктатора в уверенности, что только Корнилов сможет обуздать революционные устремления пролетариата и водворить в стране буржуазный порядок.

Чтобы раздавить гнездо революции, Корнилов двинул (26 августа 1917 г.) на Петроград свои казачьи части и дикую дивизию, но это наступление встретило дружный отпор со стороны рабочих и солдат и закончилось поражением.

После Октябрьской революции Корнилов был арестован и водворен в Быховскую тюрьму, откуда бежал на Дон вместе с охранявшими его казаками.

В декабре Корнилов вступил в командование добровольческой армией. Командовал он, однако, недолго. В бою под Екатеринодаром (13 апр. нов. ст. 1918 г.) снаряд попал в хату, в которой заседал штаб армии, и наповал убил Корнилова.

7) *Алексеев, Михаил Васильевич*,—был начальником штаба верховного главнокомандования во время империалистической войны. Осенью 1917 г., после февральской революции, был назначен, вместо Корнилова, верховным главнокомандующим. После Октябрьской революции сбежал на Дон, где создал, так называемую, «Алексеевскую организацию», которая при Корнилове стала официально именоваться Добровольческой армией.

Алексеев ведал «внешней» политикой и финансово-хозяйственной стороной армии, именуясь «Верховным Руководителем Добровольческой Армии».

Алексеев умер в Екатеринодаре 25 сентября 1918 г.

8) *Деникин, Антон Иванович*,—генерал, командовавший полком еще во время русско-японской войны. Принимал участие и в империалистической войне. Когда при Временном Правительстве пост верховного главнокомандующего Алексеев занял, то начальником его штаба был назначен Деникин. После Октябрьской революции Деникин также сбежал на Дон.

Когда Корнилов умер, то его место занял Деникин. После смерти Алексеева Деникин начал именоваться «главнокомандующим», об'единяя в своих руках власть командования и управления.

По требованию Антанты, Деникин подчинился Колчаку, как «верховному правителю».

Деникину удалось на некоторое время захватить Украину, но уже со второй половины 1919 г. его Добровольческая армия начала терпеть одно поражение за другим. В конце марта 1920 г. Деникин передал власть Врангелю, и сам выехал заграницу.

9) *Чайковский, Николай Васильевич*,—некогда был революционером. В 1869—71 г. г. он сгруппировал вокруг себя кружок питерской революционной молодежи, так наз., «чайковцев», которые занимались самообразованием и пропагандой. Этот кружок положил начало «хождению в народ».

В 1874 г. Чайковский эмигрировал заграницу. Поселившись в Лондоне, Чайковский принял участие в «Фонде Вольной Русской Прессы», который занимался издательством умеренно-народнических листков и брошюр. После февральской революции Чайковский вернулся в Россию и попал в члены ЦИКа, где примкнул к оборонческому лагерю.

После Октябрьской революции Чайковский ушел в ряды контр-революции. В 1918—19 г.г. Чайковский входил в состав белогвардейского правительства в Архангельске, образовавшегося под прикрытием английского и американского десанта. Чайковский якшался с Колчаком и призывал всех к поддержке Колчака.

10) Болдырев говорит, что «Центр находился под большим влиянием Савинкова». Как теперь выяснилось, Савинков вначале стоял вдали от Политического Центра. Он занимался формированием собственной контр-революционной организации, тайного общества для борьбы против большевиков, под названием «Союз Защиты Родины и Свободы», для чего очень успешно использовал мандат, выданный ему Алексеевым и предназначавшийся для других целей. Когда Савинков на средства, полученные им от Массарика и союзников, закончил формирование «Союза» и стал готовиться к вооруженному выступлению, то он подчинил свой «Союз» Национально-

му Центру, по распоряжению которого и начались мятежи в Рыбинске, Ярославле и Муроме.

В характеристике «Национального Центра» и «Союза Возрождения», а также в изложении их взаимоотношений попадаются у Болдырева досадные неточности и даже грубые передержки, об'ясняющиеся скользкой задачей автора книги во чтобы то ни стало изобразить «Союз», инициатором которого Болдырев «являлся до известной степени», в розовом свете, как организацию чисто демократическую. Болдырев подчеркивает, что в «Союзе» «весьма сильно было представлено народническое течение, во главе со старым народовольцем Н. В. Чайковским». Чайковский, насколько известно, членом «Народной Воли» никогда не был, но почему Болдырев ограничивается только ссылкой на Чайковского и воздерживается от указания, к какому политическому лагерю принадлежали остальные члены «Союза»?

Разве Болдырев не знает, что в состав «Союза» входили и кадеты, и даже лица более правых убеждений—монархисты. В «Союз», наконец, входили и такие лица, которые, как, например, сам Болдырев, отрицательно относились к Учредительному Собранию—этому основному «демократическому» лозунгу «Союза», лозунгу, который, как известно, служил главной помехой для установления полного соглашения между «Союзом» и «Политическим Центром».

По словам Болдырева, в «Политический Центр» входили «представители высшей царской бюрократии, представители промышленников, землевладельцев и т. д.».

«Центр»,—говорит А. Деникин,—«был типичный союз русских либералов, по составу и политической программе почти однородный—кадетский». «По определению одного из учредителей, в состав «Центра» входили: «вездесущие кадеты, левые октябристы, правые торговопромышленники и прозревшие социалисты (Онипко, Алексинский, Савинков)».

«Что касается организации временной власти,—говорит А. Деникин,—то разница во взглядах была лишь в формах и источнике ее происхождения. Если Правый Центр (первоначально «Национальный Центр» назывался «Правым», а «Союз Возрождения»—«левым». **В. В.**) мыслил ее в виде единоличной военной диктатуры, им подготовленной, то и «Союз Возрождения», по существу не отрицая диктатуры (вместо единоличной—трехчленная Директория), в условиях того момента не видел возможности создания власти сколько-нибудь правильным демократическим путем».

И напрасно Болдырев старается убедить нас в том, что «грезы» возглавить Россию диктатором были, «как зараза», занесены на восток с юга, где будто бы орудовал только «Центр». Эти «грезы» туманили головы и многих членов «Союза Возрождения», которые только поджидали наступления момента «своевременности». Эти «грезы», впрочем, об'ясняются сущностью и смыслом всего контр-революционного движения. И если бы «своевременность» благоприятствовала Гришину-Алмазову, то Сибирь была бы осчастливлена диктатором еще задолго до Колчака. А что вопрос о диктатуре занимал тогда умы многих сибирских деятелей, это признает и сам Болдырев на 40 и 41 страницах своей книги.

«Непосредственной тесной работы между «Национальным Центром» и Союзом в сущности не было. Все ограничивалось взаимной информацией через лиц, наиболее приемлемых в той и другой организациях. Дороги были разные. Казалось, что представители «Центра» поддерживали связь с «возрожденцами» больше по политическим соображениям, и то до поры-до-времени. Все-же в Союзе были социалисты, с которыми им было не по пути».

Так пишет «историю» Болдырев. «Дороги были разные». Как это понять? Конечно, одни шли с юга, а другие—с востока, но ведь цель-то была одна: «основные цели Союза и Центра совпадали»—говорит Деникин.

Не в этой мелочи, однако, дело, а дело в том, что в приведенной нами выписке Болдырев кое-что «ослабил» и кое о чем умолчал. Вот что читаем мы в книге Деникина:

«Некоторая связь между Союзом и Центром, тем не менее, существовала. В состав обеих организаций с их ведома входили кадеты: Астров, Степанов и Н. Щепкин, с целью взаимного осведомления, *насколько возможно согласовать действия той и другой в наиболее ответственные минуты*; кроме того, существовала соединенная коллегия генералов (от правого Центра—генерал Цихович и адмирал Не-

митц; от Союза—ген. Болдырев для согласования «военных мероприятий» организаций»*).

Такова действительная «история», которая показывает, что обе организации были связаны довольно солидно, и которая, между прочим, убеждает каждого, что не только демократические настроения и какие-то там симпатии, но и некоторые соображения иного порядка направили стопы Болдырева на восток. Остается только предположить—а это, думаем мы, не будет противоречить действительности,—что выборы Болдырева в «Главковерха Уфимской Директории» были предусмотрены, если только не предопределены, «свыше».

Что же касается утверждения Болдырева, будто «Центр» и «Союз» как-то полюбовно, хотя и естественным ходом вещей, разделили свою сферу действия («националисты» определенно потянулись к югу, «возрожденцы»—на восток, в Сибирь»), то оно не соответствует действительности: и на востоке, и на юге имелись представители обеих организаций; и если в Сибири было мало «националистов», так зато на юге было много «возрожденцев».

11). *А. Б. Сазонов*—известный деятель сибирской кооперации при Колчаке. В Колчаковию он приехал, как представитель северного, архангельского, правительства, которое возглавлял Чайковский. На Дальнем Востоке, бывшем ареной многих переворотов, Сазонову удалось даже стать во главе правительства, правда, на два только дня, но в течение этих двух дней он, как ловкий пройдоха, ухитрился много добра награбить и благополучно скрыться.

12) *Дитерихс, М. К.*, был во время империалистической войны близким сотрудником Алексеева, который назначил его даже (в 1915 г.) генерал-квартирмейстером юго-западного фронта. Впоследствии Дитерихс командовал дивизией, которая отправлена была на помощь союзникам в Македонию, на Салоникский фронт, где он и пробыл до июня 1917 г.

В конце августа 1917 г. Дитерихс, как начальник штаба генерала Крымова, участвует в походе Крымова на Ленинград, чтобы ликвидировать Советы. Удрученный неудачей, Крымов убивает себя выстрелом из револьвера. Дитерихс-же входит в доверие к Керенскому, который и предлагает ему пост военного министра. От этого поста Дитерихс, однако, отказался, но зато получил назначение в ставку, где при Корнилове и Духонине занимал пост квартирмейстера.

После Октябрьской революции Дитерихс снюхался с чехо-словаками, которые назначили его начальником своего штаба и в своих эшелонах доставили во Владивосток. Дитерихс принимает участие в захвате чехами Владивостока. Вскоре чешский генерал Ян Сыровой сделал его начальником своего штаба.

Когда же чехи ушли в тыл, они «вычистили» Дитерихса, как чужестранца, из своей среды. В январе 1919 г. он уже сменил чешскую форму на русскую.

Дитерихсу Колчак поручил одну из «ответственнейших миссий», а именно: отвезти для сохранности на английский крейсер «КЕНТ» целый вагон реликвий—вещей, оставшихся от царской семьи в Тобольске и Екатеринбурге.

Дитерихса же Колчак поставил во главе комиссии, которой поручено было вести следствие по делу о расстреле царской семьи. Весь добытый следственный материал Дитерихс опубликовал в книге «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале», которая в 1922 г. издана была во Владивостоке.

Когда Гайда ушел в отставку, главнокомандующий Лебедев назначил Дитерихса на пост командующего сибирской армией. Дитерихс, заняв этот пост, повел такие ловкие интриги, что Колчак вскоре дал отставку Лебедеву, а Дитерихса назначил главнокомандующим фронтом и одновременно начальником штаба верховного правителя.

Но уже ближайшие военные операции показали Колчаку, что Дитерихс никудышный стратег. Колчак отстранил его от дела и передал главнокомандование Сахарову.

---

*) Эта и предыдущие цитаты взяты из книги А. И. Деникина—„Очерки Русской Смуты“,т. III, стр. 74 и последующие. Книга эта вышла из печати в 1924 г. в Берлине в издательстве „СЛОВО“. Курсивом мы отметили те слова, которые Деникин приводит из „Записки“ кадета Астрова.

Эту обиду Дитерихс не мог простить Колчаку. И когда Колчак при отступлении вынужден был на станции Тайга уступить настоятельным требованиям братьев Пепеляевых и вновь предложить главнокомандование Дитерихсу, то последний согласился лишь при том условии, если Колчак совершенно откажется от власти и выедет заграницу. Этого условия Колчак принять не хотел. Таким инцидентом закончилась деятельность Дитерихса в Колчаковии.

13) Когда 8 июня 1918 г. чехо-словаки заняли Самару, то находившиеся здесь эсеры—члены разогнанного Учредительного Собрания—И. Брушвит, В. Вольский, Б. Фортунатов и И. Нестеров—опубликовали приказ о переходе всей полноты власти в Самаре к «Комитету Членов Учредительного Собрания», сокращенно—«Комуч». При Комуче образовалось правительство, так называемый, совет управляющих ведомствами. В состав Совета входили: Е. Ф. Роговский, председатель и управляющий ведомством государственной охраны, Д. Ф. Раков ведал финансами, П. Г. Маслов—земледелием, В. И. Алмазов—продовольствием, В. Н. Филипповский—торговлей и промышленностью, И. П. Нестеров—путями сообщения, П. Г. Белозеров управлял ведомством почт и телеграфов, полк. Галкин—военным, М. А. Веденяпин—иностранных дел, П. Д. Климушкин—внутренних дел, И. М. Майский—труда, А. С. Былинкин—юстиции, В. С. Абрамов—госконтроля и госимуществ и Е. Е. Лазарев—просвещения. За исключением беспартийного Галкина и меньшевика (ныне коммуниста) Майского,—все члены Совета были эсерами.

Комуч формировал свою «Народную армию» на основе принципа добровольчества, что, однако, успеха не имело, и 30 июня 1919 г. Комуч вынужден был об'явить принудительную мобилизацию всех родившихся в 1897 и 1898 г. Хотя эта мобилизация дала плачевные результаты, но «Народная армия», в ряды которой спешили все белогвардейцы и черносотенцы, к тому времени насчитывала солидную цифру—до 30.000 человек, в том числе 10.000 хорошо вооруженных чехов. Эта армия и дала в первое время Комучу возможность достигнуть некоторых военных успехов. Народная армия вскоре заняла Уфу, Симбирск, а 7 августа чехо-словаки ворвались в Казань, которую и передали Комучу. В Казани эсеры захватили государственный золотой фонд (около 650 миллионов рублей золотом, кроме большого количества серебра, платины и других драгоценностей), который потом попал в руки Колчака.

Власть Комуча после захвата Казани простиралась на губернии: Казанскую и Самарскую и на части Уфимской и Симбирской. Комучу номинально были подчинены образовавшиеся - приблизительно в то же время, правительства Оренбургской области (Дутов) и Уральского казачьего войска. Хотя территория Комуча была небольшая, тем не менее Комуч хотел иметь значение и играть роль всероссийской власти на том-де основании, что его, Комуча, устремления направлены на восстановление Всероссийского Учредительного собрания, как полновластного хозяина страны.

Властвовал, однако, Комуч недолго. Уже в сентябре Красная армия вытеснила его из Казани. Вскоре Красная армия заняла Симбирск и Самару. С образованием же Уфимской директории власть Комуча прекратилась окончательно.

14) На 26 января 1918 г. была созвана в Томск сибирская Областная Дума для выбора областной буржуазной власти в противовес советской.

В ту же ночь Томский Совет, который успел уже прокламировать себя, как власть, ликвидировал всю областническую затею, арестовав многих членов Областной Думы. Улизнувшие от ареста собрались на конспиративную квартиру, и второпях, опасаясь, что их с минуты на минуту могут накрыть, выбрали сибирское областное правительство. Ни о каких выборах здесь, конечно, и речи быть не может. Петр Дербер, возглавлявший эту контр-революционную авантюру, просто указывал, кому какой портфель следует вручить, а собравшаяся кучка (20-30 человек) утверждала предложенную кандидатуру с редким единодушием и неимоверной быстротой.

Выбирали не только присутствующих, но и отсутствующих, не заручившись даже заранее их согласием занять почетное министерское место в правительстве. Так, например, попали в министры Вологодский, Крутовский и Серебренников, с которыми, как выяснилось, по вопросу о министерских портфелях никто никаких переговоров не вел и которые никому не давали своего согласия на вступление в члены правительства.

Из присутствовавших на собрании, между тем, почти все захотели стать министрами. Портфелей, однако, для всех охотников не хватило, а поэтому М. Шати

лов, Сергей Кудрявцев, Неометулов и Захаров были назначены министрами без портфелей.

Портфели же были распределены следующим образом: Дербер—председатель и министр земледелия, Вологодский—иностранных дел, Краковецкий—военных дел, Новоселов—внутренних дел, Крутовский—здравоохранения, Иван Михайлов—финансов, Патушинский—юстиции, Колобов—торговли и промышленности, Серебренников—снабжения и продовольствия, Ранчино—просвещения, Устругов—путей сообщения, Иван Юдин—труда.

Помимо этих обычных министерств, областники создали еще два: туземных дел—алтаец Тибер-Петров и экстерриториальных народностей—украинец Сулима.

Выбрав правительство, конспираторы уехали на Дальний Восток, чтобы там устроить свою базу для борьбы с советской властью.

Они покрыли Сибирь сетью хорошо вооруженных организаций, в состав которых входили белогвардейцы и черносотенцы всех мастей и оттенков, и готовились к одновременному выступлению, дабы сразу захватить наиболее значительные сибирские центры. В первую очередь решили захватить влиятельный Томск, где они и выступили в ночь на 28 мая. Белогвардейские отряды были хорошо вооружены. Ими руководили опытные в военном деле начальники, как колчаковский генерал А. Пепеляев и царский полковник Сумароков. Тем не менее, красногвардейцам и вооруженным рабочим удалось с изумительной легкостью ликвидировать это восстание и расстроить все белогвардейские планы. Такой исход имели бы, несомненно, все белогвардейские восстания и в других сибирских городах, но на помощь сибирской контр-революции пришли хорошо вооруженные чехо-словацкие эшелоны, которые веревочкой растянулись по сибирской магистрали, захватывая города и свергая советскую власть.

26 мая чехо-словаки заняли Новониколаевск, 31 мая—Тайгу и Томск, 15 июня—Омск, 16—Барнаул, а 19—Красноярск. Как только Томск попал в руки белых, немедленно-же стало известно, что свое право на власть заявляет, так называемый, «Западно-Сибирский Комиссариат», в составе Павла Михайлова, Бориса Маркова, Михаила Линдберга и Василия Сидорова, которые-де имеют от сибирского областного правительства мандат на организацию власти на территории Сибири, очищенной от большевиков, и держат эту власть в своих руках, пока обстоятельства не дадут возможности с'ехаться действительным членам сибирского правительства.

Комиссариат, составленный из лиц, известных только ограниченному эсеровскому кругу, не мог, конечно, пользоваться широкой популярностью и, строго говоря никто с этим комиссариатом не считался. Когда же вся Западная Сибирь очутилась в руках белых, то оказалось, что на ее территории находится пять членов сибирского правительства, избранного на конспиративном собрании, о котором мы говорили выше. Эти члены были: П. В. Вологодский, В. М. Крутовский, Г. Б. Патушинский, И. А. Михайлов и Б. М. Шатилов. Вот они то ликвидировали Западно-Сибирский Комиссариат и образовали то «Временное Сибирское Правительство», о котором упоминает Болдырев в этой части своей книги.

15) *Вольский В. К.*—видный эсер, в Самаре принимал деятельное участие по организации свержения советской власти, член «Комуча» (см. примеч. № 13). Когда в Уфе была выбрана Директория, то Комуч прекратил свое существование, как орган власти. Вместо Комуча образовался, как «государственно-правовое» учреждение, «С'езд членов Учредительного Собрания», на который возложена была обязанность подготовить созыв Учредительного Собрания. Вольский был председателем этого С'езда. После омского переворота Вольский был в составе той группы С'езда, которая не признала Колчака и которая призвала население Сибири и Урала к восстанию против Колчака. Этот призыв никакого успеха не имел Колчаковцы при содействии чехе-словаков ликвидировали эту затею; многие учредиловцы были арестованы; те же, которые остались на свободе, собрались 29 ноября на нелегальном собрании, на котором многие, в том числе и Вольский, высказались в том смысле, что в виду опасности, угрожаемой революции справа, со стороны Колчака, следует прекратить борьбу с советской властью. В развитие своего решения эта группа учредиловцев вступила в переговоры с советским командованием, которое пропустило ее на территорию Совроссии.

16) Когда белым удалось свергнуть Советы по всей Сибири и установить железнодорожное сообщение с Дальним Востоком, то туда выехал Вологодский, чтобы

уговорить Дербера отказаться от претензий на власть, а Хорвата от попытки организовать на Дальнем Востоке самостоятельную, от сибирского правительства независящую, власть. Одновременно Вологодский вел на Дальнем Востоке переговоры с представителями интервентов на предмет признания сибирского правительства, как «всероссийского». «Через автономную Сибирь к возрождению Сибири»—вот каков был в то время боевой лозунг белых.

Эта поездка на Восток состоялась в средних числах сентября, когда на Урале и Сибири успело уже образоваться несколько правительств, из которых одни претендовали на автономную местную, а другие на «всероссийскую» власть. Интервенты дали понять Вологодскому, что ни одно из этих правительств не может рассчитывать на признание, что они делают ставку только на единоличного диктатора. И тогда уже англичане, которых обхаживал Вологодский, довольно недвусмысленно намекали на Колчака, как на желанного кандидата на пост диктатора. Эта информация, которую получил Вологодский, до некоторой степени предупредила дальнейший ход событий и легла в основу тех отношений, которые Сибирское правительство установило с Директорией.

Не лишним считаем тут же сказать несколько слов о самом Вологодском.

Вологодский пользовался в Сибири популярностью, как общественный деятель. Он прошел во 2-ю Государственную Думу по списку прогрессистов. По своим политическим убеждениям, Вологодский примыкал к сибирскому областничеству. После февральской революции сибирские эсеры, нуждавшиеся в популярной личности, зачислили Вологодского в свою партию. Его же избрали они на своем конспиративном собрании в члены правительства.

После Октябрьской революции контр-революционная часть сибирского казачества избрала Вологодского председателем сибирского казачьего войскового суда, который был организован в противовес советскому суду.

На посту председателя Совета министров Вологодский оставался почти до самого конца колчаковщины. Лишь 23 ноября 1919 г. Колчак снял его с этого поста.

Ныне Вологодский живет в Шанхае, где служит юрисконсультом какого-то банка.

17) «Сибирь не давала Уралу хлеба, Урал не давал Сибири железа»! Не в этом выражалась «таможенная война» Урала с Сибирью. Как будто при тогдашней хозяйственной разрухе и при тогдашнем правительственном хаосе Сибирь только и нуждалась, что в железе, а Урал будто был в состоянии доставлять ей это железо!

«Таможенная война» заключалась в следующем: в Сибири скопилось большое количество грузов,которые были заготовлены еще советской властью и предназначены были ею к отправке в центральную Россию. На эти грузы претендовало самарское правительство, Сибирское же правительство рассматривало их, как свою собственность, а потому и не хотело передать их самарцам.

Далее. Сибирь отказывалась выплачивать деньги по почтовым переводам, которые делались Самарой, на том-де основании, что в ее распоряжении мало денег, и требовала, поэтому, денежной поддержки от Самары.

В сущности вся эта история не заслуживает громкого названия «таможенная война». Этот инцидент, который об'ясняется «великодержавной» манией обоих правительств и стремлением каждого из них осилить, проглотить друг друга, носил характер опереточной игры и подал повод к разным шуткам и остротам.

18) Эмблема сибирских областников—белый и зеленый цвета, символизирующие сибирские белые снега и сибирские зеленые леса. Флаг сибирских областников состоит из двух продольных полос: белой и зеленой.

19) *Гришин-Алмазов, Алексей Николаевич*—был во время империалистической войны подполковником. Его настоящая фамилия—Гришин. Под фамилией «Алмазов» он числился в сибирской подпольной антисоветской организации. В ознаменование этой своей доблестной деятельности и постановлено было впредь ему называться «Гришин-Алмазов».

При Сибирском правительстве первого состава Гришину дали чин генерал-майора и поставили во главе военного министерства, на каковой пост выдвинули его эсеры, которые считали его вполне своим человеком. Власть вскружила голову Гришина. Его-то сибирская буржуазия первоначально и наметила себе в диктаторы. Эта роль ему улыбнулась и он исподтишка начал подготавливать почву. Эсеры скоро пронюхали, куда гнет Гришин, и старались обезвредить себя от него. Удобный для этого предлог не замедлил явиться. В Челябинске на банкете, на котором при-

сутствовали и иностранные представители, Гришин выпил лишнее, и у него развязался язык. Он начал обвинять союзников в том, что они материальной помощи не оказывают сибирской армии, и особенно подчеркнул, что все успехи, достигнутые на большевистском фронте, сделаны лишь русским оружием.

Эсеры раздули этот ничтожный конфликт в «международное осложнение», открыли поход против «опального» военного министра, и добились его смещения.

Гришин вначале не захотел было признать своей отставки, но, почувствовав, что почва из под его ног ускользнула, смирился и вскоре уехал к Деникину на юг, где поочередно занимал ряд должностей, между прочим, даже должность одесского губернатора.

И на юге Гришин не пришелся ко двору. Он решил вернуться в Сибирь, чтобы служить Колчаку. При попытке нелегально перейти большевистский фронт, он был около Царицына задержан отрядом советских войск. При нем найдены были документы, неопровержимо изобличавшие его. Гришин выстрелом из револьвера покончил с собой.

Лица, сталкивавшиеся с Гришиным, характеризуют его, как человека ограниченного и мелочного. Даже колчаковский управдел Гинс, который особенно благоволил к Гришину, говорит: «я увидел в Гришине маленького честолюбивого и самоуверенного человечка»,«недостаточная солидность толкала его в авантюристы».

20) Упрек, который Болдырев делает Омскому правительству, крайне неоснователен. Армия сибирского Правительства была в то время столь незначительна, что о посылке подкрепления на волжский фронт и говорить не приходится. Да армии, строго говоря, еще и не было, а то, что в наличии имелось, было еще крайне небоеспособно и его не хватало даже для обеспечения порядка внутри Сибири.

21) *Каппель Владимир Оскарович*—подполковник. Его части, в состав которых входили ижевцы и воткинцы, отличались крайней жестокостью. Его отряды в 1918 г. действовали на волжском фронте и в районе Казани. Колчак произвел Каппеля в генералы. Каппель—один из немногих генералов, в преданности которых Колчак не разочаровался. После столкновения с Дитерихсом и Пепеляевым на ст. Тайга (см. примеч. № 12) Колчак по прямому проводу предложил Каппелю, который тогда подходил со своим отрядом к Новониколаевску, торопиться в Иркутск, где Колчак торжественно передаст ему свои полномочия «верховного правителя». Каппель долго отказывался, ссылаясь на свою неспособность и неподготовленность нести такую ответственную обязанность. События, во всяком случае, предупредили возможность этой «передачи». Зато в разгаре отступления, а именно 11 декабря, Каппель перенял от Сахарова пост главнокомандующего.

Отряды Каппеля, об'единившись с отрядами генерала Вержбицкого, Войцеховского, Сахарова и др., совершили, так называемый, «ледяной поход»: преследуемые Красной армией, эти отряды прошли пешком в стужу и по глубоким снегам почти всю сибирскую магистраль и в суровые морозы, терпя голод и всевозможные лишения, перебрались через Байкал, чтобы попасть в стан атамана Семенова. Этот переход стоил Каппелю жизни: он простудился, отморозил себе обе ноги и 25 января 1919 г. умер от воспаления легких.

22) Трудно верить, чтобы уже в это время Народная армия особенно нуждалась в боевых патронах и вообще в вооружении. При захвате Казани в руки белых попало столько военной добычи, что Народная армия, как это утверждает сам Болдырев (стр. 29), могла успешно воевать, «даже без особого расчета на внешнюю материальную помощь». Болдырев сам себе противоречит. Чего не доставало Народной армии,—так это командиров, способных при создавшейся обстановке организовать победу. Не доставало также «идеи», «лозунга», который бы привлек в «Народную» армию действительный «народ», который вызвал бы у мобилизованных «волю к победе».

23) Это утверждение слишком голословное. Иностранные представители только «дипломатически» туманили путанные головы учредиловцев и тех, которые плелись с ними, но, как послушные исполнители воли своих правительств, они всегда лили воду на мельницу Сибирского Правительства. Последующие события, разыгравшиеся в Сибири, должны были, наконец, в этом убедить и самого Болдырева.

24) «Административный Совет» был учрежден 24 августа 1918 года исключительно для того, чтобы сибирское Правительство имело деловой аппарат, который бы предварительно рассматривал проекты и подготовлял постановления, а также

выполнял ряд других мелких функций, строго оговоренных особым «Положением». «Постоянный состав Административного Совета», как гласит третий пункт «Положения», составляют: управляющие министерствами, товарищи министров и управляющий делами Совета министров.

При отсутствии в Омске кворума правительства, что случалось довольно часто, Административный Совет фактически выполнял функции государственной власти. В то время, о котором говорит Болдырев, Административный Совет относился крайне враждебно к Сибирской Областной Думе, которая пыталась взять власть в свои руки.

25) Циммервальд и Кинталь—два городка в Швейцарии.

В Циммервальде в сентябре 1915 г. состоялась конференция социалистов разных стран. На этой конференции Ленин выпустил манифест к пролетариату, предлагая армиям борющихся стран прекратить братоубийственную войну и направить свое оружие против собственной буржуазии.

Вторая конференция состоялась в Кинтале 24-30 апреля 1916 г.

26) *Авксентьев, Николай Дмитриевич* (родился в 1878 г.)—видный член эсеровской партии, от имени которой входил в 1905 г. в состав Петербургского Совета Рабочих Депутатов и был членом его Исполнительного Комитета. После ареста и суда Авксентьев был по приговору судебной палаты сослан в Обдорск (север Тобольской губ.), откуда в 1907 г. бежал и эмигрировал заграницу. В том же году вошел в состав Центрального Комитета эсеровской партии и примкнул к ее правому крылу, которое стояло на позиции легальности и отказа от террора.

Во время империалистической войны Авксентьев занял социал-шовинистическую позицию, участвуя в эмигрантских газетах оборонческого направления («За рубежом», «Новости», «Призыв») и вербуя русских волонтеров для французской армии.

Вернувшись после февральской революции в Россию, Авксентьев занял пост председателя ЦИК'а Совета Крестьянских Депутатов и вел ретивую борьбу против требования о немедленной передаче без выкупа всей земли трудовому крестьянству. В коалиционном правительстве Керенского Авксентьев был министром внутренних дел.

После Октябрьской революции Авксентьев вступил в контр-революционную организацию «Союз Возрождения». С этого момента Авксентьев, чтобы быть свободным в своих действиях, юридически выходит из подчинения партии, хотя фактически поддерживает с ней связь, стараясь для каждого своего поступка и шага добиться ее санкции.

Вышвырнутый Колчаком из Сибири, Авксентьев уехал заграницу, где по сию пору принимает участие в контр-революционных организациях и где в свое время вел даже агитацию за признание Колчака.

Зензинов, Владимир Михайлович, тоже видный член эсеровской партии, вместе с Авксентьевым проделал один и тот же путь в урало-сибирской авантюре. Но Зензинов был своего рода «жертвой» партийной дисциплины. Эсеры делегировали его в Уфимскую Директорию, чтобы иметь в этом правительстве своего доверенного информатора. Словом, как уверяет хорошо осведомленный К. Буревой (см. его книгу «Распад» ,стр. 32), Зензинов «против своего желания» был принесен «в жертву реакции».

27) *Блюхер*—рабочий уральских заводов, коммунист, командовавший уральскими отрядами в 1918 г., один из первых организаторов этих отрядов в эпохе гражданской войны на Урале. Блюхер наносил чувствительные удары контр-революционным оренбургским отрядам Дутова. Во время наступления на Дутова пал Екатеринбург, вследствие чего отряды Блюхера и Каширина оказались отрезанными от своей базы. Расстреляв все запасы патронов и снарядов и не имея возможности получить подкрепления, отряды Блюхера решили приостановить свой натиск на Дутова и отступить к Красноуфимску. Это отступление проведено было мастерски, несмотря на арьергардные бои и неоднократные нападения неприятеля с флангов. Отряды Блюхера не раз совершали набеги, смелые и дерзкие по замыслу, на белых. Раз они чуть было не захватили поезд, в котором ехало все правительство Комуча. В ноябре 1918 года Блюхер со своим отрядом подошел даже к подступам Екатеринбурга. Колчаковская армия окружила его. Блюхеру, однако, удалось прорваться и соединиться с Красной армией. В 1922 г. Блюхер был главнокомандующим Дальневосточного буфера.

Блюхер за свои заслуги на поле брани награжден несколькими орденами «Красного Знамени».

28) «Эстонское Правительство», находившееся тогда в Уфе,—ничто иное, как одно из тех смехотворнейших собраний авантюристов, которыми особенно богата была контр-революция того времени. «По какой-то неведомой прихоти судьбы,—говорит И. Майский (см. его книгу «Демократическая контр-революция», Госиздат, 1923 г. стр. 115),—в Уфе заседали представители белого правительства Эстонии, о котором в тот момент ничего не было известно, существует ли оно в природе или нет». «Прихоть судьбы»—это прихоть эсеров, не брезговавших даже какими-то самозванцами, дабы придать особую важность своей «всероссийской» власти. Три таких самозванца—А. А. Каэлас, Б. Ю. Линде и А. Л. Нэгу—и подписали от имени «временного Эстонского правительства» «Акт об образовании Всероссийской Верховной власти».

29) *Иванов-Ринов. П. П.*,—его фамилия только Иванов, а «Ринов»—это кличка, под которой он принимал деятельное участие в контр-революционных подпольных организациях, сформированных сибирскими эсерами весной 1918 г. До войны Иванов был полицейским, вернее сказать, исправником какого-то захудалого уездного городка в Туркестане. Военную карьеру он начал делать при Западно-Сибирском Комиссариате.

Иванов известен, как большой интриган. Его интриги споспешествовали свержению Гришина-Алмазова, по уходе которого он и занял пост военного министра. Вступив на эту должность, Иванов восстановил для военных погоны, и стал, не в пример робкому и осторожному Гришину, с откровенной наглостью вводить в армию царские порядки. Иванов-Ринов играл в Колчаковии роль вдохновителя многочисленных массовых расстрелов. Иванов-Ринов командовал при Колчаке даже какой-то конной армией. Колчак возвел его в чин генерал-лейтенанта и даже назначил «атаманом сибирского казачьего войска».

Чисто случайно Иванов избежал плена и советского суда. Ему удалось достать паспорт на имя «гражданина Армянской республики», благодаря чему он пробрался в Забайкалье неузнанным.

На Дальнем Востоке Иванов, конечно, продолжал быть активным деятелем черносотенной контр-революции.

30) *Дутов, А. И.*, начал свою карьеру активного контр-революционера еще в 1917 г., когда он участвовал, как представитель сибирских казаков, на всероссийском казачьем с'езде в Питере. Во время предпарламента Керенский командировал Дутова в Оренбургскую область для подготовки и формирования казачьих контр-революционных отрядов на случай, если большевики действительно начнут брать власть.

Невзрачный по внешности, невежественный, тупоумый и солдафон по натуре своей, Дутов являлся в рядах контр-революции олицетворением грубой военной силы. Только контр-революционным безлюдьем об'ясняется тот факт, что и Дутов играл видную роль, что и с ним принуждены были считаться руководы и творцы контр-революции в Сибири.

Дутов был никудышный стратег. Белые отряды, сражавшиеся под его руководством, терпели поражения даже от малообученных красногвардейцев первого периода советской власти.

Дутов—один из первых «атаманов», признавших Колчака безоговорочно. Дутов уговаривал даже Семенова признать Колчака.

После крушения Колчака отряды Дутова перебрались весною 1920 г. в Китайскую республику, где, разоружившись, расположились лагерем в гор. Чугучаке и на реке Эмиль, и отдали себя под покровительство Тарбагатайского ду-туна (генерал губернатора) Чжан. Лишь в 1922 г. вся эта авантюра была ликвидирована советскими войсками.

31) Слова «народ... начал уже уставать от бесконечной смены властей» затушевывают действительное положение дел. Народ в то время уже со злобой и ненавистью смотрел на все «новые» власти, ибо все они, в том числе и Комуч, ввели порки, расстрелы и насильные мобилизации. Новые власти особенно усердно практиковали конфискацию у крестьян земель, захваченных после Октябрьской революции, и возвращали эти земли их старым «исконным» владельцам. Уже тогда ясно было, что Уфимская Директория, каковы бы ни были ее состав и ее народолюбческие на-

жерения, не встретит никакой поддержки в недрах народа. Теперь это признает и Болдырев, но тогда думали, что удастся властвовать против воли народа

32) *Сапожников, Василий Васильевич*,—пользовался в Сибири большой популярностью, как общественный деятель и научный работник. Сапожников ученик профессора К. А. Тимирязева. В 1893 г. Сапожников получил кафедру ботаники при Томском Университете. С этих пор он посвятил себя изучению Алтая, о котором написал много научных трудов, отмеченных мировой наукой. Среди студентов Сапожников был популярен, как профессор и лектор.

По своим политическим взглядам и убеждениям, Сапожников примыкал к сибирским областникам. В состав сибирского Правительства он входил, как министр народного просвещения. На совещаниях в Уфе Сапожников, несомненно, был самой крупной фигурой, но для политической деятельности Сапожников совершенно не подходил, тем более, что по натуре своей ему чужды были всякие интриги, а тогдашняя политическая деятельность выражалась преимущественно в интригах.

Как только власть перешла к Колчаку, Сапожников отказался от министерского портфеля и целиком отдался научной и учебной деятельности.

Колчаковщина заставила и Сапожникова изменить свои отношения к советской власти.

В начале 1924 г. Сапожников заболел. Врачи констатировали рак легких, от каковой болезни он 11 августа 1924 г. и умер в Томске.

33) *Белоруссов, А. С.* (настоящая фамилия—Белевский), правый народник, отбывал наказание в ссылке, эмигрировал в Париж, откуда сотрудничал в либеральной газете «Русские Ведомости». Во время империалистической войны он был ярым оборонцем и стал даже национал-шовинистом.

После Октябрьской революции Белоруссов целиком отдал себя службе белогвардейщине. Он был редактором газеты «Отечественные Ведомости», которая издавалась в Екатеринбурге и поддерживала Колчака.

Белоруссов умер в Иркутске от тифа в сентябре 1919 г.

34) Вот полный текст этого постановления: «Съезд наличных членов Всероссийского Учредительного Собрания в заседании 13 сентября постановил: в случае образования в ближайшие дни Государственным Совещанием Временного Всероссийского Правительства, обеспечивающего на время столь необходимую стране власть, созвать на 1-е января 1919 г. Всероссийское Учредительное Собрание, и, в случае прибытия не менее 250 человек, открыть его действия. Если указанного кворума к 1-му января не будет, то возобновление работ Учредительного Собрания откладывается до 1-го февраля 1919 г. при кворуме в 170 членов».

35) Нет никакого основания даже предполагать, что эсеры шли на это соглашение искренно. Другая сторона, принявшая участие в организации той же власти, принудила эсеров довольствоваться этим соглашением. И эсеры довольствовались, скрепя сердце. «Извещаю вас о смерти Комитета (Комуча). Это наше общее настроение»,—вот что Веденяпин передавал по прямому проводу в Самару членам Комуча, вскоре после образования Директории. И эсеры, несомненно, готовились к тому, чтобы «поглотить» своих противников

36) *Колчак, Александр Васильевич*,—родился в 1873 г. Свое образование он получил в морском корпусе. В 1900 г. Колчак принял участие в экспедиции барона Толя, которую Академия Наук снарядила в Ледовитый океан для исследования сибирских полярных морей. В 1912 г. Колчак, как самостоятельный начальник новой экспедиции, вторично отправился в Ледовитый океан для розысков без вести пропавшего Толя. За эту смелую экспедицию Академия Наук преподнесла Колчаку высшую награду—большую Константиновскую золотую медаль.

Колчак участвовал также в русско-японской войне. За оборону Порт-Артура получил золотое оружие. В империалистической войне Колчак командовал минной флотилией в Балтийском море, а потом—Черноморским флотом. Рассказывают, будто «Колчак искренно ликовал после февральской революции, был все время празднично настроен» (М. Маргулиес—«Год интервенции» книга II, стр. 94). Октябрьская революция встретила в его лице ярого противника. Чтобы оттенить доблесть Колчака, составили легенду об «эффектном жесте»: во время разоружения высшего командного состава Черноморского флота, Колчак будто-бы бросил в море свой кортик (по другим версиям: «золотое оружие», «саблю», говоря: «море мне его дало—морю его и отдаю». К. В. Сафонов—поручик, летчик, находившийся в Черноморском флоте все

время при Колчаке, передает: «Рассказ о брошенной Колчаком в море сабле в ответ на предложение матросов сдать оружие—легенда; Колчак сдал, как и другие офицеры, свое оружие; и лишь на другой день, когда матросы возвращали оружие, Колчак взял свое, как и другие офицеры, и сказал: «раз не хотят, чтобы у нас было оружие—так пусть идет в море», тогда только бросил его» (см. книгу М. Маргулиеса, стр. 94).

После Брестского мира Колчак просил англичан принять его на службу и отправить на германский фронт. Англичане удовлетворили просьбу Колчака и отправили его в Мессопотамию. С дороги, однако, Колчак был англичанами вызван на Дальний Восток, где ему поручено было заняться организацией дальневосточного антибольшевистского фронта. Дело было весной 1918 г., когда подготовлялся чехословацкий мятеж. Здесь-то и тогда именно англичане и наметили Колчака на пост диктатора. Нокс доставил Колчака в своем вагоне в Сибирь, в Омск, где и навязал его сибирскому Правительству и откуда Колчак начал ловко подготавливать себе дорогу к диктаторскому трону, каковой и занял 18 ноября.

Но уже через год—14 ноября 1919 г. Красная армия заняла Омск. За 2-3 дня до того Колчак эвакуировался на Восток. По дороге он решил в Иркутске сложить свои полномочия верховного правителя.

Но события предупредили Колчака. 4 января колчаковщину свергли в Иркутске. Узнав об этом, Колчак в Нижнеудинске, где застрял его поезд, издал в тот же день указ, которым сложил свои «полномочия», об'явив, что передает «верховные права» Деникину, но до получения от последнего согласия предоставляет «атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины».

Видя, что союзники-англичане, французы и др.—совершенно оставили его, Колчак в тот же день обратился по телеграфу к японскому генералу Ооой с просьбой оказать ему поддержку.

Но дни Колчака были уже сочтены. Поезд Колчака, шедший под защитой всех союзнических флагов, был задержан на станции Иннокентьевская и передан представителям Политического Центра, как называлась образовавшаяся в Иркутске буржуазно-демократическая власть. Колчака и его министров привезли в Иркутск и посадили в тюрьму. Для суда над Колчаком была назначена Чрезвычайная Следственная Комиссия в составе: К. А. Попова, Н. А. Алексеевского, В. П. Денике и др. Закончить допрос Колчака, однако, не пришлось. Уже 25 января Политический Центр прекратил свое существование, и власть перешла к Совету Рабочих и Солдатских депутатов. Иркутск, между тем, окружался отступавшими с запада колчаковскими отрядами, которые требовали выдачи Колчака и выполнения ряда других условий. Чтобы предупредить события и разрядить раскаленную атмосферу, Революционный Штаб, во исполнение приказов ВЦИК-а и Сибревкома, об'явивших Колчака вне закона, приказал расстрелять Колчака. 7 февраля приговор был приведен в исполнение. Одновременно был расстрелян и его главный соратник В. Н. Пепеляев.

37) Утверждение, что даже все «группировки», поддерживавшие Комуча, выразили «резкий протест» против введения в состав Директории кого-нибудь из популярных лиц, намечавшихся в диктаторы, слишком смелое. Вернее, этих кандидатов не проводили в Директорию только потому, что они находились слишком далеко от Сибири, и на их скорый приезд рассчитывать было нельзя, а «подходящего» кандидата под рукой не было. С другой стороны, потому, что почва для диктатора не была еще вполне подготовлена.

38) *Астров, Н. И.*—кадет, бывший московский городской голова, член Учредилки, член Национального Центра, член «Союза Возрождения», который именно и делегировал его в Директорию. Состав Директории, «выбиравшийся» в Уфе, был в действительности заранее предрешен. Выборы были простой фикцией. «Сколько копий было сломано внутри эсеровской фракции вокруг вопросов о форме власти и персональном составе Директории. Оказывается, что все это мы проделывали напрасно, так как за несколько месяцев до того все уже было предрешено в Москве: «Союз Возрождения» с участием Авксентьева, Аргунова и др. эсеров определил форму власти в виде Директории и наметил тот состав ее, который мы и «избрали» на Уфимском совещании»,—говорит хорошо знакомый с историей этих »выборов К Буревой в своей книге «Распад», стр. 124.

Остается верить Болдыреву, что он не знал о своем назначении в состав Директории. Что же касается Астрова, то он, несмотря на то, что был «избран» в состав Директории, на восток, однако, не поехал, а потянулся на юг, где все время работал с Деникиным. Лишнее доказательство того, насколько голословно утверждение, будто «Союз Возрождения» работал только на востоке.

39) *Виноградов, Владимир Александрович*, род. в 1874 г., был членом Государ. Думы третьего и четвертого созывов. При Временном Правительстве служил при министерстве путей сообщения. Его деятельность в урало-сибирской контр-революции протекала бледно. Виноградов—единственный член «Всероссийского» Правительства, голосовавший против единоличной диктатуры Колчака и ликвидации Директории.

40) *Новоселов, Александр Ефремович*—известный в Сибири беллетрист, эсер, с большим уклоном в сторону сибирского областничества. Новоселов увлекался также этнографией Сибири и работал в Западно-Сибирском Географ. Обществе в Омске, где служил воспитателем в казачьем пансионе. До февральской революции Новоселов стоял вдали от активной политической деятельности. Эсеро-областническое движение 1917 г. толкнуло и его на путь контр-революционной авантюры. На конспиративном собрании (см. примеч. 14) Новоселов был назначен министром внутренних дел. Он избежал ареста и скрылся на восток, где принимал участие в «правительстве автономной Сибири» Дербера-Лаврова, которое на своем заседании от 21 июля 1918 г. вновь вручило ему портфель министра внутренних дел. Вскоре «Совет» делегировал его в Западную Сибирь для участия в работах Сибирского правительства.

Новоселов прибыл в Западную Сибирь как раз в то время, когда Сиб. Областная Дума решила покончить с Административным Советом и взять власть в свои руки. Для этого Областная Дума решила в первую очередь ввести Новоселова в состав Сибирского Правительства на правах полномочного министра.

19 сентября министры Крутовский и Шатилов вместе с представителем Областной Думы Якушевым и Новоселовым прибыли в Омск и предъявили Административному Совету постановление Областной Думы. Административный Совет, который возглавлялся И. Михайловым и в это время законодательствовал, вследствие отсутствия правительственного кворума, слышать не хотел о зачислении Новоселова в состав правительства, и отказался от самоликвидации, вернее—от изменения положения об Административном Совете в желательном для Областной Думы смысле. Чтобы освободиться от назойливых притязаний областников, Административный Совет обратился за содействием к начальнику омского гарнизона, полковнику Волкову, который отдал своим подчиненным распоряжение об аресте Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова, что и было выполнено.

41) Вот точный текст присяги, которая в акте носит название «Торжественное обещание»: «Мы, члены Временного Всероссийского Правительства, избранные на Государственном Совещании в городе Уфе, торжественно обещаем хранить верность народу и государству Российскому и выполнять наши обязанности в полном соответствии с принятым на Государственном Совещании актом об образовании Верховной власти».

42) Убийство совершилось при следующих обстаятельствах. Арестованных—Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова (см. прим. № 40) повезли в военный штаб и заявили им, что они находятся в распоряжении начальника гарнизона, полковника Волкова. В своих показаниях, которые давались специальной следственной комиссии, Крутовский рассказывает, что утром вызвали его в отдельную комнату, из которой удалили караульных, и подали ему «уже заготовленное прошение об отставке, в «котором я,—говорит Крутовский,—якобы, по старости лет, болезни и проч., прошу меня освободить. Я спрашиваю, кто это требует, мне отвечают: «это не ваше дело». Я повторяю вопрос, мне говорят: «мы вам говорим, что это не ваше дело. Ваше дело подписать только эту бумагу»...—«Я не могу подписать». Тогда мне начинают грозить, что за это достанется».

Крутовского вывели в проходной коридор и поставили часовых.

«После меня,—продолжает свои показания Крутовский,—вызывают Шатилова. Поднимается шум на очень короткое время, затем все стихает. Когда все стихло, меня опять приводят в эту же комнату и говорят, что «Шатилов подписал прошение. теперь вы подпишите». «Я уже сказал, что не могу этого сделать».—«Но это будет стоить вам очень дорого»... «Значит, вы меня хотите»... Тогда Нарбут (один из

офицеров) подходит ко мне вплоть и говорит:—«Три минуты размышления—или вы подпишете, или мы вас увезем на автомобиле, и вы будете расстреляны».

Крутовский подписал. «Я,—продолжает Крутовский,—иду к Шатилову и говорю: «как, вы подписали прошение?»—«как-же,—говорит—мне не подписать, когда мне дали три минуты на размышление—или подписать или я буду расстрелян».

Тогда Новоселов и Якушев говорят, что мы напрасно это сделали, что молодежь только пугает».

Весь день арестованные провели в тревоге.—«Не беспокойтесь,—говорят им вечером,—завтра все выяснится. Сейчас идет заседание Административного Совета, который решает ваши судьбы».

Утром вызвали Крутовского. «Пред'являют мне,—говорит Крутовский,—ту бумагу, где говорится, что, согласно поданного прошения, Административный Совет постановил отстранить от должности, окончательное решение оставить до Совета министров. «Распишитесь!» Я расписываюсь. «Что же, я буду освобожден?». «Да, будете освобождены, но еще маленький акт». С Шатиловым происходит то же самое. Затем меня опять призывают. У них уже заготовлено обязательство, что, по распоряжению начальника гарнизона, я обязываюсь в 24 часа покинуть Омск и направиться к месту своего жительства. То же самое предлагают Шатилову и Якушеву. Затем нам об'являют, что мы свободны и мы можем уходить. Когда мы требуем, чтобы нам сказали, в каком же положении Новоселов, то нам отвечают, что он в другом положении и что его дело передается прокурору. Новоселов говорит: «или отправьте меня в тюрьму или препроводите к прокурору, так как в этой квартире оставаться я считаю невозможным и протестую против этого». Они говорят: «все это будет сделано». С этим мы были выпущены».

Как впоследствии выяснилось, поручик Семенченко и хорунжий Мефодьев были та «молодежь», которая добилась у Крутовского и Шатилова подписи под прошением об отставке, и которая, по словам Новоселова, «только пугает». Вот эта-та «молодежь» и взялась 23 сентября конвоировать Новоселова в тюрьму. А уже 24 сентября начальник 5 района омской Городской Милиции Землевич прислал прокурору омской Судебной палаты рапорт, в котором сообщал, что «23 сего сентября в Загородной роще обнаружен труп бывшего Акмолинского Областного комиссара Александра Новоселова. Мною установлено, что Новоселов убит сопровождавшим его в областную тюрьму конвоем. Как видно из рапорта начальника конвоя на имя начальника гарнизона, Новоселов по пути следования в тюрьму предложил конвойным указать место, где большевиками было спрятано оружие. Затем, когда конвойные, заинтересовавшись его предложением, пошли с ним за город и вступили в рощу, бросился от них бежать. Это бегство и вынудило конвойных произвести по нему несколько выстрелов».

Из доклада прокурора управляющему министерством юстиции видно, что «при вскрытии у убитого обнаружены были три огнестрельных раны, из коих одна нанесена сзади в шею, две же остальные сквозные раны причинены в левый висок и очевидно, на очень близком расстоянии».

«Сегодня я лично,—читаем мы в докладе прокурора,—по телефону просил начальника гарнизона поспешить доставкой к мировому судье Семенченко и Мефодьева, но получил от него сведения, что оба они скрылись неизвестно куда и, несмотря на принятые меры, остаются до сего времени неразысканными».

Чтобы покончить с историей событий, затронутых в этом примечании, заметим, что, по распоряжению чешского командования в Челябинске, начальник военного контроля подполковник Зайчек арестовал товарища министра внутренних дел Грацианова и сделал попытку арестовать И. Михайлова, которых считали главными виновниками ареста Крутовского и других и убийства Новоселова. Вскоре, однако, дело уладилось по-хорошему: были аннулированы отставки Крутовского и Шатилова, освобожден из-под ареста Грацианов и отменен арест Михайлова.

43) *Волков*, подполковник,—первый, кто начал насаждать в Сибири «мексиканские» нравы. Свою карьеру он начал при Западно-Сибирском Комиссариате, который определил его на должность военного коменданта в Петропавловске. Как рассказывает Крутовский, Волков «там бесчинствовал, производя расстрелы, и настолько все это было жестоко и грубо, что вызвало ропот. Пришлось правительству отправить туда комиссара для расследования. Комиссар поехал туда и исчез неизвестно куда».

«Молодцы» Волкова состояли в монархической организации «Смерть за родину». Волков сам был даже основателем этой организации. А насколько эта организация была пронизана черносотенством, видно из того, что члены ее считали даже Вологодского опасным для дела «национального возрождения».

Питая к Волкову особые чувства благодарности, Колчак назначил его генерал-губернатором Иркутска (см. примеч. № 130).

Волков, по словам Е. Колосова, «был окружен всегда настоящей бандой офицеров, не гнушавшейся прямыми уголовными разбоями. В Иркутске волковские офицеры просто грабили людей, у которых имелись деньги, и потом топили их на Ангаре подо льдом» (см. Е. Колосов—«Сибирь при Колчаке», изд. «Былое» Петроград, 1923 г., стр. 139).

44) Анненковцы и красильниковцы—это два отряда двух головорезов—атаманов казачьих войск, Анненкова и Красильникова. Болдырев упрекает их в том, что они «пальцем не шевельнули в защиту» Волкова и Михайлова. Упрек неосновательный: Михайлова они не выдали (чехи были осведомлены о том, что анненковцы охраняют Михайлова), а Волкова чехи сами арестовали только для проформы, для успокоения волновавшегося населения. Арест, к слову сказать, был домашний, арестовали только, а через два дня Волков гулял уже на свободе.

Анненков и Красильников содействовали Колчаку совершить переворот, но оба, особенно Анненков, держались совершенно независимо от Колчака. Можно смело сказать, что на территорию Анненкова (Семипалатинская губерния) власть Колчака и не простиралась. Красильников впоследствии предлагал Гайде свои отряды для похода против Колчака.

45) «Директория не считала возможным» закреплять свою власть «штыками чехов!» В связи с этим Авксентьев будто-бы даже сказал: «Мы не хотим иметь своих латышей». Что это, как не лицемерие?! Директория, насколько известно, никогда не отказывалась от «чешских штыков» и охотно пользовалась ими, тем более, что для ее «всероссийского» величия, которое надо было завоевать, не хватало «русских» штыков. Что директория не прочь была «иметь своих латышей»—видно хотя бы из того, что она заигрывала даже с эстонцами, не говоря уже о том, что она ждала от держав согласия поддержки не только средствами, но и людьми. Разве неизвестно, что еще Комуч командировал Лебедева, своего военного министра, для переговоров с союзниками о помощи? Когда Лебедев сообщил, что на скорую помощь рассчитывать нельзя, то Авксентьев ему ответил, что на фронте «все висит на волоске», что «катастрофа неминуема», если не подоспеет союзническая помощь».

46) «Полновластная» Директория была так робка, что не дерзала открыто призвать к порядку Ивана Михайлова, главного виновника всех событий, а сочла благоразумным завуалировать этого черносотенца и его гнусное поведение туманным призывом «всех наличных членов» правительства «к спокойному выполнению своих обязанностей».

47) *Аргунов, Андрей Александрович*, род. в 1866 г., член эсеровской партии и одно время—член Центр. Комитета.

Во время революции и особенно во время описываемых в книге событий Аргунов занимал в рядах эсеровской партии самый крайний правый фланг. Свою миссию, как уполномоченного для «выяснения» омских событий, он выполнил так, что дал полное оправдание деяниям омских черносотенцев. «Сибирь,—заканчивает Аргунов одну из своих информаций Директории,—деловой, сознательный и государственный (?) край. Если кто-либо виноват во всем создавшемся остром моменте и кризисе власти и нежелании итти на уступки,—то это, к сожалению, пустая реакция эсеров», иначе говоря, «демократическая» областная Дума, боровшаяся с произволом омских «государственных» черносотенцев.

48) *Семенов*—заурядный есаул забайкальского казачьего войска. В империалистической войне он командовал на кавказском фронте сотней Верхнеудинского полка, входившего в состав Забайкальской казачьей дивизии. Вместе с Дутовым принимал после февральской революции участие во Всероссийском казачьем с'езде. Во время предпарламента Керенский делегировал Семенова на Дальний Восток для формировки казачьих антибольшевистских отрядов. В Харбине, где Семенов обосновался и откуда он послал приветствия Потанину и Сиб. Областн. Думе, его и застала Октябрьская революция. «Возродители» России, среди которых был и агент французского правительства П. Буржуа, снабдили после Октябрьской революции

Семенова средствами, на которые он и организовал свой «особый манчжурский отряд», выступавший в марте 1918 года против сибирских Советов. Несмотря на значительную поддержку средствами и людьми, которую Семенов получил от французов и особенно от японцев, советские войска, предводительствуемые энергичным Лазо, наносили отрядам Семенова чувствительные удары, а в июле даже загнали эти отряды на Китайскую территорию. Положение Семенова спасли чехо-словаки, наступавшие с запада. Лишь в сентябре, после того, как Лазо увел свои войска в сопки, ослабленные в упорных боях с чехо-словаками и семеновскими отрядами, произошло об'единение Семенова с чехо-словаками.

После свержения Советов на Дальнем Востоке появилось много претендентов на власть. Одним из таких претендентов стал и Семенов, которого под свое покровительство взяли японцы, сразу заметившие, что при участливом содействии Семенова им удастся выполнить на Дальнем Востоке свои хищнические намерения и империалистические планы. Когда же англичане, вопреки желаниям японцев, посадили на сибирский диктаторский трон своего ставленника Колчака, враждебно относившегося к японцам, то японцы сделали окончательную ставку на Семенова и пользовались им, как орудием для борьбы с Колчаком, против английского влияния. Этим об'ясняется упорное нежелание Семенова признать власть Колчака. Как Колчак ни старался, но сломить этого упорства ему не удалось. В конце-концов Колчак счел себя вынужденным передать Семенову свои «верховные» полномочия (см. прим. № 36). Получив по телеграфу эти полномочия, Семенов, действительно, возомнил себя «великим человеком», которому судьбой предназначено стать избавителем России.

Советской власти пришлось, после крушения колчаковщины, в течение чуть-ли не 3-х лет вести вооруженную и дипломатическую войну, пока ей удалось ликвидировать на Дальнем Востоке семеновщину.

Деятельность Семенова на Дальнем Востоке ознаменована неимоверными хищениями государственного имущества и драгоценного добра, многочисленными грабежами и жестокими расправами с населением. За усердную борьбу против советской власти, иерусалимский патриарх Дамиан провозгласил Семенова «кавалером святого гроба господня» и наградил его «большим золотым крестом на александровской ленте с подлинной (?!) частицей животворящего древа господня». Дальневосточное же население называет Семенова не иначе, как «Кровавым».

49) *Калмыков*—тоже один из тех, которых Керенский делегировал на Дальний Восток для организации борьбы с большевиками. Но Калмыков—сошка более мелкая, чем Семенов. Калмыков присвоил себе титул «атамана Уссурийского казачества» и занимался исключительно грабежом населения и кровавыми расправами с большевиками, которые перед смертью подвергались жесточайшим пыткам и мучительнейшим истязаниям.

50) Когда под угрозой, что немцы прорвут русский фронт, эвакуировали Петроград, то Военную Академию перевезли в Екатеринбург.

Во время же чехо-словацкого мятежа часть слушателей во главе с начальником Академии Андогским была переведена в Казань, где она охотно сдалась в плен к белым. Тем не менее белые третировали их, как «большевиков».

Что касается всего имущества Академии: библиотеки, карт, учебных пособий и т. д., то его захватили белые, когда заняли Екатеринбург. Белые сконцентрировали всю Академию в Томске. Когда же в 1919 году белым пришлось очистить Томск, то они эвакуировали Академию на Дальний Восток и обосновали ее на Русском Острове.

За время своего пребывания в Сибири вся деятельность Академии выразилась только в издании первого тома «Воспоминаний генерала-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина», который вышел в Томске в 1919 г. под редакцией Г. Г. Христиани.

51) Слишком туманно выражает свою мысль Болдырев. По всей вероятности, Болдырев хочет сказать, что для борьбы с большевистскими направлениями населения «каждой группе» предоставлено было право применять суровые меры, с чем, впрочем, согласны были все члены Правительства. По словам В. Зензинова. Болдырев, выезжая на фронт, «задал Н. Д. Авксентьеву вопрос: вправе ли будет он принимать на фронте суровые меры, до расстрела включительно, против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций?» Н. Д. Авксентьев ответил ему утвердительно, и

его ответ затем единогласно подтвердили все остальные члены правительства (см. В. Зензинов «Государственный переворот адмирала Колчака в Омске». Париж, 1919 г., стр. 193).

52) Искажена действительная запись дневника, которая гласит так: «Дума выделила Исполком и повторяет замашки Совдепа».

53) Выбор резиденции неоднократно обсуждается. «Сʻезд членов Учредительного Собрания» предчувствовал, что Омск будет могилой для Директории, и всячески противился перенесению резиденции в Омск. Авксентьеву удалось, однако, их уговорить. «Главным мотивом для подобного шага (переезда в Омск) Авксентьев выдвигает необходимость сокрушения сибирского правительства, ибо только в этом случае Директория сможет стать действительной властью и получить от держав Антанты признание, деньги и оружие» (см. И. Майский—«Демократическая контр-революция», стр. 283).

Постановление о переводе в Омск «Журнала заседания Врем. Всероссийского Правительства» № 11 от 3 окт. 1918 г. зафиксировано следующим образом: «В виду настоятельной необходимости в правительственном аппарате для немедленной работы по управлению и необходимости в установлении тесной связи с Востоком—избрать временной резиденцией город Омск, с тем, чтобы в ближайшем будущем перенести резиденцию в Европейскую Россию».

54) «Дети петроградской бедноты и рабочих»—это те дети, которых в 1918 г., когда в Питере не было хлеба, советская власть перевезла в хлебные места Урала и Сибири. Положение этих детей было, понятно, незавидное. Белые в конце-концов перевезли этих детей на Русский Остров, где дети были подвержены всевозможным лишениям. Родители, опасаясь за участь своих детей, сильно беспокоились. Советская власть, вынужденная уступать мольбам родителей, неоднократно обращалась к Колчаковскому правительству с предложением вернуть этих детей в Питер. На одно из категорических требований получился от колчаковского генерала Сахарова следующий ответ: «Дети будут возвращены тогда, когда мы уничтожим большевиков и воссоединим Русь воедино». В дело, однако, вмешался американский Красный Крест. Он принудил Колчака вернуть детей, которые кружным путем—через Америку, Англию, Францию, Финляндию и были доставлены в Питер.

55) Опущены слова дневника: «встреча царская».

56) Это был доклад об аресте Крутовского, Шатилова и других и об убийстве Новоселова.

57) Точная запись дневника: «Досадной фигурой».

58) После слов «был Савинков» в оригинале дневника сказано: «подписал ему чек на 500.000 франков».

59) «Воленародовцы»—правые эсеры, т. е. именно эсеры, которые разделяли платформу право-эсеровской газеты «Воля Народа», издававшейся в Питере в 1917 году.

60) *Буяновский*—бывший товарищ министра финансов.

61) *Флуг, В. Е.*—генерал, приехал, как агент Корнилова, весной 1918 года в Сибирь с целью информации и для того, чтобы координировать действия сформировавшихся в Сибири подпольных организаций.

62) Ген. *Мутто*—представитель Японии в Омске.

63) Точная запись дневника: «гнусное впечатление».

64) *Устругов*—министр путей сообщения. Не будучи в состоянии наладить в Сибири расстроенное железнодорожное движение и не имея необходимых средств на улучшение вагонного и паровозного состава, Устругов ухватился за предложение союзников взять под свое покровительство сибирскую железнодорожную сеть, не исключая, конечно, и Китайско-Восточной жел. дороги. Покровительство выразилось в том, что союзники сделались полновластными хозяевами всей железнодорожной сети. Союзники распоряжались движением и брали себе все доходы с дороги. Транспорта, однако, они и не пытались улучшить. После их ухода дорога осталась в еще худшем виде.

65) Точная запись дневника такова: «собственными силами мы едва ли справимся с *развращенными* рабочими».

66) В оригинале дневника сказано: «представители *пьяного* монархизма».

67) После слова «обнаружила» опущены слова: «основательную политическую глупость».

68) Вместо слова «дерзко» в дневнике сказано: «хулигански».

69) *Крапоткин*, князь – крупный помещик, ярый монархист, играл видную роль в крайне правых кругах Сибири, главным образом, Омска.

70) Железнодорожная забастовка при своем возникновении носила экономический характер. Железнодорожники требовали увеличения заработной платы, нормировку рабочего дня и отмену сдельной платы, которую ввели для под'ема производительности труда. Забастовка вскоре действительно приняла политический характер, но в этом были виноваты «демократическая» Директория и военщина, считавшие, что в раю Директории бастовать могут только большевики, «совдепщики», а потому и начавшие с места в карьер применять «крутые меры», как скромно выражается Болдырев, очевидно, не желающий знать, что применялись расстрелы. Так, например, на станции Тайга были расстреляны два машиниста, отказавшиеся вести поезд.

71) Американская миссия Христианского Союза Молодых Людей работала в Сибири в 1918-19 г. г. в качестве благотворительной организации, стремившейся улучшить в тылу быт солдат отрядов интервентов и белой армии.

В 1917 году, когда Соедин. Штаты об'явили войну Германии, организации А. Х. С. М. Л., работавшие на Западном фронте, особым актом президента Вильсона были признаны частью американской армии. Задача Союза заключалась в том, чтобы предоставлять солдатам во время боевых перерывов возможность культурного отдыха. Союз организовывал клубы, кинематографы, кофейни вблизи боевых линий, с целью поднять боеспособность солдат.

Любопытно, что Христианский Союз, работая среди солдат всех наций, и заботясь о религиозной пропаганде, ограничивался лишь раздачей карманных евангелий, пригодных в солдатском обиходе не только для чтения.

Русская черносотенная реакция с самого начала отнеслась к Христианскому Союзу враждебно. При царе Союз существовал в России инкогнито (Общество «Маяк»). Более интенсивно протекала деятельность Союза в России лишь после февраля 1917 г. «Красный треугольник»—знак Союза – появился в Сибири и в Поволжьи вместе с приходом интервентских отрядов.

72) Вместо слова «хитрят» в дневнике сказано: «прехитрая бестия».

73) Как только закончились выборы на конспиративном собрании (см. примечание № 14), Дербер и некоторые его министры помчались в Харбин. В Харбине, между тем, находился Хорват, который сам занят был организацией «всероссийской» власти и который, поэтому, не хотел признать ни правительства Дербера, ни его «полновластную Областную Думу». Дербер и его товарищи чувствовали себя в Харбине, как во вражеском лагере.

29 июня чехо-словаки неожиданным выступлением свергли советскую власть во Владивостоке. Дербер и его министры немедленно переехали во Владивосток, заняли дом Совета и об'явили себя «Временным Правительством автономной Сибири» и начали вести «журнал» своих заседаний. Из журнала мы узнаем, что социалистическое правительство сделало заем даже у монархиста атамана Семенова. В «Журнале» № 38 от 5 августа 1918 года запротоколировано следующее:

СЛУШАЛИ: «Об ассигновании пятидесяти тысяч рублей в возврат полученной заимообразно военным министром от атамана Семенова суммы».

ПОСТАНОВИЛИ: «Заем, произведенный военным министром А. А. Краковецким в июне месяце с. г. у атамана Семенова в размере пятидесяти тысяч рублей, утвердить. Ассигновать пятьдесят тысяч рублей военному министерству, предложив уничтожить долг атаману Семенову».

Как видно из журнала, Союз сибирских кооперативных Союзов «Закупсбыт» усердно ссужал автономное правительство деньгами. Автономное правительство назначило даже своих дипломатических представителей в Токио и Вашингтон.

Во Владивостоке правительство Дербера поддерживала Областная Земская Управа, состоявшая из таких-же эсеров, как и сам Дербер, и чехо-словаки, не успевшие еще разобраться в создавшейся обстановке.

Вскоре, однако (21 июля), Дербер, которого черносотенцы избрали мишенью для грязных нападок и которого они злостно и без всякого основания обвинили в провокаторстве, сложил свои полномочия, как председателя Совета министров, удержав за собой портфель министра иностранных дел и министра земледелия. Лаврова же Совет министров избрал в председатели.

Между тем, во Владивосток примчался со своим «Деловым кабинетом» Хорват оспаривать у автономного правительства свое право на власть.

Дерберу удалось убедить чехо-словаков, что для предотвращения гражданской войны во Владивостоке, следует разоружить русские отряды Хорвата. Чтобы разрядить атмосферу, союзные миссии предложили Хорвату договориться с автономным правительством по вопросу о власти.

Совет министров сорвал переговоры, заявив, что он не прочь вступить в переговоры, но только не с Временным Правителем Хорватии, а с членами Делового Кабинета, как с представителями цензовых элементов, поскольку последние не возражают против их вхождения в состав Временного Сибирского Правительства («Журнал» № 40 от 10 августа).

Борьба между обоими дальневосточными правительствами, несомненно, приняла бы более острые формы, если бы вдруг не стало известно, что сибирская магистраль тоже в руках белых, что в Сибири имеется уже Сибирское Правительство и что глава этого Правительства, Вологодский, едет на Дальний Восток.

Сибирская Обл. Дума, узнав, что Вологодский поехал договариваться с Дербером, решила послать к Дерберу свою делегацию, чтобы, с своей стороны, информировать о положении дел в Сибири. По распоряжению Вологодского, эта делегация была насильно задержана в Иркутске и возвращена в Томск. Этот поступок Вологодского и послужил одной из причин, побудивших Областную Думу, которая думала, что делегация возвращена по распоряжению Михайлова, ликвидировать Административный Совет и усилить состав правительства эсером Новоселовым (см. примечания №№ 40 и 42).

С Хорватом Вологодский быстро договорился. Не особенно трудно было ловкому адвокату Вологодскому околпачить Дербера, который совершенно не был в курсе сибирских событий и не знал даже о том, что как раз в это время Областная Дума и ведет борьбу с Сибирским Правительством. Обо всем этом он узнал лишь после того, как об'явил свое «министерство» распущенным. «Мы наделали чорт знает что: сдали власть как раз, когда столкнулись Дума и Правительство Вологодского»—так, будто бы, по словам Гинса, сказал Дербер Лаврову после того, как они узнали, что их Вологодский ловко перехитрил. Так именно и прекратило свое существование опереточное «автономное правительство Сибири»—правительство Дербера-Лаврова.

74) Точная запись дневника: «После информации, из которой еще ярче обрисовалось довольно пренебрежительное к нам отношение союзников».

75) Андогский вместе со многими воспитанниками Академии генерального штаба, начальником которой он был, сдался белым в Казани. В Омске, как это видно из записи дневника, опущенной в тексте книги, Андогский добивался сделаться «магистром ордена офицеров генерального штаба». Андогский известен, как большой интриган.

76) *Шмелинг, В. Г.*—секретарь Болдырева.

77) *Нокс*, генерал—стоял во главе английских войск, прибывших в Сибирь. В его вагоне прибыл в Сибирь Колчак. Именно Нокс является главным вдохновителем переворота 18 ноября, осчастливившего Сибирь диктатором-Колчаком.

Нокс устроил на Русском Острове военную школу на 500 офицеров и 1000 солдат, чтобы подготовить из них кадр будущего корпуса. Этой школе, которая содержалась, понятно, на английские средства, Нокс вручил знамя с надписями: «*Возрождающейся русской армии от британской армии*» и «*За веру и спасение родины!*»

Элиот—возглавлял, как «высокий комиссар», английскую миссию в Сибири. Из первой же беседы с Элиотом Авксентьев вынес убеждение, что Англия не относится благосклонно к Директории.

78) *Сахаров, К. В.*—по поручению Деникина пробрался через советский фронт на Урал для устанрвления связи. Оставшись в Сибири, получил назначение на Русский Остров организовать ту военную школу, которую строил Нокс.

Весной он приехал к Колчаку с докладом. Колчак оставил Сахарова при себе на должности генерала для поручений. Вскоре Сахаров был назначен начальником штаба западной армии, а затем командующим этой армией. После отставки Дитерихса, Колчак назначил его главнокомандующим восточным фронтом. Бои на Тоболе окончательно выявили всю неспособность Сахарова занимать какой-нибудь ответ-

ственный военный командный пост. Подчиненные ему генералы, как, например, Пепеляев, отказывались выполнять его боевые задания.

На станции Тайга, где стоял поезд удиравшего Колчака и куда Сахаров выехал с докладом, братья Пепеляевы, не добившись от Колчака замены Сахарова Дитерихсом, арестовали Сахарова, и хотели отвезти его в Томск на суд и расправу. Но, узнав, что приближается армия Каппеля, Пепеляевы струсили. Сахаров, сдав главное командование Каппелю, отступил со своим отрядом на Дальний Восток, проделав известный «ледяной поход».

Сахаров, которого Колчак возвел в чин генерал-лейтенанта, ярый монархист, был глубоко убежден, что Колчаковщина рухнула только потому, что играла в демократию, а не шла открыто с призывом «*За веру, царя и отечество*».

На Дальнем Востоке Сахаров признал власть «доблестного» Семенова и принимал активное участие в военных операциях, направленных Семеновым против советской армии. Но когда на Дальний Восток прибыл генерал Пепеляев, которому поручено было организовать «партизанскую дивизию имени народного героя генерала Пепеляева», Сахаров счел это за личную обиду и оскорбление, а потому оставил службу и уехал заграницу. Там на досуге он написал книгу «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923 г.).

79) *Михайлов, Иван* — сын известного народовольца Михайлова—приобрел себе в Сибири кличку «Ванька Каин». И не без основания. Михайлов был в Сибири вдохновителем всех политических убийств и выдающимся мастером закулисных интриг. Он был главным проводником черносотенно-монархической идеи. Его именно и считают «злым гением» Колчака.

В руках Михайлова находился портфель министра финансов.

Гинс, Г. К.—был профессором омского Сельско-Хозяйственного института. Политикой начал заниматься после свержения первой советской власти в Сибири. При Колчаке занимал пост управляющего делами Совета министров и был председателем Государственного Экономического Совещания. В Колчаковии Гинс был ближайшим соратником Михайлова и его единомышленником и оставил, поэтому, по себе такую же память, как и Михайлов.

Гинс написал двухтомный, заграницей изданный, труд: «Сибирь, союзники и Колчак». Гинс уверяет, что писал эту книгу «с полной откровенностью и безжалостностью к себе». В действительности же Гинс всю книгу писал с исключительной целью, чтобы обелить себя и своих единомышленников, вроде Михайлова и других проходимцев, и всю вину за все колчаковские мерзости и преступления взвалить на плечи других.

80) *Степанов*, генерал—во время мировой войны работал в одном из штабов действующей армии, командовал в 1918 г. белыми войсками при наступлении на Казань, при Колчаке занимал одно время пост военного министра.

81) Опущены слова: «Меня просто бесит».

82) В виду того, что эта «конвенция» нигде опубликована не была, не лишним считаем привести ее полный текст. Приводим дословно без всяких изменений или исправлений стиля:

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Я сделаю все, что в моей власти, чтобы оказать помощь Русскому Правительству в деле формирования Русской Армии на следующих ясных и понятных условиях:

1. Новая Русская Армия должна быть настоящей Армией под полным Офицерским контролем. Она должна быть без Комитетов и Комиссаров. Ни офицеры, ни солдаты не должны вмешиваться в политику.

2. Должна быть одна Русская Армия. Русское Правительство должно требовать от союзных представителей соглашения, что вся военная мощь будет дана только русскому правительству, но не разным русским военным начальникам, как, например, Семенову и Калмыкову. Войска генерала Хорвата должны быть расформированы.

3. Все назначения и производства офицеров должны производиться Верховным Главнокомандующим.

4. Германским и Австрийским военнопленным сейчас разрешается делать все, что они захотят. Каждый маленький офицерский «батальон» имеет 100 немцев в ка-

честве поваров, прислуги и конюхов, каждая рота новобранцев имеет три немецких повара для приготовления русских щей для русских. Настоящее положение, если оно было бы известно в Англии, вызвало бы бурю возмущения. Все военнопленные не славянского происхождения должны быть заключены и охраняться в лагерях для военнопленных. Было бы гораздо лучше, если эти лагери были бы расположены в Забайкальи, или на Дальнем Востоке, где Американские или Японские войска могли бы их охранять.

5. Отдельное заявление подается относительно положения на Томской и Омской железной дороге. Положение на Забайкальской железной дороге как будто еще хуже. Если меры не будут приняты немедленно, чтобы заставить рабочих в мастерских работать самым энергичным и добросовестным образом, число товарных поездов уменьшится весной до 4-х пар в сутки, помощь союзников и военные действия будут не возможны. Мастерские должны быть заставлены работать.

Большое количество вагонов занято офицерами и их семьями, беженцами и войсками в глубоком тылу. Например, войска генерала Хорвата занимают несколько сот вагонов, которые они отказывают освободить. Полковник Семенов живет в поезде в Чите, несмотря на то, что в городе избыток помещений. Атаман Калмыков живет в поезде в Хабаровске. Чешская рота в Красноярске живет в вагонах. Все эти вагоны должны быть немедленно освобождены, и если для беженцев нет достаточно помещений, то должны быть построены бараки.

6. Большое разочарование для союзников, которые стараются помочь России восстановить ее силу, что русские вожди так долго не могут сговориться относительно состава Временного Правительства.

Мы имеем право требовать, чтобы все личные и партийные интересы были бы устранены и сильное правительство сформировано, которое бы не препятствовало в создании армии для спасения России.

Верховный Главнокомандующий русскими вооруженными силами Ген.-лейт. **Болдырев.**

А. В. Нокс.
Генерал-майор.

24 октября 1919 г.

83) Не знаем, послано ли было «обращение», но проект сохранился. Ввиду того, что он представляет некоторый интерес, приводим его здесь полностью:

«Вопросы, скорейшее разрешение которых Союзными Державами является крайне необходимым для успеха создания Русской Армии в Сибири и на Дальнем Востоке, а равно и на других территориях, ныне освобожденных от власти большевиков.

1. Успешное создание Русской Армии возможно лишь при условии высшего над ней самостоятельного единоначалия в лице Русского Генерала, в распоряжение которого Союзные державы и передают все виды оказываемой ими России военной помощи.

Таким полномочным лицом с правами Верховного Главнокомандующего для войск Сибири, Дальнего Востока и других территорий, ныне освобожденных от большевиков, Временным Российским Правительством назначен Генерал-лейтенант **Болдырев**.

Через Временное Всероссийское Правительство Генерал **Болдырев** является избранником всех тех Правительств Сибири, Урала и др. казачьих войск, общественных групп и политических партий, которые были представлены на Уфимском Государственном Совещании.

Полное признание Союзными Державами прав Генерала **Болдырева**, как Верховного Главнокомандующего всех Российских войск Сибири, Дальнего Востока и других территорий, ныне освобожденных от власти большевиков, является настоятельно необходимым, так как только при едином командовании и руководстве возможно формирование армии и управление ее действиями на фронте.

2. Для русского народа и его Правительства совершенно неизвестны и неясны намерения и планы Союзных Держав, приславших свои войска через порт **Владивосток** и ж. д. ст. **Чань-Чунь** в пределы России.

Согласно заявлений союзных держав, ими посланы войска с целью оказать России такого рода помощь, которая была бы допустима и принята самим русским народом.

Помощь эта будет выражаться, по мнению Союзников, прежде всего, в представлении самим русским создать национальную сильную Армию, необходимую для свержения ига германо-большевизма и обеспечения свободного установления Государственной власти в России.

Для успеха борьбы с главным общим врагом—Германией Союзные Державы считают желательным скорейшее воссоздание Русско-Германского фронта и в этих целях ими выдвинуты уже чехо-словацкие войска в район Поволжья.

Такова сущность намерений интервенции Дружественных России Держав, возвещенных ими Русскому народу в своих декларациях.

Фактически же, кроме чехо-словацких войск и Английского батальона Полковника **Вуорд**, ни одна войсковая союзная часть после очищения Приморской и Забайкальской областей и линии Сибирской ж. д. от Германо-большевиков, не двинулась дальше для непосредственной борьбы в Поволжьи с наступающими Германскими и большевистскими войсками.

В настоящее время Японские войска несоразмерно с обстановкой большой численности заняли целиком все бывшие казармы Русских войск вдоль Восточно-Китайской и Забайкальской ж. д., а равно и в наиболее важных городах, создав, таким образом, препятствие успеху производства набора Русских новобранцев и формированию Русской армии.

Крайне желательно полное осведомление Русского высшего командования о целях подобных действий союзных начальников и совместное разрешение в будущем вопросов, касающихся величины гарнизонов от союзных войск в Русских городах и населенных пунктах.

3. Ввиду целого ряда недоразумений, вызываемых столкновениями между чинами союзных держав (преимущественно Японии) с местным русским населением, препятствий, чинимых союзными начальниками передвижению Русских войск и выполнению ими приказов своих Русских начальников, случаев даже ареста Русских чинов союзниками во время исполнения ими службы, необходимо при каждом отдельном отряде союзных войск или гарнизоне иметь особо уполномоченных Русских офицеров, которые и являлись бы ответственными ближайшими помощниками старших союзных начальников в сношениях союзных войск с Русским населением и Русскими войсками.

А чтобы действия этих офицеров были бы вполне об'ективны, желательно назначать одновременно при таких отрядах и гарнизонах, кроме Русских офицеров, и по представителю от одной из Дружественных держав, войск которой в составе отряда нет.

4. Общим представителем для сношения Русского Верховного Главнокомандующего с высшими представителями союзных армий в России назначен Генерального Штаба Генерал-Лейтенант **Романовский**.

5. Ввиду некоторых особенностей организации Чехо-словацкой армии и существовавшей до сего времени некоторой неопределенности взаимоотношений Чехословацких и Русских начальников, имели место иногда некоторые шероховатости в этих взаимоотношениях, вредно отзывающиеся на успешном ходе дел, а потому необходимо, чтобы старшие военные представители союзных держав и особенно представитель Франции определенно высказались за установление этих взаимоотношений как более отвечающих успеху борьбы с Германо-большевизмом и успеху создания в России единой сильной армии.

6. Перечень средств, необходимых для формирования Русской армии, которые желательно было бы получить от союзных держав.

7. Перечень продуктов и товаров, необходимых для удовлетворения важнейших нужд населения: ткани, галантерея, машины, различного рода аптекарские продукты».

84) *Моисеенко, Борис Николаевич*,—видный эсер, был членом боевой организации, принимал активное участие в убийстве великого князя Сергея Александровича. В Омск он приехал, как секретарь «С'езда членов Учредительного Собрания». 24 октября 1918 года он бесследно исчез. Впоследствии выяснилось, что Моисеенко, когда он выходил из Коммерческого клуба, неожиданно окружили военные, насильно усадили его в поджидавший автомобиль и увезли на конспиративную квартиру, где издевались над ним, как над эсером, и где подвергли его жесточайшим пыткам, требуя, чтобы он указал, куда спрятал принадлежащие «С'езду» деньги (в распоряжение

Моисеенко «С'езд» передал три миллиона рублей). В конце-концов военные задушили Моисеенко, а труп бросили в Иртыш.

85) К тому времени уже успела образоваться военная организация, поставившая себе целью «изничтожить» членов Учредительного Собрания. Начало было положено убийством Моисеенко.

86) «Я молчал». «Демократ» Болдырев «красноречиво» молчал, когда нужно было говорить, ибо уже очевидно было, что надвигается реакция. Болдырев «молчал», когда даже кадет Виноградов считал своей обязанностью «говорить» и поддерживать линию Авксентьева. «Молчал» же Болдырев потому, что вопросу о разгоне Сиболдумы предшествовал его разговор с Ноксом и Степановым, а последний довольно откровенно намекнул, кто тот русский генерал, «которому доверяют союзники». «Это было первым искушением. Я отнесся к нему спокойно»,—говорит Болдырев (см. 82 стр. текста), уверенный, что именно его англичане метят в российские диктаторы. Раз была такая уверенность, а вместе с тем и желание диктаторствовать, то оставалось только «молчать», чтобы вскоре свалить демократию.

87) Когда Вологодский на Дальнем Востоке договаривался с Хорватом, он подписал оставшееся неопубликованным обязательство, второй пункт которого гласит:

«Управление Дальним Востоком должно быть централизовано и во главе управления должен быть поставлен, в качестве генерального комиссара, генерал Хорват».

Вот это обстоятельство Вологодский и выполнил, добившись издания закона об учреждении на Дальнем Востоке Верховного уполномоченного и о назначении на этой должности Хорвата.

Этот закон не мог, конечно, нравиться Болдыреву, который в конвенции с Ноксом и в своем обращении к союзным державам (см. примечание № 83) требовал права и на Дальний Восток.

88) *Атаманская станица*—пригород Омска.

Жардецкий—кадет, адвокат, в Омске принимал участие в антисоветском движении с самого начала Октябрьской революции. После чехо-словацкого переворота был первым, кто начал проповедывать применение военно-полевых судов для большевиков. Жардецкий возглавлял в Сибири крайние правые круги и был идеологом черносотенного контр-революционного движения. В 1920 году жил нелегально в Иркутске, где был арестован, привезен в Омск и казнен.

89) Вместо слов: «Чернову мы знаем цену» в дневнике сказано: «Чернова мы так же презираем, как и вы».

90) Опущены следующие слова дневника: «Пил там чай. В 10 поехал в Правительство. Авксентьев и Зензинов сидели в кабинете у Кругликова, повидимому, сильно где-то урезавшегося. Мне сделалось противно, ушел к себе в кабинет». *Кругликов А.*—управляющий делами Директории.

91) Опущены слова: «Все еще хмельной».

92) В дневнике сказано: «Видимо, это отвечает психологии народа».

93) *Гревс, В. Э.*—петроградский нотариус. В 1918 г. Гревс решил эмигрировать. По дороге в Америку он застрял во Владивостоке, где Вологодский пользовался его услугами в качестве переводчика при переговорах с союзниками.

Деятельность Гревса прошла совершенно незаметно в Сибири. При Колчаке Гревс проживал в Японии, исполняя дипломатические поручения колчаковского правительства.

94) Последняя фраза записана в дневнике так: «Я оборвал и рекомендовал им говорить в частном порядке, или не касаться армии».

95) Система эта была принята постановлением Временного Сибирского Правительства от 15 июля 1918 года и предусматривала 5 корпусных районов и округов: 1) Уральский (Челябинск); 2) Степной (Омск); 3) Средне-Сибирский (Томск); 4) Восточно-Сибирский (Иркутск) и 5) Приморский (Хабаровск).

Для охраны государственного порядка и общественного спокойствия в корпусных районах учреждена была сеть особых начальников. Преобладало, таким образом, военное управление.

96) Как видно из протокола этого заседания, первый пункт вызвал оживленные прения. В частности, Авксентьев был против включения слов «и областные предста-

вительные учреждения», вокруг которых, главным образом, и происходили прения. Болдырев держался точки зрения Вологодского и других.

Болдырев говорит, что этот акт—«крупная победа, достигнутая исключительно авторитетом Правительства»... «но только не Директории», следует добавить.

97) После выбора Директории Комуч, выехавший в Екатеринбург и преобразовавшийся в «С'езд Членов Учредительного Собрания, сохранил, правда, в сильно сокращенном виде свой «Совет управляющих», который находился в Уфе и во главе которого, как Уполномоченный Директории, стоял Знаменский. «Совет» этот временно управлял территорией Комуча. Тот акт, о котором говорили в предыдущем примечании, упразднил, наконец, и это иллюзорное областное правительство.

98) Опущена следующая запись: «Пришлось сделать резкое замечание полковнику Щепихину, пожелавшему мне по аппарату, как доброму знакомому, «Добрый вечер».

99) Эти слова указывают на то, что Болдырев уже тогда придерживался чисто японской ориентации. Что же касается Колчака, то, в конце-концов (см. прим. № 36), и он вынужден был ориентироваться на японцев.

100) Состав нового Совета министров был следующий: Колчак—военный и морской, Ключников—иностранных дел, Сапожников—народного просвещения, Старынкевич—юстиции, Устругов—путей сообщения, И. Михайлов—внутренних дел и Шумиловский—труда.

101) *Джон-Уорд*—бывший рабочий, «тред'юнионист», член «рабочей партии». Во время империалистической войны Уорд пошел в армию, получил чин полковника и командовал 25 батальоном Мидльсекского полка. Вместе с этим батальоном он и приехал в Сибирь. «С ним больше хлопот, нежели помощи от него»—говорит Болдырев, но Колчаку Уорд оказал много помощи и много услуг. Это его «пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела в помещение русской главной квартиры», когда в декабре произошло в Омске восстание, приведшие всех колчаковцев в большое смятение. Мидльсекские стрелки Уорда были всегда готовы выступить на защиту Колчака.

Уорд написал книгу «Союзная интервенция в Сибири», в которой он изложил свою деятельность в Сибири и в которой поет хвалебные гимны Колчаку, осуждая союзников, допустивших казнь Колчака.

102) Эта фраза в дневнике записана так: «Эти умники ничему не научились и начинают свою предательскую работу снова».

103) *Брешко-Брешковская, Е. К.* родилась в 1847 году. Участвует в революционном движении с 1873 г., а в 1878 г. по процессу «193» получила 5 лет каторги, которую отбывала на Каре. Вернувшись из Сибири в 1896 году, она снова начала принимать активное участие в революционном движении, и, как ярая сторонница политического террора, в 1902 году примкнула к эсеровской партии, членом Ц. К. которой неоднократно состояла. После февральской революции Брешковская заняла в эсеровской партии крайне-правый фланг, и, как ярая противница советской власти, ушла после октябрьского переворота в ряды контр-революции. За свою прежнюю революционную деятельность Брешковская прозвана «Бабушкой русской революции», за деятельность же по подготовке чехо-словацкого антисоветского фронта сибирские контр-революционеры прозвали ее, когда она летом 1918 г. приехала в Сибирь, «бабушкой чехо-словацкого войска».

104) Опущены слова: «Сильно, видимо, страдает бабушка за родную землю. Храни ее бог!»

105) В развитие «граматы», о которой говорится на стр. 90, сибирское Правительство вынесло следующее постановление:

«В виду связанного с передачей Верховной власти Временному Всероссийскому правительству и прекращением существования Сибирской областной думы, учредить особую комиссию по выработке положения о выборах во Всероссийский представительный орган и передать этой комиссии все материалы, имеющиеся по этому вопросу в Сибирской обастной думе».

Как видим, роспуск думы был предрешен. Но глубокомысленный Авксентьев думал, что он перехитрит и умиротворит сибиряков, и, уступая ему, правительство согласилось на комедию самороспуска.

Встреченный при своем появлении овациями, Авксентьев, как курсивом отмечает отчет заседания, «сходит с трибуны при всеобщем молчании». О каком же таком «большом плюсе» может быть здесь речь?

106) Этот перебежчик—Ковалевский.

107) Действительная запись этого места такова: «Героически боролись, но наказаны и погибли от того же яда, который с такой холодной жестокостью привили России».

108) *Пепеляев, Анатолий Николаевич*,—брат Виктора Пепеляева, колчаковского министра иностранных дел, расстрелянного одновременно с Колчаком. Окончив Павловское военное училище, Пепеляев в чине поручика отправился во время мировой войны в действующую армию. Он отличился во многих боях, был награжден георгиевским крестом и возведен в чин полковника. В начале 1918 г. он вместе со своей военной частью приехал на отдых в Томск. Прибыл он в Томск как раз к тому времени, когда томские большевики устанавливали советскую власть. Войска Пепеляева были разоружены и распущены, при чем Пепеляев не оказал никакого противодействия этому роспуску.

Пепеляев добивался у томского Совета назначения на должность коменданта города, но ему было отказано. Весной 1918 г. Пепеляев стал во главе томской эсэро-офицерской подпольной организации. Он подготавливал захват Томска и руководил контр-революционным восстанием в Томске 28 мая 1918 г. Как только советская власть в Томске пала, Пепеляев немедленно приступил к организации отрядов прапорщиков для отправки их в помощь чехо-словакам. Вскоре ему дали чин генерала и поручили формирование, а затем и командование Средне-Сибирским корпусом, который действовал в Пермском направлении. Пепеляеву было тогда 27 лет. Между ним и Гайдой сначала были натянутые отношения. Один, как видно, мешал другому, оба соперничали. 19 июля 1918 г. Пепеляев переслал Гришину-Алмазову из Иркутска шифрованную телеграмму такого содержания: «Категорически заявляю, что полковнику Гайде в смысле преданности Временному Сибирскому Правительству верить нельзя». Впоследствии, однако, Пепеляев изменил свой взгляд и наладил хорошие отношения с Гайдой.

Пепеляев единственный генерал, который не ввел в своей армии погон. Его армия в Колчаковии считалась демократической. Пепеляев не примыкал ни к какой политической партии, но был заражен некоторой дозой сибирского областничества. Ему был чужд военный монархизм, но, тем не менее, он молчаливо признал Колчака, ибо не хотел портить карьеры, так как ему тогда казалось, что вот-вот он первый войдет со своей армией в Москву. Когда же по всему фронту началось отступление колчаковской армии, что выявило полную неспособность Колчака управлять областью и наладить победу, Пепеляев начал становиться к Колчаку в оппозицию. Именно в армии Пепеляева гнездилась та, сформированная офицером Калашниковым, военная организация, которая летом 1919 г. подготовляла переворот, намереваясь на место свергнутого Колчака посадить Гайду.

Пепеляев неоднократно обращался к Колчаку с просьбой созвать в Сибири «Земский собор». Когда Колчак находился в бегстве на восток, то Пепеляев вместе со своим братом возымел даже намерение насильно свергнуть Колчака.

Очутившись на Дальнем Востоке, Пепеляев и там занялся формированием отрядов для борьбы с советской властью. Осенью 1922 г. Пепеляев совершил набег на Якутию. Этот набег был сделан на средства американских промышленников, пожелавших выгодно скупить в Якутии пушнину. Во время этого набега, стоившего много жизней и принесшего советской власти много убытков, Пепеляев был взят в плен Красной армией. В плену Пепеляев раскаялся, и 18 июля 1923 г. обратился к своим бывшим соратникам—офицерам и солдатам—с просьбой сложить оружие и прекратить борьбу с советской властью.

Суд приговорил Пепеляева к смертной казни. ВЦИК амнистировал Пепеляева и заменил приговор десятилетним заключением.

109) Тот батальон, который Пепеляев, едучи на фронт, демонстрировал Болдыреву, состоял, главным образом, из прапорщиков и нижних чинов бывшей царской армии.

110) Болдырев преувеличивает численный размер красных частей и не принимает во внимание качественную сторону. Болдырев совсем не принимает в расчет, что в рядах белых стояли офицеры, прапорщики и опытные командиры, и упускает из вида, что среди командного состава Красной армии находились такие командиры, главным образом, военные из бывшей царской армии, которые играли на руку белым.

111) Воткинцы и ижевцы—так называются белые военные части, составившиеся из распропагандированных эсэрами рабочих Воткинского и Ижевского заводов. Эти отряды были хорошо вооружены и составляли мощные боевые единицы, храбро сражавшиеся под командой Каппеля, с которым и совершили отступление на Дальний Восток, где впоследствии почти все раскаялись и предались советской власти.

112) Болдырев упрекает Директорию, тогда как в действительности он сам стоял за то, чтобы применены были к забастовщикам суровые меры.

113) Хотя часть дневника—от 18 ноября по 27 ноября включительно—носит в книге характер поденной записи, но в действительности, как это видно из особой отметки на дневнике, эта часть была написана автором позднее, когда он уже находился в Токио.

114) Эти «неизвестные лица в военной форме» были красильниковские головорезы-офицеры, которые шли под командой войскового старшины Волкова. Арест произошел в воскресенье 17 ноября на квартире Роговского, которая помещалась в здании ведомства государственной охраны. Это здание обычно охранялось усиленными патрулями отряда Роговского, уверявшего, что его воинская часть, вернее, его полиция, состоит из людей «верных» и «преданных» Директории, из людей, на которых Директория может надеяться, как на «каменную гору». Тем не менее эти «храбрые» патрули сложили оружие и разбежались при первом появлении и по первому требованию красильниковцев. Насколько эти части были преданы Директории, видно из следующего факта: на следующий день к ним в казарму явился сам Красильников, сообщил им о свержении Директории и назначении Колчака диктатором и сказал: «Кто хочет служить Колчаку—пусть останется, кто не хочет—пусть уйдет». Во всем отряде нашелся только один преданный Директории, который и ушел, а все остальные пошли служить Колчаку.

Войдя в квартиру Роговского, красильниковцы застали там Роговского, Авксентьева, Зензинова, а также прибывшую из Архангельска делегацию северного правительства—трех эсэров: Я. Т. Дедусенко, С. С. Маслова и М. А. Лихача.

Как видно, эсэровские фракции—Северного правительства и Директории—информировали друг друга о положении дел.

Не интересуясь приезжими, красильниковцы ограничились только арестом Авксентьева, Зензинова и Роговского. Арестованные были выведены на улицу, где, по словам Авксентьева, их «ждало около 300 вооруженных человек, часть из которых сидела верхами на лошадях». Арестованных силой посадили в грузовой автомобиль и отвезли в штаб казачьего атамана Красильникова. В штабе арестованный Аргунов уже поджидал своих товарищей по несчастью.

Во вторник к арестованным пришел от имени правительства начальник штаба Красильникова, капитан Герке, который сообщил им о колчаковском перевороте и предложил на выбор: арест или изгнание заграницу. Пока арестованные обдумывали, на что решиться, к ним пришел министр юстиции Старынкевич, который, извинившись за причиненное беспокойство, сказал, что весь арест недоразумение, что арестованные совершенно свободны. Всех арестованных доставили на квартиру Авксентьева, поставив «для безопасности» около дома усиленную охрану.

На следующий день на квартиру Авксентьева пришел в сопровождении офицеров Старынкевич, который заявил, что, по распоряжению Колчака, они снова арестованы и если они не желают находиться в тюрьме, то могут быть высланы заграницу. В последнем случае они должны быть готовы к отъезду немедленно.

Вскоре к арестованным явились товарищ военного министра Хорошихин и управляющий министерством иностранных дел Ключников, которые, как утверждает Авксентьев, «по приказанию Колчака», потребовали от арестованных «подписать следующие обязательства»:

«1) Будучи высланы заграницу, мы обязуемся не возвращаться в Россию, пока не будет образовано Всероссийское правительство и пока Россия не будет очищена от большевизма.

2) Мы обязуемся не заниматься никакой политической деятельностью.

3) Мы обязуемся не вести заграницей никакой агитации против Колчака».

Не добившись подписей, Хорошихин и Ключников ушли, но вскоре «вернулись, заявив, что все это было недоразумение, что не требуется никаких подписей, но что через два часа все будут высланы заграницу».

«Нас посадили в автомобиль,—рассказывал потом Авксентьев одному американскому журналисту,—окружили отрядом конных, отвезли на железн.-дор. вокзал и поместили в поезд. Нашу охрану составляли: —15 офицеров отряда Красильникова, около 30 солдат, отряд пулеметной команды и 12 английских солдат с офицером. Последние были присоединены к отряду, так как мы настаивали на международных гарантиях нашей безопасности. Когда поезд тронулся, офицер—начальник конвоя—показал нам инструкцию Колчака, в которой говорилось, что мы должны содержаться под строжайшим арестом и не иметь никаких сношений с внешним миром. В случае попытки к побегу или при попытке освободить нас извне, мы должны быть расстреляны на месте. Через шесть дней мы достигли китайской границы и были выпущены на свободу».

В заключение нам остается только добавить, что по распоряжению Колчака каждому из высланных были выданы на расходы 50 тысяч рублей, а Аргунову, обремененному семьей 75 тысяч рублей.

115) Вот точный текст письма к Колчаку и приказа войскам по оригиналам, которые хранятся в Сибархиве:

«Ваше высокопревосходительство
милостивый государь
Александр Васильевич!

Не считая возможным при сложившихся обстоятельствах находиться более на территории Сибири, я решил в самом непродолжительном времени выехать заграницу, и затем на Украину. В виду сего прошу распоряжения:

1) О передаче по телеграфу прилагаемого при сем прощального обращения моего к войскам и опубликования его в печати. Обращение это об'яснит бывшее до сих пор молчание с моей стороны, имевшее целью сохранение спокойствия на фронте.

2) О выдаче мне и сопровождающим меня лицам: секретарю Г. Шмелинг, ад'ютантам ротмистру Гуковскому, штабс-капитану Баевскому и обер-офицеру для поручений корнету Тюмянцеву заграничных паспортов.

3) О выдаче причитающегося мне и лицам, меня сопровождающим, содержания за ноябрь месяц и двухмесячного содержания, применительно к закону для лиц, оставляющих службу.

Если бы вы пожелали выслушать мою более подробную характеристику положений на фронте и оценку настроений политических кругов в прифронтовой полосе в связи с происшедшими событиями, я охотно это исполню.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Омск 21|XI 18 Готовый к услугам В. Болдырев.

«Главкозап, Генералу Дутову, Командарм Сиб.

Уходя из рядов доблестной армии, завещаю помнить, что будущее России на фронте и в создании единой сильной, боеспособной армии. Будет прочен фронт и крепка духом армия—будет обеспечено и воссоздание великой России.

Прошу передать всем офицерам, солдатам и казачеству мою признательность за их доблестные и великие труды.

Главнокомандующего генерала Сырового прошу передать мой братский привет доблестным чехо-словакам за их незабываемую помощь России.

21 ноября, Омск.

Генерал-Лейтенант Болдырев».

116) Точная запись дневника: «Хамье из ставки».

117) Точная запись дневника: «Рожа веселая».

118) Точная запись дневника: «Сегодня новая измена и низкая бестактность».

119) Опущены слова: «Прощаясь, я сказал, что в тяжелую минуту я, не принимая участия в правительстве, от командной роли не откажусь».

120) Какая «законная власть», о какой «преемственности» говорит Болдырев? Ведь даже та история, которую пишет Болдырев, не дает основание считать Директорию «законной» и еще менее «преемственной» властью.

121) Утверждать, что при Директории да и вообще когда либо население Сибири было социально и политически довольно однородное»— по меньшей мере наивно.

122) «Люди, составлявшие Директорию, пытались обойтись без расстрелов и казней, не хотели особенно злоупотреблять и тюрьмой»... Неправда! Расстреливали — да еще как! Тюрьмы же были переполнены, но кем?—не мародерами тыла, а большевиками.

123) Болдырев ставит в актив Директории и такие «доблести», которые произошли не по его вине. Ведь это будущие колчаковцы заставили Директорию добиться «добровольного самороспуска» Сибоблдумы и «самоупразднения областных правительств». Директория, говорит Болдырев, «расширяла свое влияние за пределы ее территории». Чушь! Никакого влияния у нее не было, иначе ее бы поддержали. Что же касается территории, то она была «столь обширна», что для членов Директории и ее учреждений не нашлось даже в Омске приличного жилого помещения, а только этими помещениями и ограничивалась территория Директории.

124) Атаман Семенов (см. прим. № 48) солидаризировался с переворотом, но заявил, что согласен признать верховным правителем Деникина, Хорвата, даже Дутова, только не Колчака, с которым у него были личные счеты.

125) *Унгерн-Штернберг*, барон-авантюрист, во время мировой войны был исключен из действующей армии и сослан на жительство в Томск, где пробыл до февральской революции. Одновременно с Семеновым Унгерн командирован был Керенским на Дальний Восток для формирования антибольшевистских отрядов. Особенно большие размеры приняла его контр-революционная деятельность с лета 1920 г., когда он со своими отрядами утвердился в Манчжурии, откуда совершал неоднократные грабительские набеги на советскую территорию. Одно время Унгерн пользовался поддержкой монгольских властей. В 1922 г. Унгерн был взят в плен и привезен в Новониколаевск, где суд вынес ему смертный приговор, который и приведен был в исполнение.

126) Опущены слова: «И что теперь готов вернуться на пост верховного главнокомандующего и что пусть об этом позаботится правительство».

127) Вместо последней фразы в дневнике записано: «Вот и великолепно, напомните Омску, чтобы он больше думал о пользе дела, а не о переворотах».

128) Конец этого отрывка гласит по дневнику так: «Встречено это проявление «твердой» власти скорее весело, чем серьезно. Кто-то посоветовал послать адмиралу соли, чтобы сделать морскую воду в ванне, и бросить туда красивым жестом кортик, благо Иртыш замерз. Это закончило бы цикл мероприятий».

129) Дальше следует по дневнику: «Я заверил, что могу принять только чисто командную должность, но он сам понимает, что узурпаторы мне фронта не доверят».

130) «Бестактностью» Болдырев называет колчаковский «Приказ № 61». Вот текст этого приказа, изданного в Омске 1 дек. 1918 г.:

«§ 1. Командующий 5-м отдельным приамурским армейским корпусом полковник Семенов за неповиновение, нарушение телеграфной связи и сообщений в тылу армии, что является актом государственной измены, отрешается от командования 5-м корпусом и смещается со всех должностей, им занимаемых.

§ 2. Генерал-майору Волкову, Сибирского казачьего войска, подчиняю 4-ый и 5-ый корпусные районы во всех отношениях на правах командующего отдельной армией, с присвоением прав генерал-губернатора, с непосредственным мне подчинением.

§ 3. Приказываю генерал-майору Волкову привести в повиновение всех неповинующихся Верховной власти, действуя по законам военного времени.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак».

На помощь Волкову был командирован также Иванов-Ринов. Семенов, однако, не испугался. Этот приказ развязал ему руки. Он не только прервал телеграфное сообщение Дальнего Востока с Омском, но стал задерживать поезда и даже забирать из казначейства деньги. «Русский Голос»—газета Семенова—всячески оскорбляла Колчака, предлагая Семенова на пост Верховного правителя.

Колчак решил дать отбой и постановил послать комиссию для расследования степени виновности Семенова. Комиссия попала в такие условия, что решила как можно скорее убраться из Семеновской территории. Но вот на Семенова было произведено покушение: осколком бомбы, брошенной в театре, Семенов был слегка ранен в ногу.

Колчак воспользовался этим удобным случаем, чтобы сделать благородный жест: выполнение приказа было «приостановлено».

131) «История» это имела некоторое основание. Дело в том, что агенты донесли Колчаку, что Болдырев имеет встречи с эсерами и земцами и ведет с ними переговоры на предмет свержения Колчака при помощи японцев. Утверждают, что агенты в своих донесениях не ошибались. Утверждают также, что Болдырев от подобной авантюры отказался, ибо не видел тогда никакой реальной русской силы, а действовать при помощи интервентов, в данном случае японцев, Болдырев почему-то не захотел.

Но как бы то ни было—Колчак испугался. Помимо телеграммы, которую получил адъютант Болдырева, была послана секретная телеграмма на имя командующего войсками Приморской области, Х. Е. Бутенко. Текст этой телеграммы был, приблизительно (привожу ее со слов Бутенко), следующий: «Выселите Болдырева заграницу, в случае нежелания—арестовать и насильно выслать».

Бутенко был учеником Болдырева по академии генерального штаба. Действовать натиском против своего бывшего учителя Бутенко не желал.

— Вы хотите меня арестовать?—спросил Болдырев у Бутенко, когда последний явился выполнить распоряжение Колчака.

— Ни в коем случае. Хочу только быть вам полезным в вашей поездке заграницу, вежливо ответил Бутенко.

Болдырев попросил отсрочку на три дня. Бутенко согласился и задержал ответ Колчаку. Через три дня Болдырев уехал.

132) *Исомэ*—известен тем, что особенно усердно проводил на Дальнем Востоке интервентскую политику Японии.

133) Опущены слова: «Было достаточно шампанского».

134) Опущены слова: «Ко мне заходил В. Д. Высоцкий (крупный богач. *В. В.*) сообщить, что, в виду его отъезда во Владивосток, мои деньги он передал Гинзбургу. Чрезвычайно милый и обязательный (?) человек».

135) Опущены слова: «А силы большевиков не настолько серьезны, чтобы для их уничтожения потребовалась целая армия союзников».

136) Вместо последней фразы в дневнике записано: «Хагино подтвердил, что действительно японское командование желало бы моего возвращения в армию для ее переустройства».

137) В дневнике сказано: «Циничной».

138) Последняя фраза занесена в дневнике так: «Я в принципе согласился, но Т. предварительно должен переговорить со мной».

Как видим, Болдырев, через подставных лиц, через Гинзбурга, начинает зондировать почву у американцев.

139) Речь идет об интервью, которое Авксентьев дал в Токио корреспонденту «New-York Herald» Герману Бернштейну. Это интервью было напечатано в токийской газете «The Japan Advertiser» в номере от 28 декабря 1918 г. Изложив обстоятельства ареста и низвержения, Авксентьев утверждал, что «Все было сделано с ведома Вологодского, Старынкевича, Михайлова, Гинса, Тельберга и, конечно, Колчака», который преспокойно вернулся с фронта в день нашего ареста». Эти именно слова и приводили в смущение колчаковского представителя в Токио.

Омское правительство дало, однако, ответ на это интервью особым сообщением, в котором об'яснило, что переворот был вызван антигосударственной политикой эсеров.

140) Опущены слова: «Теперь этого не делает будто бы потому, что и без того играет здесь первую скрипку».

141) Это место в дневнике занесено так: «Был М. А. Гинзбург, просит завтракать в пятницу. Слегка зондировал мои намерения и условия, при которых было бы возможно мое сотрудничество в Омске. Он, кажется, хочет пощупать настроение Крупенского, американцев, особенно их здешнего посла Морриса».

142) Здесь речь идет об убийствах и расстрелах, которые совершены были колчаковцами в Омске 22-23 декабря в связи с восстанием. Это восстание подготовлялось подпольными коммунистическими организациями. Колчаковская охранка своевременно пронюхала и накануне восстания арестовала группу большевиков-рабочих в 42 человека. Это обстоятельство побудило руководителей отменить восстание, но об отмене не успели предупредить всех, вследствие чего в некоторых районах восстание все-таки вспыхнуло. Выступившие захватили областную тюрьму и освободили арестованных. Среди освобожденных были и члены Комуча, арестованные в связи

с колчаковским переворотом в разных городах Урала и Сибири и сконцентрированные в омской тюрьме.

Вспыхнувшее восстание привело в смятение колчаковцев, которые, однако, скоро оправились, стянули крупные военные силы (на помощь пришли стрелки Уорда и чехо-словаки) и учинили восставшим кровавую баню. Свыше тысячи рабочих было в эту ночь убито в Омске и в Куломзино (пригород Омска). Затем начал работать военно-полевой суд.

Арестованные, освобожденные восставшими из тюрьмы, скрылись. По официальному сообщению освобождено было около 200 человек, из них 150 политических. Начальник гарнизона издал приказ, которым предложил вернуться в тюрьму всем, ушедшим из нее во время восстания. Неявившимся приказ угрожал расстрелом. Ушедшие из тюрьмы учредиловцы самовольно вернулись. В ту же ночь они были вывезены из тюрьмы, доставлены в суд, который им вынес смертный приговор, приведенный под утро в исполнение. Как выяснилось, военщина, желая освободиться от ненавистных им учредиловцев, расправилась с ними по собственному почину. Так, в эту ночь погибли Маевский, Кириенко, Девятов, Фомин, Брудерер и некоторые другие учредиловцы.

Все колчаковские документы, относящиеся к этому делу, опубликованы под заголовком «Омские события при Колчаке» в 7 и 8 томах журнала «Красный Архив» за 1925 год.

143) Когда чехо-словаки ушли с фронта в тыл, Гайда, желавший остаться на фронте, получил от Стефаника разрешение поступить на русскую службу. «Вексель», о котором говорит Болдырев, заключается в следующем. Гайда, как известно, содействовал Колчаку совершить переворот. Колчак обещал Гайде, что передаст ему командование армией—это именно тот вексель, о котором Болдырев (см. стр. 116) намекнул Колчаку. Теперь, когда Гайда поступил на русскую службу, Колчаку предоставился удобный случай погасить этот вексель, что он и сделал, поручив Гайде командование Сибирской Армией.

Не лишним считаем здесь отметить, что в то время Колчак верил в искреннюю преданность Гайды и, поэтому, всячески благоволил к нему.

Генерал К. Сахаров (см. «Белая Сибирь», стр 80) передает, что Колчак в присутствии Сахарова и Лебедева обнял Гайду, расцеловал и затем, обращаясь к свидетелям сцены, сказал: «Вот что, слушайте, я верю в Гайду и в то, что он многое может сделать. Если меня не будет, если бы я умер, то пусть Гайда заменит меня».

144) *Матковский*—генерал типа Красильникова, Волкова и др., вместе с которыми участвовал в свержении Директории, в «варфоломеевской ночи», как называются омские ночи 22 и 23 декабря 1918 года, и в ряде других расправ и экспедиций. Матковский попался в плен, казнен в Омске в 1920 году.

145) «У Гинзбургов живут по-царски».

146) Решительность—это, несомненно, плюс. Нужен был, как видно, урок Колчака, чтобы Болдырев убедился в этом. Что, однако, несуразно,—это сравнение «в духе большевиков». Если бы Колчак так действовал, то «колчаковщины» не было бы.

147) Пропуск: «Обедал у Высоцких. Милые они люди, но тоже ищут себе уголка на белом свете».—Эти «милые люди» боялись жить во Владивостоке.

148) Последней фразы в дневнике нет. Эта фраза написана уже в Сибири, когда текст дневника подготовлялся к печати.

149) «*Шиогуны*—наиболее влиятельные из феодальных князей, которые до укрепления власти императора были фактическими правителями Японии» (это примечание, случайно не попавшее в текст книги, принадлежит В. Болдыреву).

150) Опущены слова: «Пели хорошо, хотя впечатление, главным образом, усиливалось потому, что это пели бывшие язычники-японцы».

151) Опущены слова: «Если эта не пустая сплетня, то хороши (эти) мерзавцы—убирают все, что мешает их авантюре и мелкому эгоизму. Огорчило это меня очень».

В примечании 131 мы указали, что Болдырева действительно арестовали бы, если бы он не уехал из Владивостока.

152) Последние слова в дневнике изложены так: «и боится возвращения большевизма с будто бы (уже) решенным уходом союзников».

153) Это генерал Хагино.—Почему вдруг автор решил законспирировать его—нам неизвестно.

154) Опущены слова: «Я благодарил».

155) Слов: «что мне представляется наиболее вероятным» в дневнике нет. Эти слова вставлены, когда подготовлялась рукопись к печати, когда, следовательно, не было уже нужды предсказывать, что власть «не укрепится».

156) Опущены слова: «особенно, когда сам хорошо не знаешь, что в данную минуту необходимо для ее блага».

157) Эта фраза, особенно резко подчеркивающая стремление Болдырева придерживаться в пику Колчаку японской ориентации, в дневнике записана так: «На мое замечание, что реальная сила пока на Востоке только у японцев и что нам нет расчета делать ее враждебной, Крупенский живо ответил» и т. д.

158) Болдырев действительно разошелся с Колчаком по этому вопросу, но только формально, ибо Болдырев сам ведь стоял на той позиции, что главное командование должно иметь представителей и от интервентов. Болдырев только предлагал, чтобы один из двух начальников штаба был обязательно японец. Что же касается вопроса о назначении Жанена, то надо помнить, что интервентские тиски создали такие условия, при которых Колчак просто вынужден был передать главнокомандование Жанену.

159) Опущены слова: Взял из банка деньги. Они текут здесь, как вода. Хорошо иметь текущий счет, и, право, приятно прожить, хоть и недолго, вне тревог и среди комфорта. Сколько я натрепался за эти пять лет!

160) Опущены слова: «Я очень удивился, увидев здесь Курбатова, но сразу понял, что он откуда-то имеет сильные рекомендации и успел уже в японских военных кругах завязать довольно сложные отношения. Я просил его заехать ко мне после обеда».

Заметив, что есть человек, который может сыграть роль связующего звена с японскими военными кругами, Болдырев решил поближе познакомиться с ними.

161) Опущены слова: «Большой юдофоб, имеет какие-то документы по этому вопросу».

162) 23 января 1919 г. советское правительство получило радио, в котором некоторые державы Антанты сообщали о своем намерении созвать на Принцевых островах (в Мраморном море) совещание для разрешения русского вопроса. Радио приглашало все правительства, находившиеся тогда на Российской территории, прислать на конференцию своих представителей. Обсуждаться должен был вопрос о прекращении гражданской войны. Советское правительство выразило готовность вступить в переговоры. Это согласие Колчак, Деникин и остальные «российские правители» расценили, как признание советской властью своего бессилия вести дальнейшую борьбу, а потому и отказались от участия в конференции, которая, таким образом, и не состоялась.

163) Слов «и то, что он сейчас вытворяет», в дневнике нет.

164) *Мури*—адъютант барона Мегата.

165) В дневнике фамилия финансиста названа— это миллиардер Морган.

166) Опущены слова: «Утром Курбатов был у генерала Уехара, начальника генерального штаба, и излагал ему проекты будущего японо-русского соглашения».

«Верхи японцев»—это, конечно, Уехара и Танаки.

167) Опущены слова: «к ним все более и более склоняюсь и я».

168) Зовут этого промышленника Ст. Ив. Колокольников.

169) Вместо слов: «Военные верхи Японии», в дневнике записано: «Японцы (главным образом, Танака и Уехара)» и т. д.

170) «Оба К.»— это Колокольников с женой —как сказано в дневнике.

171) Опущен следующий текст: «В Камакуре встретили за завтраком посла Крупенского, который почему-то быстро исчез. Курбатов это принимает на свой счет. Мы успели с ним обменяться лишь несколькими фразами о его недавней встрече с японским военным министром Танакой».

Крупенский, как представитель колчаковского правительства, находящегося в натянутых отношениях с японским правительством, не мог, конечно, на виду у всех находиться в компании лиц, чрезмерно японофильствующих.

172) Опущены слова: «Передал при письмах и военному министру и начальнику штаба».

173) «К»— это все тот-же Степан Иванович Колокольников.

174) Этот отрывок в дневнике заканчивается словами: «Вот они—российские политические противники!»

175) *Вашингтон, Джон*—(1732-1799 г.) организатор борьбы за освобождение Америки от Англии.

С легкой руки А. В. Сазонова (см. примечание № 11), брошенные им по адресу Колчака слова «русский Вашингтон» стали в Сибири крылатым выражением.

176) Последующие четыре строки заменяют следующий интересный отрывок дневника:

«Нокс, тайно мечтавший об осуществлении у нас небольшого еврейского погромчика, с другой стороны, предлагал нашим иерархам, и здешнему Сергию и омскому Сильвестру, открыть нового Христа для народного воодушевления. Кощунство или презрение к нашему народу? Любопытно настроение баронета теперь, когда идут вести о возможности погромчиков, но уже в его собственной стране, и не евреев».

177) Вместо этой фразы в дневнике записано: «Надежда на самих себя и только на себя, но в этих условиях возрождение еще впереди, пока большевизм не изжил сам себя».

178) Запись начинается словами: «После завтрака ездил в Токио, был в конторе у Гинзбурга, беседовал по общим вопросам, посоветовал взять деньги из сибирского банка и перевести сюда».

179) Речь идет о декабрьском восстании в Омске (см. прим. № 142). Предположение, что сибирские казаки будто бы не хотели принять участия в подавлении восстания, не соответствует действительности.

180) Вместо этих двух строк в дневнике читаем мы следующую запись: «В орбиту Курбатова попали Семенов и Иванов-Ринов. Последний даже, как возможный заместитель «бороды» (Хорвата). Видимо, и мне отводится место, но я на всякий случай заявил, что «под Семеновым быть не могу, если буду, то над ним». Видимо, с Дальне-Восточным государством что-то зреет, будто бы у Семенова три корпуса".

181) Опущен следующий конец записи: «Ищет возможности поселиться в нашем отеле. Что она, видимо, истеричка,—это верно, но Махин думает, что она агент какого-то челябинского штаба. Может устроить, по его мнению, гадость во имя Николая, который, по ее убеждениям, только и спасет Россию. Итак, я теперь не только «социалистический генерал», но уже и в Совдепии, кстати сказать, присудившей меня к трем годам тюрьмы и считающей меня одним из своих лютых врагов, особенно за создание восточного фронта. Вот оно, карканье черной стаи! Оно столь же опасно для строительства России, как и тот красный кошмар, который второй год давит и душит бедную родину».

182) Опущены следующие слова: «Днем заходила М. Ф. Соловьева, просила разрешения какому-то господину Ой, молодому образованному японцу, сторонникурусско-японского соглашения, мне представиться. Я, конечно, ничего не имел против».

183) Опущены слова «Дурные вести».

184) Последняя фраза в дневнике записана так: «Ей (России), видимо, суждено и дальнейшее большевистское властвование».

185) «М»—это «инженер Мейерович».

186) Из этой поденной записи Болдырев опустил строки, касающиеся его знакомства с Яроцким, о котором говорит, что «он, кажется, был помощником градоначальника в Петрограде еще при царском режиме» и сейчас направляется в Америку. «Яроцкий,—пишет Болдырев,—видимо, чует здесь поживу, очень обрадовался знакомству со мной, просил во вторник пообедать у него, а ведь, вероятно, дошли до него вести о «социалистическом генерале».

Болдырев не замечает того, что японцы к нему подослали разведчика Ой, а колчаковцы — полицейского Яроцкого. И с каждым из них Болдырев ведет разговоры.

187) «Я»—это «лейб-казак Янов».

188) Опущены слова: «Гуковский (ад'ютант Болдырева) уверяет, что к нему (Янову) первым примчался приветствовать наш посол Поклевский. Что-ж, может быть, хоть это оживит его незавидную участь представителя непризнаваемых правителей».

189) Опущена фраза: «Долго беседовали с Мейеровичем о дружбе Сергия с Гурляндом».

190) Лига наций создалась в 1919 г. по инициативе президента Сев. Амер. Соед. Штатов Вильсона. Это—организация, служащая в руках держав согласия орудием для укрепления своей мощи и своего влияния.

191) Пропуск: «Принесли радио из Сан-Франциско от Авксентьева. Шлют всем привет. Их там, судя по газетам, довольно бесцеремонно задержали до выяснения причин их изгнания».

192) Своеобразная, однако, эта была «информация», ибо в действительности она обслуживала не Болдырева, а японцев и колчаковцев, поставив их в полнейшую известность о настроениях, намерениях и планах Болдырева.

193) Опущена заключительная фраза: «Здесь Нокс спасает Россию, а там его соотечественники постепенно скушают Персию».

194) Опущены слова: «С просьбой походатайствовать пред японским военным министром о разрешении ее арестованному мужу выехать в Японию, и другую телеграмму, что» и т. д.

195) Опущены слова: «По части ареста, главным образом, орудует по прежней своей специальности помощник Хорвата, генерал Иванов-Ринов, исполнитель Бутенко».

196) *Радко-Дмитриев*, генерал, болгарин, демонстративно поступивший в начале мировой войны на русскую службу.

197) Опущены слова: «Гуно совершенно разделяет мои взгляды на положение дел».

198) Опущены слова: «Я ему заметил, что решительные меры против инакомыслящих не характеризуют слабость омского правительства».

199) Опущены слова: «Он все время задним умом крепок».

200) Опущены слова: «И еще может быть, что в будущем она будет помогать англичанам, да и им, японцам, пригодится, как добрая соседка».

201) Опущены слова: «Видимо, этому молодому чеху придется сыграть роль в настоящих судьбах России». Дальше читаем мы в дневнике следующий абзац: «Чувствую, что дольше тянуть это неопределенное положение нельзя. Из грустных размышлений вывел меня визит Г. Оболенского, просил позволения зайти с важным делом, предупредить, что в четверг на завтраке будем мадам А., которая будто бы состоит агентом большевиков. Странно, что это неизвестно В. Н., и он пригласил ее на завтрак. Во всяком случае предупреждение весьма не лишнее. Не знаю, насколько искренен Оболенский, заявивший, что японцы от меня в восторге, и едва ли помирятся с Колчаком, даже при изменении симпатий в их сторону».

Разговоры о большевистском агенте, конечно, чепуха. В феврале 1919 г., когда советская власть билась в кольце блокады и контр-революционного окружения, некогда было думать о Болдыреве.

202) Опущены слова: «Опять общий упрек, что я не там, не при работе. Что-ж? Они не знают о подлых приемах, несомненно, с ведома Колчака, сделавших неизбежным мое изгнание. Тот же упрек повторяет и Нокс, тоже отлично понимающий обстановку. Чорт его знает! Издевается или лицемерит?»

203) Вместо последних слов в дневнике записано: «Попрежнему довольно беззастенчиво лгут против Директории».

204) Опущен конец: «А на душе скверно. Тяжело и за общее положение дел. Видимо, и Сибирь не избежит участи Европейской России».

205) Опущены слова: «Тяжело было на душе и, кажется, больше всего от сознания, что наслаждаешься, когда на родине трагедия. Дон-Кихотство это или так и должно быть?»

206) «На что!?» «На диктаторский трон!» Странно, что Болдырев притворяется наивным. Как будто не знает об агитации, которая японофильцами велась вокруг его имени. Ведь заезжал же к Болдыреву Яроцкий и говорил он о каких-то письмах Курбатова.

207) Писал письма «Жанену, Ноксу и другим».

208) Болдырев сделал отступление от дневника, очевидно, для того, чтобы уточнить свои поденные записи, словом, чтобы и читателю выяснить «поставленные интервенцией задачи и, в частности, роль Японии». Но это отступление страдает существенными недоговоренностями. С другой стороны, Болдырев делает попытку обрисовать ту роль, которую он тогда играл в Японии, в слишком безобидном свете, при чем подчеркивает, что и в своей «дипломатической деятельности он

руководился исключительно благими порывами и искренней любовью к «родине». Своим отступлением Болдырев делает также попытку оправдать себя пред современным читателем. Как будто в этом есть надобность. Как будто непонятно, что не простой любознательностью и не чисто академическими соображениями руководился Болдырев, когда в Японии напялил на себя тогу дипломата. Ведь каждый знает, что в то время Болдырев стоял на той позиции, что следует бороться с большевиками до победного конца и что эта победа может, а также и должна быть достигнута. Сам Болдырев тоже признается, что «считал интервенцию» тяжелой, но неизбежной в сложившихся условиях необходимостью. Казалось бы, что, если говорить, так договорить уж до конца, ведь известно, что «быль—молодцу не в укор». А, между тем, Болдырев не договаривает, вследствие чего скрадывается от читателя вся неудача этой дипломатии и сглаживается комичность дипломатической роли, которую Болдырев играл.

Чего ради Болдырев, писавший Колчаку, что хочет выехать на Украину, для своего изгнания избрал Японию? Хотел, скажут, некоторое время отдохнуть от пережитых треволнений среди интересного народа и своеобразно-экзотической природы, которая так манит каждого туриста. Так ли это?

Вторая часть книги почти целиком посвящена описанию того, что интересовало Болдырева, как туриста.

Но некоторые места второй части, места, тщательно очищенные от предательских деталей, которые мы, по возможности, привели в примечаниях, ясно указывают, что не только интересы туриста, но и соображения другого рода направили шаги Болдырева в Японию. Болдырев, видите ли, не мог простить обиду, которую нанес ему Колчак. Руководясь интересами родины и отечества, Болдырев жаждал реванша. Для подготовки же этого реванша Япония, как всякий понимает, была самая благодарная почва.

Америка, Англия и Франция парализовали влияние Японии в Сибири и мешали ей осуществить свои империалистические планы. Япония понимала, что ее руки будут до некоторой степени развязаны лишь тогда, когда не в Чите, а в Омске будет сидеть «свой» человек. Семенов же был слишком мелок для такой роли. Но вот в Японию приезжает Болдырев. «На ловца и зверь бежит!» И «верхи Японии» решили для своих целей использовать Болдырева, того Болдырева, который, в свою очередь, нуждался в Японии. «Сердце сердцу весть подает». И понятно, если скоро и создалась атмосфера, необходимая для того, чтобы «верхи Японии» и Болдырев наговорили друг другу комплименты и бросились друг другу в об'ятия.

Первыми организаторами этой атмосферы были два финансовых дельца, Высоцкий и Гинзбург, имеющие большие связи в «верхах Японии» и в других кругах.

Далее. На обеде у Танака (см. стр. 175) Болдырев «к большому удивлению своему» встречает полковника Курбатова (Завойко), человека сомнительной порядочности. Из первых же слов обоим стало очевидно, что они друг другу нужны. Болдырев приглашает его к себе. Курбатов, конечно, приходит и с места в карьер знакомит Болдырева со своим планом русско-японского соглашения. И Болдырев отмечает в своем дневнике (стр. 177): «Мысли для меня не были новыми, к ним все более и более склоняюсь и я». Решают вдвоем работать над осуществлением русско-японского соглашения.

Кто-же мог быть этот Курбатов? Никто иной, как японский агент-информатор. Курбатов был удочкой, а проект русско-японского соглашения, который, вероятно, был составлен в японском штабе, служил наживкой. Болдырев клюнул и попался.

В помощь Курбатову японцы поставили полицейскую ищейку Яроцкого (см. прим. № 186). Последний, правда, числился на службе у Колчака, но, повидимому, это был тайный японский информатор во вражеском колчаковском стане.

Чтобы убедиться, насколько русские информаторы правильно освещают взгляды Болдырева, японцы подослали к нему лицо, заслуживающее большого доверия, художника Ой. Болдырев и его принял и с ним беседовал.

Дабы отвлечь внимание Болдырева от японских агентов, создали легенду о большевистском агенте (см. примеч. 201).

Находясь в сетях изощренной японской дипломатии, Болдырев не замечал, что им «двигают», а глубоко верил, что он «двигает» мировую политику, и был убежден, что даст реванш Колчаку, что получит главнокомандование сибирской армией.

Работать в этом направлении Болдырев особенно усердно начал после разговора с бароном Мегато (стр. 179--180). Вскоре Болдырев изготовил записку (о ней он совершенно умалчивает в книге) под заглавием «Краткие соображения по вопросу о борьбе с большевизмом в России». Было бы заманчиво привести здесь эту записку целиком, но к сожалению, она слишком велика по размеру. Ограничимся поэтому кратким изложением сущности записки:

«Медленный успех борьбы за восстановление порядка и государственности в России,—говорит первый пункт записки, в значительной мере об'ясняется несогласованностью действий союзников и неодинаковым отношением их к тем сложным политическим событиям, которые происходят в России».

Раз'яснив довольно подробно, что «несогласованность действий невольно содействует прочности большевизма, облегчает его пропаганду и переносит заразу далеко за пределы России», напомнив, что «большевизм—мировое зло» и что, поэтому, «борьба с большевизмом является борьбой за сохранение культуры, борьбой цивилизации против варварства и разрушения», Болдырев указывает, что эта борьба «является общим делом всех культурных стран» и призывает союзников об'единиться для этой борьбы.

Болдырев указывает даже «средства борьбы: а) вооруженная сила, б) внутренние реформы».

«Нужны,—говорит он.—союзнические силы, готовые в крайнем случае и для нанесения решительного удара вооруженным силам большевиков. Силы эти могли бы быть организованы: а) для действия совместно с добровольческой армией ген. Деникина с юга России и б) со стороны Сибири с сибирскими войсками. При трудности подвоза войск союзников... для Сибири организация такой армии, казалось, могла-бы быть выполнена силами Японии».

Указав Омскому правительству, что оно должно водворить в Сибири правопорядок и созвать «Сибирский представительный орган», Болдырев предлагает «союзникам, в частности Японии, об'явить о немедленной готовности союзников оказать Омскому правительству полное содействие по укреплению государственного правопорядка в Сибири и по обеспечению дальнейшей организации вооруженной силы, необходимой для борьбы на большевистском фронте и охраны порядка внутри».

Далее мы приводим в извлечениях другие наиболее существенные пункты записки.

«Силами Японии немедленно приступить к организации и переброске в Сибирь 150--200 тысячной армии, из коих 100 тысяч на Уральский фронт, остальные—для охраны порядка внутри Сибири и на железной дороге».

«Предложить остальным союзникам оказать немедленную денежную помощь Японии и снабдить ее необходимыми материальными и техническими средствами».

«Взаимным соглашением Японии и Омского правительства избрать из русских военачальников лицо, об'единяющее руководство боевыми действиями русской и японской армии с двумя начальниками штабов, русским и японским, и с представительством от других союзников».

«Впредь до окончательного сосредоточения японской армии на Уральском фронте и установления прочного порядка в тылу временно воздержаться от широких активных действий силами русской армии и использовать это время на ее окончательную организацию, снабжение и обучение»...

«Ближайшая очередная задача—овладение линией реки Волги».

«Заявить Омскому правительству, что, в случае явного использования его полномочия в интересах каких-либо одних партий или классов в ущерб интересам всего народа, союзные войска выводятся к границам Монголии и Манчжурии, и правительство представляется своим собственным силам»

Эта записка поражает своей наивностью. Сразу замечаешь, что автор ее—человек, плохо разбиравшийся в международной политической обстановке того времени. Могли ли Америка, Англия и Франция допустить, что бы Сибирь и Дальний Восток были целиком отданы на с'едение Японии, а записка, не забудем, требовала, чтобы союзники оказали «немедленную денежную помощь Японии».

словом, чтобы на их деньги Япония японизировала Сибирь и Дальний Восток. «Верхи Японии», понятно, сразу заметили всю наивность этой записки, но она была им на руку. Болдырев только им нужен был для того, чтобы составить такую записку. Ведь эта записка, во-первых, продемонстрировала перед всеми державами, что без помощи японцев не сокрушить «красный призрак», угрожающий цивилизованному миру, а, во-вторых, эта записка дала возможность «верхам Японии» проверить свои сведения о том, как смотрят союзники вообще и каковы отношения каждого из них к интервентским планам и империалистическим намерениям Японии.

Что дипломатический дебют был неудачен, в этом Болдырев, конечно, не преминул скоро убедиться, как скоро он убедился и в том, что японцы далеко не склонны менять на него даже Семенова. Уже 3-го апреля он заносит в свой дневник слова: «Игра временно проиграна».

Долгое время спустя сверкнул, правда, луч надежды, но только на мгновение, а именно тогда, когда 11 января 1920 г. Хагино посоветовал Болдыреву немедленно ехать во Владивосток. «Там вас ждут»,—сказал Хагино. Болдырев, конечно, должен был расценивать слова Хагино в том смысле, что «верхи Японии» взяли, наконец, решительную ориентацию на него, тем более, что, в виду наступавшей смерти Колчаковии, в Сибири нужна была «твердая» рука. Но уже 12 января, в день отъезда из Токио, Болдырев заносит в дневник: «резкое изменение в настроении японцев». «Кто-то быстро и настойчиво менял отношение ко мне японцев»... «В военной агентуре уже начали находить крупные положительные стороны Семенова»... «Семенова хвалит и только что вернувшийся К., организатор русско-японского банка».

И Болдырев понял, что напрасно он так усердно ратовал за японцев. Удовлетворение, однако, давало Болдыреву собственное сознание того, что в своих действиях он руководился исключительно патриотическими соображениями: судьбами отечества, помощью родине, «красной опасностью».

209) Записка, о которой мы говорили в предыдущем примечании, была разослана всем сибирским представителям союзных держав, а также Колчаку, и снабжена сопроводительными письмами. В распоряжении Сибархива имеется копия письма, посланного Колчаку. Вот полный текст этого письма:

«Токио, 20 марта 1919 г.

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь
Александр Васильевич!

Позволяю себе затруднить ваше внимание настоящим письмом.

Из наблюдений местной японской жизни и разговоров, как с военными представите ями, так и с общественными деятелями, я пришел к заключению, что Япония в высокой степени жаждет скорейшей ликвидации большевизма, как опасной заразы для себя, с одной стороны, и, с другой, возможно скорейшего установления порядка у нас, по крайней мере, в ближайших к ним областях. При всех особенностях японского характера я допускаю искренность с их стороны и во втором моем предположении.

Действительно, настоящее положение Японии довольно сложно, если учесть события в Китае и особенно в Корее, да и внутреннее политическое и экономическое положение вызывает усиленные заботы правительства.

Вместе с тем и в Сибири положение Японии, на мой взгляд, гораздо сложнее остальных союзников, она одна ведет активную борьбу с большевиками, несет чувствительные потери, в которых должна отчитываться и пред парламентом, и пред общественным мнением и в то же время не может, видимо, занять среди союзников того места, которого-бы она хотела.

Учитывая эти обстоятельства, может быть, было бы своевременно использовать их в интересах России путем несколько более тесного сотрудничества с Японией.

1. Если нельзя еще пока рассчитывать, что силы собственных войск русских вполне достаточны и для борьбы с большевиками, и для обеспечения порядка в стране, и на железнодорожной магистрали, может быть, было бы полезно побудить союзников к более активной деятельности против большевиков. Затяжной характер

борьбы имеет для нас ту опасную сторону, что это может вконец изнурить и физически и морально ту большую часть русского народа, которая стонет под гнетом большевиков. С другой стороны, окончательно подрывает и экономическое благосостояние страны.

Как ни тяжко сотрудничество в этом отношении чужеземцев, может быть, быстрое вскрытие большевистского гнойника нашло бы себе оправдание да и жертв в конце-концов будет меньше, чем при затяжном характере междоусобицы, которая полтора года уже терзает страну.

Здешние военные круги, видимо, были бы согласны к более активной работе при условии, конечно, согласия остальных союзников и необходимой денежной и материальной с их стороны помощи. В последнем выступлении военный министр Японии необходимую для Сибири цифру войск для борьбы с большевиками определил в 150 тысяч человек, при надлежащем, конечно, техническом оборудовании. Может быть, эту мысль было бы выгодно поддержать.

2. Беспокоит, повидимому, японцев и атаманский вопрос на Дальнем Востоке, благополучное разрешение коего, конечно, тоже весьма желательно.

3. Третий вопрос, о котором мне хотелось сказать несколько слов, это вопрос о народном представительстве. Может быть, было бы своевременным незамедлительно разработать и обнародовать выборы пока хотя бы в представительный орган тех областей, на который фактически распространяется власть правительства. Впоследствии, прибавляя депутатов от вновь отнятых у большевиков областей, постепенно идти к Всероссийскому представительному органу, которым окончательно и утвердится будущий государственный строй России. Необходимо вышибать козыри из рук большевиков, а база для правительства будет крайне полезна и в смысле его престижа у населения, и в смысле скорейшего признания его союзниками.

Извиняюсь, что занимаю ваш досуг. Желаю полного успеха в великом деле строительства Родины.

Уважающий вас **В. Болдырев**».

Это письмо Колчак, насколько нам известно, оставил без ответа. Еще бы! Тогда армия Колчака успешно продвигалась вперед.

Находясь в изгнании, Болдырев заговорил о необходимости «представительного органа», а когда стоял у руля правления, то думал управлять без «народного представительства», содействовал даже разгону Сибирской Областной Думы.

210) Уехавший Г.—это адъютант Болдырева Гуковский, который вез письмо к Колчаку. Гессе—это французский моряк, ехавший в Омск.

211) Опущены слова: «Генерал Романовский прислал» и т. д.

212) Опущены слова: «Если не удастся попасть в иностранную миссию».

213) Вместо последней фразы в дневнике сказано: «Гуковский—это последняя военная прерогатива, напоминавшая прошлое. Теперь я обыватель».

214) Опущен конец: «Проводил Мейеровича, по делам уехал во Владивосток, дал ему письма к Высоцкому и к генералу Романовскому».

215) Опущены слова: «Заходил корреспондент японской газеты. Еле отвязался. Уж и этот не с разведочной ли целью? Он тоже все что-то вертелся около вопросов: из Москвы я или из Омска?»

216) Вместо «Исомэ» в дневнике сказано: «Азиат».

217) Ходили слухи, что Монголия об'единяется с Забайкальем под главенством Семенова, не то в качестве князя, не то в качестве императора.

218) Опущены слова: «Дай бог, если бы из этого вышла польза».

219) Опущены слова: Шалфеев, который был при этом, чуть не наделал глупостей, передав ему свою записку (это была докладная записка японцам, резко настроенная против Омска. *В. В.*). Исомэ успел уже пробежать первую страницу, и я успел отобрать ее у него».

220) Опущены слова: «Одно очевидно, что цели достижения одни и те же, что и у настоящих деятелей Сибири, но работать вместе не можем».

221) Пред словами «оттеснили красных до Белебея» мы в дневнике читаем: «Значит, сибирская армия вполне оправдывает все надежды, которые на нее возлагались».

222) *Зефиров*, министр продовольствия, был уличен в спекулятивных мошенничествах, проделанных в ущерб государственной казне с целью личной наживы.

223) Жена Семенова – певица низкопробного шантана. Своими неприличными проделками она до того оскандалилась, что вынуждена была, по требованию военных, оставить на время территорию Семенова и выехать в Японию.

224) *Чубаков* – полковник генерального штаба.

225) Родственник Болдырева.

226) Опущены слова: «Пришлось надеть военную форму—начал от нее отвыкать».

227) Опущены слова: «Не знаю: из чувства расположения или для информации».

228) Опущены слова: «Я ясно подчеркнул, что дело обстоит несколько иначе, чем они представляют. Положение мое вовсе нежелательно для людей, окружающих Колчака, особенно военных. Делает вид, как будто бы мое согласие на сотрудничество очень важно. Это или провокация, или частное мнение Родзянки».

229) Опущены слова: «Старик, несомненно, умный».

230) Опущены слова: «Если сибирская армия через три месяца рассчитывает добраться до Москвы, пожалуй, этим путем попадешь в Россию скорее».

231) Опущены слова: «Воззвание Терещенко – председателя «Общества Возрождения России».

232) Опущены слова: «Я пытался ему выяснить, что в данных обстоятельствах иного выхода нет».

233) Опущено начало записи: «Послал письмо Родзянко по вопросу о сотрудничестве. Они все упрекают меня за отказ от работы, которой мне никто не предлагал».

Как характерна эта неустойчивость Болдырева! Невольно спросишь, почему вдруг такой поворот, почему вдруг так начал добиваться «сотрудничества?» Не потому ли, что сибирская армия, на неуспехе которой Болдырев строил свою «игру», собирается через три месяца быть в Москве?

234) Опущены слова: «Ни минуты не сомневаюсь, что Омск при содействии союзников устраивает мне плен, выбраться из которого будет, видимо, не легко».

235) Опущены слова: «Обещал содействовать в получении английской визы. Если результат будет тот же, что и у французов, мысль о поездке мне придется отложить».

236) Этот «посол атамана Донского казачьего войска», командуя в Колчаковии армией, не имел счастья пожать лавры на поле брани с Красной армией, но зато он ухитрился прославить себя другими «храбрыми подвигами».

Сычев был в конце 1919 года начальником Иркутского военного округа. 24 декабря, когда поезд Колчака болтался где-то по магистрали, а Иркутский район был охвачен пламенем восстания, Сычев заарестовал группу видных эсеров, которые были интернированы в казармах 12 полка и на которых смотрели, как на заложников, как на гарантию для пропуска колчаковских министров, отрезанных повстанцами от Иркутска.

4 января Сычев получил от начальника семеновских войск, генерала Скипетрова, распоряжение эвакуировать арестованных. 31 человек, среди них учредиловцы—Павел Михайлов и Борис Марков, были привезены на станцию Лиственичное и посажены в трюм парохода «Ангара». Как только пароход, на котором ехал также отряд японцев, выплыл на середину Байкала, начали поодиночке выводить арестованных из трюма. От каждого арестованного брали подписку, что он в течение трех дней выедет из Сибири, затем тут же арестованного раздевали до белья и подводили к корме, говоря, что там ему дадут арестантскую одежду. Стоило только арестованному приблизиться к краю кормы, как казак Лукан оглушал его ударом увесистой дубины по голове, после чего оглушенного или убитого арестованного сбрасывали с кормы в Байкал. Такая участь постигла всех увезенных.

Этот «храбрый» и «доблестный» подвиг военных черносотенцев связан с именем Сычева.

Личную же свою храбрость Сычев проявил в часы падения Колчаковской власти в Иркутске. Когда настал этот жуткий для белых час, то оказалось, что след Сычева, коменданта Иркутска, начальника всего района, давно простыл. Он убежал одним из первых, издав перед этим собственноручный приказ об отступлении.

237) *Краснов, Петр Николаевич*, генерал—при Временном правительстве командовал 3 конным корпусом, с которым и принимал участие в Корниловском походе

на революционный Питер. После Октябрьского переворота опять направил свои войска на Питер, но у Гатчины был разбит и взят в плен. Из плена отпущен под «честное слово», что не будет впредь выступать против советской власти. Слова, однако, не сдержал. Пробравшись на Дон, он поднял казаков против советской власти. Придерживаясь немецкой ориентации, Краснов вошел в соглашение со Скоропадским.

В конце-концов Красная армия разбила все его отряды, и Краснов бежал заграницу, где на досуге занимается литературой.

238) *Драгомиров, А.*, генерал—был правой рукой М. В. Алексеева, и как таковой—принимал деятельное участие в управлении Добровольческой армией. Драгомиров был против того, чтобы юг был расчленен на самостоятельные области. Понятно, поэтому, если к группе Драгомирова относились недружелюбно представители или «послы» атамана Донского казачьего войска.

Кстати заметим, что Драгомиров один из тех трех генералов, которых Болдырев, когда был Уфимским Главковерхом, просил Алексеева послать для работы на Урал и в Сибирь.

239) В дневнике эта фраза записана так: «Всего грустнее, что столь детская расценка событий, видимо, разделяется не только непримиримыми юристами, но даже и кадетами».

240) Опущена следующая фраза: «Как будто не видят люди, что настало иное время страна переживает величайшие потрясения».

241) Опущены слова: «Эта зараза проникла и сюда. Даже «новый» генерал (Сычев), несмотря на всю его скромность, верит в поход».

242) Опущены слова: «У Сычева отлич ная каюта. Везут их действительно хорошо. Оказывается, за счет английского коро ля действительно иногда можно прокатиться. Недаром меня так соблазняет Родзянко».

243) Опущены слова: «Раньше считали, что честного человека окружают мерзавцы, а теперь ясно, что и Колчак такой же».

244) Вместо «социалистов» в дневнике сказано: «За злополучный социализм. Мало знают. Конечно, это иначе и быть не может».

246) Опущены слова: «Натворил он чудес не мало и потерпел крушение с падением Одессы. Поехал будто бы в какой-то Туркестанский поход».

Гришин в действительности ехал к Колчаку, но по дороге был задержан красным отрядом.

247) Болдырев, добивавшийся визы, вдруг приостановил свой от'езд, что, конечно, находится в связи с изменением в худшую сторону положения сибирской армии.

248) «Парижский комитет», назначенный Колчаком в 1919 г., состоял из князя Г. Е. Львова (председатель), С. Д. Сазонова, Н. В. Чайковского, В. А. Маклакова и Б. В. Савинкова. К этому комитету присоединили своих представителей и остальные российские антисоветские государственные образования. Все представители составили, так называемую, «русскую заграничную делегацию», в задачу которой входила «защита национальных интересов России».

249) Автор имеет в виду геройский, с военной точки зрения, подвиг германского вице-адмирала фон-Рейтера, потопившего в конце мировой войны германский флот для того, чтобы он не достался англичанам.

250) Весной усилилось партизанское движение в Красноярском районе. Для усмирения был послан Розанов, который отдал следующий приказ:

«Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания.

Приказываю неуклонно руководствоваться следующим:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличности таковых имеются,—расстреливать десятого.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать: взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т. д.—отбирать в пользу казны.

Примечание: все отобранное должно быть проведено приказом по отряду.

3. Если, при проходе через селения, жители по собственному почину не известят правительственные войска о пребывании в данном селении противника, а возможность извещения была, на население накладывать денежные контрибуции за круговой порукой. Контрибуции взыскивать беспощадно.

Примечание: всякая контрибуция должна быть проведена приказом, при том по отряду. Суммы впоследствии сдать в казну.

4. При занятии селений, по разбору дела, неуклонно накладывать контрибуции на всех тех лиц, которые способствовали разбойникам, хотя бы косвенно, связав их круговой порукой.

5 Об'явить населению, что за добровольное снабжение разбойников не только оружием и боевыми припасами, но и продовольствием, одеждой и проч., виновные селения будут сжигаться, а имущество отбираться в пользу казны. Население обязано увозить свое имущество или уничтожить его во всех случаях, когда им могут воспользоваться разбойники. За уничтоженное, таким образом, имущество населению будет уплачиваться полная стоимость деньгами или возмещаться из реквизированного имущества разбойников.

6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно.

7. Как общее руководство, помнить: на население, явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотреть, как на врагов, и расправляться беспощадно, а их имуществом возмещать убытки, причиненные военными действиями той части населения, которая стоит на стороне правительства.

Генерал-лейтенант **Розанов.**

27 марта 1919 г. гор. Красноярск».

Этот приказ выполнялся с суровой беспощадностью. Достаточно сказать, что в одном Енисейске, который насчитывал 7000 душ населения, в первые дни прихода карателей было казнено 700 человек. Каратели пороли крестьян, сжигали целые деревни.

251) Джонсон не только грозил, но в действительности побил редактора за помещение в газете статей, в которых разоблачался наглый произвол американцев и резко осуждалось их грубое отношение к населению.

Заметим кстати, что Джонсон по происхождению русский, был даже воспитанником Павловского корпуса, но ушел из второго класса и эмигрировал в Америку, где, как видим, аклиматизировался настолько, что стал «настоящим» американцем.

252) Вот текст этих писем, который приводим по оригиналам, хранящимся в Сибархиве:

«Париж, 14/VII-19. 127, rue de Longchamps

Глубокоуважаемый Василий Георгиевич!

Ваше письмо из Токио от 26 марта дошло до нас только в июне. И так как вы пишете, что в апреле собираетесь ехать на юг России, то я и не знал, куда отвечать. Сейчас есть оказия через Японию и Сибирь, и я пользуюсь ею, вместе с Екатер. Конст., которая только что вернулась сюда из Америки, чтобы попытаться ответить вам. Скажу коротко и прямо—мне было больно читать ваше письмо, между строками которого чувствуется острая боль из-за вынужденной бездеятельности. Дорогой Василий Георгиевич, мы все, и я в том числе, испытали те «этические» переживания, о которых вы говорили по поводу Омских событий. Но ведь жизнь сильнее наших переживаний. А она говорит ясно и очевидно, что при настоящих условиях гражданской войны возможна только одна форма власти: только власть военного командования рядом с *более или менее**) обособленным и самостоятельным гражданским управлением, состоящим из людей, пользующихся доверием населения и обслуживающим военную власть всеми тыловыми и военными функциями так, чтобы сама военная власть могла всецело посвящать себя операционным задачам и не смешиваться в гражданское управление или, во всяком случае, не позволять своим подчиненным делать это. В этом состоит мудрость и такт главнокомандующего, ко-

*) Курсивом набраны те места, которые подчеркнуты в письме.

торому не может не принадлежать *вся власть*. Только при этом условии достигается два основных требования—престиж силы, успевающей в войне, и *доверие населения*. Первой у Директории не было, и она не устояла. У южной Добровольческой армии генерала Деникина не было второй, и она уже несколько раз страдала от отсутствия доверия и потому и возрождения большевизма в тылу. А в результате и в Сибири, и у нас на севере, а, вероятно, в будущем и на юге—получается одно и то же. Значит, в этом есть логика жизни. А если это так, ей нужно итти навстречу, стремясь к своей главной задаче—прямой и открытой борьбе с большевизмом. Вот почему я вам прямо говорю—идите и боритесь, хотя бы в рядах той же сибирской армии, которая доказала свою народность, боеспособность, несмотря на страшный недостаток способных и опытных командиров. Пример единства устремлений и воли в борьбе с врагом—есть самый высокий этический мотив, перед которым умолкают все групповые, партийные и товарищеские императивы. Теперь, когда каждый день дорог, когда всякая живая и искренне-преданная сила драгоценна, теперь и я говорю: «Все руки на борт!» и «Слушай команду!»—кто бы мы ни были, лишь бы во главе стоял вождь, способный довести нас до нашей общей цели. В прошлом же будем разбираться по окончании борьбы. С военной точки зрения это для вас, конечно,—азбука, и не мне вас учить. Но то же самое верно и с политической точки зрения. Нас все пугали «реакцией», грядущей в лице военных диктаторов. А теперь оказывается, что настоящая-то реакция грядет совсем с другой стороны: Россия, экономическая Россия, попадает в руки немецких техников, немецких коммерсантов и дельцов, призванных большевиками en masse для восстановления ими же причиненной разрухи, но при удержании в своих руках политической власти. Для немцев упразднены все комитеты и советы, отменены все декреты, им дана почти бесконтрольная власть в экономической сфере. Население же, измученное и голодное, мирится с этим и даже встречает с восторгом, черная сотня аплодирует. Получается трогательное единодушие большевизма, немецчины, реакции и рабства, подобного правлению немецких управляющих при крепостном праве. Вот где глубокая реакция и вот где могила нашей свободы. Против нее все наличные силы должны быть пущены в дело. Каждый день продления власти большевиков кует для нас годы нашего рабства под немецкой пятой.

Так вот, глубокоуважаемый Василий Георгиевич, если в такую минуту есть какой-нибудь выбор, то только между большевизмом и единственной реальной силой, которая провозглашает демократическое государство и учредительное собрание, кто бы ни стоял во главе ее. Но третьего выбора нет, сидеть у моря и ждать погоды нельзя, никто из нас не имеет права. Если в прошлом мы не сумели отстоять свою излюбленную коллективную власть, то в ближайшем будущем нам грозит опасность утерять самые элементарные завоевания права и свободы. И этого история нам не простит.

Если получите это письмо и захотите писать, то напишите на Русское Посольство в Париж или Лондон, где бы я ни был—дойдет.

Крепко жму вашу руку и от души желаю всякого успеха.

Ваш **Н. В. Чайковский**.

Авксентьев, Аргунов, Зензинов, Роговский, а теперь и Астров (временно) здесь. Первые стали опять на партийную работу и разорвали единый фронт, что я считаю преступлением, а я стою на прежней внепартийной почве. Титов и Мякотин в Екатеринодаре. Астров едет в Омск, а я в Архангельск—через 3-4 недели».

«Париж, июля 14, 1919 г.

C. Brechkousky, Rue Longchamps 127, Paris, France.

Дорогой и многоуважаемый Василий Георгиевич! Никогда я вас не забывала и не забуду. Всегда желала и желаю видеть вас в среде ближайших мне людей. А потому, когда сегодня прочла ваше письмо (от марта) Николаю Васильевичу, обрадовалась случаю написать вам, дорогой соотечественник и сотрудник. Мы с вами наработали и пережили достаточно вместе, чтобы знать друг друга и верить друг другу, и о прошлом судим одинаково. Но с тех пор прошло полгода, если не больше, и положение вещей стало несколько иным.

Военачальники наших армий приняли на себя обязательства перед народом и перед союзниками вести войну с большевиками ради созыва Всероссийского Учредительного Собрания, и лишь на этом условии получат материальную помощь от союзников. Земства и кооперации освобожденных мест выразили готовность признать Омское правительство с Колчаком во главе. Отзывы об этом генерале получаются исключительно одобрительные. В то же время высказывают необходимость дать ему сотрудников, могущих поддержать и укрепить направление вполне демократического курса. Просят на помощь честных и умных людей, пользующихся общим доверием, имена и деятельность которых привлекут на свою сторону лучшие общественные силы.

И мы, ваши друзья, дорогой Василий Георгиевич, вполне понимая, что один человек, хотя бы самых лучших намерений, не может успешно работать (да еще при столь небывалых, трудных условиях), не имея рядом с собой умных и добросовестных сотрудников,--горячо желали бы видеть вас в среде тех, кто борется там, на месте, за счастье и свободу родины нашей.

Ваше присутствие там, ваше участие в общих усилиях послужило бы ярким примером великодушия и самоотверженного служения интересам нашего исстрадавшегося народа. И если вы, ис...танный борец за свободу и правду, выразите согласие на совместную работу с Николаем Васильевичем Чайковским и со мною— мы будем очень тому рады и будем сообща принимать меры помощи нашей русской армии, борющейся против иноземных и изменнических сил большевиков. Было бы очень важно иметь ваш подробный ответ, и как можно скорее, на наши письма, дорогой и глубокоуважаемый Василий Георгиевич.

Из Парижа я рассчитываю выехать в конце июля и побывать в Богемии, в Праге. Оттуда к Черному морю и пристану в Новороссийске. Побывав на юге, подымусь к Уралу и везде буду стараться налаживать детские колонии, где бы наши бесчисленные сироты могли учиться труду и разуму.

Россия в таком виде, что все роды и виды работ и помощи являются насущной необходимостью нашему народу. А воспитание молодого поколения—есть спасение будущего нашего отечества. Иначе... ах, вы сами отлично понимаете, что грозит родине, оставленной в руках большевистской школы.

Где-то вы теперь? Если среди ваших родных—передайте им мой дружеский привет. Вас позвольте крепко обнять и пожелать здоровья, бодрости и веры в собственные силы.

Екатерина Брешковская».

253) Переписка, вызванная этой телеграммой, опубликована в прим. № 256.

254) Эти «слухи» были не без основания. Приблизительно в это время прибыла к Колчаку деникинская делегация, привезшая с собой материалы в доказательство, что на юге идет действительно государственное строительство в общероссийском масштабе. Эти материалы убедили Колчака, что он окружен убогими людьми. Тогда именно он возымел намерение отказаться от прерогатив «верховного правителя» в пользу Деникина, но от этого шага удержали Колчака сибирские политиканы. Впоследствии, как известно, Колчак передал «власть» Деникину.

255) Следует заметить, что Болдырев, склонный пойти на службу к Колчаку, если его позовут, поддерживал оживленную переписку с учредиловцами. Не удивительно, с другой стороны, если «штаб Колчака» считал его опасным.

256) Слишком скупо и в крайне скромных тонах излагает Болдырев эту «авантюру», для участия в которой он от поездки, «конечно, отказался».

Дело в том, что эсеро-областники задумали в октябре совершить переворот. Для этой цели они решили использовать изгнанного Болдырева и опального Гайду. Вначале эсеро-областники хотели на роль «корсиканца» выдвинуть Гайду. Затем передумали и остановились на Болдыреве.

В ответ на записку, которую послал Болдырев по получении телеграммы, Павлович и Якушев отправили Болдыреву следующие письма (оригиналы хранятся в Сиб-архиве):

«25|IX—19.

Дорогой Василий Георгиевич!

Ваш ответ на нашу телеграмму получен. Постараюсь вкратце ответить на ваши вопросы.

Грамата И. А. Якушева, при сем прилагаемая, явилась результатом ряда совещаний с ответственными представителями земско-городских об'единений. Позднее к платформе, выдвинутой Граматой, примкнули и кооперативы. Ко времени издания Граматы в общественности наметилось три течения: 1)—главным образом, в Омске вокруг государственно-экономического совещания, стоявшее за «парламентский» метод борьбы в пользу ответственного министерства при сохранении «диктатуры» Колчака, 2)—Сибирский к-т членов Учредительного Собрания, составленный из, так называемых, «эсеров-активистов», отколовшихся от официальной партии с.-р. Это течение видит исход в немедленном созыве Сибирского Учредительного Собрания, а до него в создании Временного Правительства, ответственного перед к-том Учредительного Собрания, по образцу самарского Комуча. Наконец, 3-е течение, средоточием которого являются земские и городские самоуправления и их об'единения, заняло позицию, характеризуемую резолюцией Иркутского Губ. Земства (при сем прилагаемой). Грамата явилась политической платформой этого течения. Изданная первоначально инициативной группой, она затем получила признание совещания представителей земских и кооперативных организаций. В настоящее время с уверенностью можно сказать, что течение в пользу созыва Земского Собора с задачами, указанными в Грамате, является *господствующим* в Сибири. На 1-е октября главным к-том Сибземгора назначен с'езд представителей земств и городов в Иркутске. Этот с'езд, пополненный представителями казачьих и национальных самоуправлений, должен б. - дет составить Земский Собор. Необходимость создать для Сибири надлежащую обстановку и известную силовую поддержку вызвала образование к-та содействия созыва Земского Собора, в состав которого входят представители общественных (земских и кооперативных) организаций и представитель Ц. бюро сибирских военных организаций. Этот комитет действует полулегально и приступает к изданию большой газеты во Владивостоке.

Неопределенность положения на фронте и неустойчивость позиции Омского правительства выдвигала неизбежно вопрос о необходимости решительных действий *до созыва Собора*. Эти действия мыслились во Владивостоке и одновременно по линии от Н.-Удинска до Тайшета. На этот случай совещанием общественных организаций была выдвинута в качестве временной, до Земск. Собора, власти группировка из пяти лиц. В связи с этим вам была послана телеграмма о немедленном приезде.

Грамата адм. Колчака, некоторые колебания союзных представителей (Франции и Англии), неполная готовность военных организаций сделали необходимой отсрочку решительных действий и переносят центр внимания на с'езд, собирающийся в Иркутске.

Обстановка складывается весьма благоприятная, движение в пользу ответственного правительства, выдвинутого Земским Собором, крепнет с каждым днем.

Обстановка, однако, побуждает нас торопиться. Движение начинает все более и более захватывать широкие массы. Рабочие профессиональные организации, относившиеся первоначально пассивно-сочувственно к нашему движению, партийные организации, относившиеся даже индифферентно, теперь начинают все более и более «раскачиваться». Дать «раскачаться» широкому массовому движению при нынешних условиях крайне опасно. Необходимо действовать, пока нити еще в наших руках.

Приезжайте, ваше присутствие здесь необходимо.

Ваш М. Н. Павловский».

«Многоуважаемый Василий Георгиевич!

В письме Михаила Наумовича Павловского вы найдете ответ на ваши вопросы. Я очень жалею, что не могу лично осветить положение вещей в полной мере, но одно ясно, что движение, которое сейчас развивается, носит органический и национальный характер. Оно опирается и питается от органов местного самоуправления. Необходимо спешить оформить это движение и дать ему возможность выявить свою активную силу. Эта сила—созидающая, творческая. Ваше присутствие здесь крайне необходимо. Это же думает ген. Гайда, который ваш приезд сюда ждет со дня на день.

25 сентября 1919 г. Уважающий вас Ив. Якушев»

На эти письма Болдырев написал следующие ответы:

«Япония. 5/X-19

Глубокоуважаемый

М. Н.!

Крайне признателен вам за ваше письмо, поставившее меня в курсе дел в Сибири.

Платформа, выраженная Граматой, является для меня вполне приемлемой, и отвечает тем идеям, которые, по моему глубокому разумению, крайне необходимы для выхода из того тяжелого положения, которое создалось в Сибири.

К великому огорчению—вопрос о моем приезде несколько сложнее, чем это может казаться: я чрезвычайно ревниво опекаюсь и отечественным и иностранным вниманием, и открытая моя поездка, несомненно, не только поднимет шум, но и может повредить работе в Сибири.

Нелегальное же появление, не говоря о трудности такового, нахожу для себя и по политическим и по другим соображениям неудобным. Я считаю, что сохранение моего авторитета, особенно среди армии, требует, чтобы мое появление в Сибири было не результатом какого-либо личного искательства, а как подчинение определенно выраженной воли народной со стороны человека, безгранично верного демократическим принципам, а равно и принятым на себя в Уфе политическим обязательствам. Эту точку зрения разделяют и мои здешние политические друзья и представители хозяев страны, где я теперь живу, и с которыми мне приходится беседовать. Кроме того, я считаю весьма важным, в соответствии с ходом дела в Сибири установить здесь полезные для дела отношения, особенно на первое, несомненно трудное время. Экономическим вопросам, которыми здесь стали интересоваться даже и в военных кругах, я придаю особенное значение; без правильного разрешения таковых государственное строительство, по-моему, безнадежно, трудно. Определенно пытаюсь установить необходимую точку зрения и на атаманский вопрос, в смысле содействия его нейтрализации в ходе событий. Во всяком случае я в полной готовности к работе по первому зову того представительства сибирского населения, которое берет на себя великую задачу восстановления родины и родной Сибири. Считаю необходимым сообщить, что здешние хозяева сочувственно относятся к движению в Сибири и просят настойчиво установить самую тесную связь их представителя во Владивостоке с кем-либо из представителей сибирской общественности, я в этом отношении принял меры.

Передайте содержание моего письма Якушеву и генералу*).

В. Б.»

«5/X-1919

Глуб. Ив. Александр.!

Очень рад был получить ваше любезное письмо и очень сожалею, что раньше не имел удовольствия лично с вами встретиться и беседовать.

Письмо Мих. Наум. Павловскому и содержание приложений совершенно удовлетворило и с точки зрения принципиальной.

В ответ М. Н. я, изложив некоторые мои соображения и высказав причины, по которым в значительной степени затруднен мой приезд до выяснения результатов с'езда, просил его передать содержание своего письма вам и генералу. Душевно желаю успеха.

Ув. вас В. Б».

На письма Болдырева последовал такой ответ:

11/X—19 г.
Владивосток.

Глубокоуважаемый генерал!

Ваше письмо от 5/X с. г. я получил, а также я ознакомился с содержанием вашего письма на имя Мих. Наум. Разумеется, ваши соображения, изложенные в этом письме, имеют свои raison d'etre, но все же окончательно я не решусь высказать свое мнение. Это будет зависеть от хода событий и их развертывания.

---

*«Генерал»—это Гайда.

Во всяком случае ваше присутствие в Токио менее может быть полезным нашему движению, чем ваше присутствие здесь.

Относительно «хозяев страны» и их желания связаться с нами, мы уже вам телеграфировали. Но нас определенно не удовлетворяет позиция их доверителей здесь. Общая ориентация их чрезвычайно неопределенна; в одно и то же время они ведут переговоры с нами, омскими и читинскими фирмами. Есть некоторое опасение, что они серьезно связаны с читинской и хабаровской фирмой. Главный директор их—г. К. выехал в Омск, не повидавшись с нами.

Необходимо нейтрализовать влияния.

Всего лучшего
уважающий вас Ив. Якушев

П. С. Посылаю вам первый № «Воли», изданной примыкающей к нам группой.

Из этой переписки видно, что Болдырев далеко не склонен был в то время расценивать этот инцидент, как авантюру. Он отнесся к ней серьезно. Его не смутило даже участие Гайды в этом деле. Болдырев поторопился связать отечественных авантюристов с враждебными Колчаку «верхами Японии», которые тоже не отнеслись равнодушно к этой авантюре. Вскоре Иганаки, председатель междусоюзной комиссии военных представителей, обратился к колчаковскому командованию с требованием о немедленном выводе из Владивостокской крепости русских отрядов под тем, видите ли, предлогом, что эти отряды бесчинствуют, устраивают беспорядки и наводят страх на население. Японцы, как видим, старались заблаговременно подготовить заговорщикам базу для военных действий.

Торопил Болдырева и Якушев, который намекал, что массы «раскачиваются». «Дать раскачаться» широкому массовому движению при нынешних условиях крайне опасно»,—поучает Якушев Болдырева. А решительный отважный Болдырев ждет, рисковать не хочет.

Дело с выводом войск из Владивостокской крепости не выгорело, ибо на этот раз Колчак дал несвойственный ему решительный отпор притязаниям председателя межсоюзной комиссии. Вся история чуть было не приняла характер грозного конфликта между Колчаком и союзными державами. Этого Иганаки не предвидел. Чтобы избежать конфликта, Иганаки поторопился дать отбой.

Но и о самом заговоре было осведомлено колчаковское правительство, от имени которого Гинс дал даже предупреждение заговорщикам в виде интервью, напечатанного в газетах. Да и как было колчаковцам не узнать о готовящемся перевороте, раз к этому перевороту были причастны лица, стоящие вокруг государственного экономического совещания, председателем которого был никто иной, как Гинс. Так конспирировали эти переворотчики.

Отголоском этого заговора служит вспыхнувшее впоследствии восстание Гайды во Владивостоке, которое, как это ни странно, было подавлено при помощи японцев.

«Эсерами-активистами», о которых упоминает в своем письме Павловский, называлась в Сибири та незначительная группа эсеров, которая порвала с официальной эсеровской партией и образовала «Сибирский Союз с. р.» (см. прим. № 290).

Что же «касается сибирских военных организаций, о которых также упоминает Павловский, то это те организации, которые сформировал капитан Калашников (см. примечание № 272).

257) Опущены слова: «Заработал не менее 50 миллионов рублей».

258) Вместо «спасителем» в дневнике сказано «авантюристом».

259) Вот точный текст этой телеграммы с полными адресами: «Иркутск. Председателю Совета министров. Копия всем политическим комиссарам союзных держав. Копия Владивосток генералу Розанову.

Связи настоящим положением Сибири желая посильно помочь Родине считаю патриотическим долгом немедленный приезд Сибирь целью изложить свои соображения Правительству и общественным организациям точка Неимении препятствия прошу срочного ответа через Всероссийское Посольство точка 22 ноября 1919

генерал Болдырев».

260) *Н. Огановский*—правый эсер, в Колчаковии занимался исключительно научной работой.

261) Восстание Гайды подготовлялось эсеро-областниками (примечание 256). Японцы оказали Розанову большую поддержку, а потому «слегка помогали»—сказано слишком скромно. Отдельные японские части действовали огнем. Японский крейсер освещал своим прожектором вокзал, в котором засели повстанцы, чтобы облегчить Розанову наступление. Японцы, правда, ненавидели Колчака, но Гайда по многим причинам был для них еще менее приемлем, а этого обстоятельства не учли областники, остановившиеся на Гайде после того, как Болдырев решил выжидать события в Токио.

262) Никто еще не разбежался. Все только чувствовали, что надо готовиться к побегу, и в первую очередь это понял Вологодский. На переформирование министерства Колчак вынужден был согласиться под грозным давлением властолюбивого Пепеляева, вдруг ставшего «демократом» и желавшего чем-то вроде представительного учреждения спасти положение и себя.

263) Вот текст этого меморандума:

«Невыносимое состояние, в котором находится чехо-словацкая армия, заставляет нас обратиться к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехословацкая армия могла-бы обеспечить себе собственную безопасность и свободный возврат на родину, вопрос о котором был решен при согласии всех союзных держав.

Чехо-словацкая армия была готова охранять железную дорогу и сообщение на вверенном ей участке и эту задачу добросовестно исполняла.

Но ныне пребывание чехо-словацкого войска на магистрали и ее охрана становятся невозможными в виду совершенной бесцельности и на основании примитивнейших требований справедливости и человечности. Охраняя железную дорогу и поддерживая порядок в стране, чехо-словацкая армия вынуждена против своего убеждения содействовать и поддерживать то состояние полного произвола и беззаконности, которое здесь воцарилось.

Под защитой чехо-словацких штыков местные военные русские органы позволяют себе такие дела, от которых весь цивилизованный мир придет в ужас. Выжигание деревень, убийства русских мирных граждан целыми сотнями, расстрел без суда людей исключительно только по подозрению в политической нелойяльности—составляют обычное явление, а ответственность за все это перед судом народов целого света падает на нас за то, что мы, располагая военною силою, не воспрепятствовали этому бесправию.

Эта наша пассивность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и невмешательства в русские внутренние дела, и она же является причиной того, что мы, соблюдая безусловную лойяльность, становимся против своей воли участниками преступлений. Сообщая это представителям союзнических держав, которым чехо-словацкий народ и войско были, есть и будут всегда верными союзниками, считаем необходимым постараться всеми средствами поставить народы всего мира в известность, в сколь морально трагическом положении очутилась чехо-словацкая армия, и каковы причины этого.

Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как немедленное возвращение домой из этой области, которая нам была вверена для охраны, и чтобы до осуществления возврата нам была дана возможность прекратить бесправия и преступления, с какой бы стороны они не происходили.

Богдан Павлу. Доктор Гирс».

Этот меморандум был, понятно, сплошным лицемерием. Стиснутые Красной армией и предвидя, что им придется держать ответ за все содеянные преступления, мерзости и грабежи, чехо-словаки поторопились изящным жестом свалить все на Колчака.

В ответ на этот меморандум Колчак из своего поезда послал Пепеляеву телеграмму, в которой приказал прекратить всякие сношения с «интриганами» чехо-словаками и «войти со срочным представлением через Сазонова к чешским и союзным правительствам с предложением отозвать названных лиц из России, с заменой их другими, могущими вести себя более прилично».

Жанен ответил: «ввиду недопустимого тона телеграммы Колчака, он отказывается дать ей ход».

Телеграмма Колчака стала, конечно, известна чехам, которые начали вредить Колчаку, подолгу задерживая его поезда на станциях железнодорожной линии, которую они охраняли. На одной из станций Колчак потребовал, чтобы к нему явился чешский комендант для об'яснения, почему так долго не подают паровоза. Комендант велел Колчаку передать: «Среди нас нет людей, умеющих себя прилично держать. Пусть адмирал ждет, пока пришлют приличных людей».

264) Гривин, во время отступления всей армии, после поражения у Тобола, получил от Войцеховского боевой приказ задержать корпус и дать красным отпор. Гривин отказался, заявив, что поведет свои полки прямо в Иркутск. На предложение Войцеховского сдать командование корпусом, Гривин также ответил отказом. Тогда Войцеховский выстрелом из револьвера убил его.

265) До сей поры, да и навряд-ли когда удастся подсчитать точную сумму стоимости того разнообразного добра, которое чехи вывезли из Сибири. А что сумма эта внушительная, видно хотя бы из того факта, что чехи, нищими прибывшие в Россию, по возвращении к себе на родину немедленно организовали, так называемый, «банк чехо-словацких легионеров», который считается в Чехии одним из крупнейших банков.

266) *Ауслендер, Сергей*—журналист, восхвалявший Колчака и его сподвижников. Ныне Ауслендер раскаялся.

267) Опущены следующие слова:

— Почему наша революция не родила подобного гимна?.

— Да в сущности потому, что революция одна для всего мира. На долю Франции выпала честь породить гимн революции и всякий другой был бы излишним повторением,—ответил мне Шалфеев.

— Мысль верная, но есть и другая причина. Так трудно создать музыку лучшую, чем наш старый гимн, воплощавший идею монархии. Он полон величия и силы, как Марсельеза—вся огонь и вдохновение. Говорят, что в Москве были попытки конкурса на создание гимна—они не увенчались успехом. Взяли «Интернационал», но он в каждой стране звучит по-разному—это дань живущему еще в народе чувству национализма. Мировое братство, если ему суждено осуществиться, создаст и свой гимн великого об'единения.

268) «Инструкторская школа» — та школа, которую организовал Нокс. (См. прим. № 77).

269) Болдырев имеет в виду то «государственное экономическое совещание», которое было созвано Колчаком для того, чтобы создать в Сибири хотя бы видимость „народного представительства», как козырь для борьбы с областническими тенденциями.

270) Власть действительно была передана (см. прим. № 36).

271) Пропуск: «Он просил визу во Францию. Когда спросили, есть ли у него деньги, сказал, что есть 2 миллиона. Французы будто потребовали 4-х поручителей. Говорят также, что пьет».

272) Не Колесников, а Н. С. Калашников. В настояще время Калашников живет в Калифорнии. Он—бывший рабочий, слесарь красноярских железнодорожных мастерских, затем Иркутского депо. В 1905 году вступил в эсеровскую партию, был членом Северной Боевой Дружины и участвовал во многих террористических актах. Был несколько раз арестован, несколько раз совершал побеги. Жил в эмиграции. В начале войны был мобилизован, направлен в учебную команду, оттуда в военное училище, а затем в 1916 г. в чине прапорщика отправлен на войну.

Находясь на военной службе, он вел среди солдат революционную агитацию. Вскоре его прикомандировали к штабу Иркутского военного округа. Здесь, в Иркутске, он в декабре 1917 года принял участие в юнкерском восстании против большевиков. После разгона Сибирской Областной Думы участвовал в подпольных эсеровских организациях. Когда в Сибири власть взяли белые, то Гришин-Алмазов прикомандировал Калашникова к себе, давая ему для выполнения чрезвычайно секретные поручения.

Калашников является главным организатором антиколчаковских военных кружков, которые состояли из эсеро-областнических офицеров и вообще офицеров, крайне удрученных поражениями армии, а потому и оппозиционно настроенных по отношению к носителю власти.

Ядро этих организаций находилось в армиях Гайды и Пепеляева. Эти организации имели даже две конференции. На второй конференции обсуждался, между прочим, вопрос о том, чтобы открыть фронт для беспрепятственного пропуска в Сибирь советских войск, но большинство высказалось против этого предложения, и оно было отвергнуто. Калашников никогда не считался с партийными эсеровскими авторитетами. Из эсеровской партии Калашников неоднократно исключался и вновь принимался.

273) Пропуск: «Даже один из его протоиереев из японцев, посланный за сбором в Семеновское царство, в действительности ездил по поручению какой-то японской фирмы. «Я его журил,—заметил владыка,—а он мне в ответ: так вы против Семенова, друга Японии, значит, вы и против Японии, а еще японский епископ»

274) «М-ц» —это *Монкевиц*, он жил долго в Германии, где вел монархическую агитацию.

275) Опущено слово «чех».

276) См. примечание № 36.

277) Автор имеет в виду ту решительность, с которой Розанов отверг распоряжение Иганаки о выводе русских войск из Владивостокской крепости (см. примечание № 257).

278) Уже тогда стало известно, что Колчак передал военную власть Семенову. Многие военные части, за исключением тех, которые сразу ориентировались на земство, не хотели, поэтому, более подчиняться Розанову, тем более, что Семенов сам сделал реверанс в сторону сотрудничества с общественными организациями.

279) Некоторые военные части, как, например, приморский кавалерийский полк, силой забравший своих офицеров, ушли еще до 25 января в сопки, к партизанам. Сознавая опасность положения, Розанов подписал приказ о полнейшей амнистии всех солдат, ушедших к партизанам, если только они добровольно вернутся в ряды армии.

280) Подполковник, известный колчаковский каратель.

281) Газета Дальневосточной группы кадетской партии.

282) Афанасьев и Меньщиков, арестованные во время попытки земства захватить власть, заявили Розанову, что они готовы официально известить население о своей несолидарности с линией поведения бунтовавших воинских частей и о нежелании земства принимать власть. Оба были выпущены и вскоре на улицах появилось их заявление, составленное, правда, в довольно туманных выражениях.

283) *Шевченко Гаврило*—виднейший командир приморских партизанских отрядов, обладает крупными военными дарованиями, «виртуоз»,—как говорят—«в применении партизанских методов борьбы с белогвардейцами и японцами». Японское командование об'явило награду тому, кто доставит голову Шевченко.

284) Видный Дальневосточный коммунист.

285) Опущено: «Меня не приглашают в земство. Видимо» и т. д.

286) Ооий, действительно, обещал Розанову поддержку. «Займите позиции, сзади будут стоять японские части, обеспечивающие от возможного окружения повстанцами»—так, по словам начальника штаба приамурского округа, Н. Антоновича, Ооий сказал Розанову.

Если японцы не выступили, так это произошло потому, что при скрытом участии американцев, что впрочем, для японцев не было секретом, розановская власть была неожиданно и быстро ликвидирована.

287) В дневнике записано: «Рассеять его недовольство (конечно, в среде коммунистов)».

288) Опущены слова: «Конечно, страшновато за него» (имущество).

289) По настоянию автора, многоточиями заменены слова: «мерзавцами», «негодяем».

290) «Сибирские эсеры—это те, которые порвали с официальной эсеровской партией и образовали «Сибирский Союз Соц. Рев.». В своей декларации Союз обещал: «Поддерживать Ком. Член. Учред. Собрания в его стремлении немедленно после свержения Колчака, не откладывая, начать выборы в Сибирское Учредит. Собрание». Отказываясь следовать постановлениям официальной эсеровской партии, Союз требовал от своих членов активного участия в политической борьбе и декларировал, что будет содействовать большевикам скорее свергнуть диктатуру Колчака. В своей декларации Союз заявил даже, что «лучше прервать выборы в Сибирское Учреди-

тельное Собрание, в случае решения народа признать советскую власть, чем медлить и тянуть с правильным устройством народной жизни теперь, когда всеобщая разруха и разлад измучили и измотали весь народ». Во главе этого Союза стоял Павел Михайлов, известный, как один из главных руководителей сибирских подпольных организаций, сформировавшихся в 1918 г. для борьбы с Советами. Михайлов был членом Западно-Сибирского Комиссариата, затем недолгое время был министром во Временном Сибирском Правительстве. Михайлов был в числе тех 31 арестованных, которых колчаковцы вывезли на пароходе на средину Байкала, убили, а затем бросили в воду.

291) Это дети—«дети петроградской бедноты» (см. прим. № 54).

292) Купец бессовестно лгал. Ни одного из не внесших контрибуции в Томске не расстреляли.

293) Опущены слова: «Видимо, и в устах Колчака, Деникина и Семенова лозунг этот («единая, неделимая») звучал ложью и не имел доступа к народной душе».

294) *Тряпицын, Я.*—анархист, в 1920 г. руководил партизанским отрядом, который занял город Николаевск на-Амуре. После того, как японцы и белогвардейцы выступили с оружием в руках, чтобы свергнуть советскую власть, Тряпицын расправился с повстанцами. Эта расправа Тряпицына и послужила для японцев поводом, чтобы совершить свое выступление 4-6 апреля, о котором речь будет дальше в тексте книги.

Когда в Николаевск пришли регулярные советские войска, то Тряпицын и его ближайшие сотрудники (Нина Лебедева-Кияшко и др.) были преданы суду, который вынес им смертный приговор, приведенный в исполнение.

295) Вместо слов: «Они знают, чего хотят»,—в дневнике записано: «У меня осталось ощущение какого-то недовольства собой, как будто я говорил больше, чем надо, и был более искренен, чем, может быть, следовало бы. Но такова моя натура. Эти люди мне как-то ближе нашей мычащей бюрократии, в них чувствуется воля к борьбе».

296) Автор имеет в виду тот несуществовавший в Нижнем Новгороде «Всероссийский Крестьянский Союз», который был сфабрикован для одурачения крестьянских и рабочих масс на страницах читинской семеновской газеты «Забайкальская Новь» в номере от 10 марта 1920 г. В этом номере опубликовано нижеприводимое воззвание, которое, полагаем, не нуждается в пояснениях:

«Мы, представители крестьян всей России, собравшиеся на с'езде в числе 392 депутатов, постановили:

1) Мы знаем, что в России вся разруха идет исключительно оттого, что власть находится не в русских руках, и большевики вводят нам коммуну, а крестьяне никогда не будут коммунистами; кадеты—представители помещиков и капиталистов, социалисты-революционеры—представители спекулянтов, а про остальных и говорить не приходится.

2) Мы считаем, что хотя большевики и называют свою власть рабочей и крестьянской, но мы знаем, что там нет ни одного крестьянина, почему она и не может называться так, для обмана темного народа.

3) Мы считаем, что власть должна быть только крестьянская, и только она может успокоить Россию, а потому избираем всероссийское крестьянское правительство, которому и приказываем приступить к немедленной работе.

4) В состав всероссийского крестьянского правительства должны входить только крестьяне и никого больше.

5) Под именем крестьян считаем всех крестьян, казаков, бурят, татар, башкир и других, занимающихся сельским хозяйством, и их детей и внуков.

6) Всем офицерам и солдатам приказываем служить только всероссийскому крестьянскому правительству.

7) Всероссийскому крестьянскому правительству немедленно войти в связь со всеми борющимися против большевиков правительствами и подчинить их всероссийскому крестьянскому правительству для беспощадной борьбы с коммунистами.

8) Атамана Семенова, как сына казака, просить не только подчиниться всероссийскому крестьянскому правительству, но и предложить звание русского крестьянского диктатора, как защитника единой России и крестьянства.

9) Если атаман Семенов примет звание всероссийского диктатора, то всероссийское крестьянское правительство подчиняется ему и работает по его указаниям, впредь до созыва им всероссийского учредительного собрания.

10) Атаман Семенов может теперь же, не ожидая прибытия к нему членов всероссийского крестьянского правительства, составить временное всероссийское правительство, при условии, чтобы они были крестьяне или внуки и дети крестьян.

Председатель всероссийского
крестьянского с'езда Георгий Муромцев.
Секретарь с'езда Илья Королев.

Нижний-Новгород».

297) Опущены слова: «Да, хорошее наследство оставил Колчак».

298) События в Николаевске на-Амуре (см. прим. 307).

299) «Благоразумие» на этот раз действительно спасло положение, но оно не разрешило задачу, и напрасно Болдырев так категорически утверждает, что «свел на-нет попытку реакции захватить власть», ибо очень скоро реакция все-таки захватила власть. «Кроме благоразумия» следовало запастись и решительностью для борьбы с реакцией.

300) Полагаю,—что да. Болдырев того мнения, «что Япония сознательно шла на установление демократического буфера», т. е., либерально-торгашеского, при котором она могла бы удовлетворить свой хищнический завоевательский аппетит. Но в том-то и дело, что «верхи Японии» знали, в чьи руки неминуемо должен попасть Дальний Восток, а потому и хотели предупредить события. Японцы искали предлога для выступления, чтобы подольше задержаться на русской территории и иметь возможность подкрепить свои претензии на Сахалин. Для этого они и спровоцировали разгром Николаевска на-Амуре.

301) Урочище Анучино находится в 100 верстах от полотна железной дороги. После выступления чехов в 1918 году урочище Анучино стало укрытием всем бежавшим от преследования белобандитской власти и разных атаманов. Вот здесь-то, в Анучино и произошло формирование «красных партизанских отрядов Приморья».

В Анучино находился главный штаб партизанских отрядов, во главе с Гавр. Шевченко. После японского выступления 4-6 апреля в Анучино пришли красные войска, отступившие от Никольско-Уссурийска и г. Гродеково.

Партизанские отряды и прибывшие военные части были подчинены военному командованию, которое назначило в Анучино военного комиссара Якова Кокушкина. Партизаны недоверчиво относились к военному командованию, а потому крайне недружелюбно встречали бывших белых офицеров, которых к ним назначали на командные должности. Анучинцы желали видеть Приморье под советской властью, а потому все свои действия согласовали с Дальбюро ЦКРКП. Так как анучинцы были единственной верной и надежной опорой, то вполне понятно, что Дальбюро всячески старалось снабжать их вдоволь военными и другими припасами, порой даже в ущерб остальным военным частям, которые были слишком разжижены белыми и находились в подчинении высшего командования края. Отсюда ясно, что офицерство должно было коситься на анучинцев и пользоваться всяким случаем, чтобы вредить им. Чтобы восстановить партизан против Дальбюро, чиновники штаба главного командования систематически тормозили доставку пропитания для анучинцев.

302) Меры принимались (см. конец прим. № 318).

303) Эта авантюра была бы предупреждена, если бы совершенно не пропустили беженцев-белогвардейцев на территорию области.

304) Последняя фраза в дневнике была записана так: «Переборщили с портретами советских деятелей, портреты которых в виде иконостасов выставили перед трибуной».

305) «Ретвизан» в Цусимском бою участия не принимал. «Ретвизан» находился в Порт-Артуре с самого начала русско-японской войны и в первых же боях был выведен из строя. Перед сдачей Порт-Артура русские погопили «Ретвизан», но так неудачно, что японцы вскоре подняли его. привели в порядок и зачислили в свой военный флот, как боевую единицу.

306) Генерал Ооой был в это время главнокомандующим японскими экспедиционными войсками в Сибири.

307) Когда тряпицынские отряды вошли в Николаевск на Амуре, то они заключили перемирие с находившимся там японским гарнизоном. В городе находилось также значительное количество русских белогвардейцев. Японское командование взяло их под свое покровительство. Подстрекаемые японцами и получая от них поддержку вооружением и деньгами, белогвардейцы начали держать себя крайне вызывающе по отношению к отрядам, пришедшим установить советскую власть, вследствие чего город все время находился в напряженном состоянии. Чтобы успокоить население, Тряпицын созвал на 12 марта краевой с'езд. Но в ночь на 12 марта японцы без всякого повода, если не считать пред'явленное им требование о разоружении, которое не было удовлетворено, внезапно выступили и учинили побоище. Сам Тряпицын, сильно раненый, с трудом спасся из своего помещения, которое подожгли японцы.

Тряпицынские отряды отступили за город, где соорганизовались, и днем 12 марта сделали успешное контр-наступление на японцев. Отступая со своих позиций, японцы укрывались в здании японского консульства и оттуда стреляли в русских, не допуская к себе парламентеров для переговоров. В конце-концов японские войска были перебиты.

Тряпицын был настолько убежден в своей правоте и в правильности своих действий, что немедленно же принял все меры к созыву международной следственной комиссии для расследования событий в Николаевске-на-Амуре. Все указывало на то, что японцы сознательно провоцировали русских.

Выступлением 4-6 апреля японцы раскрыли свои карты. Характерно, что когда в конце апреля сошлись японские и русские делегаты для выработки соглашения, то японцы настаивали, чтобы вопрос об ответственности за события 4-6 апреля обсуждению не подвергался.

308) Эти «скрытые силы», которые «делали погоду», были, конечно, коммунисты. С точки зрения Болдырева, коммунисты, быть может и заслуживают упрек, но с нашей точки зрения, они поступали вполне правильно, ибо они свергли Розановщину для того, чтобы утвердить в области советскую, а не буржуазно-демократическую власть, на которую, как на переходящую ступень, они временно согласились. Исходя из этих соображений, вполне понятно, если в известных случаях коммунисты действовали «за спиной правительства». А так как положение этого демократического правительства было крайне ложное и неуверенное, то «скрытые силы» вполне правильно делали, если ликвидировали и увозили из областей то имущество, в котором нуждался тыл и которому угрожала опасность попасть в чужие руки. Что о намерениях и целях коммунистов «демократ» Болдырев не мог быть информирован в той мере и степени, как это ему желательно было бы, вполне понятно, но что коммунисты имели все основания с некоторой подозрительностью относиться к «демократическим членам» этого правительства—факт. Глава этого правительства, Медведев, связывался с представителями русских белых «правительств» и находился в переписке с Маклаковым, «российским послом в Париже». И вполне понятно, если при первом удобном случае коммунисты сняли Медведева с поста и заменили его коммунистом Никифоровым.

309) Буферная «Дальневосточная Республика», иначе называемая «ДВР», должна была сыграть роль «передышки» на пути продвижения советской власти к берегам Тихого океана. эту роль она сыграла. В 1923 г., как только японские войска очистили советскую территорию, ДВР ликвидировалась, установив по всей области советский образ правления.

310) См. примеч. №№ 294 и 307.

311) Уткин был убит при следующих обстоятельствах. В качестве представителя Приморского правительства, Уткин выехал на Иман для ведения переговоров с японцами о прекращении военных действий. Узнав, что сотник Коренев занимается на Имане грабежами, Уткин пригласил Коренева для об'яснения. Войдя в вагон, Коренев выстрелом из револьвера убил Уткина. Милиционер Когода хотел было задержать убийцу, но Коренев выстрелил во второй раз и уложил на месте милиционера.

312) См. примеч. № 301.

313) Как И. И. Циммерман попал в «демократическое» правительство—непонятно, ведь Циммерман—правый кадет, член биржевого комитета, а при Колчаке был даже комиссаром.

314) И здесь мы можем повторить только то, что по другому случаю сказали в примечании № 308. Цейтлин поступал вполне правильно, если в то время не считался с формальными постановлениями «демократ. правительства», а с реальной политикой, которую проводило Дальбюро.

315) Андогский вообще хотел нажить капитал на имуществе академии генерального штаба. Впоследствии, когда он при меркуловской власти занял пост городского головы Владивостока, то на казенный счет поехал в Японию, где закончил переговоры с японцами о продаже им ценнейшей библиотеки генерального штаба. Об этом, как о «выгодной покупке», одна японская газета и сообщила своим читателям. Переговоры о продаже библиотеки велись с согласия братьев Меркуловых и генерала Дитерихса. Когда Андогский возвращался во Владивосток, чтобы забрать библиотеку и отправить ее в Японию, то на пути настигла его «печальная весть», что библиотека находится уже в распоряжении штаба 5 Краснознаменной армии.

316) Опущен конец записи: «Медведев жалуется на Доманевского, который продолжает быть в трансе и сильно чудачит. На-днях его несколько помяли пьяные японские офицеры. Он теперь считает себя болгарским генералом и французским офицером. Ходит при всех орденах и ультимативно требует от французской военной миссии защиты его чести, как кавалера Legion d'honneur. Видимо, придется все-таки его немного полечить».

317) Болдырев остался верен себе. Он молчал, когда Авксентьев столкнулся с Вологодским. Он выжидает и теперь, когда «вновь затягивается ожесточенная борьба».

318) Когда во главе правительства стоял Медведев, то портфель военного министра находился в руках Краковецкого (теперь коммунист, тогда же эсерообластник). Болдырев держался в те дни с достоинством и, если принять во внимание, что с ним считались и японцы, то станет понятным почему Никифоров, сменивший Медведева, предложил портфель военного министра Болдыреву. Ему несомненно приходилось работать при крайне трудных условиях и чрезвычайно сложных обстоятельствах; разобраться в которых он не мог. Болдырев подчеркивает, что он вступил в правительство, руководясь соображением служить интересам «Родины и русского дела». Интересы же эти он понимал по-своему и вполне понятно, что не мог сработаться. Ведь каждому ясно, что это было бы преступлением в то тревожное время отправить себе в тыл такую большую контр-революционную армию, некогда шедшую под командой Каппеля. Будущее показало, что именно коммунисты были правы, так как те каппелевские части, которые осели на нашей территории,—создали впоследствии большие осложнения. Болдырев, чтобы поиграть на гуманных людских чувствах, говорит, что «жуткую картину» представляли «беженцы—старики, дети» и т. д. Не спорим, но факт тот (знать этого Болдырев не мог), что уже задолго до того, по распоряжению Дальбюро, работала негласная комиссия, которая отбирала тех, которые не представляли опасности, и отправляла их на родину. Среди отправляемых были и рядовые всех армий. Таких рядовых было не мало. Поставить же дело широко и реэвакуировать массами не только рядовых, но и враждебных советской власти офицеров, было нельзя. Это понял бы и Болдырев, если бы уже тогда «Родина» в его представлении была—«Советская Россия».

319) Опущен ответ Болдырева Андогскому: «Для этого ему (Кожевникову) надо приехать ко мне».

320) Вокруг газеты «Вечер» сгруппировались члены «Демократического союза» («Демсоюз»). Этот Союз, как в одном месте говорит Болдырев,—об'единял «лиц. не связанных никакой партийной дисциплиной» и «главным образом, беспартийные элементы, ставящие себе задачей борьбу с поднимавшей голову реакцией». А, между тем, под флагом этого «демократического» Союза прошел в Учредительное Собрание ДВР Знаменский—человек сомнительной демократичности, который в Учредительном Собрании находился на крайне правом фланге и который своими докладами о деятельности Учредительного Собрания восстановил против ДВР все буржуазно-либеральные группировки Владивостока, чем, конечно, играл и на руку реакции.

321) Вместо последней фразы в дневнике записано: «Валюта на дорогу, видимо, сильно заняла Андогского, и он решил туда поехать».

322) Осевшие каппелевцы, конечно, начали готовиться к перевороту и, понятно, что они должны были враждебно относиться к Болдыреву, которого вообще считали демократом и которого, поэтому, опасались.

323) Правые группировки упорно называли Учредительное Собрание ДВР «читинским», подчеркивая этим свое желание рассматривать буфер, как такое государственное областническое образование, которое автономно и в своих действиях совершенно независимо от остальной советской России.

324) Опущены слова, с которыми Сахаров набросился на Кустова: «Тебе кто позволил сюда притти, мерзавец? Вывести его»!

325) Опущены слова: «Познакомился в редакции с адъютантом Молчанова и Нач. Осв. Отдела армии. Дельные ребята. Привезли агитационные листки. На одном из них фигурирует Цейтлин с его угрозой» и т. д. Словом, по дневнику видно, что к этим листовкам имел некоторое близкое отношение и Демсоюз.

326) Опущена вся запись от 10 января. В этой записи читаем такое место: «Я имел неосторожность открыть свои карты в статье «Советский империализм», разрыв с большевиками наметился резко».

327) Опущены слова: «Конечно, применены все обычные обвинения в контрреволюции, ненависти к сов. России, услужении капиталу» и т. д.

328) Вместо последних слов в дневнике записано: «Советская стряпня, юные мальчики наделяются неограниченными правами».

329) Не все владивостокские депутаты поехали в Читу. Не поехал и Болдырев. По каким соображениям он не поехал—нам неизвестно. Забегая, однако, немного вперед, отметим, что после меркуловского «недоворота», о котором речь будет ниже, все владивостокские депутаты, как заподозренные в меркуловской авантюре, были исключены из состава членов Учредительного Собрания ДВР.

330) В дневнике слово «товарищ» иронически взято в кавычки. «Ф»—это некто Филиппов.

331) Этот «А»—Антонович, попал на восток вместе с академией генерального штаба, содействовал Розанову в захвате Владивостока.

332) Вместо слов «заметное утомление» в дневнике сказано: «Надоели и красные знамена, и лозунги, и гнусавое пение интернационала».

333) В связи с этим местом не лишним считаем для характеристики нерешительности Болдырева привести запись, сделанную дня через два (11 февраля), но опущенную в тексте книги: «Встал с тяжелым сознанием бестолково проведенных последних дней. Обстановка крайне сложна, выбрать наиболее соответствующий путь трудно. Владивосток—Чита; интервенция—интернационал». Так рассуждал Болдырев в те дни, когда носились «тревожные слухи» о готовящемся выступлении семеновцев.

334) См. прим. № 111.

335) Правительство «теряло почву», главным образом, потому, что дало осесть в области значительным белогвардейским силам, которые тем только и занимались, что подготавливали перевороты.

Финансовый крах и безработица тут ни при чем, тем более, что и эти «уязвимые места» были следствием большого скопления бездельников, людей неспособных к физическому труду, людей, которые всегда готовы были стать игрушкой в руках японцев.

336) Как в начале своей книги Болдырев восхвалял «демократизм» Директории, так теперь он это делает по отношению к Демсоюзу, но забывает, что если Демсоюз, как и Директория, имел «хороших ораторов», так зато у него не было почвы под ногами. Массы за ним не шли. Кого же союз думал облагодетельствовать своим демократизмом?

337) Утверждение голословное.

338) См. прим. № 296.

339) Болдырев действительно активного участия в меркуловском движении не принимал, но что он знал о готовящемся перевороте—это несомненно. Впрочем, кто из членов Демсоюза этого не знал?

340) Многоточием Болдырев заменил следующие слова из дневника: «Чай подают полковники, неизвестно, что—полковники за лакеев или лакеи возведены в полковники».

341) Опущены слова: «Социалистический блок опять яростно взялся за обработку крестьян, благо безмолвие правительства выбивает козыри из наших рук».

342) В оригинале сказано: «У Бострема заседал с харбинскими кооператорами».

Каков же был демократизм этого Демсоюза, когда члены его заседали с семеновцами?

343) Опущены слова: «Встретил А. И. Андогскую. Сетовала, почему я не беру власть и не приглашаю Андогского. Не удержалась сказать гадость, будто бы Сл. обо мне сказал: «Болдырев—выстреленный патрон».

344) Болдырев, умолчав о том, что Меркулов был у него дома, опустил следующую, довольно ярко характеризующую членов Демсоюза, запись дневника: «Вечером сидел в помещении Демсоюза. С Ф. Знаменский, «слегка навеселе», неистово громил кадет, в частности Кроля, и так извел своими репликами Бострема, что (тот) не выдержал и сказал, что он «в таком кабаке сидеть не намерен». Знаменский вскочил, (крикнул) «до свидания» и покинул собрание, при чем Б. сказал ему: «Генерал от демократии», а тот ответил «генерал от бюрократии». Глупо».

345) В дневнике вместо последних двух предложений сказано: «Впервые говорили (с Меркуловым) о необходимости возвращения (грузов) из полосы отчуждения, каких бы жертв это не стоило. Выяснили, что грузы продавать придется».

346) В дневнике сказано: «Скучная провинциальная речь».

347) Опущены слова: «От командира 2-го корпуса генерала Смолина, старообрядческого архиерея, старообрядческого старосты и Николаевской и Владивостокской городских дум. Весьма жидкие аплодисменты».

348) *Широкогоров* и *Оленин*—были в Народном Собрании лидерами монархической фракции.

349) Заметить должно, что в офицерской артели не было «рабочих, ранее бывших в союзе грузчиков». Эти «рабочие» были беженцы, единомышленники офицеров.

350) Опущены слова: «Недурно для армии Его Королевского Высочества».

351) В дневнике сказано: «Со стороны пьяного Савоськи». Всеволод Иванов—был вторым председателем «национального демсоюза». Человек продажный, большой хамелеон, заискивал у интервентов, околачивался в передних меркуловских правителей. За все эти доблести и получил прозвище «Савоськи».

352) Состав Народного Собрания представлял большую смесь представителей разных группировок. В состав Народного Собрания вошли 11 диких, 7 казаков, 11, так называемых, крестьян, 1 кадет, 4 эсера, 9 несоциалистов, 8 демсоюзцев и т. д. Все они образовали в Народном Собрании 4 основные группы: 1) блок несоциалистов—43 депутата, 2) Демсоюз с примыкающими—10 депутатов, 3) трудовая партия—7 депутатов и 4) эсеры с примыкающими—15 депутатов.

353) На этом завтраке, который состоялся в день Покрова, присутствовали, кроме перечисленных в тексте, генерал Молчанов и В. Иванов—Савоська. В этой благородной компании очутился «демократ» Болдырев. Как будто он не мог знать, что здесь будет властвовать настроение «монархически-хмельное», а не учредиловское. Текст книги очень скупо передает запись дневника. «Неистовствовал в своем слове Меркулов»,—читаем мы в дневнике. В то время, когда «пьяненький командир (Зеленцов) упрямо бурчал «за монархию»—Иванов-Савоська,—как отмечает Болдырев, «пропел одну из своих арий о старой императорской армии и бегал кругом стола, когда его начали ловить, чтобы покачать».

354) *Цейтлин, Роман Абрамович*—старый партийный работник, в 1905-1906 г. был членом северо-западного комитета РСДРП, участвовал в 1907 году на нашем партийном с'езде в Стокгольме; в 1909 г. сослан в Сибирь. Во время мировой войны Цейтлин жил в Харбине. Там же он энергично закреплял завоевания Февральской, а затем Октябрьской революции, а впоследствии, после падения колчаковщины, участвовал в образовании ДВР. Цейтлин, в качестве уполномоченного ДВР, находился во Владивостоке как раз во время меркуловского переворота. На квартиру врача Моисеенко, куда Цейтлин пришел повидаться с некоторыми политическими друзьями, явились трое военных, которые начали производить у него обыск по ордеру меркуловской контр-разведки. Во время обыска один из военных выстрелом из револьвера убил Цейтлина наповал.

355) В дневнике этот раут описан более красочно. «Закончилось все поздно ночью,—читаем мы в дневнике, выпито было преизрядно. Не обошлось и без скандала. Депутата Кожина побил какой-то казачий офицер. Напившийся японский профессор Хигучи считал почему-то своим долгом переругаться со всеми хозяевами и получил от старенького казачьего генерала отповедь на отборном «шекспировском» (?) языке.

Сошло — почтенный профессор, кончивший нашу киевскую духовную академию, «не понял» и продолжал всех уверять, что России больше нет и не будет, как нет старой римской империи. Мне почему-то ставил в вину стремление социализировать Японию и раздеть японок, как это делают русские дамы (?). Я ему ответил, что это ничего бы не прибавило к откровенности японок, так как они и теперь раздеты снизу до пояса. Лихо танцовали казачьи генералы, пели со слезой казаки и наши нарсобские «крестьяне». Одним словом, к 2-3 часам ночи об'единение было достигнуто, но ценой, думаю, не малой».

356) Последние две строки в дневнике записаны так: «Вот тебе и легенда о восстаниях на сибирской магистрали, о которых так старательно сообщают «услуживающие» власти из «Русского Края».

357) Никакие переговоры Цейтлин с каппелевцами не вел.

358) Последний отрывок, который в книге начинается словами «у меня имеется», в дневнике отсутствует. Вместо этого мы в дневнике находим следующие слова: «И в этом будет громадная трещина среди молодого поколения».

Словом, в дневнике выражен взгляд, противоположный тому, который находим в книге.

359) «Праздник», о котором говорит Болдырев, был отпразднован столь эффектно и красочно, что читатель, думаем, не посетует на нас, если восстановить всю запись дневника, тем более, что про академиков царского генерального штаба Болдырев в своей книге ничего почти не сказал.

«Праздник георгиевских кавалеров, праздник генерального штаба и академии». По немому соглашению в силу обстоятельств, сложившихся между начальником академии А. Андогским и конференцией, всякое торжество в самой академии признано излишним. Общий праздник устраивает правительство и командование. Я получил приглашение, как тов. предс. Народного Собрания. Волновался старик Б. М. Колюбакин. В этом почтенном профессоре столько честолюбия и страсти быть на виду у начальства! Долго обсуждал—не умалено ли его достоинство предоставлением ему билета в третьем ряду? Не мало пережито тревог из-за шпор и из-за ленты.

Утром был в церкви, жарко, людно и скучно, пели плохо. После парад принимал глава правительства С. Д. Меркулов и Вержбицкий. Я, конечно, был в стороне, и мой воротник штатского пальто и выпоротновая шапка вдохновили «Савоську» на очередной фельетон. У ограды церкви какой-то не социалист расправлялся с большевиком: «Было время—расстрелять меня хотел, а теперь, мерзавец, пришел на наше торжество, на нашу партию любоваться».

Недурно прошли взводы моряков, морских стрелков, сводный кавалерист и пехота, затем парадировали георгиевские кавалеры. Народу было очень много, преимущественно из сочувствующих новому порядку.

Поехал на автомобиле с Андрушкевичем в «Золотой Рог», где был приготовлен завтрак для георгиевских кавалеров и офицеров генерального штаба. Сидел рядом с Вержбицким, справа от меня старый болтун генерал Мандрыка. Говорил Спиридон (Меркулов) о «промысле божьем», говорил Вержбицкий. От имени офицеров генерального штаба отвечал «старейший» Б. М. Колюбакин. От имени академии А. И. Андогский оправдывался за «извилистый» изгиб академии к той же цели, куда идет и настоящее национальное правительство. В юбилейном номере «Русской Армии» его довольно холостая статья.

Выскочил с нелепой истерической речью полупьяненький Антонович и наскочил на скандал. В своей речи отлично знающий его И. И. Еремеев спросил: кто этот предыдущий оратор без погон, офицер-ли он? Антонович пытался об'ясниться и в конце-концов, повидимому, деликатно был выведен ген. Семеновым, выполнявшим роль выводного. Недурно для генерала генерального штаба.

Вержбицкий рьяно кричал, восстанавливая порядок среди охмелевших гостей. Во время моей речи о внимании к тем георгиевским кавалерам, кои рассеяны за пределами родины, какой-то пьяный полковник крикнул: «а ты жирный!» Вержбицкий грубо приказал ему убраться вон. «Слушаю, ваше высокопревосходительство!» Сочетание хама и холопа, таким образом, исчезло из-за стола.

Скоро уехал. У бывшего на завтраке минфина Лихоидова стащили шубу, стоющую 4000 рублей!

Так бывшие люди справляли свой военный праздник! «Так в ненастные дни занимались они... делом!»

360) Опущен следующий конец: «Здесь еще много «товарищеского» духа я обратил внимание на обращение ко мне. Слово «товарищ» исключено из обихода».

Смысл этих слов станет понятным, если заметим, что «общество народных чтений» (это видно из одной, опущенной в тексте книги, записи дневника) «до 26 мая (меркуловский переворот) находилось в плену у коммунистов", оставивших обществу в наследие «товарищеский дух», выправить который Болдырев и желал.

361) Опущена запись от 20 декабря, в которой находим такие строки: «В комиссию доложили бумажку с просьбой исходатайствовать у японцев «замки» для запирания дверей складов. В приложенной ведомости эти замки оказались замками к трехдюймовым орудиям. Не понимаю: наивность, глупость или провокация».

362) Точная запись последних двух строк такова: «Какой-то молодой человек Крымов, очевидец «советского рая», едет, видимо, по инициативе «Несос-с'езда» рассказывать населению области об этом «рае».

363) Последние строки записаны в дневнике так: «Меркулов выпил, сильно матерщинил, но все искупалось огромным темпераментом и волей к борьбе. Он неистово ругал совет несос-с'езда, Донченко, схватился с генералом Анисимовым, уговаривал меня бросить Демсоюз и помочь им на полном безлюдье. Возмущался претензиями Широкогорова на портфель министра иностранных дел и, видимо, был бы весьма не прочь предоставить его мне, но, к сожалению, я не имею к этому никакой охоты».

364) *Остроумов Б. В.*—инженер. Став управляющим КВЖД, он всячески противодействовал ее возвращению СССР. Остроумов нажил за время своего хозяйничанья на этой дороге большой капитал. После того, как дорогу передали СССР, обнаружилось, что Остроумов совершил ряд уголовных преступлений, вследствие чего китайские власти арестовали Остроумова и предали его суду.

Гондатти—бывший генерал-губернатор Приамурского края. Гондатти заведывал на КВЖД земельным отделом и был членом правления этой дороги. Будучи ближайшим сотрудником Остроумова, Гондатти принимал участие во всех его контрреволюционных и хищнических проделках. Гондатти также посажен китайскими властями в тюрьму.

365) Дайренская конференция, состоявшаяся в г. Дайрене в августе 1921 г., была первой русско-японской конференцией после нескольких лет интервенции и оккупации Дальнего Востока. Основной вопрос—эвакуацию японских войск из пределов Приморья, конференция не разрешила. Япония предъявила к Дальневосточной республике «17 требований», принятие которых означало бы превращение Дальнего Востока в «русскую Корею». Японское правительство добивалось на Дайренской конференции от Дальневосточной республики официального и формального подтверждения за Японией прав и преимуществ на Дальнем Востоке, как в экономическом, так и в военном отношениях. Кроме того, Япония стремилась продемонстрировать перед заседавшей в то время Вашингтонской конференцией свое искреннее намерение вывести войска из Приморья. Несмотря на то, что Дайренская конференция была сорвана японскими милитаристами на другой день после окончания Вашингтонской конференции и не смотря на то, что эта конференция не разрешила основного вопроса о выводе японских войск, все же она знаменовала собой скорый конец японской оккупации Дальнего Востока.

Чаньчунская русско-японская конференция происходила 4 сентября 1922 г. На этой конференции впервые принял официальное участие в переговорах с Японией представитель РСФСР. Чаньчунской конференции предшествовала декларация японского правительства о выводе японских войск из Приморья к 1-му ноября 1922 г. Экономическая депрессия, настроение определенных японских кругов, направленное против интервенции Сибири, а равно нажим Америки вынудили японское правительство приступить, наконец, к реэвакуации японских войск из Приморья. В Чаньчуне Япония не отказалась совершенно от политики нажима ради достижений особых преимуществ и привилегий, и поэтому чаньчунская конференция не установила вполне нормальных дружественных отношений между Советским союзом и Японией. Эти отношения установились значительно позднее.

366) Трудно согласиться с утверждением Болдырева, будто эти организации, членами которых было исключительно белогвардейское офицерство, «преследовали глав-

ным образом, экономические цели». Возможно, что среди этого офицерства находились и такие, конечно, немногочисленные лица, которые успели разочароваться в белом движении и даже в монархической идее, но рисовать дело так, будто эта офицерская масса вынуждена была «под угрозой репрессии» «дать своих представителей на национальный с'езд», значит—грешить против истины. «Национальный с'езд» занялся ведь мобилизацией сил для борьбы с соввластью, что несомненно составляло основу не только «союза георгиевских кавалеров», но, возможно, и «союза инвалидов».

367) Как только Дитерихс убрался во-свояси, над гостиницей «Золотой Рог» появился «бело-зеленый флаг». Из плаката, который был наклеен у входа в гостиницу, владивостокские жители могли узнать, что образовалось «правительство автономной Сибири», во главе которого стоят кооператор Сазонов и профессор Головачев. Это «правительство» образовал японский полковник Гоми с целью грабежа. Дело в том, что Гоми вывез из Хабаровска во Владивосток советское золото, конфискованное японцами.

Удирая из Владивостока, Дитерихс не успел вывезти этого золота. Его решил прикарманить Гоми. Именно ему Сазонов и Головачев передали это золото «в полную собственность» за 10 процентов вознаграждения. Получив вознаграждение, Сазонов и Головачев забыли про власть и как можно скорей убрались по добру по здорову, ибо к Владивостоку подходила под командой Уборевича 5-я Краснознаменская армия.

Ясное представление о том, что в дни Сазонова творилось во Владивостоке, дает следующий документ:

Главкому Н. Р. А. Дальневосточной Республики.
Копия консульскому корпусу во Владивостоке.
Копия японскому командованию во Владивостоке.

Центральный Стачечный комитет рабочих организаций гор. Владивостока и его окрестностей, обсудив 21-го сего октября в 11 часов дня вопрос о положении в гор. Владивостоке, доводит до вашего сведения следующее:

1) Под покровительством интервенции совершенно разграблено все народное имущество и погружено на суда; что не удалось увезти, то стараются привести в негодность.

В настоящее время белобандиты приступили к грабежу имущества отдельных учреждений: разграблены желдорожные склады на Первой речке и на Эгершельде.

В последнюю минуту идет расхищение желдорожного депо, не исключена возможность порчи оставшихся паровозов и проч. имущества.

2) Происходят нападения пьяных белобандитов на частные квартиры. Так, в ночь на 21 октября, в рабочей слободке вооруженными белобандитами булыжниками и прикладами повыбиты окна в домах, где живут рабочие.

3) Вооруженными группами производятся аресты и увод арестованных на суда, о судьбе которых добыть сведения не представляется возможным. Также делались попытки увода политических заключенных из тюрьмы.

4) В городе полное отсутствие власти. Происходят грабежи и насилия. В результате творящейся анархии, какая-то шайка, во главе с Сазоновым и комп., об'явила себя правительством, что еще в большей мере усиливает беспорядок и анархию в городе и дает возможность остаткам белобандитов творить суд и расправу над беззащитным населением.

Если такое положение продолжится еще несколько дней, то народное имущество в конец будет разорено и населению предстоят неисчислимые бедствия.

Стачечный комитет, доводя о настоящем до сведения, просит командующего Н. Р. А. защиты и восстановления порядка в городе Владивостоке.

М. П.

21 октября 1922 г.
гор. Владивосток.

Центральный стачечный комитет рабочих организаций
города Владивостока и его окрестностей.

Излагая события на Дальнем Востоке за 1920—1922 годы, Болдыреву приходилось касаться и роли, которую в этих событиях играли чехо-словаки, к сожалению, эта роль выявлена слабо. Болдырев говорит о чехо-словаках бегло, как бы мимоходом, а между тем в то время никто, как Болдырев, так близко не соприкасался с чехо-словаками. А отношения с чехо-словаками у Болдырева были самые лучшие. И в благодарность за такие отношения чехо-словаки 12 августа 1920 г. наградили Болдырева, как командующего Приморским Военным Округом, «чешско-словацким боевым крестом».

Получив награду, Болдырев 14 августа послал «командующему чехо-словацкими войсками на Дальнем Востоке», генералу Чечеку, следующее письмо:

«Ваше превосходительство
Уважаемый генерал!

12 Августа с. г. я имел честь быть награжденным высоким военным орденом, Чехо-Словацким боевым крестом. Эта высокая боевая награда, связывая меня с доблестной Чехо-Словацкой армией, прочно закрепит те узы дружбы, которые создались между мною и Чехо-Словацкими войсками.

Прошу вас, генерал, через господина Военного Министра выразить Господину Президенту Чехо-Словацкой Республики мою глубокую признательность за высокую оказанную мне честь.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

В. Г. Болдырев».

Уезжая на родину с богатствами, награбленными на Урале и в Сибири, командующий чехо-словацкими войсками послал 20 августа 1920 г. за № 17916 Болдыреву следующее письмо:

«Ваше превосходительство!

Покидая Владивосток со своим Штабом во вторник 24 августа на транспорте «Президент Грант», считаю своим долгом сердечно вас поблагодарить за вашу любезную поддержку, которую вы мне во время моего командования на Дальнем Востоке всегда оказывали.

Надеюсь, что дружеские и сердечные отношения, которые существовали между нами здесь, на Дальнем Востоке, будут поддерживаться и в будущем между нашими свободными странами; желаю вам полного успеха в вашей созидательной работе и пребываю в глубоком к вам уважении.

Генерал-Майор Чечек».

Оба эти письма написаны, понятно, общепринятым официальным стилем и, поэтому, останавливаться на содержании этих писем не имеет никакого смысла. Но две фразы этих писем как-то невольно обращают на себя внимание. Болдырев пишет: «между мною и Чехо-Словацкими Войсками», а Чечек подчеркивает: «между нашими свободными странами». Стоит сравнить эти две фразы, чтобы пред нами вырисовались во всей своей красе два «демократа-генерала, два патриота»: европейский и российский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

В. Вегман—В. Г. Болдырев и его воспоминания 5
От автора 15

ЧАСТЬ 1-я

Уфимская Директория—1918 г.

Глава I. Выход из тюрьмы. Политические настроения. «Национальный центр» и Союз «Возрождение России» 19
» II Самара. Комуч 28
» III. Антисоветские правительства Урала и Сибири 30
» IV. Уфимское Государственное Совещание 35
» V. Сентябрьские события в Омске 49
» V. Образование Директории 51
» VII. Первые шаги Директории. Назначение Верховного главнокомандующего. Положение на фронте 54
» VIII. Выбор столицы. Дорога. Приезд в Омск 63
» IX. Появление в Омске адмирала Колчака. Связь с Архангельском . 72
» X. Борьба с Административным Советом 76
» XI. Упразднение Областных Правительств 90
» XII. Прокламация ЦК эс-эров. Выходка Гайд 93
» XIII. Мой от'езд на фронт 103
» XIV. Обратно в Омск. Новая власть 116
» XV. Дорога. Владивосток. От'езд в Японию 121

ЧАСТЬ 2-я.

Год в Японии—1919 г.

» I. Японское море. Цуруга 133
» II. В Иокогаме. Первые впечатления. Новый год 136
» III. Токио. Встречи и знакомства. Храмы. Банкет по-японски. Музей Окура. Сиба-парк. Дом генерала Ноги. Борцы. У кадет и юнкеров. В войсках. Гинза. Бегуны. Парламент. Школа иностранных языков. Поездка в Никко Вишневый цвет. Свобода слова. Хаконе. Цветут азалии. Нагасаки. 141
» IV. В Камакуре. Кайгетцу. Мичи-сан. Поминальный танец. Тайфун. Туристки работницы. На рыбной ловле. 230
» V. Киото. Храмы. Школьники. Школа гейш. Джиджитсу. Озеро Бива. Поездка в Нару. Олени. Осака. Теннодж. Киотский рынок. Процессия Даймиев 252
VI. Опять в Токио. Рекламы Гинзы. Выставка хризантем. Японский вор. Поездка в Атами. В гостях у художника. Встречи и разговоры. Возвращение на родину 266

ЧАСТЬ 3-ья.

На Дальнем Востоке.—1920-1922 г. г.

Глава I. Высадка во Владивостоке. Последние дни правления генерала Розанова. Мой арест. 297

» II. Переворот 31 января. Правительство Приморской Областной Земской Управы. «Розовый» коммунизм 304

» III. Выступление японцев. Дни безвластия. Пост командующего войсками. Русско-японское соглашение 29 апреля. Милиция вместо армии. Внутренние трения. Расслоение вооруженной силы . . 331

» IV. Пост управляющего в 1920 морскими делами в кабинете Никифорова. Денежная реформа. Упразднение Военного совета. Ганготское соглашение 358

» V. Коалиционный кабинет. Первая попытка по об'единению Д. В. Оккупация Сахалина. Увод «Патрокла». Приезд генерала Дитерихса. Распад коалиционного кабинета. 365

» VI. Разгром Семенова в Забайкалье. Правительственная делегация в Читу. Очищение японцами Хабаровского района. Активность Амурского правительства 373

» VII. Образование Дальневосточной республики («ДВР»). Проникновение Каппелевской армии в Приморье. Моя отставка . . 378

» VIII. Правительство В. Г. Антонова. С'езд «несосов». Каппелевцы в морье. Дальневосточный Демократический союз . . . 3

» IX. Переворот 26 мая. Правительство Меркуловых. 418

» X. Первые дни Меркуловщины. «Киоду-мару». Второй с'езд несосов. Приморское народное собрание 425

» XI. Поездка в Хабаровск. Впечатления. Возобновление работ Народного собрания 463

» XII. Поездка в Пекин. Маршал Жоффр. Отношение Народного собрания и Меркуловых к участию большевиков в Генуэзской конференции. 467

» XIII. Борьба Меркуловых с Народным собранием. Неудавшееся «Coup d'etat» 475

» XIV. Приезд генерала Дитерихса. Воинствующий мистицизм. Земский Собор и земская рать. Походы воеводы. Разгром 482

» XV. Конец интервенции. «Пешее» правительство сибирских автономистов. Красная армия во Владивостоке 488

Приложения 491

Примечания 503

Перед прочтением книги просят исправить следующие существенные опечатки.

Страница	Строка	Напечатано:	Надо читать:
25	21 снизу	1917 г.	1918 г.
45	24 сверху	командированием	командованием
95	17 сверху	адвоката	дипломата
124	1 снизу	наша	ваша
125	9 сверху	его	ее
149	7 снизу	Щукина	Щекина
»	6 снизу	Щукин	Щекин
207	5 снизу	необходимых	пешеходных
227	2 снизу	ратующая	ратующая за
269	23 сверху	нашего	на нашего
270	21 сверху	извинился	извелся
272	13 сверху	паровозчика	паровозика
275	1 сверху	провинциальным	провиденциальным
278	1 снизу	расчетливо	расчетливого
283	12 сверху	много испытания	иного воспитания
324	18 сверху	над ее	ее над
334	11 сверху	заявил необходимости	заявил о необходимости
356	26 сверху	отношения	сношения
359	16 снизу	Маневетову	Мансветову
369	2 сверху	разрешит	разрешить
389	9 сверху	не учитывая	но учитывая
389	14 снизу	опросом	вопросом
391	20 сверху	сил его осуществления	сил для его осуществления
395	19 сверху	сознавая	сознавал
400	13 сверху	нас	вас
407	8 снизу	bue	que
413	1 снизу	большевствующими	большевиствующими
433	10 сверху	А с кем	А с мест
433	3 снизу	насколько	сколько
35	4 снизу	монополитым	монолитным
443	13 снизу	головной	горловой
448	5 сверху	эти	это
448	9 снизу	Видно	Бедно и
452	16 снизу	как роль	как и роль
452	9 снизу	серьезное	серьезнее
452	1 снизу	требования	требовать
455	8 и 9	insurges blauc's», d'emporter region. d'Ameur. Khabarovske	iusurgés blancs d'emporter, région d'Amour Khabarovsk
456	3 сверху	корпуса	круга
457	10 снизу	оружейными	ружейными
464	5 сверху	падение	нападение
468	18 снизу	troti	trot
470	3 снизу	assez favorable pour	assez favorable pour déranger le maréchal
—	1 снизу	Est	Et
—	1 снизу	gènèral	général
471	3 снизу	legetions	legations
472	12 сверху	strtpes	stripes

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
10001252519